

**INTERNATIONAL JOURNAL OF
MEDICINE AND PSYCHOLOGY /
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
МЕДИЦИНЫ И ПСИХОЛОГИИ**

2025, Том 8, № 7

Подписано к публикации: 17.10.2025

Главный редактор журнала
Боязитова Ирина Валерьевна, доктор психологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

- Агранович Надежда Владимировна** (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Азовцева Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – кандидат медицинских наук, доцент
Акбиева Зарема Солтанмуратовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Аль Замил Мустафа Кхалил М. Дауд (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, доцент
Аскерханов Гамид Рашидович (РФ, г. Махачкала) – доктор медицинских наук, профессор
Баев Валерий Михайлович (РФ, г. Пермь) – доктор медицинских наук, профессор
Берсенева Евгения Александровна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Боязитова Ирина Валерьевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор психологических наук, профессор
Васильев Андрей Глебович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гаджимурадова Зоя Магомедовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Гайдуков Сергей Николаевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гвозденко Татьяна Александровна (РФ, г. Владивосток) – доктор медицинских наук, профессор
Дергунов Анатолий Владимирович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Дерягина Лариса Евгеньевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Есина Елена Юрьевна (РФ, г. Воронеж) – доктор медицинских наук, профессор
Зеленский Владимир Александрович (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ольга Николаевна (РФ, г. Якутск) – доктор медицинских наук, профессор
Карлова Елена Владимировна (РФ, г. Самара) – доктор медицинских наук, профессор
Козлова Елена Михайловна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Корабельников Александр Иванович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Кудайбергенов Талгат Капаевич (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Куликова Наталья Геннадьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Леонова Елена Сергеевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ловцова Любовь Валерьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор фармацевтических наук, доцент
Локшин Вячеслав Нотанович (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Лоскутов Игорь Анатольевич (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Меских Елена Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Накохова Рида Рашидовна (РФ, г. Черкесск) – доктор психологических наук, профессор
Новопольцева Екатерина Геннадьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Овсяник Ольга Александровна (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
Пазухина Светлана Вячеславовна (РФ, г. Тула) – доктор психологических наук, доцент
Пантюхин Андрей Валерьевич (РФ, г. Смоленск) – доктор фармацевтических наук, доцент
Петрова Наталия Гурьевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Петрушкина Надежда Петровна (РФ, г. Челябинск) – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник
Прокопьев Николай Яковлевич (РФ, г. Тюмень) – доктор медицинских наук, профессор
Прошин Андрей Владимирович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Прошина Лидия Григорьевна (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Севрюков Федор Анатольевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Семенова Файзура Ореловна (РФ, г. Карачаевск) – доктор психологических наук, профессор
Скосарев Иван Александрович (Казахстан, г. Караганда) – доктор медицинских наук, профессор
Спирина Алена Вадимовна (РФ, г. Тюмень) – кандидат психологических наук, доцент
Тихомирова Галия Имамутдиновна (РФ, г. Ижевск) – доктор медицинских наук, доцент
Ткаченко Ирина Валериевна (РФ, г. Армавир) – доктор психологических наук, доцент
Федоров Андрей Алексеевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор медицинских наук, профессор
Хаджиева Зара Джамалеевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор фармацевтических наук, профессор
Ханидов Сергей Курбанович (РФ, г. Тула) – кандидат психологических наук, доцент
Хан Майя Алексеевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Пахеева Анжелика Амировна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Шабанов Петр Дмитриевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Шарабрин Евгений Георгиевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ястребова Елена Борисовна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор

«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»
включен в перечень ВАК с 04.02.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru) и в Международную базу данных Agris.

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-76101 от 24 июня 2019г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-3313 (online)

E-mail: ijmp-journal@yandex.ru

Сайт: <https://ijmp.ru>

DOI: 10.58224/2658-3313-2025-8-7

© International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии, 2025

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Халимова А.А., Яновер Ю.И.

Эволюция терапии акне на мировом и российском фармацевтическом рынке

8-14

Добренко О.В.

Методы предоперационного риск-скрининга на основе искусственного интеллекта с использованием анамнеза и лабораторных данных

15-23

Ковалева В.Н., Малеванный А.Е., Тауфик В-С.А.,

Красовская М.А., Мордвинцев Д.Ю.

Пептидные гидролизаты и качество жизни пациентов с мигренью: долгосрочные эффекты и перспективы улучшения (серия клинических случаев)

24-30

Папиева П.В.

Роль системного воспалительного ответа в патогенезе постковидного синдрома: молекулярные механизмы и клинические проявления

31-36

Ян Инчи, Линь Ихуа, Се Баосун, Лю Сяньян, Демихов Е.И.

Принципы системы обнаружения функции дыхания с использованием гибких датчиков и приложения

37-47

Рагимов Р.М., Абдуллаева Н.М., Тутунова Р.М., Магомедалиева Д.Г.

Влияние неправильного питания на формирование физиологических расстройств у молодого поколения

48-57

Лужковский В.В.

Моноклональные антитела в онкологии: современные достижения и проблемы

58-64

Фомина Д.А., Татарова Е.П., Азаркина К.И., Мелкумян В.О.

Патофизиология аутоиммунных реакций при постинфекционных осложнениях: современные представления

65-70

Белова Е.С.

Система лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в Российской Федерации: институциональный анализ, ключевые проблемы и перспективы развития

71-79

Емельянова А.С., Гурская О.Е., Бехтерева И.А.

Нарушения регуляции сосудистого тонуса у молодых людей, приверженных курению электронных сигарет

80-86

Рагимова Р.И., Рагимов Г.С., Мазанова Н.Г.

Влияние спленэктомии и органосохраняющих операций на некоторые показатели функционального состояния печени

87-94

Цинберг М.Б., Куниловский А.А., Ненашева М.Н.

К вопросу разработки альтернативного способа культивирования вирусов и/или экспрессии вирусных белков во внеклеточных митохондриях

95-99

Смирнов В.В., Шаповалова А.Б., Воронков П.Б., Мочалов П.А.,

Барсукова А.А., Голощапова Т.А., Худякова Н.В.

Влияние дефицита витамина D на факторы риска сердечно-сосудистой патологии у мужчин среднего возраста

100-111

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ковалевский И.Д. Особенности сна человека в условиях ограниченного жизненного пространства	112-120
Чеботарь Е.М., Разумова А.В. Эго-функции и пищевое поведение: когнитивно-поведенческий взгляд на взаимосвязи	121-126
Журавель И.Б., Маилян М.А., Кекутия Р.Г. Корпоративная культура современного вуза как фактор успешности	127-137
Крылов А.А., Козьяков Р.В. Индивидуально-личностные технологии субъекта креативной деятельности	138-144
Никашин В.А. Эффективный помощник руководителя как важный элемент успешности организации	145-151
Новикова Н.В. Организационно-методические аспекты деятельности выездной психолого-педагогической службы	152-158
Петунова С.А., Лоскутникова А.А., Николаев Е.Л., Зейналабединых Армита, Ахмадизад Мохаммадамин, Гергес Мина Ашраф Шавки Изучение совладающего поведения у пациентов неврологического профиля с разным уровнем самооценки	159-165
Соловьев В.Е. Психическое принуждение как вид преступления, его разновидности и психологическое влияние на подростков и людей пожилого возраста при совершении преступления	166-172
Ткаченко С.В., Мычко Е.И. Конкурсная деятельность как психолого-педагогический ресурс развития конкурентного взаимодействия студентов колледжа	173-178
Арзамаскин А.М., Дейнега Н.В. Социально-психологическая оценка степени влияния постпандемической стрессовой реакции на безопасность полетов	179-184
Бембеева Н.А., Белоусова А.К. Особенности вовлеченности в интернет-коммуникации и мотивации интернет-пользования студентами русской и калмыцкой национальностей	185-193
Войтикова М.А., Осадченко К.А. Психологическая надежность научных сотрудников	194-200
Лучинкина А.И., Аль-Шаер Е.С. Психологические детерминанты временной перспективы у интернет-активных пользователей	201-207
Татарчук В.Л., Левадная М.О. Тренинг проактивного поведения в управлении психологической готовностью персонала к организационным изменениям	208-217
Авраменко И.О. Диалектическая поведенческая терапия для помощи детям с оппозиционно-вызывающим расстройством и синдромом дефицита внимания с гиперактивностью	218-224

Никашин В.А. Особенности эффективного помощника руководителя в формате дистанционной работы	225-231
Процукович Е.П. Особенности проявления страхов у студентов с разным уровнем апатии	232-237
Тимофеева Ю.Н., Федина Е.А., Латышева В.Л. Дидактическая адаптация и дидактическая успеваемость студентов медицинского вуза	238-243
Гирфатова А.Р., Дмитриева А.В. Психологические аспекты предстартовых состояний спортсменов подросткового возраста и их влияние на спортивную результативность	244-250
Милютин С.М., Кибыш А.И. Диагностика уровня тревожности у студентов аграрного вуза	251-258
Лукашенко Д.В. Психологические аспекты педагогического взаимодействия в цифровой образовательной среде: мотивация, вовлеченность и эмоциональное благополучие	259-263
Цветкова Н.А., Кузнецова А.Ф., Цветков А.В. Иппотерапевты, работающие с детьми с ограниченными возможностями здоровья: особенности мотивации и эмоционального интеллекта	264-273
Холина О.А., Пичуев Ю.Л. Исследование изменений уровня психологического здоровья пожилых людей при участии в деятельности организации «Московское долголетие»	274-281
Веденеева Е.В., Гаврющенко Н.К. Динамика онтологической уверенности личности в процессе кататимно-имажинативной психотерапии на примере клинических случаев	282-288
Киреева Е.А., Ульянова П.Н. Развитие ассертивного поведения подростков в кадетских классах	289-295
Реунов Ю.С. Этнопсихологические особенности картины мира в традиционных культурах	296-307
Тулуш А.В. Создание комфортной эмоциональной среды для детей-сирот: роль психолого-педагогического сопровождения	308-312
Шевцова А.В. Когнитивные механизмы восприятия информационных потоков молодежью в условиях цифровой среды	313-318
Кравцова М.В. Теория и практика развития гражданского самосознания и патриотизма у взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью	319-325
Родина М.Г., Родина М.А. Психологические факторы профессионального самоопределения в маркетинге: роль индивидуально-типологических особенностей личности	326-332

Фролов С.Ю., Фёдорова А.В., Макаревская Ю.Э.

Роль рефлексии саморегуляции и метакогнитивной включенности
в социально-психологической адаптации личности

333-344

Реунов Ю.С.

Семиотический аспект поведенческих паттернов в контексте
формирования образа мира в традиционных культурах

345-351

Куликова Т.И.

Выявление взаимосвязи уровней тревоги и самооценки у студентов

352-356

Котляр М.А., Цветкова Н.А.

Распределение семейных ролей и ролевая адекватность
в молодых семьях без детей и с ребёнком-первенцем

357-370

Немирова С.В., Халак М.Е., Тарадай Ю.М., Учаева Д.А.

Предпосылки и особенности создания и формирования территории универсальных
и надпрофессиональных компетенций

371-383

Анисимова Ю.Н., Каменева Г.Н.

Агрессивность и тревожность у мальчиков и девочек подросткового возраста

384-390

Зарипова А.Ф.

Феномен отчужденной субъектности как мишень психокоррекционного воздействия
при работе с последствиями сексуализированного насилия

391-398

Посохова А.В.

Конкурентоспособность предпринимателей: результаты
теоретических и эмпирических исследований

399-404

Коваль Н.А., Титова Н.К.

Исследование интер- и интрасубъектных факторов, оказывающих влияние
на критическое мышление субъектов образовательного процесса

405-411

Хасан Фалах Хасан Али

Влияние общества на психологическое состояние онкологических
больных в молодом возрасте

412-416

Шевцова А.В.

Психологические стратегии управления вниманием молодежи
при массовых коммуникациях в социальных медиа

417-422

Лукашенко Д.В.

Влияние гибридных форм организации труда на эргономику рабочего
места и психологическое благополучие работников

423-428

Старчикова М.В.

Современные представления о роли психосоматических факторов
в возникновении и развитии сердечно-сосудистых заболеваний

429-434

Максимова Е.Ю.

Роль психолого-педагогических инструментов в развитии продуктивного
и репродуктивного мышления младших школьников
с задержкой психического развития

435-440

Андронникова О.О.

Закон кумулятивного эффекта виктимогенеза

441-455

Клименко Ю.Ю.

Развитие жизнестойкости как ресурс психологов-консультантов
в условиях дистанционной работы

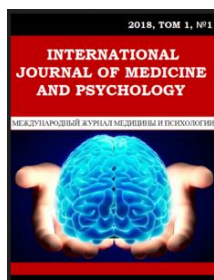
456-461

Шпильрейн Е.А., Толкачев К.С.

Феномен виктимного поведения в межличностных отношениях: причины и последствия

462-467

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 339.138

¹Халимова А.А.,

¹Яновер Ю.И.,

¹Санкт-Петербургский химико-фармацевтический университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Эволюция терапии акне на мировом и российском фармацевтическом рынке

Аннотация: пик заболеваемости акне приходится на 12-25 лет, и ему подвержены около 85% подростков, но в последнее время отмечается увеличение числа пациентов как более молодого возраста (до 14 лет), так и более взрослого (женщины старше 30 лет). Ключевые средства для лечения акне остаются неизменными на протяжении более 50 лет: топические и системные ретиноиды, бензоила пероксид, антибиотики и гормональные препараты. На мировом рынке впервые за многие годы появились два новых МНН – это антибиотик тетрациклинового ряда sarecyclin и первый в своем классе препарат с новым механизмом действия класкотерон. На российском рынке они пока не представлены, но в 2021-2024 гг. наблюдался резкий рост потребления системного изотретионина (более 50% рынка в стоимостном выражении по итогам 2024 г.), а также изменения в структуре продаж препаратов для наружного применения – гели и растворы практически вытеснили с рынка порошки. Несмотря на достаточно консервативные методы лечения и истечение сроков патентной защиты на большинство субстанций и их комбинаций, доля препаратов отечественного производства растет медленно, что может быть связано с сильными маркетинговыми кампаниями и силой бренда зарубежных производителей.

Ключевые слова: акне, угревая болезнь, ретиноиды, маркетинговый анализ, российский рынок, клинические рекомендации

Для цитирования: Халимова А.А., Яновер Ю.И. Эволюция терапии акне на мировом и российском фармацевтическом рынке // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 8 – 14.

Поступила в редакцию: 6 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹Khalimova A.A.

¹Yanover Yu.I.,

¹St. Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation

Evolution of acne therapy on the global and Russian pharmaceutical market

Abstract: the peak incidence of acne typically occurs between the ages of 12 and 25, with approximately 85% of teenagers being susceptible to it. However, there has been a recent increase in the number of patients, both younger than 14 and women older than 30. For over 50 years, the main treatments for acne have remained the same: topical and systemic retinoids, benzoyl peroxide, antibiotics, and hormonal medications. Recently, two new INN have emerged on the market: sarecycline, a tetracycline antibiotic, and clascoterone, a first-in-class medication with a unique mechanism of action. They are not yet available on the Russian market, but in 2021-2024

there was a sharp increase in the consumption of systemic isotretinoin (more than 50% of the market in value in 2024), as well as changes in the sales structure of drugs for external use - gels and solutions have practically ousted powders from the market. Despite the relatively conservative treatment approaches and the expiration of patent protection for most substances and their combinations, the share of domestically produced drugs is growing slowly, which may be due to strong marketing campaigns and brand power of foreign manufacturers.

Keywords: acne, acne vulgaris, retinoids, marketing analysis, Russian market, clinical guideline

For citation: Khalimova A.A., Yanover Yu.I., Evolution of acne therapy on the global and Russian pharmaceutical market. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 8 – 14.

The article was submitted: June 6, 2025; Approved after reviewing: August 4, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Акне вульгарные (угревая болезнь, acne vulgaris) – это хроническое воспалительное заболевание, возникающее в волосяном фолликуле и сальной железе. Предрасполагающими факторами являются нарушение иммунитета, изменение обмена гормонов, изменение обмена липидов, генетические и/или инфекционные факторы и др. [1]. Оно является восьмым по распространенности кожным заболеванием, частота возникновения которого в среднем для всех возрастов оценивается в 9,4% [2]. Анализ данных глобального исследования бремени болезней (the Global Burden of Disease Study 2021) показал, что наиболее часто акне встречается у подростков 15-19 лет, причем наиболее значительный прирост заболеваемости был выявлен у детей 10-14 лет [3]. Данный вид дерматоза может проявляться в четырех степенях тяжести: I степень – характеризуется незначительным количеством высыпаний, воспаления практически отсутствуют; II степень – количество комедонов, папул и пустул не изменяется, но воспаление становится четко выраженным; III степень – возникают узлы, кисты и фистулы, воспаление достаточно сильное, могут возникнуть рубцы; IV степень – характеризуется множественными комедонами, узлами и кистами, воспаление очень сильное и глубокое, сильно выражены рубцы.

Рекомендации по лечению акне представлены в Европейском руководстве по терапии акне (2016 г.) [4], Практическом руководстве Глобального альянса для клиницистов (2018 г.) [1], рекомендациях Американской академии дерматологии (AAD, 2024 г.) [5] и российских клинических рекомендациях (2020 г.) [6]. Несмотря на общие подходы к лечению и схожий перечень международных непатентованных наименований (МНН) препаратов, стоит отметить некоторые различия. В части системных антибиотиков Европейское руководство и AAD рекомендуют ограничить их применение и использовать только в комбинации с топическими средствами (например, бензоила пе-

роксидом (БП) или ретиноидами) для снижения риска развития резистентности. Тетрациклины рассматриваются как препараты первой линии, а макролиды – как альтернатива при наличии противопоказаний.

В зарубежных КИ упоминаются несколько МНН, которые отсутствуют в российских рекомендациях. К ним относятся:

1. Тазаротен (0,05% и 0,1% крем, гель или пена) является синтетическим ретиноидом третьего поколения. Он обладает высокой эффективностью в отношении как комедонов, так и воспалительных элементов.

2. Трифаротен (0,005% крем) – это новый ретиноид четвертого поколения. Он обладает высокой селективностью к рецепторам ретиноевой кислоты и демонстрирует эффективность при лечении как лица, так и туловища.

3. Класкотерон (1% крем) – первый в своем классе антиандрогенный препарат, который применяется местно для лечения акне. Мета-анализ не выявил значительных отличий в эффективности этих трех препаратов [7].

4. Лимециклин (лаймециклин) – 0 антибиотик тетрациклинового ряда широкого спектра действия, применяется с 1963 г.

5. Сарециклин – антибиотик тетрациклинового ряда с менее выраженной активностью в отношении грамотрицательных бактерий кишечной группы, что способствует меньшему воздействию на нормальную флору кишечника и снижению формирования антибиотикорезистентности. Одобрен FDA в 2018 г.

На протяжении трех пересмотров российских клинических рекомендаций (2013 [8], 2015 [9] и 2020 гг. [6]) системный изотретиноин остается ключевым препаратом для лечения тяжелых форм акне. В 2020 г. рекомендации уточнили кумулятивную дозу (120–150 мг/кг массы тела) и добавили строгие требования к мониторингу пациентов во время лечения, включая контроль функции печени и липидного обмена. Также был усилен ак-

цент на тератогенности препарата и необходимости соблюдения контрацепции. Существенные изменения произошли в подходах к наружному лечению акне. Если в 2013 году ключевыми компонентами терапии являлись бензоилпероксид, топические ретиноиды и антибиотики (克林дамицин, эритромицин), то в 2020 году стратегия лечения претерпела ряд коррекций:

- Введена строгая запретительная позиция в отношении монотерапии антибиотиками. В случае их назначения они должны комбинироваться с бензоилпероксидом или ретиноидами. Исключены препараты с низкой эффективностью и высоким риском побочных эффектов (тетрацилин, эритромицин, флутиамид), введены новые антибиотики с лучшей переносимостью (миноциклин);
- В качестве топических ретиноидов адапа-

лен получил статус препарата первой линии для комедональных и воспалительных форм акне.

- Введены новые рекомендации по применению азелаиновой кислоты, особенно у пациентов с чувствительной кожей или при необходимости длительного лечения.

В соответствии со степенью проявления акне в клинических рекомендациях (КИ) строится определенная схема лечения, которая может включать 1 или 2 линии терапии. Препараты ретиноидов применяются во всех схемах лечения, но в случае легкого течения в виде препаратов для наружного применения, а в случае тяжелого акне – в виде системной терапии (табл. 1). При III и IV степени тяжести характерно также назначение системных антибиотиков и гормональных препаратов для оральной контрацепции [6].

Таблица 1

Виды терапии, применяющиеся для лечения угревой сыпи.

Table 1

Types of therapy used to treat acne.

Комедоны в нижней трети лица/переносицы	Воспалительный подтип: легкое течение с папулами	Воспалительный подтип: легкое-среднетяжелое течение с папулопустулами	Воспалительный подтип: тяжелое течение с папулопустулами	Воспалительный подтип: тяжелое течение с узлами
Монотерапия:	Монотерапия:	Комбинированные препараты:	Системная терапия:	Системная терапия:
1-я линия Ретинол Изотретиноин Адапален Адапален+бензоила пероксид Адапален+метронидазол 2-я линия Азелаиновая кислота Бензоила пероксид+克林дамицин Бензоила пероксид	Ретинол Изотретиноин Адапален Адапален+бензоила пероксид Адапален+метронидазол Азелаиновая кислота Бензоила пероксид+克林дамицин Бензоила пероксид	Ретинол Изотретиноин Адапален Адапален+бензоила пероксид Адапален+метронидазол Азелаиновая кислота	1-я линия Изотретиноин 2-я линия Бензоила пероксид+克林дамицин Бензоила пероксид	Изотретиноин Адапален Адапален+бензоила пероксид Адапален+метронидазол Бензоила пероксид+克林дамицин Бензоила пероксид

Ретиноиды уже несколько десятилетий являются одними из самых эффективных средств для лечения акне, однако в последние годы их популярность значительно возросла [10,11]. В связи с этим актуальным является изучение их влияния на объемы и структуру рынка, а также определение тенденций на российском рынке препаратов для лечения акне.

Материалы и методы исследований

Для проведения маркетингового анализа российского рынка препаратов для лечения акне была использована база данных продаж ЛП компании DSM Group за период 2014-2024 гг. [12]. В работе

были использованы методы экономико-статистического анализа, обзор научной литературы и анализ документов по теме исследования. Для обоснования выбора препаратов конкурентной группы использовалась АТХ-классификация, а именно группа D10 «Препараты для лечения угревой сыпи». Гормональные препараты и антибиотики системного действия в исследовании не рассматривались.

Результаты и обсуждения

Номенклатура представлена препаратами на основе ретиноидов (адапален, азелаиновая кислота, изотретиноин, ретинол, трифаротен), бензоила

пероксида, цинка ацетат и гиалуронат, антибиотиков (клиндамицин, эритромицин) для наружного применения. Новыми МНН стали адапален+метронидазол (2021 г.), а также трифаротен, появившийся в обращении в 2024 г. Лидируют на рынке монопрепараты изотретиноина (29,6% в упаковках и 53,4% в рублях), клиндамицина (15,8% и 6,5%) и азелаиновой кислоты (19,3% и 10,9%), несмотря на существенное увеличение объемов продаж комбинированных ЛП: адапален+БП, адапален+метронидазол, БП+клиндамицин. Среди производителей представлены как международные фармацевтические

компании (Jadran, Galderma, Ranbaxy Laboratories, Hoffmann-La Roche), так и отечественные предприятия (Акрихин, Тульская фармацевтическая фабрика, ВероФарм и др).

Объемы рынка практически не менялись в натуральном выражении с 2014 по 2021 г. (5,6±0,4 млн упак.), но значительно выросли за период 2022-2024 гг. – до 9,0 млн упак (рис. 1). В стоимостном выражении по итогам 2024 г. продажи составили 13,4 млрд руб., увеличившись за пять лет в 3 раза, причем на 90% рост продаж был обусловлен препаратами на основе изотретиноина для системного применения.

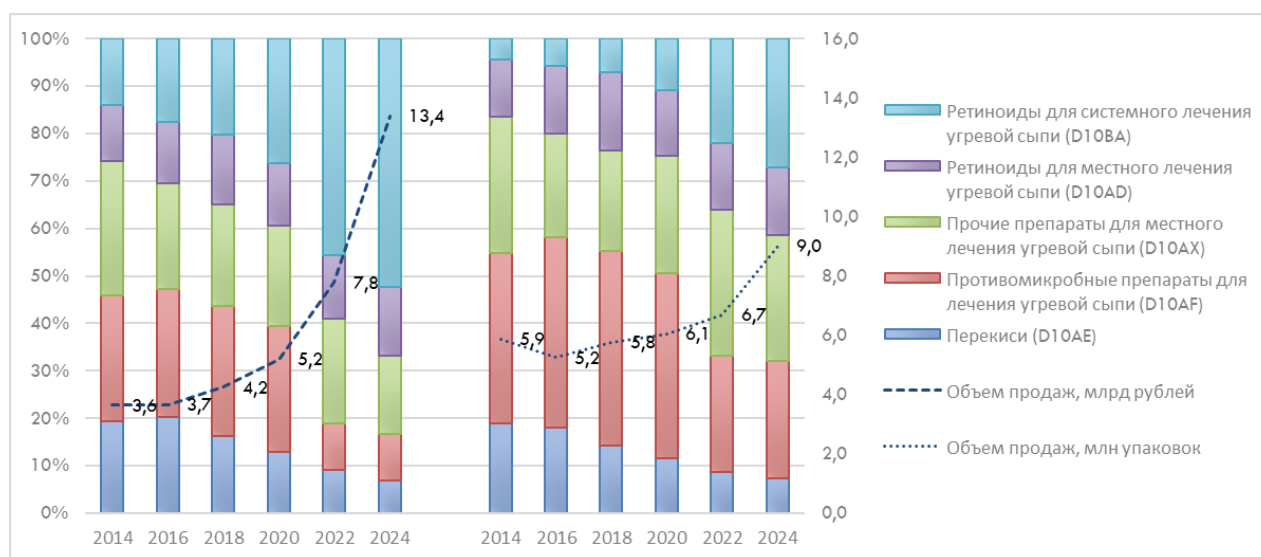


Рис. 1. Объемы и структура продаж препаратов для лечения акне.
Fig. 1. The volume and structure of medicines' sales for the treatment of acne.

Импортные препараты продолжают доминировать на рынке (84,3% в рублях и 63,7% в упаковках). Для ряда ключевых препаратов, включая адапален, адапален+БП, адапален+клиндамицин, адапален+метронидазол, БП, цинка гиалуронат, импортные позиции удерживают 100% рынка на протяжении всего периода. Позитивные изменения в рамках импортозамещения проявляются преимущественно за счет препаратов азелаиновой кислоты, где доля отечественного производства превысила 50% в 2023 г., а также в МНН БП+клиндамицин и клиндамицин. Отечественные препараты изотретиноина присутствуют на рынке (менее 1%), но их доля невелика на фоне импортных, несмотря на представленность в наружных и пероральных лекарственных формах (ЛФ). Суммарная доля отечественных препаратов на рынке препаратов для лечения акне выросла за 2014-2024 г. с 3,3% до 15,6% в рублях и с 13,2% до 36,3% в упаковках в основном за счет препаратов азелаиновой кислоты. Но при изготовлении ЛП с адапа-

леном и БП используются импортные субстанции, кроме того, клиндамицин и изотретиноин также остаются частично импортным [13].

Анализ ассортимента наружных лекарственных форм показал уменьшение использования порошков для приготовления раствора (с 23,8% до 2,8% в рублях, МНН цинка ацетат+эритромицин) и переход к гелям (77,8%) и растворам для наружного применения. Мази были представлены только отечественными производителями с долей менее 1%. ЛФ в форме кремов во все годы занимали около 8-10% в рублях и упаковках, но доля может вырасти в связи с появлением нового препарата на основе трифаротена. В ЛФ для перорального приема применяется только изотретиноин в капсулах, доля его существенно возросла – с 14,0% до 52,4% всего сегмента в стоимостном выражении, что указывает на ключевую роль системной терапии в изменении структуры рынка.

Оценка концентрации рынка выявила олигополию – в стоимостном выражении 2/3 рынка зани-

мают зарубежные компании, в портфель каждой из которых входит не менее трех МНН. Наиболее значительный рост продемонстрировала компания Jadran (31,7%), доля которой увеличилась в три раза за счет системного изотретиноина. Также благодаря изотретиноину Ranbaxy Laboratories укрепила свои позиции на рынке, увеличив долю с 1,5% в 2014 г. до 15,0% в 2024 г. в стоимостном выражении. В то же время у Galderma, несмотря на рост продаж, снижалась доля ввиду отсутствия препаратов ретиноидов для системной терапии. Российская компания Акрихин заняла 4-5 позиции по итогам 2024 г. и показывала стабильный рост в натуральном выражении (с 4,9% до 19,7%), что свидетельствует о повышении объемов продаж. В стоимостном выражении ее доля в период 2019-2024 гг. практически не изменялась (9,4%), что может говорить о реализации препаратов по более доступным ценам, чем зарубежные.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило, что рынок препаратов для лечения акне – один из наиболее быстрорастущих сегментов российского фармацевтического рынка. За рассматриваемый период наблюдалось значительное увеличение спроса на системные ретиноиды – изотретиноин в капсулах занял 52,4% рынка в рублях, подтверждая его ведущую роль в лечении тяжелых форм акне и акне, не поддающегося лечению другими методами. Это связано с изменениями в подходах к терапии акне, повышением осведомленности пациентов и врачей о его эффективности, а также изменениями в КИ. В то же время наблюдалось снижение доли антибактериальных средств на основе бензоил пероксида, что может отражать изменения в предпочтениях специалистов, но на

фоне растущего спроса в данном сегменте в стоимостном и натуральном выражении эти тенденции еще не видны. В последних КИ по терапии акне рекомендуется использование комбинированных схем лечения, включающих местные ретиноиды и БП, однако зарекомендовавшие себя монопрепараты продолжают наращивать объемы продаж.

За период 2014-2024 гг. объем продаж лекарственных средств увеличился на 368% в стоимостном выражении и на 153% в натуральном выражении, что указывает на рост цен и увеличение спроса. При этом отечественное производство демонстрирует слабую положительную динамику импортозамещения, в наиболее важных МНН этого сегмента сохраняется сильная зависимость от импорта, как от ГЛФ, так и от активных субстанций. Стоит отметить, что патенты на большинство из них истекли, что дает возможность развития отечественного производства, в том числе с привлечением специализированных программ, так как создание производств полного цикла в перспективе может стать источником для разработки инновационных препаратов ретиноидов не только для лечения акне, но и для лечения вирусных, аутоиммунных и нейродегенеративных заболеваний [14, 15].

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что рынок препаратов для лечения акне продолжает динамично развиваться, ориентируясь на современные клинические рекомендации, предпочтения врачей и потребителей. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на изучение эффективности различных терапевтических подходов, а также на анализ влияния ценовой политики и доступности препаратов на структуру потребления.

Список источников

1. Thiboutot D.M., Dreno B., Abanmi A., Practical management of acne for clinicians: an international consensus from Global Alliance to improve outcomes in acne // J Am Acad Dermatol. 2018 Feb. № 78 (2 Suppl 1). P. 1 – 23.
2. Tan J. K., Bhate K., A global perspective on the epidemiology of acne // Br. J. Dermatol. 2015. № 172 (Suppl 1). P. 3 – 12.
3. Zhou Zh., Xiaoying Zh., Zhongyu L., Mingjuan L., Hanlin Zh., Heyi Zh., Jun L., Global, regional and national burdens of acne vulgaris in adolescents and young adults aged 10-24 years from 1990 to 2021: a trend analysis // British Journal of Dermatology. Vol. 192. Issue 2, February 2025. P. 228 – 237. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjd/ljae352>
4. European evidence-based (S3) guideline for the treatment of acne (update 2016, short version). Nast A., Dréno B. et al. // J Eur Acad Dermatol Venereol. 2016 Aug. № 30 (8). P. 1261 – 1268. DOI: 10.1111/jdv.13776. PMID: 27514932.
5. Guidelines of care for the management of acne vulgaris. Reynolds, Rachel V. et al. // Journal of the American Academy of Dermatology. 2024. Vol. 90. Issue 5. P. 1006.e1 1006.e30.
6. Клинические рекомендации: Федеральные клинические рекомендации по ведению больных акне / ред. совет: А.В. Самцов и др. Москва, 2020. 33 с.

7. Shergill M., Ali M.U., Abu-Hilal M. Comparison of the Efficacy of Clascoterone, Trifarotene, and Tazarotene for the Treatment of Acne: A Systematic Literature Review and Meta-Analysis // *Dermatol Ther (Heidelb)*. 2024 May. № 14 (5). P. 1093 – 1102. doi: 10.1007/s13555-024-01175-3
8. Клинические рекомендации: Федеральные клинические рекомендации по ведению больных акне / ред. совет: А.В. Самцов и др. Москва: 2013. 20 с.
9. Клинические рекомендации: Федеральные клинические рекомендации по ведению больных акне / ред. совет: А.В. Самцов и др. Москва, 2015. 23 с.
10. Матушевская Е.В., Антонова Л.А., Матушевская Ю.И. и др. Клинический опыт применения системного изотретиноина в лечении тяжелых форм акне // *РМЖ*. 2018. № 8 (II). С. 109 – 112.
11. Халимова А.А., Трофимова Е.О., Орлов А.С. Обзор российского рынка биотехнологических лекарственных препаратов // *Ремедиум*. 2024. Т. 28. № 4. С. 329 – 336. DOI 10.32687/1561-5936-2024-28-4-329-336
12. Стресс отразился в акне. На препаратах от угревой сыпи аптеки заработали миллиарды. [Электронный ресурс] / *Коммерсантъ. Потребительский рынок*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7550353> (дата обращения: 27.03.2025)
13. Халимова А.А., Орлов А.С., Таубэ А.А. Анализ локализации производства биотехнологических лекарственных препаратов в России с учетом происхождения активных фармацевтических субстанций // *Ведомости Научного центра экспертизы средств медицинского применения. Регуляторные исследования и экспертиза лекарственных средств*. 2024. Т. 14. № 1. С. 53 – 61. DOI 10.30895/1991-2919-2024-14-1-53-61
14. Коваленко Л.В., Поливанова А.Г., Ильин А.П. и др. Лекарственные перспективы ретиноидов // *Разработка и регистрация лекарственных средств*. 2023. Т. 12 (4). С. 54 – 62. DOI: <https://doi.org/10.33380/2305-2066-2023-12-4-1521>
15. Коваленко А.В., Халимова А.А. Специальный инвестиционный контракт как инструмент стимулирования инвестиций в фармацевтическую отрасль // *Приоритетные направления инновационной деятельности в промышленности: Сборник научных статей VII международной научной конференции, Казань, 30-31 июля 2021 года. Казань: Общество с ограниченной ответственностью "КОНВЕРТ", 2021. С. 162 – 164.*

References

1. Thiboutot D.M., Dreno B., Abanmi A., Practical management of acne for clinicians: an international consensus from Global Alliance to improve outcomes in acne. *J Am Acad Dermatol*. 2018 Feb. No. 78 (2 Suppl 1). P. 1 – 23.
2. Tan J. K., Bhate K., A global perspective on the epidemiology of acne. *Br. J. Dermatol*. 2015. No. 172 (Suppl 1). P. 3 – 12.
3. Zhou Zh., Xiaoying Zh., Zhongyu L., Mingjuan L., Hanlin Zh., Heyi Zh., Jun L., Global, regional and national burdens of acne vulgaris in adolescents and young adults aged 10-24 years from 1990 to 2021: a trend analysis. *British Journal of Dermatology*. Vol. 192. Issue 2, February 2025. P. 228 – 237. DOI: <https://doi.org/10.1093/bjd/ljae352>
4. European evidence-based (S3) guideline for the treatment of acne (update 2016, short version). Nast A., Dréno B. et al. *J Eur Acad Dermatol Venereol*. 2016 Aug. No. 30 (8). P. 1261 – 1268. DOI: 10.1111/jdv.13776. PMID: 27514932.
5. Guidelines of care for the management of acne vulgaris. Reynolds, Rachel V. et al. *Journal of the American Academy of Dermatology*. 2024. Vol. 90. Issue 5. P. 1006.e1 1006.e30.
6. Clinical guidelines: Federal clinical guidelines for the management of patients with acne. editorial board: A.V. Samtsov et al. Moscow, 2020. 33 p.
7. Shergill M., Ali M.U., Abu-Hilal M. Comparison of the Efficacy of Clascoterone, Trifarotene, and Tazarotene for the Treatment of Acne: A Systematic Literature Review and Meta-Analysis. *Dermatol Ther (Heidelb)*. 2024 May. No. 14 (5). P. 1093 – 1102. doi: 10.1007/s13555-024-01175-3
8. Clinical guidelines: Federal clinical guidelines for the management of patients with acne. editorial board: A.V. Samtsov et al. Moscow: 2013. 20 p.
9. Clinical guidelines: Federal clinical guidelines for the management of patients with acne. editorial board: A.V. Samtsov et al. Moscow, 2015. 23 p.
10. Matushevskaya E.V., Antonova L.A., Matushevskaya Yu.I. et al. Clinical experience with the use of systemic isotretinoin in the treatment of severe acne. *RMZh*. 2018. No. 8 (II). P. 109 – 112.
11. Khalimova A.A., Trofimova E.O., Orlov A.S. Review of the Russian market of biotechnological drugs. *Remedium*. 2024. Vol. 28. No. 4. P. 329 – 336. DOI 10.32687/1561-5936-2024-28-4-329-336

12. Stress reflected in acne. Pharmacies made billions on acne drugs. [Electronic resource]. Kommersant. Consumer market. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7550353> (date of access: 27.03.2025)

13. Khalimova A.A., Orlov A.S., Taube A.A. Analysis of localization of production of biotechnological drugs in Russia taking into account the origin of active pharmaceutical substances. Bulletin of the Scientific Center for Expertise of Medical Products. Regulatory research and expertise of drugs. 2024. Vol. 14. No. 1. P. 53 – 61. DOI 10.30895/1991-2919-2024-14-1-53-61

14. Kovalenko L.V., Polivanova A.G., Ilyin A.P. et al. Medicinal prospects of retinoids. Development and registration of drugs. 2023. Vol. 12 (4). P. 54 – 62. DOI: <https://doi.org/10.33380/2305-2066-2023-12-4-1521>

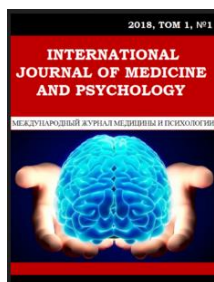
15. Kovalenko A.V., Khalimova A.A. Special investment contract as a tool for stimulating investments in the pharmaceutical industry. Priority areas of innovation activity in industry: Collection of scientific articles of the VII international scientific conference, Kazan, July 30-31, 2021. Kazan: Limited Liability Company "CONVERT", 2021. P. 162 – 164.

Информация об авторах

Халимова А.А., кандидат фармацевтических наук, старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1875-062X>, alina.khalimova@pharminnotech.com

Яновер Ю.И., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-7030-9333>, Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

©Халимова А.А., Яновер Ю.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.8. Клиническая лабораторная диагностика (медицинские науки)

УДК 61:004.8

¹Добренко О.В.,

¹Клиника Зиген, Германия

Методы предоперационного риск-скрининга на основе искусственного интеллекта с использованием анамнеза и лабораторных данных

Аннотация: статья посвящена анализу современных подходов к предоперационному риск-скринингу с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, интегрирующих анамнестические и лабораторные данные. Обоснована актуальность перехода от традиционных скоринговых шкал к более точным и адаптивным ИИ-моделям, способным учитывать большое число переменных и выявлять сложные паттерны в клиничко-биохимической информации. В рамках исследования изучены принципы построения предиктивных моделей, включая градиентный бустинг, XGBoost и логистическую регрессию с L1-регуляризацией, а также их интерпретируемость с применением SHAP. Особое внимание уделено обоснованию прогностической ценности таких факторов, как уровень С-реактивного белка, количество предоперационных консультаций, объем перелитой крови, хронические заболевания, пол, возраст, параметры медикаментозной терапии и лабораторные отклонения, которые не включаются в традиционные шкалы. Работа ставит целью систематизировать существующие методики, доказав преимущество моделей ИИ в условиях реального клинического процесса. Для её выполнения использован сравнительный анализ и структурирование научных источников. В заключении показано, что ИИ-скрининг трансформирует практику оценки риска, предлагая персонализированные и воспроизводимые решения. Статья будет полезна специалистам в области хирургии, анестезиологии и медицинской информатики.

Ключевые слова: предоперационный скрининг, машинное обучение, лабораторные данные, прогноз осложнений, SHAP-анализ, анестезиологический риск, электронные истории болезни, персонализированная медицина, интерпретируемость моделей, медицинская аналитика

Для цитирования: Добренко О.В. Методы предоперационного риск-скрининга на основе искусственного интеллекта с использованием анамнеза и лабораторных данных // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 15 – 23.

Поступила в редакцию: 7 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹Dobrenko O.V.,

¹Siegen Medical Center, Germany

Methods of preoperative risk screening based on artificial intelligence using medical history and laboratory data

Abstract: the article is devoted to the analysis of modern approaches to preoperative risk screening using artificial intelligence algorithms that integrate anamnestic and laboratory data. The relevance of the transition from traditional scoring scales to more accurate and adaptive AI models capable of taking into account a large number of variables and identifying complex patterns in clinical and biochemical information is substantiated. The research examines the principles of predictive model construction, including gradient boosting, XGBoost, and logistic regression with L1 regularization, as well as their interpretability using SHAP. Special attention is paid to substantiating the prognostic value of such factors as the level of C-reactive protein, the number of preoperative consultations,

the volume of blood transfused, chronic diseases, gender, age, parameters of drug therapy and laboratory abnormalities that are not included in traditional scales. The work aims to systematize existing techniques, proving the advantage of AI models in a real clinical process. For its implementation, comparative analysis and structuring of scientific sources were used. In conclusion, it is shown that AI screening transforms the practice of risk assessment by offering personalized and reproducible solutions. The article will be useful for specialists in the field of surgery, anesthesiology and medical informatics.

Keywords: preoperative screening, machine learning, laboratory data, prognosis of complications, SHAP analysis, anesthetic risk, electronic medical records, personalized medicine, interpretability of models, medical analytics

For citation: Dobrenko O.V. Methods of preoperative risk screening based on artificial intelligence using medical history and laboratory data. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 15 – 23.

The article was submitted: June 7, 2025; Approved after reviewing: August 5, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Предоперационная оценка риска является неотъемлемой частью современной медицины, поскольку позволяет прогнозировать вероятность интра- и послеоперационных осложнений и своевременно принимать меры для их предотвращения. Традиционно риск хирургического вмешательства оценивается на основании клинического анамнеза, физикального статуса пациента и результатов базовых исследований. Широко применяются различные скоринговые системы, например, шкала ASA (American Society of Anesthesiologists Physical Status), а также специализированные расчетные модели риска, такие как калькулятор ACS-NSQIP (Американского колледжа хирургов) или система SURPAS [8]. Однако подобные инструменты имеют ряд ограничений. Так, шкала ASA отличается субъективностью и учитывает лишь обобщенное физическое состояние, игнорируя конкретные важные факторы (возраст, сопутствующие заболевания, лабораторные показатели). Более сложные калькуляторы (NSQIP, SURPAS) учитывают больше переменных, но требуют ручного ввода данных и могут быть трудоемки в практическом применении. В условиях дефицита времени в предоперационной подготовке, особенно при экстренных операциях, клиницисту трудно оперативно обработать весь объем разнородной информации об анализе и результатах анализов пациента.

В последние годы в предоперационный риск-скрининг активно внедряются методы искусственного интеллекта (ИИ), прежде всего алгоритмы машинного обучения, способные автоматически анализировать большие массивы данных истории болезни и лабораторных исследований. Применение ИИ позволяет создавать прогнозные модели, которые по совокупности параметров пациента оценивают вероятность развития определенных

осложнений или неблагоприятных исходов операции с более высокой точностью, чем традиционные подходы. Машинное обучение предоставляет возможность учитывать десятки и сотни параметров – демографических, клинических, лабораторных – выявляя скрытые нелинейные зависимости, недоступные человеческому взгляду. Это особенно актуально в предоперационном периоде, где решение о тактике ведения пациента (например, необходимости более интенсивного мониторинга или профилактических мероприятий) основывается на точности прогноза риска.

Цель данной статьи – провести анализ современных методов предоперационного риск-скрининга на основе искусственного интеллекта, которые используют данные анамнеза и лабораторных исследований.

Материалы и методы исследований

Для подготовки статьи использован комплекс научных публикаций, отражающих современное состояние исследований в области применения искусственного интеллекта в предоперационном прогнозировании. Л.В. Липидус и О.М. Токарева [1] систематизировали направления внедрения ИИ в медицинские услуги, предложив таксономию решений для интеграции алгоритмов в клинический процесс. В.С. Переверзев, А.И. Казьмин, М.Л. Сажнев, А.А. Пантелеев и С.В. Колесов [2] выполнили систематический обзор применения ИИ в вертебрологии, выявив факторы, влияющие на прогнозирование осложнений. А.А. Пранович, А.К. Исмаилов, Н.А. Карельская и соавт. [3] рассмотрели возможности ИИ в диагностике и лечении мочекаменной болезни, показав эффективность алгоритмов в обработке комплексных данных. Ш.Л. Шайлиева, Д.Х. Мамчуева, А.П. Вишневская и др. [4] проанализировали использование ИИ в гинекологии, описав модели с высокой прогностической точностью. P. Arina, M.R. Kaczorek,

D.A. Hofmaenner и коллеги [5] провели систематическую оценку алгоритмов машинного обучения в периоперационной медицине, применив критерии PROBAST. K.M. Corey, S. Kashyap, E. Lorenzi и др. [6] разработали и верифицировали модель Pythia для автоматической стратификации хирургических рисков на основе электронных историй болезни. M. Graefner, B. Jungwirth, E. Frank и соавт. [7] создали модель персонализированного предсказания риска на базе предоперационных данных. Y.Y. Li, J.J. Wang, S.H. Huang и др. [8] внедрили алгоритм машинного обучения для оценки риска при операции по фиксации перелома бедра. A. Mahajan, S. Esper, T.H. Oo и коллеги [9] предложили и апробировали модель ИИ для прогнозирования послеоперационных неблагоприятных исходов. Q. Yu, M. Fu, Z. Hou и соавт. [10] выявили предикторы предоперационной острой сердечной недостаточности у пожилых пациентов с переломом бедра, применив SHAP-анализ.

В работе применены сравнительный метод, структурный анализ и синтез данных научных источников, а также систематизация опубликованных результатов для формирования целостной картины применения ИИ в предоперационном риск-скрининге. Итогом анализа стало выявление общих принципов построения, валидации и интерпретации моделей, а также факторов, определяющих перспективность их внедрения в клиническую практику.

Результаты и обсуждения

Современные исследования убедительно демонстрируют преимущество алгоритмов искусственного интеллекта в предоперационном прогнозировании рисков по сравнению с традиционными шкалами и ручными расчетами. Во-первых, модели машинного обучения показывают значительно более высокую точность стратификации риска осложнений. Например, в исследовании был разработан предиктивный алгоритм для пациентов с переломом бедра, основанный на 22 переменных (анамнез, коморбидность, основные лабораторные показатели). Полученная модель предсказания послеоперационных осложнений существенно пре-

взошла по точности классическую оценку ASA: площадь под ROC-кривой (AUROC) составила 0,810 против 0,629 у шкалы ASA-PS ($p < 0,01$) при прогнозировании комбинированного неблагоприятного исхода [8]. Аналогичное превосходство модели ИИ отмечено и для других конечных точек – необходимость перевода в реанимацию и удлиненный послеоперационный стационар – где AUROC алгоритма также была ~0,83 против ~0,69 у оценки ASA [8]. Эти результаты свидетельствуют, что ИИ, обрабатывая множество параметров пациента, способен более точно идентифицировать группу высокого риска, чем человеческая оценка по обобщенной шкале.

Во-вторых, интеграция данных анамнеза и лабораторных тестов через алгоритмы ИИ позволяет предсказывать не только общие осложнения, но и специфические риски. Машинное обучение успешно применено для прогнозирования отдельных послеоперационных событий: например, острой почечной недостаточности после кардиохирургических операций, развития острой сердечной недостаточности у пожилых пациентов с переломом шейки бедра, дыхательных осложнений и др. В каждом из этих случаев модели, обученные на ретроспективных данных, продемонстрировали высокую чувствительность и специфичность. Так, алгоритм на основе XGBoost, разработанный в 2023 г. группой исследователей Мюнхенского технического университета, сумел предсказать 30-дневную послеоперационную смертность с AUROC ~0,95 на валидационной выборке (~67 тысяч случаев), при этом в список наиболее значимых предикторов вошли возраст, уровень С-реактивного белка, объем предоперационно перелитой крови и ряд других лабораторно-клинических показателей [7]. Примечательно, что многие из топ-факторов, выявленных этой моделью, не входят напрямую в стандартные шкалы риска, что подчеркивает ценность комплексного учета анамнеза и анализов. Ниже представлена систематизация значимых переменных, наиболее часто отобранных ИИ-моделями при прогнозировании послеоперационных осложнений (табл. 1).

Таблица 1

Типология параметров, определяющих высокий предоперационный риск в ИИ-моделях (составлено автором на основе [1, 3, 6, 8, 10]).

Table 1

Typology of parameters determining high preoperative risk in AI models (compiled by the author based on [1, 3, 6, 8, 10]).

Категория параметров	Характеристика переменных	Примеры из практических моделей
Демографические	Общие сведения о пациенте, увеличивающие вероятность неблагоприятного исхода	Возраст, пол, индекс массы тела, социальный статус
Анамнестические	Информация о сопутствующих заболеваниях и истории болезни пациента	Хроническая сердечная недостаточность, диабет, гипертензия
Лабораторные	Показатели биохимии крови и другие стандартные маркеры	Уровень креатинина, гемоглобин, С-реактивный белок, электролиты
Фармакологические	Используемые пациентом препараты, влияющие на течение послеоперационного периода	Приём антикоагулянтов, инсулина, иммуносупрессоров
Логистические/организационные	Внутрибольничные параметры, отражающие сложность случая	Количество консультаций перед операцией, срочность вмешательства

В-третьих, ИИ-модели демонстрируют высокую устойчивость и сохраняют точность при внешней проверке [1, 4]. Одним из крупнейших на сегодняшний день исследований является работа из Университета Питтсбурга, где была создана прогностическая модель на основе градиентного бустинга для выявления пациентов с высоким риском неблагоприятных исходов на основе данных электронных историй болезни хирургических пациентов. Эта модель, обученная на большом мультицентровом датасете, достигла превосходных результатов: AUROC для предсказания госпитальной смертности составила 0,95 на тестовой выборке и 0,956 при проспективном внедрении в клинику [9]. Для комбинированной конечной точки (большие сердечно-сосудистые осложнения или смерть) точность также была очень высокой (AUROC ~0,90). Важно, что предложенный алго-

ритм превзошел по эффективности уже существующий в практике калькулятор риска ACS-NSQIP [9]. Такой прирост на большой выборке – существенный показатель, означающий заметное улучшение способности распознавать пациентов в зоне риска. Более того, модель прошла проспективную валидацию: ее внедрили в реальном времени в клинический процесс сети больниц UPMC, подтвердив тем самым практическую применимость – алгоритм автоматически идентифицировал перед операцией пациентов группы высокого риска, что позволяло врачам заблаговременно усиливать мониторинг и профилактику. Для наглядного представления возможностей интеграции ИИ-алгоритмов в клинические процессы проводится обобщённая схема сценариев применения моделей в предоперационной практике (табл. 2).

Таблица 2

Варианты применения ИИ-моделей в процессе подготовки пациента к операции (составлено автором на основе [5-7, 9]).

Table 2

Application options for AI models in the process of preparing a patient for surgery (compiled by the author based on [5-7, 9]).

Этап медицинского процесса	Возможности ИИ-модели	Прогностический результат
Первичное поступление пациента	Быстрая автоматическая стратификация риска по данным электронной карты	Выявление скрытых факторов риска
Предоперационный консилиум	Поддержка принятия решения по выбору объема и характера хирургии	Предотвращение нежелательных вмешательств
Планирование интенсивного мониторинга	Выбор пациентов, требующих ИТ-поддержки на основе прогноза риска	Снижение вероятности острых осложнений в послеоперационном периоде

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Персонализация анестезиологической тактики	Определение рисков гемодинамической нестабильности	Более точная подготовка и выбор метода анестезии
Документация и информирование	Создание прогностических отчётов для включения в ИБ и передачи пациенту	Повышение прозрачности и доверия к прогнозу

В-четвертых, применение методов ИИ расширяет диапазон учитываемых предикторов и обеспечивает персонифицированный подход к оценке риска [3]. Традиционные модели, как правило, опираются на ограниченный набор входных данных, тогда как алгоритмы машинного обучения могут обрабатывать сотни переменных. Например, в проекте Pythia (Duke University, 2018) был создан автоматизированный репозиторий данных, включающий 194 признака на каждого пациента (демография, сопутствующие заболевания, лекарства, параметры операции и т.д.), на основе которых обучались модели для прогноза осложнений. На тестовых данных эти модели показали AUROC от 0,75 до 0,92 в зависимости от категории исхода [6]. Наиболее успешная модель (логистическая регрессия с L1-регуляризацией) достигла AUROC ~0,924 в прогнозе шока, что значительно лучше по сравнению с существующими подходами, и позволила внедрить в клинику автоматический калькулятор риска по 14 типам осложнений [6]. Таким образом, ИИ дает возможность учесть совокупное влияние множества факторов анамнеза и лабораторных данных на исход – вплоть до таких нюансов, как комбинации нескольких хронических болезней или взаимосвязь определенных отклонений лабораторных показателей, – что ведет к более тонкому и точному прогнозу для конкретного пациента.

В-пятых, несмотря на обнадеживающие успехи, анализ литературы выявляет и проблемные зоны в применении ИИ для предоперационного риск-скрининга. Систематический обзор, охвативший 103 исследования машинного обучения в периоперационной медицине, показал, что лишь 13% разработанных моделей прошли внешнюю мультицентровую валидацию [5]. Большинство работ были ограничены данными одного центра, и нередко модели грешили переобученностью под конкретную выборку.

Кроме того, прогностическая способность мно-

гих опубликованных моделей смертности оказалась скромной либо сопоставимой с существующими клиническими шкалами, что указывает на разношерстное качество исследований в этой сфере [5]. Тем не менее даже в этом обзоре отмечается ряд высокоточных моделей (как упомянутые выше питтсбургская и др.), которые обладают реальным потенциалом применения. Важным аспектом, подчеркнутым в литературе, является необходимость балансировки между сложностью модели и ее интерпретируемостью: методы глубокого обучения, дающие порой наивысшую точность, трудны для понимания врачом, тогда как более простые алгоритмы (логистическая регрессия, решающие деревья) обеспечивают объяснимость результатов, что критично в медицине. Отдельные исследования применяют технологии интерпретации моделей – например, анализ SHAP (Shapley Additive Explanations) для оценки вклада каждого признака в прогноз, – что помогает врачам понять, какие именно данные анамнеза или анализа обусловили высокий риск у пациента [10].

Представленные работы демонстрируют, что алгоритмы машинного обучения способны превосходить устоявшиеся шкалы по качеству стратификации рисков, расширяя границы персонификации оценок и обеспечивая высокую устойчивость показателей при внешней проверке. Высокие значения AUROC для различных моделей подчёркивают потенциал комплексного анализа клинико-лабораторных данных с учётом ретроспективных и проспективных валидаций [2]. Одновременно следует учитывать компромисс между точностью и прозрачностью алгоритмов: применение методов интерпретируемости, например анализа SHAP, представляется практичным путём повышения доверия клиницистов к решениям ИИ. Ниже приведена сравнительная характеристика алгоритмов машинного обучения по параметрам применимости в клинической среде (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительный анализ алгоритмов машинного обучения по применимости в медицине (составлено автором на основе [5, 6, 8]).

Table 3

Comparative analysis of machine learning algorithms for applicability in medicine (compiled by the author based on [5, 6, 8]).

Алгоритм	Достоинства	Ограничения	Подходит для внедрения в клинику
Логистическая регрессия	Простота интерпретации, высокая объяснимость	Ограниченная точность при сложных нелинейных взаимосвязях	Да
Решающее дерево	Быстрая визуализация, позволяет видеть структуру принятия решений	Склонность к переобучению, нестабильность при изменении данных	Частично
XGBoost	Высокая точность, устойчивость к шуму	Трудность интерпретации, требует вычислительных ресурсов	Да
Глубокие нейросети	Способность выявлять сложные зависимости	“Чёрный ящик”, необходимость в больших данных	Нет (без SHAP/LIME)
Метод опорных векторов (SVM)	Эффективность при малых объёмах данных	Низкая масштабируемость, сложность понимания выходных данных	Ограниченно

Расширение мультицентровых исследований и дальнейшая интеграция адаптивных моделей в клинические рабочие процессы представляют область приоритетного научного поиска. Поэтому можно полагать, что сочетание углублённого машинного обучения с инструментами объяснимости создаст новые возможности для индивидуального предоперационного скрининга и снизит частоту неблагоприятных исходов.

Результаты обзора свидетельствуют, что использование искусственного интеллекта, опирающегося на данные анамнеза и лабораторных показателей, выводит предоперационный риск-скрининг на качественно новый уровень. Повышение точности прогнозов имеет глубокое практическое значение: более раннее и точное выявление “группы риска” позволяет индивидуализировать ведение пациента. В клинической практике это означает, что пациентов с высоким предсказанным риском осложнений можно направить на углублённое обследование (например, дополнительная кардиологическая оценка), оптимизировать их состояние до операции (коррекция анемии, компенсация хронических заболеваний), планировать операцию с участием более опытной бригады или в присутствии реаниматолога, зарезервировать койку в отделении интенсивной терапии и т.д. Тем самым улучшаются конечные результаты лечения. Крупное исследование показало, что внедрение автоматизированной модели ИИ в сеть стационаров действительно приводит к изменению клинической тактики: врачи получают предупреждения о высоком риске и могут своевременно

вмешаться. Это подчёркивает, что ИИ-инструменты способны не только предсказывать, но и менять поведение клиницистов, становясь частью системы поддержки принятия решений.

Анализ факторов, которые выявляют модели ИИ, также дает ценные инсайты. Интересно, что алгоритмы практически во всех исследованиях подтверждают значимость известных клинике показателей (возраст, сопутствующие заболевания, функциональное состояние, ключевые лабораторные маркеры, например уровень гемоглобина или креатинина). Однако, помимо этого, они выделяют и менее очевидные признаки риска. Например, упомянутая модель указала на количество назначенных предоперационных консультаций профильных специалистов как один из важных предикторов летального исхода. Логически это отражает сложность состояния пациента: чем больше потребовалось консилиумов и консультаций (кардиолога, эндокринолога и т.д.), тем вероятно тяжелее больной, хотя напрямую это не входит в стандартные шкалы. Такие находки расширяют наше понимание факторов риска. Кроме того, использование лабораторных данных (например, уровень С-реактивного белка, показатели печени, электролиты) позволяет моделям улавливать биохимические индикаторы уязвимости пациента, которые ранее могли недооцениваться. ИИ способен обнаружить сложные нелинейные связи: скажем, комбинация умеренно повышенного креатинина, легкой анемии и диабета в сумме резко повышает риск, хотя каждый из этих факторов по отдельности не критичен. Для врача подобный

вывод не всегда очевиден, а модель его формализует. В итоге, клиницист, пользуясь выводами ИИ, получает более полную картину состояния пациента, что способствует лучшей подготовке к операции.

Внедрение ИИ в предоперационную практику сталкивается и с вызовами. Во-первых, нужны большие тщательно собранные датасеты, интегрирующие все данные о пациенте – от истории болезни до результатов анализов – в машиночитаемом формате. Пока не все лечебные учреждения имеют такие электронные системы. Во-вторых, важно обеспечить валидность и обобщаемость моделей: алгоритм, обученный на данных одной клиники, может терять точность в другой популяции из-за иных протоколов лечения или характеристик пациентов. Поэтому актуальна разработка многоцентровых моделей или адаптивных алгоритмов, умеющих дообучаться под новую среду. В-третьих, необходимо преодолеть «черный ящик» ИИ – добиться доверия со стороны врачей. Здесь помогают методы интерпретации (SHAP, LIME и др.), визуализация значимости признаков, а также включение врачей в процесс разработки модели (чтобы она учитывала клинически осмысленные параметры).

Наконец, следует отметить, что ИИ-скрининг риска призван не заменить врача, а усилить его возможности. Решение о лечении остается за клиницистом; алгоритм лишь предоставляет дополнительный инструмент, иногда указывая на нетривиальные угрозы. Например, модель может подсказать, что относительно “здоровый” на первый взгляд пациент имеет скрытый высокий риск на основе сочетания показателей – это послужит сигналом более внимательно обследовать его перед операцией. Таким образом, сотрудничество человека и ИИ позволяет достичь наилучших результатов: врач задает правильные вопросы и контролирует процесс, а машина быстро обрабатывает данные и предлагает прогноз.

С течением времени и накоплением опыта использования ИИ в предоперационном менеджменте можно ожидать повышения точности и надежности моделей. По мере включения все новых типов данных – генетических, данных изображений (например, результатов ЭхоКГ, КТ) – прогнозы станут еще более персонализированными. Однако уже сейчас, исходя из проанализированных работ, ясно, что ИИ-методы превосходят по эффективности устаревшие подходы и постепенно будут интегрированы в стандарты предоперационной подготовки.

Выводы

Искусственный интеллект, обрабатывающий данные анамнеза и результаты лабораторных исследований, продемонстрировал высокую эффективность в задаче предоперационного риск-скрининга. Проведенный обзор показал, что модели машинного обучения способны более точно предсказывать вероятность послеоперационных осложнений и летальных исходов, чем традиционные клинические оценки. В количественном отношении это выражается в существенном увеличении площади ROC-кривой (AUROC) прогностических моделей ИИ по сравнению с классическими скоринговыми системами. Научная новизна таких результатов заключается в применении передовых алгоритмов анализа данных для решения медико-клинической проблемы прогнозирования, что открывает новую эру в персонализированной периоперационной медицине.

Практическая значимость внедрения ИИ-скрининга огромна. Благодаря более точной стратификации риска врачи могут заблаговременно идентифицировать пациентов, требующих усиленного внимания, и адаптировать план лечения: проводить коррекцию выявленных отклонений, планировать дополнительные ресурсы (например, реанимационное сопровождение), выбирать оптимальный момент и метод операции. В конечном счете это приводит к снижению частоты осложнений и улучшению исходов хирургического лечения. Кроме того, автоматизация процесса оценки риска экономит время медицинского персонала и стандартизирует подход, минимизируя человеческий фактор в анализе сложной информации.

Основные выводы данной работы сводятся к тому, что методы ИИ, анализирующие совокупность анамнестических и лабораторных данных, уже доказали свою состоятельность и превосходят традиционные подходы по точности и интегральной пользе. Для дальнейшего развития направления необходимо масштабировать исследования, повышать интерпретируемость моделей и интегрировать их в клинические информационные системы. Тем не менее, уже сейчас очевидно, что искусственный интеллект станет неотъемлемой частью предоперационного этапа, помогая врачам принимать более обоснованные решения и повышая безопасность пациентов. Иными словами, сочетание классических знаний врача с вычислительной мощностью и проницательностью ИИ обеспечивает новый уровень качества предоперационной подготовки, что имеет огромное значение как с научной, так и с практической точки зрения для современной хирургии.

Список источников

1. Лapidус Л.В., Токарева О.М. Разработка таксономии решений на основе технологий искусственного интеллекта в практике оказания медицинских услуг // Экономика и управление. 2024. № 7. С. 819 – 831. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-taksonomii-resheniy-na-osnove-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-praktike-okazaniya-meditsinskih-uslug> (дата обращения: 28.04.2025)
2. Переверзев В.С., Казьмин А.И., Сажнев М.Л., Пантелеев А.А., Колесов С.В. Искусственный интеллект для прогнозирования различных состояний в вертебрологии: систематический обзор // Гений ортопедии. 2021. № 6. С. 813 – 818. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-dlya-prognozirovaniya-razlichnyh-sostoyaniy-v-vertebrologii-sistematicheskii-obzor> (дата обращения: 29.04.2025)
3. Пранович А.А., Исмаилов А.К., Карельская Н.А. и др. Искусственный интеллект в диагностике и лечении мочекаменной болезни // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2022. № 1. С. 42 – 57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-diaagnostike-i-lechenii-mochekamennoy-bolezni> (дата обращения: 27.04.2025)
4. Шайлиева Ш.Л., Мамчуева Д.Х., Вишневская А.П. и др. Возможности применения искусственного интеллекта в современной гинекологии // Акушерство, гинекология и репродукция. 2024. Т. 18. № 4. С. 563 – 580. DOI: <https://doi.org/10.17749/2313-7347/ob.gyn.rep.2024.511>
5. Arina P., Kaczorek M.R., Hofmaenner D.A. et al. Prediction of Complications and Prognostication in Perioperative Medicine: A Systematic Review and PROBAST Assessment of Machine Learning Tools // Anesthesiology. 2024. Vol. 140. No. 1. P. 85 – 101. DOI: 10.1097/ALN.0000000000004764
6. Corey K. M., Kashyap S., Lorenzi E. et al. Development and validation of machine learning models to identify high-risk surgical patients using automatically curated electronic health record data (Pythia): A retrospective, single-site study // PLOS Medicine. 2018. Vol. 15. No. 11. P. e1002701. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1002701>
7. Graefner M., Jungwirth B., Frank E. et al. Enabling personalized perioperative risk prediction by using a machine-learning model based on preoperative data // Scientific Reports. 2023. Vol. 13. P. 7128. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-33981-8>
8. Li Y.Y., Wang J.J., Huang S.H. et al. Implementation of a machine learning application in preoperative risk assessment for hip repair surgery // BMC Anesthesiology. 2022. Vol. 22. P. 116. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12871-022-01648-y>
9. Mahajan A., Esper S., Oo T. H. et al. Development and Validation of a Machine Learning Model to Identify Patients Before Surgery at High Risk for Postoperative Adverse Events // JAMA Network Open. 2023. Vol. 6. No. 7. P. 85. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2023.22285
10. Yu Q., Fu M., Hou Z. et al. Elucidating predictors of preoperative acute heart failure in older people with hip fractures through machine learning and SHAP analysis: a retrospective cohort study // BMC Geriatrics. 2025. Vol. 25. P. 268. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12877-025-05920-x>

References

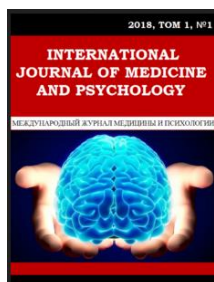
1. Lapidus L.V., Tokareva O.M. Development of a taxonomy of decisions based on artificial intelligence technologies in the practice of providing medical services. Economy and Management. 2024. No. 7. P. 819 – 831. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-taksonomii-resheniy-na-osnove-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-praktike-okazaniya-meditsinskih-uslug> (date of access: 04.28.2025)
2. Pereverzev V.S., Kazmin A.I., Sazhnev M.L., Panteleev A.A., Kolesov S.V. Artificial intelligence for predicting various conditions in vertebrology: a systematic review. Genius of Orthopedics. 2021. No. 6. P. 813 – 818. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-dlya-prognozirovaniya-razlichnyh-sostoyaniy-v-vertebrologii-sistematicheskii-obzor> (date of access: 04.29.2025)
3. Pranovich A.A., Ismailov A.K., Karelskaya N.A. et al. Artificial intelligence in the diagnosis and treatment of urolithiasis. Journal of Telemedicine and Electronic Health. 2022. No. 1. P. 42 – 57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-diaagnostike-i-lechenii-mochekamennoy-bolezni> (date of access: 04.27.2025)
4. Shailieva Sh.L., Mamchueva D.Kh., Vishnevskaya A.P. et al. Possibilities of using artificial intelligence in modern gynecology. Obstetrics, gynecology and reproduction. 2024. T. 18. No. 4. P. 563 – 580. DOI: <https://doi.org/10.17749/2313-7347/ob.gyn.rep.2024.511>
5. Arina P., Kaczorek M.R., Hofmaenner D.A. et al. Prediction of Complications and Prognostication in Perioperative Medicine: A Systematic Review and PROBAST Assessment of Machine Learning Tools. Anesthesiology. 2024. Vol. 140.No. 1. P. 85 – 101. DOI: 10.1097/ALN.0000000000004764

6. Corey K. M., Kashyap S., Lorenzi E. et al. Development and validation of machine learning models to identify high-risk surgical patients using automatically curated electronic health record data (Pythia): A retrospective, single-site study. *PLOS Medicine*. 2018. Vol. 15. No. 11. P. e1002701. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pmed.1002701>
7. Graeßner M., Jungwirth B., Frank E. et al. Enabling personalized perioperative risk prediction by using a machine-learning model based on preoperative data. *Scientific Reports*. 2023. Vol. 13. P. 7128. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-33981-8>
8. Li Y.Y., Wang J.J., Huang S.H. et al. Implementation of a machine learning application in preoperative risk assessment for hip repair surgery. *BMC Anesthesiology*. 2022. Vol. 22. P. 116. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12871-022-01648-y>
9. Mahajan A., Esper S., Oo T. H. et al. Development and Validation of a Machine Learning Model to Identify Patients Before Surgery at High Risk for Postoperative Adverse Events. *JAMA Network Open*. 2023. Vol. 6. No. 7. P. 85. DOI: [10.1001/jamanetworkopen.2023.22285](https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2023.22285)
10. Yu Q., Fu M., Hou Z. et al. Elucidating predictors of preoperative acute heart failure in older people with hip fractures through machine learning and SHAP analysis: a retrospective cohort study. *BMC Geriatrics*. 2025. Vol. 25. P. 268. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12877-025-05920-x>

Информация об авторе

Добренко О.В., врач-анестезиолог-реаниматолог, Клиника Зиген, Германия, dobrenkoooly@gmail.com

© Добренко О.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616.857.

¹ Ковалева В.Н.,
² Малеванный А.Е.,
² Тауфик В-С.А.,
² Красовская М.А.,
¹ Мордвинцев Д.Ю.,

¹ Научно-исследовательский институт функционального питания, г. Москва,

² Клиника холистической медицины и диагностики «Adaptogenzz»

Пептидные гидролизаты и качество жизни пациентов с мигренью: долгосрочные эффекты и перспективы улучшения (серия клинических случаев)

Аннотация: мигрень – распространенное хроническое заболевание с пароксизмальными головными болями и очаговыми неврологическими нарушениями, которое значительно ухудшает качество жизни. Окислительный стресс является наиболее распространенным фактором, лежащим в основе триггеров мигрени. В статье представлена серия клинических случаев лечения хронической мигрени, включая резистентную к терапии, пептидными гидролизатами животного и рыбного происхождения. Согласно результатам пациентов, применение пептидных гидролизатов может быть показано как в стандартных случаях, с легкими и умеренными проявлениями хронической мигрени, так и в случаях рефрактерности к стандартным методам терапии, ввиду их выраженной антиоксидантной активности гидролизатов. У пациентов наблюдалось повышение качества жизни при краткосрочном применении, а при регулярном приеме от 6 месяцев и более наблюдался стойкий терапевтический эффект. Пептидные белковые гидролизаты – первые в России системы восстанавливающего низкомолекулярного питания и нутритивной поддержки организма, произведенные Российской компанией «Софос Протеин Биотехнологии» из натурального отечественного животного сырья. Пептидные гидролизаты имеют в своем составе широкий профиль протеиногенных аминокислот выполняющих структурную функцию при формировании белков: глицин, аланин, пролин, серин, аспарагиновая кислота, глутаминовая кислота, глутамин, аргинин, гистидин, тирозин,) в том числе 7 из 8 незаменимых – валин, изолейцин, лейцин, треонин, метионин, лизин, фенилаланин.

Ключевые слова: мигрень, пептиды, гидролизаты, аминокислоты, окислительный стресс, гидролизаты белков

Для цитирования: Ковалева В.Н., Малеванный А.Е., Тауфик В-С.А., Красовская М.А., Мордвинцев Д.Ю. Пептидные гидролизаты и качество жизни пациентов с мигренью: долгосрочные эффекты и перспективы улучшения (серия клинических случаев) // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 24 – 30.

Поступила в редакцию: 8 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Kovaleva V.N.,
² Malevanny A.E.,
² Taufik V.-S.A.,
² Krasovskaya M.A.,
¹ Mordvintsev D.Yu.,

¹ Research Institute of Functional Nutrition, Moscow
² Clinic of holistic medicine and diagnostics «Adaptogenzz»

Peptide hydrolysates and quality of life in migraine patients: long-term effects and prospects for improvement (clinical case series)

Abstract: migraine is a common chronic disease with paroxysmal headaches and focal neurological disorders, which significantly worsens the quality of life. Oxidative stress is the most common factor underlying migraine triggers. The article presents a series of clinical cases of chronic migraine treatment, including resistant to therapy, with peptide hydrolysates of animal and fish origin. According to the patients' results, the use of peptide hydrolysates can be indicated both in standard cases, with mild and moderate manifestations of chronic migraine, and in cases of refractoriness to standard methods of therapy, due to their pronounced antioxidant activity of hydrolysates. Patients observed an increase in the quality of life with short-term use, and with regular use for 6 months or more, a persistent therapeutic effect was observed. Peptide protein hydrolysates are the first systems of restorative low-molecular nutrition and nutritional support of the body in Russia, produced by the Russian company Sophos Protein Biotechnology from natural domestic animal raw materials. Peptide hydrolysates contain a wide range of proteinogenic amino acids that perform a structural function in the formation of proteins: glycine, alanine, proline, serine, aspartic acid, glutamic acid, glutamine, arginine, histidine, tyrosine, including 7 of the 8 essential ones – valine, isoleucine, leucine, threonine, methionine, lysine, phenylalanine.

Keywords: migraine, peptides, hydrolysates, amino acids, oxidative stress, protein hydrolysates

For citation: Kovaleva V.N., Malevanny A.E., Taufik V.-S.A., Krasovskaya M.A., Mordvintsev D.Yu. Peptide hydrolysates and quality of life in migraine patients: long-term effects and prospects for improvement (clinical case series). International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 24 – 30.

The article was submitted: June 8, 2025; Approved after reviewing: August 5, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Мигрень – очень распространенное неврологическое заболевание с хроническим течением, которое характеризуется пароксизмальными головными болями с вегетативными симптомами, а у некоторых пациентов, очаговыми неврологическими нарушениями. Патогенез заболевания не изучен полностью. Мигренью страдает около 14% населения всего мира, при этом, распространенность мигрени значительно выше у женщин и, как правило, увеличивается с возрастом, достигая пика в возрастной группе от 40 до 44 лет, а затем снижаясь у пожилых людей [1, 2].

Мигрень оказывает глубокое воздействие, снижая качество жизни и накладывая существенное финансовое бремя на общественное здравоохранения. Сообщается, что мигрень является второй по значимости причиной инвалидности в целом и основной причиной среди молодых женщин [3]. С экономической точки зрения бремя мигрени включает как прямые медицинские расходы на диагностику и лечение, так и косвенные расходы,

связанные с потерей производительности труда среди рабочей силы [4].

У пациентов с мигренью, особенно у тех, кто страдает мигренью с аурой, часто наблюдаются гиперинтенсивные изменения в мозге, в первую очередь в задней черепной ямке [5]. Эти изменения можно классифицировать как сосудистые по своей природе, напоминающие очаги инсульта, или несосудистые, классифицируемые как глубокие поражения белого вещества [5]. Ранее сообщалось, что у 10,4% из всех пациентов с инфарктом мозга в возрасте до 45 лет, состояние было связано с хронической мигренью [4]. Также наблюдалась более высокая частота инфаркта мозга, связанного с мигренью, в группе женщин в возрасте от 20 до 44 лет, которые соответствовали дополнительным условиям, таким как: частота приступов достигала не менее 12 в год, и мигрень наблюдалась в течение не менее 12 лет [6].

Материалы и методы исследований

Установлено, что мигрень и инсульт имеют общие патофизиологические пути. Ключевую роль

при этом играют эндотелиальная функция, активация тромбоцитов, и окислительный стресс. Окислительный стресс возникает из-за чрезмерного производства свободных радикалов, когда система не может обеспечить адекватный антиоксидантный ответ. Учитывая, высокое потребление мозгом кислорода и богатое содержание в нем липидов, крайне восприимчив к окислительному стрессу [7]. Окислительный стресс является распространенным фактором, лежащим в основе триггеров мигрени, способным нарушить биохимическую целостность центральной нервной системы и способствовать нейронной дисфункции в мозге пациентов с мигренью [8]. Более того, патофизиологические процессы, лежащие в основе инсульта, также включают окислительный стресс, который сопровождается аминокислотной токсичностью, ионными нарушениями, повышенным апоптозом и воспалением, что приводит к повреждению мозга [9].

Исходя из этого, борьба с окислительным стрессом, представляется важным моментом в борьбе с мигренью и ее долгосрочными последствиями в виде инсульта. Подобное антиоксидантное действие, путем уменьшения окислительного стресса оказывают пептидные гидролизаты, полученные из белков натурального происхождения (рыба, курица, говядина) [10, 11, 12]. Новые последовательности аминокислот в пептидах, полученные при гидролизе протеазами из разных источников способствуют удалению свободных радикалов, поддерживают окислительно-восстановительный баланс и металлохелатирующую активность, ингибируют ферментативную и неферментативную активность [12, 13].

Таким образом, гидролизаты натуральных белков демонстрируют повышенную антиоксидантную активность, которая зависит от фермента и условий гидролиза [14].

Цель исследования – представить серию клинических случаев лечения хронической мигрени, включая резистентную к терапии мигрень, пептидными гидролизатами животного и рыбного происхождения.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим клинические случаи.

Клинический случай №1

Пациент М., женщина, 46 лет. Жалобы на интенсивные головные боли пульсирующего характера, преимущественно в правой височной области, возникающие 2-3 раза в неделю, длительностью от 4 до 72 часов. Приступы головной боли сопровождаются фото- и фонобией, тошнотой, головокружением. Пациентка связывает начало приступов с психоэмоциональным стрессом,

определенными периодами менструального цикла, изменениями погоды, дефицитом ночного сна. Семейный анамнез отягощен (была диагностирована мигрень у матери, в возрасте 39 лет). Общая продолжительность заболевания около 6 лет.

При проведении диагностики неврологический статус без очаговой симптоматики, показатели общеклинических анализов крови и мочи в пределах референсных значений. МРТ головного мозга без структурных изменений; транскраниальная доплерография выявила признаки вазоспазма церебральных сосудов в межприступный период.

В анамнезе использование различных препаратов для купирования приступов: нестероидные противовоспалительные препараты (ибупрофен, напроксен), с временным незначительным эффектом, а также триптаны (суматриптан), с кратковременным облегчением и развитием побочных эффектов (сердцебиение, ощущение сдавления в груди). Далее во время приема триптанов получала профилактическую терапию бета-блокаторами непродолжительное время (были отменены из-за брадикардии). Помимо этого, были назначены антидепрессанты (амитриптилин), которые не оказали существенного влияния на частоту и интенсивность приступов.

Принимала пептидный гидролизат животного происхождения на протяжении 12 месяцев (говядина) по 5 г ежедневно, во время приступов мигрени увеличивала дозировку до 10 г в сутки. В период терапии гидролизатом не получала другие лекарственные средства или БАДы, кроме НПВС в период приступа. Кроме того, не применялись немедикаментозные методы (акупунктура, лечебная физкультура, массаж, физиотерапия, когнитивно-поведенческая терапия и др.).

С начала курса терапии пациентка вела «дневник приступов», где указывала частоту и продолжительность приступов, количественную характеристику боли по визуально-аналоговой шкале (до 2 баллов – слабая; 2-4 балла – умеренная; 4-6 баллов – сильная; 6-8 баллов – сильнейшая; 8-10 баллов – невыносимая), а также наличие тошноты, рвоты, головокружения, фото- и фонобоязни, эффект от НПВС.

Отмечает облегчение симптомов мигрени через 2 месяца регулярного приема гидролизатов, в частности наблюдалось значительное уменьшение частоты и интенсивности головной боли. К концу курса лечения частота приступов снизилась до 1 раза в 2-3 месяца, при этом интенсивность боли существенно уменьшилась (1 балл – слабая боль), во время приступов пациентка обходилась без приема НПВС, приступы не сопровождались фото- и звукобоязнью. Боль проходила самостоя-

тельно после сна или отдыха в кровати. Более того, пациентка отметила улучшение общего самочувствия и повышение работоспособности, что позволило ей вернуться на прежнюю работу, от которой ранее была вынуждена отказаться по причине избыточной частоты приступов и интенсивности болевого синдрома.

Клинический случай №2

Пациент Э., женщина, 57 лет. предъявляет жалобы на хроническую головную боль, соответствующую критериям мигрени без ауры (ICHD-3), сопровождающуюся выраженной тревожностью и общей слабостью. Анамнез заболевания включал эпизодические головные боли с подросткового возраста, трансформировавшиеся в хроническую форму в течение последних 7 лет. При оценке интенсивности боли в период приступа пациентка отметила диапазон от 7,5 до 9 баллов (сильнейшая и невыносимая боль).

Неврологический осмотр не выявил очаговой симптоматики. Психометрическое тестирование с использованием шкалы тревоги и депрессии Гамильтона (HADS) продемонстрировало выраженные признаки тревожного расстройства (16 баллов). Инструментальные исследования включали МРТ головного мозга, согласно заключению которого исключены структурные патологии, опухоли и признаки демиелинизации. Отмечались единичные гиперинтенсивные очаги в белом веществе, вероятно, сосудистого генеза, не имеющие клинического значения; а также проведена ЭЭГ без признаков патологической активности и регистрации эпилептиформных разрядов. При проведении УЗДГ брахиоцефальных артерий обнаружены признаки незначительной ангиодистонии. Из сопутствующих заболеваний выявлен поликистоз почек; активная форма гепатита С.

Учитывая то, что стандартные методы лечения, включавшие триптаны (суматриптан, элетриптан), НПВС (ибупрофен, напроксен) и бета-блокаторы (пропранолол), оказались неэффективными был выставлен диагноз: Хроническая мигрень без ауры, рефрактерная к стандартной терапии. Коморбидное тревожное расстройство. Астенический синдром.

Пациентка получала монотерапию пептидными гидролизатами животного (курица и говядина) и рыбного происхождения на протяжении 18 месяцев, ежедневно по 10 г, без перерыва. Лечение дополняла только НПВС в период приступов.

Эффект от приема пептидных гидролизатов пациентка отметила через 2 недели регулярного приема терапевтической дозировки, который проявлялся в виде снижения уровня интенсивности тревожности, улучшения качества сна, своевремен-

ным утренним подъемом. Через 2 месяца было зафиксировано снижение интенсивности болевого синдрома до 4 баллов (умеренная боль), частота приступов сократилась в 2 раза. Пациентка не отмечает наличие эпизодов головной боли на протяжении 8 месяцев; утверждает, что занялась активной модификацией образа жизни, включая питание, регулярные физические упражнения и соблюдение режима сна и бодрствования.

Клинический случай № 3

Пациент Е., женщина, 61 год. Страдает хронической мигренью и сопутствующим гипотиреозом на протяжении 8 лет. Мигрень проявляется эпизодами головной боли высокой интенсивности, сопровождающимися сильным недомоганием и тошнотой, возникающими более 15 дней каждый месяц. Интенсивность боли по визуально-аналоговой шкале составляла 7-8 баллов. Пациентка также отмечала хроническую усталость, снижение концентрации внимания и ухудшение памяти, что соответствует симптомам гипотиреоза. Нейропсихологическое тестирование выявило снижение скорости обработки информации и исполнительных функций.

Согласно результатам лабораторных исследований, был зафиксирован повышенный уровень тиреотропного гормона (ТТГ) и сниженный уровень свободного тироксина (Т4). Дефицит энергии, характерный для гипотиреоза, приводил к значительному снижению активности, нарушению сна и как следствие, к учащению эпизодов мигрени.

Основное лечение было направлено на коррекцию гипотиреоза заместительной терапией левотироксином, с постепенным подбором дозы до достижения эутиреоидного состояния. Параллельно проводилось лечение мигрени с использованием триптанов во время острых приступов и бета-блокаторов в качестве профилактической терапии. По причине низкой эффективности триптанов, которая характерна при наличии сопутствующих эндокринных нарушений пациентке были даны рекомендации по изменению образа жизни, включая регулярные физические упражнения умеренной интенсивности, соблюдение режима сна и бодрствования, а также диету, богатую питательными веществами. Однако, в силу хронической усталости, сонливости, пациентка не соблюдала рекомендации, а купировала приступы боли высокими дозами НПВС.

Пациентка принимала пептидные гидролизаты животного и рыбного происхождения на протяжении 21 месяца (каждый вид гидролизата принимала в течение месяца, затем чередовала). После 8-недельного курса терапии было отмечено значи-

тельное снижение частоты и интенсивности мигренозных приступов. Количество дней с головной болью сократилось до менее 5 в месяц; субъективная оценка интенсивности боли составила 4-5 баллов. Через три месяца после начала лечения отмечено значительное улучшение: частота и интенсивность мигренозных приступов снизились (до 2-3 баллов), улучшилось общее состояние и повысился уровень энергии. Пациентка также сообщила об улучшении концентрации внимания через 12 месяцев регулярного приема пептидных гидролизатов, а повторное нейропсихологическое тестирование подтвердило улучшение когнитивных показателей. Нормализация уровня гормонов щитовидной железы была достигнута путем коррекции дозы левотироксина.

Клинический случай №4

Пациент О., женщина, 47 лет. Предъявляет жалобы на рецидивирующие приступы головной боли, соответствующие критериям мигрени без ауры (ICHD-3, 1.1). Головные боли локализовались преимущественно в правой гемикрании, характеризовались пульсирующим характером, интенсивностью 7-8 баллов по визуальной аналоговой шкале (ВАШ). Частота приступов головной боли варьировала от 2 до 5 раз в месяц, длительность – от 6 до 8 часов.

Первые приступы головной боли возникли в возрасте 30 лет, с течением времени частота и интенсивность увеличивались. В качестве провоцирующих факторов выделяет стресс, менструальный цикл. Из инструментальных исследований

прошла транскраниальную доплерографию (ТКДГ), где были обнаружены признаки умеренного ангиоспазма в бассейне средней мозговой артерии справа. Был выставлен диагноз: мигрень без ауры, эпизодическая форма.

От стандартной терапии пациентка отказалась, прибегала только к НПВС в период приступов. Пациентка принимала пептидными гидролизатами животного происхождения (говядина) в терапевтической дозировке (10 г ежедневно) в течение 3 месяцев. Согласно промежуточному результату лечения, пациентка отмечает снижение частоты приступов до 1 раза в месяц, а интенсивность боли снизилась до 3 баллов.

Выводы

Таким образом, применение пептидных гидролизатов животного и рыбного происхождения может быть показано как в стандартных случаях, с легкими и умеренными проявлениями хронической мигрени, так и в случаях резистентности к стандартным методам терапии. Выраженная антиоксидантная активность пептидных гидролизатов способствует улучшению качества жизни пациентов при краткосрочном применении, а при регулярном приеме от 6 месяцев и более наблюдается стойкий терапевтический эффект. Следует отметить, что гидролизаты отличались стопроцентной переносимостью, а натуральный состав обеспечивает сочетание с фармакологическими средствами и немедикаментозными методами лечения хронической мигрени.

Список источников

1. Табеева Г.Р., Кацарава З., Дмитриев Г.В., Любовная Ю.О., Ковальчук Н.А. Мигрень в реальной клинической практике: результаты наблюдательного исследования паттернов диагностики и лечения среди городского населения Российской Федерации // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2021. № 121 (12). С. 40 – 50.
2. Stovner L.J., Hagen K., Linde M., Steiner T.J. The global prevalence of headache: an update, with analysis of the influences of methodological factors on prevalence estimates // Headache Pain. 2022. No. 23. P. 1 – 17. 10.1186/S10194-022-01402-2/TABLES/7
3. Steiner T.J., Stovner L.J., Jensen R. et al. Migraine remains second among the world's causes of disability, and first among young women: findings from GBD2019 // Headache Pain. 2020. No. 21. 10.1186/S10194-020-01208-0
4. Borończyk M., Zduńska A., Węgrzynek-Gallina J., Grodzka O., Lasek-Bal A., Domitrz I. Migraine and stroke: correlation, coexistence, dependence – a modern perspective // J Headache Pain. 2025. No. 26 (1). P. 39. doi: 10.1186/s10194-025-01973-w
5. Kruit M.C., van Buchem M.A., Launer L.J. et al. Migraine is associated with an increased risk of deep white matter lesions, subclinical posterior circulation infarcts and brain iron accumulation: the population-based MRI CAMERA study // Cephalalgia. 2009. No. 30. P. 129 – 136. 10.1111/j.1468-2982.2009.01904.x
6. Donaghy M., Chang C.L., Poulter N. Duration, frequency, recency, and type of migraine and the risk of ischaemic stroke in women of childbearing age. Journal of Neurology, Neurosurgery & Psychiatry. 2002. No. 73. P. 747. 10.1136/jnnp.73.6.747
7. Salim S. Oxidative stress and the central nervous system // Pharmacol Exp Therio 2017. No. 360. P. 201 – 205.

8. Frank F., Faulhaber M., Messlinger K. et al. Migraine and aura triggered by normobaric hypoxia // *Cephalalgia*. 2020. No. 40. P. 1561 – 1573. 10.1177/0333102420949202
9. Su Z, Ye Y, Shen C et al. Pathophysiology of Ischemic Stroke: Noncoding RNA Role in Oxidative Stress. *Oxid Med Cell Longev*. 2022. P. 5815843. 10.1155/2022/5815843
10. Gui M., Gao L., Rao L., Li P., Zhang Y., Han J.W., Li J. Bioactive peptides identified from enzymatic hydrolysates of sturgeon skin. *J Sci Food Agric*. 2022. No. 102 (5). P. 1948 – 1957. doi: 10.1002/jsfa.11532
11. Khasmakhi E.N., Rahimabadi E.Z., Sangatash M.M. Purification and characterization of antioxidant peptide fractions from protein hydrolysate of rainbow trout (*Oncorhynchus mykiss*) viscera. *Food Res Int*. 2025. No. 206. P. 116027. doi: 10.1016/j.foodres.2025.116027
12. Zhou Y., Xu Q., Zhou X., Song S., Zhu B. Stress resistance and lifespan extension of *Caenorhabditis elegans* enhanced by peptides from mussel (*Mytilus edulis*) protein hydrolysate // *Food Funct*. 2018. No. 9 (6). P. 3313 – 3320. doi: 10.1039/c8fo00021b
13. Yang Q., Cai X., Yan A., Tian Y., Du M., Wang S. A Specific Antioxidant Peptide: Its Properties in Controlling Oxidation and Possible Action Mechanism // *Food Chem*. 2020. No. 327. P. 126984. doi: 10.1016/j.foodchem.2020.126984
14. Kamoun Z., Kamoun A.S., Bougatef A., Chtourou Y., Boudawara T., Nasri M., Zeghal N. Efficacy of Sardinelle Protein Hydrolysate to Alleviate Ethanol-Induced Oxidative Stress in the Heart of Adult Rats // *Food Sci*. 2012. No. 77. P. T156 – T162. doi: 10.1111/j.1750-3841.2012.02792.x

References

1. Tabeeva G.R., Katsarava Z., Dmitriev G.V., Lyubovnaya Yu.O., Kovalchuk N.A. Migraine in real clinical practice: results of an observational study of patterns of diagnosis and treatment among the urban population of the Russian Federation. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*. 2021. No. 121 (12). P. 40 – 50.
2. Stovner L.J., Hagen K., Linde M., Steiner T.J. The global prevalence of headache: an update, with analysis of the influences of methodological factors on prevalence estimates. *Headache Pain*. 2022. No. 23. P. 1 – 17. 10.1186/S10194-022-01402-2/TABLES/7
3. Steiner T.J., Stovner L.J., Jensen R. et al. Migraine remains second among the world's causes of disability, and first among young women: findings from GBD2019. *Headache Pain*. 2020. No. 21. 10.1186/S10194-020-01208-0
4. Borończyk M., Zduńska A., Węgrzynek-Gallina J., Grodzka O., Lasek-Bal A., Domitrz I. Migraine and stroke: correlation, coexistence, dependence – a modern perspective. *J Headache Pain*. 2025. No. 26(1). P. 39. doi: 10.1186/s10194-025-01973-w
5. Kruit M.C., van Buchem M.A., Launer L.J. et al. Migraine is associated with an increased risk of deep white matter lesions, subclinical posterior circulation infarcts and brain iron accumulation: the population-based MRI CAMERA study. *Cephalalgia*. 2009. No. 30. P. 129 – 136. 10.1111/j.1468-2982.2009.01904.x
6. Donaghy M., Chang C.L., Poulter N. Duration, frequency, recency, and type of migraine and the risk of ischemic stroke in women of childbearing age. *Journal of Neurology, Neurosurgery & Psychiatry*. 2002. No. 73. P. 747. 10.1136/jnnp.73.6.747
7. Salim S. Oxidative stress and the central nervous system. *Pharmacol Exp Ther* 2017. No. 360. P. 201 – 205.
8. Frank F., Faulhaber M., Messlinger K. et al. Migraine and aura triggered by normobaric hypoxia. *Cephalalgia*. 2020. No. 40. P. 1561 – 1573. 10.1177/0333102420949202
9. Su Z, Ye Y, Shen C et al. Pathophysiology of Ischemic Stroke: Noncoding RNA Role in Oxidative Stress. *Oxid Med Cell Longev*. 2022. P. 5815843. 10.1155/2022/5815843
10. Gui M., Gao L., Rao L., Li P., Zhang Y., Han J.W., Li J. Bioactive peptides identified from enzymatic hydrolysates of sturgeon skin. *J Sci Food Agric*. 2022. No. 102(5). P. 1948 – 1957. doi: 10.1002/jsfa.11532
11. Khasmakhi E.N., Rahimabadi E.Z., Sangatash M.M. Purification and characterization of antioxidant peptide fractions from protein hydrolysate of rainbow trout (*Oncorhynchus mykiss*) viscera. *Food Res Int*. 2025. No. 206. P. 116027. doi: 10.1016/j.foodres.2025.116027
12. Zhou Y., Xu Q., Zhou X., Song S., Zhu B. Stress resistance and lifespan extension of *Caenorhabditis elegans* enhanced by peptides from mussel (*Mytilus edulis*) protein hydrolysate. *Food Funct*. 2018. No. 9 (6). P. 3313 – 3320. doi: 10.1039/c8fo00021b

13. Yang Q., Cai X., Yan A., Tian Y., Du M., Wang S. A Specific Antioxidant Peptide: Its Properties in Controlling Oxidation and Possible Action Mechanism. Food Chem. 2020. No. 327. P. 126984. doi: 10.1016/j.foodchem.2020.126984

14. Kamoun Z., Kamoun A.S., Bougatef A., Chtourou Y., Boudawara T., Nasri M., Zeghal N. Efficacy of Sardinelle Protein Hydrolysate to Alleviate Ethanol-Induced Oxidative Stress in the Heart of Adult Rats. Food Sci. 2012. No. 77. P. T156 – T162. doi: 10.1111/j.1750-3841.2012.02792.x

Информация об авторах

Ковалева В.Н., врач-кардиолог, реаниматолог, медицинский директор, Научно-исследовательский институт функционального питания, г. Москва, info@nutrition-institute.ru

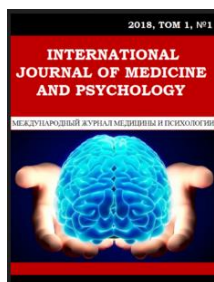
Малеванный А.Е., врач-остеопат, Клиника холистической медицины и диагностики «Adaptogenzz», info@nutrition-institute.ru

Тауфик В-С.А., нутрициолог, Клиника холистической медицины и диагностики «Adaptogenzz», info@nutrition-institute.ru

Красовская М.А., главный врач, Клиника холистической медицины и диагностики «Adaptogenzz», info@nutrition-institute.ru

Мордвинцев Д.Ю., кандидат химических наук, Научно-исследовательский институт функционального питания, г. Москва, chlorum@gmail.com

© Ковалева В.Н., Малеванный А.Е., Тауфик В-С.А., Красовская М.А., Мордвинцев Д.Ю., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.8. Клиническая лабораторная диагностика (медицинские науки)

УДК 616-002.5

¹ Папиева П.В.,

¹ Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Роль системного воспалительного ответа в патогенезе постковидного синдрома: молекулярные механизмы и клинические проявления

Аннотация: постковидный синдром (ПКС) представляет собой одно из наиболее сложных клинко-патогенетических последствий перенесенной инфекции SARS-CoV-2, характеризующееся стойкими симптомами и нарушениями, сохраняющимися спустя недели и месяцы после острого периода заболевания. Наиболее значимым патогенетическим звеном, согласно последним исследованиям, выступает системный воспалительный ответ, опосредованный активацией провоспалительных цитокинов, нарушениями в работе иммунной системы и эндотелиальной дисфункцией. Цель настоящей работы заключается в анализе молекулярных механизмов системного воспаления при ПКС и их клинических проявлений на основе эмпирических данных. Используются методы биохимического анализа крови, клинко-лабораторных обследований, а также ретроспективного анализа историй болезни пациентов. Полученные результаты позволяют утверждать, что персистенция провоспалительных медиаторов тесно связана с клинической картиной ПКС, что открывает возможности для таргетной терапии.

Ключевые слова: постковидный синдром, системный воспалительный ответ, цитокины, IL-6, TNF-α, молекулярные механизмы, клинические проявления

Для цитирования: Папиева П.В. Роль системного воспалительного ответа в патогенезе постковидного синдрома: молекулярные механизмы и клинические проявления // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 31 – 36.

Поступила в редакцию: 9 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Papieva P.V.,

¹ Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
Ministry of Health of the Russian Federation

The role of the systemic inflammatory response in the pathogenesis of covid syndrome: molecular mechanisms and clinical manifestations

Abstract: postcovid syndrome (ASCS) is one of the most complex clinical and pathogenetic consequences of SARS-CoV-2 infection, characterized by persistent symptoms and disorders that persist weeks and months after the acute period of the disease. The most significant pathogenetic link, according to recent studies, is a systemic inflammatory response mediated by the activation of pro-inflammatory cytokines, disorders in the immune system and endothelial dysfunction. The purpose of this work is to analyze the molecular mechanisms of systemic inflammation in ASD and their clinical manifestations based on empirical data. Methods of biochemical blood analysis, clinical and laboratory examinations, as well as a retrospective analysis of patients' medical histories were used. The results obtained suggest that the persistence of pro-inflammatory mediators is closely related to the clinical picture of ASD, which opens up opportunities for targeted therapy.

Keywords: kidney syndrome, systemic inflammatory response, cytokines, IL-6, TNF- α , molecular mechanisms, clinical manifestations

For citation: Papieva P.V. The role of the systemic inflammatory response in the pathogenesis of covid syndrome: molecular mechanisms and clinical manifestations. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 31 – 36.

The article was submitted: June 9, 2025; Approved after reviewing: August 6, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19), вызванной вирусом SARS-CoV-2, стала одним из наиболее значимых глобальных вызовов для здравоохранения XXI века. С начала распространения заболевания в конце 2019 года стало очевидно, что инфекция оказывает не только острое воздействие на организм человека, но и может вызывать отдалённые последствия, сохраняющиеся даже после клинического выздоровления. Эти состояния получили название постковидного синдрома (ПСКС), или long COVID, и включают в себя широкий спектр симптомов, охватывающих респираторную, сердечно-сосудистую, нервную, иммунную и психоэмоциональную системы. Проблема ПСКС становится особенно актуальной на фоне миллионов перенесших заболевание и растущей нагрузки на систему здравоохранения в части амбулаторного и реабилитационного наблюдения за пациентами [9].

Постковидный синдром характеризуется устойчивостью клинических проявлений, продолжающихся более 12 недель после перенесённой инфекции и не объясняющихся альтернативными диагнозами. Наиболее частыми жалобами пациентов являются хроническая усталость, одышка, снижение концентрации внимания и памяти, тревожные и депрессивные расстройства, а также нарушения сна. Несмотря на разнообразие симптомов, в последние годы в научной литературе всё чаще подчёркивается ведущая роль системного воспалительного ответа в патогенезе ПСКС. Это предполагает, что воспалительные процессы, инициированные во время острого периода инфекции, могут сохраняться и трансформироваться в затяжной воспалительный каскад, приводящий к функциональным нарушениям на уровне органов и систем [5].

Одним из ключевых звеньев этого процесса выступают провоспалительные цитокины – сигнальные белки, играющие важную роль в активации и регуляции иммунного ответа [8].

Особое внимание уделяется таким медиаторам, как интерлейкин-6 (IL-6), фактор некроза опухоли-альфа (TNF- α), интерлейкин-1 β (IL-1 β), которые

демонстрируют устойчиво повышенные уровни у пациентов с ПСКС даже спустя месяцы после перенесённого заболевания. Эти биомолекулы способны нарушать регуляцию врождённого и адаптивного иммунитета, усиливать сосудистую проницаемость, провоцировать тромбообразование и метаболические расстройства, что делает их ключевыми мишенями в патогенетическом звене постковидной патологии [4].

Несмотря на активные исследования, остаются нерешёнными вопросы механизма персистенции воспаления, его связи с клиническими проявлениями, а также возможности эффективного контроля на молекулярном уровне.

Целью настоящей работы стало изучение профиля системного воспаления у пациентов с постковидным синдромом, оценка клинко-лабораторных взаимосвязей и обоснование перспектив таргетной терапии.

Материалы и методы исследований

Работа основана на наблюдении за 82 пациентами, перенесшими COVID-19 средней и тяжелой степени, у которых спустя 12 и более недель после выздоровления сохранялись симптомы, характерные для ПСКС. Контрольную группу составили 30 условно здоровых лиц, не болевших COVID-19, сопоставимых по полу и возрасту. Все участники дали письменное информированное согласие на участие в исследовании, которое было одобрено локальным этическим комитетом.

У пациентов проводился забор венозной крови с последующим определением уровней провоспалительных цитокинов (IL-6, TNF- α , IL-1 β), С-реактивного белка (CRP), ферритина и D-димера методом иммуноферментного анализа. Кроме того, проводилось клиническое анкетирование для оценки выраженности усталости, когнитивных нарушений, болевого синдрома, тревожно-депрессивных состояний. Данные анализировались с использованием пакета SPSS v.27.0, уровень статистической значимости был установлен на уровне $p < 0.05$.

Результаты и обсуждения

Анализ состояния пациентов, перенёсших COVID-19, выявил значительную распространён-

ность симптомов, сохраняющихся спустя 12 недель и более после клинического выздоровления. Самым частым симптомом оказалась хроническая усталость, на которую жаловались 73,2% обследованных. Одышка отмечалась у 65,7% пациентов, что коррелировало с данными функцио-

нального тестирования и снижением сатурации при физической нагрузке. Нарушения сна, когнитивные трудности, мышечные боли и психоэмоциональные расстройства встречались более чем у трети пациентов. Это указывает на мультисистемный характер постковидного синдрома.

Таблица 1

Частота клинических симптомов постковидного синдрома.

Table 1

Frequency of clinical symptoms of post-COVID syndrome.

Клинический симптом	Частота среди пациентов, %
Хроническая усталость	73,2
Одышка	65,7
Нарушения сна	58,4
Когнитивные нарушения	49,8
Миалгия	43,6
Депрессия/тревожность	38,1

Сравнительный анализ лабораторных параметров показал значительные отклонения от нормы у пациентов с ПСКС по ключевым биомаркерам воспаления. Уровни CRP, ферритина и D-димера были существенно повышены. Особенно выра-

женные отклонения отмечались по концентрациям цитокинов IL-6 и TNF- α , превышавшим референтные значения в 3-4 раза. Это указывает на продолжающийся воспалительный процесс даже после окончания репликации вируса.

Таблица 2

Биомаркеры системного воспаления у пациентов с ПСКС.

Table 2

Biomarkers of systemic inflammation in patients with PSCS.

Биомаркер	Средний уровень у пациентов с ПСКС	Референтное значение
CRP	18,4 мг/л	< 5,0 мг/л
D-димер	0,92 мкг/мл	< 0,5 мкг/мл
Ферритин	312,5 нг/мл	30–300 нг/мл
IL-6	6,8 пг/мл	< 2,0 пг/мл
TNF- α	5,2 пг/мл	< 1,5 пг/мл

Корреляционный анализ выявил значимую связь между уровнем IL-6 и интенсивностью таких симптомов, как усталость, одышка и тревожность. Повышенные значения TNF- α и IL-1 β ассоциировались с жалобами на боль в мышцах и снижением когнитивных функций. Это позволяет говорить о дифференцированной роли цитокинов в формировании клинической картины ПСКС.

На рис. 1 ниже представлено распределение уровней IL-6 у пациентов с постковидным синдромом по сравнению с контрольной группой. Как видно, концентрации у большинства пациентов с ПСКС находятся в диапазоне от 6,3 до 7,1 пг/мл, тогда как в контрольной группе не превышают 2,2 пг/мл.

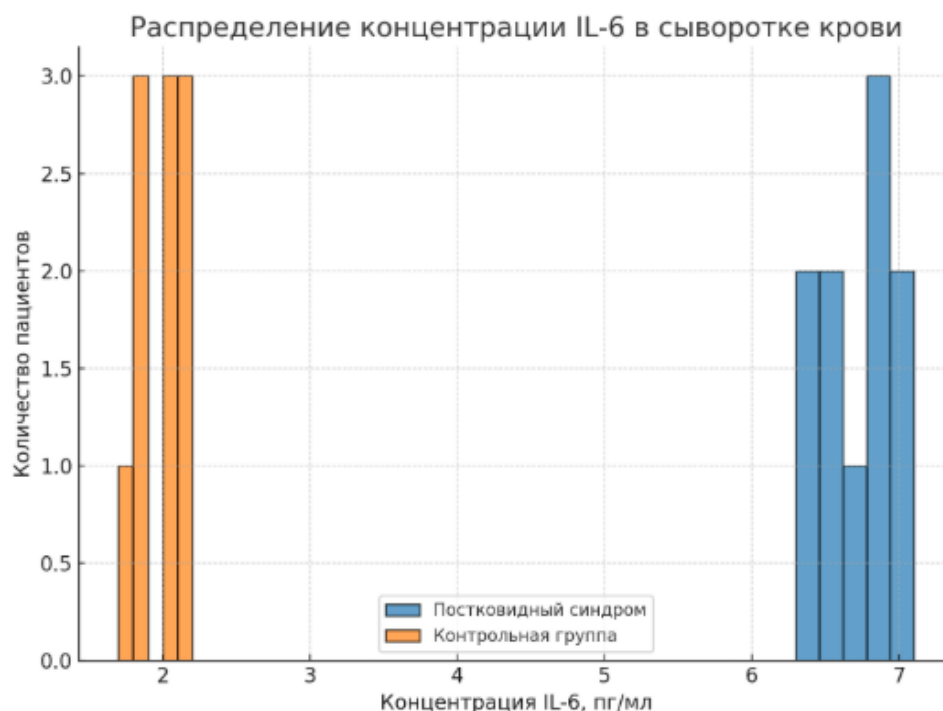


Рис. 1. Распределение концентрации IL-6 в сыворотке крови.

Fig. 1. Distribution of IL-6 concentration in blood serum.

Наличие устойчиво повышенных уровней цитокинов свидетельствует о продолжающемся воздействии на эндотелий, клеточные элементы крови и метаболические каскады. Это может объяснять сохраняющиеся клинические проявления, а также развитие таких осложнений, как тромбофилии, нарушения микроциркуляции, метаболический дисбаланс и хроническая усталость.

Современные подходы к лечению и реабилитации пациентов с постковидным синдромом требуют пересмотра как диагностических алгоритмов, так и терапевтической стратегии в сторону персонифицированного подхода с опорой на объективные маркеры воспаления [2].

Основываясь на полученных результатах, можно выделить ряд направлений, которые требуют научного, клинического и организационного совершенствования.

Повышение эффективности диагностики постковидного синдрома возможно за счёт включения в стандартные алгоритмы лабораторного обследования определение уровней ключевых провоспалительных цитокинов – IL-6, TNF- α , IL-1 β – наряду с традиционными маркерами, такими как CRP, D-димер и ферритин. Это позволит не только выявить наличие остаточного воспаления, но и оценить его степень, а также потенциальные риски для конкретного пациента [10].

Для своевременного выявления воспалительно-опосредованных осложнений целесообразно внедрение многоуровневой системы диспансерного

наблюдения за пациентами с ПСКС с участием врачей общей практики, иммунологов, неврологов и кардиологов. Такой междисциплинарный подход позволит обеспечить комплексную оценку состояния пациента и направить усилия на устранение причин, а не только симптомов заболевания.

Перспективным направлением является разработка и клиническое внедрение таргетной терапии, направленной на подавление избыточного цитокинового ответа. Использование препаратов, блокирующих действие IL-6 (таких как тоцилизумаб), а также анти-TNF- α агентов, должно рассматриваться в качестве экспериментального, но патогенетически обоснованного метода терапии для пациентов с выраженными воспалительными маркерами при ПСКС. При этом необходимо строгое соблюдение критериев отбора пациентов, чтобы избежать иммунодепрессии и ухудшения состояния [1].

В целях повышения качества научных данных и клинической интерпретации необходимо проведение масштабных многоцентровых исследований с длительным периодом наблюдения, направленных на изучение динамики провоспалительных маркеров, их связи с симптоматикой, исходами и откликом на лечение. Это позволит не только стандартизировать подходы, но и заложить основу для разработки клинических рекомендаций по ведению пациентов с постковидным синдромом [6].

Наконец, важным направлением совершенствования является организация образовательных про-

грамм для врачей, направленных на повышение осведомлённости о роли системного воспаления в постковидной патологии и возможностях молекулярной диагностики. Это повысит качество оказания медицинской помощи и улучшит прогноз для пациентов.

Выводы

Результаты настоящего исследования подтверждают ключевую роль системного воспалительного ответа в патогенезе постковидного синдрома. Выраженность клинических проявлений, таких как усталость, когнитивные и респираторные нарушения, тесно связана с повышенными уровнями провоспалительных цитокинов и белков острой фазы. IL-6, TNF- α и IL-1 β выступают как основные медиаторы, способствующие поддержа-

нию воспалительного фона даже после вирусной элиминации.

Персистирующее воспаление может приводить к вторичному нарушению иммунной регуляции, эндотелиальной дисфункции и развитию аутоиммунных состояний. Учет этих механизмов при формировании терапевтической стратегии является необходимым шагом в борьбе с ПСКС. Раннее выявление биомаркеров воспаления и своевременное вмешательство способны существенно снизить тяжесть симптомов и улучшить качество жизни пациентов. Перспективным направлением представляется разработка целенаправленных антицитокиновых препаратов и иммуномодулирующих средств с доказанной эффективностью при ПСКС.

Список источников

1. Басина А.А. и др. Нейропатия малых волокон в патогенезе постковидного синдрома // Российские биомедицинские исследования. 2024. Т. 9. № 1. С. 78 – 87.
2. Беляков Н.А. и др. Постковидный синдром-полиморфизм нарушений при новой коронавирусной инфекции // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2022. Т. 13. № 4. С. 7 – 20.
3. Беляков Н.А., Симакина О.Е., Трофимова Т.Н. Природа и последствия постковидного синдрома // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2022. № 1 (126). С. 25 – 31.
4. Крашенюк А.И. Гирудотерапия и научные аргументы обоснования патогенетического лечения постковидного синдрома // Медицина и образование. 2024. № 4. С. 28.
5. Ларина В.Н. и др. Роль экстраклеточных нейтрофильных ловушек в развитии постковидного синдрома и его осложнений // Архив внутренней медицины. 2023. Т. 13. № 4. С. 263 – 271.
6. Матафонова К.А. и др. Поражение сердечно-сосудистой системы при постковидном синдроме // Забайкальский медицинский вестник. 2024. № 1. С. 154 – 162.
7. Парчутов А.И., Новицкий Н.Д., Макшанова Г.П. Иммунопатология постковидного синдрома (LONG COVID) // Интеграция теории и практики в медицине: достижения и перспективы. 2025. С. 324.
8. Серебрякова Е.Н., Жмаева Л.И. К вопросу о постковидном синдроме у детей и подростков: подходы к терминологии, патогенезу, клинике, диагностике и лечению // Антибиотики и химиотерапия. 2022. Т. 67. № 11-12. С. 51 – 55.
9. Чикина С.Ю. Постковидный синдром: клиническая картина и терапевтические подходы // Медицинский совет. 2023. Т. 17. № 4. С. 64 – 69.
10. Шукина Е.В. и др. Роль системного воспаления в реализации риска тяжелого течения коронавирусной инфекции и вероятности развития постковидного синдрома // Актуальные проблемы медицины. 2023. Т. 46. № 2. С. 113 – 122.

References

1. Basina A.A. et al. Small fiber neuropathy in the pathogenesis of post-COVID syndrome. Russian biomedical research. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 78 – 87.
2. Belyakov N.A. et al. Post-COVID syndrome - polymorphism of disorders in a new coronavirus infection. HIV infection and immunosuppression. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 7 – 20.
3. Belyakov N.A., Simakina O.E., Trofimova T.N. The nature and consequences of post-COVID syndrome. Bulletin of the Yaroslav the Wise Novgorod State University. 2022. No. 1 (126). P. 25 – 31.
4. Krashenyuk A.I. Hirudotherapy and scientific arguments for substantiating the pathogenetic treatment of post-COVID syndrome. Medicine and Education. 2024. No. 4. P. 28.
5. Larina V.N. et al. The role of extracellular neutrophil traps in the development of post-COVID syndrome and its complications. Archives of Internal Medicine. 2023. Vol. 13. No. 4. P. 263 – 271.
6. Matafonova K.A. et al. Cardiovascular damage in post-COVID syndrome. Transbaikal Medical Bulletin. 2024. No. 1. P. 154 – 162.

7. Parchutov A.I., Novitsky N.D., Makshanova G.P. Immunopathology of post-COVID syndrome (LONG COVID). Integration of theory and practice in medicine: achievements and prospects. 2025. P. 324.

8. Serebryakova E.N., Zhmaeva L.I. On the issue of post-COVID syndrome in children and adolescents: approaches to terminology, pathogenesis, clinical presentation, diagnostics and treatment. Antibiotics and chemotherapy. 2022. Vol. 67. No. 11-12. P. 51 – 55.

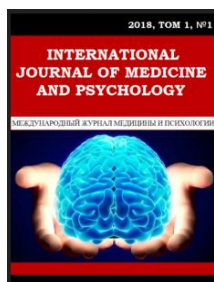
9. Chikina S.Yu. Post-COVID syndrome: clinical picture and therapeutic approaches. Medical Council. 2023. Vol. 17. No. 4. P. 64 – 69.

10. Shchukina E.V. et al. The role of systemic inflammation in the implementation of the risk of severe coronavirus infection and the likelihood of developing post-COVID syndrome. Actual problems of medicine. 2023. T. 46. No. 2. P. 113 – 122.

Информация об авторе

Папиева П.В., Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко Министерства здравоохранения Российской Федерации

© Папиева П.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.8. Клиническая лабораторная диагностика (медицинские науки)

УДК 54.084

¹ Ян Инчи,

² Линь Ихуа,

³ Се Баосун,

¹ Лю Сяньян,

⁴ Демихов Е.И.,

¹ Сямэньский университет, Китай,

² Первая клиническая больница Сямэньского университета, Китай,

³ Больница провинции Фуцзянь, Китай,

⁴ Физический институт им. П.Н. Лебедева Российской академии наук

Принципы системы обнаружения функции дыхания с использованием гибких датчиков и приложения

Аннотация: в данной статье представлена носимая респираторная спектрометрия, использующая технологию динамического измерения влажности для мониторинга функции легких. Традиционные тесты измеряют изменения потока воздуха и давления при дыхании с помощью механических датчиков (например, дифференциальных датчиков давления или турбинных датчиков), оценивая такие параметры, как пик экспираторного потока (PEF) и форсированную жизненную емкость (FVC). Спектрометр, основанный на законе Дарси, связывает скорость потока газа с разностью давления, устанавливая количественную зависимость между PEF, FVC и изменениями сигналов датчиков. Результаты показывают линейную зависимость между изменениями влажности и PEF, с ошибками PEF ниже 10%, погрешностями соседних тестов менее 5% и ошибками частотной характеристики ниже 12%, что соответствует отраслевым стандартам. По сравнению с традиционными спирометрами, спектрометр достигает значительно меньших ошибок для PEF (0,35%) и FVC (0,23%). Даже при свободном дыхании (PEF 12-24 л/мин, FVC 0,5-0,7 л) сохраняется линейная зависимость между изменениями сигнала и объемом дыхания, что позволяет осуществлять непрерывный, реальный мониторинг функции легких и дистанционное управление заболеваниями дыхательных путей. В заключение, носимый спектрометр обеспечивает точный мониторинг функций легких в реальном времени с минимальными ошибками, что делает его подходящим инструментом для дистанционного наблюдения за состоянием дыхательной системы.

Ключевые слова: гибкое сенсорное обнаружение, тестирование функции дыхания, респираторная спектрометрия

Для цитирования: Ян Инчи, Линь Ихуа, Се Баосун, Лю Сяньян, Демихов Е.И. Принципы системы обнаружения функции дыхания с использованием гибких датчиков и приложения // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 37 – 47.

Поступила в редакцию: 9 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Yang Yingqi,
² Lin Yihua,
³ Xie Baosong,
¹ Xiang Yang Liu,
⁴ Demikhov E.I.,

¹ Xiamen University, China,

² The First Affiliated Hospital of Xiamen University, China,

³ Fujian Provincial Hospital, China,

⁴ Physical Institute named after P.N. Lebedev of Russian Academy of Sciences

Principles of respiratory function detection system using flexible sensors and applications

Abstract: this paper introduces a wearable respiratory spectrometer using dynamic humidity sensing technology to monitor lung function. Traditional tests measure airflow and pressure changes during breathing via mechanical sensors (e.g., differential pressure or turbine sensors), assessing parameters like Peak Expiratory Flow (PEF) and Forced Vital Capacity (FVC). The spectrometer, based on Darcy's law, links gas flow rate to pressure difference, establishing a quantitative relationship between PEF, FVC, and sensor signal changes. Results show a linear correlation between humidity changes and PEF, with PEF errors below 10%, adjacent test errors under 5%, and frequency response errors below 12%, meeting industry standards. Compared to traditional spirometers, the spectrometer achieves significantly lower errors for PEF (0.35%) and FVC (0.23%). Even under free-breathing conditions (PEF 12-24 L/min, FVC 0.5-0.7 L), it maintains a linear relationship between signal changes and breathing volume, enabling continuous, real-time lung function monitoring and remote respiratory disease management. In summary, the wearable spectrometer offers accurate, real-time lung function monitoring with minimal error, suitable for remote respiratory care.

Keywords: flexible sensing, respiratory function testing, respiratory spectrometry

For citation: Yang Yingqi, Lin Yihua, Xie Baosong, Xiang Yang Liu, Demikhov E.I. Principles of respiratory function detection system using flexible sensors and applications. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 37 – 47.

The article was submitted: June 9, 2025; Approved after reviewing: August 6, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Респираторные заболевания, такие как COVID-19, ХОБЛ, астма и рак легких, существенно влияют на глобальное здравоохранение. Хотя COVID-19 стал серьезным кризисом, такие состояния, как ХОБЛ и рак легких, остаются серьезными проблемами [1, 2].

С развитием сенсорных технологий [1-4, 5] носимые цифровые медицинские устройства для мониторинга здоровья используются все чаще [6, 7]. Интегрированные с облачной связью, эти устройства позволяют осуществлять мониторинг дыхания в реальном времени, предлагая более полные и точные данные о функции легких. Они также позволяют удаленно отслеживать функцию легких пациентов, объединяя датчики с мобильными устройствами.

Это исследование фокусируется на характеристиках выдыхаемого газа, таких как температура около 37°C и содержание насыщенного пара, для разработки носимого дыхательного устройства с использованием гибких датчиков влажности, изготовленных из

композитов шелка и углеродных нанотрубок и емкостных материалов [8]. Эти датчики с высокой чувствительностью и высокой скоростью отклика/восстановления эффективно обнаруживают динамические изменения влажности из-за респираторной влажности [8]. Мы представляем носимый респираторный спектрометр на основе динамического измерения влажности для мониторинга функции легких в реальном времени. Это устройство не только копирует традиционные респираторные тестеры, но и количественно анализирует непрерывное естественное носовое дыхание. Оно позволяет проводить бесплатную, быструю и ненавязчивую оценку функции легких.

Материалы и методы исследований

2.1 Измеряемые параметры

Традиционные тесты функции легких оценивают такие параметры, как пиковый поток выдоха (PEF) и форсированная жизненная емкость (FVC) [33-26; 33; 9, 10]. PEF – это наибольшая скорость потока во время форсированного выдоха, а FVC – общий объем выдыхаемого воздуха после полного вдоха с максимальным усилением.

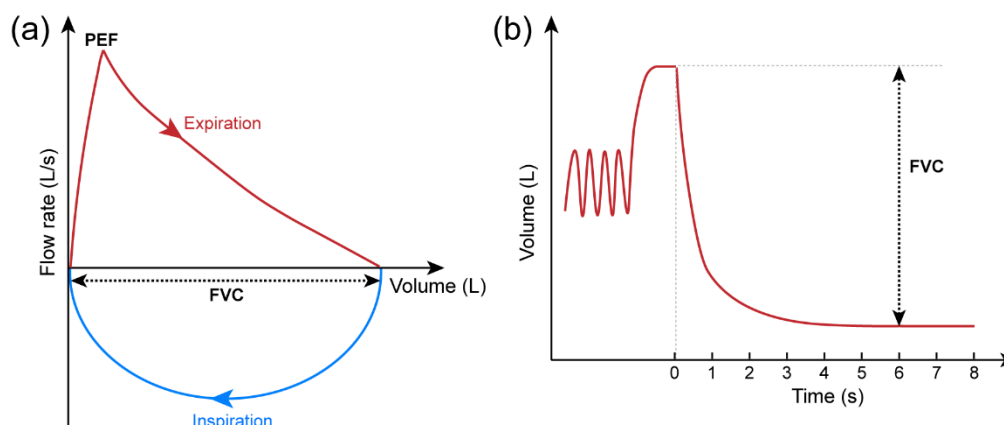


Рис. 1. Схематическое изображение параметров функции лёгких, получаемых при форсированном выдохе. (a) Кривая «поток – объём», описывающая взаимосвязь между скоростью потока и изменением объёма во время выдоха (или вдоха). (b) Кривая «объём – время», получаемая путём измерения выдоха (или вдоха) и соответствующего объёма в течение определённого промежутка времени.

Fig. 1. Schematic diagram of lung function parameters obtained from a forced expiratory test. (a) Expiratory flow-volume curve, which describes the relationship between airflow velocity and volume changes during the expiratory (or inspiratory) process. (b) Expiratory volume-time curve, obtained by measuring the expiratory (or inspiratory) airflow and corresponding volume over a period of time.

2.2 Принципы тестирования

В приборах, основанных на принципе дифференциального давления, для определения скорости потока воздуха используют взаимосвязь между изменениями давления и потоком в канале с заданным сопротивлением. Точность такого измерения во многом зависит от сопротивления канала. Объёмная скорость потока в любой момент и перепад давления в канале связаны уравнением:

$$Q = \Delta P / R \quad (1)$$

где ΔP – перепад давления, R – сопротивление, а Q – объёмная скорость потока. Это позволяет переводить перепад давления в скорость потока. На практике датчик дифференциального давления преобразует ΔP в электрический сигнал, который затем обрабатывается для вывода результата.

Согласно закону Дарси [10], поток жидкости через пористую среду обратно пропорционален длине пути и прямо пропорционален площади поперечного сечения и перепаду давления. В носимом спектрометре сопротивление хлопкового фильтра при прохождении выдыхаемой влаги можно уподобить сопротивлению пористой среды. Как показано на рисунке 2b, объёмная скорость потока выдыхаемой влаги пропорциональна перепаду давления, а выдыхаемый объём выражается интегралом скорости потока по времени:

$$q = k_R \cdot S \cdot (p_{in} - p_{out}) \quad (2)$$

$$V = \int q dt \quad (3)$$

где k_R – коэффициент сопротивления хлопкового фильтра для дыхательной влаги, S – площадь поперечного сечения потока влаги, p_{in} и p_{out} – давления газа внутри и снаружи носимого респираторного спектрометра соответственно.

Как показано на рис. 1a, скорость выдоха обычно достигает максимума достаточно быстро, а внутреннее пространство носимого респираторного спектрометра можно считать относительно замкнутым. Поэтому, опираясь на уравнение состояния идеального газа и уравнение сохранения массы внутри спектрометра, можно вывести формулу для расчёта скорости потока выдыхаемой влаги:

$$d\eta_{in}/dt = k_1 + k_2 \cdot q \quad (4)$$

где η_{in} – относительная влажность внутри носимого респираторного спектрометра, k_1 и k_2 – постоянные. Следует отметить, что датчики для регистрации выдыхаемой влаги обычно бывают

резистивного R и/или ёмкостного C типа. Зависимость между парциальным давлением водяного пара (или относительной влажностью) и сопротивлением (или ёмкостью) можно выразить так:

$$R = a_1 + b_1 \cdot \eta_{in} \quad (5)$$

$$C = a_2 + b_2 \cdot \eta_{in}^{c_1} \quad (6)$$

где a_1 , b_1 , a_2 , b_2 и c_1 – постоянные. Далее,

сочетая уравнения (3), (4) и (6), можно получить формулу для вычисления выдыхаемого объема V :

$$V = \varepsilon_0 \cdot \Delta C \cdot \Delta t \quad (7)$$

где ε_0 – постоянная, определяемая сопротивлением хлопкового фильтра и площадью вентиляции носимого респираторного спектрометра, Δt – длительность изменения электрического сигнала.

Таким образом, используя носимый респираторный спектрометр, можно в количественном формате измерять и скорость дыхания, и общий объем выдоха:

$$q = k_R \cdot S \cdot (p_{in} - p_{out}) \quad (2)$$

$$V = \int q dt \quad (3)$$

где k_R – коэффициент сопротивления хлопка для дыхательной влаги, S – площадь поперечного сечения потока влаги, p_{in} и p_{out} – давления внутри и снаружи носимого респираторного спектрометра.

Физические законы (1) и (2) эквивалентны и указывают, что поток жидкости пропорционален перепаду давления. Уравнение (1) является эмпирической формулой для дифференциальных датчиков давления, а уравнение (2) применяется в частных случаях (например, при просачивании дождевой воды или движении воздуха внутри носимого спектрометра). При этом внутренний поток воздуха в спектрометре – это смесь выдыхаемых газов, где во время выдоха достигается пиковая скорость потока (PEF), которую невозможно определить, используя только уравнение (2). Поэтому для вычисления скорости потока выдыхаемой влаги требуется новая формула, основанная на уравнении идеального газа и сохранении массы:

$$d\eta_{in}/dt = k_1 + k_2 \cdot q \quad (4)$$

где η_{in} – относительная влажность внутри носимого респираторного спектрометра, k_1 и k_2 – постоянные. Датчики, регистрирующие выдыхаемую влагу, могут быть резистивными R и/или ёмкостными C . Зависимость между парциальным давлением водяного пара (или относительной влажностью) и сопротивлением (или ёмкостью) описывается:

$$R = a_1 + b_1 \cdot \eta_{in} \quad (5)$$

$$C = a_2 + b_2 \cdot \eta_{in}^{c_1} \quad (6)$$

Объединяя уравнения (3), (4) и (6), получаем формулу для выдыхаемого объема V :

$$V = \varepsilon_0 \cdot \Delta C \cdot \Delta t \quad (7)$$

где ε_0 определяется сопротивлением хлопкового фильтра и площадью вентиляции носимого респираторного спектрометра, а Δt – длительностью изменения электрического сигнала.

2.4 Полная система носимого респираторного спектрометра

Носимый респираторный спектрометр (рис. 2, в) использует динамическое измерение влажности и включает в себя датчик, мобильное приложение, облачную платформу, сервер и средства обработки данных. Он подключается к смартфону по беспроводной сети для мониторинга в режиме реального времени, отправляя данные в облако для алгоритмического анализа аномальных режимов дыхания и оповещений. Система отслеживает глубину дыхания и скорость выдоха.

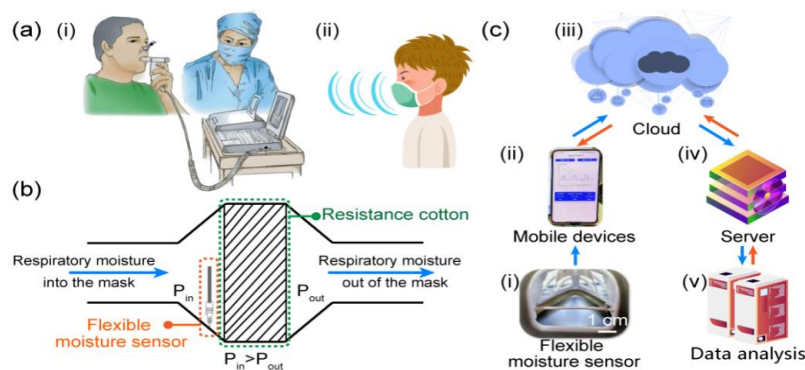


Рис. 2. Иллюстрация измерения функции дыхания и схема системы: (а) Сравнение методов тестирования функции легких (i) Традиционный метод: требует сильного выдоха через рот и руководства со стороны медицинских работников. (ii) Цифровая маска: носимый респираторный спектрометр, использующий динамическую гибкую технологию датчиков, позволяет количественно определять как дыхание через рот, так и нос. Обнаружение происходит до тех пор, пока присутствует дыхание. (b) Принцип количественного измерения дыхания. Во время выдоха респираторная влага попадает в устройство, увеличивая внутреннюю влажность и давление газа. Влага выходит через резистивный хлопковый фильтр под действием перепада давления в соответствии с законом Дарси [10]. (c) Носимая система респираторного спектрометра. (i) Динамические датчики влажности: преобразуют изменения влажности дыхания в электрические сигналы. (ii) Мобильное приложение: устанавливает соединение с устройством в реальном времени. (iii) Облачная платформа: передает данные в облако через мобильные устройства. (iv) Сервер: выполняет обработку данных, анализ, вычисления и хранение необработанных сигналов.

Fig. 2. Illustration of respiratory function measurement and system diagram: (a) comparison of lung function testing methods (i) conventional method: requires forceful mouth exhalation and guidance by medical professionals. (ii) digital mask: a wearable respiratory spectrometer using dynamic flexible sensing technology enables quantitative detection of both mouth and nasal breathing. Detection occurs as long as breathing is present. (b) Principle of quantitative respiration measurement. During exhalation, respiratory moisture enters the device, increasing internal moisture and gas pressure. The moisture exits through a resistance cotton filter under pressure differential, following Darcy's law [10]. (c) Wearable respiratory spectrometer system. (i) Dynamic humidity sensors: convert respiratory moisture changes into electrical signals. (ii) Mobile App: establishes real-time connection with the device. (iii) Cloud platform: transmits data to the cloud via mobile devices. (iv) Server: handles data processing, analysis, computation, and storage of raw signals.

2.5 Эксперименты и тестовая система

2.5.1 Испытание отклика носимого респираторного спектрометра на электрический сигнал при моделируемом дыхательном объеме

Для исследования отклика носимого респираторного спектрометра на электрический сигнал была использована синусоидальная форма волны. Изменяя объем газа (FVC) и пиковую скорость выдоха (PEF) синусоиды, регистрировали изменения ёмкости датчика влажности внутри носимого респираторного спектрометра. Синусоидальная волна охватывает два непрерывных процесса – выдох и вдох, при этом объёмная скорость потока $q_{sin}(t)$ в одном цикле дыхания меняется по синусоидальному закону от времени, как показано в уравнении (8):

$$q_{sin}(t) = PEF \cdot \sin(2\pi t/T) \quad (8)$$

Моделируемая форсированная жизненная ёмкость лёгких (FVC) варьировалась от 3 до 10 л

(с шагом 1 л), а значения PEF принимались равными 400, 450 и 500 л/мин. Поскольку форма волны была задана синусоидально, это также определяло время, необходимое для каждого цикла выдоха и вдоха.

2.5.2 Взаимосвязь между изменениями электрических сигналов в носимом респираторном спектрометре и моделируемым PEF, а также погрешности тестирования

Симулятор дыхательной волны был настроен на форму волны А с FVC 5,6 л и значениями PEF 180, 360, 540, 600, 720 и 840 л/мин (рис. 3(b)). Мы записали изменения ёмкости в датчике влажности и вычислили максимальную скорость изменения относительной влажности внутри спектрометра, обозначенную как. Пять параллельных испытаний были усреднены для получения значения для каждого условия $\text{Max}(d\eta/dt)$.

(а) Ошибка индикации: в условиях испытания были записаны изменения ёмкости, и была рассчитана максимальная скорость изменения

относительной влажности. Измеренное значение $\text{Max}(d\eta/dt)$ можно использовать для расчета соответствующего значения с помощью рабочей кривой на рис. 5. Относительное отклонение от фактического значения дает ошибку индикации для испытания.

$$| (PEF_{test} - PEF_{real}) / PEF_{real} | \times 100\% \quad (9)$$

При одинаковых условиях проводили пять измерений, и для каждого вычисляли погрешность показаний. Согласно отраслевому стандарту [32], эта погрешность не должна превышать либо 10 л/мин (0,17 л/с), либо 10% от показания (в

зависимости от того, что больше).

(b) Погрешность при последовательных тестах: При тех же условиях регистрировали изменения ёмкости спектрометра и вычисляли $\text{Max}(d\eta/dt)$. Сопоставляя полученное значение с рабочей кривой (рис. 5), определяли PEF_{test} . Затем относительное отклонение PEF_{test} от среднего PEF_{ave} полученного при множественных измерениях в тех же условиях, рассчитывали по формуле:

$$| (PEF_{test} - PEF_{ave}) / PEF_{ave} | \times 100\% \quad (10)$$

Для каждой серии однотипных условий выполняли пять тестов и вычисляли среднюю погрешность путём сравнения каждого значения с усреднённым результатом. Согласно стандарту [32], разброс любых показаний PEF не должен превышать 10 л/мин (0,17 л/с) или 5% от среднего результата (что больше).

(c) Погрешность частотной характеристики: В данном случае дыхательный симулятор настраивали на форму В, описанную в стандарте (рисунок 3(b)), с объёмом выдоха 5,6 л. При этом

значения PEF принимались 180, 360 и 540 л/мин. Остальные шаги аналогичны тестированию PEF с формой А. Регистрировали изменение ёмкости носимого респираторного спектрометра и вычисляли $\text{Max}(d\eta/dt)$. Используя уравнение (4), находили PEF_B и определяли относительное отклонение PEF_B от значения PEF, измеренного формой А в аналогичных условиях:

$$| (PEF_A - PEF_B) / PEF_A | \times 100\% \quad (11)$$

Для каждого из трёх значений PEF в формах А и В проводили по пять тестов, в расчётах использовали среднее из этих пяти. Согласно стандарту, погрешность частотной характеристики не должна превышать 15 л/мин (0,25 л/с) или 12% (что больше).

2.5.3 Количественное тестирование объёма носового дыхания (NRV) на моделируемом потоке воздуха с помощью носимого респираторного спектрометра

Датчик влажности в носимом респираторном спектрометре обладает высокой чувствительностью, что позволяет ему обнаруживать едва замет-

ные сигналы носового дыхания. Дальнейшие испытания в условиях нормального дыхания изучали связь между изменением сигнала и объемом носового дыхания (NRV). Здоровые взрослые обычно имеют дыхательный объем в диапазоне от 0,5 до 0,7 л с расходом от 12 до 24 л/мин [11]. Симулятор дыхательной волны был настроен на форму волны А с дыхательными объемами от 0,4 л до 0,7 л (с шагом 0,1 л) и PEF на уровне 12, 18 и 24 л/мин. Регистрировались изменение сигнала датчика влажности (DV) и времени (Dt), и их произведение было нанесено на график в зависимости от выдыхаемого дыхательного объема.

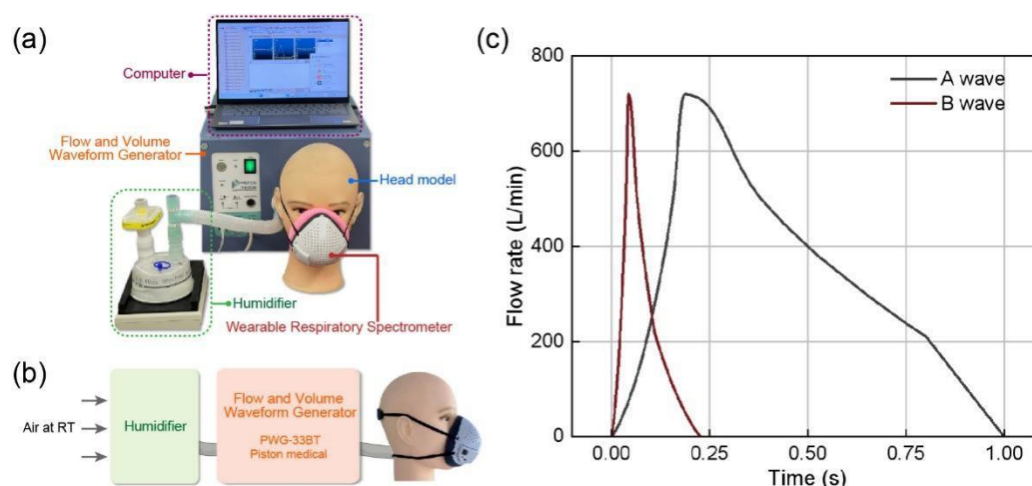


Рис. 3. Тестирование симулятора дыхательных волн: (а) Фотография испытательной системы. (б) Принципиальная схема пути потока дыхательного объема. (с) Формы волн, выдаваемые симулятором, представляют собой формы волн А и В, указанные в стандартах [32], имитирующих скорость потока дыхательного объема с течением времени.

Fig. 3. Testing of the respiratory wave simulator: (a) Photograph of the testing system. (b) Schematic diagram of the simulated tidal volume flow path. (c) The waveforms output by the simulator represent the A and B waveforms specified by standards [32], simulating the tidal volume flow rate over time.

Результаты и обсуждения

3.1 Установление взаимосвязи между скоростью потока дыхательного объема, общим объемом и сигналами динамического датчика влажности с помощью дыхательного симулятора

Емкостные датчики влажности, известные своей способностью к мытью, долговечностью, стабильностью и высокой чувствительностью, идеально подходят для обнаружения изменений приливного давления при дыхании. На рис. 4(а) показана реакция емкости датчика на изменение влажности, сохраняющая высокую чувствительность даже при влажности более 80%. Это критически важно для обнаружения выдыхаемого воздуха с влажностью, близкой к 100%. Соотношение степенной функции (уравнение 6) позволяет осуществлять мониторинг приливного потока в реальном времени в носимом респираторном спектрометре. Параметры датчика

составляют $4,268, 3,430 \times 10^{-24}$ и $12,382$ ($R^2 = 0,9995$). Измерение PEF требуется стандартом, в то время как FVC важен, но не обязателен. Симулятор дыхательной волны генерировал изменяющиеся дыхательные объемы (FVC) и PEF, которые затем измерялись датчиком влажности носимого спектрометра для изучения их связи с емкостным откликом датчика. Выдох увеличивает внутреннюю влажность, увеличивая интенсивность сигнала датчика с выдыхаемым объемом (рис. 4б). Вдох уменьшает сигнал. При постоянной скорости потока выдыхаемый объем вызывает большую вариацию сигнала, в то время как более высокие скорости потока сокращают циклы испытаний и ускоряют изменения влажности. Это подтверждает гипотезу о том, что скорость выдыхаемого потока положительно коррелирует с производной относительной влажности, как показано в уравнении (4).

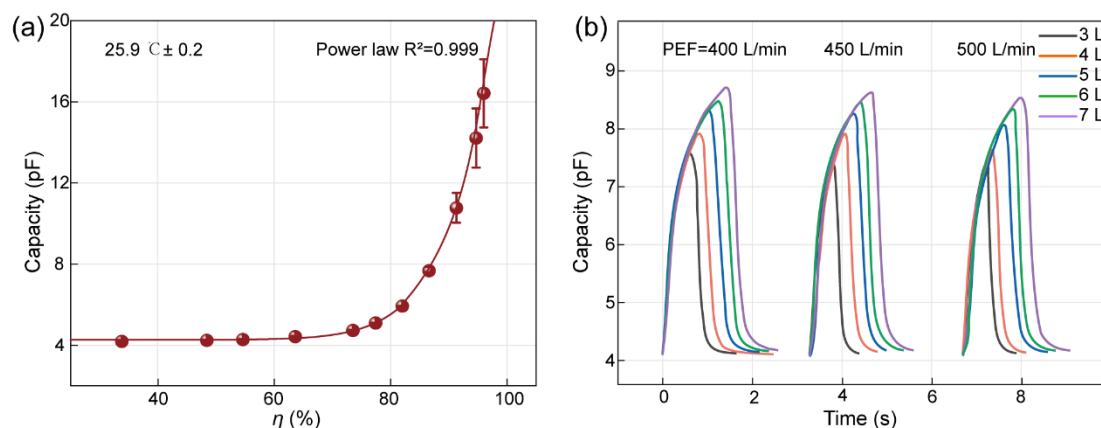


Рис. 4. Носимые респираторные спектрометры с емкостным гибким датчиком влажности позволяют проводить количественный мониторинг дыхания. (а) Емкость датчика увеличивается с влажностью, следуя степенной функции в уравнении (6). (b) С помощью генератора формы волны потока и объема была изучена связь между емкостью датчика и PEF/FVC. Результаты показывают, что изменения электрического сигнала усиливаются с увеличением FVC, и для одного и того же объема выдоха изменения сигнала остаются постоянными для разных PEF.

Fig. 4. Wearable respiratory spectrometer with a capacitive flexible moisture sensor enables quantitative respiratory monitoring. (a) The capacitance of the sensor increases with humidity, following the power function in Equation (6). (b) Using a flow and volume waveform generator, the relationship between the sensor's capacitance and PEF/FVC was studied. Results show that the electrical signal changes intensify with increasing FVC, and for the same expiration volume, the signal changes remain consistent across different PEFs.

3.2 Измерение традиционного параметра функции лёгких PEF с помощью носимого респираторного спектрометра

Связь между изменением электрического сигнала носимого респираторного спектрометра и пиковым потоком выдоха (PEF) была установлена с использованием стандартных методов[32]. Симулятор дыхательных волн генерировал имитированные дыхательные объемы с различными PEF, а максимальная скорость изменения относительной влажности (первая производная) рассчитывалась на основе

корреляции емкости датчика и влажности. На рис. 5 показано, что максимальная скорость изменения относительной влажности внутри спектрометра линейно коррелирует с фактическим PEF, согласно уравнению (4). Таким образом, измерение этой скорости позволяет определить объемный расход дыхания человека, как описано в уравнении (12).

$$PEF = m + n \cdot \text{Max}(d\eta/dt) \quad (12)$$

где m, n постоянные, $m=0.237$, $n=6.717$.

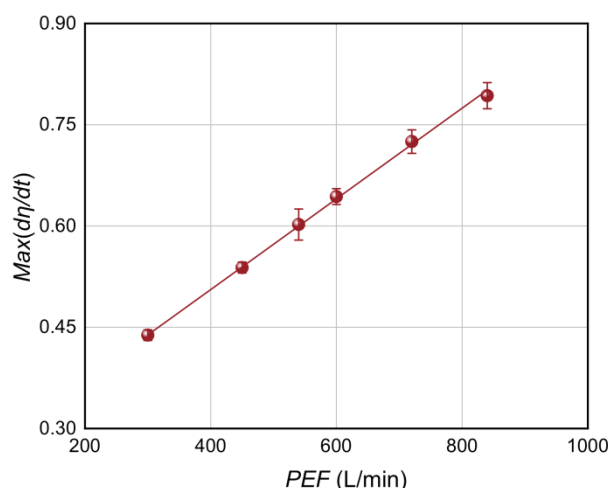


Рис. 5. Количественная связь между максимальной скоростью изменения относительной влажности $Max(d\eta/dt)$ в носимом респираторном спектрометре и PEF. Результаты показывают линейную зависимость $Max(d\eta/dt)$ от PEF ($R^2=0.9993$).

Fig. 5. Quantitative relationship between the maximum change rate of relative humidity $Max(d\eta/dt)$ in the wearable respiratory spectrometer and PEF. The results show that $Max(d\eta/dt)$ is linearly related to PEF ($R^2=0.9993$).

Ошибка смежных тестов – это отклонение между результатом одного теста (PEF_test) и средним значением ($[PEF]_{ave}$) по результатам нескольких тестов в одинаковых условиях. Результаты, приведенные в табл. 1, показывают, что погрешность находится в пределах 5%.

При испытании на погрешность частотной характеристики формы сигналов А и В достигают одного и того же значения PEF в разное время. Результаты показывают, что значения PEF, вызванные обеими формами сигнала, практически идентичны, что соответствует требованию менее 12 % согласно. Ошибка частотной характеристики связана с величиной PEF, а не с временем возникновения.

Выводы

В носимом респираторном спектрометре ис-

пользуется датчик дифференциального давления, где поток выдыхаемого воздуха влияет на внутреннюю влажность, а объем выдыхаемого воздуха коррелирует с интегралом электрического сигнала датчика. Моделирование с помощью симулятора дыхательных волн позволило определить пиковый поток выдыхаемого воздуха (PEF) с погрешностью менее 10% для PEF, 5% для смежных тестов и 12% для частотной характеристики. Также был разработан метод измерения форсированной жизненной емкости (FVC). В исследовании представлен теоретический и экспериментальный анализ применения спектрометра для оценки функции легких, позволяющий проводить мониторинг функции легких в режиме реального времени с помощью носимых технологий.

Список источников

1. Инь П., Ван Л., Лю С., Лю Я., Лю Дж., Ю Дж., Цзэн С., Чжоу М., Бремя хронической обструктивной болезни легких среди людей в возрасте старше 15 лет в 1990 и 2010 годах в Китае // Китайский журнал профилактической медицины. 2015. Т. 49. № 4. С. 334.
2. Соде Б.Ф., Даль М., Нордестгаард Б.Г. Инфаркт миокарда и другие сопутствующие заболевания у пациентов с хронической обструктивной болезнью легких: датское общенациональное исследование с участием 7,4 миллиона человек // Европейский кардиологический журнал. 2011. Т. 32. № 19. С. 2365 – 2375.
3. Риз Дж.Т., Блау Х., Казираги Е., Бергквист Т., Лумба Дж.Дж., Каллахан Т.Дж., Ларауэй Б., Антонеску К., Коулман Б., Гаргано М., Уилкинс К. Дж., Каппеллетти Л., Фонтана Т., Аммар Н., Антони Б., Мурали Т. М., Кофилд Дж.Х., Карлебах Г., МакМюррей Дж.А., Уильямс А., Моффитт Р., Банерджи Дж., Соломонидес А.Е., Дэвис Х., Костка К., Валентини Г., Санер Д., Чут К. Г., Мэдлок-Браун К., Хаэндель М. А., Робинсон П. Н., Консорциум НК, Консорциум Р. Консорциум N3C; Консорциум по ВОССТАНОВЛЕНИЮ. Поддающиеся обобщению долгосрочные подтипы COVID: результаты программ NIH N3C и RECOVER // Эбиомедицина. 2023. № 87. С. 104413.

4. Линь Н., Лю С.Я. Корреляция между иерархической структурой кристаллических сетей и макроскопическими характеристиками мезоскопических мягких материалов и инженерными принципами // *Обзоры химического общества*. 2015. Т. 44. № 21. С. 7881 – 7913.

5. Моин А., Чжоу А., Рахими А., Менон А., Бенатти С., Александров Г., Тамакло С., Тинг Дж., Ямамото Н., Хан Я., Бургхардт Ф., Бенини Л., Ариас А.К., Рабей Дж. М. Носимая биосенсорная система с адаптивным машинным обучением внутри сенсора для распознавания жестов рук // *Природная электроника*. 2021. Т. 4. № 1. С. 54 – 63.

6. Ху Ф., Ли В., Цзоу М., Ли Я., Чэнь Ф., Линь Н., Го В., Лю С. Я. Подкожная передача энергии/сигнала на основе шелкового фиброина с ап-конверсионным фотонным усилением // *АСН Нано*. 2020. Т. 15. № 6. С. 9559.

7. Ма Л., Ву Р., Патил А., Чжу С., Мэн З., Мэн Х., Хоу Ц., Чжан Я., Лю Ц., Ю Р., Ван Дж., Линь Н., Лю С. Я. Полностью текстильный беспроводной гибкий датчик влажности для физиологического мониторинга человека // *Передовые функциональные материалы*. 2019. Т. 29. № 43. С. 45 – 49.

8. Лу Ч.-Ш., Цзян Ц.-Ж., Ван С., Ли К.-И., Линь Г.-Я., Ян И.-Ц., Линь И.-Х., Чжэн Г.-И., Се Б.-С., Лю С.-Я. Носимая система определения функции дыхания на основе динамического измерения влажности: принцип и экспериментальное сравнение определения функции легких // *Acta Physica Sinica*. 2024. Т. 73. № 3. С. 25.

9. Хаяши Т., Сано Я., Шигемацу Х., Сугимото Р., Сакао Н., Сакауэ Т. Корреляция между фактическим значением измерения после резекции доли легкого и прогнозируемым значением объема форсированного выдоха за 1 секунду // *Журнал торакальной онкологии*. 2019. Т. 14. № 10. С. 601.

10. Феттер К. У. Прикладная гидрогеология. М.: Мир, 2001. 616 с. Цзя С.-Я., Ван С.-Ж., Цзян Я.-Я., Ань М.-Ц., Пэй Д.-Ц., Ли Ц.-П., Чжоу Ц.-Х. Минерва // *Анестезиология*. 2023. Т. 89. № 9. С. 762.

11. Цзя Х.-У., Ван Х.-Р., Цзян У.-У., Ань М.-З., Пэй Д.-Ц., Ли З.-Р., Чжоу Q.-Н. Влияние интраоперационного низкого по сравнению с обычным дыхательным объемом на частоту послеоперационного острого повреждения почек после несердечной операции: двухцентровое рандомизированное клиническое исследование // *Minerva Anesthesiologica*. 2023. Т. 89. № 9. С. 762.

References

1. Yin P., Wang L., Liu S., Liu Ya., Liu J., Yu J., Zeng S., Zhou M., Burden of chronic obstructive pulmonary disease among people aged 15 years and older in 1990 and 2010 in China. *Chinese Journal of Preventive Medicine*. 2015. Vol. 49. No. 4. P. 334.

2. Sode B.F., Dahl M., Nordestgaard B.G. Myocardial infarction and other comorbidities in patients with chronic obstructive pulmonary disease: a Danish nationwide study involving 7.4 million people. *European Journal of Cardiology*. 2011. Vol. 32. No. 19. P. 2365 – 2375.

3. Reese J.T., Blau H., Casiraghi E., Bergquist T., Loomba J.J., Callahan T.J., Laraway B., Antonescu K., Coleman B., Gargano M., Wilkins K. J., Cappelletti L., Fontana T., Ammar N., Antoni B., Murali T.M., Caufield J. H., Carlebach G., McMurray J. A., Williams A., Moffitt R., Banerjee J., Solomonides A.E., Davis H., Kostka K., Valentini G., Saner D., Chute K. G., Madlock-Brown K., Haendel M.A., Robinson P.N., NK Consortium, R. Consortium, N3C Consortium; RECOVER Consortium. Generalizable Long-Term COVID Subtypes: Results from the NIH N3C and RECOVER Programs. *Ebiomedicine*. 2023. No. 87. P. 104413.

4. Lin N., Liu S.Ya. Correlation between the Hierarchical Structure of Crystalline Networks and Macroscopic Characteristics of Mesoscopic Soft Materials and Engineering Principles. *Reviews of the Chemical Society*. 2015. Vol. 44. No. 21. P. 7881 – 7913.

5. Moin A., Zhou A., Rahimi A., Menon A., Benatti S., Alexandrov G., Tamaklo S., Ting J., Yamamoto N., Han Y., Burghardt F., Benini L., Arias A.K., Rabei J.M. Wearable biosensor system with adaptive machine learning inside the sensor for hand gesture recognition. *Natural Electronics*. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 54 – 63.

6. Hu F., Li W., Zou M., Li Ya., Chen F., Lin N., Guo W., Liu S. Ya. Subcutaneous energy/signal transmission based on silk fibroin with upconversion photon amplification. *ASN Nano*. 2020. Vol. 15. No. 6. P. 9559.

7. Ma L., Wu R., Patil A., Zhu S., Meng Z., Meng H., Hou Q., Zhang Y., Liu Q., Yu R., Wang J., Lin N., Liu S. Ya. All-textile wireless flexible humidity sensor for human physiological monitoring. *Advanced Functional Materials*. 2019. Vol. 29. No. 43. P. 45 – 49.

8. Lu Z.-Sh., Jiang C.-J., Wang S., Li K.-Y., Lin G.-Y., Yang Y.-Q., Lin Y.-H., Zheng G.-Y., Xie B.-S., Liu S.-Y. Wearable respiratory function determination system based on dynamic humidity measurement: principle and experimental comparison of lung function determination. *Acta Physica Sinica*. 2024. Vol. 73. No. 3. P. 25.

9. Hayashi T., Sano Ya., Shigematsu H., Sugimoto R., Sakao N., Sakaue T. Correlation between the actual measurement value after lung lobe resection and the predicted value of forced expiratory volume in 1 second. *Journal of Thoracic Oncology*. 2019. Vol. 14. No. 10. P. 601.
10. Fetter K. U. *Applied Hydrogeology*. Moscow: Mir, 2001. 616 p. Jia S.-Ya., Wang S.-Zh., Jiang Ya.-Ya., An M.-C., Pei D.-C., Li C.-P., Zhou C.-H. *Minerva. Anesthesiology*. 2023. Vol. 89. No. 9. P. 762.
11. Jia X.-Y., Wang X.-R., Jiang Y.-Y., An M.-Z., Pei D.-Q., Li Z.-P., Zhou Q.-H. Effect of intraoperative low versus normal tidal volume on the incidence of postoperative acute kidney injury after non-cardiac surgery: a two-center randomized clinical trial. *Minerva Anestesiologica*. 2023. Vol. 89, No. 9. P. 762.

Информация об авторах

Ян Инчи, Сямэньский университет, Сямынь 361102, Китай

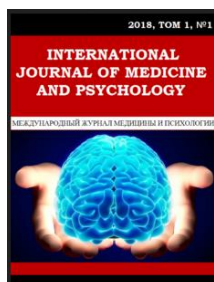
Линь Ихуа, докторская степень, ассоциированный главный врач, Первая клиническая больница Сямэньского университета, Сямынь 361003, Китай

Се Баосун, докторская степень, главный врач, Больница провинции Фуцзянь, Фучжоу 350001, Китай

Лю Сяньян, докторская степень (PhD degree) со званием cum laude, национальный иностранный эксперт высшего уровня, приглашённый профессор программы «Чанцзянские учёные», научный руководитель докторантов, Сямэньский университет, Сямынь 361102, Китай, Email:liuxy@xmu.edu.cn

Демихов Е.И., доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник, Физический институт им. П.Н. Лебедева Российской академии наук, 119991, г. Москва, Ленинский проспект 53, edemikhov@gmail.com

© Ян Инчи, Линь Ихуа, Се Баосун, Лю Сяньян, Демихов Е.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 378.172

¹ Рагимов Р.М.,

¹ Абдуллаева Н.М.,

¹ Тутунова Р.М.,

¹ Магомедалиева Д.Г.,

¹ Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

Влияние неправильного питания на формирование физиологических расстройств у молодого поколения

Аннотация: актуальность проблемы неправильного питания растет с каждым днем. На сегодняшний день общество особенно подвержено физическим и эмоциональным нагрузкам, которые нарушают нормальное функционирование организма. Необходимым условием для поддержания здоровья и профилактики заболеваний является сбалансированное и рациональное употребление еды. В основе принципов здорового питания лежат отказ от вредных пищевых привычек, рацион, соответствующий потребностям организма, правильное соотношение БЖУ и режим приема пищи. Несоблюдение этих правил может привести к развитию различных расстройств и патологий, таких как: сердечно-сосудистые и эндокринные заболевания, снижение иммунологической реактивности, ожирение и сахарный диабет, нарушения нейрогуморальных процессов, ухудшение общего состояния и развитие психических отклонений. Задачей данной научной работы является изучение влияния пищевого фактора в развитии патологических процессов в организме. Вопрос неправильного питания современного поколения требует принятия мер по поддержанию здоровья молодежи, так как количество девушек и юношей, подверженных пищевым аддикциям и вредным привычкам, неуклонно растет. Расширение данных в области современной нутрициологии поможет устранению проблемы нездорового потребления еды.

Ключевые слова: неправильное питание, патологическое состояние, алиментарные заболевания, рацион, пищевые привычки и аддикции, вкусовая адаптация

Для цитирования: Рагимов Р.М., Абдуллаева Н.М., Тутунова Р.М., Магомедалиева Д.Г. Влияние неправильного питания на формирование физиологических расстройств у молодого поколения // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 48 – 57.

Поступила в редакцию: 10 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Ragimov R.M.,

¹ Abdullaeva N.M.,

¹ Tutunova R.M.,

¹ Magomedalieva D.G.,

¹ Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

The impact of poor nutrition on the formation of physiological disorders in the younger generation

Abstract: the relevance of the problem of improper nutrition is increasing day by day. Nowadays, the society is especially exposed to physical and emotional stresses that disrupt the normal functioning of the body. A necessary condition for maintaining health and preventing diseases is a balanced and rational use of food. The principles of healthy nutrition are based on the rejection of bad eating habits, a diet that meets the needs of the body, the correct

ratio of BJU and the mode of eating. Non-observance of these rules can lead to the development of various disorders and pathologies, such as: cardiovascular and endocrine diseases, decreased immunological reactivity, obesity and diabetes mellitus, disorders of neurohumoral processes, deterioration of general condition and development of mental abnormalities. The task of this scientific work is to study the influence of food factor in the development of pathological processes in the body. The issue of improper nutrition of the modern generation requires taking measures to maintain the health of young people, as the number of girls and boys subject to food addictions and bad habits is steadily increasing. Increased data in the field of modern nutritional science will help to eliminate the problem of unhealthy food consumption.

Keywords: unhealthy eating, pathological condition, nutritional diseases, diet, food habits and addictions, taste adaptation

For citation: Ragimov R.M., Abdullaeva N.M., Tutunova R.M., Magomedalieva D.G. The impact of poor nutrition on the formation of physiological disorders in the younger generation. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 48 – 57.

The article was submitted: June 9, 2025; Approved after reviewing: August 6, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Правильное питание – важнейший фактор, обеспечивающий нормальное развитие и жизнедеятельность человека. Частые стрессы, изменение образа жизни и снижение физической активности привели к нарушению режима питания, увеличению количества потребляемой пищи и смещению приоритета в сторону быстроусвояемых продуктов. Эти факторы, несомненно, приводят к развитию различных заболеваний. Согласно последним данным Всемирной Организации Здравоохранения от 30% до 70% взрослого населения стран Европейского союза имеют избыточный вес, а 10-30% – страдают от ожирения [1, 2].

Среди патологий, в развитии которых пищевой фактор играет важную роль, 61% составляют сердечно-сосудистые заболевания, 32% отводится опухолям и 5% – сахарному диабету II типа [2]. В течение последних лет проблема здорового питания обостряется и у населения России. Исследования показывают, что среди жителей РФ избыточный вес имеют 56,5%, вместе с тем 15% мужчин и 28,5% женщин страдают ожирением [2, 4]. По причине нарушения сбалансированного питания количество заболеваний пищеварительной системы увеличилось в 40 раз. Кроме развития различных групп патологий, неправильное питание ведет к ухудшению общего состояния, недостатку сил, постоянной усталости, угнетению когнитивных функций, снижению работоспособности и нарушению концентрации, памяти и внимания. За последние несколько лет значительно возросло количество исследований, посвященных изучению влияния пищевых факторов на функции организма. Вредные привычки формируют неадекватное пищевое поведение, которое приводит к различным дисфункциям и расстройствам в работе орга-

нов. К наиболее распространенным причинам нарушения питания относятся [3]:

1) Слишком быстрый прием пищи.

Если ритм приема пищи слишком быстрый, то мозг не успевает получать сигналы от желудка, и чувство насыщения появляется гораздо позже. Эта привычка часто приводит к перееданию и, как следствие, избыточному весу и проблемам с пищеварением. Кроме того, слишком быстрое проглатывание пищи характеризуется недостаточным пережевыванием, неполной обработкой пищевого комка ферментами и отсутствием защиты от вредных бактерий. В результате повышается риск развития кариеса, язвы желудка и гастрита.

2) Отказ от завтрака.

Отсутствие завтрака нарушает принципы сбалансированного рациона. В итоге снижается скорость метаболизма и ухудшается способность эффективно накапливать и расходовать энергию. Недостаток энергии в начале дня приводит к повышенному чувству голода в обеденное время. Организм требует восполнения недостатка, тем самым приводя к сдвигу утренней нормы калорийности к обеду. Зачастую это влечет за собой потребление большого количества еды за один прием пищи.

3) Вечернее переедание.

К вечеру организму труднее усваивать все поступившие питательные вещества, так как замедляются метаболические процессы. В результате избыточные калории откладываются в виде жира. Вдобавок появляются расстройства сна и «разбитое» состояние по утрам.

4) Недостаточное потребление воды.

Вода способствует перевариванию пищи и помогает кишечнику усваивать питательные вещества. Многие люди, не имеющие привычки пить достаточное количество воды, испытывают уме-

ренное обезвоживание. У них понижается секреция пищеварительных ферментов, наблюдается нарушение перистальтики, приводящее к воспалению и хроническим запорам. Впоследствии от обезвоживания появляются головные боли, чувство усталости и проблемы с кожей [6]. Кроме того, из-за близкого расположения центров голода и жажды в мозге эти два ощущения часто путают. В результате люди тянутся к еде вместо воды, что может привести к набору лишнего веса.

5) Избыток сахара.

Потребление большого количества сахара приводит к нарушению липидного обмена, повышению уровня холестерина, увеличению проницаемости стенок сосудов, что ведет к развитию сердечно-сосудистых заболеваний и атеросклероза. Вдобавок повышается риск развития инсульта, инфаркта и отмирания конечностей с последующей ампутацией. Избыток сахара в крови и резкие перепады его уровня приводят к появлению ложного аппетита и перееданию, так как нарушают работу нейронов [7]. Сахар вымывает из организма витамины группы В, нарушает баланс кальция и фосфора, приводит к проблемам в работе поджелудочной железы и почек. Ко всему перечисленному, сахар снижает реактивность иммунной системы, подавляет активность антител, тем самым косвенно способствуя развитию инфекционно-воспалительных процессов [7, 9].

6) Кофейная зависимость.

Причиной кофейной зависимости является воздействие кофеина на повышенную выработку гормона серотонина, который стимулирует центр удовольствия. Стандартные нормы безопасного потребления кофе - три чашки в день. При несоблюдении рекомендаций врачей и потреблению избыточного количества кофеина, появляются сбои в работе эндокринной системы и нарушения гормонального фона, расстройства пищеварения, нервозность и тахикардия [8].

7) Прием пищи с гаджетами.

Потребление пищи перед телевизором или смартфоном сбивает концентрацию на еде, переключая её на иллюстрации в гаджетах. За один прием пищи в организм попадает большое количество калорий, так как теряется контроль объема потребляемой еды. Данная привычка замедляет переваривание и снижает скорость обмена веществ, что может за короткий период привести к ожирению.

8) Психогенное переедание.

Одним из способов снять тревогу и стресс является прием пищи. Потребление еды способно успокаивать, так как помогает избавиться от тревоги и переживаний. В данном случае стимулом к

потреблению является не чувство голода, а эмоциональное напряжение. Однако важно понимать, что подобный метод не способен решить проблему с исходной причиной стресса, он лишь ведет к краткосрочному результату и излишнему употреблению пищи. А негативные последствия компульсивного переедания перекрывают незначительный антистрессовый эффект [10]. Так, в организме могут возникнуть нарушения в работе сердца, сосудов и суставов, появиться ожирение, сахарный диабет 2-го типа, расстройства сна и депрессия.

9) Вредные перекусы.

Частое употребление вредных перекусов вынуждает пищеварительную систему работать постоянно. Желудочные ферменты вырабатываются в избыточном количестве, в печени накапливаются кислоты, замедляется метаболизм. Появляется постоянное чувство голода, хроническая усталость, апатия и лень [9, 12]. Большое количество сахара и ненатуральных компонентов, содержащиеся в снеках, нарушают систематизированную работу организма.

Отсутствие рационального питания играет одну из ключевых ролей в нарушении функционального состояния организма, которое ведет к возникновению различных патологических процессов и заболеваний. Переизбыток сахара, жиров и соли могут спровоцировать ожирение, диабет, гипертонию и другие серьезные патологии в системах органов. Дефицит белков, витаминов и минералов влияет на работу сердечно-сосудистой системы, ослабляет иммунитет и нарушает работу ЖКТ [5]. Многие синтетические добавки, которые добавляют практически в каждый продукт, имеют канцерогенный эффект. Постоянное употребление быстрого питания, а также жареной, мучной, сладкой и жирной пищи замедляет метаболизм, снижает выносливость организма, тормозит когнитивные функции, уменьшает концентрацию и ведет к ухудшению памяти, способствует ускоренному старению организма. Вдобавок вредная пища способна обманывать наш организм, нарушая физиологические функции, а именно, менять чувствительность вкусовых рецепторов, перестраивая их на восприятие только пищевых добавок и усилителей вкуса; влияет на нервную систему, вызывая зависимость от сахаров и фастфуда; изменяет работу гормональной системы, вгоняя человека в дофаминовую яму. Проблема правильного питания очень остро стоит среди молодого поколения, являющегося жертвами коммерческой пищевой промышленности. Новые исследования в данной теме помогут расширить знания о влиянии вредных продуктов на наш организм, а также прервать зависимость молодежи

от «модной», но губительного для организма пищи.

Цель данного исследования – изучить влияние пищевых привычек и нерационального питания на развитие патологических процессов и нарушений функционального состояния организма у студентов медицинского университета.

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие 124 студента в возрасте 18-22 лет. Количество испытуемых женского пола – 80, мужского – 44. Эксперимент проводился на базе ФГБОУ ВО ДГМУ среди учащихся 2-3 курсов лечебного факультета. Для оценки и анализа пищевых привычек, а также определения расстройств и нарушений работы систем организма, авторами была разработана анкета, состоящая из 25 вопросов. Статистическая обработка полученных результатов проводилась с помощью компьютерных программ Google Forms и MS Excel 2019. Помимо этого, был изучен один из механизмов привыкания к вредной пище, а именно: вкусовая адаптация вследствие частого употребления продуктов, созданных из ненатуральных компонентов. Данная теория была проверена с помощью метода стандартной густометрии. Для определения порогов вкусовой чувствительности использовался набор разведений в дистиллированной воде: глюкоза в концентрации 0,01% – 5%, хлорид натрия – от 0,01% до 1% и лимонная кислота – от 0,01% до 1%. Полученные результаты исследования продемонстрированы в виде таблиц, графиков и диаграмм с применением программы Microsoft Word 2021.

Результаты и обсуждения

Питание имеет определяющее значение в обеспечении здоровья и высокого качества жизни человека. Каждый потребляемый продукт напрямую

или косвенно влияет на работу нашего организма. В связи с этим важно проследить взаимосвязь между рационом питания и эффектом, который он оказывает на системы органов. По этой причине при исследовании необходимо обращать внимание на корреляцию между негативными пищевыми привычками и изменением состояния здоровья у исследуемой группы.

В разработанный электронный опросник включено 2 блока: первый направлен на сбор данных по вкусовым предпочтениям и пищевым привычкам студентов; задача второго блока – анализ нарушений физиологического состояния, отклонения от нормы и возможные патологии.

По результатам первого блока анкеты было выявлено наличие у 54% респондентов сахарной зависимости. На фоне блюд, имеющих соленый, кислый, горький или вкус умами, учащиеся отдавали предпочтение именно сладкому. Зависимость проявлялась не только в приоритете сладкого над другими вкусами, но и в многократном его употреблении в течение дня. Следовательно, уровень суточной нормы потребления сахара повышен. Помимо употребления неадекватного количества сахара, у участников обнаружили другие негативные пищевые привычки, а именно: выбор нездоровых перекусов, пристрастие к фастфуду и газированным напиткам. Данные блюда имеют перенасыщенные вкусовые ощущения, которые достигаются за счет добавления различных ароматизаторов, подсластителей, эмульгаторов и химических усилителей вкуса. Все перечисленные компоненты могут стать причиной различных пищевых аддикций [11, 13, 17]. Ключевые материалы исследования первого блока анкеты представлены на рис. 1-4.



Рис. 1-2. Ключевые материалы исследования первого блока анкеты.

Fig. 1-2. Key research materials of the first block of the questionnaire.



Рис. 3-4. Ключевые материалы исследования первого блока анкеты.
Fig. 3-4. Key research materials of the first block of the questionnaire.

Приверженность принципам рационального питания, сочетающего в себе правила сбалансированного и безопасного потребления, является значимым профилактическим мероприятием для снижения риска развития большого круга заболеваний. Так, второй блок вопросов направлен на изучение состояния здоровья организма испытуемых. Рассматривались расстройства ЖКТ, ослабление иммунной системы, состояние волос и кожи, наличие кариеса, ухудшение общего состояния и угнетение когнитивных функций, а также производился сбор данных Индекса Массы Тела*,

необходимого для обнаружения проблем с пере-еданием и ожирением [5, 22]. Выявленные нарушения и патологии являются последствиями неправильного питания. Результаты опроса продемонстрированы на рис. 5-9.

***Индекс массы тела (ИМТ, англ. *body mass index (BMI)*)** – величина, позволяющая оценить степень соответствия массы человека и его роста, тем самым косвенно судить о том, является ли масса недостаточной, нормальной или избыточной. $ИМТ = \text{вес} / \text{рост}^2$.



Рис. 5. Результаты опроса.
Fig. 5. Survey results.



Рис. 6. Результаты опроса.
Fig. 6. Survey results.

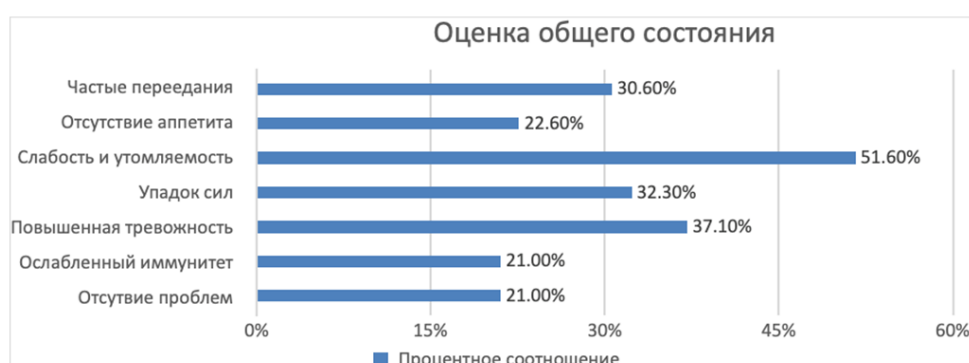


Рис. 7. Результаты опроса.
Fig. 7. Survey results.

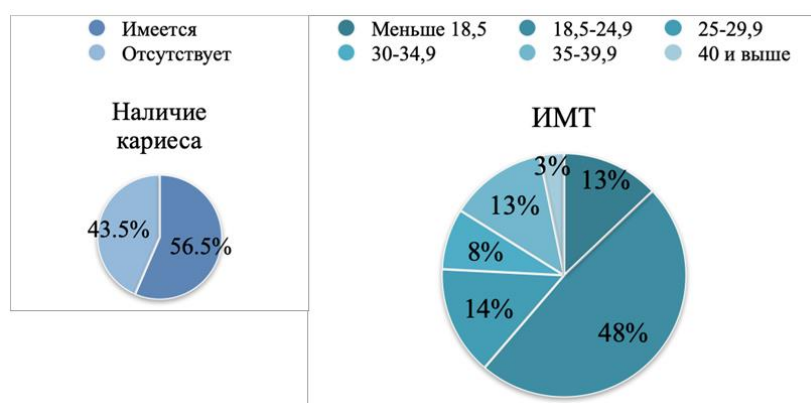


Рис. 8, 9. Результаты опроса.
Fig. 8,9 . Survey results.

Дополнительным стимулом к употреблению вредной еды является пищевая зависимость. Привыкание может появиться не только на фоне психологических факторов, но и от изменения физиологических функций. Создается порочный круг, в котором наш собственный организм способствует формированию зависимости. К одному из таких механизмов относится вкусовая адаптация. В результате привыкания рецепторов сосочков языка к чрезмерно усиленному стимулу происходит перестройка вкусового восприятия [11]. Натуральный

вкус продуктов воспринимается нейтральным и слишком «пресным», для получения удовольствия от приема пищи мозг требует интенсивные и насыщенные вкусовые сочетания. Рецепторы быстро привыкают к сладкой и жирной пище, а также к синтетическим добавкам [15]. В результате нервные клетки в ротовой полости направляют сигнал в мозг, который в ответ стимулирует выработку эндорфинов [13, 14]. Таким образом, происходит привыкание организма к высокоуглеводной пище – появляется пищевая аддикция, которая

может привести к изменению метаболизма, дисбалансу гормонов и нейромедиаторов [13, 17]. С целью верификации данной концепции среды группы испытуемых, участвовавших в анкетировании, был проведен эксперимент с использованием методов густометрии. Согласно результатам, средний порог вкусовой чувствительности к соленому стимулу составил – 0,33%, к кислому – 0,35%, к сладкому – 2,3%. Оценка данных подтверждает адаптацию вкусовых рецепторов, возникшую в результате частого употребления продуктов с выраженным вкусом. Для получения приятного ощущения требуются высокие концентрации вещества, так как порог вкусовой чувствительности значительно повышен. Преимущественно наблюдается повышение порога для сладкого стимула, который имеет сильное отклонение от показателей нормальной чувствительности.

Пристрастие современного поколения к различным по интенсивности и характеристикам вкусовым ощущениям может вызвать привыкание к еде, содержащей экзопродукты. Синтетические добавки, красители, ароматизаторы, эмульгаторы, усилители вкуса и стабилизаторы широко применяются в пищевой промышленности для улучшения вкусовых качеств и аромата продуктов, таких как сладости, газированные напитки, некоторые молочные продукты, колбасные изделия, фастфуд и т.д. [16]. Потребление продуктов с разнообразными добавками может способствовать развитию вкусовой и психологической зависимости. Так, добавка E-621, более известная как глутамат натрия, вызывает пищевое привыкание и снижает чувствительность вкусовых рецепторов, делая их невосприимчивыми к натуральным вкусам. Большинство потребителей чаще отдают предпочтение продуктам с высоким содержанием различных химических компонентов, что способствует искажению их вкусовых предпочтений [11, 14]. Этот фактор привыкания и зависимости к вредной пище представляет прямую угрозу здоровью общества. Потребление ультра-обработанных продуктов увеличивает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний, ожирения, заболеваний ЖКТ, нарушений эндокринной системы, диабета и развития злокачественных опухолей. Особое внимание следует уделить негативному влиянию пищевых добавок на когнитивные функции, важные для успешного развития молодых людей в период обучения [19].

Рекомендации.

С целью профилактики болезней и поддержания нормального функционирования организма необходимо соблюдать правила здорового питания. На данный момент имеется большое количе-

ство различных рекомендаций, которые могут корректироваться специалистами исходя из индивидуальных характеристик, анамнеза и потребностей клиента. Тем не менее существуют определенные принципы, на которых базируется современная нутрициология. Основные 6 положений приведены ниже:

1. Контроль баланса калорий и объема потребляемой пищи. Средняя суточная норма калорийности для мужчин составляет 2500-2800 ккал, для женщин – 2200-2400 ккал. Важно понимать, что приоритет в пище следует отдавать фруктам, овощам и мясу. Следует минимизировать количество потребляемых сладких, мучных и жареных продуктов [18].

2. Регулярное питание. Приемы пищи должны составлять не менее трех раз в день. Нехватку питательных веществ организм воспринимает как наступление голода, следовательно, создавая запасы в виде жировых отложений. Оптимальные перерывы между приемами пищи – не более 5 часов, а последний прием должен закончиться за 3 часа до сна [20].

3. Разнообразное питание. Однообразная еда не обеспечивает организм всеми необходимыми питательными веществами: белками, жирами, углеводами, витаминами и минералами. Старайтесь сочетать и комбинировать в рационе полезные продукты: овощи, фрукты, ягоды, зелень, орехи, рыбу, мясо, молочные продукты, бобовые, крупы из нешлифованного зерна, макароны из твердых сортов пшеницы, хлеб из муки грубого помола и т.д.

4. Ограничение количества сахара. Потребление избытка сахаров наносит значительный вред здоровью. Повышает уровень холестерина, нарушает работу нейронов, повышает риск сердечно-сосудистых заболеваний, а также вызывает сильную зависимость за счет производства естественных опиоидов в мозге [14, 21].

5. Баланс белков, жиров и углеводов в рационе. Суточной нормой БЖУ считается соотношение 3:3:4, где 30% составляют белки (60-80 г.), 30% жиры (60-80 г., из них ½ растительного происхождения) и 40% углеводов (350-400 г.) [22].

Выводы

Питанию отводится ведущая позиция в обеспечении эмоционального и физического здоровья. На сегодняшний день общество окружено огромным количеством различных неблагоприятных факторов, которые нарушают их систему сбалансированного рациона. Современному человеку необходима гармонизация питания, заключающаяся в устранении дефицита макро- и микроэлементов, а также требующая полный отказ от вредных

пищевых привычек [23]. Исследования показывают, что рациональное питание, богатое фруктами, овощами, злаками, орехами, рыбой и мясом способствует укреплению иммунитета, улучшению работы органов и систем организма, а также повышению энергии и когнитивных способностей. В то же время нарушение принципов здорового потребления продуктов неизбежно приводит к развитию алиментарных заболеваний. Повышаются риски развития сердечно-сосудистых и эндокринных патологий, ухудшается общее состояние, характеризующиеся головными и мышечными бо-

лями, высокой утомляемостью и нарушением концентрации. В настоящее время молодое поколение нуждается в коррективке и нормализации питания. В решении данной проблемы может помочь пропаганда здорового образа жизни и мероприятия, направленные на ознакомление молодежи с последствиями вредных пищевых привычек. Выполнение всех рекомендаций по правильному питанию способствует профилактике множеству заболеваний и улучшению состояния организма в целом.

Список источников

1. Проблема ожирения: краткие статистические данные. ВОЗ, Европейское региональное бюро. URL: <https://who-sandbox.squiz.cloud/ru/health-topics/noncommunicable-diseases/obesity/data-and-statistics>
2. Арзумян А.М., Денисенко А.А., Сарчук Е.В., Симачева С.А. Пищевые привычки как предикторы формирования особенностей пищевого поведения // StudNet. 2022. № 1. С. 87 – 101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pischevye-privychki-kak-prediktory-formirovaniya-osobennostey-pischevogo-povedeniya>
3. Алексей Кузнецов «10 вредных пищевых привычек» «Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека». <https://здоровое-питание.пф/healthy-nutrition/articles/10-vrednykh-pishchevykh-privychek/>
4. Горюнова М.В., Вдовиченко Е.В., Сарчук Е.В. Анализ распространенности избыточного веса тела и ожирения молодежи // Colloquium-journal. 2019. № 19 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rasprostranennosti-izbytochnogo-vesa-tela-i-ozhireniya-molodezhi-g-simferopol>
5. Аминова О.С., Уварова Ю.Е., Тятенкова Н.Н. Оценка фактического питания и пищевого статуса студентов // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2017. № 1. С. 66 – 77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-fakticheskogo-pitaniya-i-pischevogo-statusa-studentov>
6. Дроздова Г.А. Обезвоживание организма // Никко – Отолиты. М.: Советская энциклопедия, 1974. (Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 1969-1978. Т. 18.
7. Палаткин В.В. Влияние сахара на организм человека // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2017. № 2. С. 42 – 45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sahara-na-organizm-cheloveka>
8. Абдурахимов А.Х., Гофурова Х.З. Кофеин и здоровье // Life Sciences and Agriculture. 2023. № 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kofein-i-zdorovie>
9. Тарасова Н.С., Лавренчук А.А. Правильное питание как залог здоровья и долголетия // Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports. 2008. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnoe-pitanie-kak-zalog-zdorovya-i-dolgoletiya>
10. Лифинцева А.А., Новикова Ю.Ю., Караваева Т.А., Фомичева М.В. Психосоциальные факторы компульсивного переедания: мета-аналитическое исследование // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2019. № 3. С. 19 – 27. URL: https://psychiatr.ru/files/magazines/2019_10_obozr_1442.pdf
11. Тулкин В.Н., Бабияк В.И. Органы вкуса и диагностика нарушений вкусовой чувствительности // РО. 2009. № 3. С. 103 – 112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-vkusa-i-diagnostika-narusheniy-vkusovoy-chuvstvitelnosti>
12. Курец Г.М. «Вредные пищевые привычки» // Учреждение Здравоохранения Браславская Центральная Районная Больница. URL: <https://braslcrb.by/informatsiya/ctati/vrednye-pishchevye-privychki>
13. Пищевая зависимость. Медицинский Центр «СОБА», 2023. (Электронный ресурс) URL: <https://comfort.sovamed.ru/zabolevaniya/pishchevaya-zavisimost/>
14. Захарова И.Н., Дмитриева Ю.А., Мачнева Е.Б., Касьянова А.Н. Физиология вкусового восприятия: роль генетических и средовых факторов в формировании вкусовых предпочтений // Рос вестн перинатол и педиат. 2018. № 4. С. 23 – 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fiziologiya-vkusovogo-voSPIriatiya-rol-geneticheskikh-i-sredovykh-faktorov-v-formirovanii-vkusovykh-predpochteniy>

15. Вишняк М.Н., Машенская Е.А., Михайлов А.В., Новоселов А.С. Исследование региональных вкусовых предпочтений потребителей при продвижении на рынок новационного продукта питания // Ползуновский вестник. 2016. № 2. С. 31 – 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-regionalnyh-vkusovyh-predpochteniy-potrebiteley-pri-prodvizhenii-na-rynok-novatsionnogo-produkta-pitaniya>
16. Кудряшева А.А. Влияние питания на здоровье человека // Пищевая промышленность. 2004. № 12. С. 88 – 90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pitaniya-na-zdorovie-cheloveka>
17. Кузнецова Н.А. Пищевые химические добавки: вред и польза // Шаг в науку. 2017. № 1. С. 89 – 91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pischevye-himicheskie-dobavki-vred-i-polza>
18. Череп З.П., Андреев Т.А., Рогожкина А.А. Правильное питание в формировании здорового образа жизни // Наука-2020. 2019. № 10 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnoe-pitanie-v-formirovanii-zdorovogo-obraza-zhizni>
19. Ромашов А.Ю., Кашпарова Ю.А. Актуальность проблемы неправильного питания современного студента // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2020. № 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-problemy-nepravilnogo-pitaniya-sovremennogo-studenta>
20. Курбанмамедов С., Сердаров М. Правила регулярного питания // Ceteris paribus. 2023. № 4. С. 110 – 112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-regulyarnogo-pitaniya>
21. Мартынова П.Д., Иванов С.Ю. Проблема сахарной зависимости в современном мире // Международный центр научного партнерства «Новая Наука», сборник статей II Международного учебно-исследовательского конкурса: в 6 ч.. Том Ч. 4. Петрозаводск, 2021. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47445496>
22. Шевченко В.П. Клиническая диетология / Под ред. акад. РАМН В.Т. Ивашкина. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 256 с. (Библиотека врача-специалиста). ISBN 978-5-9704-0894-0.
23. Герасименко Н.Ф., Позняковский В.М., Челнакова Н.Г. Здоровое питание и его роль в обеспечении качества жизни // ТПНП АПК. 2016. № 4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovoe-pitanie-i-ego-rol-v-obespechenii-kachestva-zhizni>

References

1. The problem of obesity: brief statistical data. WHO, Regional Office for Europe. URL: <https://who-sandbox.squiz.cloud/ru/health-topics/noncommunicable-diseases/obesity/data-and-statistics>
2. Arzumanyan A.M., Denisenko A.A., Sarchuk E.V., Simacheva S.A. Eating habits as predictors of the formation of eating behavior characteristics. StudNet. 2022. No. 1. P. 87 – 101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pischevye-privychki-kak-prediktory-formirovaniya-osobennostey-pischevogo-povedeniya>
3. Alexey Kuznetsov "10 harmful eating habits" "Federal Service for Surveillance on Consumer Rights Protection and Human Wellbeing". <https://healthy-nutrition.rf/healthy-nutrition/articles/10-vrednykh-pishchevykh-privychek/>
4. Goryunova M.V., Vdovichenko E.V., Sarchuk E.V. Analysis of the prevalence of overweight and obesity in young people. Colloquium-journal. 2019. No. 19 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-rasprostranennosti-izbytochnogo-vesa-tela-i-ozhireniya-molodezhi-g-simferopol>
5. Aminova O.S., Uvarova Yu.E., Tyatenkova N.N. Assessment of actual nutrition and nutritional status of students. Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2017. No. 1. P. 66 – 77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-fakticheskogo-pitaniya-i-pischevogo-statusa-studentov>
6. Drozdova G.A. Dehydration of the body. Nikko – Otoliths. M.: Soviet Encyclopedia, 1974. (Great Soviet Encyclopedia. ed.-in-chief A.M. Prokhorov. 1969-1978. Vol. 18.
7. Palatkin V.V. The influence of sugar on the human body. Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2017. No. 2. P. 42 – 45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sahara-na-organizm-cheloveka>
8. Abdurakhimov A.Kh., Gofurova H.Z. Caffeine and health. Life Sciences and Agriculture. 2023. No. 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kofein-i-zdorovie>
9. Tarasova N.S., Lavrenchuk A.A. Correct nutrition as a guarantee of health and longevity. Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports. 2008. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnoe-pitanie-kak-zalog-zdorovya-i-dolgoletiya>
10. Lifintseva A.A., Novikova Yu.Yu., Karavaeva T.A., Fomicheva M.V. Psychosocial factors of compulsive overeating: a meta-analytic study. Review of Psychiatry and Medical Psychology. 2019. No. 3. P. 19 – 27. URL: https://psychiatr.ru/files/magazines/2019_10_obozr_1442.pdf

11. Tulkin B.N., Babiyak V.I. Taste organs and diagnostics of taste sensitivity disorders. RO. 2009. No. 3. P. 103 – 112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-vkusa-i-dagnostika-narusheniy-vkusovoy-chuvstvitelnosti>
12. Kurets G.M. "Bad eating habits". Healthcare Institution Braslav Central District Hospital. URL: <https://braslcrb.by/informatsiya/ctati/vrednye-pishchevye-privychki>
13. Food addiction. Medical Center "SOVA", 2023. (Electronic resource) URL: <https://comfort.sovamed.ru/zabolevaniya/pishchevaya-zavisimost/>
14. Zakharova I.N., Dmitrieva Yu.A., Machneva E.B., Kasyanova A.N. Physiology of taste perception: the role of genetic and environmental factors in the formation of taste preferences. Ros Vestn Perinatol i Pediat. 2018. No. 4. P. 23 – 29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fiziologiya-vkusovogo-vospriyatiya-rol-geneticheskikh-i-sredovykh-faktorov-v-formirovanii-vkusovykh-predpochteniy>
15. Vishnyak M.N., Mashenskaya E.A., Mikhailov A.V., Novoselov A.S. Study of regional taste preferences of consumers when promoting an innovative food product to the market. Polzunovsky Vestnik. 2016. No. 2. P. 31 – 35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-regionalnykh-vkusovykh-predpochteniy-potrebiteley-pri-prodvizhenii-na-rynok-novatsionnogo-produkta-pitaniya>
16. Kudryasheva A.A. The influence of nutrition on human health. Food industry. 2004. No. 12. P. 88 – 90. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pitaniya-na-zdorovie-cheloveka>
17. Kuznetsova N.A. Food chemical additives: harm and benefit. Step into science. 2017. No. 1. P. 89 – 91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pischevye-himicheskie-dobavki-vred-i-polza>
18. Cherep Z.P., Andreenko T.A., Rogozhkina A.A. Proper nutrition in the formation of a healthy lifestyle. Science-2020. 2019. No. 10 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnoe-pitanie-v-formirovanii-zdorovogo-obraza-zhizni>
19. Romashov A.Yu., Kashparova Yu.A. Relevance of the problem of malnutrition of a modern student. Human health, theory and methodology of physical education and sports. 2020. No. 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-problemy-nepravilnogo-pitaniya-sovremennogo-studenta>
20. Kurbanmamedov S., Serdarov M. Rules of regular nutrition. Ceteris paribus. 2023. No. 4. P. 110 – 112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-regulyarnogo-pitaniya>
22. Shevchenko V.P. Clinical Dietology. Ed. by Academician of the Russian Academy of Medical Sciences V.T. Ivashkin. Moscow: GEOTAR-Media, 2009. 256 p. (Library of a specialist physician). ISBN 978-5-9704-0894-0.
23. Gerasimenko N.F., Poznyakovsky V.M., Chelnakova N.G. Healthy nutrition and its role in ensuring quality of life. TPPP APK. 2016. No. 4 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovoe-pitanie-i-ego-rol-v-obespechenii-kachestva-zhizni>

Информация об авторах

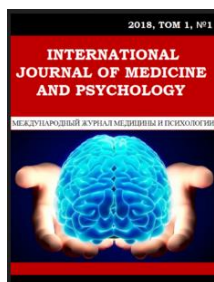
Рагимов Р.М., доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой нормальной физиологии, Дагестанский государственный медицинский университет, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан, 367020, г. Махачкала, ул. Ш. Алиева 1, physiologia_dgmu@mail.ru

Абдуллаева Н.М., кандидат биологических наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет, 367020, г. Махачкала, ул. Ш. Алиева 1, physiologia_dgmu@mail.ru

Тутунова Р.М., Дагестанский государственный медицинский университет, 367020, г. Махачкала, ул. Ш. Алиева 1, tutunovaroza15@gmail.com

Магомедалиева Д.Г., Дагестанский государственный медицинский университет, 367020, г. Махачкала, ул. Ш. Алиева 1, tutunovaroza15@gmail.com

© Рагимов Р.М., Абдуллаева Н.М., Тутунова Р.М., Магомедалиева Д.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.37

¹ **Лужковский В.В.,**

¹ Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко

Моноклональные антитела в онкологии: современные достижения и проблемы

Аннотация: моноклональные антитела прочно вошли в современные протоколы лечения многих онкологических заболеваний, вместе с тем возникает ряд сложностей, связанных с их применением на человеческом организме.

Цель. Провести обзорный анализ зарубежной и отечественной литературы, связанной с исследованием технологии получения и применения данных препаратов.

Был проведен обзорный анализ научной литературы зарубежных и отечественных авторов в базах данных eLibrary, PubMed, MedLine, КиберЛенинка, посвященной проблемам применения моноклональных антител в современной клинической онкологии. В рамках исследования были изучены различные препараты моноклональных антител. Было изучено строение каждого вида моноклональных антител на белковом уровне. Благодаря исследованию структуры различных видов моноклональных антител были исследованы различные варианты воздействия данных препаратов на злокачественные клетки.

Заключение. Ключевой задачей современной клинической онкологии и биоинженерии является создание препаратов моноклональных антител, воздействующих на широкий спектр «онкологических» антигенов для большей эффективности лечения гетерогенных опухолей.

Ключевые слова: моноклональные антитела, онкология, таргетная терапия

Для цитирования: Лужковский В.В. Моноклональные антитела в онкологии: современные достижения и проблемы // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 58 – 64.

Поступила в редакцию: 11 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Luzhkovsky V.V.,**

¹ Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko

Monoclonal antibodies in oncology: current achievements and challenges

Abstract: monoclonal antibodies have become an integral part of modern treatment protocols for many cancer diseases, but there are still some challenges associated with their use in the human body.

Purpose. To conduct a review analysis of foreign and domestic literature related to the study of the technology of obtaining and using these drugs.

A review analysis of scientific literature by foreign and domestic authors in the databases eLibrary, PubMed, MedLine, CyberLeninka was conducted, focusing on the problems of using monoclonal antibodies in modern clinical oncology. As part of the study, various monoclonal antibody preparations were studied. The structure of each type of monoclonal antibody was studied at the protein level. By studying the structure of different types of monoclonal antibodies, various effects of these drugs on malignant cells were investigated.

Conclusion. The key task of modern clinical oncology and bioengineering is to create monoclonal antibody drugs that affect a wide range of "oncological" antigens for more effective treatment of heterogeneous tumors.

Keywords: monoclonal antibodies, oncology, targeted therapy

For citation: Luzhkovsky V.V. Monoclonal antibodies in oncology: current achievements and challenges. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 58 – 64.

The article was submitted: June 11, 2025; Approved after reviewing: August 8, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Получение моноклональных антител напрямую связано с открытием метода гибридома. Этот метод позволил объединить геномы соматической антитело-продуцирующей клетки, индуцированной определённым антигеном, и геном клетки опухоли, которая обеспечивает бессмертие полученного гибрида.

Технологию получения гибридом, синтезирующих моноклональные антитела создали британцы Сезар Мильштейн и Жорж Келер в 70-х годах прошлого века [4]. При этом запатентована в Великобритании она так и не была. В то время в Соединённом Королевстве патентованием занимались две организации: Medical Research Council (MRC) (подбирала проекты для коммерциализации) и National Research Development Corporation (NRDC). В 1975 году Викерс попросил Мильштейна выслать неопубликованный вариант статьи с описанием гибридомного метода, в то время, когда она ожидала публикации в Nature. В августе статья вышла в журнале, и в 1976 году NRDC отказалась патентовать метод, сославшись на данную публикацию. Вокруг этого развился огромный скандал с участием Маргарет Тэтчер, химиком по образованию.

Материалы и методы исследований

Позже моноклональные антитела (МКА) и технология их получения были запатентованы в США Хилари Копровски, Карло Кроче и Вальтером Герхардом, которые воспользовались клеточной линией, подаренной им Мильштейном. Технология (С. Milstein и G. Kohler) сводится к следующим этапам:

1) Внесение в животное (мышь) нужного антигена.

2) Гибридизация лимфоцитов селезёнки мыши с помощью сливающего агента с клетками миеломы мыши, несущие мутацию гена, кодирующего гипоксантин-гуанин-фосфорибозилтрансферазу, что приводит к утрате «запасного пути» синтеза нуклеотидов.

3) Селекция полученных клеток на планшетах с ГАТ средой. ГАТ среда содержит в себе аминоптерин, который блокирует основной путь синтеза нуклеотидов, в результате чего выживают клетки, использующие «запасной путь» (гибридные В-лимфоциты).

4) Проверка выросших колоний на способность секретиции моноклональных антител.

5) Многократный процесс клонирования одного отобранного В-лимфоцита, полившего бессмертие от клетки миеломы.

6) Через 6 месяцев получают чистую клонированную гибридную линию, которая способна пролиферировать и служит источником однородных моноклональных антител. [5]

Важной проблемой явился сильный иммунный ответ на мышинные антитела, который подавлял эффективность процедур с использованием данных препаратов. Также моноклональные антитела отличала низкая связываемость с FcR-рецептором.

Поставленные проблемы были решены с помощью рекомбинации ДНК. Генная инженерия позволила заменить константные участки тяжелых и легких цепей моноклональных антител на таковые человеческого IgG. Такие МКА называли «химерными», они вызывают меньшую иммунную реакцию по сравнению с полностью мышинными антителами [8]. Наименее иммуногенными являются «гуманизированные МКА» у которых в результате использования генной инженерии мышинными остались только гипервариабельные участки.

Все названия моноклональных антител оканчиваются на «-mab», при этом если антитело получено от мыши, то к окончанию добавляется «о», соответственно окончание таких антител принимает вид «-omab». При этом химерные антитела получили окончание «-ximab», гуманизированные – «-zumab», полностью человеческие – «-umab».

Результаты и обсуждения

Иммунофенотипирование.

Моноклональные антитела получили широкое применение в лечении онкологии, в том числе и как диагностика различных видов гемобластозов. Так при острых лимфобластных и нелимфобластных лейкозах иммунофенотипирование бластных клеток позволяет определить характерный антиген для того или иного варианта лейкоза (3 варианта для ОЛЛ и 8 вариантов ОНЛЛ по FAB-классификации). Такой метод диагностики позволяет определить и провести дифференциальную диагностику таких вариантов ОНЛЛ, как M0, M1, M2, M3, M4, M6 и M7. Данный иммунологический метод позволяет выявлять гетерогенность лейкоз-

ных клеток в морфоцитохимически однородной популяции.

При этом иммунофенотипирование ОНЛЛ включает два этапа:

1. Первый этап включает в себя подтверждение миелоидного происхождения опухолевого клона. Для этого используют следующие миелоидные маркеры: анти-МПО, CD13, CDw65, CD117, CD33. Помогают диагностике также линейно-неспецифические антигены, а также антигены, ассоциированные со стволовой клеткой TdT, CD34, HLA-DR. Для дифференциальной диагностики ОЛЛ используют маркеры В- и Т-клеточной направленности (CD19, CD22, CD79a, CD10, CD3, CD2, CD7).

2. Второй этап использует более широкую панель микроклональных антител для продвинутой классификации вариантов ОНЛЛ и ОЛЛ.

Общая миелоидная направленность малигнизированного клона может быть доказана на основе экспрессии двух антигенов: CD13 и CD33. В норме эти маркеры присутствуют на CD34+ клетках. Помимо основных вышеперечисленных маркеров

используют также CD15, который является углеводным антигеном и участвует в клеточной адгезии. Помимо специализированных антигенов в диагностике используют обнаружение гликофорина А, который указывает на эритроидное происхождение. Другой маркер эритроидного ряда (HAE-9) является строго эритробластным и был получен в НМИЦ онкологии имени Н. Н. Блохина. Данный маркер обнаруживается у многих видов ОНЛЛ, чаще всего при М6 варианте. Мегакариоцитарную природу при ОНЛЛ бластных клеток выявляют моноклональными антителами к CD41, CD42, CD61.

Конечно, данный метод является более точным и открывает новые пути лечения гемабластозов, но не стоит забывать про морфоцитохимический метод исследования, который позволяет зрительно исследовать субстрат исследования. Поэтому в установлении диагноза того или иного гемобластоза следует использовать многопрофильную диагностику, основывающуюся не только на наборе антигенов, но и на данных морфологии и гистологии.

Иммунофенотипирование ОЛ					
маркеры		Пре-В ОЛЛ	В ОЛЛ	Т ОЛЛ	ОМЛ
Стволовых клеток	TdT	+	+	+	-
	HLA-DR	+	+	-	+/-
	CD34	+/-	-	-	+/-
В-клеточные	CD 10	+	+/-	-	-
	Мембранный CD 19	+	+	-	-
	CD 20	+	+	-	-
	Цитоплазм. CD22	+	+	-	-
	Цитоплазм. CD 79a	+	+	-	-
	Цитоплазмат. μ - цепи	+	+	-	-
	Мембранный Ig	-	+	-	-
Т-клеточные	CD 2	-	-	+	-
	Цитоплазмат CD 3	-	-	+	-
	CD 5	-	-	+	-
	CD 7	-	-	+	-
Миелоидные/ моноцитарные	Миелопероксидаза	-	-	-	+
	CD 11	-	-	-	+
	CD 13	-	-	-	+
	CD 14	-	-	-	+
	CD 33	-	-	-	+
Мегакариобластные	CD 41	-	-	-	+
	CD 42	-	-	-	+
	CD 61	-	-	-	+
Эритроидные	Гликофорин А	-	-	-	+

Рис. 1. Препараты моноклональных антител и их действие.

Fig. 1. Monoclonal antibody preparations and their action.

Лекарственные препараты моноклональных антител представлены в таких формах, как Fv- Fab- и F(ab)₂- фрагментов. В начале стоит рассмотреть строение иммуноглобулина класса G. IgG состоит из 4-х полипептидных цепей: двух L-цепей и двух

H-цепей с молекулярной массой 25 и 50 кДа. При этом каждая лёгкая цепь включает в себя вариабельный и константный домены, а тяжелая цепь состоит из одного вариабельного и трёх константных доменов. Саму же пространственную струк-

туру молекулы определяют и поддерживают дисульфидные связи, которые соединяют легкие и тяжелые цепи друг с другом и тяжелые цепи между собой. Варибельный фрагмент IgG включает два варибельных домена (V_H и H_L). От этих доменов зависит специфичность иммуноглобулинов. При всём этом в V-доменах различают гиперварибельные участки, в которых варибельность аминокислот наиболее высока и которые определяют комплементарность антитела к антигену (CDR-участки). Такие участки имеются как в легких, так и в тяжелых цепях в количестве трех участков аминокислотных последовательностей на каждый домен. Эти участки чередуются с четырьмя относительно широкими каркасными консервативными участками. Fab- фрагменты, которые связывают антиген, включают помимо варибельных участков по одному константному фрагменту, как в лёгкой, так и в тяжелой цепи. Другая часть молекулы включает в себя два константных домена тяжелых цепей (Fc- фрагмент). [1]

В месте соприкосновения Fc- и Fab- фрагментов имеется шарнирная область, которая богата остатками пролина и обеспечивает пластичность молекулы иммуноглобулина. Данная подвижность необходима для связывания с антигенными детерминантами клеток. Вместе с тем этот участок несколько уязвим к различному роду ферментов, к которым относят папаин и пепсин. Также стоит отметить, что константные домены тяжёлых цепей гликозилированы, при этом гликозилирование у каждого вида антител гетерогенно.

Fc-фрагмент иммуноглобулина ответственен за участие в реализации собственно эффекторных функций антител. Последовательность, соединяющая C_{H2} - C_{H3} домены, адгезирует с неонатальным Fc-рецептором и с некоторыми бактериальными белками. [2] Данный рецептор имеется у эндотелиоцитов, кишечного эпителия, АПК- клеток и подоцитов. Неонатальный Fc-рецептор переносит IgG через эпителиальный и эндотелиальный барьер.

Как было сказано ранее для лечения используют несколько разновидностей препаратов антител: химерные, гуманизированные и в отдельных случаях полностью гуманизированные. Основные клинические требования, предъявляемые данным препаратам, заключаются в преодолении чрезмерной реактивности иммунной системы организма на их введение. Из сказанного выше про различные по строения моноклональные антитела можно сделать вывод, что степень проявления иммунологической реакции напрямую коррелирует с видом данного препарата и возрастает в ряду: полностью

гуманизированные МКА-гуманизированные МКА-химерные МКА.

Химерные моноклональные антитела представляют собой иммуноглобулины, состоящие на 30–35% из мышинового и на 65–70% из человеческого белка. Примерами препаратов химерных антител могут служить: ритуксимаб (антитела к CD20 В-лимфоцитов), базиликсимаб (антитела к CD25 активированных Т-лимфоцитов), инфликсимаб (антитела к ФНО-а).

Гуманизированные антитела представляют собой иммуноглобулины, которые имеют как минимум один участок CDR мышинового антитела, остальные области при этом полностью человеческие. Доля белка мыши в них не превышает 10%. Примерами таких препаратов могут служить трастузумаб (моноклональные антитела к рецептору эпидермального фактора роста человека 2-го типа (HER2)), даклизумаб (антитела к CD25 активированных Т-лимфоцитов), окрелизумаб (антитела к CD20 В-лимфоцитов).

Полностью гуманизированные МКА самые сложные в производстве, так как требуют стабильно активно пролиферирующих человеческих клеточных колоний. Некоторые препараты, применяемые в клинической онкологии и относящихся к этому классу МКА: ипилимумаб (антитело к рецептору CTLA-4, который является одним из иммунных чекпойнтов), панитумумаб (антитело к рецептору эпидермального фактора роста 1-го типа (HER1)), офатумумаб (антитело к CD20). [10]

Применение моноклональных антител в онкологии.

В онкологии лекарственные препараты на основе МКА используют для непосредственного воздействия на опухолевый клон, либо для адресной доставки лекарственных препаратов, токсинов и изотопов.

Неконъюгированные МКА обладают широким спектром механизмов действия на опухоль, обусловленные их действием на тот или иной антиген, среди которых:

- активация комплемента;
- индукция апоптоза;
- обеспечение прямой цитотоксичности;
- прерывание внутриклеточных сигнальных путей;
- блокировка трансляции определённых белковых молекул необходимых для реализации злокачественного фенотипа клетки;
- подавление местного неоангиогенеза.

При этом при выборе антигена руководствуются следующими принципами:

-антиген принимает важное участие в формировании злокачественного фенотипа опухолевого клона;

-присутствие его преимущественно на поверхности малигнизированных клеток (наименьшая локализация данных антигенов на здоровых клетках);

-антиген должен быть специфичным для большого спектра онкологических заболеваний.

Конъюгированные МКА представляют собой группу препаратов, связанных с радиоактивными изотопами, биотоксинами или цитостатиками. [3] Антитело при этом обеспечивает таргетное направление на определённую клетку, а второй компонент обеспечивает токсический эффект на опухоль.

Моноклональные антитела конъюгированные с изотопом избирательно облучают опухолевые клетки. При этом выбор изотопа зависит от пролиферативной активности опухоли, продолжительности полураспада изотопа, от вида излучения, оказывающего влияние на клетку. [9]

Конъюгированные МКА с токсинами имеют широкий спектр действия и зависят от вида токсина. Так рибонуклеаз способен блокировать трансляцию полипептидов, а стафилококковый эндотоксин оказывает иммуномодулирующее действие, активируя Т-лимфоциты, опосредующих противоопухолевый эффект.

В клинике препараты моноклональных антител применяют в схемах лечения различных онкологий: как в лечении солидных опухолей в качестве адъювантной и неадъювантной терапии, так и в лечении гемабластозов.

Так при некоторых стадиях HER2- положительного рака молочной железы используется анти-HER2 терапия, включающая трастузумаб и пертузумаб. [6] При этом данные препараты могут использоваться как в начале заболевания-перед химиотерапией, во время неё или в качестве синер-

гиста гормональной терапии после основного этапа лечения.

В лечении гемабластозов широкую распространённость получил ритуксимаб. Он применяется при CD20-положительных гемабластозах. Терапия этим препаратом проводится в начале лечения по программе R-CHOP. В 2024 году по протоколу ОЛЛ МБ-2015 стали лечить пациентов с ОЛЛ. [7] Этот протокол включает применение блинатумаба. По фармакологическому действию блинатумаб является активатором Т-лимфоцитов. Данный препарат связывается с CD3 и CD19 антигенами, при этом первый антиген находится на поверхности Т-киллеров, а CD-19 на В-лимфоцитах, из-за этого этот препарат носит название биспецифического. В терапии гемабластозов применение нашли конъюгированные антитела, среди них ибритумаб, являющийся антителом к CD20-антигену, при этом данный препарат используется при резистентности терапии ритуксимабом.

Проблемы, возникающие с применением данных видов препаратов связаны в основном с гетерогенностью опухолевых клонов, которая обусловлена высоким количеством мутаций, происходящих в опухолевых клетках.

Выводы

Терапия злокачественных новообразований с применением препаратов моноклональных антител обладает рядом преимуществ перед классической химиотерапией. Современная медицина располагает широким спектром выбора данных препаратов для лечения тех или иных злокачественных новообразований. Среди достоинств лечения препаратами моноклональных антител можно выделить высокую специфичность к тому или иному антигену, представленному на опухолевом клоне, но вместе с этим проявляется и главный недостаток данных препаратов: антитела не обеспечивают воздействие на все клетки опухоли при её гетерогенности.

Список источников

1. Абул-Элла Х., Гохар А., Али А. А., Исмаил Л. М., Махмуд А.Э.Э., Эльхатиб В.Ф., Абул-Элла Х. Моноклональные антитела: от «волшебной пули» к высокоточному оружию // Mol Biomed. 2024 Oct. 11. № 5(1). С. 47. doi: 10.1186/s43556-024-00210-1. PMID: 39390211; PMCID: PMC11467159
2. Авдеева Ж.И., Солдатов А.А., Алпатова Н.А., Медуницын Н.В. и др. Лекарственные препараты моноклональных антител нового поколения (проблемы и перспективы) // БИОпрепараты. Профилактика, диагностика, лечение. 2015. № 1 (53). С. 23 – 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lekarstvennyye-preparaty-monoklonalnyh-antitel-novogo-pokoleniya-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 23.04.2025)
3. Акрам Ф., Али А.М., Ахтар М.Т., Фатима Т., Шаббир И., Уль Хак И. Путь конъюгатов антител-лекарственное средство к революционным изменениям в терапии рака: обзор // Bioorg Med Chem. 2025, Jan 1. № 117. Р. 118010. doi: 10.1016/j.bmc.2024.118010. Опубликовано 24 ноября 2024 г. PMID: 39586174

4. Асмани А.З., Зайнуллин А.Ф.Ф., Азми Мурад Н.А., Мохд Дарвис Н.Х., Сухайми Н.С., Заини Э., Тахер М., Сусанти Д., Хотиб Дж. Иммуногенность моноклональных антител: причины, последствия и стратегии контроля // *Pathol Res Pract*. 2024, Nov. № 263. P. 155627. doi: 10.1016/j.prp.2024.155627. Опубликовано 27 сентября 2024 г. PMID: 39357185

5. Будчанов Юрий Иванович Моноклональные антитела: от создания до клинического применения // *Клиническая онкогематология*. 2016. № 3. С. 238 – 240. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monoklonalnye-antitela-ot-sozdaniya-do-klinicheskogo-primeneniya> (дата обращения: 23.04.2025)

6. Бхагьялалита М., Хандатту Шанкаранараяна А., Арун Кумар С., Сингх М., Пуджар К.Г., Бидье Д., Виранна Пуджар Г. Достижения в области таргетной терапии HER2: от моноклональных антител до разработки двойных ингибиторов для лечения рака // *Bioorg Chem*. 2024, Oct. № 151. P. 107695. doi: 10.1016/j.bioorg.2024.107695. Опубликовано 9 августа 2024 г. PMID: 39137598

7. Ван Х., Куб Т., Фромм Дж. Р., Гопал А., Картер Д., Либбер А. Ингибиторы CD46 и CD59 усиливают комплемент-зависимую цитотоксичность моноклональных антител даратумумаба и изатуксимаба против клеток множественной миеломы и других В-клеточных злокачественных новообразований // *Cancer Biol Ther*. 2024, Dec. 31. № 25 (1). P. 2314322. doi: 10.1080/15384047.2024.2314322. Epub 2024 Feb 15. PMID: 38361357; PMCID: PMC10877974

8. Корепанов А.С., Гинак А.И. Терапевтические моноклональные антитела // *Известия СПбГТИ (ТУ)*. 2016. № 36 (62). С. 86 – 87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terapevticheskie-monoklonalnye-antitela> (дата обращения: 23.04.2025)

9. Толедо-Стуардо К., Рибейро Ч.Х., Гонсалес-Эррера Ф., Мэттис Д.Дж. и др. Терапевтические антитела в онкологии: обзор с точки зрения иммунофармакологии. *Cancer Immunol Immunother*. 2024, Oct. 3. № 73 (12). P. 242. doi: 10.1007/s00262-024-03814-2. PMID: 39358613; PMCID: PMC11448508

10. Шагас Г.Г., Пимента Р., Виана Н.И. Достижения и проблемы в лечении лейкемии: фокус на моноклональных антителах и новых методах лечения // *Oncol Res*. 2025, May 29. № 33 (6). С. 1283 – 1288. doi: 10.32604/or.2025.055100. PMID: 40486885; PMCID: PMC12144656

References

1. Abul-Ella H., Gohar A., Ali A. A., Ismail L. M., Mahmud A. E., Elkhatib V. F., Abul-Ella H. Monoclonal antibodies: from the "magic bullet" to high-precision weapons. *Mol Biomed*. 2024 Oct. 11. No. 5 (1). P. 47. doi: 10.1186/s43556-024-00210-1. PMID: 39390211; PMCID: PMC11467159

2. Avdeeva Zh.I., Soldatov A.A., Alpatova N.A., Medunitsyn N.V. et al. New generation monoclonal antibody drugs (problems and prospects). *BIOpreparaty. Prevention, diagnosis, treatment*. 2015. No. 1 (53). P. 23 – 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lekarstvennye-preparaty-monoklonalnyh-antitel-novogo-pokoleniya-problemy-i-perspektivy> (date of access: 23.04.2025)

3. Akram F., Ali A.M., Akhtar M.T., Fatima T., Shabbir I., Ul Haq I. The path of antibody-drug conjugates to revolutionize cancer therapy: a review. *Bioorg Med Chem*. 2025, Jan 1. No. 117. P. 118010. doi: 10.1016/j.bmc.2024.118010. Published Nov 24, 2024. PMID: 39586174

4. Asmani AZ, Zainuddin AFF, Azmi Murad NA, Mohd Darwis NH, Suhaimi NS, Zaini E, Taher M, Susanti D, Hotib J. Immunogenicity of monoclonal antibodies: causes, consequences, and control strategies. *Pathol Res Pract*. 2024, Nov. № 263. P. 155627. doi: 10.1016/j.prp.2024.155627. Published Sep 27, 2024. PMID: 39357185

5. Budchanov Yuri Ivanovich Monoclonal antibodies: from creation to clinical use. *Clinical oncohematology*. 2016. No. 3. P. 238 – 240. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monoklonalnye-antitela-ot-sozdaniya-do-klinicheskogo-primeneniya> (date of access: 04/23/2025)

6. Bhagyalalita M., Khandattu Sankaranarayana A., Arun Kumar S., Singh M., Pujar K.G., Bidye D., Viranna Pujar G. Advances in HER2 targeted therapy: from monoclonal antibodies to development of dual inhibitors for the treatment of cancer. *Bioorg Chem*. 2024, Oct. No. 151. P. 107695. doi: 10.1016/j.bioorg.2024.107695. Published Aug 09, 2024. PMID: 39137598

7. Wang H, Koob T, Fromm JR, Gopal A, Carter D, Lieber A. CD46 and CD59 inhibitors enhance complement-dependent cytotoxicity of the monoclonal antibodies daratumumab and isatuximab against multiple myeloma cells and other B-cell malignancies. *Cancer Biol Ther*. 2024, Dec. 31. No. 25 (1). P. 2314322. doi: 10.1080/15384047.2024.2314322. Epub 2024 Feb 15. PMID: 38361357; PMCID: PMC10877974

8. Korepanov AS, Ginak AI. Therapeutic monoclonal antibodies. *Bulletin of SPbGTI (TU)*. 2016. No. 36 (62). P. 86 – 87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terapevticheskie-monoklonalnye-antitela> (date of access: 23.04.2025)

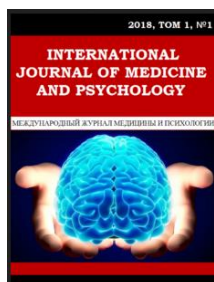
9. Toledo-Stuardo K., Ribeiro C.H., Gonzalez-Herrera F., Mattis D.J. et al. Therapeutic antibodies in oncology: a review from the point of view of immunopharmacology. *Cancer Immunol Immunother.* 2024, Oct. 3. No. 73 (12). P. 242. doi: 10.1007/s00262-024-03814-2. PMID: 39358613; PMCID: PMC11448508

10. Chagas G.G., Pimenta R., Viana N.I. Advances and challenges in leukemia treatment: focus on monoclonal antibodies and new treatments. *Oncol Res.* 2025, May 29. No. 33 (6). P. 1283 – 1288. doi: 10.32604/or.2025.055100. PMID: 40486885; PMCID: PMC12144656

Информация об авторе

Лужковский В.В., Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко, lujhova.1807@gmail.com

© Лужковский В.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.8. Клиническая лабораторная диагностика (медицинские науки)

УДК 616-002.5

¹ Фомина Д.А.,

² Татарова Е.П.,

¹ Азаркина К.И.,

¹ Мелкумян В.О.,

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,

² Клиническая больница № 2, г. Казань

Патофизиология аутоиммунных реакций при постинфекционных осложнениях: современные представления

Аннотация: современные научные данные свидетельствуют о существенной роли аутоиммунных процессов в развитии постинфекционных осложнений. Механизмы, лежащие в основе этих реакций, включают сложные каскады иммунной дисрегуляции, активацию Т- и В-лимфоцитов, выработку аутоантител и молекулярную мимикрию.

Целью настоящего исследования является обзор современных представлений о патофизиологических основах аутоиммунных реакций, возникающих после перенесённых инфекций, с акцентом на наиболее значимые клинические синдромы, такие как синдром Гийена-Барре, постковидный синдром, хронический воспалительный миокардит и постстрептококковая гломерулонефropатия.

Исследование базируется на междисциплинарном анализе молекулярных и клеточных механизмов, иммунологических маркеров и патоморфологических изменений, выявляемых при аутоиммунных осложнениях инфекционного генеза.

Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию природы постинфекционных иммунопатологий и открывают перспективы для таргетной терапии и иммуномодуляции.

Ключевые слова: аутоиммунитет, постинфекционные осложнения, молекулярная мимикрия, воспаление, иммунные комплексы, цитокиновый каскад, патофизиология, инфекционные триггеры

Для цитирования: Фомина Д.А., Татарова Е.П., Азаркина К.И., Мелкумян В.О. Патофизиология аутоиммунных реакций при постинфекционных осложнениях: современные представления // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 65 – 70.

Поступила в редакцию: 11 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Fomina D.A.,

² Tatarova E.P.,

¹ Azarkina K.I.,

¹ Melkumyan V.O.,

¹ Ogarev Mordovia State University,

² "Clinical Hospital 2" of the City of Kazan

Pathophysiology of autoimmune reactions in postinfectious complications: current concepts

Abstract: modern scientific evidence indicates a significant role of autoimmune processes in the development of post-infectious complications. The mechanisms underlying these reactions include complex cascades of immune dysregulation, activation of T and B lymphocytes, production of autoantibodies, and molecular mimicry.

The purpose of this study is to review current understanding of the pathophysiological basis of autoimmune reactions that occur after infections, with an emphasis on the most significant clinical syndromes such as Guillain-Barre syndrome, postcovid syndrome, chronic inflammatory myocarditis and post-streptococcal glomerulonephropathy.

The study is based on an interdisciplinary analysis of molecular and cellular mechanisms, immunological markers, and pathomorphological changes detected in autoimmune complications of infectious origin.

The results obtained contribute to a deeper understanding of the nature of post-infectious immunopathologies and open up prospects for targeted therapy and immunomodulation.

Keywords: autoimmunity, postinfectious complications, molecular mimicry, inflammation, immune complexes, cytokine cascade, pathophysiology, infectious triggers

For citation: Fomina D.A., Tatarova E.P., Azarkina K.I., Melkumyan V.O. Pathophysiology of autoimmune reactions in postinfectious complications: current concepts. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 65 – 70.

The article was submitted: June 11, 2025; Approved after reviewing: August 8, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современные достижения медицины и молекулярной биологии существенно расширили представления о природе патологических процессов, развивающихся в организме человека после перенесённых инфекций. Одним из наиболее актуальных и одновременно наименее изученных направлений является исследование аутоиммунных реакций, возникающих в постинфекционный период. Эти реакции, имея сложный и многокомпонентный характер, способны вызывать продолжительные, а порой и хронические поражения различных органов и систем, существенно снижая качество жизни и увеличивая риск инвалидизации [2].

Стремительный рост числа диагностируемых аутоиммунных осложнений, особенно в условиях постпандемической реальности, диктует необходимость углублённого изучения патофизиологических механизмов, лежащих в основе их развития [9].

Материалы и методы исследований

Для анализа были отобраны публикации за период с 2015 по 2025 годы. Основное внимание уделено оригинальным исследованиям, система-

тическим обзорам и метаанализам, касающимся иммунопатогенеза постинфекционных состояний.

Критериями отбора послужили наличие данных о вовлечении клеточного и гуморального иммунного ответа, регистрация аутоантител, описания клинических случаев с морфологическим подтверждением аутоиммунной природы осложнений, а также сведения о терапевтическом ответе на иммуносупрессивные и иммуномодулирующие препараты.

Кроме того, проведён сопоставительный анализ уровня провоспалительных цитокинов и частоты выявления аутоантител у пациентов с постинфекционными синдромами и в контрольных группах.

Исторически аутоиммунитет рассматривался как патологическое явление, связанное с утратой организмом способности различать собственные и чужеродные антигены. Однако в последние годы концепция аутоиммунного ответа претерпела существенные изменения [6]. Стало очевидным, что аутоиммунные реакции могут быть не только результатом генетической предрасположенности, но и следствием инфекционного воздействия, в ходе которого происходит активация иммунной системы с последующим запуском механизмов молеку-

лярной мимикрии, перекрёстной антигенности и эпителиального распространения. Воздействие инфекционного агента может инициировать формирование стойких аутоантител, нарушать механизмы иммунной толерантности и вызывать дисбаланс между регуляторными и эффекторными клетками иммунной системы [8].

Особенно заметным это явление стало после глобального распространения SARS-CoV-2, инфекция которого продемонстрировала способность вызывать широкий спектр постинфекционных иммунопатологий. Наблюдения клиницистов и данные научных исследований показали, что значительная часть пациентов, перенёсших COVID-19, сталкиваются с проявлениями аутоиммунного характера, среди которых наиболее распространены миалгии, полиартралгии, кожные и неврологические расстройства, а также системные воспалительные синдромы. Это обстоятельство послужило катализатором для более пристального изучения постинфекционного аутоиммунитета в целом [1].

В то же время внимание исследователей было также направлено на другие хорошо известные, но до конца не изученные постинфекционные синдромы, такие как синдром Гийена-Барре, постстрептококковая ревматическая лихорадка, рассеянный энцефаломиелит, реактивный артрит и аутоиммунные поражения щитовидной железы. Несмотря на разнообразие клинических проявлений, все эти состояния объединяет единая патофизиологическая основа, связанная с нарушениями регуляции иммунного ответа на фоне предыдущего инфицирования. Установлено, что ключевым звеном в формировании подобных осложнений является не сама инфекция, а иммунный дисбаланс, спровоцированный её воздействием [10].

В условиях высокой распространённости инфекционных заболеваний и широкого спектра возбудителей, способных индуцировать аутоиммунные реакции, возрастает роль дифференциальной диагностики и понимания патогенетических основ таких осложнений [3]. Клиницист сталкивается с необходимостью не только выявления самого аутоиммунного синдрома, но и определения его связи с перенесённой инфекцией, что требует междисциплинарного подхода и использования

современных методов лабораторной, морфологической и молекулярной диагностики. Более того, понимание механизмов развития постинфекционных аутоиммунных состояний приобретает особую значимость в контексте разработки персонализированных стратегий лечения, основанных на таргетной иммунотерапии, биологически активных препаратах и модуляции цитокиновых каскадов [5].

Таким образом, исследование патофизиологии аутоиммунных реакций в постинфекционный период является не только актуальной научной задачей, но и практической необходимостью. Оно позволяет не только углубить теоретическое понимание аутоиммунных процессов, но и повысить эффективность медицинской помощи пациентам, страдающим от осложнений инфекционного происхождения.

Научная статья направлена на систематизацию и анализ современных представлений о патофизиологических механизмах аутоиммунных реакций при постинфекционных осложнениях, с акцентом на клинически значимые синдромы и потенциальные терапевтические подходы.

Результаты и обсуждения

Иммунный ответ на патогенные микроорганизмы в ряде случаев сопровождается развитием стойких нарушений иммунной регуляции. Среди ключевых механизмов, способствующих возникновению аутоиммунных реакций, наиболее значимым считается феномен молекулярной мимикрии. Он заключается в том, что антигены инфекционного агента обладают сходством с белками организма, в результате чего иммунная система ошибочно атакует собственные ткани. Особенно выражено это при инфекциях, вызванных вирусами герпеса, SARS-CoV-2, стрептококками группы А и некоторыми энтеровирусами.

Результаты количественного анализа литературы показывают, что наиболее частыми аутоиммунными постинфекционными синдромами являются рассеянный энцефаломиелит, синдром Гийена-Барре, ревматическая лихорадка, реактивный артрит, постковидный синдром и аутоиммунный тиреоидит.

В табл. 1 представлена обобщённая информация о частоте возникновения этих состояний.

Таблица 1
Частота основных постинфекционных аутоиммунных синдромов по данным метаанализа (2015-2025 гг.).

Table 1

Frequency of the main post-infectious autoimmune syndromes according to meta-analysis data (2015-2025).

Постинфекционный синдром	Частота (%) у пере- нёсших инфекцию	Основной инфекционный агент
Синдром Гийена-Барре	0,8	Campylobacter jejuni, SARS-CoV-2
Рассеянный энцефаломиелит	0,3	вирус кори, вирус герпеса
Ревматическая лихорадка	2,1	β-гемолитический стрептококк группы А
Постковидный аутоиммунный синдром	5,2	SARS-CoV-2
Реактивный артрит	1,4	Chlamydia trachomatis, Shigella
Аутоиммунный тиреоидит	1,9	вирусы Эпштейна-Барр, SARS-CoV-2

Патофизиологическая основа всех указанных состояний связана с неконтролируемой продукцией цитокинов, активностью Т-хелперов 1-го типа и последующим развитием клеточной цитотоксичности, а также нарушением баланса между регуляторными и эффекторными иммунными клетками. Важно отметить, что в основе перехода от нормального воспалительного ответа к аутоиммунно-

му лежит устойчивое персистирование антигенной стимуляции и недостаточность механизмов иммунной толерантности.

В табл. 2 приведены сопоставительные данные о показателях аутоиммунной активности у пациентов с различными постинфекционными осложнениями.

Показатели аутоиммунной активности при постинфекционных состояниях.

Таблица 2

Table 2

Indicators of autoimmune activity in post-infectious conditions.

Синдром	Частота выявления аутоантител (%)	Уровень IL-6 (пг/мл)	Уровень CRP (мг/л)
Синдром Гийена-Барре	76	38	15
Рассеянный энцефаломиелит	64	42	18
Постковидный синдром	88	61	21
Реактивный артрит	59	34	13

Анализ биохимических и иммунологических параметров подтверждает наличие стойкого воспалительного фона и системной аутоиммунной активности. Это позволяет рассматривать указанные постинфекционные осложнения как часть

единого патогенетического спектра, связанного с нарушением центральной и периферической толерантности.

На рис. 1 представлен уровень IL-6 при постинфекционных аутоиммунных синдромах.

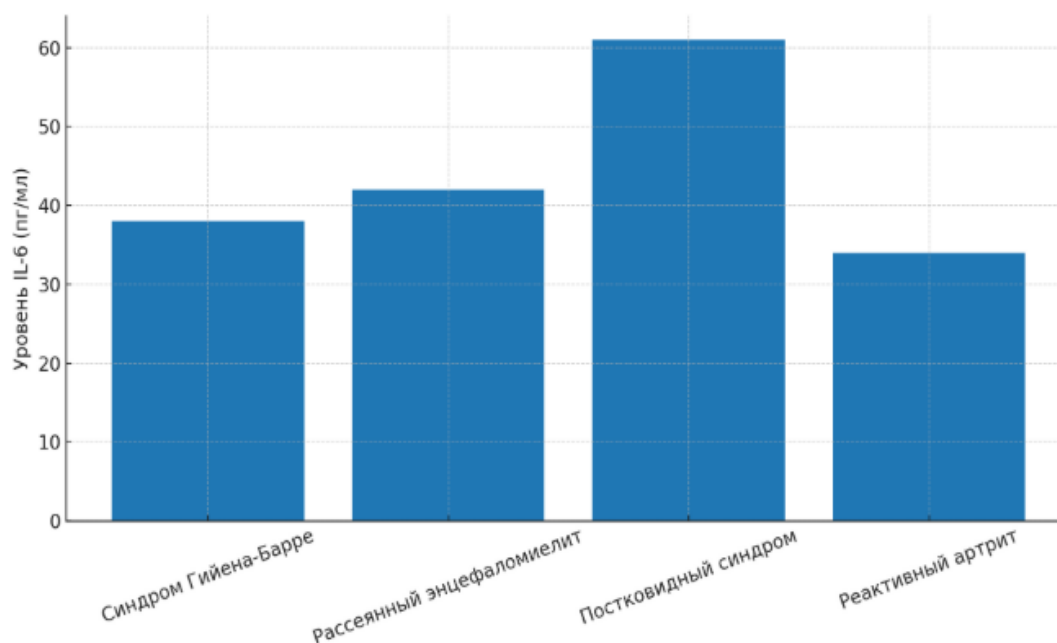


Рис. 1. Уровень IL-6 при разных постинфекционных аутоиммунных синдромах.
Fig. 1. IL-6 level in different post-infectious autoimmune syndromes.

Учитывая высокую распространённость аутоиммунных реакций, развивающихся на фоне перенесённых инфекционных заболеваний, особую значимость приобретает необходимость внедрения клиничко-лабораторного мониторинга за пациентами в раннем и отсроченном постинфекционном периоде. Важно формировать клиническую настороженность среди врачей первичного звена и специалистов по поводу возможного формирования иммунных осложнений, даже при отсутствии немедленных признаков рецидива инфекции [4].

Диагностические алгоритмы должны включать комплексное обследование, направленное на выявление аутоантител, оценку уровней провоспалительных цитокинов и биомаркеров воспаления, а также мониторинг функционального состояния органов-мишеней. Для снижения вероятности хронизации процессов необходимо внедрять индивидуализированные подходы к терапии, включающие рациональное использование иммуномодуляторов и противовоспалительных препаратов в зависимости от конкретного патофизиологического профиля пациента [7].

Эффективной профилактической мерой может служить корректная противоинфекционная терапия, основанная на доказательной базе, с последующим контролем остаточной воспалительной активности.

Выводы

Аутоиммунные реакции, развивающиеся после перенесённых инфекций, представляют собой гетерогенную группу состояний с общими патофизиологическими чертами. Ключевыми факторами выступают молекулярная мимикрия, нарушение иммунной толерантности, хроническая персистенция антигенов и системная продукция провоспалительных цитокинов. Наибольшее клиническое значение имеют постковидные аутоиммунные синдромы, что обусловлено масштабом пандемии и высоким уровнем длительных последствий.

Полученные данные подтверждают необходимость комплексного иммуномониторинга в постинфекционный период и разработки персонализированных подходов к иммунотерапии.

Современные представления о патофизиологии таких осложнений позволяют углубить понимание аутоиммунной природы болезней и открывают возможности для разработки новых стратегий диагностики, лечения и профилактики.

В целях системного подхода к проблеме постинфекционного аутоиммунитета целесообразно рассматривать возможность создания междисциплинарных центров, специализирующихся на ведении пациентов с иммунными осложнениями инфекционного генеза.

Список источников

1. Барон А., Смирнова О., Шишацкая Е. Патофизиология. Часть 2. Litres, 2022. 412 с.
2. Загидуллина Э.Р. и др. Иммуноопосредованные побочные реакции на фоне терапии ингибиторами иммунных контрольных точек // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2025. № 2. С. 53 – 57.
3. Осиков М.В. и др. Оригинальное исследование патофизиология // Bulletin of Russian State Medical University. 2025.
4. Пешкова М.А. и др. Перспективы модуляции микробиома при аутоиммунных заболеваниях: обзор литературы // Сеченовский вестник. 2024. Т. 15. №. 1. С. 4 – 19.
5. Полевщиков А.В., Дешева Ю.А. Опосредованная IgG дегрануляция тучных клеток при вирусной инфекции и ее патогенетические последствия. 2024. 65 с.
6. Сапроненкова О.А., Широков Е.А. Постковидные нейрокогнитивные расстройства // Клиническая медицина. 2023. Т. 101. № 6. С. 265 – 274.
7. Старичкова А.А. и др. Кардиометаболические нарушения при SARS-CoV-2-инфекции и постковидном синдроме // Лечащий врач. 2022. № 3. С. 49 – 58.
8. Ульянова О.В. и др. Саратовский научно-медицинский журнал // Саратовский научно-медицинский журнал. Учредители: Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского. 2022. Т. 18. № 1. С. 142 – 149.
9. Шелгунов В.А. и др. Влияние новой коронавирусной инфекции на развитие хронической неинфекционной патологии систематический обзор // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69. № 3. 44 с.
10. Щербак С.Г. и др. Иммунология пост-COVID-синдрома // Российский медицинский журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 43 – 58.

References

1. Baron A., Smirnova O., Shishatskaya E. Pathophysiology. Part 2. Litres, 2022. 412 p.
2. Zagidullina E.R. et al. Immune-mediated adverse reactions during therapy with immune checkpoint inhibitors. Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2025. No. 2. P. 53 – 57.
3. Osikov M.V. et al. Original study pathophysiology. Bulletin of Russian State Medical University. 2025.
4. Peshkova M.A. et al. Prospects for microbiome modulation in autoimmune diseases: a literature review. Sechenov Bulletin. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 4 – 19.
5. Polevshchikov A.V., Desheva Yu.A. IgG-mediated degranulation of mast cells in viral infection and its pathogenetic consequences. 2024. 65 p.
6. Sapronenkova O.A., Shirokov E.A. Post-COVID neurocognitive disorders. Clinical Medicine. 2023. Vol. 101. No. 6. P. 265 – 274.
7. Starichkova AA et al. Cardiometabolic disorders in SARS-CoV-2 infection and post-COVID syndrome. Attending physician. 2022. No. 3. P. 49 – 58.
8. Ulyanova O.V. et al. Saratov Medical Scientific Journal. Saratov Medical Scientific Journal. Founders: Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 142 – 149.
9. Shelgunov V.A. et al. The impact of a new coronavirus infection on the development of chronic non-infectious pathology: a systematic review. Social aspects of population health. 2023. Vol. 69. No. 3. 44 p.
10. Shcherbak S.G. et al. Immunology of post-COVID syndrome. Russian Medical Journal. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 43 – 58.

Информация об авторах

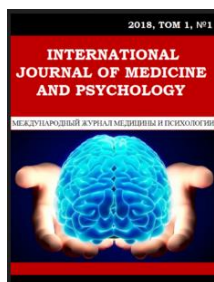
Фомина Д.А., Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, fominadarya09@gmail.com

Татарова Е.П., Клиническая больница № 2, г. Казань, luvne@yandex.ru

Азаркина К.И., Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, azarkina.k@list.ru

Мелкумян В.О., Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Violett_G19@mail.ru

© Фомина Д.А., Татарова Е.П., Азаркина К.И., Мелкумян В.О., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 614.2

¹ Белова Е.С.,

¹ Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет)

Система лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в Российской Федерации: институциональный анализ, ключевые проблемы и перспективы развития

Аннотация: статья посвящена комплексному институциональному анализу системы лекарственного обеспечения пациентов с орфанными (редкими) заболеваниями в Российской Федерации. Цель исследования – выявление ключевых структурных элементов системы, идентификация системных проблем и определение перспективных направлений ее совершенствования. В работе рассмотрена многоуровневая структура организации медицинской помощи и лекарственного обеспечения, федеральный и региональный уровни, а также деятельность специализированных фондов, в частности фонда «Круг добра». Проведен анализ нормативно-правовой базы, регулирующей обращение и финансирование орфанных препаратов.

Методологическую основу исследования составили системный и институциональный подходы, контент-анализ нормативных актов и научной литературы, а также SWOT-анализ. В результате исследования выявлены основные проблемы системы: финансовая и организационная фрагментация, наличие «терапевтического обрыва» при достижении пациентами совершеннолетия, региональная диспропорция в доступности лечения, а также регуляторные барьеры и несовершенство системы ведения регистров пациентов. Обоснована необходимость дальнейшей централизации закупок и финансирования, создания единого источника для всех пациентов, независимо от возраста, и совершенствования механизмов фармакоэкономической оценки и регистрации орфанных препаратов.

Ключевые слова: орфанные заболевания, лекарственное обеспечение, институциональный анализ, система здравоохранения, финансирование, государственное регулирование, фонд «Круг добра», редкие болезни, Российская Федерация

Для цитирования: Белова Е.С. Система лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в Российской Федерации: институциональный анализ, ключевые проблемы и перспективы развития // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 71 – 79.

Поступила в редакцию: 12 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Belova E.S.

¹ First Moscow State Medical University of the Ministry of Health
of the Russian Federation (Sechenov University)

The system of drug provision for patients with rare diseases in the Russian Federation: institutional analysis, key problems and development prospects

Abstract: this article is devoted to a comprehensive institutional analysis of the system of drug provision for patients with rare diseases in the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the key structural elements of the system, reveal systemic problems, and determine promising areas for its improvement. The work examines the multi-level structure of the organization of medical care and drug provision at both the federal and re-

gional levels, as well as the activities of specialized funds, particularly the «Circle of Kindness» Foundation. An analysis of the regulatory framework governing the circulation and financing of orphan drugs was conducted.

The methodological basis of the study consisted of systemic and institutional approaches, content analysis of regulations and scientific literature, as well as SWOT analysis. The study revealed the main problems of the system: financial and organizational fragmentation, the presence of a "therapeutic gap" when patients reach adulthood, regional disparities in the availability of treatment, as well as regulatory barriers and imperfections in the patient registry system. The need for further centralization of procurement and financing, the creation of a united source for all patients, regardless of age, and the improvement of mechanisms for pharmacoeconomic assessment and registration of orphan drugs is substantiated.

Keywords: orphan diseases, drug provision, institutional analysis, healthcare system, financing, government regulation, «Circle of Kindness» Foundation, rare diseases, Russian Federation

For citation: Belova E.S. The system of drug provision for patients with rare diseases in the Russian Federation: institutional analysis, key problems and development prospects. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 71 – 79.

The article was submitted: June 12, 2025; Approved after reviewing: August 9, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Орфанные, или редкие, заболевания имеют обширную гетерогенную группу жизнеугрожающих или хронически прогрессирующих патологий, характеризующихся низкой распространенностью в популяции. Согласно законодательству Российской Федерации, к таковым относятся заболевания с частотой не более 10 случаев на 100 000 населения [1]. Несмотря на редкость каждого отдельного заболевания, их суммарное число велико, и, по разным оценкам, в мире ими страдают сотни миллионов человек. Специфика орфанных заболеваний заключается не только в сложности диагностики и ведения пациентов, но и в чрезвычайно высокой стоимости лечения, в первую очередь медикаментозного. Разработка и производство препаратов для малочисленных групп пациентов сопряжены с колоссальными издержками, что делает их одними из самых дорогих в мире, формируя значительную нагрузку на системы здравоохранения [9].

Актуальность проблемы лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в России обусловлена как медицинскими, так и социально-экономическими факторами. С одной стороны, развитие генетики и фармацевтической индустрии приводит к появлению инновационных, зачастую патогенетических методов лечения, способных кардинально изменить прогноз и качество жизни пациентов. С другой стороны, обеспечение доступа к таким препаратам требует создания устойчивых и эффективных институциональных механизмов финансирования и организации. Как отмечают А.Я. Гайдук, Я.В. Власов и Е.Ю. Захарова, несмотря на достигнутый прогресс, в этой сфере сохраняется ряд актуальных проблем, требующих системного решения [3].

За последние годы в Российской Федерации была сформирована многоуровневая система лекарственного обеспечения данной категории граждан, а именно, федеральные программы, такие как программа высокотехнологичных нозологий (ВЗН), региональные бюджеты, а также создание в 2021 году специализированного фонда «Круг добра» для оказания помощи детям. Институциональная структура имеет сложную архитектуру, где потоки пациентов и финансирования разделены по возрастному, нозологическому и административному принципам. Такое разделение, решая одни задачи, порождает новые вызовы, связанные с координацией, преемственностью и равенством доступа к терапии [4, 5].

Целью работы является проведение институционального анализа системы лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в РФ, выявление ключевых проблем и определение путей их решения.

Таким образом, проведение комплексного анализа сложившейся институциональной модели, выявление ее сильных и слабых сторон, а также определение перспектив ее дальнейшего развития является крайне важной научной и практической задачей.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на применении совокупности общенаучных и специальных методов. Информационной базой послужили нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие сферу здравоохранения и обращения лекарственных средств, а именно Федеральный закон №61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [6] и Постановления Правительства РФ [7]. Также проанализированы научные публикации российских авторов по теме организации и финанси-

ния лекарственного обеспечения при редких заболеваниях за период с 2015 по 2025 гг., представленные в списке источников [1-15]. Используются данные из открытых источников, отчеты Министерства здравоохранения РФ и аналитические обзоры.

Методологической основой работы выступил институциональный анализ, направленный на изучение формальных и неформальных правил, норм и организаций, формирующих систему лекарственного обеспечения. В рамках данного подхода рассматривались роли и функции ключевых акторов (органов власти, медицинских организаций, фондов, пациентских сообществ) и механизмы их взаимодействия.

Применялся системный подход, чтобы рассмотреть лекарственное обеспечение как сложную, многоуровневую систему, состоящую из взаимосвязанных подсистем (федеральной, региональной) и элементов (финансирование, закупки, логистика, регулирование).

Для выявления сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз развития системы использован метод SWOT-анализа. Также в работе использовались методы контент-анализа нормативных документов и научной литературы, сравнительного анализа для сопоставления различных механизмов обеспечения и статистический анализ для обработки количественных данных.

Результаты и обсуждения

Институциональная структура системы лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в РФ является многокомпонентной и иерархической. Ее можно условно разделить на несколько уровней, каждый из которых имеет свою зону ответственности и источники финансирования.

1. Федеральный уровень. На этом уровне ответственность за лекарственное обеспечение разделена между несколькими программами. Во-первых, это программа «14 высокозатратных нозологий» (14 ВЗН), которая централизованно финансируется из федерального бюджета. Хотя в этот перечень входят и некоторые орфанные заболевания, он охватывает лишь малую их часть. Во-вторых, ключевым институтом, созданным в 2021 году, стал фонд «Круг добра». Его деятельность направлена на обеспечение детей до 18 лет (в некоторых случаях до 19 лет) дорогостоящими препаратами, не зарегистрированными в РФ, или не входящими в стандартные перечни льготного обеспечения. Финансирование фонда осуществляется за счет повышенной ставки НДФЛ для граждан с высокими доходами, что создало новый, целевой источник средств. Как отмечают Л.В. Егорова и А.Р.

Бабаян, создание фонда стало прорывом в решении проблем детской орфанной патологии [8]. Однако его мандат ограничен возрастом пациентов.

2. Региональный уровень. Основная финансовая нагрузка по обеспечению взрослых пациентов с орфанными заболеваниями, не входящими в федеральные программы, ложится на бюджеты субъектов РФ и создает главную проблему системы – выраженную региональную гетерогенность. Уровень бюджетной обеспеченности регионов различается в разы, что напрямую влияет на их способность закупать дорогостоящие препараты [9]. Н.В. Косякова на примере субъектов ЮФО демонстрирует, что возможности и угрозы для системы лекарственного обеспечения в значительной степени определяются экономическим потенциалом региона, который приводит к неравенству доступа к лечению и вынужденной миграции пациентов в благополучные регионы [10]. Указанные факторы обуславливают ряд ключевых проблем институциональной структуры, которые требуют немедленного решения для повышения эффективности всей системы.

Ключевыми проблемами институциональной структуры являются:

1. Фрагментация и отсутствие единого центра ответственности. Система разделена по меньшей мере на три потока: программа 14 ВЗН, фонд «Круг добра» (дети) и региональные бюджеты (взрослые) и усложняет маршрутизацию пациентов и создает бюрократические барьеры. Как справедливо указывает А.Я. Гайдук, отсутствие единого координационного центра является серьезным недостатком [2].

2. Проблема «терапевтического обрыва» или «пропасти 18+». Пациент, получавший современное дорогостоящее лечение за счет фонда «Круг добра», при достижении совершеннолетия должен быть передан на обеспечение регионального бюджета. Зачастую регионы оказываются не готовы к принятию таких финансовых обязательств, что ставит под угрозу непрерывность терапии. Данная проблема является одной из самых острых в текущей модели [11].

3. Сложности фармакоэкономического анализа и регулирования. Орфанные препараты в силу малого числа пациентов и отсутствия аналогов плохо поддаются стандартным методам фармакоэкономической оценки и затрудняет их включение в ограничительные перечни и принятие решений о финансировании. Кроме того, процедуры регистрации и ввоза незарегистрированных препаратов, несмотря на определенные послабления, остаются сложными [12].

4. Несовершенство регистров пациентов. Эффективное планирование закупок и расходов невозможно без точных и полных данных о количестве пациентов, их состоянии и потребности в лечении. Существующие регистры зачастую непол-

ны и требуют дальнейшего развития и интеграции [3].

В табл. 1 представлены оценочные данные о лекарственном обеспечении больных с орфанными заболеваниями в Российской Федерации с 2020 г. по 2025 г.

Таблица 1

Лекарственное обеспечение больных с орфанными заболеваниями в РФ за 2020-2025 гг. [13, 14, 15].

Table 1

Provision of medicines to patients with orphan diseases in the Russian Federation for 2020-2025 (estimated data).

год	Число пациентов в федеральном регистре	Число пациентов, получающих терапию	Объем финансирования (млрд руб.)	Средняя стоимость лечения на пациента в год (млн руб.)
2020	21 500	14 200	85,0	5,98
2021	24 100	17 500	150,2*	8,58
2022	26 800	20 100	185,5*	9,23
2023	29 500	22 800	210,8*	9,24
2024	32 100	25 500	245,0*	9,61
2025	34 800 (прогноз)	28 100 (прогноз)	280,0* (прогноз)	9,96

Примечание: резкий рост с 2021 г. связан с началом работы фонда «Круг добра» и новых дорогостоящих препаратов в схемы лечения.

Note: the sharp increase since 2021 is associated with the launch of the Circle of Goodness foundation and new expensive drugs in treatment regimens.

С 2020 по 2025 год наблюдается стабильный рост числа пациентов, включённых в федеральный регистр, с 21 500 до 34 800 чел. и указывает на улучшение выявляемости и учёта больных с орфанными заболеваниями в России. Одновременно с этим, постоянно увеличивается и число пациентов, получающих терапию, с 14 200 до 28 100 человек. Доля пациентов, получающих лечение, по отношению к общему числу зарегистрированных больных также растёт с 66% в 2020 году до 81% (прогноз) в 2025 г. Данный результат свидетельствует о расширении доступа к необходимой терапии.

Объём финансирования на лекарственное обеспечение за этот период вырос более чем в 3 раза: с 85 млрд рублей в 2020 году до 280 млрд рублей (прогноз) в 2025 году. При этом средняя стоимость лечения на одного пациента также демонстрирует ежегодный рост, увеличившись с 5,98 млн рублей в 2020 году до прогнозируемых 9,96 млн рублей в 2025 году в связи с инфляцией,

так и с включением в перечень дорогих и инновационных препаратов, а также с ростом цен на уже используемые лекарства.

В целом, представленные данные указывают на позитивную динамику в системе лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в РФ. Увеличение числа зарегистрированных пациентов, рост охвата терапией и значительное повышение объёмов финансирования говорят о том, что государство уделяет всё больше внимания этой сфере. Однако рост средней стоимости лечения является важным фактором, который может влиять на дальнейшее планирование бюджета и требовать оптимизации расходов.

Для понимания внутренних и внешних факторов, влияющих на систему лекарственного обеспечения, проведён SWOT-анализ. Результаты SWOT-анализа систематизируют внутренние и внешние факторы, влияющие на систему систематизированы в табл. 2.

Таблица 2

SWOT-анализ лекарственного обеспечения больных с орфанными заболеваниями в РФ (оценка значимости в баллах от 1 до 10).

Table 2

SWOT analysis of drug provision for patients with orphan diseases in the Russian Federation (assessment of significance in points from 1 to 10).

Сильные стороны (Strengths)	Балл	Слабые стороны (Weaknesses)	Балл
1. Наличие государственной политической воли для решения проблемы	9	1. Фрагментация системы и источников финансирования	10
2. Создание и успешное функционирование фонда «Круг добра» для детей	10	2. Критическая зависимость от региональных бюджетов для взрослых	10
3. Существование федеральных медицинских центров с высокой экспертизой	8	3. Проблема «терапевтического обрыва» при переходе во взрослую сеть	9
4. Наличие законодательной базы, определяющей статус орфанных болезней	7	4. Несовершенство системы регистров пациентов	8
Итого:	34	Итого:	37
Возможности (Opportunities)	Балл	Угрозы (Threats)	Балл
1. Централизация закупок и финансирования для всех пациентов	10	1. Макроэкономическая нестабильность и бюджетные ограничения	9
2. Развитие отечественного производства орфанных препаратов (биоаналогов)	8	2. Санкционное давление, усложняющее импорт лекарств и субстанций	8
3. Внедрение цифровых технологий (телемедицина, единый регистр)	8	3. Увеличение числа пациентов за счет улучшения диагностики	7
4. Развитие механизмов риск-шеринга и соглашений о разделении затрат	7	4. Рост цен на инновационные препараты на мировом рынке	9
Итого:	33	Итого:	33

Анализ представленной таблицы SWOT-анализа помог оценить внутренние и внешние факторы, влияющие на систему лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в России. Оценка значимости каждого фактора по шкале от 1 до 10 даёт комплексное представление о текущей ситуации.

Среди сильных сторон системы наиболее значимым (10 баллов) является создание и успешная работа фонда «Круг добра», который обеспечивает лекарствами детей с тяжёлыми и редкими заболеваниями. Высокая оценка (9 баллов) также дана государственной политической воле, что говорит о серьёзности намерений государства в решении этой проблемы. Существование федеральных медицинских центров с высокой экспертизой (8 баллов) и наличие законодательной базы (7 баллов) также являются важными преимуществами. Общая сумма баллов по сильным сторонам – 34.

Однако система имеет и существенные слабые стороны, которые по своей значимости даже превосходят сильные (общая сумма баллов – 37). Наибольшую остроту (10 баллов) представляют

фрагментация системы и источников финансирования, а также критическая зависимость от региональных бюджетов при обеспечении взрослых пациентов и создаёт неравенство в доступе к терапии. Проблема «терапевтического обрыва» (9 баллов), когда пациенты, переходя из детской сети во взрослую, теряют доступ к лечению, является ещё одной критической слабостью. Несовершенство системы регистров пациентов (8 баллов) также осложняет эффективное планирование и учёт.

Внешняя среда предоставляет как возможности, так и угрозы для развития системы. Общая оценка по обеим категориям составляет 33 балла и говорит о балансе внешнего влияния.

Главной возможностью (10 баллов) является централизация закупок и финансирования для всех пациентов, что могло бы решить проблему фрагментации. Также перспективными направлениями (по 8 баллов) названы развитие отечественного производства биоаналогов и внедрение цифровых технологий, таких как телемедицина и единый регистр. Развитие механизмов риск-шеринга (7 баллов) также

рассматривается как потенциальный инструмент оптимизации расходов.

Среди угроз наиболее значимыми (9 баллов) являются макроэкономическая нестабильность и рост цен на инновационные препараты на мировом рынке, что напрямую влияет на бюджетные возможности. Санкционное давление (8 баллов) усложняет импорт необходимых лекарств и субстанций, создавая риски перебоев в поставках. Увеличение числа пациентов из-за улучшения диагностики, хоть и является позитивным явлением, но оценивается как угроза

(7 баллов) из-за дополнительной нагрузки на и без того ограниченные ресурсы.

Итак, SWOT-анализ показывает, что, несмотря на сильные стороны, такие как работа фонда «Круг добра», системные слабости, в первую очередь фрагментация, представляют серьезную проблему. Главной возможностью является централизация системы.

На основе проведенного анализа можно сформулировать ключевые проблемы и предложить перспективные пути развития, что обобщено в табл. 3.

Таблица 3

Проблемы и пути развития лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в Российской Федерации.

Table 3

Problems and prospects for the development of drug provision for patients with orphan diseases in the Russian Federation.

№	Проблема	Пути решения
1	Финансовая и организационная фрагментация системы (федерация, регионы, фонд)	Создание единого федерального источника финансирования и централизованного закупочного органа для всех орфанных пациентов, независимо от возраста и нозологии.
2	Проблема «терапевтического обрыва» в 18 лет	Расширение мандата фонда «Круг добра» на всех пациентов или создание аналогичного механизма для взрослых. Обеспечение бесшовного перехода.
3	Неравенство доступа к лечению из-за разной бюджетной обеспеченности регионов	Перевод финансирования лекарственного обеспечения всех орфанных пациентов на федеральный уровень для выравнивания возможностей.
4	Сложности с регистрацией и фармакоэкономической оценкой орфанных препаратов	Разработка и внедрение специальных, упрощенных процедур для регистрации и оценки орфанных препаратов, включая модели разделения рисков.
5	Недостаточная полнота и функциональность регистров пациентов	Создание единого, интероперабельного федерального регистра пациентов с орфанными заболеваниями с регулярным обновлением данных.
6	Высокая зависимость от импорта препаратов	Стимулирование локализации производства и разработки отечественных орфанных препаратов, в том числе биоаналогов.

На основе табл. 3 можно сделать вывод, что в системе лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в России существует ряд критических проблем, для каждой из которых предлагаются конкретные пути решения.

Главной проблемой системы является её финансовая и организационная фрагментация (№1), которая проявляется в разделении ответственности между федеральным центром, регионами и специализированными фондами. Также приводит к неравенству доступа к лечению в зависимости от бюджетной обеспеченности конкретного региона (№3). В качестве решения предлагается централизация – создание единого федерального источника финансирования и закупочного органа.

Ещё одной серьёзной проблемой, вытекающей из фрагментации, является «терапевтический обрыв» (№2), когда совершеннолетние пациенты теряют доступ к лечению, так как финансирование

переходит с федерального уровня на региональный. Перспективой для решения этой проблемы является расширение мандата фонда «Круг добра» на взрослых пациентов или создание аналогичного механизма, обеспечивающего бесшовный переход между детской и взрослой сетью.

Система также сталкивается с недостатками в инфраструктуре и процессах. К ним относятся недостаточная полнота и функциональность регистров пациентов (№5), что затрудняет эффективное планирование. Решением здесь выступает создание единого федерального регистра с регулярным обновлением данных.

Кроме того, существует сложность с регистрацией и фармакоэкономической оценкой новых орфанных препаратов (№4). Чтобы ускорить доступ пациентов к инновационному лечению, предлагается упрощение процедур регистрации и оценки, а также внедрение механизмов разделения рисков.

Наконец, серьёзной угрозой является высокая зависимость от импорта (№6), что делает систему уязвимой к внешним факторам, таким как санкции и перебои в поставках. Перспективой для снижения этой зависимости является стимулирование локального производства и разработка отечественных аналогов.

Перспективы развития системы напрямую связаны с решением ключевых проблем. Наиболее системным решением представляется централизация функции по лекарственному обеспечению всех пациентов с редкими заболеваниями на федеральном уровне, которое поможет устранить региональное неравенство, решить проблему «терапевтического обрыва» и более эффективно управлять закупками за счет консолидации объемов.

Выводы

Проведенный институциональный анализ показал, что система лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в Российской Федерации прошла значительный путь развития, однако сохраняет ряд системных противоречий. Ее текущая модель характеризуется как фрагментированная, с разделением ответственности между федеральным центром, регионами и специализированным фондом для детей.

Главной сильной стороной системы является создание фонда «Круг добра», который решил проблему доступа к самым современным и дорогостоящим препаратам для детей. Однако его возрастная ценз породил новую острую проблему –

«терапевтический обрыв» при достижении пациентами совершеннолетия.

Ключевой слабостью является возложение основной финансовой нагрузки по обеспечению взрослых пациентов на региональные бюджеты и приводит к значительному неравенству в доступе к лечению, напрямую зависящему от экономических возможностей конкретного субъекта РФ.

Перспективное развитие системы должно быть направлено на преодоление ее фрагментации. Наиболее эффективным решением видится создание единого федерального механизма финансирования и закупок для всех пациентов с орфанными заболеваниями, независимо от возраста. Данное решение поможет обеспечить равный доступ к терапии на всей территории страны, гарантировать непрерывность лечения и оптимизировать бюджетные расходы за счет централизации.

Необходимо дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы в части упрощения процедур регистрации и фармакоэкономической оценки орфанных препаратов, а также создание и ведение единого общенационального регистра пациентов для точного планирования и контроля.

Таким образом, для построения устойчивой, справедливой и эффективной модели лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями требуется переход от текущей многоканальной системы к централизованной, пациент-ориентированной модели с единым источником финансирования.

Список источников

1. Витковская И.П. Алгоритмы обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями лекарственными препаратами: нормативный правовой аспект. Аналитический обзор // Социальные аспекты здоровья населения. 2024. Т. 70. № S5. С. 25. DOI: 10.21045/2071-5021-2024-70-S5-25
2. Куминова Е. Редкие и очень дорогие: о сложностях лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями // Ремедиум. 2020. № 4-6. С. 22 – 25.
3. Гайдук А.Я. Состояние проблемы организации оказания медицинской помощи и лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в РФ // БМИК. 2021. Т. 11. № 6. С. 127.
4. Гайдук А.Я., Власов Я.В., Захарова Е.Ю. Актуальные проблемы оказания медицинской помощи пациентам с орфанными заболеваниями в Российской Федерации // Медицинская генетика. 2020. Т. 19. №11. С. 13 – 20. DOI: 10.25557/2073-7998.2020.11.13-20
5. Евсеенко Н.М. Современные проблемы и перспективы развития льготного лекарственного обеспечения в Российской Федерации // Академическая публицистика. 2025. № 5-2. С. 596 – 600.
6. Об обращении лекарственных средств [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 12.04.2010 №61-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/70571454> (дата обращения: 03.06.2025)
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.06.2021 г. № 853 «Об утверждении Правил ввоза лекарственных средств для медицинского применения в Российскую Федерацию и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70571454> (дата обращения: 03.08.2025).
8. Егорова Л.В., Бабаян А.Р. Анализ механизма лекарственного обеспечения детей с орфанными заболеваниями в Российской Федерации // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 4. С. 220 – 229. DOI: 10.47576/2949-1916.2024.4.4.027

9. Колбин А.С., Гапешин Р.А., Малышев С.М. Современные проблемы обеспечения орфанными лекарственными средствами и пути их решения // Вопросы современной педиатрии. 2016. Т. 15. № 4. С. 344 – 351. DOI: 10.15690/vsp.v15i4.1584

10. Косякова Н.В. Система лекарственного обеспечения пациентов с орфанными заболеваниями в субъектах ЮФО: возможности и угрозы // Фармация. 2018. Т. 67. № 2. С. 51 – 56. DOI: 10.29296/25419218-2018-02-10

11. Павлыш А.В., Колбин А.С., Гапешин Р.А., Малышев С.М. Причины сложности проведения фармакоэкономического анализа для орфанных лекарств. Пути решения // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2015. Т. 8. № 2. С. 3 – 10.

12. Кособуцкая А.Ю., Аль-Галиси О.М.С. Анализ доступности лекарственного обеспечения для населения РФ: региональный аспект // Современная экономика: проблемы и решения. 2025. Т. 5. С. 21 – 41.

13. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2025)

14. Официальный сайт Федерального центра [Электронный ресурс]. URL: <https://fcpilo.minzdrav.gov.ru/> (дата обращения: 03.06.2025)

15. Официальный сайт Фонда «Круг добра» [Электронный ресурс]. URL: <https://фондкругдобра.рф/> (дата обращения: 28.05.2025)

References

1. Vitkovskaya I.P. Algorithms for Providing Patients with Orphan Diseases with Medicines: Regulatory Legal Aspect. Analytical Review. Social Aspects of Population Health. 2024. Vol. 70. No. S5. P. 25. DOI: 10.21045/2071-5021-2024-70-S5-25

2. Kuminova E. Rare and Very Expensive: On the Difficulties of Providing Medicines to Patients with Orphan Diseases. Remedium. 2020. No. 4-6. P. 22 – 25.

3. Gaiduk A.Ya. The State of the Problem of Organizing Medical Care and Providing Medicines to Patients with Orphan Diseases in the Russian Federation. BМIK. 2021. Vol. 11. No. 6. P. 127.

4. Gaiduk A.Ya., Vlasov Ya.V., Zakharova E.Yu. Actual problems of providing medical care to patients with orphan diseases in the Russian Federation. Medical Genetics. 2020. Vol. 19. No. 11. P. 13 – 20. DOI: 10.25557/2073-7998.2020.11.13-20

5. Evseenko N.M. Modern problems and prospects for the development of preferential drug provision in the Russian Federation. Academic journalism. 2025. No. 5-2. P. 596 – 600.

6. On the circulation of medicines [Electronic resource]: Federal Law of 12.04.2010 No. 61-FZ (with amendments and additions). URL: <http://base.garant.ru/70571454> (date of access: 03.06.2025)

7. Resolution of the Government of the Russian Federation of 03.06.2021 No. 853 "On approval of the Rules for the import of medicines for medical use into the Russian Federation and recognition of certain acts of the Government of the Russian Federation as invalid" (with amendments and additions) [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/70571454> (date of access: 03.08.2025).

8. Egorova L.V., Babayan A.R. Analysis of the mechanism of drug provision for children with orphan diseases in the Russian Federation. Regional and sectoral economics. 2024. No. 4. P. 220 – 229. DOI: 10.47576/2949-1916.2024.4.4.027

9. Kolbin A.S., Gapeshin R.A., Malyshev S.M. Modern problems of providing orphan drugs and ways to solve them. Issues of modern pediatrics. 2016. Vol. 15. No. 4. P. 344 – 351. DOI: 10.15690/vsp.v15i4.1584

10. Kosyakova N.V. The system of drug provision for patients with orphan diseases in the constituent entities of the Southern Federal District: opportunities and threats. Pharmacy. 2018. Vol. 67. No. 2. P. 51 – 56. DOI: 10.29296/25419218-2018-02-10

11. Pavlysh A.V., Kolbin A.S., Gapeshin R.A., Malyshev S.M. Reasons for the complexity of pharmacoeconomic analysis for orphan drugs. Solutions. Pharmacoeconomics. Modern pharmacoeconomics and pharmacoepidemiology. 2015. Vol. 8. No. 2. P. 3 – 10.

12. Kosobutskaya A.Yu., Al-Galisi O.M.S. Analysis of the availability of drug provision for the population of the Russian Federation: regional aspect. Modern economy: problems and solutions. 2025. Vol. 5. P. 21 – 41.

13. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://minfin.gov.ru/> (date of access: 03.06.2025)

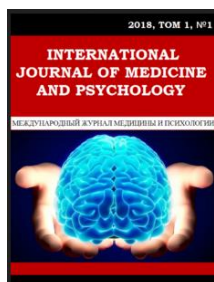
14. Official website of the Federal Center [Electronic resource]. URL: <https://fcpilo.minzdrav.gov.ru/> (date of access: 03.06.2025)

15. Official website of the Circle of Good Foundation [Electronic resource]. URL: <https://фондкругдобра.рф/> (date of access: 28.05.2025)

Информация об авторе

Белова Е.С., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-1453-1892>, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет), 119048, Москва, ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, es_belova@sotex.ru

© Белова Е.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616-008.3/5

¹ Емельянова А.С.,

¹ Гурская О.Е.,

¹ Бехтерева И.А.,

¹ Санкт-Петербургский медико-социальный институт

Нарушения регуляции сосудистого тонуса у молодых людей, приверженных курению электронных сигарет

Аннотация: целью исследования являлось изучение функционального состояния сердечно-сосудистой системы у молодых людей, систематически курящих электронные сигареты, для выявления потенциальных рисков раннего развития сердечно-сосудистых заболеваний. В ЧОУ ВО «СПб МСИ» было проведено исследование у 12 студентов 1-3 курсов, имеющих стаж курения электронных сигарет более 1 года. Критериями исключения из исследования являлись черепно-мозговые травмы, хронические заболевания, прием лекарств и традиционное табакокурение. Состояние периферического кровотока оценивалось неинвазивным методом фотоплетизмографии с использованием комплекса "Pulse Lite Control". Дополнительно оценивали показатели вариабельности сердечного ритма: стресс-индекс, показатель вагосимпатического баланса (LF/HF), индекс централизации. Полученные данные сопоставлялись с литературными данными. Для статистической обработки применялись непараметрические методы, реализованные в программе Statistica 10.0. В исследовании выявлено статистически значимое повышение индекса отражения в основной группе (82%), по сравнению с нормативными значениями (40-70%). Также было выявлено статистически значимое повышение высоты инцизуры пульсовой волны в основной группе по сравнению с расчетными нормативными значениями ($p < 0,01$, критерий Вилкоксона). Выявленные изменения указывают на повышение тонуса сосудов мышечного типа. У большинства обследуемых было выявлено отсутствие выраженной активации симпатической нервной системы, что может свидетельствовать о нарушении периферических, а не центральных механизмов регуляции сосудистого тонуса, а именно с воздействием вазоактивных метаболитов и эндотелиальных факторов. По данным литературы, курение электронных сигарет связано с окислительным стрессом, воспалением и эндотелиальной дисфункцией, что может приводить к повышению тонуса резистивных сосудов и, соответственно, являться патогенетической основой ангиодистонии по гипертоническому типу. Повышение тонуса резистивных сосудов, выявленное у студентов, курящих электронные сигареты, может являться одним из факторов риска развития артериальной гипертензии в будущем.

Ключевые слова: сердечно-сосудистая система, электронные сигареты, фотоплетизмография, вариабельность сердечного ритма, индекс отражения, тонус сосудов, окислительный стресс, эндотелиальная дисфункция, ангиодистония

Для цитирования: Емельянова А.С., Гурская О.Е., Бехтерева И.А. Нарушения регуляции сосудистого тонуса у молодых людей, приверженных курению электронных сигарет // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 80 – 86.

Поступила в редакцию: 12 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Yemelyanova A.S.,

¹ Gurskaya O.E.,

¹ Bekhtereva I.A.,

¹ St. Petersburg Medical and Social Institute

Dysregulation of vascular tone in young people who smoke electronic cigarettes

Abstract: the aim of the study was to study the functional state of the cardiovascular system in young people who systematically use electronic cigarettes to identify potential risks of early development of cardiovascular diseases. A study was conducted in 12 students of 1-3 courses with more than 1 year of experience in smoking electronic cigarettes at St. Petersburg Medical University. The exclusion criteria from the study were traumatic brain injuries, chronic diseases, medication use, and traditional tobacco smoking. The state of peripheral blood flow was assessed by noninvasive photoplethysmography using the Pulse Lite Control complex. Additionally, the indicators of heart rate variability were evaluated: stress index, vagosympathetic balance index (LF/HF), centralization index. The data obtained were compared with the literature data. Nonparametric methods implemented in the Statistica 10.0 program were used for statistical processing. The study revealed a statistically significant increase in the reflection index in the main group (82%), compared with the standard values (40-70%). There was also a statistically significant increase in the height of pulse wave incision in the main group compared with the calculated standard values ($p < 0.01$, Wilcoxon criterion). The revealed changes indicate an increase in the tone of muscle-type vessels. The majority of the subjects showed a lack of pronounced activation of the sympathetic nervous system, which may indicate a violation of peripheral rather than central mechanisms of vascular tone regulation, namely, the effects of vasoactive metabolites and endothelial factors. According to the literature, smoking electronic cigarettes is associated with oxidative stress, inflammation and endothelial dysfunction, which can lead to an increase in the tone of resistive vessels and, accordingly, be the pathogenetic basis of hypertensive angiodystonia. The increased tone of resistive vessels found in students who smoke electronic cigarettes may be one of the risk factors for developing hypertension in the future.

Keywords: cardiovascular system, electronic cigarettes, photoplethysmography, heart rate variability, reflection index, vascular tone, oxidative stress, endothelial dysfunction, angiodystonia

For citation: Yemelyanova A.S., Gurskaya O.E., Bekhtereva I.A. Dysregulation of vascular tone in young people who smoke electronic cigarettes. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 80 – 86.

The article was submitted: June 12, 2025; Approved after reviewing: August 9, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), около 38 миллионов подростков в возрасте от 13 до 15 лет, что составляет приблизительно 10% от их общего числа, употребляют различные табачные изделия (WHO, 2023). В Европейском регионе ВОЗ эта доля достигает 4 миллионов человек, или 12,7% от подростковой популяции (WHO, 2023). Распространенность потребления табака среди юношей 13-15 лет оценивается в 13,8% (2,3 миллиона), а среди девушек – в 11,5% (1,8 миллиона).

Статистические данные и прогнозы указывают на тревожную ситуацию с потреблением электронных сигарет в России. По данным ВОЗ за 2022 год, вейпы и аналогичные устройства используют от 4% до 6% взрослого населения страны. Особую обеспокоенность вызывает распространенность электронного курения среди под-

ростков 15-17 лет, где показатели достигают 7-10%.

Электронная сигарета – это устройство для дозирования никотина, в котором смесь химических веществ («электронная жидкость») в камере периодически нагревается и распыляется, когда нагревательный элемент, работающий от батареи, активируется вдыханием («затяжкой»).

Электронная жидкость (ЭЖ) обычно содержит вспомогательное вещество, например, пропиленгликоль и/или глицерин, никотин и/или различные ароматизаторы. Степень воздействия никотина на организм зависит от содержания никотина в электронной жидкости, количества затяжек, частоты использования. Мало изученной областью остается выявление потенциально опасных эффектов ароматизаторов на организм.

Отсутствие должного регулирования состава электронной жидкости, наличие никотина в самых разных дозировках, особенно в комплексе с аро-

матизаторами, а также обнаруживаемые уровни токсичных веществ и металлических «примесей» (потенциально из самого устройства) [12], практически полное совпадение размера и концентрации $ТЧ_{2.5}$ (твердые частицы, имеющие диаметр 2,5 мкм) с табачным дымом в сочетании с сообщениями о том, что даже низкое воздействие $ТЧ_{2.5}$ создаёт значительный сердечный риск, требуют дальнейшего изучения физиологических эффектов этих воздействий на сердечно-сосудистую систему.

В связи с этим **целью** данного исследования является исследовать функциональное состояние сердечно-сосудистой системы молодых людей, приверженных курению электронных сигарет (вейпингу).

Материалы и методы исследований

Было проведено авторское анкетирование среди студентов 1-3 курсов ЧОУ ВО «СПб МСИ». Посредством анкетирования были выявлены студенты, приверженные курению электронных сигарет (ЭС). Критериями исключения являлись: наличие в анамнезе черепно-мозговых травм, хронических заболеваний, систематическое употребление лекарственных средств, а также активное табакокурение традиционных сигарет. Включение в исследование осуществлялось при соблюдении следующих условий: наличие информированного добровольного согласия студента на участие и стаж употребления ЭС более одного года. В исследовании приняли участие 12 человек, среди которых 22,2% составили лица мужского пола, а 77,8% – женского. Средний возраст участников составил $21,2 \pm 1,6$ года.

В группе студентов проведена оценка функционального состояния сосудистой системы посредством фотоплетизмографии с использованием аппаратно-программного комплекса "Pulse Lite Control". Фотоплетизмография позволяет неинвазивно оценить параметры периферического кровотока и выявить возможные отклонения, связанные с риском развития сердечно-сосудистых заболеваний. Также с помощью программного обеспечения

комплекса "Pulse Lite Control" оценивали вариабельность сердечного ритма.

В рамках данного исследования нами было выполнено исследование характеристик компьютеризированной фотоплетизмограммы (ФПГ) в состоянии покоя. Согласно данным анамнеза, все участники исследования ($n=12$) являлись практически здоровыми лицами, не предъявлявшими жалоб на самочувствие. Каждому участнику было проведено физикальное обследование, включающее измерение антропометрических параметров, артериального давления (АД), частоты сердечных сокращений (ЧСС), расчет индекса массы тела.

В процессе выполнения фотоплетизмографии, оптический инфракрасный (ИК) датчик размещался на дистальной фаланге указательного пальца правой руки. Перед началом процедуры проводился предварительный прогрев указанной фаланги и кисти руки для обеспечения адекватной перфузии. Регистрация пульсовой волны осуществлялась в условиях акустического комфорта, исключающих влияние внешних шумовых помех. Минимальная продолжительность записи составляла пять минут, что соответствует рекомендациям для получения стабильных и репрезентативных данных ФПГ [10]. По результатам контурного анализа пульсовой волны (ПВ) в анализ включали следующие показатели фотоплетизмографии: ЧСС (уд. в мин.), индекс отражения (ИО, %), индекс жесткости (ИЖ, м/с), амплитуду пульсовой волны (АПВ), амплитуду дикротической волны (АДВ), высоту инцизуры. Индекс жесткости – расчетный показатель, отражающий среднюю скорость распространения ПВ по крупным эластическим сосудам; они в меньшей степени подвержены колебаниям, связанным с изменением мышечного тонуса. Индекс отражения $(B4-B5)/(B2-B1) \cdot 100\%$ (рис. 1) – расчетный параметр, использующийся для оценки вклада отраженного компонента в ПВ и характеризующий тонус гладкомышечных клеток мелких мышечных артерий и артериол.

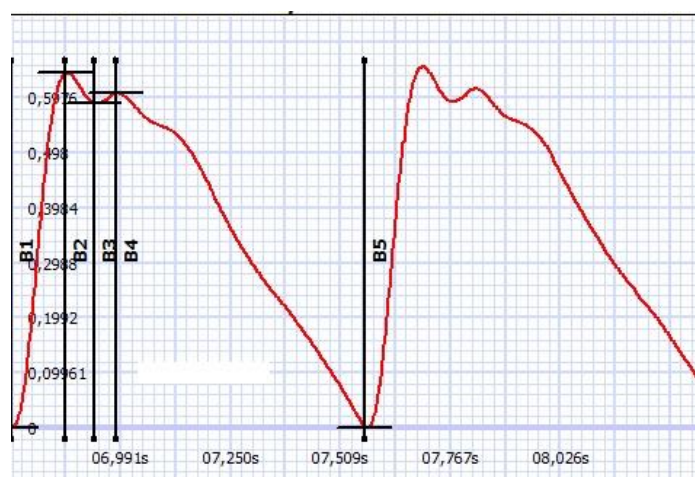


Рис. 1. ФПГ студента О., 20 лет. Стаж вейпинга более 2-х лет. ИО составил 94%, ИЖ – 12 м/с. *Примечание:* Маркер B1 соответствует началу периода изгнания в систолу, маркер B2 – максимальная вазодилатация в фазу форсированного изгнания, маркер B3 – соответствует протодиастолическому периоду, маркер B4 – соответствует началу диастолы, маркер B5 – обозначает конец диастолы и завершение сердечного цикла [7].

Fig. 1. PPG of student O., 20 years old. Vaping experience more than 2 years. IO was 94%, IF – 12 m/s. *Note:* Marker B1 corresponds to the beginning of the ejection period in systole, marker B2 – maximum vasodilation in the forced ejection phase, marker B3 – corresponds to the protodiastolic period, marker B4 – corresponds to the beginning of diastole, marker B5 – indicates the end of diastole and the end of the cardiac cycle [7].

Также оценивали следующие показатели вариабельности сердечного ритма, такие как: стресс-индекс, индекс вагосимпатического баланса LF/HF, индекс централизации – VLF+LF/HF (HF, % – отражает активность парасимпатического кардиоингибиторного центра продолговатого мозга; LF, % – отражает активность симпатических центров продолговатого мозга; VLF, % – отражает действие центральных эрготропных и гуморально-метаболических механизмов регуляции [4]. Полученные значения ИЖ, ИО, высоты инцизуры, показателей вариабельности сердечного ритма сравнивали с нормативными данными из литературы [3, 7]. Большинство антропометрических данных и

основные показатели ФПГ не соответствовали нормальному распределению, за исключением ЧСС и систолического АД. В литературе рекомендовано при объеме выборки $n < 30$ всегда считать распределение, как отличающееся от нормального [8]. Поэтому для описательной части и анализа всех показателей были применены непараметрические статистические методы (медиана, квартили, критерий Вилкоксона для сравнения зависимых переменных) в программе Statistica 10,0.

Результаты и обсуждения

В группе студентов физикальное обследование не выявило отклонений от нормы АД, ЧСС, индекса массы тела (табл. 1).

Таблица 1

Показатели физикального обследования в группе студентов.

Table 1

Physical examination indicators in a group of students.

Показатели	Медиана, квартили
Средний индекс массы тела, кг/м ²	21,6 [19,4-23,7]
Средняя ЧСС, уд/мин	75,1 [68,6-82,6]
Среднее систолическое АД, мм рт. ст.	111,1 [110-120]
Среднее диастолическое АД, мм рт.ст.	70,6 [61,3-78,8]
Стаж курения ЭС, лет	2,6 [2,1-3]

При визуальной оценке контура ПВ практически у всех студентов наблюдали подъем высоты инцизуры более, чем на 2/3 АПВ (рис. 1). При сравнении с рассчитанными нормативными значениями, было выявлено статистически значимое

повышение высоты инцизуры в группе студентов (критерий Вилкоксона, $p < 0,01$). Медиана ИЖ в обследуемой группе находилась на уровне верхней границы нормативных значений, а индекс от-

ражения – превышал нормативные значения (табл. 2).

Групповые показатели вариабельности сердечного ритма не выходили за пределы от нормативных значений (табл. 2). Было выявлено выраженное повышение медианы ИО до 86% по сравнению

с нормативными значениями (40-70%), а также высоты инцизуры по сравнению с расчетными нормативными значениями (критерий Вилкоксона, $p < 0,01$). Индекс отражения показывает состояние тонуса сосудов мышечного типа и не зависит от возраста или пола [3].

Таблица 2

Показатели фотоплетизмографии и вариабельности сердечного ритма в группе студентов.

Table 2

Photoplethysmography and heart rate variability indices in a group of students.

Методы	Показатели	Фоновая запись	Норма**
ФПГ	ИО, %	86 [76-90]	40 – 70
	ИЖ, м/с	7 [7-11]	7 - 9
	АПВ	0,59 [0,57-0,69]	-
	АДВ	*0,50 [0,47-0,53]	0,29 [0,28-0,34]
	Высота инцизуры	*0,49 [0,46-0,53]	0,39 [0,38-0,46]
ВРС	LF/HF	0,8 [0,6-1,3]	0,5 – 2,0
	Стресс-индекс	115 [73-146]	50 - 200
	Индекс централизации	2,2 [1,7-2,7]	1,3 – 2,5

Примечание: * – показатели, превышающие нормативные значения (расчетная индивидуальная формула: АДВ в норме составляет 1/2 АПВ; высота инцизуры в норме составляет 2/3 АПВ; ** – нормативные показатели по данным литературы ФПГ [3, 7], вариабельности сердечного ритма [1, 2, 4, 5, 6].

Note: * – indicators exceeding the standard values (calculated individual formula: APV is normally 1/2 APV; incisure height is normally 2/3 APV; ** – standard indicators according to literature data on PPG [3, 7], heart rate variability [1, 2, 4, 5, 6].

Сосудистый тонус резистивных артерий обеспечивает адекватное изменение диаметра просвета сосудов потребностям организма посредством сокращения гладкомышечных клеток, он лежит в основе периферического сосудистого сопротивления. Известны два основных механизма регуляции сосудистого тонуса: центральный (нейрогенный) и периферический. Центральную регуляцию обеспечивает вегетативная нервная система. По данным нашего исследования в группе обследованных студентов не было выявлено преобладающей активации симпатической нервной системы (Табл. 2). Таким образом, можно предполагать, что повышение ИО было преимущественно связано с периферическим механизмом повышения сосудистого тонуса. Известно, что базальный тонус регулируется за счет воздействия вазоактивных тканевых метаболитов, эндотелиальных факторов, биологически активных веществ и гормонов. Выделяют метаболическую регуляцию сосудистого тонуса, связанную с накоплением вазоактивных метаболитов (таких как ионы H^+ , CO_2 , молочная кислота и др.) и эндотелиальную. Эндотелиальная регуляция сосудистого тонуса осуществляется посредством поддержания определенного баланса между биологически активными веществами с вазоконстрикторными и вазодилатирующими свойствами. Из литературы известно, что ЭС повышают активность симпатической нервной системы, создают более высокий уровень окислительного

стресса и воспаления, повышают жесткость стенок сосудов и нарушают вазодилатацию [9, 11], что противоречит представлению о безопасности ЭС. Преобладали изменения тонуса резистивных артерий мышечного типа, что можно связать с другими механизмами, такими как повышение системного окислительного стресса, развитие воспаления и эндотелиальной дисфункции, вследствие чего была выявлена ангиодистония по гипертоническому типу у подавляющего большинства обследованных. Тем не менее, в 30% случаев наблюдали повышение ИЖ выше 9 м/с (у лиц, куривших ЭС более 3-х лет), что свидетельствовало о поражении артерий эластического типа. Выявленные изменения могут свидетельствовать о ранних проявлениях ангиодистонии у молодых людей, приверженных курению ЭС, что является одним из факторов риска развития артериальной гипертензии. Предположительно, механизм выявленных изменений связан с нарушением периферической регуляции сосудистого тонуса.

Несмотря на то, что групповые показатели вариабельности сердечного ритма не выходили за пределы нормы в нашем исследовании, в 30% случаев было выявлено повышение стресс-индекса выше нормы, и в 20% случаев – индекса централизации. В литературе была выдвинута гипотеза о хронической симпатической активации при курении ЭС аналогично курению табака [12]. Симпатикотонию также может вызывать вдыхание мел-

кодисперсных твердых частиц размером до 2,5 мкм (ТЧ2.5), которые в большом количестве были выявлены в паре ЭС [10]. Полученные нами данные свидетельствуют о вовлечении центрального регуляторного контура в регуляцию сердечного ритма в небольшом проценте случаев, что, возможно связано с небольшим стажем курения в целом в группе обследованных и требует дальнейшего изучения воздействия ЭС на сердечно-сосудистую систему.

Выводы

У студентов с небольшим стажем курения электронных сигарет (1-3 года) в подавляющем большинстве были выявлены признаки повышения тонуса мелких резистивных сосудов. Выявленные изменения в основном обусловлены периферическим, а не центральным механизмом регуляции, то есть нарушением метаболической и эндотелиальной регуляции тонуса сосудов. Полученные результаты требуют дальнейшего изучения нарушений периферического и центрального механизмов регуляции тонуса сосудов при регулярном употреблении вейпов.

Список источников

1. Баевский Р.М., Иванов Г.Г. Анализ вариабельности сердечного ритма при использовании различных электрокардиографических систем: методические рекомендации // Вестник аритмологии. 2001. № 24. С. 65 – 86.
2. Брынцева Е.В., Зимова К.П. Определение индекса централизации как донозологический показатель нарушения работы вегетативной системы юных спортсменов // Профилактическая медицина – 2017: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 06-07 декабря 2017 года. Том Часть 1. 2017. С. 117 – 121.
3. Власова С.П., Ильченко М.Ю., Казакова Е.Б. Дисфункция эндотелия и артериальная гипертензия. Самара: ООО «Офорт», 2010. 192 с.
4. Михайлов В.М. Вариабельность ритма сердца: опыт практического применения метода. Иваново: Иван. гос.мед. Академия, 2002. 290с.
5. Корягина Ю.В., Нопин С.В., Тер-Акопов Г.Н. Применение современных систем экспресс-диагностики для выявления факторов, лимитирующих функциональное состояние высококвалифицированных спортсменов // Современные вопросы биомедицины. 2019. № 3 (2). С. 53 – 74.
6. Сарыг С.К. Вариабельность ритма сердца у студентов Тувинского государственного университета: монография. Кызыл: Издательство Тувинский государственный университет, 2020. 140 с.
7. Семенистая Е.С. Диагностические показатели контура пульсовой кривой // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 2 (79). С. 111 – 116.
8. Субботина А.В., Гржибовский А.М. Описательная статистика и проверка нормальности распределения количественных данных // Экология человека. 2014. № 2. С. 51 – 57.
9. Arastoo S, Haptonstall K.P, Choroomi Y. и др., Acute and chronic sympathomimetic effects of e-cigarette and tobacco cigarette smoking: role of nicotine and non-nicotine constituents // The American Journal of Physiology-Heart and Circulatory Physiology. 2020. № 319 (2). P. 262 – 270. doi: 10.1152/ajpheart.00192.2020
10. Charlton P.H., Bonnici T., Tarassenko L. и др. An assessment of algorithms to estimate respiratory rate from the electrocardiogram and photoplethysmogram // Physiological Measurement. 2016. № 37 (4). P. 610 – 626. doi: 10.1088/0967-3334/37/4/610
11. Moheimani R.S., Bhattratana M., Yin F. Increased Cardiac Sympathetic Activity and Oxidative Stress in Habitual Electronic Cigarette Users: Implications for Cardiovascular Risk // JAMA Cardiology. 2017. № 2 (3). P. 278 – 284. doi: 10.1001/jamacardio.2016.5303
12. Zhao D., Aravindakshan A., Hilpert M. Metal/Metalloid Levels in Electronic Cigarette Liquids, Aerosols, and Human Biosamples // A Systematic Review. Environ Health Perspect. 2020. № 128 (3). P. 036001. doi: 10.1289/EHP5686

References

1. Baevsky R.M., Ivanov G.G. Analysis of heart rate variability using various electrocardiographic systems: guidelines. Bulletin of Arrhythmology. 2001. No. 24. P. 65 – 86.
2. Bryntseva E.V., Zimova K.P. Definition of the centralization index as a pre-clinical indicator of autonomic dysfunction in young athletes. Preventive Medicine – 2017: collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, St. Petersburg, December 6-7, 2017. Volume Part 1. 2017. P. 117 – 121.

3. Vlasova S.P., Ilchenko M.Yu., Kazakova E.B., Endothelial dysfunction and arterial hypertension. Samara: OOO "Ofort", 2010. 192 p.
4. Mikhailov V.M. Heart rate variability: experience of practical application of the method. Ivanovo: Ivan. state medical Academy, 2002. 290 p.
5. Koryagina Yu.V., Nopin S.V., Ter-Akopov G.N. Application of modern express diagnostic systems to identify factors limiting the functional state of highly qualified athletes. Modern issues of biomedicine. 2019. No. 3 (2). P. 53 – 74.
6. Saryg S.K. Heart rate variability in students of Tuva State University: monograph. Kyzyl: Tuva State University Publishing House, 2020. 140 p.
7. Semenistaya E.S. Diagnostic indicators of the pulse curve contour. Bulletin of SFedU. Technical sciences. 2008. No. 2 (79). P. 111 – 116.
8. Subbotina A.V., Grzhibovsky A.M. Descriptive statistics and testing the normality of distribution of quantitative data. Human ecology. 2014. No. 2. P. 51 – 57.
9. Arastoo S, Haptonstall K.P, Choroomi Y. et al., Acute and chronic sympathomimetic effects of e-cigarette and tobacco cigarette smoking: role of nicotine and non-nicotine constituents. The American Journal of Physiology-Heart and Circulatory Physiology. 2020. No. 319 (2). P. 262 – 270. doi: 10.1152/ajpheart.00192.2020
10. Charlton P.H., Bonnici T., Tarassenko L. et al. An assessment of algorithms to estimate respiratory rate from the electrocardiogram and photoplethysmogram. Physiological Measurement. 2016. No. 37 (4). P. 610 – 626. doi: 10.1088/0967-3334/37/4/610
11. Moheimani R.S., Bhetraratana M., Yin F. Increased Cardiac Sympathetic Activity and Oxidative Stress in Habitual Electronic Cigarette Users: Implications for Cardiovascular Risk. JAMA Cardiology. 2017. No. 2 (3). P. 278 – 284. doi: 10.1001/jamacardio.2016.5303
12. Zhao D., Aravindakshan A., Hilpert M. Metal/Metalloid Levels in Electronic Cigarette Liquids, Aerosols, and Human Biosamples. A Systematic Review. Environ Health Perspective. 2020. No. 128 (3). P. 036001. doi: 10.1289/EHP5686

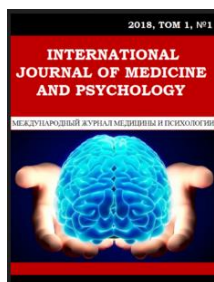
Информация об авторах

Емельянова А.С., ассистент кафедры патологии и судебной медицины, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6069-5922>, Санкт-Петербургский медико-социальный институт, 195271, г. Санкт-Петербург, Кондратьевский проспект, д. 72, лит. А, muse152@mail.ru

Гурская О.Е., доктор медицинских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6804-4670>, Санкт-Петербургский медико-социальный институт, 195271, г. Санкт-Петербург, Кондратьевский проспект, д. 72, лит. А, Gurskaya_olesya@mail.ru

Бехтерева И.А., доктор медицинских наук, доцент, заведующая кафедрой Патологии и судебной медицины, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5206-3367>, Санкт-Петербургский медико-социальный институт, 195271, г. Санкт-Петербург, Кондратьевский проспект, д. 72, лит. А, biapatan@yahoo.com

© Емельянова А.С., Гурская О.Е., Бехтерева И.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 613.36

¹ Рагимова Р.И.,

¹ Рагимов Г.С.,

¹ Мазанова Н.Г.,

¹ Дагестанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения России

Влияние спленэктомии и органосохраняющих операций на некоторые показатели функционального состояния печени

Аннотация: исследование посвящено сравнительному анализу влияния спленэктомии и органосохраняющих резекций на функциональное состояние печени через изучение ключевых биохимических показателей. Повреждения селезенки составляют значительную долю абдоминальной хирургии, однако данные о влиянии различных объемов резекций на печеночную функцию остаются фрагментарными. Цель работы состоит в оценке динамики общего белка, мочевины и β -липопротеидов в сыворотке крови после полного и частичного удаления селезенки для обоснования преимуществ органосохраняющих подходов. Актуальность определяется ростом травматизма и необходимостью оптимизации хирургической тактики с учетом функциональных последствий. Новизна заключается в комплексном сопоставлении биохимических маркеров при различных объемах резекций в едином экспериментальном дизайне.

Эксперименты выполнены на 55 кроликах массой 1,5–3,0 кг в четырех сериях: спленэктомия ($n=15$), резекция 1/3 селезенки ($n=15$), резекция 2/3 органа ($n=15$) и контроль ($n=10$). Операции проводились под местной анестезией новокаином с соблюдением международных принципов биоэтики. Биохимические показатели определялись до операции и в динамике через 7, 21 и 60 дней: общий белок биуретовым методом, мочевина по цветной реакции, β -липопротеиды по Бурштейну и Самаю. Статистическая обработка проводилась в программе Biostat с использованием критерия Стьюдента с поправками Бонферрони и Тьюки.

Результаты показывают выраженные и объемзависимые нарушения функции печени после селезеночных операций. При спленэктомии общий белок снижался до $46,4 \pm 2,58$ г/л через неделю с последующим восстановлением через 3 недели до $51,73 \pm 3,5$ г/л и частичной нормализацией к 60 дням. Уровень мочевины при полном удалении органа снижался до $5,57 \pm 1,07$ ммоль/л к 21 дню, тогда как при резекции 1/3 наблюдалось повышение до $10,67 \pm 1,38$ ммоль/л в первую неделю. Содержание β -липопротеидов при спленэктомии снижалось в 2,26 раза к 21 дню, при резекции 1/3 увеличивалось до $0,787 \pm 0,158$ ед.экстинц.

Полученные данные свидетельствуют о том, что селезенка участвует в регуляции печеночного метаболизма белков и липидов, а объем резекции прямо коррелирует с выраженностью функциональных нарушений. Спленэктомия вызывает наиболее глубокие изменения с длительным периодом восстановления, что подтверждает целесообразность органосохраняющих операций при технической возможности. Практическая значимость заключается в обосновании дифференцированного подхода к выбору объема вмешательства.

Ключевые слова: спленэктомия, органосохраняющие операции, функция печени, биохимические маркеры, экспериментальная хирургия

Для цитирования: Рагимова Р.И., Рагимов Г.С., Мазанова Н.Г. Влияние спленэктомии и органосохраняющих операций на некоторые показатели функционального состояния печени // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 87 – 94.

Поступила в редакцию: 13 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Ragimova R.I.,**

¹ **Ragimov G.S.,**

¹ **Mazanov N.G.,**

¹ *Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation*

Impact of splenectomy and organ-preserving surgeries on certain indicators of liver functional state

Abstract: the study is devoted to a comparative analysis of the effects of splenectomy and organ-preserving resections on liver functional state through the evaluation of key biochemical parameters. Splenic injuries constitute a significant share of abdominal surgery; however, data on the effects of different resection volumes on liver function remain fragmented. The aim of the work is to assess the dynamics of total protein, urea, and β -lipoproteins in blood serum after complete and partial splenectomy in order to substantiate the advantages of organ-preserving approaches. The relevance is determined by the increase in trauma rates and the need to optimize surgical strategy with consideration of functional consequences. The novelty lies in the comprehensive comparison of biochemical markers under different resection volumes within a unified experimental design.

The experiments were performed on 55 rabbits weighing 1.5–3.0 kg in four series: splenectomy (n=15), resection of 1/3 of the spleen (n=15), resection of 2/3 of the organ (n=15), and control (n=10). Surgeries were performed under local anesthesia with novocaine in accordance with international bioethical principles. Biochemical indicators were assessed before surgery and dynamically at 7, 21, and 60 days: total protein by the biuret method, urea by the color reaction, and β -lipoproteins by the Burstein and Samay method. Statistical processing was carried out using the Biostat program with Student's t-test and Bonferroni and Tukey corrections.

The results demonstrate pronounced, volume-dependent disturbances in liver function after splenic surgery. After splenectomy, total protein decreased to 46.4 ± 2.58 g/L within one week, followed by recovery to 51.73 ± 3.5 g/L at three weeks and partial normalization by day 60. Urea levels after complete removal of the organ decreased to 5.57 ± 1.07 mmol/L on day 21, while after resection of 1/3 there was an increase to 10.67 ± 1.38 mmol/L in the first week. The content of β -lipoproteins after splenectomy decreased 2.26-fold by day 21, while after resection of 1/3 it increased to 0.787 ± 0.158 absorbance units.

The data obtained indicate that the spleen is involved in the regulation of hepatic protein and lipid metabolism, and that the resection volume directly correlates with the severity of functional impairments. Splenectomy causes the most profound changes with a long recovery period, which supports the advisability of organ-preserving surgeries whenever technically feasible. The practical significance lies in the justification of a differentiated approach to selecting the extent of surgical intervention.

Keywords: splenectomy, organ-preserving surgery, liver function, biochemical markers, experimental surgery

For citation: Ragimova R.I., Ragimov G.S., Mazanova N.G. Impact of splenectomy and organ-preserving surgeries on certain indicators of liver functional state. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 87 – 94.

The article was submitted: June 13, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Актуальность темы. Повреждения селезёнки при травме занимают одно из ведущих мест в абдоминальной хирургии. Разрывы этого органа встречаются у 20-25% пострадавших с травмой живота [1, 2, 7, 12, 13, 16]. Опыт клиники

показывает, что сохранение селезёнки при её повреждениях возможно в 25-46% случаев [7, 19]. Известно, что селезёнке принадлежит ряд важных функций, основные из которых – участие в кроветворении, системе гемостаза и в иммунном статусе организма [5, 6, 8-11, 14, 15, 17, 18, 20, 21].

Косвенным образом она влияет и на функционирование печени [8, 10]. После удаления селезёнки у экспериментальных животных по данным некоторых авторов обнаруживают воспалительное повреждение печени в виде морфологических нарушений. Это проявляются изменениями функциональных показателей печени – а именно ухудшением белково-синтетической способности и повышением уровня цитолитических ферментов. Селезёнка участвует в минеральном и липидном обмене [3, 4, 8] и играет важную роль в метаболизме липидов.

Цель исследования: дать сравнительную оценку некоторым показателям функционального

состояния печени при спленэктомии и резекциях её.

Материалы и методы исследований

Для сравнительной оценки некоторых показателей функционального состояния печени при спленэктомии и органосохраняющих операциях нами выполнены эксперименты на 55 кроликах весом от 1,5-3,0 кг обоего пола в 4 сериях с соблюдением между-народных правил работы с животными и с согласия этического комитета ДГМУ. Первая серия – спленэктомия, 2 – я серия – резекция 1/3 селезёнки, 3-я серия – резекция 2/3 селезёнки и 4-я серия – контроль (табл. 1).

Таблица 1

Распределение животных по сериям экспериментов.

Table 1

Distribution of animals across experimental series.

Серии	Характер операции	Кол-во животных
1 серия	Спленэктомия	15
2 серия	Резекция 1/3 селезёнки.	15
3 серия	Резекция 2/3 селезёнки	15
4 серия	Контроль	10

Методика эксперимента: Все операции проводились после премедикации. За 35-40 минут до начала операции делали внутримышечно дроперидол (0,15 мг на 1 кг), калипсол (0,1 мл на 1 кг веса животного) атропин (0,1%-0,5 мл подкожно). Под местной анестезией (0,25% раствора новокаина 200-300 мл) верхнесрединным разрезом послойно вскрывали брюшную полость. Выводили в операционную рану селезёнку и выполняли операции: в первой серии опытов (15 кроликов) – производили спленэктомию. Перевязав все сосуды, идущие к селезёнке, перевязывали и пересекали их, затем удаляли орган, во второй серии опытов (15 кроликов) – выполняли резекцию 1/3 селезёнки. Перевязав сосуды, идущие к удаляемой части, резецировали верхний полюс органа. Гемостаз обеспечивали наложением швов с мобилизацией сальника на ножке. В 3-й серии (15 кроликов) – резецировали 2/3 паренхимы органа и в 4-й серии (10 кроликов) – контроль. Брюшную полость послойно зашивали наглухо. Животных содержали в одинаковых условиях под наблюдением до 2 месяцев. У всех животных до операции, а затем и в динамике через 7, 21, 60 дней определяли следующие показатели: общий белок крови, мочевины, β - липопротеиды. Общий белок определяли по биуретовому (унифицированному) методу с диацетилмонооксимом, моче-вину – по цветной

реакции в сыворотке крови, количество β -липопротеидов в сыворотке крови по Бурштейну и Самой.

Полученные данные подвергались статистической обработке с использованием пакета статистических программ Biostat.. Определяли следующие статистические показатели для нормально распределенного признака: среднее арифметическое (M), стандартное отклонение (+SD), ошибку средней арифметической ($\pm m$). Достоверность различий определяли при помощи критерия Стьюдента (t) с поправкой Бонферони и Тьюки. Различия считались значимыми при $p \leq 0,05$.

Результаты и обсуждения

Как видно из данных, представленных в табл. 2, при исследовании в первой серии опытов у животных перенёсших спленэктомию выявили ($p \leq 0,05$) значимое снижение уровня общего белка в сыворотке крови спустя неделю на 29,41% до $46,4 \pm 2,56$ г/л. При контроле – $65,3 \pm 3,26$ г/л. Через 3 недели установлено значимое ($p \leq 0,05$) восстановление уровня общего белка в крови в сторону повышения до $51,73 \pm 3,5$ г/л в 1,4 раз и (на 28,08%) по сравнению с 1 неделей после операции и к 2-м месяцам после операции показатели общего белка составили – $55,53 \pm 5,19$ г/л с последующей тенденцией к нормализации.

Таблица 2

Сравнительная оценка содержания общего белка в сыворотке крови у животных после операции на селезёнке (г/л).

Table 2

Comparative assessment of total protein content in blood serum of animals after spleen surgery (g/L).

№ п/п	Серии опытов	Кол-во жив-х	До операции	После операции		
				1 нед.	3 нед.	8 нед.
1.	Спленэктомия	15	65,33±3,26	46,4±2,58*	51,73±3,51*	55,53±5,19
2.	Резекция 1/3 селезёнки	15	64,067±3,92	51,93±2,89	55,0±3,50*	60,66±2,66
3.	Резекция 2/3 селезёнки	15	60,20±15,49	50,86±3,48	54,2±3,59*	57,5±3,77*

* $p \leq 0,05$ – сравнение величин в динамике послеоперационного периода.

* $p \leq 0,05$ – comparison of values in the dynamics of the postoperative period.

Мочевина. Учитывая отсутствие данных в литературе о динамике изменений содержания мочевины в сыворотке крови после операций на селезёнке, мы изучали содержание её после спленэктомии и резекциях её.

После удаления селезёнки спустя неделю отмечено снижение уровня мочевины на 25,7% до 5,78±1,112 ммоль/л. В динамике послеоперационного периода через 3 недели выявили ($p \leq 0,05$) статистически значимое снижение в 1,39 раз до 5,57±1,07 по сравнению с контрольными показателями (контроль – 7,78±1,07 ммоль/л). В сроки с 3-й по 8 неделю послеоперационного периода наблюдали достоверное повышение ($p \leq 0,05$) уровня мочевины в сыворотке крови. И к 2-м месяцам выявили тенденцию к повышению на 11,8% с нормализацией его показателя до 6,99±1,09 ммоль/л. На 7-е сутки после резекции

1/3 селезёнки выявили значимое ($p \leq 0,05$) повышение уровня мочевины на 40,84% до 10,67±1,38 ммоль/л. (при контроле – 7,53±1,074 ммоль/л). На 21-е сутки после операции отмечено незначимое ($p \geq 0,05$) снижение мочевины в 1,38 раза до 5,43±1,217 ммоль/л. Спустя 2 месяца после резекции 1/3 селезёнки наблюдали значимое ($p \leq 0,05$) повышение его уровня – до 6,129±1,112 ммоль/л по сравнению с 3 неделями после операции (табл. 4).

При резекции 2/3 селезёнки через 7 дней наблюдали снижение уровня мочевины на 20,8% до 5,97±1,037 ммоль/л. Спустя 3 недели выявили ($p = 0,193$) повышение её до 6,39±0,85 ммоль/л. И к 2-м месяцам после операции наблюдали изменение в сторону повышения ($p \geq 0,05$) его уровня до 6,55±0,93 ммоль/л по сравнению с 3 неделями после операции.

Таблица 3

Содержание мочевины в сыворотке крови у животных после операции на селезёнке (ммоль/л).

Table 3

Urea content in blood serum of animals after spleen surgery (mmol/L).

№ п/п	Серии опытов	Кол-во жив-х	До операции	После операции		
				1 нед.	3 нед.	8 нед.
1.	Спленэктомия	15	7,53±1,077 ммоль/л	5,78±1,112	5,57±1,07*	6,99±1,09*
2.	Резекция 1/3 селезёнки	15	7,54±1,07	10,64±1,38*	5,43±1,22	6,13±1,112*
3.	Резекция 2/3 селезёнки	15	7,53±1,07	5,96±1,04	6,39±0,85	6,55±0,93

* $p \leq 0,05$ – сравнение величин в динамике послеоперационного периода.

* $p \leq 0,05$ – comparison of values in the dynamics of the postoperative period.

β – липопротеиды. После спленэктомии в крови у экспериментальных животных через неделю отмечено снижение β -липопротеидов на 43,32% до 0,267±0,079 ед.экстинц (контроль – 0,47±0,032 ед.экстинц.). На 21-е сутки после операции выявили снижение количества β -липопротеидов в

2,26 раз до 0,208±0,049 ед.экстинц. В динамике спустя 2 месяца наблюдали незначимое ($p \geq 0,05$) увеличение их. Повышение на 28,73% отмечено в сроки от 3-х до 8 недель до 0,335±0,103 ед.экстинц. (табл. 5). При резекции 1/3 селезёнки спустя неделю отмечено значимое ($p \leq 0,05$)

увеличение количества β -липопротеидов на 35,13% – до $0,743 \pm 0,132$ ед.экстинц. (контроль – $0,482 \pm 0,033$ ед.экстинц.). На 21-е сутки после операции уровень β -липопротеидов ещё повысился и составил – $0,787 \pm 0,158$ ед.экстинц. В сроки с 3 – й по 8 неделю наблюдали снижение его количества в 2,09 раза (на 47,6%) до $0,375 \pm 0,187$ ед.экстинц. Как видно из данных, представленных в табл. 5, при исследовании β -липопротеидов после резекции 2/3 селезёнки спустя 7 дней и 3

недели в динамике послеоперационного периода выявили статистически незначимое снижение ($p \geq 0,05$) количества β -липопротеидов в крови экспериментальных животных. Через неделю составил уровень $0,313 \pm 0,122$ ед.экстинц., и к 3 неделям – $0,183 \pm 0,04$ ед.экстинц. В сроки от 3 до 8 недель отмечено повышение его уровня с $0,183 \pm 0,04$ ед.экстинц. до $0,387 \pm 0,109$ ед.экстинц., что статистически ($p \leq 0,05$) выше в 2,1 раза.

Таблица 4

Содержание β -липопротеидов в сыворотке крови у животных после операции на селезёнке (ед.экстинц.).

Table 4

Beta-lipoprotein content in blood serum of animals after spleen surgery (extinct units).

№ п/п	Серии опытов	Кол-во жив-х	До операции	После операции		
				1 нед.	3 нед.	8 нед.
1.	Спленэктомия	15	$0,472 \pm 0,032$ ед.экстинц.	$0,267 \pm 0,079^*$	$0,208 \pm 0,049^*$	$0,335 \pm 0,103$
2.	Резекция 1/3 селезёнки	15	$0,482 \pm 0,033$	$0,743 \pm 0,132^*$	$0,787 \pm 0,158$	$0,375 \pm 0,187^*$
3.	Резекция 2/3 селезёнки	15	$0,486 \pm 0,032$	$0,313 \pm 0,122$	$0,183 \pm 0,041$	$0,387 \pm 0,109^*$

* $p \leq 0,05$ – сравнение величин в динамике послеоперационного периода.

* $p \leq 0,05$ – comparison of values in the dynamics of the postoperative period.

Выводы

При изучении динамики общего белка в сыворотке крови у животных различных серий опытов выявлены качественные и количественные сдвиги, степень выраженности которых зависит от объема резецированного органа и от динамики послеоперационного периода. Так, независимо от способа резекции селезёнки, наиболее выраженные изменения общего белка в сыворотке крови наблюдали в ранние сроки (7-й день) после операции. Наибольшая степень её снижения была отмечена после спленэктомии и резекции 2/3 паренхимы, соответственно $46,4 \pm 2,58$; $50,86 \pm 3,48$ г/л. У животных перенесших резекцию 1/3 селезёнки наблюдали менее выраженные нарушения уровня общего белка в сыворотке крови. Приведенные данные свидетельствуют о нарушении уровня общего белка в сыворотке крови после спленэктомии. Гипопротеинемия при операциях на селезёнке продолжалась в течение двух месяцев, особенно, выраженная при спленэктомии. К концу второго месяца после операции концентрация его в сыворотке крови у большинства животных имела тенденцию к нормализации. Хотя этот показатель после спленэктомии ещё держался на низком уровне. Полученные данные свидетельствуют о том, что полное или частичное удаление селезёнки сопровождается нарушением уровня общего белка в сыворотке крови подопытных животных.

Следует отметить, что независимо от способа операции на селезёнке в ранние сроки наблюдали изменения уровня мочевины в сыворотке крови. Снижение уровня мочевины отмечено при спленэктомии в первые три недели после операции до $5,57 \pm 1,07$ ммоль/л в отличие от резекции. Хотя при резекции 1/3 селезёнки на первой неделе имело место некоторое повышение уровня мочевины до $10,64 \pm 1,38$ ммоль/л. В дальнейшем у всех животных наблюдали снижение уровня мочевины в сыворотке крови. Наибольшая степень её снижения (до $5,57 \pm 1,071$ ммоль/л; $5,43 \pm 1,22$ ммоль/л) выявили на 3 й неделе после спленэктомии и резекции 1/3 селезёнки. Спустя 2 месяца после операции, концентрация мочевины у большинства животных имела тенденцию к нормализации.

Исследование β -липопротеидов в сыворотке крови в зависимости от объема резекции и времени, прошедшего после операции, выявило определенные закономерности. Выраженные нарушения количества β -липопротеидов наблюдали на третьей неделе после операции. Они заключались в значительном снижении (в 2 раза) β -липопротеидов после спленэктомии до $0,208 \pm 0,049$ (3нед). После резекции 1/3 селезёнки отмечали некоторое увеличение количества до $0,787 \pm 0,158$ ед. экстинц. (3нед). Сопоставляя степень нарушения β -липопротеидов в эти сроки исследования в зависимости от объема резекции

органа, мы обнаружили, что наибольшее понижение их приходится на животных, перенесших удаление органа и резекции 2/3 её. У животных после резекции 1/3 в эти же сроки исследования, количество β -липопротеидов держалась на высоких цифрах по сравнению с исходным показателем. К 2-м месяцам после операции содержание β -липопротеидов преимущественно у большинства животных достигает исходных величин с незначительными колебаниями. Нарушение концентрации β -липопротеидов в сыворотке крови при спленэктомии и резекции

2/3, по-видимому, связаны с изменением функции печеночных клеток, которые принимают активное участие в регуляции этого обмена. Следует учитывать, что печень является важным органом, отвечающим за синтез и выведение липопротеинов. Таким образом, есть основания полагать, что нарушение работы липопротеиновых рецепторов в печени также может быть причиной дислипидемии после спленэктомии [9], так как спленэктомия может подавлять активность клеток Купфера, что приводит к развитию дислипидемии.

Список источников

1. Абакумов М.М., Владимирова Е.С., Ермолаева И.В. Выбор метода гемостаза при повреждениях селезёнки // Хирургия. 1998. № 2. С. 31 – 33.
2. Абдоминальная травма: руководство для врачей / под ред. А.С. Ермолова, М.Ш. Хубутия, М.М. Абакумова. Москва: Видар М, 2010. 504 с.
3. Акан А.А., Сенгюль Н., Симшек С., Демирер С. Влияние спленэктомии и аутоотрансплантации селезенки на уровень липидов в плазме крови // J Investig Surg. 2008. Т. 21. № 6. С. 369 – 372.
4. Асаи К., Хаяси Т., Кузуя М., Фунак С., Найто М., Кузуя Ф. Замедленное выведение бета липопротеинов очень низкой плотности после введение холестерина кроликам с удалённой селезёнкой // Артерия. 1990. Т. 18. № 1. С. 32 – 46.
5. Бабич И.И., Чепурной Г.И., Степанов В.С. Лечение закрытых повреждений селезёнки у детей спленэктомией в сочетании с гетеротопической аутолиентрансплантацией селезеночной ткани // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 1989. № 2. С. 93 – 96.
6. Барта И. Селезёнка. Москва : Медицина, 1976. 144 с. С. 5 – 40.
7. Войновский А.Е., Индейкин А.В., Колтович А.П., Шабалин А.Ю., Кукуничков А.А., Губская Н.В. Хирургическая тактика при закрытых травмах живота с изолированным повреждением селезенки // Медицинский вестник МВД. 2010. Т. 2. № 4. С. 4 – 10.
8. Завада Н.В. Последствия спленэктомии и профилактика гипоспленизма при повреждениях селезёнки. Минск: БелМАПО, 2022. 164 с.
9. Масляков В.В. и др. Иммунный статус у больных, оперированных по поводу повреждений селезёнки // Клиническая медицина. 2012. Т. 90. № 5. С. 48 – 52.
10. Киричук В.Ф. Физиология крови. Саратов: Издательство СГМУ, 2002. С. 103.
11. Масляков В.В. Травма селезёнки: особенности внутрисосудистого компонента микроциркуляции в зависимости от выполненной операции: автореф. дис. ... докт. медиц. Наук / Саратовский военно медицинский институт. Москва, 2010. 24 с.
12. Пикин И.Ю., Нузова О.Б., Каган И.И. Органосохраняющие операции при повреждениях селезёнки (Обзор литературы) // Здоровье и образование в XXI веке. 2019. Т. 21. № 1. С. 86 – 90.
13. Платонов С.А., Казанкин А.С. Возможности консервативного и малоинвазивного органосохраняющего лечения повреждений селезенки при закрытых травмах живота у взрослых // Вестник хирургии имени И.И. Грекова. 2021. Т. 180. № 4. С. 18 – 27.
14. Постспленэктомический сепсис (OPSI синдром, Отягощенная пост спленэктомическая инфекция) [Электронный ресурс] // Красота и здоровье. URL: https://www.krasotai.medicina.ru/diseases/zabolevani_ja_gas troenterologia/post_splenectomysepsis
15. Селезёнка [Электронный ресурс] // Academic.ru. URL: <https://anatomy.atlas.academic.ru/1756/Селезенка>
16. Смоляр А.Н. Закрытая травма живота. Повреждения селезёнки. Часть 2 // Хирургия. 2016. № 2. С. 4 – 10.
17. Beytout J., Tournilhac O., Laurichesse H. Antibiotic prophylaxis in splenectomized adults // Presse Med. 2003. Vol. 32, No. 28, suppl. P. S17 – S19.
18. Chu D.J. et al. Effects of tufts on postsplenectomy sepsis // Surgery. 2005. Vol. 97, No. 6. P. 701 – 705.
19. Juyia R.F., Kerr H.A. Return to play after liver and spleen trauma // Sports Health. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 239 – 245.

20. Müller T.S., Sommer C. Traumatic splenic injury // *Ther. Umsch.* 2013. Vol. 70. No. 3. P. 177 – 184.
21. Davies J.M. et al. Review of guidelines for the prevention and treatment of infection in patients with an absent or dysfunctional spleen: prepared on behalf of the British Committee for Standards in Haematology by a working party of the Haemato Oncology task force // *Br. J. of Haematol.* 2011. Vol. 155. No. 3. P. 308 – 317.

References

1. Abakumov M.M., Vladimirova E.S., Ermolaeva I.V. Choice of hemostasis method in spleen injuries. *Surgery.* 1998. No. 2. P. 31 – 33.
2. *Abdominal trauma: a guide for physicians.* edited by A.S. Ermolov, M.Sh. Khubutia, M.M. Abakumov. Moscow: Vidar M, 2010. 504 p.
3. Akan A.A., Sengul N., Simshek S., Demirer S. Effect of splenectomy and spleen autotransplantation on plasma lipid levels. *J Investig Surg.* 2008. Vol. 21. No. 6. P. 369 – 372.
4. Asai K., Hayashi T., Kuzuya M., Funak S., Naito M., Kuzuya F. Delayed elimination of very-low-density beta lipoproteins after cholesterol administration to splenectomized rabbits. *Artery.* 1990. Vol. 18. No. 1. P. 32 – 46.
5. Babich I.I., Chepurnoy G.I., Stepanov V.S. Treatment of closed spleen injuries in children by splenectomy in combination with heterotopic autosplenic transplantation of splenic tissue. *Grekov Surgery Bulletin.* 1989. No. 2. P. 93 – 96.
6. Barta I. *Spleen.* Moscow: Meditsina, 1976. 144 p. P. 5 – 40.
7. Voynovsky A.E., Indeykin A.V., Koltovich A.P., Shabalin A.Yu., Kukunchikov A.A., Gubskaya N.V. Surgical tactics for blunt abdominal trauma with isolated spleen injury. *Medical Bulletin of the Ministry of Internal Affairs.* 2010. Vol. 2. No. 4. P. 4 – 10.
8. Zavada N.V. Consequences of splenectomy and prevention of hyposplenism in spleen injuries. Minsk: BelMAPO, 2022. 164 p.
9. Maslyakov V.V. et al. Immune status in patients operated on for spleen injuries. *Clinical Medicine.* 2012. Vol. 90. No. 5. P. 48 – 52.
10. Kirichuk V.F. *Blood Physiology.* Saratov: SSMU Publishing House, 2002. p. 103.
11. Maslyakov V.V. *Spleen Trauma: Features of the Intravascular Component of Microcirculation Depending on the Surgery Performed: Abstract of a Doctor of Medicine Dissertation.* Saratov Military Medical Institute. Moscow, 2010. 24 p.
12. Pikin I.Yu., Nuzova O.B., Kagan I.I. Organ-Preserving Surgeries for Spleen Injuries (Literature Review). *Health and Education in the 21st Century.* 2019. Vol. 21. No. 1. P. 86 – 90.
13. Platonov S.A., Kazankin A.S. Possibilities of conservative and minimally invasive organ-preserving treatment of spleen injuries in blunt abdominal trauma in adults. *Grekov Surgery Bulletin.* 2021. Vol. 180. No. 4. P. 18 – 27.
14. Postsplenectomy sepsis (ARSI syndrome, Complicated postsplenectomy infection) [Electronic resource]. Beauty and health. URL: https://www.krasotai.medicina.ru/diseases/zabolevaniya_gastroenterologia/post-splenectomy-sepsis
15. Spleen [Electronic resource]. Academic.ru. URL: <https://anatomy.atlas.academic.ru/1756/Слезенка>
16. Smolyar A.N. Closed abdominal trauma. Spleen injuries. Part 2. Surgery. 2016. No. 2. P. 4 – 10.
17. Beytout J., Tournilhac O., Laurichesse H. Antibiotic prophylaxis in splenectomized adults. *Presse Med.* 2003. Vol. 32. No. 28, suppl. P. S17 – S19.
18. Chu D.J. et al. Effects of tuftsin on postsplenectomy sepsis. *Surgery.* 2005. Vol. 97, No. 6. P. 701 – 705.
19. Juyia R.F., Kerr H.A. Return to play after liver and spleen trauma. *Sports Health.* 2014. Vol. 6. No. 3. P. 239 – 245.
20. Müller T.S., Sommer C. Traumatic splenic injury. *Ther. Umsch.* 2013. Vol. 70. No. 3. P. 177 – 184.
21. Davies J.M. et al. Review of guidelines for the prevention and treatment of infection in patients with an absent or dysfunctional spleen: prepared on behalf of the British Committee for Standards in Haematology by a working party of the Haemato Oncology task force. *Br. J. of Haematol.* 2011. Vol. 155. No. 3. P. 308 – 317.

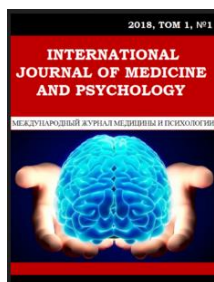
Информация об авторах

Рагимова Р.И., кандидат медицинских наук, ассистент, Дагестанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения России, ragimova@dgmu.ru

Рагимов Г.С., доктор медицинских наук, профессор, Дагестанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения России, mega.gasret@mail.ru

Мазанова Н.Г., врач, Дагестанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения России, mazanova@dgmu.ru

© Рагимова Р.И., Рагимов Г.С., Мазанова Н.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.33

¹ Цинберг М.Б.,
¹ Куниловский А.А.,
¹ Ненашева М.Н.,
¹ ООО «Экобиос», г. Оренбург

К вопросу разработки альтернативного способа культивирования вирусов и/или экспрессии вирусных белков во внеклеточных митохондриях

Аннотация: разработка альтернативного способа культивирования вирусов и/или экспрессии вирусных белков во внеклеточных митохондриях, по мнению авторов, может представлять научный и практический интерес для специалистов в области разработки новых вакцин с целью повышения их эффективности и безопасности.

Результаты научных исследований позволяют рассмотреть возможность разработки новых биотехнологий с применением внеклеточных митохондрий дрожжей, что позволит решить задачу отказа от трудоемких, затратных способов получения вакцин на основе использования куриных эмбрионов или антигуманных способов с применением культуры клеток органов млекопитающих.

Ключевые слова: научное открытие, внеклеточные митохондрии, культивирование вирусов, вирусные белки, экспрессия белков, разработка вакцин

Для цитирования: Цинберг М.Б., Куниловский А.А., Ненашева М.Н. К вопросу разработки альтернативного способа культивирования вирусов и/или экспрессии вирусных белков во внеклеточных митохондриях // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 95 – 99.

Поступила в редакцию: 14 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Tsinberg M.B.,
¹ Kunilovsky A.A.,
¹ Nenasheva M.N.,
¹ Ecobios LLC, Orenburg

To the question of developing an alternative method of cultivation of viruses and/or expression of viral proteins in extracellular mitochondria

Abstract: according to the authors, the development of an alternative method for cultivating viruses and/or expressing viral proteins in extracellular mitochondria may be of scientific and practical interest for specialists in the field of developing new vaccines in order to increase their effectiveness and safety.

The results of scientific research allow us to consider the possibility of developing new biotechnologies using extracellular mitochondria from yeast, which will help to solve the problem of abandoning time-consuming and costly methods of producing vaccines based on the use of chicken embryos or anti-humane methods using mammalian organ cell cultures.

Keywords: scientific discovery, extracellular mitochondria, virus cultivation, viral proteins, protein expression, vaccine development

For citation: Tsinberg M.B., Kunilovsky A.A., Nenasheva M.N. To the question of developing an alternative method of cultivation of viruses and/or expression of viral proteins in extracellular mitochondria. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 95 – 99.

The article was submitted: June 14, 2025; Approved after reviewing: August 11, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Технологический прогресс и запуск новых продуктов для вакцинопрофилактики сегодня невозможен без новых исследований в фармацевтическом секторе [1, с. 2].

Анализируя известные научные представления о митохондриях дрожжей, культивировании вирусов, экспрессии белков, авторы теоретически и экспериментально обосновали возможность инфицирования вирусами внеклеточных митохондрий.

Сущность открытия [2] базируется на следующих известных положениях:

1) митохондрии – это эукариотические органеллы, которые когда-то давно были бактериями [3], [4, с. 1];

2) инфицирование вирусами клеток дрожжей возможно [5, с. 1].

На основе открытия авторами созданы товарный знак (знак обслуживания) № 1080015 от 21.01.2025 «МИТОХОНДРИОФАГИЯ®» [6] и изобретение «Способ культивирования высокопатогенного вируса гриппа А», патент РФ № 2836875 от 24.03.25 [7].

Вирусы, по сути, это просто оболочка, внутри которой находится генетический материал в виде молекул ДНК или РНК. Размер вирусов колеблет-

ся от 15 до 400 нм. Для вирусов характерен особый способ размножения – репродукция [8, с. 8].

На сегодняшний день известно, что грипп является одной из наиболее опасных вирусных инфекций.

Анализ данных, приведенных в литературе [9–11] показал, что отсутствуют данные по культивированию вирусов и/или экспрессии вирусных белков во внеклеточных митохондриях.

Цель исследований: разработать альтернативный способ культивирования вирусов и/или экспрессии вирусных белков во внеклеточных митохондриях.

Материалы и методы исследований

Биотехнологический процесс культивирования вирусов гриппа А в культуре клеток митохондрии дрожжей *Saccharomyces cerevisiae* приведен на технологической схеме «МИТОХОНДРИОФАГИЯ®» (рис. 1).

Процесс получения внеклеточных митохондрий выполнен путем выделения из наработанной в необходимом объеме биомассы дрожжей с применением общеизвестных методов центрифугирования и обработки ферментами. Внеклеточные митохондрии в дальнейшем подвергаются инфицированию вирусом гриппа А.



Рис. 1. Технологическая схема биотехнологии «МИТОХОНДРИОФАГИЯ®».
Fig. 1. Technological scheme of the biotechnology “MITOCHONDRIOPHAGIA®”.

Авторы при создании модельного эксперимента *in vitro* использовали коллекционные штаммы:

- дрожжи *Saccharomyces cerevisiae* S179-5A;
- вирус гриппа А (штамм А/Хабаровск/53/2022).

Поставка набора реагентов с калибраторами для количественного определения РНК вируса гриппа А методом ОТ-ПЦР была осуществлена научно-производственной фирмой «Литех» (г. Москва). Методом ОТ-ПЦР определялись молекулы РНК, которые в соответствии с методикой [12, С. 20] являлись индикаторами экспрессии белка.

Результаты и обсуждения

Экспериментальные доказательства достоверности открытия основаны на исследованиях, выполненных по Авторской методике «Культивирование вирусов в митохондриях дрожжей» в рамках договорных соглашений с руководством ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет» (ОрГМУ) Министерства здравоохранения РФ.

Научно – исследовательские работы включали два этапа.

Подготовительный этап:

- поставка штаммов дрожжей и вируса;
- поставка материалов и реагентов;
- проведение входных контролей штамма дрожжей *Saccharomyces cerevisiae* S 179-SA и штамма вируса гриппа А(Н3N2);
- наработка биомассы дрожжей *Saccharomyces cerevisiae*;
- получение фракции внеклеточных митохондрий;
- подготовка культуры вируса гриппа А.

Основной этап:

- инфицирование внеклеточных митохондрий вирусом гриппа А;
- рост количества геном-эквивалентов исследуемого вируса.

Культура дрожжей (штамм Y-100 из коллекции БРЦ ВКПМ Национального исследовательского центра «Курчатовский институт») была идентифицирована методом MALDI-TOF на масс-спектрометре VITER MS (Франция). По результатам сопоставления с клинической и научной базами штамм был идентифицирован как *Saccharomyces cerevisiae* S179-5A.

Вирус гриппа А (штамм из ФГБУ «Научно-исследовательский институт гриппа им. Смородинцева А.А.») был предварительно протестирован, его концентрация в исходном образце составила $9,2 \times 10^9$ ГЭ/мл, для инфицирования культуры митохондрий составляла – $9,2 \times 10^4$ ГЭ/мл.

На основании исследований было установлено увеличение количества геном-эквивалентов исследуемого вируса в митохондриях в 4,3 раза.

Выводы

По мнению ведущих ученых страны в мировой науке митохондрии рассматривают как объект клетки, подвергаемый изменению активности в ходе некоторых вирусных инфекций (митохондрии задействованы в активации первичного иммунного ответа), однако в роли самостоятельной базы для получения культуры вируса не изучались.

Авторами статьи теоретически доказана и экспериментально подтверждена идея открытия – культивирование вирусов и/или экспрессия вирусных белков во внеклеточных митохондриях.

На основе открытия предполагается разработка новых биотехнологических процессов культивирования вирусов без использования куриных эмбрионов, культур клеток органов млекопитающих и человека, что потенциально позволит технологически упростить процедуру выращивания вирусов и значительно снизить финансовые затраты.

Список источников

1. Рынок экспрессии белка – Размер, доля, анализ. [Электронный ресурс] // Анализ размера и доли рынка экспрессии белка – тенденции роста и прогнозы (2024-2029 гг.): [сайт] [2025] URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/global-protein-expressions-market-industry> (дата обращения: 29.05.2025)
2. Цинберг М.Б., Куниловский А.А. Свидетельство Российской академии естественных наук, Международной академии авторов научных открытий и изобретений на Открытие № А-706 от 11 февраля 2025 г. «Явление экспрессии белков вирусов гриппа А во внеклеточных митохондриях»: ООО «Экобиос». Диплом № 548.
3. Митохондрия. Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/mitokhondriia-9f8516> (дата обращения: 05.06.2024)
4. Кишечные палочки заставили работать митохондриями дрожжей. [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/neus/2018/10/30/mit> (дата обращения: 12.01.2024)

5. Глингстон Р, Ядав Д., Раджпут Д. и др. Вклад дрожжевых моделей в исследование вирусов // Обзор Appl Microbiol Biotechnol. 2021. № 105 (12). С. 4855 – 4878. doi: 10.1007/s00253-021-11331-w
6. Свидетельство на товарный знак (знак обслуживания) № 1080015 «МИТОХОНДРИОФАГИЯ»: № 2024771455: заявл. 28.06.2024 г.: зарегистрировано в Госреестре РФ 21.01.2025 г. / правообладатель ООО «Экобиос». Бюл. № 2.
7. Патент RU 2836875 C2. Способ культивирования высокопатогенного вируса гриппа А: № 3024116399: заявл. 13.06.2024: опублик. 24.03.25. Бюл. № 9.
8. Авторы Е.В., Глинская Е.С., Тучина С.В. Петров Вирусология. Методические материалы: учеб.-метод. пособие для студ. биол. фак. Саратов: Саратовский государственный университет, 2013 2013. 84 с.
9. Патент RU 2010146648 А. Культура клеток для выделения культивирования высокопатогенного вируса гриппа А, способ выделения и культивирования высокопатогенного вируса гриппа А: заявл. 16.10.2019: опублик. 27.05.2012. Бюл. № 15.
10. Патент RU 2491339 C2. Способ репликации вируса гриппа в культуре: заявл. 14.12.2007: опублик. 27.08.2013. Бюл. № 24.
11. Патент RU 2547587 C2. Способы культивирования клеток, размножения и очистки вирусов: заявл. 24.09.2009: опублик. 10.04.2015. Бюл. № 10.
12. Зорина В.В. Основы полимеразной цепной реакции. Методическое пособие. М.: ООО «ДНК – технология». 1993. 151 с.

References

1. Protein Expression Market – Size, Share, Analysis. [Electronic resource]. Analysis of the Protein Expression Market Size and Share – Growth Trends and Forecasts (2024-2029): [website] [2025] URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/global-protein-expressions-market-industry> (date of access: 29.05.2025)
2. Tsinberg M.B., Kunilovskiy A.A. Certificate of the Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Authors of Scientific Discoveries and Inventions for Discovery No. A-706 dated February 11, 2025. "The Phenomenon of Influenza A Virus Protein Expression in Extracellular Mitochondria": Eco-Bios LLC. Diploma No. 548.
3. Mitochondria. The Great Russian Encyclopedia. [Electronic resource]. URL: <https://bigenc.ru/c/mitokhondriia-9f8516> (date of access: 05.06.2024)
4. Escherichia coli made yeast mitochondria work. [Electronic resource]. URL: <https://nplus1.ru/neus/2018/10/30/mit> (date of access: 12.01.2024)
5. Glingston R, Yadav D, Rajput D, et al. Contribution of yeast models to virus research. Review Appl Microbiol Biotechnol. 2021. No. 105 (12). P. 4855 – 4878. doi: 10.1007/s00253-021-11331-w
6. Certificate for Trademark (Service Mark) No. 1080015 "MITOCHONDRIOPHAGIA": No. 2024771455: declared 06/28/2024; registered in the State Register of the Russian Federation on 01/21/2025. copyright holder Eco-bios LLC. Bulletin No. 2.
7. Patent RU 2836875 C2. Method for culturing highly pathogenic influenza A virus: No. 3024116399: declared 06/13/2024: published 03/24/25. Bulletin No. 9.
8. Authors E.V., Glinskaya E.S., Tuchina S.V. Petrov. Virology. Methodological Materials: Textbook-Methodological Manual for Students of the Biological Faculty. Saratov: Saratov State University, 2013 2013. 84 p.
9. Patent RU 2010146648 А. Cell Culture for Isolation and Cultivation of Highly Pathogenic Influenza A Virus, Method for Isolation and Cultivation of Highly Pathogenic Influenza A Virus: declared 16.10.2019: published 27.05.2012. Bulletin No. 15.
10. Patent RU 2491339 C2. Method for Influenza Virus Replication in Culture: declared 14.12.2007: published 27.08.2013. Bulletin No. 24.
11. Patent RU 2547587 C2. Methods of cell cultivation, propagation, and purification of viruses: declared 24.09.2009: published 10.04.2015. Bulletin No. 10.
12. Zorina V.V. Fundamentals of the polymerase chain reaction. Methodological manual. Moscow: ООО DNA Technology. 1993. 151 p.

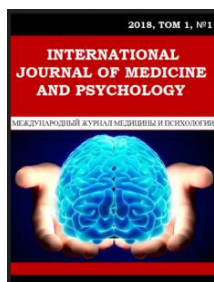
Информация об авторах

Цинберг М.Б., доктор медицинских наук, профессор, президент ООО «Экобиос», г. Оренбург, icesobios@ecobios.ru

Куниловский А.А., учредитель, г. ООО «Экобиос», г. Оренбург, icesobios@ecobios.ru

Ненашева М.Н., кандидат технических наук, вице-президент по науке и инновационному развитию, ООО «Экобиос», г. Оренбург, m.n.nenasheva@rambler.ru

© Цинберг М.Б., Куниловский А.А., Ненашева М.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616.12-008

¹ Смирнов В.В.,
¹ Шаповалова А.Б.,
¹ Воронков П.Б.,
¹ Мочалов П.А.,
¹ Барсукова А.А.,
¹ Голощапова Т.А.,
² Худякова Н.В.,

¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
² College of Professional Studies – International Center of Professional Studies

Влияние дефицита витамина D на факторы риска сердечно-сосудистой патологии у мужчин среднего возраста

Аннотация: по данным многочисленных многоцентровых исследований 30-40 % населения планеты имеют дефицит или недостаточность витамина D. Особенно высокая распространенность дефицита наблюдается в странах северной Европы и северного Америки, вследствие дефицита ультрафиолетового облучения. В России уровни 25(OH)D ниже 30 нг/мл выявляются у 70 % взрослого населения, при этом в некоторых исследованиях отмечены сезонные различия. Вопросы, касающиеся влияния дефицита витамина D на кальциево-фосфорный обмен и состояние костно-мышечной системы, известны и широко освещаются в литературе. Гораздо в меньшей степени в литературе представлены исследования, посвященные влиянию дефицита витамина D на другие органы и системы, в частности сердечно-сосудистую. Полученные данные зачастую противоречивы и несистематизированы. В данной статье представлены результаты собственного исследования, в котором показано влияние дефицита и недостаточности витамина D на формирование сердечно-сосудистой патологии у мужчин среднего возраста.

Ключевые слова: витамин D, артериальная гипертензия, Эндотелиальная дисфункция, Ренин-ангиотензиновая система, VDR-рецепторы Протромботические факторы, HERG/Kv11.1-каналы, XCH

Для цитирования: Смирнов В.В., Шаповалова А.Б., Воронков П.Б., Мочалов П.А., Барсукова А.А., Голощапова Т.А., Худякова Н.В. Влияние дефицита витамина D на факторы риска сердечно-сосудистой патологии у мужчин среднего возраста // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 100 – 111.

Поступила в редакцию: 14 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Smirnov V.V.,
¹ Shapovalova A.B.,
¹ Voronkov P.B.,
¹ Mochalov P.A.,
¹ Barsukova A.A.,
¹ Goloschapova T.A.,
² Khudyakova N.V.,

¹ St. Petersburg State Pediatric Medical University,

² College of Professional Studies – International Center of Professional Studies

The effect of vitamin D deficiency on cardiovascular risk factors in middle-aged men

Abstract: according to numerous multicenter studies, 30-40% of the world's population has vitamin D deficiency or insufficiency. The prevalence of vitamin D deficiency is particularly high in countries in northern Europe and northern America due to a lack of ultraviolet radiation. In Russia, 70% of the adult population has 25(OH)D levels below 30 ng/ml, and some studies have reported seasonal variations. The effects of vitamin D deficiency on calcium-phosphorus metabolism and the condition of the musculoskeletal system are well-known and widely reported in the literature. However, there is a lack of research on the effects of vitamin D deficiency on other organs and systems, particularly the cardiovascular system. The available data are often contradictory and unsystematic. This article presents the results of a study conducted by the authors, which demonstrates the impact of vitamin D deficiency and insufficiency on the development of cardiovascular pathology in middle-aged men.

Keywords: vitamin D, arterial hypertension, endothelial dysfunction, renin-angiotensin system, VDR receptors, prothrombotic factors, HERG/Kv11.1 – channels, CHF

For citation: Smirnov V.V., Shapovalova A.B., Voronkov P.B., Mochalov P.A., Barsukova A.A., Goloschapova T.A., Khudyakova N.V. The effect of vitamin D deficiency on cardiovascular risk factors in middle-aged men. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 100 – 111.

The article was submitted: June 14, 2025; Approved after reviewing: August 12, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Согласно данным многочисленных многоцентровых клинических исследований, около 30-40 % населения мира страдает от дефицита или недостаточности витамина D. Особенно актуальна эта проблема в северных странах.

Витамин D – это липофильный витамин, играющий ключевую роль в физиологических процессах организма. Его биологическая роль чрезвычайно широка и охватывает множество систем и функций. Витамин D существует в двух основных формах: D2 (эргокальциферол) и D3 (холекальциферол).

Основное действие витамина D заключается в контроле метаболизма кальция. Он способствует образованию кальбиндинов D9 и D28, а также кальмодулина в кишечнике, что обеспечивает транспортировку ионов кальция через клеточные мембраны и в цитоплазму. В почках витамин D способствует реабсорбции кальция [1, 2].

Витамин D стимулирует пролиферацию остеобластов, взаимодействуя с механизмом секреции паратиреоидного гормона (ПТГ) на второй фазе. Основной фокус внимания на роль витамина D в

регуляции физиологических процессов в организме приходится на обмен кальция и развитии костно-мышечных патологий. При этом достаточно немного работ посвящено изучению роли дефицита витамина D на другие системы организма, особенно на сердечно-сосудистую [3].

В России и многих других индустриально развитых странах мира увеличивается рост сердечно-сосудистой патологии у мужчин. Одной из возможных причин, по нашему мнению может быть дефицит витамина D.

Дефицит витамина D оказывает комплексное негативное влияние на развитие патологии сердечно – сосудистой системы через различные механизмы. Среди них активация ренин-ангиотензиновой системы, дисфункция эндотелия, повышение продукции провоспалительных цитокинов, участие в формировании нарушений сердечного ритма и проводимости [4].

Витамин D (в активной форме – кальцитриол) стимулирует экспрессию эндотелиальной NO-синтазы (eNOS) – которая обеспечивает вазодилатацию, подавление пролиферации гладкомышечных клеток и некоторые антиагрегантные эффек-

ты, связанные со снижением продукции тромбосана A2. При дефиците витамина D за счет снижения активности eNOS, снижается продукция эндотелиального расслабляющего фактора – оксида азота, что приводит к повышению ОПСС, развитию артериальной гипертензии и ускорению атеросклеротических изменений в сосудах [4, 5].

Результаты некоторых исследований показали корреляцию между дефицитом витамина D и ранней манифестацией атеросклероза независимо от традиционных факторов сердечно сосудистого риска.

Витамин D оказывает влияние на апоптоз и выживаемость клеток эндотелия. Механизм действия витамина D заключается в том, что он стимулирует активацию некоторых сигнальных путей (например, PI3K/Akt (фосфатидилинозитол3-киназа) – Akt (протеинкиназа B), которые подавляют апоптоз. Таким образом, дефицит витамина D способствует апоптозу эндотелиальных клеток, снижая их численность и функциональную активность, и способность эндотелия к регенерации. В некоторых рандомизированных клинических исследованиях описано потенциальное улучшение эндотелиальной функции при саплементации препаратами витамина D [6, 7, 8].

Витамин D играет значительную роль в нарушении регуляции сосудистого тонуса. Дефицит кальцитриола потенцирует активность ренин – ангиотензин – альдостероновой системы. Витамин D (в форме 1,25-дигидроксивитамина D₃) регулирует экспрессию гена ренина в юктагломерулярных клетках почек. При дефиците витамина D снижается активность рецепторов витамина D (VDR) в этих клетках, что повышает синтез ренина. Еще одним важным механизмом вазоконстрикции является повышение синтеза эндотелиального фактора экспрессии тромбоцитов (ET-1) [9, 10].

Антиинфламаторное действие витамина D проявляется через снижение уровня провоспалительных цитокинов (например, TNF- α , IL-6, IL-1 β), металлопротеиназ и мозгового натрийуретического пептида (Na-Pro-BNP), а также повышение экспрессии матриксного Gla-протеина, противовоспалительных цитокинов (в первую очередь IL-10) и ингибиторов металлопротеиназ. Витамин D активирует антиоксидантные системы, увеличивая экспрессию ферментов, таких как супероксиддисмутаза (SOD), каталаза и глутатионпероксидаза. Эти ферменты нейтрализуют активные формы кислорода (АФК), снижая уровень оксидативного стресса. Указанное действие обеспечивается через активацию транскрипционного фактора Nrf2, который индуцирует гены, кодиру-

ющие антиоксидантные белки [11, 12]. Кроме того, витамин D снижает активность NADPH-оксидазы – ключевого источника АФК в клетках. Это уменьшает производство АФК, особенно в эндотелиальных и иммунных клетках, что приводит к снижению оксидативного стресса. В дополнение к этому, противовоспалительное действие витамина D заключается в подавлении продукции медиаторов воспаления (например, TNF- α , IL-6, IL-1 β) и повышении уровня противовоспалительных цитокинов (в первую очередь IL-10) [11, 13, 14].

Дефицит витамина D существенно влияет на липидный обмен, что обусловлено его ролью в регуляции экспрессии генов, участвующих в синтезе и метаболизме липидов. Витамин D активирует транскрипцию генов, связанных с липидным обменом, включая регуляцию гена HMG-CoA-редуктазы (ключевого фермента в синтезе холестерина). Дефицит витамина D может повышать активность этого фермента, что приводит к повышению уровня липидов плазмы. [15] При дефиците витамина D активность HSL (Hormon Sensitive lipase) снижается, что замедляет диссоциацию триглицеридов на глицерин и жирные кислоты. Также снижается активность липазы-1 типа и липазы-2 типа, участвующих в β -окислении жирных кислот [16, 17]. Параллельно при этом увеличивается активность ацетил-КоА-карбоксилазы – ключевого фермента синтеза жирных кислот, что приводит к повышению уровня ацетил-КоА, который служит субстратом для синтеза жирных кислот. К другим механизмам относятся активация активности рецепторов PPAR γ (Peroxisome Proliferator-Activated Receptor – gamma). При достаточном уровне витамина D активность PPAR γ подавляется, что снижает липогенез. При дефиците витамина D активность PPAR γ повышается, что увеличивает синтез жирных кислот и триглицеридов, стимулирует дифференцировку преадипоцитов в жировые клетки, увеличивает накопление жира в адипоцитах. Кроме того, выше указывалась связь дефицита витамина D с системным воспалением и оксидативным стрессом [6, 9, 15, 18, 19].

Витамин D снижает уровень гомоцистеина – важного маркера сердечно-сосудистой смертности, являясь катализатором синтеза метионинсинтетазы (MTR) и метилентетрафолатредуктазы (MTHFR), которые конвертируют гомоцистеин в метионин. Кроме того, витамин D может активировать транспорт витаминов B9 (фолиевая кислота) и B12, напрямую участвующих в метаболизме гомоцистеина. Дефицит этих витаминов часто связан с гипергомоцистеинемией. Некоторые эпидемиологические и клинические исследования показывают, что недостаток витамина D (например,

уровень 25(OH)D < 30 нг/мл) коррелирует с повышенным уровнем гомоцистеина. Однако механизм этого взаимодействия до конца не изучен. [20, 21].

Антиагрегантное действие витамина D осуществляется за счет активации VDR – рецепторов, – 1,25-дигидроксивитамином D₃, что приводит в действие внутриклеточные сигнальные пути PI3K/Akt и MAPK (ERK1/2), которые ингибируют агрегацию тромбоцитов. Витамин D связываясь с VDR рецепторами, стимулирует трансляционный фактор NF-κB, который подавляет экспрессию генов кодирующих синтез Р-селектина и интегрина αIIbβ3 на поверхности тромбоцитов, уменьшая их способность к взаимодействию с эндотелием и другими тромбоцитами [22]. С другой стороны очень важным фактором, влияющим на агрегацию тромбоцитов, является концентрация внутриклеточного кальция. Витамин D в физиологических условиях повышает концентрацию внутриклеточного кальция, что приводит к повышению агрегации тромбоцитов. Однако экстремально повышение уровня витамина D и внутриклеточного кальция может привести к апоптозу тромбоцитов [14, 23].

Витамин D способствует гипокоагуляции, подавляя активность, I II, VII факторов свертывания крови [4, 10]. Как указывалось выше – витамин D обладает антиоксидантными эффектами, повышая активность антиоксидантных ферментов (супероксиддисмутазы, каталазы), с другой стороны подавляя продукцию тромбоксана A₂, ингибируя активность циклооксигеназы-1 (ЦОГ-1), что приводит к снижению оксидативного стресса и вторичного повреждения тромбоцитов. Дефицит витамина D может оказывать косвенное влияние на коагуляцию через оксидативный стресс и повышение продукции провоспалительных цитокинов. Эти процессы могут приводить к повышению активности факторов свертывания (например, фибриногена и витамин К-зависимых факторов) и снижению активности антитромботических механизмов (протеин-С, протеин-S, тромбомодулин) [24, 25, 26].

Факторы свертывания крови I и VIII являются ключевыми компонентами коагуляционного механизма. Повышение их концентрации в крови значительно увеличивает риск тромбоза. Некоторые клинические исследования выявили связь между дефицитом витамина D и повышенными уровнями факторов I и VIII, а также повышенной активностью прокоагулянтного маркера D-димера у этих пациентов. Эти данные позволяют предположить протективную роль витамина D в профилактике

гиперкоагуляции, снижая риск тромботических осложнений [22, 23, 27, 28, 29].

Дефицит витамина D может выступать фактором риска развития аритмий и нарушений в проводящей системе сердца. Витамин D активирует кальциевые каналы L-типа в кардиомиоцитах, которые играют ключевую роль в сократительной функции миокарда и обеспечения передачи импульса в проводящей системе сердца. Нарушения функции кальциевых каналов, могут влиять на процессы реполяризации в миокарде. Снижение уровня кальция приводит к увеличению интервала QT – электрической систолы сердца, что является одним из основных механизмов формирования нарушений сердечного ритма. При увеличении интервала QT – возникают ранние постдеполяризации. Эти постдеполяризации могут служить триггерами для развития желудочковых аритмий, таких как пируэтная желудочковая тахикардия (Torsades de pointes) [30, 31]. Удлинение интервала Q-T создает условия для реализации механизма «повторного входа» (re-entry). Витамин D может активировать ионные каналы, включая HERG-каналы (human Ether – a go-go Related Gene) и Na⁺-каналы, которые ответственны за транспорт ионов калия и натрия их дисфункция может приводить к увеличению интервала Q-T и провокации желудочковых нарушений ритма. Дефицит витамина D может быть фактором риска для развития аритмий, однако причина этой связи пока не до конца ясна и требует дальнейших исследований [32, 33]. На сегодняшний день дефицит витамина D чаще рассматривается как сопутствующий фактор, а не прямая причина аритмий. Однако его роль в патогенезе и профилактике сердечных аритмий всё чаще подтверждается в клинической и экспериментальной медицине. Обобщение данных 25 исследований в США в 2018-2021 годах подтверждает связь между дефицитом витамина D и повышенным риском всех типов аритмий [34, 35]. Таким образом, дефицит витамина D является важным фактором риска для развития артериальной гипертензии, атеросклероза, системной тромбоэмболии, нарушений сердечного ритма, сердечной недостаточности и других заболеваний сердечно-сосудистой системы [36].

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие три группы пациентов мужчин среднего возраста (от 40 до 60 лет). В первую группу вошли пациенты с дефицитом витамина D (ниже 20 нг/мл). (n=21 средний возраст 52,1±6,7) средний уровень витамина D составил 14,7±4,7. Вторую группа была представлена пациентами с недостаточностью витамина D (от 20 до 30 нг/мл),

($n = 18$, средний возраст $49,2 \pm 5,3$ лет). Средний уровень витамина D у пациентов второй группы составил $25,2 \pm 3,8$ нг/мл. Третья группа была представлена пациентами с адекватным уровнем витамина D (выше 30 нг/мл) ($n = 26$, средний возраст $46,2 \pm 7,7$ лет). Средний уровень витамина D составил $63,4 \pm 10,8$ нг/мл. Критериями исключения из исследования были наличие следующих заболеваний: первичный и третичный гиперпаратироз, клинически значимая патология щитовидной железы, надпочечников, ХБП (стадии С3а–С5), хроническими заболеваниями печени, кишечника, системные заболевания соединительной ткани, морбидное ожирение ($ИМТ > 35$), лимфопролиферативными заболеваниями, врожденными синдромами ассоциированными с нарушениями кальциевого обмена (синдром Вильямса – Бойрена, Эллерса-Данло, Олбрайта и т.д.) или связанные с локальным остеолитизмом. Из исследования также исключались пациенты, принимающие терапию глюкокортикоидами, противосудорожными препаратами, тиреостати-

ками и тиреоидными гормонами.

Всем пациентам проводилось комплексное обследование, включающее определение уровня гомоцистеина, мозгового натрий-уретического пептида (Na-Pro-BNP), D-димера, интерлейкина-6, липидограммы. Из инструментальных исследований всем пациентам выполнены эхокардиография а также суточное мониторирование ЭКГ и артериального давления.

Исследование проводилось на базе нескольких медицинских центров Санкт-Петербурга. Исследование проходило на базе нескольких медицинских центров Санкт-Петербурга. Полученные данные обрабатывались методом статистического анализа с использованием программы Excel 5.0. Достоверность показателей оценивалась с помощью критерия хи-квадрат Пирсона.

Результаты и обсуждения

Средний уровень витамина D в первой группе составил $14,7 \pm 4,7$ нг/мл, во второй – $25,2 \pm 3,8$ нг/мл в третьей – $63,4 \pm 10,8$ нг/мл ($p < 0,01$) (рис. 1).

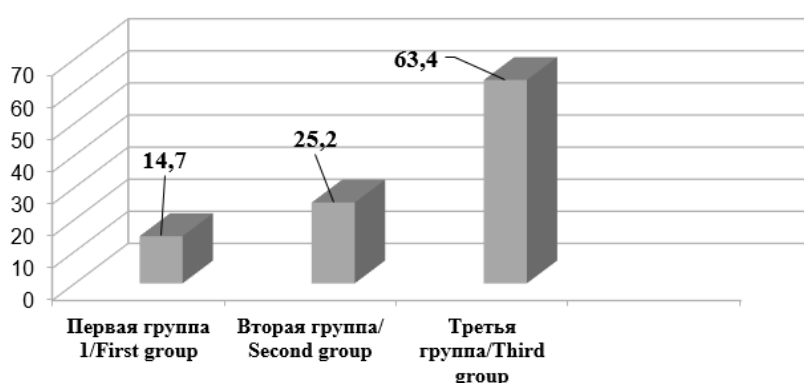


Рис. 1. Средние уровни концентрации витамина D у пациентов с дефицитом, недостаточностью и нормальным уровнем витамина.

Fig. 1. Average vitamin D concentration levels in patients with vitamin D deficiency, insufficiency, and normal levels.

Клинико-лабораторные показатели у пациентов у пациентов с дефицитом, недостаточностью и

нормальным уровнем витамина D представлены в табл. 1.

Таблица 1

Оценка клинических и лабораторных данных у пациентов обследуемых групп.

Table 1

Evaluation of clinical and laboratory data in patients of the examined groups.

Показатель/Parameter	Группы сравнения/Comparison groups			p
	1 группа n-21 1 group	2 группа n-18 2 group	3 группа n-26 3 group	
Возраст, годы/ Age, Years	52,1 $\pm$ 6,7	49,2 $\pm$ 5,3	46,2 $\pm$ 7,7	>0,05
Рост, см /Height cm	176,4 $\pm$ 6,7	174,6 $\pm$ 4,1	177,5 $\pm$ 9,4	>0,05
Вес, кг/Weight, kg	83,7 $\pm$ 9,8	86,8 $\pm$ 10,4	85,5 $\pm$ 8,7	>0,05
Индекс массы тела, кг /см /Body mass index, kg/cm	26,5	28,1	27,5	>0,05

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Общий холестерин, ммоль/л / Total cholesterol, mmol/l	6,2±1,8	5,7±1,4	5,6±1,3	<0,05
Липопротеиды низкой плотности, ммоль/л / Low density lipoproteins mmol/l	3,9±0,4	3,7±0,3	3,6±0,3	< 0,05
Триглицериды, ммоль/л / Tryglycerides, mmol/l	2,4±0,3	2,1±0,2	1,9±0,2	< 0,05
Гомоцистеин мкмоль/л / Homocysteine mkmol/l	16,1±3,4	11,7± 2,7	10,1± 3,8	< 0,05
Интерлейкин – 6 пг/мл / Interleykin-6, pg/ml	6,8± 2,8	4,3± 2,5	4,7± 3,1	< 0,05
D-Димер нг/мл / D-Dimer ng/ml	429,8±26,3	344,7±22,3	266,3±23,2	< 0,05
Мозговой натрий уретический пептид Na – Pro BNP пг/мл / BNP (Brain Natriuretic Peptide), pg/ml	132, 6 ± 26,3	88, 4 ± 17,2	65, 1 ± 21,5	< 0,05
Артериальная гипертензия % / Arterial hypertension %	38,1 %	22,2%	23,1%	< 0,05
Артериальная гипертензия (абс) / Arterial hypertension (abc)	8	4	6	< 0,05
Среднее количество суправентрикулярных экстрасистол / Average number of supraventricular extrasystoles	1164,1±58,4	798,6±43,4	596,8 ±67,1	<0,05
Среднее количество желудочковых экстрасистол низкой градации (I-II гр по Ryan) / Average number of low-grade ventricular extrasystoles (I-II group according to Ryan)	868,3±67,4	465,4±51,7	335,7±58,3	<0,05
Среднее количество желудочковых экстрасистол высокой градации (III-V гр по Ryan) / Average number of high-grade ventricular extrasystoles (III-V group according to Ryan)	143,6±29,4	46,7±,14,4	65,7±18,4	<0,01
АВ – блокада I степени (абс) / AV block of the first degree (abc)	4	2	2	<0,05
АВ – блокада I степени (абс) / AV block of the first degree (%)	19,0%	11,1%	7,6%	<0,05
АВ – блокада II степени (абс) / AV block of the second degree (Abc)	2	1	0	<0,05
АВ – блокада II степени (абс) / AV block of the second degree (Abc)	9,5%	5,5%	0	<0,05
Полная блокада левой ножки пучка Гиса / Complete blockage of the left leg of the Gis bundle (abc)	1	0	0	<0,05
Полная блокада левой ножки пучка Гиса / Complete blockage of the left leg of the Gis bundle (%)	4,7%	0%	0%	<0,01
Неполная блокада левой ножки пучка Гиса / Incomplete blockage of the left leg of the Gis bundle (abc)	2	0	1	<0,05
Неполная блокада левой ножки пучка Гиса / Incomplete blockage of the left leg of the Gis bundle (%)	9,5%	0%	3,8%	<0,05
Полная блокада правой ножки пучка Гиса / Complete blockage of the right leg of the Gis bundle (abc)	1	1	1	>0,05

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Полная блокада правой ножки пучка Гиса (%) / Complete blockage of the right leg of the His bundle (%)	4,8%	5,5%	3,8%	>0,05
Неполная блокада правой ножки пучка Гиса (abc) / Incomplete blockage of the right leg of the His bundle (abc)	5	4	7	>0,05
Неполная блокада правой ножки пучка Гиса (%) / Incomplete blockage of the right leg of the His bundle (%)	23,8%	22,2%	26,9%	>0,05
Масса миокарда левого желудочка г	246,5±8,7	219,7±6,2	206,7±8,9	< 0,01
Индекс массы миокарда, г/м ²	122,1±5,4	108,9±5,5	102,1±4,4	<0,01
ТЗС	11,1	10,8	11,2	> 0,05
ОТС ЛЖ	0,38	0,36	0,37	> 0,05
ТМЖП	10,4	10,1	10,2	> 0,05
Конечный диастолический размер левого желудочка, мм	58,4±2,9	56,3 ±3,0	54,7± 2,1	≤ 0,05
Фракция выброса левого желудочка по Тейхгольцу %	59,3±5,4	62,3±6,5	63,9±8,1	> 0,05
Конечный систолический размер левого желудочка мм	41,4 ±2,9	40,2 ±3,2	40,6 ±4,5	> 0,05
Диаметр левого предсердия мм	41,7 ±5,1	39,6 ±3,4	39,9 ±6,1	<0,01
Скорость трансмитрального кровотока Е/А м/с	1,19 ±0,21	1,25±0,14	1,26 ±0,18	< 0,01

Уровни общего холестерина, триглицеридов и липопротеидов низкой плотности оказались несколько выше именно у пациентов в группе с дефицитом витамина D – 6,2; 2,4; 3,9 ммоль/л, по сравнению с пациентами, которые имели недостаточность витамина D – 5,7; 2,1; 3,7 ммоль/л, или нормальный его уровень 5,6; 1,9; 3,6 ммоль/л ($p < 0,05$). Параметры липидограммы у пациентов с нормальным уровнем витамина D и его недостаточностью не достигали статистических различий ($p > 0,5$).

Дефицит витамина D сопровождается повышением уровня системного воспаления об этом свидетельствуют значительно более высокие уровни гомоцистеина – 16,1 мкмоль/л, против 11,1 и 10,7 мкмоль/л; и интерлейкина – 6-6,8 пг/мл против 4,7 и 4,3 пг/мл, по сравнению с пациентами которые имеют недостаточность или нормальный уровень витамина D ($p < 0,05$). При этом, между пациентами с недостаточностью и нормальным уровнем витамина D не выявлено статистически значимых различий ($p > 0,5$).

Дефицит и недостаточность витамина D способствуют развитию гиперкоагуляции у них показатели D-димера оказались существенно выше по сравнению с пациентами с нормальным уровнем витамина D (429,8 и 344 нг/мл против 266 нг/мл; ($p < 0,05$).

Состояние дефицита витамина D, в отличие от его недостаточности чаще приводит к развитию

артериальной гипертензии. Так, артериальная гипертензия встречается у пациентов первой группы в 38,%, а во второй и третьей группе в 22,2 и 23,1% ($p < 0,05$). Нарушения в проводящей системе сердца чаще отмечаются у пациентов, как с дефицитом, так и недостаточностью витамина D. АВ блокада I и II степени зарегистрирована у 19,0% и 9,5 % у пациентов с дефицитом витамина D, у 11,1 и 5,5% пациентов с недостаточностью витамина D, а у пациентов с, нормальным уровнем витамина, – только АВ блокада I степени (у 7,6 % пациентов) ($p < 0,05$). Полная и неполная блокады левой ножки пучка Гиса, так же чаще встречаются у пациентов с дефицитом витамина D по сравнению с пациентами которые имеют недостаточность или нормальный уровень витамина, соответственно 9,5% и 4,7 % против 0 % и 3,8 % ($p < 0,05$). Проведение суточного мониторинга ЭКГ демонстрирует более высокую частоту суправентрикулярной экстрасистолы у пациентов с дефицитом и недостаточностью витамина D. Среднее количество суправентрикулярных экстрасистол – 1164,1 и 798,6, против 598,6 ($p < 0,05$). Желудочковая экстрасистолы низких (I-II) и особенно высоких (III-V) градаций по Ryan, выявляется в значительно большем количестве, именно в группе пациентов с дефицитом витамина D. Среднее количество желудочковых экстрасистол у пациентов первой группы, по данным СМЭКГ – 868,3 и 143,6 по сравнению с пациентами с недостаточностью и

нормальным уровнем витамина D – 465, 4 и 335,7; 46,7 и 65,7 ($p < 0,05 - 0,01$).

Результаты ультразвукового исследования сердца не выявили различий у пациентов всех трех групп по таким показателям как фракция выброса левого желудочка по Тейхгольц – 59,3 %; 62,3 %; 63,9 % и конечный систолический размер левого желудочка – 41,4; 40,2; 40,6 мм ($p > 0,05$). Однако, у пациентов с дефицитом витамина D отмечена тенденция к увеличению левого предсердия (41,7 мм) и снижению скорости трансмитрального кровотока (1,19 м/с), по сравнению с пациентами с недостаточностью (39,6 мм; 1,25 м/с) и нормальным уровнем витамина D (39,9 мм; 1,26 м/с) ($p < 0,05$).

У пациентов с дефицитом витамина D отмечаются более высокие показатели массы миокарда левого желудочка (246,5 г) и индекса массы миокарда (122,1 г/м²) по сравнению с пациентами с недостаточностью (219,7 г; 108,9 г/м²) и нормальным уровнем витамина D (206,7 г; 102,1 г/м²) ($p < 0,01$).

Результаты исследования демонстрируют, что развитие сердечно-сосудистой патологии в большей степени ассоциировано именно с дефицитом витамина D, а состояние недостаточности витамина D в большинстве случаев не сопровождается патологическими последствиями.

Выводы

1 Дефицит витамина D ассоциирован со значительно более высокой частотой артериальной гипертензии по сравнению с пациентами, имеющими недостаточность или нормальный уровень витамина D. Механизмы повышения артериального давления опосредованы, вероятно, повышением активности ренин-ангиотензиновой системы, эндотелиальной дисфункцией, симпатикотонией и повышенной инфламаторной активностью

2. Дефицит витамина D может приводить, в том числе, через развитие артериальной гипертензии, к ремоделированию и гипертрофии миокарда левого желудочка, атриомегалии, что в свою очередь

является повышением риска развития хронической сердечной недостаточности. На развитие хронической сердечной недостаточности при дефиците витамина D указывает увеличение размеров левого предсердия, конечного диастолического размера левого желудочка, снижение скорости трансмитрального кровотока и тенденция к повышению уровня мозгового натрийуретического пептида (Na-pro BNP). При этом у пациентов всех трех групп не наблюдается систолической дисфункции, по крайней мере, на ранних стадиях дефицита витамина D.

По результатам исследования можно предположить, что дефицит витамина D приводит к формированию диастолической сердечной недостаточности с сохраненной фракцией выброса левого желудочка.

3. Дефицит витамина D ассоциирован с более высокой частотой нарушений сердечного ритма и проводимости, так как, приводит к повышению активности L-типа кальциевых каналов в миокарде, и способствует нарушению транспорта ионов кальция в миокарде. Другими возможными механизмами нарушений сердечного ритма и проводимости могут являться развитие атриомегалии и увеличение массы миокарда левого желудочка, в том числе и вследствие развития артериальной гипертензии. Таким образом, дефицит витамина D способствует развитию вторичной кардиомиопатии и может повышать риск развития потенциально жизнеугрожающих нарушений сердечного ритма и проводимости.

4. Проведенное исследование наглядно демонстрирует, что у пациентов с дефицитом витамина D отмечаются значительно более высокие показатели атерогенных фракций липидограммы, провоспалительных цитокинов, маркера прокоагулянтной активности D – димера, что указывает на влияние дефицита витамина D на развитие атеросклероза и склонности к гиперкоагуляции и тромбозу.

Список источников

1. Дедов И.И. и др. Проект федеральных рекомендаций по диагностике, лечению и профилактике дефицита витамина D // Остеопороз и остеопатии. 2021. Т. 24. № 4. С. 4 – 26. <https://doi.org/10.14341/osteo12937>
2. Суплотова Л.А. и др. Первое Российское многоцентровое неинтервенционное регистровое исследование дефицита и недостаточности витамина D в Российской Федерации у взрослых // Терапевтический архив. 2021. Т. 93. № 10. С. 1209 – 1216. <https://doi.org/10.26442/00403660.2021.10.1071>
3. Zhao S. et al. Vitamin D and major chronic diseases // Trends Endocrinology Metabolism. 2024 T. 35. № 12. P. 1050 – 1061. <https://doi.org/10.1016/j.tem.2024.04.018>

4. Беляева О.Д. и др. Тяжесть поражения коронарных артерий у больных с ишемической болезнью сердца с различными вариантами гена рецептора витамина D и уровнем обеспеченности витамином D // Ученые записки СПбГМУ им. академика. И.П. Павлова. 2022. Т. 29. № 2 С. 41 – 51. <https://doi.org/10/24884/1607-4181-2022-29-2-42-52>
5. Широков Н.Е. и др. Взаимосвязь уровня биомаркеров регуляции коллагена и показателей эхографии при сердечной недостаточности с сохраненной фракцией выброса левого желудочка // Кардиология. 2024. Т. 64. № 12. С. 51 – 58. <https://doi.org/10.18087/cardio2024.12n2706>
6. Василенко В.С. и др. Связь воспалительных заболеваний пародонта с сердечно-сосудистыми заболеваниями атеросклеротического генеза и артериальной гипертензией (обзор) // Медицина: теория и практика. 2023. Т. 8. № 1. С. 3 – 16. <https://doi.org/10.56871/MTP/2023.61.37.001>.
7. Marmot M. et al. Cohort Profile: The Whitehall II study // International Journal of Epidemiology, 2005 Vol. 34. № 2. P 251–256. <https://doi.org/10.1093/ije/dyh372>
8. Aguib Y., Suwaidi J. A. The Copenhagen City Heart Study (Østerbroundersøgelsen) // Global Cardiology Science & Practice. 2015 Vol. 33. № 3 <https://doi.org/10.5339/gcsp2015.33>
9. Смирнов В.и др. Высокие спортивные результаты и проблема артериальной гипертензии у женщин с синдромом поликистозных яичников // Медицина: теория и практика. 2022. Т. 7. № 1. С. 27 – 32. <https://doi.org/10.56871/2619-2022.90.29.004>
10. Arora J., Cantoma M.T. Redefining the targets of the vitamin D receptor (VDR) utilizing a novel VDR reporter mouse // Journal of Immunology 2021. Vol. 206. № 1. P. 24. <https://doi.org/10.4049/jimmunol.206supp24.10>
11. Громова О.А. и др. Метаболиты витамина D: роль в диагностике и терапии витамин D зависимых патологий // Фармакокинетика и фармакодинамика. 2016. № 4. С. 9 – 18.
12. Бондарев С.А., Смирнов В.В. Клинико-инструментальные особенности сердца на фоне хронического физического или психоэмоционального стресса // Терапевт. 2018. № 5. С. 28 – 35.
13. Лебедев А.С. и др. Нейростероидный гормон витамин D: современные горизонты исследований // Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова 2024. Т. 110. № 1. С. 1801 – 1823. <https://doi.org/10.31857/S0869813924110018>.
14. Karonova T.L. et al. Effect of cholecalciferol supplementation on the clinical features and inflammatory markers in hospitalized COVID-19 patients: a randomized, open-label, single-center study // Nutrients. 2022. Vol. 14. № 13. <https://doi.org/10.3390/nu14132602>
15. Kozlov A. Distribution of VDR Gene Polymorphism in Northern Eurasia Population // Medical Research Archives. 2024. Vol. 12. № 10. <https://doi.org/10.18103/mrav12i105897>
16. Lampidonis A.D. et al. Cloning and functional characterization of the 5' regulatory region of ovine Hormone Sensitive Lipase (HSL) gene // Gene 2008 Vol. 427. № 1. P. 65 – 79. <https://doi.org/10.1016/j.gene.2008.09.001>
17. Кабакова А.В., Галявич А.С. Генетический полиморфизм и эффективность гиполипидемической терапии // Вестник современной клинической медицины. 2016. Т. 9. № 3. С. 75 – 81. <https://doi.org/10.20969/VSKM2016.9>
18. Ионова Ж.И. и др. Роль активатора пролиферации пероксисом – альфа и гамма-2 в первичной и вторичной профилактике атеросклероза // Ученые записки СПбГМУ имени академика. И.П. Павлова. 2016 Т. 23. № 2. С. 15 – 20. <https://doi.org/10.24884/1607-4181-2016-23-2-15-20>
19. Федорец В.Н. и др. Изменения липидного обмена у мужчин молодого и среднего возраста характерные для преждевременного старения // Медицина: теория и практика. 2022. Т. 7. № 3. С. 3 – 8. <https://doi.org/10.56871/9225-2022.77.60.001>
20. Пигарова Е.А., Дзеранова Л.К. Статус и особенности метаболизма витамина D при ожирении и его лечении // Фарматека. 2025 Т. 32. № 1. С. 222 – 229. <https://doi.org/10.18.565/pharmateca/2025.1.222-229>
21. Шишкин А.Н. и др. Менопаузальный метаболический синдром. Современные представления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2013. № 2. С. 17 – 27.
22. Tagher J. et al. Vitamin D, Trombosis, and hemostasis: more than skin deep // Seminars in Trombosis and Hemostasis 2012 Т. 38. № 1. P. 114. <https://doi.org/10.1055/s-0031-1300957>
23. Xiang H. et al. Relationship of Serum 25-Hydroxivitamin D Concentrations, Diabetes, Vitamin D Receptor Gene Polymorphisms and Incident Venous Thromboembolism // Diabetes/Metabolism Research and Reviews. 2025. Vol. 41. № 1. P. 70014. <https://doi.org/10.1002/dmrr70014>

24. Karonova T.L. et al. «Vitamin D Metabolism Parameters and Cytokine Profile in COVID-19 Patients with Bolus Cholecalciferol Supplementation // Diagnostics 2024 Vol. 14. № 13. <https://doi.org/10.3390/diagnostics14131408>
25. Худякова Н.В. и др. Оценка системы гемостаза и факторов, ассоциированных с гиперкоагуляцией, у мужчин с метаболическим синдромом и начальным снижением скорости клубочковой фильтрации // Нефрология. 2017. Т. 21. № 1. С. 25 – 33.
26. Идрисова Х.С и др. Тромбоэмболия легочной артерии: вопросы прогностической ценности методов диагностики // International Journal of Medicine and Psychology. 2023. Т. 6. № 5. С. 60 – 65.
27. Tao J. et al. The Role of Vitamin D in the Relationship between Gender and Deep Vein Thrombosis Among Stroke Patients // Frontiers in Nutrition. 2021. Vol. 138. P. 755. <https://doi.org/10.3389/fnut.2021755883/>
28. Korkmaz U.T. et al. Association between vitamin D levels and lower-extremity deep vein thrombosis: a case-control study // Sao Paulo Medical Journal. 2021. Vol. 139. № 3. P. 279 – 284. <https://doi.org/10.1590/1516-3180.2020.0457.r1.040022021>
29. Farooqui M.W. et al. Role of Vitamin D Levels in Venous Thrombosis // Blood. 2021. Vol. 138. № 3. P. 455. <https://doi.org/10.1182/blood-2021-148146>
30. Шишкин А.Н и др. Влияние ожирения на ремоделирование миокарда у женщин в перименопаузе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2013. № 4. С. 13 – 22.
31. Иванов В.С. и др. Предикторы развития сердечно-сосудистых заболеваний у пациентов без структурных изменений сердца при выявлении желудочковых аритмий // Крымский терапевтический журнал. 2023. № 4. С. 42 – 46.
32. Олесин А.И. и др. Клинико-прогностическое значение определения предикторов дисфункции левого желудочка у пациентов без структурных изменений сердца с вентрикулярной эктопией (клинико-экспериментальное исследование // Фундаментальная и клиническая медицина. 2023. Т. 8. № 3. С. 53 – 67. <https://doi.org/10.23946/2500-0764-2023-8-3-53-67>
33. Achkasov E. et al. Atrial fibrillation in athletes-features of development, current approaches to the treatment, and prevention of complications // International Journal of Environmental and Public Health. 2019. Vol. 16. № 24. P. 5 – 12. <https://doi.org/10.3390/ijerph16244890>.
34. Mirhosseini N et al. Vitamin D supplementation, serum 25(OH) D concentrations and cardiovascular disease risk factors: A systematic review and meta-analysis // Frontier Cardiovascular Medicine. 2018. № 5. P. 87. <https://doi.org/10.3389/fcvm.2018.00087>
35. Agarwal P et al. Recent Advances in Association Between Vitamin D Levels and Cardiovascular Disorders // Current Hypertension Reports. 2023. Vol. 25. № 4. P. 185 – 209. <https://doi.org/10.1007/s11906-023-01246-4>
36. Беляя Ж.Е. и др. Резолюция Национального междисциплинарного совета экспертов Применение высокодозного витамина D, в том числе у коморбидных пациентов, в практике эндокринологов, ревматологов, геронтологов и терапевтов/ВОП // Остеопороз и остеопатии. 2024. Т. 27. № 1. С. 10 – 20. <https://doi.org/10.14341/osteo13171>

References

1. Dedov I.I. et al. Draft federal guidelines for the diagnosis, treatment, and prevention of vitamin D deficiency. Osteoporosis and osteopathy. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 4 – 26. <https://doi.org/10.14341/osteo12937>
2. Suplotova L.A. et al. The first Russian multicenter non-interventional registry study of vitamin D deficiency and insufficiency in the Russian Federation in adults. Therapeutic archive. 2021. Vol. 93. No. 10. P. 1209 – 1216. <https://doi.org/10.26442/00403660.2021.10.1071>
3. Zhao S. et al. Vitamin D and major chronic diseases. Trends Endocrinology Metabolism. 2024 Vol. 35. No. 12. P. 1050 – 1061. <https://doi.org/10.1016/j.tem.2024.04.018>
4. Belyaeva O.D. et al. Severity of coronary artery disease in patients with coronary heart disease with different variants of the vitamin D receptor gene and the level of vitamin D status. Scientific notes of Pavlov State Medical University. 2022. Vol. 29. No. 2. P. 41 – 51. <https://doi.org/10.24884/1607-4181-2022-29-2-42-52>
5. Shirokov N.E. et al. The relationship between the level of collagen regulation biomarkers and echography parameters in heart failure with preserved left ventricular ejection fraction. Cardiology. 2024. Vol. 64. No. 12. P. 51 – 58. <https://doi.org/10.18087/cardio2024.12n2706>
6. Vasilenko V.S. et al. The relationship between inflammatory periodontal diseases and cardiovascular diseases of atherosclerotic genesis and arterial hypertension (review). Medicine: Theory and Practice. 2023. Vol. 8. No. 1. P. 3 – 16. <https://doi.org/10.56871/MTP.2023.61.37.001>.

7. Marmot M. et al. Cohort Profile: The Whitehall II study. *International Journal of Epidemiology*, 2005 Vol. 34. No. 2. P 251 – 256. <https://doi.org/10.1093/ije/dyh372>
8. Aguib Y., Suwaidi J.A. The Copenhagen City Heart Study (Østerbundersøgelsen). *Global Cardiology Science & Practice*. 2015 Vol. 33. No. 3 <https://doi.org/10.5339/gcsp2015.33>
9. Smirnov V. et al. High athletic performance and the problem of arterial hypertension in women with polycystic ovary syndrome. *Medicine: Theory and Practice*. 2022. Vol. 7. No. 1. P. 27 – 32. <https://doi.org/10.56871/2619-2022.90.29.004>
10. Arora J., Cantoma M.T. Redefining the targets of the vitamin D receptor (VDR) utilizing a novel VDR reporter mouse. *Journal of Immunology* 2021. Vol. 206. No. 1. P. 24. <https://doi.org/10.4049/jimmunol.206supp24.10>
11. Gromova O.A. et al. Vitamin D metabolites: role in diagnosis and therapy of vitamin D-dependent pathologies. *Pharmacokinetics and pharmacodynamics*. 2016. No. 4. P. 9 – 18.
12. Bondarev S.A., Smirnov V.V. Clinical and instrumental features of the heart against the background of chronic physical or psychoemotional stress. *Therapist*. 2018. No. 5. P. 28 – 35.
13. Lebedev A.S. et al. Neurosteroid hormone vitamin D: modern research horizons. *I.M. Sechenov Russian Physiological Journal* 2024. Vol. 110. No. 1. P. 1801 – 1823. <https://doi.org/10.31857/S0869813924110018>.
14. Karonova T.L. et al. Effect of cholecalciferol supplementation on the clinical features and inflammatory markers in hospitalized COVID-19 patients: a randomized, open-label, single-center study. *Nutrients*. 2022. Vol. 14. No. 13. <https://doi.org/10.3390/nu14132602>
15. Kozlov A. Distribution of VDR Gene Polymorphism in Northern Eurasia Population. *Medical Research Archives*. 2024. Vol. 12. No. 10. <https://doi.org/10.18103/mrav12i105897>
16. Lampidonis A.D. et al. Cloning and functional characterization of the 5' regulatory region of ovine Hormone Sensitive Lipase (HSL) gene. *Gene* 2008 Vol. 427. No. 1. P. 65 – 79. <https://doi.org/10.1016/j.gene.2008.09.001>
17. Kabakova A.V., Galyavich A.S. Genetic polymorphism and the effectiveness of lipid-lowering therapy. *Bulletin of modern clinical medicine*. 2016. Vol. 9. No. 3. P. 75 – 81. <https://doi.org/10.20969/VSKM2016.9>
18. Ionova Z.I. et al. The role of peroxisome proliferator-activator alpha and gamma-2 in primary and secondary prevention of atherosclerosis. *Scientific notes of St. Petersburg State Medical University named after academician I.P. Pavlov*. 2016 Vol. 23. No. 2. P. 15 – 20. <https://doi.org/10.24884/1607-4181-2016-23-2-15-20>
19. Fedorets VN et al. Changes in lipid metabolism in young and middle-aged men characteristic of premature aging. *Medicine: Theory and Practice*. 2022. Vol. 7. No. 3. P. 3 – 8. <https://doi.org/10.56871/9225-2022.77.60.001>
20. Pigarova EA, Dzeranova LK Status and features of vitamin D metabolism in obesity and its treatment. *Far-mateka*. 2025 T. 32. No. 1. P. 222 – 229. <https://doi.org/10.18.565/pharmateca.2025.1.222-229>
21. Shishkin A.N. et al. Menopausal metabolic syndrome. Current concepts. *Bulletin of St. Petersburg University. Medicine*. 2013. No. 2. P. 17 – 27.
22. Tagher J. et al. Vitamin D, Thrombosis, and hemostasis: more than skin deep. *Seminars in Thrombosis and Hemostasis* 2012. Vol. 38. No. 1. P. 114. <https://doi.org/10.1055/s-0031-1300957>
23. Xiang H. et al. Relationship of Serum 25-Hydroxivitamin D Concentrations, Diabetes, Vitamin D Receptor Gene Polymorphisms and Incident Venous Thromboembolism. *Diabetes/Metabolism Research and Reviews*. 2025. Vol. 41. No. 1. P. 70014. <https://doi.org/10.1002/dmrr70014>
24. Karonova T.L. et al. “Vitamin D Metabolism Parameters and Cytokine Profile in COVID-19 Patients with Bolus Cholecalciferol Supplementation”. *Diagnostics* 2024 Vol. 14. No. 13. <https://doi.org/10.3390/diagnostics14131408>
25. Khudyakova N.V. et al. Evaluation of the hemostatic system and factors associated with hypercoagulation in men with metabolic syndrome and an initial decrease in glomerular filtration rate. *Nephrology*. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 25 – 33.
26. Idrisova H.S. et al. Pulmonary embolism: prognostic value of diagnostic methods. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2023. Vol. 6. No. 5. P. 60 – 65.
27. Tao J. et al. The Role of Vitamin D in the Relationship between Gender and Deep Vein Thrombosis Among Stroke Patients. *Frontiers in Nutrition*. 2021. Vol. 138. P. 755. <https://doi.org/10.3389/fnut.2021.755883/>
28. Korkmaz U.T. et al. Association between vitamin D levels and lower-extremity deep vein thrombosis: a case-control study. *Sao Paulo Medical Journal*. 2021. Vol. 139. No. 3. P. 279 – 284. <https://doi.org/10.1590/1516-3180.2020.0457.r1.040022021>
29. Farooqui M.W. et al. Role of Vitamin D Levels in Venous Thrombosis». *Blood*. 2021. Vol. 138. No. 3. P. 455. <https://doi.org/10.1182/blood-2021-148146>

30. Shishkin A.N et al. The influence of obesity on myocardial remodeling in perimenopausal women. Bulletin of St. Petersburg University. Medicine. 2013. No. 4. P. 13 – 22.
31. Ivanov V.S. et al. Predictors of the development of cardiovascular diseases in patients without structural changes in the heart when ventricular arrhythmias are detected. Crimean Therapeutic Journal. 2023. No. 4. P. 42 – 46.
32. Olesin A.I. et al. Clinical and prognostic value of determining predictors of left ventricular dysfunction in patients without structural changes in the heart with ventricular ectopia (clinical and experimental study. Fundamental and Clinical Medicine. 2023. Vol. 8. No. 3. P. 53 – 67. <https://doi.org/10.23946/2500-0764-2023-8-3-53-67>
33. Achkasov E. et al. Atrial fibrillation in athletes – features of development, current approaches to the treatment, and prevention of complications. International Journal of Environmental and Public Health. 2019. Vol. 16. No. 24. Pp. 5 – 12. <https://doi.org/10.3390/ijerph16244890>.
34. Mirhosseini N et al. Vitamin D supplementation, serum 25(OH) D concentrations and cardiovascular disease risk factors: A systematic review and meta-analysis. Frontier Cardiovascular Medicine. 2018. No. 5. P. 87. <https://doi.org/10.3389/fcvm.2018.00087>
35. Agarwal P et al. Recent Advances in Association Between Vitamin D Levels and Cardiovascular Disorders. Current Hypertension Reports. 2023. Vol. 25. No. 4. P. 185 – 209. <https://doi.org/10.1007/s11906-023-01246-4>
36. Belaya Zh.E. et al. Resolution of the National Interdisciplinary Expert Council Use of high-dose vitamin D, including in comorbid patients, in the practice of endocrinologists, rheumatologists, gerontologists and therapists/GPs. Osteoporosis and osteopathy. 2024. Vol. 27. No. 1. Pp. 10–20. <https://doi.org/10.14341/osteo13171>

Информация об авторах

Смирнов В.В., кандидат медицинских наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0253-4132>
vs@tdom.biz, Санкт-Петербургский медицинский педиатрический университет Минздрава России, 194100, г. Санкт-Петербург, Литовская улица д 2Я

Шапалова А.Б., Санкт-Петербургский медицинский педиатрический университет Минздрава России, 194100, г. Санкт-Петербург, Литовская улица д 2Я, annashapovalova@yandex.ru

Воронков П.Б., Санкт-Петербургский медицинский педиатрический университет Минздрава России, 194100, г. Санкт-Петербург, Литовская улица д 2Я, pbvoronkov@yandex.ru

Мочалов П.А., Санкт-Петербургский медицинский педиатрический университет Минздрава России, 194100, г. Санкт-Петербург, Литовская улица д 2Я, pavel_mochalov@mail.ru

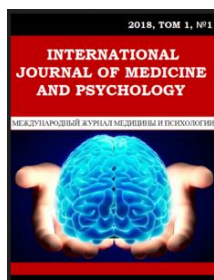
Барсукова А.А., Санкт-Петербургский медицинский педиатрический университет Минздрава России, 194100, г. Санкт-Петербург, Литовская улица д 2Я, barsukovaanastasiaa@gmail.com

Голощапова Т.В., Санкт-Петербургский медицинский педиатрический университет Минздрава России, 194100, г. Санкт-Петербург, Литовская улица д 2Я, tgoschapova15@gmail.com

Худякова Н.В., College of Professional Studies – International Center of Professional Studies, 21000, Сербия Нови Сад Цвечарска ул., д 2, uhs83@mail.ru

© Смирнов В.В., Шапалова А.Б., Воронков П.Б., Мочалов П.А., Барсукова А.А., Голощапова Т.В., Худякова Н.В., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Ковалевский И.Д.,

¹ Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

Особенности сна человека в условиях ограниченного жизненного пространства

Аннотация: статья посвящена проблемам применения современных научных знаний о сне в процессе жизнедеятельности на обитаемых подводных аппаратах, подводных лодках исследовательского или военного назначения, объектах жизнедеятельности полярных станций. Известно, что размеры спальных мест в жилой зоне на обитаемых подводных объектах различного назначения неодинаковы. Например, на неатомных подводных лодках жилой модуль больше, чем на обитаемых подводных аппаратах, но меньше, чем на многоцелевых или стратегических лодках, или полярных станций. Тесное пространство ухудшает качество сна человека, у него накапливается усталость. Специалисты по изучению сна считают, что продолжительность сна стандартного человека, гарантирующая сохранение оптимальной работоспособности и настроения, должна составлять приблизительно 8 ч. в сутки. Согласно зарубежным исследованиям, только 37 % жителей США входят в эту категорию. Фактически, один из трех в течение рабочей недели спит в среднем 6,5 ч. в сутки или менее. Многие сообщают о ежедневном сне, в среднем, по 5 ч. Последствия хронического частичного лишения сна очень коварные – у людей накапливается усталость, но человек не осознает свою неспособность работать в полную силу. Эффективность решения человеком сложных задач резко ухудшается. В статье выполнен обзор иностранной литературы, посвященной взаимосвязям психофизиологического состояния человека к его работоспособности. Рассмотрены физиологические особенности человека (сон) в условиях ограниченного жизненного пространства. В связи с вышеизложенным, тема является актуальной.

Ключевые слова: сон, депривация, вахты, работоспособность, циркадные ритмы

Для цитирования: Ковалевский И.Д. Особенности сна человека в условиях ограниченного жизненного пространства // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 112 – 120.

Поступила в редакцию: 5 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Kovalevsky I.D.,

¹ Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Features of human sleep in a limited living space

Abstract: the article is devoted to the problems of applying modern scientific knowledge about sleep in the process of life on manned underwater vehicles, research or military submarines, and objects of vital activity of polar stations. It is known that the sizes of berths in the residential area on habitable underwater objects for various purposes are not the same. For example, on non-nuclear submarines, the living module is larger than on manned underwater vehicles, but smaller than on multi-purpose or strategic boats, or polar stations. Cramped space worsens the quality of a person's sleep, he accumulates fatigue. Sleep experts believe that the average person's sleep duration to maintain optimal performance and mood should be approximately 8 hours per night. According to foreign

studies, only 37% of US residents fall into this category. In fact, one in three sleeps an average of 6.5 hours a night or less during the workweek. Many report an average of 5 hours of sleep a day. The effects of chronic partial sleep deprivation are very insidious – people accumulate fatigue, but the person does not realize their inability to work at full strength. The effectiveness of a person in solving complex problems deteriorates sharply. The article provides a review of foreign literature on the relationship between the psychophysiological state of a person and his performance. The physiological characteristics of a person (sleep) in a limited living space are considered. In connection with the above, the topic is relevant.

Keywords: sleep, sleep deprivation, schedule, optimal performance, circadian rhythms

For citation: Kovalevsky I.D. Features of human sleep in a limited living space. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 112 – 120.

The article was submitted: June 5, 2025; Approved after reviewing: August 7, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Посменная работа является достаточно распространенным способом организации трудовой деятельности. Сон представляет собой неотъемлемую составляющую человеческой жизни. Согласно статистике, примерно 33% времени человек проводит в состоянии сна [1]. Поскольку работа и сон тесно взаимосвязаны, многочасовые смены, вахты, дежурства и гибкий график работы приводят к нарушению привычных биоритмов (сна, бодрствования, работоспособности). Сокращается время на отдых, необходимый для восстановления защитных сил организма от неблагоприятного воздействия условий труда. Все это способствует более быстрому развитию утомляемости [2].

Американские ученые доказали, что недостаток регулярного ночного сна является особенно вредным для организма. В ночное время происходит активное восстановление организма, балансирования нервных клеток и реорганизация работы нейронов головного мозга. Исследователи также выяснили, что люди, чей сон превышает 6,5, но при этом составляет не более 7,5 часов в сутки, живут дольше [3].

Если проанализировать условия жизнедеятельности современного человека, то окажется, что он находится в состоянии повышенного стресса, вызванного постоянной многозадачностью, большим количеством обязанностей, высокой степенью ответственности. Недостаток сна в таких условиях может иметь серьезные последствия, включая развитие хронических заболеваний, психологические расстройства и несчастные случаи в повседневной жизни по причине человеческого фактора [3].

Исследования отечественных ученых показывают, что отсутствие ночного отдыха существенно влияет на уровень нашей решительности в ситуациях, связанных с риском. Кроме того, недостаток сна негативно отражается на мотивации к какой-либо активности [3].

Большинство специалистов по изучению сна считают, что продолжительность сна здорового человека, гарантирующая сохранение оптимальной работоспособности и настроения, должна составлять приблизительно 8 ч. в сутки. Из зарубежных источников известно, что только 37% американцев попадают в эту группу. Фактически, один из трех жителей США в течение рабочей недели спит в среднем 6,5 ч. в сутки или даже менее, в среднем 5 ч. Приблизительно 40 млн. американцев страдают хроническими нарушениями сна, в то время как от 20 до 30 миллионов человек периодически сталкиваются с инсомнией, что представляет угрозу для возникновения различных заболеваний [4]. В России около 45% взрослого населения не удовлетворены качеством и продолжительностью своего сна, и почти 20% нуждаются в серьезном лечении нарушений сна [5].

Материалы и методы исследований

На качество и продолжительность сна оказывают влияние многочисленные факторы различного происхождения, включая генетические, биологические, поведенческие, экологические, социальные и др. Длительное воздействие указанных факторов может привести к цепочке изменений в организме человека, что в конечном итоге может способствовать развитию различных заболеваний, включая патологии сердечно-сосудистой системы [6].

Последствия хронической частичной депривации сна хорошо изучены. Она включает чрезмерную дневную сонливость, снижение бдительности, депрессию и увеличение числа несчастных случаев [20]. Последствия частичного недосыпания опасны для человека, у него накапливается усталость, человек не осознает свою неспособность работать в полную силу. В результате депривации сна сотрудник не способен эффективно решать поставленные перед ним задачи [32]. Зарубежные исследования убедительно доказывают, что про-

изводительность труда человека, который в течение двух недель спал менее 6 ч. в сутки, будет такая же низкая, как у работника, которого лишили сна в течение 48 ч. Разница состоит в том, что люди, спавшие 5-6 ч. в сутки, не осознавали снижения эффективности своей деятельности. В тоже время сотрудники, полностью лишенные сна, хорошо отдавали себе отчет о значительном снижении своей работоспособности после бодрствования в течение 2 суток подряд [32]. Подобные результаты были зафиксированы и в военных организациях [9]. Зарубежными исследователями было доказано, что в различных областях человеческой жизнедеятельности, как-то вождение автомобиля, часы бодрствования (например, 18,5 и 21 ч.) вызывают такие же отрицательные изменения, как и присутствие в крови спирта в концентрациях 0,05 и 0,08%, соответственно [7].

Влияние сна на работоспособность человека изучается и в научно-исследовательских организациях вооруженных сил зарубежных стран. Например, были внесены изменения в существовавшие представления о важности сна для нормального функционирования военнослужащих. Так, время сна для моряков было увеличено с 6 до 8 ч. по распоряжению начальника военно-морского учебного заведения вице-адмирала Хармса после брифинга с психологами Медицинской исследовательской лаборатории подводного флота ВМС США [28].

Хотя исследования показывают, что взрослым людям для поддержания оптимальной работоспособности требуется не менее 8 ч. сна, молодым людям необходимо больше. Потребность во сне молодого человека в возрасте от 18 до 20 лет, в среднем, превышает 8 ч. На самом деле, для большинства молодых людей в этой возрастной категории для достижения оптимальной работоспособности потребность в сне должна превышать 9 ч. [28]. Среди подводников ранее отмечались нарушения сна [28, 16]. Сон измерялся учеными на борту подводных лодок всего несколько раз. Зарубежный исследователь Натаниэль Клейтман провел первое исследование в 1949 г. Он путешествовал на подводной лодке «Догфиш» в течение трех недель и зафиксировал, что обычный моряк спал в среднем около 9,3 ч. каждую ночь. Он отметил высокий моральный дух моряков. Самой большой жалобой подводников была скука, когда нечего было делать во время отдыха. Игра в карты была главным развлечением. Большинство моряков несли 4-ч. и 8-ч. вахту. Это считалось вполне подходящим для повседневного распорядка дня на борту дизельной подводной лодки [28].

С появлением атомного флота, традиционный график дежурства не подходил для продолжительных походов. Проведенные испытания привели к появлению 6 и 12 ч. дежурств, впервые принятых на атомной подводной лодке «Джордж Вашингтон» в начале 1960-х г. [28]. Экипаж поддержал введение нового графика дежурства, и это посчитали монументальным шагом вперед. Теперь у экипажа появилось время для дополнительного сна [8].

Исследования влияния сна на работоспособность экипажей атомных подводных лодок были редки. Следующее подобное исследование было выполнено только в 1979 г. Тогда на двух стратегических подводных лодках с помощью стандартных методов была проанализирована продолжительность сна в походе в подводном положении [26]. В ходе исследования было установлено, что средняя продолжительность сна составляла приблизительно 6,2 ч. с большой дисперсией (на одной лодке продолжительность сна была значительно меньше, чем на другой). Позднее, исследования ВМС США показали, что среднестатистический член экипажа стратегической подводной лодки спит в среднем около 6,9 ч. [28]. Однако, малая выборка (N= 24) включала, в том числе подводников, не несущих вахту и одного прикомандированного медицинского работника. Это привело к искажению результатов исследования, выросло значение средней продолжительности сна относительно истинной.

Наиболее обоснованный анализ сна подводников был выполнен Медицинской исследовательской лабораторией подводного флота ВМС США. [28]. Было обследовано более 250 человек на 4 многоцелевых подводных лодках, а также в клинике военной медицины. Установили, что средняя продолжительность сна в походе составила 5,5 ч., а средняя продолжительность сна на берегу – 7 ч. Общая продолжительность сна на берегу была близка к средней продолжительности сна обычного рабочего. А общая продолжительность сна моряков во время похода оказалась значительно меньше. Что было охарактеризовано как выраженное нарушение сна [26].

Известно, что усталость обладает кумулятивными свойствами. То есть, чем дольше человек находится в состоянии хронического недосыпания, тем ниже его работоспособность. Также, будет выше вероятность негативных поведенческих эффектов. Например, депрессия, перепады настроения. На подводных лодках класса «Вирджиния» больше автономность и выше коэффициент оперативного напряжения, чем на стратегических подводных лодках класса «Лос-Анджелес». Поэтому

есть вероятность, что подобные негативные явления будут нарастать. Необходимо отметить, что исследования на многоцелевых подводных лодках показали, что средняя продолжительность сна человека составляет примерно 4 ч., т.е. меньше, чем описанная Натаниэлем Клейтманом более 50 лет назад. Кроме того, было установлено, что сон был фрагментирован из-за необычного графика работы. Эта особенность известна как полифазный сон. Подобный вид сна менее эффективен для восстановления сил после ежедневного утомления, чем однократный непрерывный длительный сон [31].

Результаты и обсуждения

Из анализа характеристик вахты и циркадных ритмов можно заключить следующее. Существовавший график 6/12 создает цикл активности продолжительностью 18 ч. вместо 24-ч. циркадианного цикла, к которому приспособился человек. В сочетании с отсутствием естественного светового фона (солнечных лучей) 18-ч. день вызывает десинхронизацию циркадиантных ритмов человека, несущего вахту [22]. В некоторых случаях, приводит к смещению примерно до 24,5 ч. вместо подгонки биологического ритма организма к 24-ч. периодичности [28]. Неспособность циркадных ритмов людей приспособиться к 18-ч. циклу обусловлена тем, что они выходят за пределы биологических часов человека [22].

Нарушение циркадианной активности организма вызывает негативные явления, появляются симптомы недомогания, бессонницы, потеря аппетита, стресс [17]. Такое изменение нормального повседневного физиологического функционирования человека ведет к депривации сна, негативно влияет на эмоциональное состояние и работоспособность [8]. Диссомния является частью общей проблемы – нарушение циркадиантных ритмов, которые обусловлены необычной периодичностью смены труда и отдыха [28].

Работа военных моряков на вахте по своему характеру близка к сменной работе гражданского персонала, но она носит более экстремальный характер, чем любая другая профессиональная деятельность. Есть немало исследований о влиянии на здоровье человека деятельности, не соответствующей нормальному циклу труда и отдыха. Например, в дополнение к значительному снижению производительности труда, работники с высокой напряженностью труда более подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям, желудочно-кишечным расстройствами ухудшению общего самочувствия [19].

Общая продолжительность сна на подводных лодках класса «Вирджиния» находится в диапазоне, недостаточном для оптимальной работоспо-

собности. Это обстоятельство, в сочетании с фрагментированным сном, нарушением циркадных ритмов и потенциальными проблемами со здоровьем позволяет современной науке считать подводника, человеком с ограниченными возможностями для сна, который работает не в полную силу. Ему свойственны перепады настроения и другие нарушения здоровья.

Другие факторы могут еще больше ухудшить качество сна человека. Более того, поскольку продолжительность плавания современных подводных лодок может быть увеличена, то негативные последствия лишения сна и циркадианной дисритмии возрастут.

Стесненность жилой зоны снижает качество сна и, следовательно, косвенно влияет на работоспособность человека. Хорн и другие исследователи выяснили, что 1/3 часть экипажа испытывали трудности со сном в море [18]. Достаточный, качественный сон очень важен для человека. Прерывистый, плохой сон значительно снижает бдительность, активность и когнитивные функции, что, в свою очередь, приводит к ошибкам и повышает вероятность несчастных случаев [12, 21, 25, 30].

Рассматривая проблему количества и качества сна необходимо указать, что тесное спальное место вынуждает спать в положении лежа на спине, что может создать проблемы с дыханием во время сна [13, 24]. Появится храп и апноэ. Такие проблемы значительно снижают количество и качество сна, приводят к сонливости и связанными с ней ошибками и несчастными случаями [30, 24, 29, 23, 27]. Храп также мешает и препятствует сну других людей, спящих рядом, например, соседям по спальному купе [10]. К другим аспектам жизни на подводных объектах, влияющим на количество и качество сна относятся 18-ч. расписание несения вахт, заложенность носа, гипоксия, гиперкапния и низкая физическая активность [18].

В дополнение к ограниченным размерам спальных мест в жилых зонах подводных объектов необходимо указать на возможные высокие уровни шума. Влияние шума на человека хорошо изучено. Шум утомляет и отвлекает, нарушает сон, снижает активность в состоянии бодрствования, провоцирует агрессивное поведение [15]. Эти факторы при условии, что человек не может контролировать шум, обуславливают высокие уровни стресса, который еще больше препятствует качественному отдыху [28].

Выводы

В изолированной замкнутой среде обитания (обитаемый подводный аппарат, подводные лодки исследовательского или военного назначения, объекты жизнедеятельности полярных станций) возникают количественные и качественные нарушения сна. Это связано с высокими уровнями шума и вибрации, прерывистым графиком сна, стесненностью жилой зоны и конструкцией спального

места (кровати), которая неспособна обеспечить удобного положения тела во время отдыха (сна) [11, 14]. Так, нарушается фаза дремотного сна, и фазы более глубокого сна, которые необходимы для оптимального функционирования. Можно констатировать периоды поверхностного сна, накопление которого приводит к утомлению и низкой работоспособности.

Список источников

1. Рожанский Н.А. Материалы к физиологии сна. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 2010. 128 с.
2. Черникова Е.Ф. Влияние сменного характера труда на состояние здоровья работников // Гигиена и санитария. 2015. № 94 (3). С. 44 – 48.
3. Анциферова К.А. Влияние режима сна на работоспособность и качество жизни человека // Медицинские науки. 2022. № 10 (73). 6 с. URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2022/10.pdf> (дата обращения: 21.12.2022)
4. Проснись, Америка: предупреждение нации о проблемах сна: перевод доклада Национальной Комиссии по исследованию расстройств сна Конгрессу США / Мед. центр упр. делами Президента Российской Федерации, Центр реабилитации, М-во науки и технологии Российской Федерации; гл. ред. А.И. Романов; пер. с англ. Д.Ю. Каллистов. М.: [б. и.], 1997. 133 с.
5. Вейн А.М. Проблемы сомнологии и медицины сна. Актуальные проблемы сомнологии: тезисы докладов Всероссийской конференции (Москва 19-20 ноября 1998 г.). М.; 1998. С. 4 – 11.
6. Драпкина О.М., Шепель Р.Н. Продолжительность сна: современный взгляд на проблему с позиций кардиолога // Рациональная Фармакотерапия в Кардиологии. 2015. № 11 (4). С. 413 – 419. URL: <https://DOI.org/10.20996/1819-6446-2015-11-4-413-419> (дата обращения: 21.12.2022)
7. Arnedt J.T., Wilde G.J., Munt P.W., MacLean A.W. How do prolonged wakefulness and alcohol compare in the decrements they produce on a simulated driving task? // Accident Analysis and Prevention. 2001. Vol. 33, P. 337 – 344. URL: [https://www.sci-hub.ru/10.1016/S0001-4575\(00\)000476?ysclid=lbwa4wiijn271151840](https://www.sci-hub.ru/10.1016/S0001-4575(00)000476?ysclid=lbwa4wiijn271151840) (дата обращения: 21.12.2022)
8. Beare A.N., Bondi K.R., Biersner R.J., Naitoh P. Work and rest on nuclear submarines // Ergonomics. 1981. Vol. 24 (8). P. 593 – 610. doi: 10.1080/00140138108924882.
9. Belenky G., Wesensten N.J., Thorne N.R., Thomas M.L., Sing H.C., Redmond D.P., Russo M.B., Balkin T.J. Patterns of performance degradation and restoration during sleep restriction and subsequent recovery: a sleep dose-response study // Journal of Sleep Research. 2003. Vol. 12. P. 1 – 15. URL: https://www.academia.edu/15594848/Patterns_of_performance_degradation_and_restoration_during_sleep_restriction_and_subsequent_recovery_a_sleep_dose_response_study (дата обращения: 21.12.2022)
10. Beninati W., Harris C.D., Herold D.L., Shepard J.W. The effect of snoring and obstructive sleep apnea on the sleep quality of bed partners // MayoClinicProceedings. 1999. Vol. 74 (10). P. 955 – 958. doi: 10.4065/74.10.955
11. Berry C.A., Coons D.O., Catterson A.D., Kelly G.F. Man's Response to Long-Duration Flight in the Gemini Spacecraft // National Aeronautics and Space Agency. 1996. URL: <http://hdl.handle.net/2152.3/7685> (дата обращения: 21.12.2022)
12. Bonekat H.W., Krumpke P.E. Diagnosis of obstructive sleep apnea // Clinical Reviews in Allergy. 1990. Vol. 8 (2-3). P. 197 – 213. doi: 10.1007/BF02914445.
13. Cartwright R. D. Effect of sleep position on sleep apnea severity // Sleep. 1984. Vol. 7(2). P. 110 – 114. URL: <https://DOI.org/10.1093/sleep/7.2.110> (дата обращения: 21.12.2022)
14. Connors M.M., Harrison A.A., Akins F.R. Living aloft: Human Requirements for extended space-flight. // National Aeronautics and Space Administration. Washington, DC. 1985. 432 P. URL: <https://ntrs.nasa.gov/citations/19850024459> (дата обращения: 21.12.2022)

15. Donnerstein E., Wilson D. W. Effects of noise and perceived control on ongoing and subsequent aggressive behavior // *Journal of personality and social psychology*. 1976. Vol. 34 (5). P. 774 – 781. doi: 10.1037//0022-3514.34.5.774
16. Earls J.H. Human Adjustment to an Exotic Environment: The Nuclear Submarine // *Archives of General Psychiatry*. 1969. Vol. 20 (1). P. 117 – 123. doi:10.1001/ARCHPSYC.1969.01740130119012
17. Hauty G.T., Adams T. Phase Shifts of the Human Circadian System and Performance Deficit During the Periods of Transition: 1. East-West Flight // *Aerospace Medicine*. 1966. Vol. 37 (7). P. 668 – 674. URL:https://www.faa.gov/data_research/research/med_humanfacs/oamtechreports/1960s/media/AM65-28.pdf (дата обращения: 21.12.2022)
18. Horn W.G., Thomas T.L., Marino K., Hooper T.I. Health experience of 122 submarine crew members during a 101-day submergence // *Aviation Space and Environmental Medicine*. 2003. Vol. 74 (8). P. 858 – 862. URL:<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12924761/> (дата обращения: 21.12.2022)
19. Jansen N.W.H., Van Amelsvoort L.G. P.M., Kristensen T.S, van den Brandt P.A., Kant I.J. Work schedules and fatigue: a prospective cohort study // *Occupational and Environmental Medicine*. 2003. Vol. 60. P. 47-53. URL:https://oem.bmj.com/content/60/suppl_1/i47 (дата обращения: 21.12.2022)
20. Miller J.C. Controlling pilot error: fatigue. New York: McGraw-Hill, 2001. P. 157. ISBN 0071374124.
21. Mitler M. M. Daytime sleepiness and cognitive functioning in sleep apnea // *Sleep*. 1993. Vol. 16. P. 68 – 70. URL:https://www.researchgate.net/publication/15021293_Daytime_Sleepiness_and_Cognitive_Functioning_in_Sleep_Apnea (дата обращения: 21.12.2022)
22. Naitoh P., Beare A.N., Biersner R.J., Englund C.E. Altered circadian periodicities in oral temperature and mood in men on an 18-hour work/rest cycle during a nuclear submarine patrol // *International Journal of Chronobiology*. 1983. Vol. 8 (3). P. 149 – 173. URL:<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/6862697/> (дата обращения: 21.12.2022)
23. Nasser S., Rees P. J. Sleep apnea: causes, consequences and treatment // *British Journal of Clinical Practice*. 1992. Vol. 46 (1). P. 39 – 43. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/1419552/> (дата обращения: 21.12.2022)
24. Oksenberg A., Khamaysi I., Silverberg D.S., Tarasiuk A. Association of body position with severity of apneic events in patients with severe nonpositional obstructive sleep apnea // *Chest*. 2000. Vol. 118 (4). P. 1018 – 1024. doi: 10.1378/chest.118.4.1018
25. Pilcher J.J., Huffcutt A.I. Effects of sleep deprivation on performance: a meta-analysis // *Sleep*. 1996. Vol. 19 (4). P. 318 – 326. URL:https://www.researchgate.net/publication/14425620_Pilcher_JJ_Huffcutt_AI_Effects_of_sleep_deprivation_on_performance_a_meta-analysis_Sleep_19_318-326 (дата обращения: 21.12.2022)
26. Schaeffer K.E., Kerr C.M., Buss D., Haus E. Effect of 18-h watch schedule on circadian cycles of physiological functions during submarine patrols // *Undersea Biomedical Research, Submarine Supplement*. 1979. Vol. 6. P. 81 – 90.
27. Series F., Cormier Y., La Forge J. Influence of apnea type and sleep stage. On nocturnal postapneic desaturation // *The American Review of Respiratory Disease*. 1990. Vol. 141 (6). P. 1522 – 1526. doi: 10.1164/ajrccm/141.6.1522
28. Shobe K., Bing M., Duplessis C. Psychological, physiological, and medical impact of the submarine environment on submariners with application to Virginia class submarines // *Naval Submarine Medical Research Laboratory. Groton, CT*. 1993. P. 79. URL: https://www.researchgate.net/publication/256687350_PSYCHOLOGICAL_PHYSIOLOGICAL_AND_MEDICAL_IMPACT_OF_THE_SUBMARINE_ENVIRONMENT (дата обращения: 21.12.2022)
29. Stoohs R.A., Bingham L.A., Itoi A., Guilleminault C., Dement W. C. Sleep and sleep-disordered breathing in commercial long-haul truck drivers // *Chest*. 1995. Vol. 107 (5). P. 1275 – 1282. doi:10.1378/chest.107.5.1275
30. Stoohs R.A., Guilleminault C., Itoi A., Dement W.C. Traffic accidents in commercial long-haul truck drivers: the influence of sleep-disordered breathing and obesity // *Sleep*. 1994. Vol. 17 (7). P. 619 – 623. URL:https://www.researchgate.net/publication/15353685_Traffic_Accidents_in_Commercial_Long-Haul_Truck_Drivers_The_Influence_of_Sleep-Disordered_Breathing_and_Obesity (дата обращения: 21.12.2022)

31. Taub J.M. Effects of habitual variations in napping on psychomotor performance, memory and subjective states // International Journal of Neuroscience. 1979. Vol. 9 (2). P. 97 – 112. doi: 10.3109/00207457909147225

32. Van Dongen H.P., Maislin G., Mullington J.M., Dinges D.F. The cumulative cost of additional wakefulness: dose-response effects on neurobehavioral functions and sleep physiology from chronic sleep restriction and total sleep deprivation. Sleep. 2003. Vol. 26. P. 117 – 126. URL: <https://VanDongen2003CumulativeCost.pdf> – Yandex.Documents (дата обращения: 20.12.2022)

References

1. Rozhansky N.A. Materials on the physiology of sleep. Moscow: State Publishing House of Medical Literature, 2010. 128 p.

2. Chernikova E.F. The impact of shift work on the health of workers. Hygiene and Sanitation. 2015. No. 94 (3). P. 44 – 48.

3. Antsiferova K.A. The impact of sleep patterns on human performance and quality of life. Medical sciences. 2022. No. 10 (73). 6 p. URL: <https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2022/10.pdf> (date of access: 21.12.2022)

4. Wake up, America: alerting the nation to sleep problems: translation of the report of the National Commission on Sleep Disorders to the US Congress. Med. center of management. Affairs of the President of the Russian Federation, Rehabilitation Center, Ministry of Science and Technology of the Russian Federation; ed.-in-chief A.I. Romanov; trans. from English D.Yu. Kallistov. Moscow: [b. and.], 1997. 133 p.

5. Vein A.M. Problems of somnology and sleep medicine. Actual problems of somnology: abstracts of reports of the All-Russian conference (Moscow, November 19-20, 1998). Moscow; 1998. P. 4 – 11.

6. Drapkina O.M., Shepel R.N. Sleep duration: a modern view of the problem from the standpoint of a cardiologist. Rational Pharmacotherapy in Cardiology. 2015. No. 11 (4). P. 413 – 419. URL: <https://DOI.org/10.20996/1819-6446-2015-11-4-413-419> (date of access: 12.21.2022)

7. Arnedt J.T., Wilde G.J., Munt P.W., MacLean A.W. How do prolonged wakefulness and alcohol compare in the decrements they produce on a simulated driving task? Accident Analysis and Prevention. 2001. Vol. 33, P. 337 – 344. URL: [https://www.sci-hub.ru/10.1016/S0001-4575\(00\)00047-6?ysclid=lbwa4wiijn271151840](https://www.sci-hub.ru/10.1016/S0001-4575(00)00047-6?ysclid=lbwa4wiijn271151840) (date of access: 12.21.2022)

8. Beare A.N., Bondi K.R., Biersner R.J., Naitoh P. Work and rest on nuclear submarines. Ergonomics. 1981. Vol. 24 (8). P. 593 – 610. doi: 10.1080/00140138108924882.

9. Belenky G., Wesensten N.J., Thorne N.R., Thomas M.L., Sing H.C., Redmond D.P., Russo M.B., Balkin T.J. Patterns of performance degradation and restoration during sleep restriction and subsequent recovery: a sleep dose-response study. Journal of Sleep Research. 2003. Vol. 12. P. 1 – 15. URL: https://www.academia.edu/15594848/Patterns_of_performance_degradation_and_restoration_during_sleep_restriction_and_subsequent_recovery_a_sleep_dose_response_study (date of access: 12.21.2022)

10. Beninati W., Harris C.D., Herold D.L., Shepard J.W. The effect of snoring and obstructive sleep apnea on the sleep quality of bed partners. MayoClinicProceedings. 1999. Vol. 74 (10). P. 955 – 958. doi: 10.4065/74.10.955

11. Berry C.A., Coons D.O., Catterson A.D., Kelly G.F. Man's Response to Long-Duration Flight in the Gemini Spacecraft. National Aeronautics and Space Agency. 1996. URL: <http://hdl.handle.net/2152.3/7685> (date of access: 12.21.2022)

12. Bonekat H.W., Krumpe P.E. Diagnosis of obstructive sleep apnea. Clinical Reviews in Allergy. 1990. Vol. 8 (2-3). P. 197 – 213. doi: 10.1007/BF02914445.

13. Cartwright R. D. Effect of sleep position on sleep apnea severity. Sleep. 1984. Vol. 7(2). P. 110 – 114. URL: <https://DOI.org/10.1093/sleep/7.2.110> (date of access: 12.21.2022)

14. Connors M.M., Harrison A.A., Akins F.R. Living aloft: Human Requirements for extended space-flight. National Aeronautics and Space Administration. Washington, DC. 1985. 432 P. URL: <https://ntrs.nasa.gov/citations/19850024459> (date of access: 12.21.2022)

15. Donnerstein E., Wilson D.W. Effects of noise and perceived control on ongoing and subsequent aggressive behavior. Journal of personality and social psychology. 1976. Vol. 34 (5). P. 774 – 781. doi: 10.1037//0022-3514.34.5.774

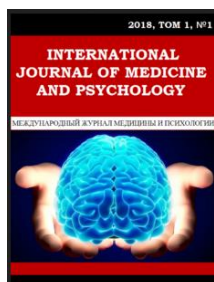
16. Earls J.H. Human Adjustment to an Exotic Environment: The Nuclear Submarine. Archives of General Psychiatry. 1969. Vol. 20 (1). P. 117 – 123. doi:10.1001/ARCHPSYC.1969.01740130119012

17. Hauty G.T., Adams T. Phase Shifts of the Human Circadian System and Performance Deficit During the Periods of Transition: 1. East-West Flight. *Aerospace Medicine*. 1966. Vol. 37 (7). P. 668 – 674. URL: https://www.faa.gov/data_research/research/med_humanfacs/oamtechreports/1960s/media/AM65-28.pdf (date of access: 12.21.2022)
18. Horn W.G., Thomas T.L., Marino K., Hooper T.I. Health experience of 122 submarine crew members during a 101-day submergence. *Aviation Space and Environmental Medicine*. 2003. Vol. 74 (8). P. 858 – 862. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12924761/> (date of access: 12.21.2022)
19. Jansen N.W.H., Van Amelsvoort L.G. P.M., Kristensen T.S., van den Brandt P.A., Kant I.J. Work schedules and fatigue: a prospective cohort study. *Occupational and Environmental Medicine*. 2003. Vol. 60. P. 47 – 53. URL: https://oem.bmj.com/content/60/suppl_1/i47 (date of access: 12.21.2022)
20. Miller J.C. Controlling pilot error: fatigue. New York: McGraw-Hill, 2001. P. 157. ISBN 0071374124.
21. Mitler M. M. Daytime sleepiness and cognitive functioning in sleep apnea. *Sleep*. 1993. Vol. 16. P. 68 – 70. URL: https://www.researchgate.net/publication/15021293_Daytime_Sleepiness_and_Cognitive_Functioning_in_Sleep_Apnea (date of access: 12.21.2022)
22. Naitoh P., Beare A.N., Biersner R.J., Englund C.E. Altered circadian periodicities in oral temperature and mood in men on an 18-hour work/rest cycle during a nuclear submarine patrol. *International Journal of Chronobiology*. 1983. Vol. 8 (3). P. 149 – 173. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/6862697/> (date of access: 12.21.2022)
23. Nasser S., Rees P.J. Sleep apnea: causes, consequences and treatment. *British Journal of Clinical Practice*. 1992. Vol. 46 (1). P. 39 – 43. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/1419552/> ((date of access: 12.21.2022)
24. Oksenberg A., Khamaysi I., Silverberg D.S., Tarasiuk A. Association of body position with severity of apneic events in patients with severe nonpositional obstructive sleep apnea. *Chest*. 2000. Vol. 118 (4). P. 1018 – 1024. doi: 10.1378/chest.118.4.1018
25. Pilcher J.J., Huffcutt A.I. Effects of sleep deprivation on performance: a meta-analysis. *Sleep*. 1996. Vol. 19 (4). P. 318 – 326. URL: https://www.researchgate.net/publication/14425620_Pilcher_JJ_Huffcutt_AI_Effects_of_sleep_deprivation_on_performance_a_meta-analysis_Sleep_19_318-326 (date of access: 12.21.2022)
26. Schaeffer K.E., Kerr C.M., Buss D., Haus E. Effect of 18-h watch schedule on circadian cycles of physiological functions during submarine patrols. *Undersea Biomedical Research, Submarine Supplement*. 1979. Vol. 6. P. 81 – 90.
27. Series F., Cormier Y., La Forge J. Influence of apnea type and sleep stage. On nocturnal postapneic desaturation. *The American Review of Respiratory Disease*. 1990. Vol. 141(6). P. 1522 – 1526. doi: 10.1164/ajrccm/141.6.1522
28. Shobe K., Bing M., Duplessis C. Psychological, physiological, and medical impact of the submarine environment on submariners with application to Virginia class submarines. *Naval Submarine Medical Research Laboratory*. Groton, CT. 1993. P. 79. URL: https://www.researchgate.net/publication/256687350_PSYCHOLOGICAL_PHYSIOLOGICAL_AND_MEDICAL_IMPACT_OF_THE_SUBMARINE_ENVIRONMENT (date of access: 12.21.2022)
29. Stoohs R.A., Bingham L.A., Itoi A., Guilleminault C., Dement W.C. Sleep and sleep-disordered breathing in commercial long-haul truck drivers. *Chest*. 1995. Vol. 107(5). P. 1275 – 1282. doi:10.1378/chest.107.5.1275
30. Stoohs R.A., Guilleminault C., Itoi A., Dement W.C. Traffic accidents in commercial long-haul truck drivers: the influence of sleep-disordered breathing and obesity. *Sleep*. 1994. Vol. 17 (7). P. 619 – 623. URL: https://www.researchgate.net/publication/15353685_Traffic_Accidents_in_Commercial_Long-Haul_Truck_Drivers_The_Influence_of_Sleep-Disordered_Breathing_and_Obesity (date of access: 12.21.2022)
31. Taub J.M. Effects of habitual variations in mapping on psychomotor performance, memory and subjective states. *International Journal of Neuroscience*. 1979. Vol. 9 (2). P. 97 – 112. doi: 10.3109/00207457909147225
32. Van Dongen H.P., Maislin G., Mullington J.M., Dinges D.F. The cumulative cost of additional wakefulness: dose-response effects on neurobehavioral functions and sleep physiology from chronic sleep restriction and total sleep deprivation. *Sleep*. 2003. Vol. 26. P. 117 – 126. URL: <https://VanDongen2003CumulativeCost.pdf> – Yandex.Documents (date of access: 12.20.2022)

Информация об авторе

Ковалевский И.Д., исследователь, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, igor.kovalevskiy.1987@mail.ru

© Ковалевский И.Д., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.923:159.929.3:616

¹Чеботарь Е.М.,

¹Разумова А.В.,

¹Московский институт психоанализа

Эго-функции и пищевое поведение: когнитивно-поведенческий взгляд на взаимосвязи

Аннотация: исследование направлено на изучение взаимосвязи между эго-функциями личности и когнитивно-поведенческими паттернами при нарушениях пищевого поведения в рамках интеграции психодинамического и когнитивно-поведенческого подходов. В исследовании приняли участие 60 человек в возрасте от 25 до 35 лет. Использовался комплекс психодиагностических методик, включающий Я-структурный тест Аммона, Шкалу оценки пищевого поведения Ильчик, диагностический опросник Сагалаковой, опросник когнитивных ошибок СМҚ и Шкалу конструктивистских эпистемологических убеждений СЕАС. Результаты показали неоднородность распределения эго-функций среди участников с преобладанием дисфункциональных форм. Выявлены значимые корреляционные связи между дисфункциональными эго-функциями и показателями нарушений пищевого поведения. Наиболее выраженные взаимосвязи обнаружены между деструктивным внешним Я-отграничением и склонностью к булимии, дефицитарным нарциссизмом и персонализацией, деструктивной тревогой и катастрофизацией. Полученные данные расширяют понимание психологических механизмов формирования расстройств пищевого поведения и обосновывают необходимость интегративного подхода в психотерапевтической практике, учитывающего как глубинные личностные структуры, так и поверхностные когнитивно-поведенческие проявления.

Ключевые слова: эго-функции, пищевое поведение, когнитивно-поведенческие паттерны, Я-структурный тест Аммона, нарушения пищевого поведения, булимия, анорексия, когнитивные ошибки, психодинамический подход, интегративная психотерапия, Я-отграничение, нарциссизм, тревожность

Для цитирования: Чеботарь Е.М., Разумова А.В. Эго-функции и пищевое поведение: когнитивно-поведенческий взгляд на взаимосвязи // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 121 – 126.

Поступила в редакцию: 5 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹Chebotar E.M.,

¹Razumova A.V.,

¹Moscow Institute of Psychoanalysis

Ego functions and eating behavior: a cognitive-behavioral view of the relationships

Abstract: the study is aimed at investigating the relationship between the ego functions of the individual and cognitive-behavioral patterns in eating disorders within the framework of the integration of psychodynamic and cognitive-behavioral approaches. The study involved 60 people aged 25 to 35 years. A set of psychodiagnostic methods was used, including the Ammon Self-Structural Test, the Ilchik Eating Behavior Assessment Scale, the Sagalakova Diagnostic Questionnaire, the CMQ Questionnaire of Cognitive Errors, and the CEAS Constructivist Epistemological Beliefs Scale. The results showed heterogeneity in the distribution of ego functions among the participants with a predominance of dysfunctional forms. Significant correlations were revealed between dysfunctional ego functions and indicators of eating disorders. The most pronounced relationships were found between destruc-

tive external ego-delimitation and a tendency to bulimia, deficit narcissism and personalization, destructive anxiety and catastrophization. The data obtained expand the understanding of the psychological mechanisms of the formation of eating disorders and substantiate the need for an integrative approach in psychotherapeutic practice that takes into account both deep personality structures and superficial cognitive-behavioral manifestations.

Keywords: ego functions, eating behavior, cognitive-behavioral patterns, Ammon's Self-Structural Test, eating disorders, bulimia, anorexia, cognitive errors, psychodynamic approach, integrative psychotherapy, ego-delimitation, narcissism, anxiety

For citation: Chebotar E.M., Razumova A.V. Ego functions and eating behavior: a cognitive-behavioral view of the relationships. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 121 – 126.

The article was submitted: June 5, 2025; Approved after reviewing: August 7, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Актуальность исследования взаимосвязи эго-функций и пищевого поведения обусловлена растущей распространенностью расстройств пищевого поведения в современном обществе и необходимостью углубленного понимания их психологических механизмов [1]. Пищевое поведение, являясь базовой биологической потребностью, одновременно представляет собой сложный психологический феномен, тесно связанный с функционированием личности и ее адаптивными возможностями [2].

В контексте психоаналитической традиции, начиная с работ З. Фрейда и развития эго-психологии А. Фрейда, Х. Хартмана, Э. Эриксона, эго-функции рассматриваются как ключевые механизмы адаптации личности к внешней реальности [3]. Эго выполняет роль посредника между внутренними потребностями и внешними требованиями, обеспечивая баланс между принципом удовольствия и принципом реальности. Современные исследования демонстрируют, что нарушения в функционировании эго могут проявляться в различных сферах поведения, включая пищевое.

Когнитивно-поведенческий подход к изучению пищевого поведения фокусируется на выявлении дисфункциональных мыслительных паттернов и поведенческих стратегий, которые способствуют развитию и поддержанию расстройств пищевого поведения [4]. Исследования М. Сигу показывают, что когнитивные функции, такие как принятие решений, когнитивная гибкость, исполнительные функции, играют важную роль в формировании паттернов пищевого поведения [5].

Несмотря на существующие исследования в области эго-психологии и когнитивно-поведенческих аспектов пищевого поведения, остается недостаточно изученной специфика взаимосвязи между эго-функциями и когнитивно-поведенческими паттернами при нарушениях пищевого поведения. Интеграция психодинамиче-

ского и когнитивно-поведенческого подходов может способствовать более глубокому пониманию механизмов формирования и поддержания дезадаптивных паттернов пищевого поведения [6].

Концепция Г.Аммона о центральных человеческих функциях и модель Л.Марчер об одиннадцати эго-функциях, связанных с телесностью, представляют теоретическую основу для понимания того, как нарушения в структуре эго могут проявляться в сфере пищевого поведения. Особое значение приобретает изучение дефицитарных и деструктивных эго-функций в контексте их влияния на формирование когнитивно-поведенческих паттернов при расстройствах пищевого поведения [7, 8].

Практическая значимость данного исследования обусловлена необходимостью разработки более эффективных подходов к диагностике и коррекции расстройств пищевого поведения. Понимание взаимосвязи между эго-функциями и когнитивно-поведенческими паттернами может способствовать созданию интегративных терапевтических программ, учитывающих как глубинные личностные механизмы, так и поверхностные когнитивно-поведенческие проявления.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии представлений о психологических механизмах пищевого поведения через призму интеграции психодинамического и когнитивно-поведенческого подходов, что может внести вклад в развитие теории личности и клинической психологии.

Материалы и методы исследований

В исследовании участвовали 60 человек 25-35 лет (25 мужчин и 35 женщин), все предоставили добровольное информированное согласие.

Для решения исследовательских задач использовался комплекс психодиагностических методик. Основным инструментом выступил Я-структурный тест Аммона (адаптация НИПНИ, 1998), оценивающий 18 показателей шести цен-

тральных эго-функций в трех формах проявления каждая. Применялась Шкала оценки пищевого поведения Ильчик О.А. (2011) для комплексной оценки различных аспектов пищевого поведения. Диагностический опросник Сагалаковой О.В. (2014) использовался для выявления когнитивно-поведенческих паттернов при нарушениях пищевого поведения. Опросник когнитивных ошибок СМҚ в адаптации Боброва А.Е. и Файзрахмановой Е.В. (2017) диагностировал дисфункциональные когнитивные паттерны. Шкала конструктивистских эпистемологических убеждений CEAS в адаптации Федорова А.А. (2020) оценивала конструктивистский взгляд на реальность.

Исследование проводилось индивидуально в стандартизированных условиях, время выполнения составляло 90-120 минут. Порядок предъявления методик был единым для всех участников.

Статистическая обработка осуществлялась в SPSS с применением описательной статистики и корреляционного анализа по критерию Спирмена. Уровень значимости устанавливался $p < 0,05$ и $p < 0,01$.

Исследование соответствовало этическим принципам, участники были проинформированы о целях, принципе добровольности и конфиденциальности, имели право прекратить участие на любом этапе.

Результаты и обсуждения

Эмпирическое исследование взаимосвязи эго-функций с когнитивно-поведенческими паттернами пищевого поведения выявило комплексную картину структурных особенностей личности и их проявлений в сфере пищевого поведения у исследуемой выборки.

Анализ результатов Я-структурного теста Аммона показал неоднородность распределения эго-функций среди участников исследования. Деструктивная агрессия продемонстрировала сред-

ний Т-балл 49, при этом высокие показатели были выявлены у 40% респондентов, что свидетельствует о значительной представленности агрессивных тенденций в деструктивной форме. Дефицитарная агрессия характеризовалась средним Т-баллом 57, причем 41,7% участников показали высокие значения по данному параметру, указывая на недостаточность конструктивных агрессивных проявлений.

Особое внимание привлекают показатели тревожности в различных ее формах. Деструктивная тревога показала средний Т-балл 62, при этом высокие значения были зафиксированы у 35% респондентов. Дефицитарная тревога характеризовалась средним Т-баллом 58, где высокие показатели отмечались у 36,7% участников. Данные результаты указывают на преобладание дисфункциональных форм тревоги над конструктивными проявлениями.

Анализ функций Я-отграничения выявил характерные особенности границ личности в исследуемой группе. Деструктивное внешнее Я-отграничение показало средний Т-балл 63, что является одним из наиболее высоких показателей среди всех эго-функций. Высокие значения по данному параметру были выявлены у 31,7% респондентов, что свидетельствует о нарушениях в установлении адекватных границ с внешним миром.

Нарциссические функции продемонстрировали наиболее выраженные отклонения от нормативных показателей. Дефицитарный нарциссизм показал наивысший средний Т-балл 68 среди всех измеряемых параметров, при этом высокие показатели были характерны для 43,3% участников исследования. Деструктивный нарциссизм также показал повышенные значения с Т-баллом 58 и высокими показателями у 41,7% респондентов.

Таблица 1

Основные показатели дисфункциональных эго-функций по тесту Аммона.

Table 1

Main indicators of dysfunctional ego functions according to the Ammon test.

Эго-функция	Средний Т-балл	Низкие показатели (%)	Средние показатели (%)	Высокие показатели (%)
Деструктивная агрессия (А2)	49	33,3	26,7	40,0
Дефицитарная агрессия (А3)	57	28,3	30,0	41,7
Деструктивная тревога (С2)	62	15,0	50,0	35,0
Дефицитарная тревога (С3)	58	25,0	38,3	36,7
Деструктивное внешнее Я-отграничение (ОА2)	63	23,3	45,0	31,7

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Дефицитарное внешнее Я-отграничение (ОА3)	40	28,3	41,7	30,0
Деструктивное внутреннее Я-отграничение (ОИ2)	58	25,0	38,3	36,7
Дефицитарное внутреннее Я-отграничение (ОИ3)	44	21,7	43,3	35,0
Деструктивный нарциссизм (Н2)	58	26,7	31,7	41,7
Дефицитарный нарциссизм (Н3)	68	21,7	35,0	43,3

Диагностика пищевого поведения по шкале оценки пищевого поведения выявила различную степень выраженности нарушений. Неудовлетворенность собственным телом оказалась наиболее распространенным показателем, при этом средние и высокие значения были характерны для значительной части выборки. Булимические тенденции показали меньшую распространенность, однако их присутствие в выборке свидетельствует о наличии серьезных нарушений пищевого поведения у части респондентов.

Результаты диагностики когнитивно-поведенческих паттернов при нарушениях пищевого поведения в контексте социальной тревоги показали высокую распространенность дисфункциональных паттернов. Самофокусировка внимания на недостатках собственного тела была выявлена у 68,3% респондентов со средним или высоким уровнем, что указывает на значительную представленность данного когнитивного паттерна в исследуемой группе.

Склонность к анорексии продемонстрировали 73,4% участников со средним или высоким уровнем,

что свидетельствует о широкой распространенности ограничительных тенденций в пищевом поведении. Ограничительное пищевое поведение было характерно для 71,7% респондентов с аналогичными показателями, что подтверждает выраженность контролирующих паттернов в отношении питания.

Анализ когнитивных ошибок по опроснику CMQ выявил различную степень представленности дисфункциональных когнитивных паттернов. Чтение мыслей показало наиболее высокие значения среди всех когнитивных ошибок, при этом высокие показатели были характерны для 23 респондентов. Персонализация была выявлена у 15 участников с высокими значениями, что составляет значительную долю от общей выборки.

Катастрофизация как когнитивная ошибка продемонстрировала высокие показатели у 21 респондента, что указывает на склонность к преувеличению негативных последствий событий. Максимализм был характерен для 15 участников с высокими значениями, свидетельствуя о тенденции к поллярному мышлению и завышенным стандартам.

Таблица 2

Корреляционные связи между дисфункциональными эго-функциями и показателями пищевого поведения.

Table 2

Correlations between dysfunctional ego functions and indicators of eating behavior.

Показатели	Деструктивная тревога (С2)	Дефицитарный нарциссизм (Н3)	Деструктивное внешнее Я-отграничение (ОА2)	Дефицитарное внутреннее Я-отграничение (ОИ3)
Булímия (Шкала Гарнера)	$r = -0,269^*$	—	$r = -0,405^{**}$	—
Неудовлетворенность телом	—	—	$r = -0,310^*$	—
Перфекционизм	—	—	$r = -0,340^{**}$	—
Интероцептивная некомпетентность	—	—	—	$r = 0,278^*$
Склонность к булимии (КП паттерны)	—	—	$r = -0,465^{**}$	—
Эмоциогенное нарушение ПП	—	—	—	$r = 0,324^*$

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Чтение мыслей (CMQ)	$r = 0,258^*$	—	—	—
Персонализация (CMQ)	—	$r = 0,349^{**}$	—	—
Катастрофизация (CMQ)	$r = 0,285^*$	—	—	—

Примечания: $*p < 0,05$; $**p < 0,01$; ПП – пищевое поведение; КП паттерны – когнитивно-поведенческие паттерны; Прочерк (—) означает отсутствие статистически значимой корреляции.

Notes: $*p < 0.05$; $**p < 0.01$; PP – eating behavior; CP patterns – cognitive-behavioral patterns; A dash (—) means there is no statistically significant correlation.

Корреляционный анализ выявил множественные значимые связи между дисфункциональными эго-функциями и различными аспектами пищевого поведения. Деструктивная тревога показала отрицательные корреляции с булимическими проявлениями и перфекционизмом, что может указывать на компенсаторный характер данных симптомов при повышенной деструктивной тревожности. Одновременно обнаружены положительные связи деструктивной тревоги с когнитивными ошибками, включая чтение мыслей и катастрофизацию.

Деструктивное внешнее Я-отграничение продемонстрировало наиболее выраженные отрицательные корреляции с различными формами пищевого поведения, включая булимию, неудовлетворенность телом и склонность к булимии. Данные связи указывают на то, что нарушения внешних границ личности могут находить компенсацию через различные проявления в сфере пищевого поведения.

Дефицитарные формы эго-функций также показали специфические паттерны связей. Дефицитарное внутреннее Я-отграничение коррелировало с интероцептивной некомпетентностью и эмоциогенными нарушениями пищевого поведения, что свидетельствует о связи между нарушениями внутренних границ личности и трудностями в распознавании внутренних сигналов организма.

Дефицитарный нарциссизм показал значимую положительную корреляцию с персонализацией как когнитивной ошибкой, что указывает на взаимосвязь между нарушениями самооценки и склонностью к неадекватному принятию ответственности за внешние события. Данные результаты подтверждают гипотезу о том, что структурные нарушения личности на уровне эго-функций находят свое отражение в когнитивно-поведенческих паттернах пищевого поведения.

Выявленные корреляционные связи демонстрируют сложную систему взаимодействий между глубинными личностными структурами и поверхностными проявлениями в виде когнитивных ошибок и дисфункциональных паттернов пищево-

го поведения, что подтверждает необходимость интегративного подхода к пониманию данных феноменов.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило существование значимых взаимосвязей между дисфункциональными эго-функциями и когнитивно-поведенческими паттернами при нарушениях пищевого поведения. Результаты демонстрируют, что структурные нарушения личности создают специфические предпосылки для развития дисфункциональных паттернов в сфере пищевого поведения. Наиболее выраженными оказались нарушения нарциссических функций, что указывает на центральную роль нарушений самооценки в патогенезе расстройств пищевого поведения.

Выявленные корреляционные связи свидетельствуют о том, что нарушения в базовых функциях личности находят компенсаторное выражение через контроль над телом и пищевым поведением. Связь между дисфункциональными эго-функциями и когнитивными ошибками подчеркивает многоуровневый характер нарушений при расстройствах пищевого поведения.

Полученные данные имеют важные теоретические и практические импликации. Исследование подтверждает необходимость интегративного подхода к пониманию расстройств пищевого поведения, объединяющего психодинамические представления о структуре личности с когнитивно-поведенческими моделями. Практическая значимость заключается в обосновании необходимости учета структурных особенностей личности при планировании психотерапевтических вмешательств.

Высокая распространенность дисфункциональных паттернов в исследуемой выборке свидетельствует о необходимости раннего выявления и профилактики данных нарушений. Ограничения исследования связаны с его корреляционным дизайном и размером выборки, что требует осторожности в интерпретации результатов.

Список источников

1. Максим О.В., Тарумов Д.А., Богдановская А.С. Психологические предпосылки формирования нарушений пищевого поведения и возможности их коррекции (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2023. Т. 17. № 1. С. 154 – 167. DOI: 10.24412/2075-4094-2023-1-3-10
2. Дурнева М.Ю. Формирование пищевого поведения: путь от младенчества до подростка. Обзор зарубежных исследований // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4. № 3. С. 1 – 19. DOI: 10.17759/psyclin.2015040301
3. Гончаров А.С., Кобзарёва И.И., Макарова О.С. и др. Краткая история зарубежного психоанализа в контексте изучения эволюции методов исследования психической динамики личности // Молодой ученый. 2020. № 38 (328). С. 168 – 180. URL: <https://moluch.ru/archive/328/73667/> (дата обращения: 26.03.2025)
4. Agras W., Bohon C. Cognitive Behavioral Therapy for the Eating Disorders // Annual Review of Clinical Psychology. 2021. Vol. 17. P. 417 – 438. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-081219-110907
5. Cury M.E., Berberian A., Scarpato B.S. et al. G. Scrutinizing Domains of Executive Function in Binge Eating Disorder: A Systematic Review and Meta-Analysis // Frontiers in Psychiatry. 2020. Vol. 11. Art. 288. DOI: 10.3389/fpsy.2020.00288
6. Opland C.T.J. Torrico Psychodynamic Therapy // StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2025. Updated 2024 Sep 2. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK606117/> (дата обращения: 26.03.2025)
7. Положий Б.С. Динамическая психиатрия Гюнтера Аммона как интегративная концепция охраны и укрепления психического здоровья // Российский психиатрический журнал. 2018. № 2. С. 74 – 77.
8. Сахарова Н.А., Щукина Ю.В., Назаров А.И. Экспериментальное исследование психологических границ личности // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2019. Т. 1. № 1. С. 25 – 35.

References

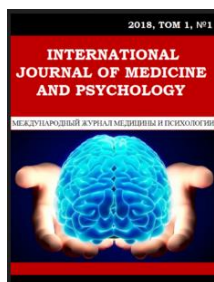
1. Maksim O.V., Tarumov D.A., Bogdanovskaya A.S. Psychological prerequisites for the formation of eating disorders and the possibilities of their correction (literature review). Bulletin of new medical technologies. Electronic publication. 2023. Vol. 17. No. 1. P. 154 – 167. DOI: 10.24412/2075-4094-2023-1-3-10
2. Durneva M.Yu. Formation of eating behavior: the path from infancy to adolescence. Review of foreign studies. Clinical and special psychology. 2015. Vol. 4. No. 3. P. 1 – 19. DOI: 10.17759/psyclin.2015040301
3. Goncharov A.S., Kobzareva I.I., Makarova O.S. and others. A Brief History of Foreign Psychoanalysis in the Context of Studying the Evolution of Methods for Researching the Mental Dynamics of Personality. Young Scientist. 2020. No. 38 (328). Pp. 168 – 180. URL: <https://moluch.ru/archive/328/73667/> (date of access: 03/26/2025)
4. Agras W., Bohon C. Cognitive Behavioral Therapy for the Eating Disorders. Annual Review of Clinical Psychology. 2021. Vol. 17. Pp. 417 – 438. DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-081219-110907
5. Cury M.E., Berberian A., Scarpato B.S. et al. G. Scrutinizing Domains of Executive Function in Binge Eating Disorder: A Systematic Review and Meta-Analysis. Frontiers in Psychiatry. 2020. Vol. 11. Art. 288. DOI: 10.3389/fpsy.2020.00288
6. Opland C.T.J. Torrico Psychodynamic Therapy. StatPearls [Internet]. Treasure Island (FL): StatPearls Publishing, 2025. Updated 2024 Sep 2. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK606117/> (date of access: 26.03.2025)
7. Polozhiy B.S. Dynamic Psychiatry of Gunther Ammon as an Integrative Concept for the Protection and Promotion of Mental Health. Russian Psychiatric Journal. 2018. No. 2. P. 74 – 77.
8. Sakharova N.A., Shchukina Yu.V., Nazarov A.I. Experimental study of psychological boundaries of personality. Bulletin of Dubna State University. Series: Sciences of Man and Society. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 25 – 35.

Информация об авторах

Чеботарь Е.М., Московский институт психоанализа, echebotar@gmail.com

Разумова А.В., кандидат психологических наук, доцент, Московский институт психоанализа, ann-razumova@yandex.ru

© Чеботарь Е.М., Разумова А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Журавель И.Б.,

¹ Маилян М.А.,

¹ Кекутия Р.Г.,

¹ Бокситогорский институт, филиал Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина

Корпоративная культура современного вуза как фактор успешности

Аннотация: статья рассматривает корпоративную культуру в вузе как сложное интегративное явление, обосновывает ее применимость в системе образования, раскрывая сущность и содержание корпоративной культуры как основы успешной деятельности, и как фактор, влияющий на трудовое поведение работников и эффективность организации. Статья также посвящена актуальной проблеме достижения стратегических целей вуза, что заключается в согласованности ценностей организации и ценностей сотрудников. Только та корпоративная культура, в которой работник не только соблюдает нормы и правила организации, но и принимающий ценности организации будет идеальным вариантом.

Статья может быть интересна сотрудникам, занимающимся совершенствованием корпоративной культуры, профсоюзным лидерам, а также занятым разработкой систем стимулирования персонала, аспирантам, магистрантам.

Ключевые слова: организационная культура, успешность деятельности, корпоративная психология, корпоративная культура, удовлетворенность трудом, показатели оценки влияния организационной культуры

Для цитирования: Журавель И.Б., Маилян М.А., Кекутия Р.Г. Корпоративная культура современного вуза как фактор успешности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 127 – 137.

Поступила в редакцию: 6 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Zhuravel I.B.,

¹ Mailyan M.A.,

¹ Kekutiya R.G.,

¹ Boksitogorskiy Institute (branch) Pushkin Leningrad State University

The corporate culture of a modern university as a factor in the success

Abstract: the article examines corporate culture in higher education institutions as a complex integrative phenomenon, justifying its applicability within the education system by revealing the essence and content of corporate culture as the foundation for successful activity and as a factor influencing employees' work behavior and organizational effectiveness. The article also addresses the pressing issue of achieving the strategic goals of a higher education institution, which lies in aligning the organization's values with those of its employees. Only a corporate culture in which employees not only adhere to the organization's norms and rules but also embrace its values will be the ideal scenario.

The article may be of interest to employees engaged in improving corporate culture, union leaders, as well as those involved in developing personnel incentive systems, doctoral students, and master's students.

Keywords: organizational culture, business success, corporate psychology, corporate culture, job satisfaction, metrics for assessing the impact of organizational culture

For citation: Zhuravel I.B., Mailyan M.A., Kekutiya R.G. The corporate culture of a modern university as a factor in the success. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 127 – 137.

The article was submitted: June 6, 2025; Approved after reviewing: August 8, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Наша страна на стыке эпох неоднократно подвергалась сильнейшим потрясениям, связанным с революционными изменениями в обществе. Сначала это социалистическая революция 1917 года, где главным лозунгом было «...мы старый мир до основания разрушим, мы свой, мы новый мир построим», и 1991 год, где мы решили, что возвращаемся к рыночной экономике. Все это связано с отказом от привычных традиций, ценностей и попытками интегрироваться в западную экономику, приобщиться к западным ценностям. В современном мире перспективы успешного развития экономики зависят от трёх ключевых составляющих:

- Наличие развитого человеческого капитала (квалифицированные специалисты), так как современное производство всё больше автоматизируется и компьютеризируется, поэтому особую ценность приобретает наличие профессионалов, способных эффективно решать сложные задачи в новых условиях.

- Наличие особой культуры – производственной. Успех экономического развития во многом определяется сформированными традициями и ценностями, включая ответственное отношение к работе и соблюдение производственной дисциплины. Это создаёт основу для построения эффективных и конкурентоспособных управленческих систем.

- Гибкость управления. Важнейшим фактором становится способность адаптироваться к различным стилям руководства, которые способствуют непрерывному совершенствованию, устойчивому росту и развитию самоорганизации внутри компаний [1, с. 63-64].

- В период существования советской экономической модели изучение межличностных отношений – как на уровне всего общества, так и внутри отдельных организаций – практически не получало должного внимания со стороны научного сообщества. Примечательно, что, несмотря на активное развитие социологических исследований в других направлениях, в области организационной социологии практически отсутствуют значимые работы отечественных учёных, посвящённые анализу взаимоотношений внутри организаций. Од-

нако ситуация кардинально изменилась с началом масштабных социально-экономических преобразований в современной России. Появление новых организационных структур и развитие социальных институтов сделали исследование корпоративных отношений одной из наиболее актуальных задач современной науки. Сегодня, в условиях формирования новых экономических реалий, понимание механизмов взаимодействия внутри организаций приобретает особую значимость для развития как отдельных компаний, так и общества в целом [2, с. 2097-2098].

Переживает сильные социально-экономические преобразования и высшая школа России. За период с 2013 по 2023 годы российская система высшего образования претерпела значительные изменения под влиянием государственных реформ, глобальных образовательных трендов и, в частности, пандемии COVID-19. Это и переход от традиционного советского образования к дипломам магистров и бакалавров до изменения требований к профессорско-преподавательскому составу в связи с возможностью дистанционного образования. Президентом подписан указ, в котором описываются новые уровни высшего образования. С 2021 года стартовал новый проект «Приоритет-2030», переориентированный не только на международные рейтинги, но и на вклад в региональное развитие, наукоёмкие производства и инновационную инфраструктуру. Проводились масштабные проверки качества образовательной деятельности, в результате которых часть вузов лишилась лицензии или была реорганизована. Особое внимание уделялось вузам с низким конкурсом, слабым преподавательским составом и недостаточной материальной базой. Это не могло не отразиться на качестве образования, на структуре управления вузом, сокращении высших учебных заведений и закрытии их филиалов, а также и на качестве профессорско-преподавательского состава. В целом за последние 10 лет российская система высшего образования стала более дифференцированной, цифровизированной и ориентированной на результаты (по КРП и публикационной активности). При этом сохраняются дискуссии о дальнейшем векторе развития – между глобальной интеграцией и

стремлением к большей самостоятельности и суверенности образовательной системы. Мы не будем подробно останавливаться на реформах высшего образования, а лишь подчеркнём, что это очень важно и не могло не найти отражение на корпоративной культуре вуза. И здесь встает вопрос о конкурентоспособности вуза, его особенно-го «духа», успешности и привлекательности как для сотрудников, так и студентов. Успешность в нашем случае – это удовлетворенность условиями работы и учебы, когда совпадают все ожидания и возможности.

В свою очередь удовлетворенность трудом – это субъективная оценка работником своей работы и тем не менее, положительное эмоциональное состояние, которое человек испытывает согласно своим потребностям, связанным с содержанием, степенью соответствия условий работы и вознаграждения его запросам и ценностям [3, с. 45].

Отечественные эксперты предпочитают применять зарубежные методологии в области анализа корпоративных культур, вместо разработки собственных классификаций. Существует несколько причин такого подхода. Во-первых, при изучении социальных процессов возникает фундаментальная сложность: требуется преобразовать качественные показатели в количественные измерители. Во-вторых, создание оригинальной типологии корпоративной культуры требует разработки собственной системы оценок. Серьёзным препятствием становится отсутствие достаточной базы знаний о природе и особенностях корпоративных культур в российских реалиях. Для создания эффективных инструментов оценки необходимо сначала провести обширный сбор данных и глубокое исследование этой сферы. Особую озабоченность вызывает тот факт, что многие исследователи механически переносят западные методики диагностики корпоративной культуры на российскую почву. Такой подход приводит к тому, что существующие типологии не учитывают специфику отечественного бизнеса и не отражают реальные особенности российских компаний. В результате возникает необходимость в разработке адаптированных инструментов анализа, которые будут учитывать как международные практики, так и уникальные черты российского корпоративного пространства [3, с. 46].

Для большей справедливости и решения нашей проблемы нужно остановиться на следующих моментах. Во-первых, вуз – это не организация в классическом ее понимании, а образовательное учреждение, которое осуществляет подготовку высококвалифицированных кадров с высшим образованием и научную деятельность. Высшее

учебное заведение имеет устав и является автономным субъектом правовых отношений, а также может иметь филиалы и представительства в других населенных пунктах и в других странах. Наше образовательное учреждение является филиалом и находится в отдалении от головного вуза, что и будет находить свои особенности в культуре вуза.

Во-вторых, университет – учебное многопрофильное заведение с большим выбором в самых разных областях знания учебных программ, что находит отражение в структуре управления (в своей основе структура появилась более 500 лет назад) и сложной системе подчинения. Вуз – это консервативная организация с устоявшимися традициями и системой взаимоотношений. Любые нововведения и изменения в привычную систему включаются очень сложно и порой негативно. Это связано с тем, что средний возраст работников российских вузов составляет около 49,9 лет. При этом, средний возраст профессоров приближается к 62 годам, а ассистентов к 35 годам (по данным на 5 июня 2023 года университета МИСИС).

Материалы и методы исследований

В современном научном сообществе корпоративная культура рассматривается как многогранное и комплексное явление. На данный момент существует более пятидесяти различных подходов к определению её сущности и структуры, что свидетельствует о многогранности данного феномена. Значительный вклад в изучение корпоративной культуры внесли ведущие исследователи: Э. Шейн, С.С. Фролов, Н.Н. Могутнова, В.А. Спивак, О.С. Виханский [4, 5, 6, 7, 8]. На основе их исследований можно дать следующее комплексное определение. Корпоративная культура представляет собой уникальную систему основополагающих принципов, ценностей и правил поведения, которые:

- формируются в процессе совместной работы сотрудников;
- направлены на достижение общих стратегических целей;
- вырабатываются при адаптации организации к внешним условиям;
- обеспечивают внутреннее единство коллектива;
- доказали свою практическую эффективность.

Эта система проявляется через модели поведения сотрудников, характер взаимодействия между работниками, особенности восприятия себя и окружающего мира, а также через формирование чувства общности и единой судьбы. Таким образом, корпоративная культура выступает как фундаментальный элемент, определяющий уникаль-

ность каждой организации и обеспечивающий её устойчивое развитие [9, с. 176].

В современной России при изучении и систематизации корпоративной культуры широко применяется методология, разработанная известным исследователем Эдгаром Шейном. Его подход служит фундаментальной основой для создания различных классификаций в этой области. Согласно концепции Шейна, корпоративная культура имеет трёхуровневую структуру, где каждый уровень отличается степенью видимости для внешнего наблюдателя:

Артефакты – внешние проявления культуры, которые легко заметить. Провозглашаемые ценности – официально заявленные принципы организации. Базовые представления – глубинные убеждения и установки, формирующие поведение сотрудников [4, с. 36].

Такая многоуровневая система позволяет более глубоко анализировать и понимать сущность корпоративной культуры, учитывая как видимые, так и скрытые аспекты её проявления в организации.

Результаты исследований закрыты для широкого круга консультантов, т.к. отсутствие достаточной информации о корпоративной культуре российских предприятий, несовпадение собственного опыта и существующих классификаций, которое приводит к необходимости новой интеграции накопленного эмпирического материала и теоретических разработок, обусловлено спецификой российского контекста, неучтенными национальными особенностями. Поэтому российские специалисты вынуждены расходовать ресурсы на разработку новых типологий вместо того, чтобы совершенствовать готовые классификации [10].

Оказывающих воздействие на трудовое поведение и удовлетворенность своим трудом существует много факторов. К наиболее значимым можно отнести: человека с личностными особенностями (мотивацией, ожиданиями, ценностями, которые человек транслирует и самооценкой), взаимоотношения с коллективом (атмосфера в команде, поддержка со стороны коллег и руководства), влияние руководства, непосредственно условия труда (физический комфорт, безопасность, организация рабочего места, режим работы), содержание работы (ее интересность, возможность проявления инициативы и творчества, наличие вызовов и задач, соответствующих навыкам, знаниям и интересам работника), наличие вознаграждения (заработная плата, похвала, бонусы, премии, возможности карьерного роста, признание), а также внешнюю среду, принятые в организации нормы, правила и стандарты. Именно правила и стандарты деятельности с позиции

управления определяются для конкретной организации [11, с. 50-51].

Корпоративная культура в организации выполняет две ключевые функции: предотвращает деструктивное поведение и способствует повышению эффективности труда. Роль руководства в формировании корпоративной культуры является определяющей. Именно управленцы обладают наибольшим потенциалом влияния на человеческий ресурс компании. Однако существует важный нюанс: часто представления руководителей о том, что мотивирует сотрудников, не совпадают с реальной ситуацией. Поэтому критически важным становится проведение регулярных исследований мотивационных факторов работников. Это позволяет понимать истинные стимулы персонала, корректировать управленческие решения, создавать более эффективную систему корпоративной культуры, повышать производительность труда [2, с. 2102].

Таким образом, формирование «правильной» корпоративной культуры – это не просто задача руководства, а стратегический инструмент управления человеческими ресурсами, требующий глубокого понимания потребностей и мотивов сотрудников.

Образование призвано стать локомотивом общественного развития, опережая другие сферы человеческой деятельности. В современных условиях особенно остро стоят вопросы совершенствования образовательной системы.

Существует ряд ключевых направлений, требующих немедленного внимания. Это и повышение качества профессиональной подготовки специалистов, развитие современной модели непрерывного образования, увеличение инвестиционной привлекательности образовательного сектора. В связи с этим возникает острая необходимость в оперативном внедрении инновационных образовательных технологий. Именно сейчас настало время для целенаправленной реализации эффективных решений, способных обеспечить качественный прорыв в сфере образования и создать прочную основу для дальнейшего развития общества. Успешная реализация этих задач позволит не только соответствовать текущим требованиям рынка труда, но и сформировать потенциал для будущего прогресса во всех сферах общественной жизни.

Особого внимания заслуживает уникальное явление, которое сложно описать словами, но которое прекрасно осознаётся всеми участниками образовательного процесса – корпоративный дух организации. Он складывается из нескольких ключевых компонентов:

- характер взаимоотношений между сотрудниками;
- стиль общения преподавателей и студентов;
- культурный уровень взаимодействия как в академической среде, так и за её пределами;
- устоявшиеся традиции учебного заведения.

Формируя некую атмосферу, особый «дух» учреждения, корпоративная культура повышает производительность, тем самым повышая удовлетворенность трудом сотрудниками, ускоряя приобретения требуемых навыков; способствует сплочению коллектива, направляет всех участников процесса на достижение общих целей, создаёт фундамент для движения к успеху. Сотрудник, который не доволен своей работой, представляет угрозу не только финансам, но и имиджу организации в целом. И руководству, которое не задумывается о корпоративной культуре приходится сталкиваться с такими явлениями как: нарушение трудовой дисциплины, межличностными конфликтами, снижением продуктивности, не вовлеченность сотрудников и безразличие к результату.

Образовательный процесс реализуется только через взаимодействие его участников, в ходе которого они узнают друг друга, накапливают информацию. Информация расширяется, углубляется, она состоит из большого ряда событий, суждений, оценок, выводов. Не все они равнозначны, не все технологичны для использования. Велико информационное поле образовательного процесса. Для того, чтобы правильно воспользоваться информацией, и нужна диагностика – без нее не обойтись [12, с. 31].

Одним из показателей влияния культуры на поведение является вовлеченность сотрудников, преподавателей и студентов в жизнь вуза. Многие исследователи относят вовлеченность к качественным характеристикам деятельности, а, следовательно, она является трудноизмеримым. Проследить влияние именно корпоративной культуры также сложно, но людям важно знать, что их успех не зависит от прихоти начальника или другого человека [2, с. 2101]. Сотрудники, настроенные к работе положительно, обладают более развитым чувством ответственности и у них есть инструменты для измерения вклада в общее дело.

Для эффективного развития организации необходимо внедрять прозрачные системы оценки и выстраивать грамотную работу с персоналом. Механизм обратной связи играет особую роль в управлении персоналом. Он позволяет собирать мнения сотрудников о работе компании, оценивать эффективность управленческих решений, анализировать рабочие процессы и технологии,

выявлять проблемные зоны. Важное преимущество системы обратной связи заключается в том, что она даёт сотрудникам возможность делиться идеями по улучшению рабочих процессов, предлагать решения существующих проблем, вносить вклад в развитие корпоративной культуры. Когда работники могут открыто высказывать своё мнение и видеть, что их предложения учитываются, то это не только повышает их вовлечённость в работу, укрепляет лояльность к компании, но и мотивирует к профессиональному росту и способствует формированию командного духа.

Однако важно помнить: сбор обратной связи эффективен только при условии, что руководство готово рассматривать предложения сотрудников, компания способна внедрять необходимые изменения, персонал видит конкретные результаты своей инициативы [13].

К сожалению, в большинстве организаций и в вузе в том числе, нет налаженного механизма обмена мнениями и культуры обратной связи. Это порождает разночтения, слухи, сплетни и приводит к серьезным конфликтам.

Оценка эффективности работы сотрудников может осуществляться разными способами. Хотя количественные показатели (цифры) являются удобным инструментом измерения результатов, их применение имеет свои ограничения. Важно понимать: не для всех профессий возможно установить чёткие числовые критерии оценки. В случаях, когда цифровая оценка затруднительна, можно использовать альтернативные методы: анкетирование коллег, опросы студентов (для преподавателей), или использовать качественную оценку результатов работы и анализ достижения поставленных целей. Такой подход позволяет получить более полную картину эффективности работы сотрудника, учитывая специфику его профессиональной деятельности. При этом важно помнить, что качественная оценка должна быть объективной, справедливой, понятной для всех участников процесса и основанной на реальных результатах работы.

Как корпоративная культура воздействует на трудовое поведение сотрудников и преподавателей вуза позволят оценить перечисленные показатели. Зафиксировать динамику изменений, происходящих в коллективе поможет постоянный мониторинг. Каждый из показателей находится под влиянием элементов корпоративной культуры, что в свою очередь способствует формированию соответствующего трудового поведения в конкретной организации. Например, трудовое поведение, которое можно оценить через показатель трудовой дисциплины [2, с. 2096].

Считаем важным отметить, что рынок труда, в сильнейшей степени влияющий и на рынок образовательных услуг, выдвинул новые требования к подготовке будущих специалистов, которые нашли свое отражение в новых профстандартах, направленных на подготовку более компетентных, адаптированных к современным требованиям рынка труда специалистов, способных не только выполнять свои трудовые обязанности, но и вносить вклад в развитие общества. Немаловажное значение приобрели личностные качества и уровень развития общей культуры сотрудников. Это:

- порядочность, честность, справедливость;
- ответственность, самостоятельность, коммуникабельность;
- общая культура (эрудиция, начитанность, знание этикета, эстетический вкус);
- открытость, готовность обсуждать и выслушивать;
- доброжелательное отношение к людям;
- самоуважение;
- уважение и терпимость по отношению к другим (отдельным лицам, представителям этнических и культурных групп), их образу жизни;
- забота о благосостоянии общества;
- приверженность идеалам демократии;
- патриотизм и гражданственность;
- работа в команде;
- понимание ценности образования как открывающего путь к новым представлениям, понятиям, творческим возможностям [14, с. 7-9].

Часто из-за ощущения бесполезности работы и отсутствия влияния на жизнь окружающих возникает профессиональное выгорание. Это порождает у сотрудников чувство собственной ненужности и демотивирует их. Ситуация кардинально меняется, когда работники чётко осознают свои сильные стороны, понимают значимость своей роли в общем процессе, видят возможности для профессионального роста. В таких условиях сотрудники проявляют повышенную вовлечённость в рабочий процесс, готовность к достижению поставленных целей, большую самоотдачу. Ключевую роль в формировании такой атмосферы играет стиль руководства. Эффективный руководитель в большей степени должен поддерживать открытый диалог с подчинёнными, признавать заслуги каждого члена команды, создавать условия для ощущения причастности к общему делу. Именно способность руководителя создать правильную атмосферу определяет успех всей команды и мотивацию каждого сотрудника, что особенно актуально для образовательных учреждений [15, с. 150].

Резюмируя вышеизложенное, считаем вопрос корпоративной культуры чрезвычайно важным.

Необходимо четко понимать, что корпоративная культура присутствует в каждом учреждении независимо от того, осознает это коллектив или нет.

Анализ корпоративной культуры осуществляется через исследование различных уровней организационных проявлений.

Внешний уровень включает в себя:

- деловой дресс-код и стиль одежды сотрудников;
- особенности коммуникации между руководством и подчинёнными, специфику корпоративного общения, языковые особенности и профессиональный сленг;
- архитектурное решение помещений, организацию рабочего пространства, планировку рабочих зон;
- временной менеджмент;
- корпоративные слоганы и девизы;
- преобладающую эмоциональную атмосферу.

Внутренний уровень охватывает:

- базовые ценности организации;
- официально заявленные цели;
- стратегическое видение;
- философские основы компании;
- коллективные убеждения;
- совпадающие мнения сотрудников.

Такой многоуровневый подход позволяет получить полное представление о корпоративной культуре и её влиянии на деятельность организации. Каждый элемент вносит свой вклад в формирование уникальной атмосферы и определяет особенности взаимодействия внутри коллектива [16].

И то, что обычно остается за пределами исследований – базовые представления. К базовым представлениям относятся мысли и чувства, неосознанные убеждения и представления членов коллектива, особенности восприятия.

Изучение организационной культуры осуществляется с помощью проверенных временем исследовательских методик, заимствованных из психологии и социологии. В арсенале исследователей присутствуют следующие основные методы: наблюдение, опрос, тестирование, моделирование. Эти методы позволяют получить достоверные данные об особенностях корпоративной культуры и её влиянии на эффективность работы организации. Каждый из них имеет свои преимущества и может применяться как самостоятельно, так и в комплексе с другими для достижения наиболее точных результатов исследования.

На основе тщательного анализа научной литературы в области методологии можно выделить два фундаментальных показателя для оценки ре-

зультативности любой человеческой деятельности: продуктивность – количественно-качественный показатель результатов работы; удовлетворенность – психологическое состояние, отражающее внутреннюю оценку деятельности.

Эти критерии являются универсальными и применимы для исследования эффективности работы в различных сферах деятельности. Они позволяют оценить как объективные результаты труда, так и субъективные ощущения участников процесса, что даёт наиболее полную картину эффективности деятельности. Первый критерий отражает практическую сторону работы, а второй – её психологический аспект, что в совокупности даёт целостное представление об эффективности деятельности человека.

Исследуя коллектив, совокупность индивидуальностей, а не одну, отдельно взятую личность, педагог вынужден подчиняться той системе распознавания, которая существует в общественной практике самого широкого плана, включая и педагогическую. Суть состоит в том, что сознание каждого члена общества всегда содержит комплекс норм и правил поведения, которые определяются социальными нормами общества и теми жизненными представлениями, которые формируются в сознании человека под влиянием его

практической деятельности. Все это вместе взятое и составляет своего рода модель, по которой определяются норма или отклонения [17, с. 86-87].

Для того чтобы оценить влияние корпоративной культуры вуза на эффективность и удовлетворенность трудом, необходимо диагностировать реальные возможности формирования культурного пространства – определенного порядка осуществления деятельности вуза, состояние ее структурных элементов, способствующих повышению эффективности функционирования.

Результаты и обсуждения

В 2025 году было проведено анкетирование [18] среди сотрудников вуза (института, филиала Университета), в котором приняли участие 22 человека, и были выявлены следующие показатели.

Отвечая на вопрос 1 «Как Вы считаете, насколько в нашей организации развита корпоративная культура», 9% опрошенных говорят об очень высокой развитости корпоративной культуры. Также 9% респондентов ответили о низкой развитости корпоративной культуры. Практически 55% опрашиваемых отметили высокий уровень культуры, 30% – средний уровень (рис. 1). Как видно из рис. 1, большая часть респондентов отмечает высокий и очень высокий уровень развития культуры в институте.

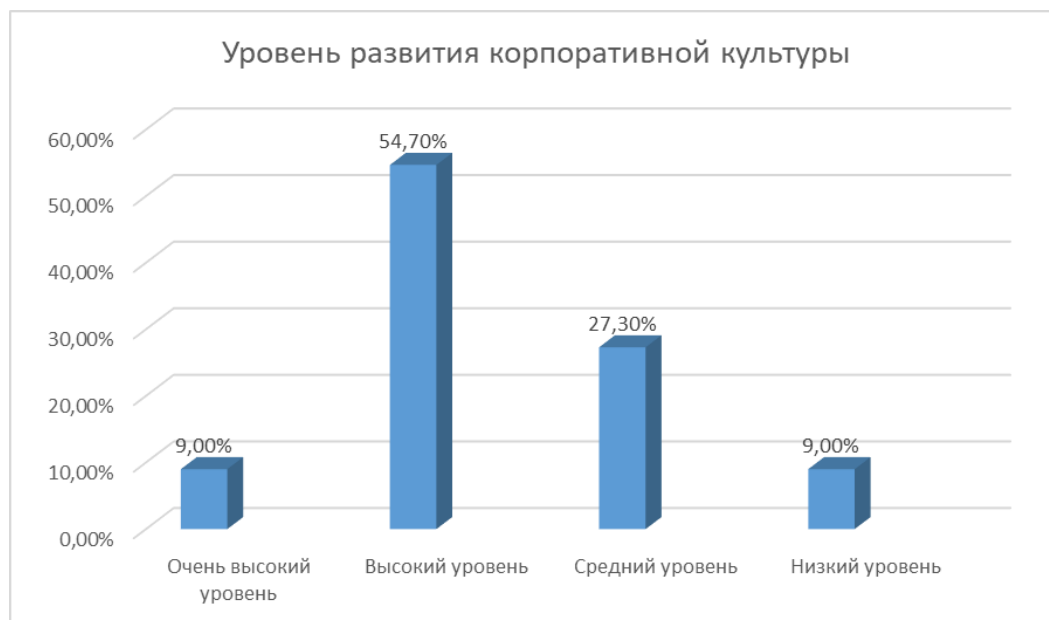


Рис. 1. Уровень развития корпоративной культуры в организации. Источник: Составлено авторами на основании результатов анкетирования сотрудников вуза.

Fig. 1. The level of development of corporate culture in the organization. Source: Compiled by the authors based on the results of a survey of university employees.

На вопрос 2 «Как вы понимаете, что такое корпоративная культура?» ответы респондентов распределились следующим образом:

- для 63,6% опрошенных первостепенное значение имеют культура общения, взаимоотношения, внешний вид, символика;
- такое же количество респондентов 63,6% отметили установленные в учреждении традиции и обычаи;
- для 54,5% сотрудников важна мотивирующая составляющая;
- 81,8% опрошенных отметили общие цели, преданность и лояльность к учреждению.

Атмосфера в коллективе (вопрос 3) оценивалась по трем параметрам:

- хорошие взаимоотношения друг с другом – 63,6%;
- кооперация в сложных ситуациях – 27,3% опрошенных;
- долгое разрешение конфликтных ситуаций отметили 18,2%;

В пункте 4 «Уровень мотивации сотрудников» ответы распределились следующим образом:

- не вызывает нареканий сотрудников система заработной платы и полностью налажена система мотивации – по 72,7%;
- согласились с тем, что мотивация сотрудников и переход на новые должности аргументированы и прозрачны, 63,6% сотрудников организации.

Вопрос 5 «Существование корпоративных традиций и досуга» показал высокие результаты:

- у нас проводятся культурные и спортивные мероприятия, конкурсы, я посещаю совместные мероприятия, мне известна история создания моего учреждения – 100% сотрудников организации;
- у нас существует традиция отмечания совместных праздников – 91% опрошенных;

На шестой вопрос «Какие элементы корпоративной культуры Вы бы внедрили в учреждение?» большая часть респондентов (91%) за посещение театров и музеев, совместные экскурсии; 81,8% ответила про спортивные праздники и выезды на природу; мероприятия, связанные с командообразованием, хотели бы посетить 81,8% опрошенных; всего хватает ответили 36,4%.

«Как Вы думаете, насколько такие мероприятия способствуют» (вопрос 7):

- оздоровлению отношений в коллективе, расслаблению и снятию напряженности от работы и развитию чувства своей нужности и важности для учреждения – 91%;
- реализации кадровой политики, укреплению лояльности сотрудников учреждения, раскрытию

творческих возможностей отдельного сотрудника – 81,8% – 81,8%;

- нематериальному стимулированию сотрудника – 63,6%.

В ответах на восьмой вопрос «Как Вы оцениваете степень внутриорганизационного сотрудничества?» показатели распределились следующим образом:

- между коллегами (высокая, средняя, низкая) – 36,4%, 63,6% и 0% соответственно;
- между начальником и подчиненным (высокая, средняя, низкая) – 72,7%, 18,2% и 9,1% соответственно;
- между сотрудниками из разных подразделений (высокая, средняя, низкая) – 36,4%, 63,3% и 0% соответственно;
- между подразделениями (высокая, средняя, низкая) – 27,3%, 72,3% и 0% соответственно.

Результаты ответов на вопрос 9 «Как обычно ведёт себя Ваш непосредственный начальник?»:

- 81,8% опрошенных сказали, что он отмечает мое усердие;
- 63,6% руководитель дает четкие указания;
- 72,7% отметили, что он объективно оценивает меня;
- 54,5% считают, что руководитель заботится о наших личных контактах в учреждении.

Вопрос 10 «Наше учреждение предоставляет высококачественные продукты и услуги (в том числе образовательные)» показал следующее: 91% опрошенных полностью согласны с этим утверждением.

С 11 пунктом «В нашем учреждении много времени уделяется развитию сотрудников» согласились 63,6%.

«Каждый знает, что он делает. Все обязанности строго распределены» (вопрос 12) – 54,5% от общего числа опрошенных.

Наше учреждение очень успешно на рынке (вопрос 13) – 45,5% респондентов.

Все сотрудники, если потребуется, останутся сверхурочно (вопрос 14) – 54,5%.

В нашем учреждении доверяют сотрудникам (вопрос 15) – 54,5%.

Наше учреждение серьезно относится к претензиям и жалобам получателей услуг (вопрос 16) – 72,7%.

Наше учреждение динамично развивается (вопрос 17) – 72,7% опрошенных.

Среди трех наиболее сильных преимуществ организации (вопрос 18) большинство респондентов отметили монополизм в районе, уникальность, а также опыт и квалификацию сотрудников, в том числе профессионализм преподавательского со-

става. Среди трех наиболее слабых звена учреждения (вопрос 19) отмечены материально-техническая база, теснота, отсутствие финансирования и самостоятельности в принятии решений (зависимость от головного Университета).

Отличительные черты типичного работника учреждения (вопрос 20), по мнению респондентов – профессионализм, отзывчивость, креативность, коммуникабельность и отстраненность.

На 21 вопрос «Что Вам больше всего нравится в нашем учреждении?» ответы были разнообразны: работать, любимая профессия, совместные поездки, ухоженность, адекватный коллектив и руководство, скидки в ФОК, режим работы, маленький коллектив, возможность реализовывать проекты, напрямую не связанные с основной деятельностью, наличие буфета))

Вопрос 22 «Что Вам больше всего не нравится в нашем учреждении?» выявил 3 важных направления: нет эффективно работающего информационного канала между сотрудниками (нет сплоченности в коллективе), устаревшая материально-техническая база, избыточная бюрократия со стороны головного Университета.

Предложения, прозвучавшие от сотрудников организации: надо расширяться (в материально-технической базе, также территориально, так и в новых направлениях по специальностям), объединяться в слаженный коллектив, организовывать совместные мероприятия для студентов и сотрудников, оформить тематически кабинеты, озеленить их.

Исходя и вышесказанного, можно сделать вывод, что в целом показатели корпоративной культуры в организации находятся на достаточно высоком уровне. Коллектив функционирует как слаженный механизм, однако нуждается в совершенствовании материально-технической базы и выстраивании доверительных и открытых отношений в коллективе, формировании здоровых, уважительных взаимоотношений внутри команды.

Для того, чтобы определить степень удовлетворенности трудом, по мнению некоторых психологов и исследователей, задавать такие вопросы некоторым людям бессмысленно. Получить точный ответ не позволяют прямые вопросы работникам — подчиненные увиливают, обманывают, потому что боятся потерять работу, пока не найдут новую. Их уровень удовлетворенности трудом можно

определить только с помощью тестов и психологических исследований.

Выводы

Итак, мы рассмотрели основные положения и показатели корпоративной культуры, очевидно, что в целом данные показатели в организации находятся на достаточно высоком уровне. Коллектив функционирует как слаженный механизм, однако нуждается в совершенствовании материально-технической базы и выстраивании доверительных и открытых отношений в коллективе, формировании здоровых, уважительных взаимоотношений внутри команды.

Сформированная система ценностей и правил поведения в высшем учебном заведении играет ключевую роль в обеспечении единого направления развития всего коллектива. Однако сегодня наблюдается недостаток практических исследований корпоративной культуры вузов, что обусловлено двумя основными причинами:

1. Недостаточное осознание проблемы со стороны руководства: отсутствие понимания важности формирования и изменения корпоративной культуры, непонимание механизмов передачи культурных ценностей, неясность влияния культуры на финансовые показатели.

2. Готовность к практическим действиям даже при осознании существующих проблем. Отсутствие желания предпринимать конкретные шаги по их решению.

Таким образом, существует серьезный разрыв между пониманием необходимости развития корпоративной культуры и реальными действиями по её совершенствованию в вузовской среде. Это создает препятствия для эффективного развития образовательных организаций и формирования единого вектора движения коллектива.

Проблема поиска своего российского стиля организационной культуры в вузе остается актуальной и по сей день, поэтому необходимо продолжать исследования в этом направлении. Таким образом, культурой нужно заниматься не менее серьезно, чем любыми другими аспектами деятельности образовательного учреждения, грамотно осуществлять диагностику, анализировать факторы, оказывающие на нее наибольшее воздействие, осуществлять корректировку тех или иных ее элементов и параметров.

Список источников

1. Жуковская И.Ф. Человеческий капитал – главный фактор развития современной экономики // Экономика образования. 2015. № 1. С. 63 – 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-glavnyy-faktor-razvitiya-sovremennoy-ekonomiki>.
2. Балашова Н.В., Пилипейко Ю.Е. Влияние организационной культуры на формирование трудового поведения работников компании // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 12. С. 2093 – 2108.
3. Горина Т.С. Применение типологий для изучения корпоративной культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Филос. 2013. № 2 (20). С. 45.
4. Шейн Э. Организационная культура и лидерство: учебник: пер. с англ.: пер. И. Малкова; под ред. Т.Ю. Ковалевой. СПб.: Питер, 2013. 352 с.
5. Фролов С.С. Социология организаций: учебник. М.: Гардарики, 2001. С. 123.
6. Могутнова Н.Н. Корпоративная культура: понятие, подходы // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 133.
7. Спивак В.А. Корпоративная культура: теория и практика. М.: Питер, 2001. С. 345.
8. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: учебник. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономистъ, 2008. С. 532.
9. Слепцова Е.В., Овезова К. Организационная культура как фактор управления поведением персонала в организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 9. С. 175 – 177. doi: 10.24411/2411-0450-2018-10034
10. Управление корпоративной культурой: ключевые аспекты и методы [Электронный ресурс] // моякоманда.рф. 21.02.2025. URL: [https://xn--80aalwjbieb2o.xn--p1ai/blog/stati/upravlenie-korporativnoy-kulturoj#:~:text=\(дата обращения: 25.03.2025\)](https://xn--80aalwjbieb2o.xn--p1ai/blog/stati/upravlenie-korporativnoy-kulturoj#:~:text=(дата обращения: 25.03.2025))
11. Смирнова Е.Г. Теоретическое исследование взаимосвязи удовлетворенности и вовлеченности сотрудников с социально-экономическими показателями деятельности производственного предприятия // Молодой ученый. 2024. № 6 (505). С. 50 – 56. URL: <https://moluch.ru/archive/505/111087>
12. Охрименко И.Б. Структура и содержание педагогического мониторинга успешности воспитательного процесса в гимназии: дис... канд. пед. наук: 13.00.02. Урал. гос. педаг. университет, Екатеринбург, 2001. – 82 с.
13. Как получить обратную связь от сотрудников [Электронный ресурс] // Happy-job.ru. 2024. URL: [https://happy-job.ru/types-of-surveys/poll-feedback/#:~:text=\(дата обращения: 25.03.2025\)](https://happy-job.ru/types-of-surveys/poll-feedback/#:~:text=(дата обращения: 25.03.2025))
14. Юсупова С.М. Факторы вовлеченности персонала в организации // Гуманитарный научный журнал 2022. № 1. С. 3 – 12.
15. Мешков А.Ю. Структура корпоративной культуры // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 10 (269). С. 148.
16. Что такое корпоративная культура и зачем она нужна организациям [Электронный ресурс] // grandawards.ru. 07.11.2024. URL: <https://grandawards.ru/blog/chto-takoe-korporativnaya-kultura-i-zachem-onanuzhna-kompaniyam/> (дата обращения: 25.03.2025)
17. Баева О.Н., Кравчук А.Я. Выявление предпочтительной структуры трудовой мотивации педагогических работников // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2009. № 1. С. 85 – 88.
18. Проскурнина Ю.А. Оценка степени удовлетворенности сотрудников корпоративной культурой // Human Progress. 2019. Т. 5. Вып. 6. URL: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_6/Proskurnina.pdf, свободный. DOI 10.34709/IM.156.7 (дата обращения: 25.03.2025)

References

1. Zhukovskaya I.F. Human capital is the main factor in the development of the modern economy. Economics of education. 2015. No. 1. P. 63 – 68. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-kapital-glavnyy-faktor-razvitiya-sovremennoy-ekonomiki>.
2. Balashova N.V., Pilipeyko Yu.E. The influence of organizational culture on the formation of work behavior of company employees. Labor Economics. 2023. Vol. 10. No. 12. P. 2093 – 2108.
3. Gorina T.S. Application of typologies for the study of corporate culture. Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 7, Philos. 2013. No. 2 (20). P. 45.
4. Shane E. Organizational Culture and Leadership: textbook: trans. from English: trans. I. Malkov; edited by T.Yu. Kovaleva. SPb.: Piter, 2013. 352 p.
5. Frolov S.S. Sociology of Organizations: textbook. M.: Gardariki, 2001. P. 123.
6. Mogutnova N.N. Corporate Culture: Concept, Approaches. Sociological Research. 2005. No. 4. P. 133.
7. Spivak V.A. Corporate Culture: Theory and Practice. M.: Piter, 2001. P. 345.

8. Vikhansky O.S., Naumov A.I. Management: textbook. 4th ed. revised and enlarged. M.: Economist, 2008. P. 532.
9. Sleptsova E.V., Ovezova K. Organizational culture as a factor in managing personnel behavior in an organization. Economy and business: theory and practice. 2018. No. 9. P. 175 – 177. doi: 10.24411/2411-0450-2018-10034
10. Corporate culture management: key aspects and methods [Electronic resource]. moyakomanda.rf. 02/21/2025. URL: [https://xn--80aalwjbieb2o.xn--p1ai/blog/stati/upravlenie-korporativnoj-kulturoj#:~:text=\(date of access: 03.25.2025\)](https://xn--80aalwjbieb2o.xn--p1ai/blog/stati/upravlenie-korporativnoj-kulturoj#:~:text=(date of access: 03.25.2025))
11. Smirnova E.G. Theoretical study of the relationship between employee satisfaction and involvement with socio-economic indicators of the manufacturing enterprise. Young scientist. 2024. No. 6 (505). P. 50 – 56. URL: <https://moluch.ru/archive/505/111087>
12. Okhrimenko I.B. Structure and content of pedagogical monitoring of the success of the educational process in the gymnasium: diss... candidate of ped. sciences: 13.00.02. Ural state pedagogical university, Yekaterinburg, 2001. -82 p.
13. How to get feedback from employees [Electronic resource]. Happi-job.ru. 2024. URL: [https://happy-job.ru/types-of-surveys/poll-feedback/#:~:text=\(date of access: 25.34.2025\)](https://happy-job.ru/types-of-surveys/poll-feedback/#:~:text=(date of access: 25.34.2025))
14. Yusupova S.M. Factors of personnel engagement in the organization. Humanitarian scientific journal 2022. No. 1. P. 3 – 12.
15. Meshkov A.Yu. Structure of corporate culture. Bulletin of SUSU. 2012. No. 10 (269). P. 148.
16. What is corporate culture and why do organizations need it [Electronic resource]. grandawards.ru. 07.11.2024. URL: <https://grandawards.ru/blog/chto-takoe-korporativnaya-kultura-i-zachem-ona-nuzhna-kompaniyam/> (date of access: 03.25.2025)
17. Baeva O.N., Kravchuk A.Ya. Identification of the preferred structure of labor motivation of teaching staff. Bulletin of the Irkutsk State University of Economics. 2009. No. 1. P. 85 – 88.
18. Proskurnina Yu.A. Assessing the degree of employee satisfaction with corporate culture. Human Progress. 2019. Vol. 5. Issue. 6. URL: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_6/Proskurnina.pdf, free. DOI 10.34709/IM.156.7 (date of access: 25.03.2025)

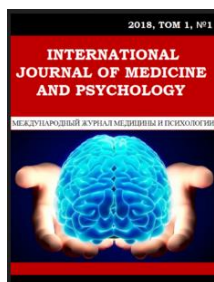
Информация об авторах

Журавель И.Б., кандидат педагогических наук, доцент, Бокситогорский институт, филиал Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, zhuravelib66@mail.ru

Маилян М.А., преподаватель, SPIN-код: 1430-8080, Бокситогорский институт, филиал Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, alvard.mailyan@gmail.com

Кекутия Р.Г., старший преподаватель, Бокситогорский институт, филиал Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, rimageo07@rambler.ru

© Журавель И.Б., Маилян М.А., Кекутия Р.Г., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Крылов А.А.,

^{1, 2} Козьяков Р.В.,

¹ Московский инновационный университет

² Институт психологии Российской Академии наук

Индивидуально-личностные технологии субъекта креативной деятельности

Аннотация: в статье обоснована важность наличия у субъекта высокого уровня профессионального креативного мышления. Охарактеризованы подходы, базовые работы исследователей, составивших теоретико-методологические основы, а также методы при организации нашего исследования. Рассмотрены показатели для самосовершенствования профессионального креативного мышления. Выделены факторы обеспечивающие успешное самосовершенствование профессионального креативного мышления. Рассмотрены подходы (стратегический и тактический) и модели организации профессиональной креативной деятельности. Выделены методы эффективной организации профессионального креативного мышления (фокальных объектов, морфологического анализа, латерального мышления Э. де Боно). Рассмотрена технология индивидуально-личностного подхода, при организации профессионального креативного мышления. В заключении представлены выводы полученные в ходе организации исследования.

Ключевые слова: креативное мышление, подходы, творчество, креативность, субъектность, деятельность, технологии, креативная компетентность

Для цитирования: Крылов А.А., Козьяков Р.В. Индивидуально-личностные технологии субъекта креативной деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 138 – 144.

Поступила в редакцию: 7 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Krylov A.A.,

^{1, 2} Kozyakov R.V.,

¹ Moscow Innovation University

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

Individual and personal technologies of the subject of creative activity

Abstract: the article substantiates the importance of the subject having a high level of professional creative thinking. The approaches, the basic work of the researchers who compiled the theoretical and methodological foundations, as well as the methods for organizing our research are described. The indicators for self-improvement of professional creative thinking are considered. The factors ensuring successful self-improvement of professional creative thinking are highlighted. The approaches (strategic and tactical) and models of the organization of professional creative activity are considered. The methods of effective organization of professional creative thinking (focal objects, morphological analysis, lateral thinking by E. de Bono) are highlighted. The technology of an individual-personal approach in the organization of professional creative thinking is considered. In conclusion, the conclusions obtained during the organization of the study are presented.

Keywords: creative thinking, approaches, creativity, creativity, subjectivity, activity, technology, creative competence

For citation: Krylov A.A., Kozyakov R.V. Individual and personal technologies of the subject of creative activity. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 138 – 144.

The article was submitted: June 7, 2025; Approved after reviewing: August 9, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

В век цифровых технологий, искусственного интеллекта, стремительных изменений и неопределённости субъекту важно быстро и гибко подстраиваться под запросы общества и в этом может помочь развитое на высоком уровне профессиональное креативное мышление.

Во-первых, искусственный интеллект может создавать рациональные креативные продукты, но и в процессе деятельности искусственного интеллекта возможна генерация шизофренических креативных продуктов, которые не находят применения в современном обществе. В связи с этим важно наличие в обществе субъектов, которые могут рациональные креативные продукты, созданные искусственным интеллектом интегрировать в современное общество, но при этом не попадаться на уловки искусственного интеллекта, который создает и шизофренические креативные продукты, которые не находят своего применения в современном обществе. Здесь креативный субъект выступает в роли судьи, отбирая продукты, которые возможно использовать в обществе и отбрасывая (блокируя) продукты, которые не несут ничего положительного для современного общества.

Во-вторых, важная составляющая креативного субъекта – это умение быстро находить оптимальные решения (креативное решение) в критической (проблемной, конфликтной, креативной) ситуации и обращать недостатки (проблемы, затруднения) в новые возможности (преимущества) креативной деятельности. Креативное реагирование на критические ситуации важная составляющая креативного субъекта, которая повышает его преимущества (возможности), по сравнению с субъектами не обладающими высоким уровнем (имеющие посредственный уровень) креативного мышления.

В-третьих, не стоит забывать, что в разных видах профессиональной деятельности, требуются различные компетенции в профессиональном креативном мышлении. Например, профессиональное креативное мышление летчика (оператора БЛА) отличается от профессионального креативного мышления педагога, прозаика (у педагога есть время на принятие креативного решения. Обычно воздействие на обучающихся оказывается мягко, длительно постепенно, а у летчика нужно быстро принимать профессиональное креативное решение или самолет потерпит крушение.

Все выше перечисленное подчеркивает важность обладания субъектами высоким уровнем развития профессионального креативного мышления.

Материалы и методы исследований

В качестве теоретических оснований организации исследования мы использовали структурно-динамический подход Д.В. Ушакова [24], деятельностный и комплексный подходы.

Теоретико-методологические основы организации исследования составили работы следующих ученых: Е.А. Валуевой [3]; Е.А. Валуевой, Н.М. Лаптевой, Н.А. Поспелова, Д.В. Ушакова [4]; Е.А. Валуевой, А.С. Панфиловой, А.С. Рафиковой [5]; Е.А. Валуевой, Д.В. Ушакова [6]; А.Л. Журавлева, Ю. П. Зинченко, Д. А. Китовой, О.А. Первачевой [8]; Ю. П. Зинченко [9; 10]; Ю.П. Зинченко, В.С. Собкина [10]; Р.В. Козьякова [12; 13; 14; 15; 16]; Р. В. Козьякова, А. И. Минина [17]; Д. А. Леонтьева [19; 20]; А.И. Минина, Р. В. Козьякова [21; 22]; Д. В. Ушакова [25].

В качестве базового метода при организации исследования мы использовали аналитические методы: исторический, сравнительный и комплексный анализ.

Результаты и обсуждения

В качестве психологической поддержки самосовершенствования профессионального креативного мышления в постсензитивный период выступает, на наш взгляд: выявление индивидуально-личностных особенностей креативного субъекта важных в конкретном виде профессиональной креативной деятельности; оптимальное (в соответствии с ситуацией креативной деятельности реагирование на затруднительные ситуации (препятствия), возникающие при создании креативных продуктов у креативного субъекта включенного в креативную деятельность.

В качестве факторов, обеспечивающих успешное совершенствование профессионального креативного мышления, можно выделить следующие: включение субъекта в креативный процесс (креативную деятельность) в конкретной организации; обеспечение самоуправления своим эмоциональным состоянием креативного субъекта, при реализации профессиональной креативной деятельности, при создании креативных продуктов; обеспечение целеобразования (оптимальное выстраивание целей, приоритетов организации профессио-

нальной креативной деятельности) креативного субъекта, при реализации своей профессиональной деятельности.

В отношении организации креативной деятельности существуют разные точки зрения.

Технологический подход – разработка технологий, обеспечивающих генерацию креативных продуктов. (Г.С. Альшуллер [1], ТРИЗ и сторонники данной технологии и др.). На наш взгляд данный подход имеет право на существование, но при его использовании в чистом виде может приводить к формированию «инвалидов ТРИЗ» – состояние креативного субъекта, когда креативный субъект усвоил (овладел) технологиями организации профессиональной креативной деятельности, но не может их реализовать в современном обществе. В данной ситуации у креативного субъекта может возникать обида или отчуждение от общества (нежелание общаться с другими людьми и др.) или вера в свои неограниченные возможности.

Стратегический подход – создание условий, обеспечивающих креативный процесс в ходе индивидуальной и групповой деятельности. (Л.С. Выготский [7], А. Н. Леонтьев [18], П.Я. Пономарев [23], О.К. Тихомиров [26] и др.). На наш взгляд данный подход имеет больше перспектив, так как в данном случае сам процесс креативной деятельности выступает, как фактор формирования личности креативного субъекта. Если использовать данный подход в чистом виде, то возможно снижение качества генерируемых продуктов, так организуется в целом креативная деятельность, но не прорабатываются конкретные ее детали реализации (тактики реализации, в чем достаточно хорошо переспели представители технологического подхода).

В целом можно сделать вывод, что наилучшая стратегия организации креативной деятельности, в которой используется интеграция двух подходов (технологического и стратегического (обеспечивающего условия для реализации профессиональной креативной деятельности)).

В соответствии с выше охарактеризованными подходами (стратегический и технологический) к организации профессиональной креативной деятельности выделяют две модели (активизирующая и формирующая) организации профессиональной креативной деятельности.

Первая модель. Активизирующая – в креативной деятельности создаются проблемные ситуации с опорой на возможности (индивидуально-личностные особенности) и проводится развитие (активация) креативной мотивации у субъекта креативной деятельности.

Вторая модель. Формирующая – основное внимание при организации креативной деятельности уделяется целенаправленному формированию креативной компетентности (развитие креативных компетенций и интеграция их в единую систему).

На наш взгляд каждая из выше названных моделей (активизирующая, формирующая) имеет свои достоинства (преимущества) и недостатки (ограничения). Поэтому наиболее оптимально, при организации профессиональной креативной деятельности использовать комплексный подход, который включает в себя обе выше охарактеризованные модели.

Рассмотрим также основные методы развития профессионального креативного мышления.

1. Фокальных объектов – выбираются признаки какого-то объекта, которые переносятся на фокальный объект (находящийся в фокусе внимания в настоящий момент у креативного субъекта). Например, признак мягкий и пушистый можно перенести на фокальный объект (стол), в результате чего возможно создание креативного продукта, как стол обитый мягкой тканью и др.

2. Морфологического анализа – сначала выделяются оси (базовые признаки), а затем каждой из них подбираются возможные элементы (составляющие), которые включаются в данную структуру. Например, выделяются базовые компоненты профессионального креативного мышления (мотивационный, операционный и др.), а затем для каждого из компонентов выделяются показатели (индикаторы), для мотивационного компонента (движущие мотивы, ценностные ориентации и др. показатели.) и для операционного (анализ, синтез обобщение, конкретизация и др. показатели).

3. Латеральное (боковое) мышление Э. де Боно – выделение креативных идей из старых (усвоенных) представлений [2]. При этом автор предлагает использовать данные принципы при организации профессиональной креативной деятельности: выделение условий реализации креативной ситуации (проблемы, задачи, создания креативного продукта); актуализация новых алгоритмов, не заикливаясь на традиционных (ранее усвоенных алгоритмов решения); соединение элементов, на первый взгляд не соединимых в одном объекте.

В качестве приемов генерации креативных идей Э. де Боно предлагает использовать следующие: функциональный анализ, структурный анализ, оценка средств доступных для реализации в конкретной ситуации, оценка достоинств и недостатков креативного объекта, сравнение различных точек зрения на креативный

объект, оценка возможностей (альтернатив) создаваемых конкретной креативной ситуацией.

Резюмируя выше перечисленное важно отметить, что каждый из приемов имеет множество вариантов реализации в конкретной ситуации профессиональной креативной деятельности.

В качестве технологии индивидуально-личностного подхода, при работе с креативным субъектом можно выделить следующее:

На первом этапе снимаются (минимизируются) отрицательные эмоции, препятствующие осуществлению процесса креативной деятельности, и активируются положительные эмоции в ходе создания креативных продуктов.

На втором этапе креативный субъект контролирует действие отрицательных эмоций и пытается активировать положительные эмоции, способствующие процессу успешного решения креативных проблем.

На третьем этапе осуществляется перевод положительных эмоциональных состояний, закреплённых в ходе профессиональной креативной деятельности из возможного (потенциального) в актуальное состояние. В результате начинает проявляться когнитивный стиль, расширенного мышления, который включает в себя целостное восприятие реальности и характеризуется интеграцией эмоционального и когнитивных компонентов профессионального креативного мышления креативного субъекта.

В ходе нашего экспериментального исследования было показано, что отрицательные эмоции увеличивают количество ошибок (генерацию неверных вариантов решения креативных проблем) и увеличивают среднее время решения креативной задачи, по сравнению с эмоционально нейтральной креативной ситуацией. Также нами в ходе экспериментов выявлено, что положительные эмоции увеличивают в среднем количество верных (правильных) вариантов и сокращают среднее время решения креативной проблемы, по сравнению с эмоционально нейтральной креативной ситуацией.

Резюмируя выше перечисленное можно заключить, что управление своим эмоциональным состоянием в процессе профессиональной креативной деятельности позволяет интегрировать эмоциональные и когнитивные процессы креативного субъекта. Интеграция эмоциональных и когнитивных процессов повышает качество и количество создаваемых креативных продуктов субъектом креативной деятельности.

Выводы

Резюмируя все выше перечисленное можно

подвести следующие итоги.

В современном обществе высокую ценность приобретают субъекты, обладающие высоким уровнем профессионального креативного мышления. Важность профессионального креативного мышления обусловлена следующими причинами: искусственный интеллект не всегда создает рациональные, а часто генерирует галлюцинаторные (шизофренические) креативные продукты; важно в любой затруднительной (проблемной, креативной ситуации) принимать наиболее оптимальное решение (креативный подход в организации профессиональной деятельности), которое позволяет видеть для субъекта не только проблемы, но и новые возможности, преимущества; появляются (возникают) специфические виды профессиональной креативной деятельности, предъявляющие особые требования к субъекту профессиональной деятельности.

Рассмотрены теоретические подходы, теоретико-методологические основания, методы организации исследования.

Выделены основания, факторы самосовершенствования организации профессиональной креативной деятельности.

Охарактеризованы подходы: технологический – позволяющий совершенствовать креативные компетенции в сфере профессионального креативного мышления; стратегический – основное внимание направлено на процесс организации профессиональной креативной деятельности.

Рассмотрены модели: активирующая – опирающаяся на учет индивидуально-личностных оснований в организации профессиональной креативной деятельности; формирующая – способствующая развитию креативной компетентности без привязки к конкретной ситуации осуществления креативной деятельности.

Резюмируя выше охарактеризованные подходы и модели организации профессиональной креативной деятельности можно констатировать что в чистом виде они сами по себе содержат крайности и важно их интегративное (комплексное) использование в ходе реальной профессиональной креативной деятельности.

Охарактеризованы базовые методы организации профессиональной креативной деятельности: фокальных объектов, морфологического анализа, латерального мышления Э. де Боно.

Рассмотрена технология индивидуально-личностного подхода, включающая в себя три этапа: минимизации отрицательных эмоций при

создании креативного продукта; самоконтроль креативным субъектом своих отрицательных эмоциональных состояний, с активизацией позитивных эмоциональных состояний; перевод положительных эмоциональных состояний из потенциального состояния в актуальное состояние в процессе генерации креативных продуктов.

В качестве перспективных направлений продолжения исследований мы считаем важным

рассмотрение индивидуально-личностных особенностей профессионального креативного мышления в конкретном виде профессиональной креативной деятельности. В разных областях профессиональной деятельности предъявляют различающиеся требования к профессиональному креативному мышлению креативного субъекта.

Список источников

1. Альтшуллер Г.С. Найти идею: Введение в ТРИЗ – теорию решения изобретательских задач. М: Альпина Паблишер, 2024. 402 с.
2. Боно Э. Искусство думать: Латеральное мышление как способ решения сложных задач М: Альпина Паблишер, 2015. 166 с.
3. Валуева Е. А. Эффект инкубации при решении анаграмм и дивергентных задач: проверка предсказаний модели осознания // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 4. С. 76-84.
4. Валуева Е.А., Лаптева Н.М., Поспелов Н.А., Ушаков Д.В. Феномен инкубации и активация семантической сети // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 4. С. 40 – 51.
5. Валуева Е.А., Панфилова А.С., Рафикова А.С. Автоматическая оценка тестов на вербальную креативность: от лексических баз данных к большим языковым моделям // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21. № 1. С. 202 – 225.
6. Валуева Е.А., Ушаков Д.В. Творческие способности и инкубация: эффект Пуанкаре // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 80 – 89.
7. Выготский Л. С. Лекции по психологии развития // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 2. С. 5 – 22.
8. Журавлев А.Л., Зинченко Ю.П., Китова Д.А., Первачева О.А. Ценностно-смысловые детерминанты профессиональной ответственности в обыденном представлении россиян // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 1. С. 56 – 76.
9. Зинченко Ю.П. Значение научного вклада А. В. Брушлинского для развития субъектно-деятельностного подхода в психологической науке // В сборнике: Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук. Москва, 2023. С. 157 – 159.
10. Зинченко Ю.П. Новые направления исследований в психологическом институте // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 3. С. 28 – 43.
11. Зинченко Ю.П., Собкин В.С. Л.С. Выготский: история будущего // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2024. Т. 47. № 4. С. 11 – 23.
12. Козьяков Р.В. Исторические аспекты и современные тренды психологии профессионального креативного мышления // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-3. С. 372 – 374.
13. Козьяков Р.В. Ресурсы и ресурсность профессионального креативного мышления субъекта // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 468 – 470.
14. Козьяков Р.В. Технология развития коммуникативной компетентности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2006. № 1 (49). С. 111 – 115.
15. Козьяков Р.В. Технология развития коммуникативной компетентности в процессе вузовского обучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2007. № 4. С. 66 – 71.
16. Козьяков Р.В. Эволюция представлений о профессиональном креативном мышлении // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. № 1. С. 60 – 65.
17. Козьяков Р.В., Минин А.И. Непосредственные методы развития креативности, для решения сложных управленческих задач // International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Т. 7. № 8. С. 67 – 78.
18. Леонтьев А.Н. Самозавещание // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2023. Т. 46. № 2. С. 202 – 207.

19. Леонтьев Д.А. Совладание в контексте саморегуляции. часть 1. концептуальные проблемы и вызовы // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 1. С. 5 – 13.
20. Леонтьев Д.А. Совладание в контексте саморегуляции. часть 2. полиресурсная модель // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 2. С. 5 – 12.
21. Минин А.И., Козьяков Р.В. Психологический гомеостаз группы, в корпоративной среде при адаптации к ситуации креативной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 485 – 489.
22. Минин А.И., Козьяков Р.В. Психологические основы групповой креативной деятельности в условиях креативной ситуации // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-3. С. 387 – 390.
23. Пономарев Я.А. Психология творчества // В сборнике: Современные исследования интеллекта и творчества. Сер.: «Экспериментальные исследования» Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, М.А. Холодная. Москва, 2015. С. 431 – 527.
24. Ушаков Д. В. Социальный и эмоциональный интеллект: теоретические подходы и методы измерения // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № S1 (116). С. 144 – 152.
25. Ушаков Д.В. Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 182 – 189.
26. Brushlinskiy A.V., Tikhomirov O.K. On the trend of modern psychology of thinking (An unpublished article from the scientific archive of O.K. Tikhomirov) // National Psychological Journal. 2013. № 2 (10). P. 10 – 16.

References

1. Altshuller G.S. Find an idea: Introduction to TRIZ – the theory of inventive problem solving. Moscow: Alpina Publisher, 2024. 402 p.
2. Bono E. The art of thinking: Lateral thinking as a way to solve complex problems Moscow: Alpina Publisher, 2015. 166 p.
3. Valueva E. A. Incubation effect in solving anagrams and divergent problems: testing the predictions of the awareness model. Questions of Psychology. 2024. Vol. 70. No. 4. P. 76 – 84.
4. Valueva E.A., Lapteva N.M., Pospelov N.A., Ushakov D.V. Incubation phenomenon and activation of the semantic network. Cultural and historical psychology. 2024. Vol. 20. No. 4. P. 40 – 51.
5. Valueva E.A., Panfilova A.S., Rafikova A.S. Automatic assessment of verbal creativity tests: from lexical databases to large language models. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 21. No. 1. Pp. 202 – 225.
6. Valueva E.A., Ushakov D.V. Creativity and incubation: the Poincaré effect. Experimental psychology. 2024. Vol. 17. No. 4. Pp. 80 – 89.
7. Vygotsky L.S. Lectures on developmental psychology. Cultural and historical psychology. 2021. Vol. 17. No. 2. P. 5 – 22.
8. Zhuravlev A.L., Zinchenko Yu.P., Kitova D.A., Pervacheva O.A. Value-semantic determinants of professional responsibility in the everyday understanding of Russians. National Psychological Journal. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 56 – 76.
9. Zinchenko Yu.P. The significance of the scientific contribution of A.V. Brushlinsky for the development of the subject-activity approach in psychological science. In the collection: Man, subject, personality: prospects for psychological research: Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.V. Brushlinsky and the 300th anniversary of the founding of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2023. P. 157 – 159.
10. Zinchenko Yu.P. New directions of research in the psychological institute. Theoretical and experimental psychology. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 28 – 43.
11. Zinchenko Yu.P., Sobkin V.S. L.S. Vygotsky: history of the future. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2024. Vol. 47. No. 4. P. 11 – 23.
12. Kozyakov R.V. Historical aspects and modern trends in the psychology of professional creative thinking. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 87-3. P. 372 – 374.
13. Kozyakov R.V. Resources and resourcefulness of professional creative thinking of the subject. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-1. P. 468 – 470.
14. Kozyakov R.V. Technology of development of communicative competence. Scientific notes of the Russian state social university. 2006. No. 1 (49). P. 111 – 115.

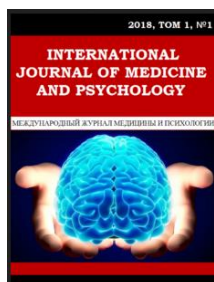
15. Kozyakov R.V. Technology of development of communicative competence in the process of university education. Bulletin of Moscow state regional university. Series: Psychological sciences. 2007. No. 4. P. 66 – 71.
16. Kozyakov R.V. Evolution of ideas about professional creative thinking. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 60 – 65.
17. Kozyakov R.V., Minin A.I. Non-directive methods of developing creativity for solving complex management problems. International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Vol. 7. No. 8. P. 67 – 78.
18. Leontiev A.N. Self-testament. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2023. Vol. 46. No. 2. P. 202 – 207.
19. Leontiev D.A. Coping in the context of self-regulation. Part 1. Conceptual problems and challenges. Psychological Journal. 2025. Vol. 46. No. 1. P. 5 – 13.
20. Leontiev D.A. Coping in the context of self-regulation. Part 2. Polyresource model. Psychological journal. 2025. Vol. 46. No. 2. P. 5 – 12.
21. Minin A.I., Kozyakov R.V. Psychological homeostasis of a group in a corporate environment during adaptation to a situation of creative activity. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-1. P. 485 – 489.
22. Minin A.I., Kozyakov R.V. Psychological foundations of group creative activity in a creative situation. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 87-3. P. 387 – 390.
23. Ponomarev Ya.A. Psychology of creativity. In the collection: Modern studies of intelligence and creativity. Series: "Experimental research" Editors-in-chief: A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov, M.A. Kholodnaya. Moscow, 2015. P. 431 – 527.
24. Ushakov D.V. Social and emotional intelligence: theoretical approaches and measurement methods. Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. 2024. No. S1 (116). P. 144 – 152.
25. Ushakov D.V. Artificial intelligence technologies in psychology. Experimental psychology. 2024. T. 17. No. 4. P. 182 – 189.
26. Brushlinskiy A.V., Tikhomirov O.K. On the trend of modern psychology of thinking (An un-published article from the scientific archive of O.K. Tikhomirov). National Psychological Journal. 2013. No. 2 (10). P. 10 – 16.

Информация об авторах

Крылов А.А., аспирант, Московский инновационный университет

Козьяков Р.В., кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский инновационный университет; докторант Лаборатории психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской Академии наук, kozyakovroman@yandex.ru

© Крылов А.А., Козьяков Р.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 316.6

¹ **Никашин В.А.,**

¹ *Российский государственный социальный университет*

Эффективный помощник руководителя как важный элемент успешности организации

Аннотация: в статье автором актуализируется проблема эффективного помощника руководителя и трансформация требований к его способностям и профессионально-важным качествам личности. Подчеркивается значимость и необходимость в эффективном, профессионально грамотном помощнике руководителя. В статье автор описал содержание термина «эффективный помощник руководителя», а также провел методологический обзор по проблеме эффективности деятельности помощника руководителя. В качестве ведущих принципов своего исследования автором описаны следующие методологические принципы: объективного психологического исследования, психофизического единства, социально-исторического анализа деятельности человека, индивидуализации исследования, генетический принцип, а также принцип множественности представлений и знаний. Кроме того, в основном содержании автором описана структура профессионально важных качеств помощника руководителя, включающая следующие компоненты: организаторский, мотивационный, эмоционально-волевой и когнитивный. Каждый их представленных компонентов имеют психологическую интерпретацию. При этом в статье описан диагностический инструментарий, позволяющий изучить уровень развития каждого из выделенных компонентов. Автором подчеркивается, что в качестве новизны научного исследования является разработанный и описанный авторский опросник по диагностике уровня развития когнитивного компонента в структуре личности помощника руководителя (авт. Каширский Д.В., Никашин В.А.).

Ключевые слова: помощник руководителя, управленческие кадры, требования к управленцам, успешность деятельности организации, психологическая эффективность, психодиагностика личностных черт, профессионально-важные качества, самоэффективность личности

Для цитирования: Никашин В.А. Эффективный помощник руководителя как важный элемент успешности организации // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 145 – 151.

Поступила в редакцию: 8 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Nikashin V.A.,**

¹ *Russian State Social University*

An effective executive assistant as an important element of an organization's success

Abstract: in this article, the author highlights the problem of an effective executive assistant and the transformation of requirements for their abilities and professional-important personal qualities. The article emphasizes the importance and necessity of an effective and professionally competent executive assistant. The author describes the content of the term "effective executive assistant" and provides a methodological review on the effectiveness of executive assistants. The author describes the following methodological principles as the leading principles of his research: objective psychological research, psychophysical unity, socio-historical analysis of human activity, individualization of research, the genetic principle, and the principle of multiple representations and knowledge. In addition, the author describes the structure of the professionally important qualities of a manager's assistant, which includes the following components: organizational, motivational, emotional-volitional, and cognitive. Each of these

components has a psychological interpretation. The article also describes a diagnostic tool that allows for the assessment of the level of development of each of these components. The author emphasizes that the novelty of this research lies in the development and description of an author's questionnaire for diagnosing the level of development of the cognitive component in the personality structure of a manager's assistant (authored by Kashirsky D.V. and Nikashin V.A.).

Keywords: assistant manager, management personnel, requirements for managers, organization's success, psychological efficiency, personality traits, professionally important qualities, and personal self-efficiency

For citation: Nikashin V.A. An effective executive assistant as an important element of an organization's success. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 145 – 151.

The article was submitted: June 8, 2025; Approved after reviewing: August 10, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

В процессе глобализации и конкуренции современного рынка труда, тенденции объединения мирового сообщества, основанной на высокоэффективном уровне техники и технологий, в рамках наиболее актуального ресурса на первый план сегодня выступают управленческие кадры. Сегодня эффективный управленец, в первую очередь должен уметь быстро реагировать на регулярно изменяющиеся условия социума, уметь находить креативные способы решения проблемы, генерировать свои идеи по усовершенствованию качества работы организации, видеть механизм работы различных стратегий и уметь выбрать наиболее подходящую из них в сложившихся условиях, предвидя конечный результат.

Вышеизложенное закономерно обуславливает повышенные требования к управленцам различных уровней, к их способностям, знаниям и навыкам работы [6].

Руководящую деятельность, являющуюся элементом управленческой системы, нецелесообразно изучать отдельно от работников, осуществляющих функцию помощников руководителей. За последние десятилетия значение и функционал помощников руководителей значительно изменился. Под категорией «помощник руководителя» понимается специалист, способный выполнять организационную и административную поддержку своему руководителю и умеющий удерживать контроль над ключевыми рабочими вопросами. Основной его задачей является умение грамотно спланировать рабочий график своего руководителя так, чтобы оставалось время для решения более актуальных проблем организации.

Также в качестве особенностей деятельности помощников руководителя можно отнести не только работу с документооборотом, но и необходимость коммуникации с клиентами, руководителями других организаций, подготовку собраний, конференций, совещаний и пр.

Если резюмировать функционал помощника руководителя, то можно сказать, что он должен отлично справляться как с простыми, текущими задачами организации, так и с более сложными, нестандартными.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что от помощника руководителя во многом будет зависеть успешность деятельности организации.

Специфика деятельности помощника руководителя достаточно широко освещена в трудах как отечественной, так и зарубежной науки: М. Архангельской, Е.В. Батовриной, К. Бэннета, М. Вудкока, А.А. Камышанова, Ф.А. Кузина, Дж. Холланда, Д. Френсиса, Т. Элмера и др.

Так в трудах Британских ученых М. Вудкока и Д. Френсиса рассматриваются способности и умения которые наиболее важны для управления организацией. В статье Л.Х. Бахтегареевой и Ю.Х. Зайдиновой рассматривается термин «психологическая эффективность» в рамках управленческой деятельности [3]. А.А. Камышанов изучает общественный смысл и содержание категории «эффективность» с целью более лучшего понимания сущности эффективности деятельности работников управленческой сферы [4].

Цель и задачи исследования. На основании вышеизложенного, целью нашего исследования является теоретическое обоснование категории «эффективный помощник руководителя», включающей в свою содержательную основу набор профессионально-важных качеств и выступающей в качестве ключевого элемента успешности профессиональной деятельности организации.

Для решения поставленной цели нами были обозначены следующие задачи исследования:

- изучить в научной литературе содержание термина «помощник руководителя»;
- представить методологический обзор по проблеме эффективности деятельности помощника руководителя;

- описать структуру профессионально важных качеств помощника руководителя.

Материалы и методы исследований

Основой нашего исследования является методология, которую предложил Владимир Иванович Тютюнник. На наш взгляд, при достаточно большом многообразии методологических подходов в психологических исследованиях, мы остановились именно на ней в связи с тем, что данный подход в психологической науке является более универсальным для любых видов научных исследований. В своей методологии Владимир Иванович ориентируется на системный подход, который может применяться к разнопредметным представлениям [9].

В нашем научном исследовании мы руководствовались методологическими принципами (С.Л. Рудинштейн) [8]. Рассмотрим их более подробно.

Принцип объективного психологического исследования. Его содержательная база предусматривает использование разного рода методического инструментария, которые находятся в тесной связи с предметом исследования. Содержательная методическая основа базируется на создании проектов и предписаний.

Принцип психофизического единства. Он предусматривает в своем содержательном аспекте единство, но не тождественность физического с психическим в личности. Методология научного исследования всегда имеет подчинение проективным и нормативным требованиям.

Важно до проведения исследования понимать его практическую значимость, так как это прежде всего определяет его актуальность и прикладной характер.

Принцип социально-исторического анализа человеческой деятельности. Его реализация предусматривает верное трактование человеческого поведения и объективных результатов его деятельности. Именно такой подход позволит безошибочно оценить психологическую основу деятельности личности.

Принцип индивидуализации. В ряду задач теоретического психологического исследования стоит описание идентичности личности, ее сущностные основы.

Генетический принцип. Содержание данного принципа предусматривает статистический анализ различных этапов развития и фиксация его актуального уровня. Таким образом, можно отследить динамику в изучаемых явлениях.

Принцип множественности представлений и знаний, которые могут быть отнесены к одному объекту, однако с различных отраслей знания. В то же время, представлениям может быть припи-

сан индекс объективности. В этом случае, остальные знания начинают оцениваться, преобразуясь с целью их соответствия требованиям. В дальнейшей данный индекс объективности может быть перенесен на другое знание об одном и том же объекте познания.

Также в основе данного принципа лежит не одна научная школа, а целый комплекс достижений мировой психологии, в то время как индекс объективности присваивается поочередно всем теориям личности [8].

Результаты и обсуждения

С целью выявления уровня развития профессионально важных качеств помощника руководителя в условиях дистанционной работы нами была проанализирована научная литература по вопросам психодиагностики личности и личностных черт. Проведенный анализ позволил нам систематизировать полученные данные и разработать структуру профессионально важных качеств помощника руководителя. Ее содержание предусматривало выделение компонентов профессионально важных качеств помощника руководителя и описание их характеристик. Кроме того, для нас приоритетной задачей являлось к каждому из компонентов подобрать соответствующий диагностический инструментарий.

Рассмотрим выделенные нами компоненты профессионально важных качеств помощника руководителя более подробно.

Первый компонент – организаторский. Он включает в свое содержание организаторские способности, ответственность, лидерство, креативность, ориентацию на служение). Данный компонент имеет связь с умением организовать деятельность и коллектива и его отдельных членов. Данный критерий диагностируется с помощью теста-опросника «Методика определения организаторских и коммуникативных качеств» Л.П. Калининского» [3]:

Данный диагностический материал имеет целью определить уровни развития следующих качеств личности: направленность личности, деловитость, стремление к лидерству, проявление чувства отзывчивости, высокие требования к другим людям, уступчивость личности, некоторая доля упрямого характера, личностная уверенность, ощущение зависимости, а также некоторые навыки применения психологического такта. Также методика позволяет провести сравнительный анализ как слабых сторон личности так и более сильных [1].

Стандартизированный 16-факторный 64-вопросный тест-опросник «Управленческая креативность» (авт. Е.В. Батоврина)» применяется для

диагностики организаторского компонента компонента в структуре профессионально важных качеств помощника руководителя.

Данный опросник нацелен на измерение уровня креативного развития руководителей и их помощников как на высшем, послевузовском, так и на дополнительном этапах профессиональной подготовки. Он используется в оценке, подборе, аттестации и руководителей организаций.

Данный тест включает в себя 16 креативных, которые считаются наиболее значимыми с точки зрения управления: оригинальное и дивергентное мышление; возможность к генерации большого числа идей; желание познать новый способ в применении объекта; способность анализировать; развитие воображения; диагностика и формулировка проблем; желание найти ассоциации; стремление к самосовершенствованию; проявление индивидуальности; желание разрушить стереотипы; проявление целеустремленности личности; развитая интуиция; развитая мотивация; сосредоточенность внимания; развитие образной памяти [2].

Второй компонент в структуре профессионально важных качеств помощника руководителя – мотивационный. Его содержание включает в себя мотивацию достижения, ориентацию на стабильность места работы – создает у работника готовность к деятельности, способен поддерживать к ней интерес в процессе ее выполнения, регулирует и направляет профессиональную активность работника. Мотивационный компонент мы предлагаем в нашем исследовании диагностировать при помощи «Методики диагностики мотивации на успех и мотивации избегания неудач в деятельности человека Т. Элерса». Содержание данной диагностической процедуры включает диагностику успеха а также диагностику избегания неудач. В основе предложенной методики выступает теория о балансе двух ведущих мотивов личности – мотиве достижения успеха и мотиве избегания неудач. Как считает автор методики, поведение личности при возникновении сложных ситуаций в достижении цели связана с соотношением данных мотивов.

Еще одна методика которая была нами подобрана и направлена на диагностику мотивационного компонента в структуре профессионально важных качеств помощника руководителя – «Методика диагностики степени готовности к риску Г.Шуберта». Под риском мы понимаем действия на удачу, надежда на счастливый исход или как возможность возникновения какой-либо опасности, действия, которые могут быть вызваны ситуацией неопределенности.

Помощнику руководителя необходимо при помощи данной диагностической процедуры оценить степень готовности выполнять какие-либо действия.

Подсчет суммы баллов по данному тестированию оценивается по непрерывной шкале при этом ответы однозначно положительные указывают на склонность личности к риску.

К третьему компоненту в структуре профессионально важных качеств помощника руководителя мы отнесли эмоционально-волевой. Он предусматривает эмоционально-волевую устойчивость личности, а также ее адаптационный потенциал. Данный компонент включает в свое содержание систему побуждений, устойчивых характеристик личности. В качестве характеристик можно отметить стремления, желания и наоборот – миропонимание, а также объекты, против которых личность будет бороться.

Мы считаем, что наиболее подходящей методикой, позволяющей выявить уровень развития исследуемого компонента будет являться «Методики исследования карьерной самооффективности (автор Н. Бетц, адаптация Д. Бондаренко и Е.А. Могилевкина)». Карьерная самооффективность с позиции социально-когнитивной теории предполагает имеющиеся возможности в реализации карьерно-ориентированных действий. Данные действия способны оказать влияние на выбор и успех по карьерной лестнице.

Наиболее сильное влияние на профессиональную самооффективность могут оказать четыре фактора по мнению А. Bandura, G. Hackett и N.E. Betz [10, с. 326-336]:

- состояние эмоционального и физического удовлетворения;
- опыт личности;
- личный опыт косвенного характера;
- способность убеждать.

Поэтому для успешного построения карьеры важно опираться на данные факторы профессиональной самооффективности [10].

При этом, если будет сформирован низкий уровень карьерной самооффективности, это может привести к отсутствию веры в себя, своих способностей [10]. Поэтому только при высоком уровне развития исследуемого признака можно говорить о высоком потенциале в карьере [15, с. 13-22].

Следующей методикой, диагностирующей эмоционально-волевой компонент в структуре профессионально важных качеств помощника руководителя мы применили «Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А.Г. Маклакова, С.В. Чермянина». Данный опросник предназначен для изучения адаптивных воз-

возможностей личности на основе оценки социально-психологических и психофизиологических характеристик личности, которые отражают интегральные особенности социального и психического развития. Опросник относится к стандартизированной методике и рекомендован к использованию для решения задач психологического сопровождения профессиональной и учебной деятельности, а также профессионального психологического отбора.

Полученные результаты по тестированию МЛО интерпретируются от простейших суждений («годен – не годе») до специально сформированной личностной характеристики.

Четвертый компонент в структуре профессионально важных качеств помощника руководителя – когнитивный. Он включает в свое содержание организацию и планирование, а также функционирование познавательной сферы личности. Данный компонент также включает оценку и осознание таких категорий как люди, мир, собственная индивидуальность. Данный компонент включает восприятие личности осознание, понимание, интерпретация возникающей ситуации. Данный компонент проявляется в принятых личностью убеждениях, ценностях, основанных на морали и нравственности, идеалах, вкусах, склонностях. Для выявления уровня развития обозначенного нами компонента мы разработали свой авторский «Опросник по диагностике уровня развития когнитивного компонента в структуре личности помощника руководителя (авт. Каширский Д.В., Никашин В.А.).

В основу авторского «Опросника диагностики уровня развития когнитивного компонента профессионально-важных качеств (ПВК) личности помощника руководителя», легли базовые представления о трудовой деятельности специалиста, который по характеру своей работы обязан осуществлять мониторинг результатов и саму технологию работы, уметь оценивать причины успеха; проявлять инициативу; использовать опыт коллег; выполнять широкий спектр обязанностей; уметь разрешать конфликты; соблюдать профессиональные стандарты; знать конкурентов по бизнесу; быть компетентным, отвечая на профессиональные вопросы; обладать знаниями и навыками стратегического планирования деятельности учреждения; уметь распределять обязанности между членами команды; постоянно повышать профессиональную квалификацию, обладать высокими морально-нравственными качествами и др.

Значительная часть работы помощника руководителя заключается в оценке результатов деятельности сотрудников, а также их соответствия про-

фессиональным стандартам. Помощник руководителя должен систематически мотивировать подчиненных на достижение целей организации.

Даже самый опытный, грамотный руководитель не сможет самостоятельно без поддержки коллектива, его помощника выстоять в сложных конкурентных условиях. Для того, чтобы организация добилась высоких результатов и стала успешной, важно сформировать сплоченный коллектив, который всегда готов помочь, поддержать своих членов, а также продуктивно выполнять свои профессиональные обязанности. Только согласованный характер совместных действий членов коллектива может дать хороший результат и иметь шанс а успешное решение профессиональных задач. Также необходимо уметь грамотно распределять профессиональные обязанности с учетом индивидуальных и возрастных особенностей каждого его члена.

Необходимо помощнику руководителя проявлять инициативу, иметь навыки эффективного сотрудничества с прямыми конкурентами организации.

Следующей методикой, позволяющей диагностировать когнитивный компонент в структуре профессионально важных качеств помощника руководителя является Методика «КАИМА» для диагностики когнитивного стиля «Адаптор-инноватор» М. Киртона, М.В. Прохоровой, А.Д. Терегуловой [7].

Базовой целью подобранного нами диагностического инструментария выявление уровня выраженности адапторско-инноваторского когнитивного стиля (авт. М. Киртон). В качестве когнитивного стиля, по мнению М.А. Холодной, понимаются неповторимые, персональные способы осознания информационного потока о индивидуальных различиях ближайшего окружения. Также данный стиль предусматривает аналитику ситуаций, адекватное понимание и оценку социума [13, с. 39].

Когнитивный стиль в трудах М.А. Холодной, также как и основные положения теории М. Киртона позволили сформировать теоретические основания для раскрытия содержания исследуемого компонента. Адапторский (инноваторский) стиль предполагает наиболее стабильные индивидуальные особенности познавательных процессов субъекта, которые способны выражаться в возможности использования новейших данные для введения их в структуры с целью создания новых структур. При разработке данного тестового материала использовались поведенческие индикаторы Киртона [14, с. 622-629; 13, с. 51-54].

Содержательными областями в контексте выполнения заданий можно считать компоненты, которые были выделены М. Киртоном в процессе проведения факторного анализа [14, с. 622-629]. Так к числу данных компонентов были отнесены следующие из них: оригинальность; личная эффективность; конформизм. К первому из компонентов можно отнести способность личности к творчеству, а также создание новых, новаторских идей. Ко второму из компонентов можно отнести успешность в контексте осуществления профессиональной деятельности в бюрократической формализованной структуре (адаптор) или адхократической организации (инноватор). Третий компонент отражает предрасположенность личности к авторитетному мнению, проявление уважения к сложившимся традициям, нормам и правилам.

Выводы

В качестве методологической основы нашего исследования стали подходы Владимира Ивановича Тютюнника. В своих исследованиях автор при

определении своих научных принципов ориентировался на исследование проблем, решение которых предполагает «связывание» разнопредметных представлений об объекте изучения, которые могут изучаться в разных областях научного знания. Это, прежде всего, принципы объективного психологического исследования, психофизического единства, социально-исторического анализа деятельности человека, индивидуализации исследования, генетический принцип, а также принцип множественности представлений и знаний.

Проведенный анализ научной литературы в контексте диагностики изучения личности и ее черт позволил нам разработать структуру профессионально важных качеств помощника руководителя, в которую вошли следующие компоненты: организаторский, мотивационный, эмоционально-волевой и когнитивный. Каждый из выделенных нами компонентов диагностируется серией диагностических процедур, в соответствии с его содержательной основой.

Список источников

1. Баркалов С.А., Сахарова Л.А., Гнеднева Т.В., Половинкина А.И., Майорова Н.В. Лидерство и управление организацией: учеб. пособие. Воронеж: Науч. кн. Год издания 2012.
2. Батоврина Екатерина Викторовна. Развитие креативности управленцев в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва, 2007. 26 с.
3. Бахтегареева Л.Х., Зайдинова Ю.Х. Влияние рекламы на поведение потребителя // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2018. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2018/06/16123> (дата обращения: 10.03.20245)
4. Деркач А.А. и др. Психологические основы эффективности профессиональной деятельности кадров управления и их непрерывного образования [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: akmelog.narod.ru
5. Калининский Л.П. Методика психодиагностики профессионально значимых и деловых качеств будущего специалиста // Содержание и методы профессионального воспитания студентов. Тюмень, 1981 Д.Я. Райгородский. Психодиагностика персонала. Самара: Бахрах-М, 2007.
6. Майнцер К. Сложность бросает нам вызов в XXI веке: динамика и самоорганизация в век глобализации // Будущее России в зеркале синергетики. М.: КомКнига, 2006. С. 216.
7. Прохорова М.В., Терегулова А.Д. Адаптация методики М. Киртона, диагностирующей адапторско-инноваторский когнитивный стиль // Инновационная экономика XXI века: Материалы Девятой Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: ННГУ, 2013.
8. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии / Акад. наук СССР. Ин-т философии. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 354 с.
9. Тютюнник В.И. Основы психологических исследований: учеб. пособие: Рек. Мин. обр. РФ. М.: УМК Психология, 2002. 207 с.
10. Bandura A. Social foundation of thought and action: A social cognitive theory. N.Y., 1986.
11. Betz N., Hackett G. Concept of Agency in Educational and Career Development // Journal of Counseling Psychology. 1981. 28. P. 399 – 410.
12. Hackett G., Betz N.E. A self-efficacy approach to the career development of women // Journal of Vocational Behavior. 1981. № 8. P. 326 – 336.
13. Holodnaya M.A. Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma. SPb.: Piter, 2004. 384 p.
14. Kirton M. Adaptors and Innovators: A Description and Measure // J. Applied Psychology, 1976. Vol. 61. № 5. P. 622 – 629.
15. Niles S.G., Sowa C.J. Mapping the nomological network of career self efficacy // Career Development Quarterly. 1992. № 41. P. 13 – 22.

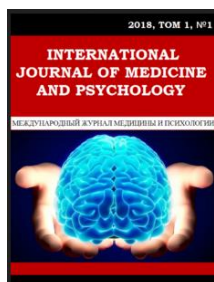
References

1. Barkalov S.A., Sakharova L.A., Gnedneva T.V., Polovinkina A.I., Mayorova N.V. Leadership and management of the organization: textbook. manual. Voronezh: Scientific book. Year of publication 2012.
2. Batovrina Ekaterina Viktorovna. Development of creativity of managers in the process of professional training: author's abstract. diss. candidate of sociological sciences. Moscow state University named after M.V. Lomonosov. Moscow, 2007. 26 p.
3. Bakhtegareeva L.Kh., Zaidinova Yu.Kh. The influence of advertising on consumer behavior. Economy and management of innovative technologies. 2018. No. 6. [Electronic resource]. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2018/06/16123> (date of access: 10.03.20245)
4. Derkach A.A. et al. Psychological foundations of the effectiveness of professional activity of management personnel and their continuous education [Electronic resource]. 2008. Access mode: akmelog.narod.ru
5. Kalininsky L.P. Methodology of psychodiagnostics of professionally significant and business qualities of a future specialist. Content and methods of professional education of students. Tyumen, 1981 D.Ya. Raigorodsky. Psychodiagnostics of personnel. Samara: Bakhrakh-M, 2007.
6. Mainzer K. Complexity challenges us in the 21st century: dynamics and self-organization in the age of globalization. The future of Russia in the mirror of synergetics. M.: KomKniga, 2006. P. 216.
7. Prokhorova M.V., Teregulova A.D. Adaptation of M. Kirton's methodology for diagnosing the adaptor-innovative cognitive style. Innovative Economy of the 21st Century: Proceedings of the Ninth International Scientific and Practical Conference. N. Novgorod: UNN, 2013.
8. Rubinstein S.L. Principles and Ways of Development of Psychology. USSR Academy of Sciences. Institute of Philosophy. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 354 p.
9. Tyutyunnik V.I. Fundamentals of Psychological Research: Textbook: Rec. of the Ministry of Education of the Russian Federation. M.: UMK Psychology, 2002. 207 p.
10. Bandura A. Social foundation of thought and action: A social cognitive theory. N.Y., 1986.
11. Betz N., Hackett G. Concept of Agency in Educational and Career Development. Journal of Counseling Psychology. 1981. 28. P. 399 – 410.
12. Hackett G., Betz N.E. A self-efficacy approach to the career development of women. Journal of Vocational Behavior. 1981. No. 8. P. 326 – 336.
13. Holodnaya M.A. Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma. SPb.: Piter, 2004. 384 p.
14. Kirton M. Adapters and Innovators: A Description and Measure. J. Applied Psychology, 1976. Vol. 61. No. 5. P. 622 – 629.
15. Niles S.G., Sowa C.J. Mapping the nomological network of career self-efficacy. Career Development Quarterly. 1992. No. 41. P. 13 – 22.

Информация об авторе

Никашин В.А., аспирант, Российский государственный социальный университет, ipnikashin@mail.ru

© Никашин В.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Новикова Н.В.,

¹ Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова

Организационно-методические аспекты деятельности выездной психолого-педагогической службы

Аннотация: исследование посвящено проблеме разработки теоретико-методологических основ деятельности выездной психолого-педагогической службы (ВППС), которая в современных условиях становится значимым инструментом поддержки развития и воспитания подрастающего поколения вне условий образовательных организаций. Проектирование модели ВППС выступает важной и актуальной проблемой, требующей разработки на основе научного анализа, с учетом региональной специфики и дифференцированных задач помощи. Целью научного проектирования модели ВППС является разработка эффективной системы оказания квалифицированной помощи детям, родителям и образовательным организациям в условиях отсутствия или ограничения возможностей для обеспечения психолого-педагогического сопровождения. В работе обозначены организационно-методические аспекты деятельности ВППС, обуславливающие доступность, качество и эффективность работы службы.

Ключевые слова: выездная психолого-педагогическая служба, психолого-педагогическое сопровождение, развитие, дети, подростки, семья, образовательная организация

Для цитирования: Новикова Н.В. Организационно-методические аспекты деятельности выездной психолого-педагогической службы // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 152 – 158.

Поступила в редакцию: 9 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Novikova N.V.,

¹ Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov

Organizational and methodological aspects of the activities of the mobile psychological and pedagogical service

Abstract: the study is devoted to the problem of developing theoretical and methodological foundations for the activities of the mobile psychological and pedagogical service (MPPS), which in modern conditions is becoming a significant tool for supporting the development and education of the younger generation outside the conditions of educational organizations. Projection of a model of the MPPS is an important and urgent problem that requires development based on scientific analysis, taking into account regional specifics and differentiated tasks of assistance. The purpose of scientific projection of the MPPS model is to develop an effective system for providing qualified assistance to children, parents and educational organizations in the absence or limited opportunities for providing psychological and pedagogical support. The work identifies the organizational and methodological aspects of the MPPS activities that determine the availability, quality and efficiency of the service.

Keywords: mobile psychological and pedagogical service, psychological and pedagogical support, development, children, teenagers, family, educational organization

For citation: Novikova N.V. Organizational and methodological aspects of the activities of the mobile psychological and pedagogical service. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 152 – 158.

The article was submitted: June 9, 2025; Approved after reviewing: August 11, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

В современном российском обществе проблемам образования и воспитания подрастающего поколения уделяется большое внимание. Приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации выступает создание условий для получения качественного образования, воспитания здоровой и гармоничной личности, гражданина и патриота. Значимая роль в реализации поставленных целей принадлежит психолого-педагогическому сопровождению детей, подростков, семей и образовательных организаций различного уровня. Актуальность научного проектирования модели выездной психолого-педагогической службы также в значительной степени обусловлена спецификой современного этапа развития социума, который насыщен многочисленными чрезвычайными и кризисными ситуациями, оказывающими деструктивное, разрушительное и психотравмирующее воздействие как на личность, так и на жизнедеятельность общества. Результатом такого негативного воздействия является комплекс сложных психологических проблем, острых психогенных состояний, возникающих у различных слоев населения и требующих оказания профессиональной психологической помощи. Вследствие этого особую значимость приобретает деятельность выездной психолого-педагогической службы, которая направлена на оказание не только плановой, но и неотложной, экстренной психологической помощи.

Зачастую люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, либо нуждающиеся в психолого-педагогическом сопровождении по вопросам образования, воспитания и развития детей, проживают в отдаленных, труднодоступных районах, в которых отсутствуют учреждения и организации, на базе которых человек может получить квалифицированную помощь. В частности, такая проблема является актуальной для жителей сельской местности, где часто отсутствуют специалисты и ресурсы для оказания специализированных услуг. В таких случаях профессиональная помощь может быть оказана именно в формате выездной психолого-педагогической службы.

Кроме того, выездная психолого-педагогическая служба может быть полезна для работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья, которые не могут посещать обычные

образовательные учреждения, а также для оказания специализированной помощи другим категориям населения – многодетным семьям, людям с низким уровнем мобильности и др.

Отметим, что по объективным причинам, чрезвычайно острая потребность в оказании выездной психологической помощи населению существует в новых регионах, а также в приграничных районах РФ, на территории которых ведутся активные военные действия.

Таким образом, проектирование модели выездной психолого-педагогической службы является значимой и актуальной проблемой, требующей разработки на основе научного анализа, с учетом региональной специфики и дифференцированных задач помощи.

Целью научного проектирования модели выездной психолого-педагогической службы является разработка эффективной системы оказания квалифицированной помощи детям, родителям и образовательным организациям в условиях отсутствия или ограничения возможностей для обеспечения психолого-педагогического сопровождения.

Материалы и методы исследований

Данное исследование относится к ориентированным фундаментальным исследованиям, нацеленным на получение нового знания, обобщающей теории, выступающей основой для их дальнейшего применения в конкретной практической деятельности. В связи с этим разработка теоретико-методологических основ деятельности выездной психолого-педагогической службы (ВППС) предполагает использование, прежде всего, теоретических методов исследования, в частности, анализа научной литературы и обобщения эмпирических данных по теме исследования.

Теоретический анализ показывает, что в современном научном пространстве деятельность выездных психолого-педагогических служб рассматривается как важный инструмент поддержки развития и коррекции детей и подростков вне условий образовательных учреждений. Исследования в этой области подчеркивают междисциплинарный характер подходов, объединяющих психологию, педагогическую теорию, социологию и медицину. В современных исследованиях различных аспектов деятельности ВППС можно выделить следующие направления:

- исследования психологических основ деятельности, в которых акцентируется внимание на использовании методов диагностики, консультирования и коррекции, основанных на гуманистической, когнитивно-поведенческой и системной психологии [4, 7];

- исследования социальных аспектов оказания помощи населению, проблем межведомственного взаимодействия и интеграции различных служб [5, 6];

- исследования проблем инклюзивного образования и психолого-педагогического сопровождения детей с особыми образовательными потребностями [1, 9];

- исследования инновационных подходов и современных технологий, используемых в образовании и в области оказания психологической помощи [8, 14, 15];

- исследования, представляющие модели экстренной и плановой психологической помощи населению, в том числе, в выездном и дистанционном форматах [3, 11, 12] и др.

Таким образом, исследования подтверждают необходимость использования интегративного подхода к разработке теоретических основ деятельности ВППС, подчеркивают важность индивидуального подхода, учета социально-культурных особенностей аудитории, применения инновационных технологий.

Результаты и обсуждения

Анализ и обобщение научных публикаций и учебно-методических материалов, посвященных теории и практике организации деятельности групп мобильной психологической помощи, созданию системы экстренной и плановой психологической помощи в составе психологической службы в системе образования Российской Федерации, в том числе, в выездном и дистанционном формате [2, 3, 10, 11, 12, 13], позволяют обозначить некоторые организационно-методические аспекты деятельности ВППС: цель, задачи, функции, целевая аудитория, требования к профессиональному уровню специалистов, перечень специалистов, условия работы.

Целью деятельности ВППС является оказание квалифицированной помощи детям, родителям, образовательным организациям, другим слоям населения в условиях отсутствия или ограничения возможностей для обеспечения психолого-педагогического сопровождения.

Основные задачи ВППС направлены на обеспечение комплексной поддержки развития, обучения и социализации детей и подростков вне условий образовательных учреждений:

- диагностика развития и поведения детей: проведение психологического, педагогического и медицинского обследования для выявления особенностей развития, склонностей, проблемных зон, а также диагностика социально-психологических факторов, влияющих на развитие ребенка;

- консультирование родителей, педагогов и детей: обеспечение профессиональных рекомендаций по вопросам воспитания, обучения, коррекции поведения и эмоционального состояния;

- разработка индивидуальных программ поддержки: создание планов коррекционной, развивающей, профилактической работы с учетом особенностей каждого ребенка или группы детей;

- проведение коррекционных и развивающих мероприятий: организация занятий, тренингов, групповых игр, упражнений и др. для формирования необходимых навыков (коммуникативных, эмоциональных, учебных);

- просветительская деятельность: распространение информации о нормах развития, профилактике отклонений, воспитательных технологиях среди детей, подростков, родителей и педагогов посредством проведения лекций, семинаров, распространения информационных материалов и др.;

- профилактическая деятельность: предупреждение возможных проблем в развитии и поведении детей посредством проведения профилактических мероприятий, тренингов по формированию здорового образа жизни и др.;

- поддержка социальной адаптации детей: помощь в адаптации к новым условиям обучения или социальной среды, особенно у детей из социально неблагополучных семей или с ограниченными возможностями;

- координация межведомственного взаимодействия: обеспечение взаимодействия с образовательными учреждениями, медицинскими организациями, социальными службами для комплексной поддержки ребенка;

- мониторинг эффективности проведенной работы: оценка результатов диагностики, коррекционных программ и профилактических мероприятий для корректировки дальнейших действий;

- создание условий для профессионального развития специалистов: обеспечение повышения квалификации сотрудников службы для повышения качества предоставляемых услуг.

Совокупность выделенных задач определяет комплекс соответствующих функций ВППС: образовательной, просветительской, диагностической, коррекционно-развивающей, консультативной, профилактической, социально-педагогической, координационной, инновационной функций, реализация которых позволяет службе выступать

универсальным инструментом поддержки развития личности ребенка в различных условиях вне школы или детского сада.

Основная целевая аудитория, с которой работает ВППС, включает следующие категории населения:

- дети и подростки с отклонениями в развитии или поведении, нуждающиеся в диагностике, коррекции или поддержке вне школьных условий;

- дети и подростки из социально неблагополучных семей, требующие социальной и психологической помощи;

- дети и подростки с ограниченными возможностями здоровья, нуждающиеся в специализированной помощи на дому или в условиях их проживания;

- дети и подростки в кризисных ситуациях (развод родителей, утрата близких, травмы), требующие немедленной психологической поддержки;

- родители и законные представители, нуждающиеся в консультациях по вопросам воспитания и развития ребенка, преодоления трудностей и др. проблемам;

- педагоги и специалисты образовательных учреждений, нуждающиеся в консультационной поддержке при работе с трудными детьми;

- социальные работники и медицинские специалисты, взаимодействующие с детьми по вопросам профилактики и реабилитации.

Требования к профессиональному уровню специалистов и перечень специалистов ВППС. Эффективность работы ВППС во многом зависит от профессиональной компетентности специалистов, их знаний, умений и навыков. Профессиональный уровень специалистов ВППС должен соответствовать высоким современным требованиям к проведению диагностической, коррекционно-развивающей, консультативной работы в условиях междисциплинарной деятельности, в соответствии с которыми выделяются следующие основные требования к профессиональному уровню специалистов:

- высшее образование: специалисты должны иметь профильное высшее образование в области психологии, педагогики, социальной работы или медицины, обеспечивающее теоретическую базу и понимание современных методов работы;

- профессиональная подготовка и переподготовка: обязательна регулярная профессиональная переподготовка и повышение квалификации по актуальным направлениям (диагностика развития детей, коррекционная работа, консультирование родителей, работа с группами и т. д.);

- практический опыт: наличие опыта работы с детьми и подростками в различных условиях, позволяющего специалистам эффективно адаптировать методы работы под конкретные ситуации;

- знание нормативных документов: специалисты должны владеть нормативно-правовой базой в области образования, психологии, социальной защиты и медицины для соблюдения этических стандартов и правовых требований;

- коммуникативные навыки: умение налаживать контакт с детьми, родителями, педагогами и коллегами, работать в команде – важнейшие компетенции, которыми должны обладать специалисты ВППС;

- этическая культура: высокий уровень профессиональной этики, соблюдение принципов конфиденциальности, уважения к личности клиента и др. принципов этического кодекса психолога.

Перечень специалистов определяется задачами службы и особенностями работы с конкретными группами клиентов. ВППС включает в себя специалистов с разной квалификацией и профилем подготовки: психолог, педагог-психолог, социальный педагог/социальный работник, логопед, медицинский работник (в некоторых случаях), классный руководитель (при необходимости).

Условия работы ВППС. Эффективность деятельности ВППС во многом зависит от создания благоприятных условий, обеспечивающих профессиональное взаимодействие специалистов с детьми, родителями и педагогами на месте. К числу необходимых условий деятельности ВППС относятся следующие:

- организационные условия (наличие четко сформулированной миссии и целей службы, определяющих направления деятельности; разработка маршрутов и графиков выездов, учитывающих потребности целевой аудитории; обеспечение материально-технической базы: транспорт, мобильное оборудование, диагностические материалы; координация с муниципальными органами, образовательными учреждениями, медицинскими учреждениями, социальными службами для организации взаимодействия и обмена информацией; совместное планирование мероприятий по профилактике и развитию; наличие нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность специалистов);

- психолого-педагогические условия (создание доверительной атмосферы между специалистами и клиентами (детьми, родителями, педагогами); профессиональная подготовка и повышение квалификации специалистов, владеющих современными методами диагностики, коррекции, консультирования; индивидуальный подход к каждому

ребенку и семье с учетом их особенностей; гибкость в выборе методов и технологий работы, адаптация к конкретным условиям);

- информационные условия (наличие актуальной базы данных о целевой аудитории; использование современных информационных технологий для планирования работы, ведения документации и обмена информацией; обеспечение доступа к методическим материалам, программам диагностики и коррекции);

- социально-культурные условия (учет культурных особенностей населения при планировании работы; взаимодействие с местными сообществами для повышения доверия и эффективности деятельности);

- финансово-материальные условия (надлежащее финансирование деятельности службы; обеспечение необходимыми ресурсами (оборудованием, материалами) для проведения мероприятий; создание условий для межведомственного взаимодействия).

Создание благоприятных условий работы – важнейший фактор эффективности деятельности ВППС, обеспечивающий профессиональную подготовку специалистов, комфортную атмосферу для взаимодействия с клиентами, реализацию комплексного подхода к решению задач развития детей и поддержки семей.

Выводы

Теоретические основы деятельности ВППС формируют её ключевые принципы и подходы, обеспечивающие эффективность и актуальность работы в современных условиях. Основные характеристики деятельности ВППС – предоставление услуг на месте, приближенность к нуждающимся, оперативность и персональный подход – позволяют максимально учитывать индивидуальные особенности детей, семей и педагогов, а также быстро реагировать на возникающие проблемы. Именно поэтому деятельность ВППС выступает важным инструментом профилактики, диагностики и коррекции развития детей в их естественной среде, что способствует более гармоничному развитию личности и успешной социализации.

Таким образом, научное проектирование модели выездной психолого-педагогической службы формирует основу для создания доступной и эффективной системы оказания квалифицированной помощи детям, семьям и образовательным организациям, для обеспечения психолого-педагогического сопровождения, а также для разработки практических методов работы, отвечающих современным требованиям системы образования и социальной поддержки населения.

Финансирование

Исследование проведено в Донецком государственном педагогическом университете им. В. Шаталова в рамках выполнения Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (№ 1024122500031-1-6.5.1.) по теме «Научное проектирование модели выездной психолого-педагогической службы»

Список источников

1. Актуальные проблемы обучения и воспитания лиц с ограниченными возможностями здоровья [Электронный ресурс]: материалы всероссийской заочной конференции ученых и практических работников, 18 марта – 18 апреля 2019 г., г. Екатеринбург, Россия / Урал. гос. пед. ун-т. Электрон. дан. Екатеринбург: [б. и.], 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-5-7186-1179-3.
2. Андронникова О.О. Психологическая служба в системе высшего образования: проблемы и актуальные задачи // Вестник практической психологии образования. 2020. Т. 17. № 1. С. 85 – 94. ISSN: 2658-3100 (online).
3. Дистанционное консультирование людей, переживающих различные кризисные ситуации / Под ред. Л.Н. Тимофеевой, Ю.С. Шойгу. СПб.: Питер, 2023. 256 с. (Серия: «Психология для профессионалов»). ISBN: 978-5-4461-2062-8.
4. Истратова О.Н. Практикум по детской психокоррекции: игры, упражнения, техники. 6-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013. 350 с. (Психологический практикум). ISBN 978-5-222-20628-7.
5. Кучукова Н.Ю., Семенов А.А., Афанасьева О.В. Социальная работа с семьей и детьми: учебник. Москва: Academia: Академия, 2021. 223 с. (Профессиональное образование). ISBN 978-5-4468-9588-5.
6. Никулина А.А. Социальные изменения и безопасность детей: взаимодействие институтов, семей и специализированных психолого-педагогических служб // Электронный научно-методический журнал педагогического профиля «Векторы педагогического образования» / Министерство просвещения Российской Федерации (г. Москва, РФ), ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, ДНР, РФ). 2025. Вып. 5.12. ISSN: 3034–2848.

7. Баканова А.А. и др. Прикладные технологии профессиональной психологической помощи: монография. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2022. 136 с. ISBN 978-5-8064-3263-7.
8. Психологическая помощь социально незащищенным лицам с использованием дистанционных технологий (интернет-консультирование и дистанционное обучение): Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 13 декабря 2024 г. / под ред. Б.Б. Айсмон-таса, Л.А. Александровой, В.В. Барцалкиной, Е.В. Гуровой. М.: МГППУ, 2024. 428 с. ISBN 978-5-94051-332-2.
9. Басалаева Н.В., Казакова Т.В., Левшунова Ж.А. Психологическое сопровождение детей с особыми потребностями: учебное пособие / под ред. Ж. А. Левшуновой. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. 77 с.
10. Реализации мероприятий по популяризации и информированию населения о возможности получения экстренной психологической помощи, организации деятельности групп мобильной помощи специалистами органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в субъектах Российской Федерации в 2021 году. Методические материалы / Авторы-сост.: М.В. Алагуев, Р.Г. Дубровский; под ред. Артамоновой Е.Г., Заевой О.В. М.: ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2021. 33 с.
11. Создание и обеспечение системы экстренной психологической помощи в составе психологической службы в системе образования Российской Федерации: Методические рекомендации / Авторы-сост.: Артамонова Е.Г., Васильева Н.Н., Глазунова Е.А., Дитерихс А.Л., Журкина Т.А., Иванова Е.В., Мелентьева О. С. М.: ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2021. 79 с.
12. Ткачева О.Ю. Экстренная социально-психологическая помощь детям в ситуации суицидального поведения, жестокого обращения и чрезвычайных ситуаций в образовательном пространстве города Перми: опыт МБУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» // Вестник практической психологии образования. 2018. Т. 15. № 1. С. 32 – 39.
13. Ульянина О.А., Гаязова Л.А., Файзуллина К.А. и др. Отечественный и зарубежный опыт оказания экстренной психологической помощи населению // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 3. С. 114 – 126.
14. Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2024): сб. статей V Международной научно-практической конференции. 14–15 ноября 2024 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. Москва: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 804 с.
15. Щукина М.А., Гаранжа А.В. Чат-консультирование в кризисной психологической службе для подростков // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 1 (139). С. 115 – 124. ISSN: 2541-7606.

References

1. Actual problems of training and education of persons with disabilities [Electronic resource]: materials of the All-Russian correspondence conference of scientists and practitioners, March 18 – April 18, 2019, Yekaterinburg, Russia. Ural state ped. univ. Elektron. dan. Yekaterinburg: [b. i.], 2019. 1 electronic. optical disc (CD-ROM). ISBN 978-5-7186-1179-3.
2. Andronnikova O.O. Psychological service in the system of higher education: problems and actual tasks. Bulletin of practical psychology of education. 2020. Vol. 17. No. 1. P. 85 – 94. ISSN: 2658-3100 (online).
3. Remote counseling of people experiencing various crisis situations. Ed. L.N. Timofeeva, Yu.S. Shoigu. SPb.: Piter, 2023. 256 p. (Series: "Psychology for professionals"). ISBN: 978-5-4461-2062-8.
4. Istratova O.N. Workshop on children's psychocorrection: games, exercises, techniques. 6th ed. Rostov-on-Don: Phoenix, 2013. 350 p. (Psychological workshop). ISBN 978-5-222-20628-7.
5. Kuchukova N.Yu., Semeno A.A., Afanasyeva O.V. Social work with family and children: textbook. Moscow: Academia: Academy, 2021. 223 p. (Professional education). ISBN 978-5-4468-9588-5.
6. Nikulina A.A. Social changes and child safety: interaction of institutions, families and specialized psychological and pedagogical services. Electronic scientific and methodological journal of the pedagogical profile "Vectors of pedagogical education". Ministry of Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation), FSBEI HE "Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov" (Gorlovka, DPR, Russian Federation). 2025. Issue 5.12. ISSN: 3034-2848.
7. Bakanova A.A. et al. Applied technologies of professional psychological assistance: monograph. St. Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2022. 136 p. ISBN 978-5-8064-3263-7.

8. Psychological assistance to socially vulnerable individuals using distance technologies (Internet counseling and distance learning): Proceedings of the XI All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, December 13, 2024. edited by B.B. Aismontas, L.A. Alexandrova, V.V. Bartsalkina, E.V. Gurova. Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 2024. 428 p. ISBN 978-5-94051-332-2.

9. Basalaeva N. V., Kazakova T. V., Levshunova Zh. A. Psychological support for children with special needs: a tutorial. edited by Zh. A. Levshunova. Krasnoyarsk: Sib. federal university, 2020. 77 p.

10. Implementation of measures to popularize and inform the population about the possibility of receiving emergency psychological assistance, organizing the activities of mobile assistance groups by specialists of bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency in the constituent entities of the Russian Federation in 2021. Methodological materials. Authors-compilers: M.V. Alaguev, R.G. Dubrovsky; edited by E.G. Artamonova, O.V. Zaeva. Moscow: Federal State Budgetary Institution "Center for the Protection of Children's Rights and Interests", 2021. 33 p.

11. Creation and provision of an emergency psychological assistance system as part of the psychological service in the education system of the Russian Federation: Methodological recommendations. Authors-compilers: Artamonova E.G., Vasilyeva N.N., Glazunova E.A., Diterichs A.L., Zhurkina T.A., Ivanova E.V., Melentyeva O.S. M.: Federal State Budgetary Institution "Center for the Protection of Children's Rights and Interests", 2021. 79 p.

12. Tkacheva O.Yu. Emergency social and psychological assistance to children in a situation of suicidal behavior, abuse and emergency situations in the educational space of the city of Perm: the experience of the MBU "Center for Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance". Bulletin of Practical Psychology of Education. 2018. Vol. 15. No. 1. P. 32 – 39.

13. Ulyanina O.A., Gayazova L.A., Fayzullina K.A. et al. Domestic and foreign experience in providing emergency psychological assistance to the population. Modern foreign psychology. 2022. Vol. 11. No. 3. P. 114 – 126.

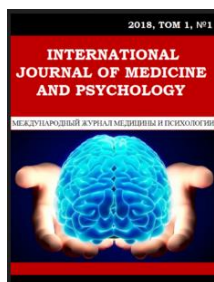
14. Digital humanities and technologies in education (DHTE 2024): collection of articles from the V International scientific and practical conference. November 14-15, 2024. Ed. by V.V. Rubtsov, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2024. 804 p.

15. Shchukina M.A., Garanzha A.V. Chat counseling in crisis psychological service for adolescents. Bulletin of Vyatka State University. 2021. No. 1 (139). P. 115 – 124. ISSN: 2541-7606.

Информация об авторе

Новикова Н.В., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-5934-5431>, Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова, 284601 Донецкая Народная Республика, г. Горловка, ул. Рудакова, д. 25, nrv.novikov2010@yandex.ru

© Новикова Н.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Петунова С.А.,

² Лоскутникова А.А.,

¹ Николаев Е.Л.,

¹ Зейналабединова Армита,

¹ Ахмадизад Мохаммадамин,

¹ Гергес Мина Ашраф Шавки,

¹ Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,

² Школа № 50 г. Чебоксары

Изучение совладающего поведения у пациентов неврологического профиля с разными уровнем самооценки

Аннотация: статья посвящена анализу результатов исследования стратегий совладающего поведения у пациентов неврологического профиля с разными уровнями восприятия себя. Пациенты неврологического профиля часто сталкиваются с серьезными изменениями в своем физическом состоянии и функциональных возможностях в результате заболеваний, таких как инсульт, рассеянный склероз, эпилепсия и другие. Деструктивные изменения наблюдаются в когнитивной сфере (память, мышление, внимание, речь), нарушают психоэмоциональное состояние пациентов, вызывая признаки тревоги и депрессии. Эти изменения могут привести к снижению самооценки и неуверенности в себе, что, в свою очередь, негативно сказывается на качестве жизни пациентов.

В работе представлен подробный сравнительный анализ результатов оценки способов совладения со стрессом у пациентов неврологического профиля с различной нозологией. Большинство опрошенных имеют высокий уровень использования таких стратегий как «конструктивность», «социальное взаимодействие» и «поиска социальной поддержки», что является положительным фактором при борьбе со стрессом. Однако, также выявлены высокие уровни «импульсивных и агрессивных действий», а также выбор стратегии «избегания», что указывает на необходимость работы над эмоциональным контролем и развитием более адаптивных стратегий совладания со стрессом. Большинство пациентов позитивно оценивают качества своей личности. Однако в некоторых областях, таких как «Воля» и «Креативность», наблюдаются значительные группы с низким и средним уровнями. Стратегии совладающего поведения пациентов взаимосвязаны с уровнем их самооценки. Полученные результаты, можно использовать при разработке краткосрочных и долгосрочных методов психокоррекционной, психопрофилактической и психотерапевтической работы с пациентами неврологического профиля, направленных на развитие адаптивных когнитивных, эмоциональных и поведенческих схем и механизмов совладания, на формирование умения поддерживать свою самооценку на оптимальном уровне, сохраняя позитивный настрой на лечение.

Ключевые слова: стратегии совладания, пациенты неврологического профиля, самооценка личности

Для цитирования: Петунова С.А., Лоскутникова А.А., Николаев Е.Л., Зейналабединова Армита, Ахмадизад Мохаммадамин, Гергес Мина Ашраф Шавки Изучение совладающего поведения у пациентов неврологического профиля с разными уровнем самооценки // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 159 – 165.

Поступила в редакцию: 10 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Petunova S.A.,
² Loskutnikova A.A.,
¹ Nikolaev E.L.,
¹ Zeynalabedinzadeh Armita,
¹ Akhmadizad Mohammadamin,
¹ Gerges Mina Ashraf Shavki,
¹ Chuvash State University named after I.N. Ulyanov,
² Secondary school No. 50, Cheboksary

Studying coping behavior in neurological patients with different levels of self-esteem

Abstract: the article analyzes the results of a study of coping strategies in neurological patients with different levels of self-perception. Neurological patients often experience serious changes in their physical condition and functional capabilities as a result of diseases such as stroke, multiple sclerosis, epilepsy, and others. Destructive changes are observed in the cognitive sphere (memory, thinking, attention, speech), disrupt the psychoemotional state of patients, causing signs of anxiety and depression. These changes can lead to a decrease in self-esteem and self-doubt, which in turn negatively affects the quality of life of patients.

The paper presents a detailed comparative analysis of the results of assessing the methods of coping with stress in patients with a neurological profile with various nosologies. Most of the respondents have a high level of use of such strategies as "constructiveness", "social interaction" and "search for social support", which is a positive factor in combating stress. However, high levels of "impulsive and aggressive actions" were also revealed, as well as the choice of the "avoidance" strategy, which indicates the need to work on emotional control and the development of more adaptive strategies for coping with stress. Most patients positively assess their personality traits. However, in some areas, such as "Will" and "Creativity", there are significant groups with low and medium levels. Patients' coping strategies are interconnected with their level of self-esteem. The obtained results can be used in developing short-term and long-term methods of psychocorrectional, psychoprophylactic and psychotherapeutic work with patients of neurological profile, aimed at developing adaptive cognitive, emotional and behavioral schemes and coping mechanisms, at forming the ability to maintain self-esteem at an optimal level, maintaining a positive attitude towards treatment.

Keywords: coping strategies, patients of neurological profile, self-esteem of personality

For citation: Petunova S.A., Loskutnikova A.A., Nikolaev E.L., Zeynalabedinzadeh Armita, Akhmadizad Mohammadamin, Gerges Mina Ashraf Shavki Studying coping behavior in neurological patients with different levels of self-esteem. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 159 – 165.

The article was submitted: June 10, 2025; Approved after reviewing: August 11, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Пациенты неврологического профиля часто сталкиваются с серьезными изменениями в своем физическом состоянии и функциональных возможностях в результате заболеваний, таких как инсульт, рассеянный склероз, эпилепсия и другие. Деструктивные изменения наблюдаются в когнитивной сфере (память, мышление, внимание, речь), нарушают психоэмоциональное состояние пациентов, вызывая признаки тревоги и депрессии. Изоляция и социальная стигматизация, вызывают трудности в общении и поддержании социальных связей. Эти изменения могут привести к снижению самооценки и неуверенности в себе, что, в свою очередь, негативно сказывается на качестве жизни пациентов. Эффективные копинг-стратегии играют критическую роль в том, как

пациенты справляются с болезнью и ее последствиями. Понимание того, какие стратегии используются пациентами, может помочь в разработке индивидуализированных подходов к терапии и поддержке, направленных на улучшение их психического здоровья и адаптации к новым условиям жизни [1, 4, 5, 6, 8].

Серебрякова Т.А., Курылева В.С. в своей работе «Совладающее поведение как важнейший компонент защитных механизмов психики человека: теоретический обзор проблемы» провели анализ работ зарубежных и отечественных исследователей в области проблемы совладающего поведения (работы И.М. Никольской, Р.М. Грановской, С.К. Нартова-Бочавер, Л.И. Анцыферовой, Т.Л. Крюковой, Е.В. Битюцкая, А.В. Либиной, Дж. Вейланта, Г. Гартманна, Т. Кроубера, Р. Лазаруса, Р.

Уайта, С. Фолкмана, А. Фрейд, З. Фрейда, Н. Хаан и т.д.; К.А. Абульхановой-Славской, Н.Л. Карповой, Л.А. Китаева-Смыка, А.Б. Леоновой, Д.А. Леонтьева, В.И. Моросановой, О.Р. Тенна, С.О. Щелиной и др.), и пришли к выводу, что «совладание (совладающее поведение) – осознаваемая человеком модель поведения, направленная на решение переживаемых им трудных жизненных ситуаций», «доказывая, что именно от выбора индивидуальных стратегий совладания зависит психоэмоциональное благополучие человека, его продуктивность, психологическое и физическое здоровье» [7].

Результаты исследования особенностей совладающего поведения у больных рассеянным склерозом (Дибричная К.А., Ениколопова Е.В., Зубкова Ю.В., Бойко А.Н.), преобладают продуктивные копинг-стратегии, такие как позитивное переформулирование, использование инструментальной социальной поддержки, активное совладание, планирование. Среди непродуктивных стратегий – принятие и, в меньшей степени, сдерживание [3].

Если рассматривать хроническое неврологическое заболевание как стрессовую ситуацию, то роль совладающего поведения является своеобразным толчком для запуска механизмов саморегуляции, что в свою очередь является важным механизмом приверженности лечению и дальнейшего психологического благополучия пациентов. Поскольку каждое заболевание имеет свою специфику (характер нарушений, интенсивность переживаний, болевые реакции), то и выбор копинг-стратегий пациентами будет также специфичен [3, 9, 10].

Материалы и методы исследований

Цель работы состояла в изучении совладающего поведения у пациентов неврологического профиля с разными уровнями восприятия себя. Исследование проходило на базе Бюджетного учреждения Чувашской Республики «Республиканская клиническая больница» Министерства здравоохранения Чувашской Республики. Неврологическое отделение № 1. Группу пациентов составили 40 человек в возрасте 20-73 лет: 10 мужчин и 30 женщин. Диагнозы пациентов: 55% – рассеянный склероз, 45% – логоневроз, ЧМТ, инсульт, грыжа, мигрень, блефороспазм, неврология тройничного нерва. Уровень образования: 37,5% – высшее, 57,5% – среднее, 5% – 8 классов. Семья и друзья есть у 100% пациентов и каждый имеет возможность обратиться к ним за поддержкой. Интересные занятия, которые приносят положительные эмоции есть почти у всех пациентов, их можно разделить на следующие группы: активный отдых/спорт, рукоделие, кулинария, садоводство, ком-

пьютерные игры. В качестве методик были использованы: Шкала оценки стресса и активности совладания SACS (С. Хоббфол, адаптация и модификация Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова); Шкала ситуативной самооценки SSES (Т.Ф. Хизертон, Дж.Поливи, адаптация А.Ю. Развальяева); Шкала «Самооценки личности» (О.И. Мотков).

Результаты и обсуждения

Результаты оценки совладающего поведения у пациентов неврологического профиля указывают на наличие высокого уровня конструктивности совладающего поведения, что говорит о способности личности лучше адаптироваться к стрессовым ситуациям и конструктивно их решать. Такой уровень был выявлен у 70% (28 чел.) пациентов, у остальных 30% (12 чел.) был выявлен средний уровень конструктивности, что также является нормой.

Ассертивные или уверенные действия выявлены у 27,5% (11 чел.) пациентов. Наличие поддерживающей социальной среды (семья, друзья,) может способствовать развитию ассертивности. У 22,5% (9 чел.) выявлен низкий уровень ассертивности, это может быть вызвано столкновением с неврологическим заболеванием, что в свою очередь может вызывать стресс, тревогу и депрессию, что приводит к снижению уверенности в себе и, как следствие, к низкому уровню ассертивности. Средний уровень ассертивности у 50% (20 чел.) испытуемых.

Социальное взаимодействие, как способ совладающего поведения, использует большинство испытуемых – 85% (34 чел.), лишь у 2,5% (1 чел.) был выявлен низкий уровень, средний уровень – 12,5% (5 чел.). Некоторые пациенты могут обладать развитыми социальными навыками, что позволяет им легче устанавливать контакт с другими людьми и поддерживать взаимодействие. Данный вид совладающего поведения является просоциальным так же, как и следующая шкала.

Поиск социальной поддержки, как способ разрешения стрессовой ситуации, что по смыслу перекликается с социальным взаимодействием, используют 70% (28 чел.) пациентов, у 30% (12 чел.) выявлен средний уровень, что также является нормой. То есть все пациенты готовы в сложной ситуации обратиться за помощью к своему социальному окружению.

Осторожные действия подразумевают осознанное и взвешенное поведение, направленное на минимизацию рисков и предотвращение негативных последствий, связанных с их состоянием. Это может проявляться в осторожности при выполнении физических задач, социальном взаимодействии или принятии решений. У 50% (20 чел.) выявлен

средний уровень по данной шкале, у 42,5% (17 чел.) – высокий уровень. И лишь 7,5% (3 чел.) пациентов редко осторожничают при разрешении стрессовых ситуаций. Пациенты могут не полностью осознавать свои ограничения или риски, что приводит к неосторожному поведению, а также некоторые неврологические расстройства могут вызывать импульсивное поведение, что мешает пациентам действовать осторожно.

Интересно, что импульсивные действия присутствуют тоже большинству обследуемым пациентам. 57,5% (23 чел.) испытуемых показали высокий уровень по данной шкале, может быть вызвано отсутствием у пациента опыта в управлении своим состоянием, не знанием, как контролировать свои импульсы. Почти треть пациентов не имеют таких трудностей, у 30% (12 чел.) выявлен низкий уровень импульсивности.

Избегание, как способ борьбы со стрессом используют большинство пациентов, 52,5% (21 чел.) – высокий уровень и 42,5% (17 чел.) средний уровень. При таком поведении человек уклоняется от определенных ситуаций, эмоций или действий, которые могут вызывать стресс, тревогу или дискомфорт. Люди с высокой эмоциональной устойчивостью могут легче справляться с негативными эмоциями и не прибегают к избеганию как стратегии совладания, таких среди нашей выборки выявлено 5% (2 чел.).

Манипулятивные действия используют 40% (16 чел.) пациентов, у 42,5% (17 чел.) выявлен средний уровень. В контексте психического или неврологического здоровья такие действия могут возникать как реакция на внутренние или внешние стрессоры. Для 17,5% (7 чел.) пациентов такое поведение не свойственно.

Жестокость и циничность в стрессовых ситуациях присуща большему количеству пациентов: 22,5% (9 чел.) – высокий уровень, у 37,5% (15 чел.) – средний уровень. Поведение, при котором человек проявляет агрессию или жестокость к другим может быть способом справиться с собственными переживаниями или чувством беспомощности. Жестокость может быть направлена как на окружающих, так и на самого себя. Это может быть от нехватки эффективных стратегий для управления стрессом и эмоциями. У 40% (16 чел.) такого поведения не выявлено, соответственно таким людям не свойственно проявлять негативные реакции на стрессовые ситуации.

Показатели по шкале агрессивности действий в стрессовых ситуациях у пациентов разделились почти поровну. Низкий уровень у 32,5% (13 чел.) процентов, средний у 30% (12 чел.), высокий – 37,5% (15 чел.). Всё же высокий уровень немного

преобладает, причины таких результатов могут быть разнообразны. Это может быть связан с когнитивными нарушениями, отсутствием социальной поддержки, эмоциональной нестабильностью и так далее.

Для более качественного анализа группы пациентов неврологического профиля, мы разделили её на две подгруппы: 1-пациенты с диагнозом рассеянный склероз (РС); 2-пациенты с другими неврологическими заболеваниями (ДНЗ). Нами был проведён сравнительный анализ при помощи t-критерия Стьюдента. Различий между группами пациентов почти нет. Для обеих групп пациентов свойственные просоциальные стратегии поведения: «Социальное взаимодействие» (РС – $26,27 \pm 3,16$, ДНЗ – $24,9 \pm 2,59$) и «Поиск социальной поддержки» (РС – $26,6 \pm 2,08$, ДНЗ – $24,3 \pm 3,11$). Однако, группе пациентов с диагнозом рассеянный склероз свойственно чаще использовать социальную поддержку в трудной ситуации. Рассеянный склероз является хроническим заболеванием, которое может вызывать длительные физические и эмоциональные трудности, что делает социальную поддержку важной для управления стрессом и болезнью.

Результаты изучения общего уровня самооценки по методике «Самооценка личности» О. И. Моткова, указывают на то, что большинство пациентов (57,5%, 23 чел.) имеют высокий уровень самооценки нравственности, что говорит о положительном восприятии своих моральных качеств. Однако присутствие 27,5% (11 чел.) пациентов с псевдовысоким уровнем может указывать на неуверенность в своих нравственных качествах, желанием их компенсировать или соответствовать чьим-то ожиданиям.

Результаты показывают, что уровень воли у пациентов варьируется, с равным количеством пациентов на среднем и высоком уровнях по 35% (14 чел.) соответственно. Однако, 12,5% (5 чел.) имеют низкий уровень, что может свидетельствовать о проблемах с самоконтролем у пациентов.

Более половины пациентов (52,5%) демонстрируют высокий уровень самостоятельности и чувства реальности, однако 12,5% имеют псевдовысокий уровень, что может указывать на искажение восприятия своей независимости.

Уровень креативности у пациентов разнообразен, с 20% (8 чел.) на низком уровне и 35% (14 чел.) на среднем. Это может указывать на необходимость развития креативных навыков у части пациентов. При этом у 17,5% (7 чел.) выявлен псевдовысокий уровень. Пациенты с псевдовысоким уровнем креативности могут испытывать внутрен-

ние сомнения в своих реальных способностях, что приводит к искажению самооценки. Например, ожидания со стороны окружающих или общества могут подталкивать пациентов к тому, чтобы они считали себя более креативными, чем есть на самом деле.

40% (16 чел.) пациентов имеют высокий уровень гармоничности, однако присутствие 12,5% (5 чел.) с низким и псевдовысоким уровнями может свидетельствовать о неуверенности в своем внутреннем состоянии.

45% (18 чел.) пациентов демонстрируют высокий уровень экстраверсии, что говорит о социальной активности. Однако 20% (8 чел.) имеют псевдовысокий уровень, что может указывать на внешнюю активность при внутренней неуверенности.

Анализ различий по группам заболеваний показал, что средние значения в подгруппе пациентов с РС, выше, чем во второй подгруппе, а также выше средних значений по всей группе. Например, уровень общей самооценки находится на псевдовысоком уровне среди пациентов РС, тогда как общий уровень группы, и уровень второй подгруппы находится в пределах высокого. Выявлены достоверные различия по следующим шкалам: «Общая самооценка», «Нравственность», «Самостоятельность», «Экстраверсия». возможно это связано с желанием пациентов «угодить требованиям окружающих, желание скрыть факт своего заболевания из-за стыда» Н. Пезешкианом [1].

Корреляционный анализ результатов (Пирсон) при данном количестве исследуемых (объем выборки $n=40$) показывают наличие значимой статистической связи на уровне $p=0,05$ при значении коэффициента корреляции не меньше критического значения $r=0,304$; на уровне $p=0,01$ не меньше критического значения коэффициента корреляции $r=0,395$.

Показатель «конструктивности» взаимосвязан только с значением «Гармоничность» ($r=0,30$), умение контролировать свое эмоциональное состояние и не поддаваться эмоциям может способствовать конструктивному способу совладать со стрессом.

Прямая значимая взаимосвязь была выявлена между шкалой «Ассертивные действия» и показателями общей самооценки ($r=0,35$). Это подтверждает предположение о том, что самооценка, восприятие себя и своих способностей, играет важную роль в выборе совладающих стратегий. Высокая самооценка может способствовать использованию активных стратегий, тогда как низкая самооценка может приводить к избеганию и пассивному поведению.

Самооценка личности и асертивность связаны сразу по нескольким показателям: «Воля», ($r=0,47$); «Самостоятельность» ($r=0,44$); «Экстраверсия» ($r=0,38$). Именно такие качества личности участвуют в формировании уверенного поведения. Сильная воля помогает контролировать эмоции и действия, самостоятельность способствует уверенности в себе и независимости, экстраверсия облегчает коммуникацию и взаимодействие с другими.

Уровень общей самооценки коррелирует с показателем «Поиск социальной поддержки» ($r=0,41$). Нормальный уровень общей самооценки не препятствует построению социальных связей, как это может быть с низким из-за неуверенности в себе. Поэтому, имея положительный опыт взаимодействия с другими людьми в стрессовой ситуации пациент может обратиться за помощью и поддержкой к своему социальному окружению. Шкала «Поиск социальной поддержки» коррелирует и с другими аспектами самооценки личности. Такими, как воля ($r=0,33$), самостоятельность ($r=0,46$), креативность ($r=0,42$) и экстраверсия ($r=0,45$). Можно сделать вывод, что пациент с сильной волей способен преодолевать внутренние барьеры и страхи, связанные с обращением за помощью, что позволяет им активно использовать социальные ресурсы для совладания с трудностями, в этом так же поможет экстра-направленность личности.

Интересно, что импульсивные действия имеют прямую и значимую взаимосвязь с показателями нравственности и креативности. Можно предположить, креативность, как качество личности подразумевает под собой быстрое принятие решений, иногда эмоциональных. И поэтому, когда пациенты попадают в трудную ситуацию, они открыто выражают свои эмоции и часто в решении поддаются первичному порыву.

Агрессивные действия, как способ совладающего поведения имеют значимую обратную взаимосвязь с гармоничностью личности ($r=-0,48$). Когда пациент сталкивается с ситуацией стресса, например, ему сообщали о заболевании или ухудшении состояния или вообще что-то не связанное с болезнью, то человек привыкший реагировать агрессивно, отреагирует также снова, именно это может и разрушать внутреннюю гармонию личности. И наоборот, человек эмоционально не стабильный может отреагировать на ситуацию не адекватно, агрессивно и так далее.

Выводы

Таким образом, результаты оценки способов совладания пациентов неврологического профиля

показывают, что большинство опрошенных имеют высокий уровень использования таких стратегий как «конструктивность», «социальное взаимодействие» и «поиска социальной поддержки», что является положительным фактором при борьбе со стрессом. Однако, также выявлены высокие уровни «импульсивных и агрессивных действий», а также выбор стратегии «избегания», что указывает на необходимость работы над эмоциональным контролем и развитием более адаптивных стратегий совладания со стрессом.

Большинство пациентов позитивно оценивают качества своей личности. Однако в некоторых областях, таких как «Воля» и «Креативность», наблюдаются значительные группы с низким и средним уровнями.

Стратегии совладающего поведения пациентов взаимосвязаны с уровнем их самооценки. Так, ас-

сертивность поведения в стрессовых ситуациях свойственна только тем пациентам, кто обладает высокой социальной оценкой, оценивает себя, как личность волевою и самостоятельную. И наоборот, агрессивные действия свойственны для пациентов с низкой оценкой своих личностных качеств.

В связи с этим, появляется необходимость разработки краткосрочных и долгосрочных методов психокоррекционной, психопрофилактической и психотерапевтической работы с пациентами неврологического профиля, направленных на развитие адаптивных когнитивных, эмоциональных и поведенческих схем и механизмов совладания, возможность поддерживать свою самооценку на оптимальном уровне, сохраняя позитивный настрой на лечение.

Список источников

1. Анцыборов А.В., Дубатова И.В. Расстройства депрессивного спектра в неврологической практике: есть ли место под солнцем, или кто должен лечить пациентов? // Интерактивная наука. 2021. № 3 (58). С. 9 – 22.
2. Васильева Н.В. Медико-психологическое сопровождение больных рассеянным склерозом в системе комплексного лечения и реабилитации: автореф. дис. ... канд. психол. наук / ВАК РФ. Чебоксары, 2017. 24 с.
3. Дибриная К.А., Ениколопова Е.В., Зубкова Ю.В., Бойко А.Н. Особенности совладающего поведения (копинг-стратегий) у больных рассеянным склерозом (обзор) // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. Спецвыпуски. 2013. № 113 (2-2). С. 48 – 52.
4. Ларских М.В., Филиппова Т.В., Терехова Е.Ю. Формирование и развитие адаптивных копинг-стратегий у больных отделения неврозов // Медицинская психология в России. 2020. Т. 12. № 1. С. 8. doi: 10.24412/2219-8245-2020-1-8
5. Молостова Г. В. Применение психодинамического подхода к диагностике состояний личности и поведения пациентов неврологического профиля в пространстве субъективных параметров восприятия заболевания (на выборке сотрудников органов внутренних дел) // Прикладная юридическая психология. 2021. №4 (57). С. 35 – 45.
6. Николаев Е.Л., Васильева Н.В., Голенков А.В. Клинико-психологические особенности совладания (копинга) у больных рассеянным склерозом // ПМ. 2015. № 5 (90). С. 59 – 62.
7. Серебрякова Т.А., Курьева В.С. Совладающее поведение как важнейший компонент защитных механизмов психики человека: Теоретический обзор проблемы // Научное обозрение. Педагогические науки. 2021. № 5. С. 29 – 33.
8. Шпенглер Д.П. Особенности внутренней картины болезни у пациентов неврологического профиля // Молодой ученый. 2024. № 51 (550). С. 357 – 360.
9. Nikolaeva O., Nikolaev E.E., Petunova S.A., Grigorieva N.V., Lazareva E.Yu., Hartfelder D.V. An unbalanced time-perspective profile in cardiac surgery patients as a risk factor for depression // European Psychiatry. 2021. Vol. 64. № S1. P. S757 – S758.
10. Petunova S.A., Baranova E., Grigorieva N.V., Litvinova E.M., Petunova Y. Stress coping strategies of physically disabled adolescents: Problem-solving imperfection // European Psychiatry. 2020. Vol. 63. № S1. P. S208.

References

1. Antsyborov A.V., Dubatova I.V. Depressive spectrum disorders in neurological practice: is there a place under the sun, or who should treat patients? Interactive science. 2021. No. 3 (58). P. 9 – 22.
2. Vasilyeva N.V. Medical and psychological support of patients with multiple sclerosis in the system of complex treatment and rehabilitation: author's abstract. diss. candidate of psychological sciences. Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Cheboksary, 2017. 24 p.
3. Dibrivnaya K.A., Enikolopova E.V., Zubkova Yu.V., Boyko A.N. Features of coping behavior (coping strategies) in patients with multiple sclerosis (review). Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakova. Special issues. 2013. No. 113 (2-2). P. 48 – 52.
4. Larsskih M.V., Filippova T.V., Terekhova E.Yu. Formation and development of adaptive coping strategies in patients of the neurosis department. Medical Psychology in Russia. 2020. V. 12. No. 1. P. 8. doi: 10.24412/2219-8245-2020-1-8
5. Molostvova G.V. Application of a psychodynamic approach to the diagnosis of personality states and behavior of patients with a neurological profile in the space of subjective parameters of disease perception (on a sample of employees of internal affairs bodies). Applied legal psychology. 2021. No. 4 (57). P. 35 – 45.
6. Nikolaev E.L., Vasilyeva N.V., Golenkov A.V. Clinical and psychological features of coping in patients with multiple sclerosis. PM. 2015. No. 5 (90). P. 59 – 62.
7. Serebryakova T.A., Kuryleva V.S. Coping behavior as the most important component of the defense mechanisms of the human psyche: Theoretical review of the problem. Scientific Review. Pedagogical Sciences. 2021. No. 5. P. 29 – 33.
8. Spengler D.P. Features of the internal picture of the disease in patients with a neurological profile. Young scientist. 2024. No. 51 (550). P. 357 – 360.
9. Nikolaeva O., Nikolaev E.E., Petunova S.A., Grigorieva N.V., Lazareva E.Yu., Hartfelder D.V. An unbalanced time-perspective profile in cardiac surgery patients as a risk factor for depression. European Psycho-chiatry. 2021. Vol. 64. No. S1. P. S757 – S758.
10. Petunova S.A., Baranova E., Grigorieva N.V., Litvinova E.M., Petunova Y. Stress coping strategies of physically disabled adolescents: Problem-solving imperfection. European Psycho-chiatry. 2020. Vol. 63. No. S1. P. S208.

Информация об авторах

Петунова С.А., кандидат психологических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Лоскутникова А.А., педагог-психолог, Школа № 50 г. Чебоксары

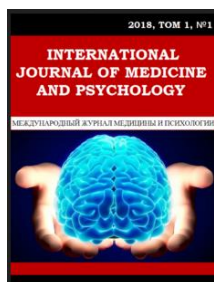
Николаев Е.Л., доктор медицинских наук, профессор, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Зейналабединова Армита, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Ахмадизад Мохаммадин, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Гергес Мина Ашраф Шавки, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

© Петунова С.А., Лоскутникова А.А., Николаев Е.Л., Зейналабединова Армита, Ахмадизад Мохаммадин, Гергес Мина Ашраф Шавки, 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Соловьев В.Е.,

¹ Российский государственный социальный университет

Психическое принуждение как вид преступления, его разновидности и психологическое влияние на подростков и людей пожилого возраста при совершении преступления

Аннотация: в настоящей статье рассматривается психическое принуждение, как вид преступления, установленный статьей 40 Уголовного кодекса Российской Федерации, методы его осуществления и психологического воздействия на людей пожилого возраста и несовершеннолетних. В статье анализируются проблемы установления и квалификации психического принуждения как отдельного вида преступления. В статье анализируются статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации по количеству совершенных преступлений несовершеннолетних и людей пожилого возраста, определена актуальность проблемы использования психического принуждения в преступности, обозначены основные направления и тенденции развития исследования данного направления в психологии.

Ключевые слова: психическое принуждение, психологическое влияние, преступление, внушение, суггестия, психологическое внушение, воздействие, нейролингвистическое программирование (НЛП), гипноз, гипнотическое воздействие, измененное состояние сознания, химическое внушение, субъективная сторона преступления

Для цитирования: Соловьев В.Е. Психическое принуждение как вид преступления, его разновидности и психологическое влияние на подростков и людей пожилого возраста при совершении преступления // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 166 – 172.

Поступила в редакцию: 12 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Solovyev V.E.,

¹ Russian State Social University

Mental coercion as a type of crime, its varieties and psychological impact on teenagers and elderly people when committing a crime

Abstract: this article examines mental coercion as a type of crime established by Article 40 of the Criminal Code of the Russian Federation, methods of its implementation and psychological impact on elderly people and minors. The article analyzes the problems of establishing and qualifying mental coercion as a separate type of crime. The article analyzes statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on the number of crimes committed by minors and elderly people, determines the relevance of the problem of using mental coercion in crime, outlines the main directions and trends in the development of research in this area of psychology.

Keywords: mental coercion, psychological influence, crime, suggestion, suggestion, psychological suggestion, impact, neuro-linguistic programming (NLP), hypnosis, hypnotic influence, altered state of consciousness, chemical suggestion, subjective side of crime

For citation: Solovyev V.E. Mental coercion as a type of crime, its varieties and psychological impact on teenagers and elderly people when committing a crime. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 166 – 172.

The article was submitted: June 12, 2025; Approved after reviewing: August 11, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Психика человека и его поведение представляют особый интерес для научного изучения в связи со своей многоаспектностью, сложностью взаимосвязей и взаимодействий. Великий русский и советский психиатр, невролог, физиолог, психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России В.М. Бехтерев отмечал, что «мы подвергаемся действию психических микробов и находимся в опасности быть психически зараженными», в данном контексте «психическими микробами» являются психологические «внушения» и установки, которые, в свою очередь, по словам автора, воздействуют прямо на чувства и эмоции человека [5]. Важно подчеркнуть, что именно В.М. Бехтеревым и группой его соратников по психологической науке подробнейшим образом изучался и разбирался феномен гипноза внушения и манипуляции с сознанием, в том числе и как эти методы влияют на поведение человека в обществе и его склонность к преступлениям [4].

В настоящее время огромную популярность приобретают психологические методики воздействия на сознание, используемые человеком самостоятельно, например, для трансформации установок, или для воздействия на других с корыстным умыслом. Техники нейролингвистического программирования (НЛП) включаются в обучения по разным направлениям деятельности и обозначаются в маркетинге как средства для увеличения успеха, наиболее эффективного достижения целей и формирования навыков коммуникации. Очень глубоко и всесторонне развили практики НЛП специалисты по маркетингу, крупными корпорациями и компаниями выделяются огромные деньги для постоянного совершенствования воздействия на сознание потенциального покупателя, где основная задача продать все, что угодно лишь бы компания имела прибыль. Например, все были в ситуации, когда идешь по лабиринтам гипермаркета и походя к выходу в руках (или тележке) оказывается большое количество вещей, порой тебе ненужных.

Однако, при распространении идей возможности управления собственным и чужим

сознанием с помощью определенных инструментов и техник, необходимо обратить особое внимание на определение понятия психологического воздействия, особенности использования существующих методик, а также последствия от реализации указанных действий на окружающих.

Наиболее полным определением психологического воздействия представляется определение, указанное в работе Н.В. Шарафутдиновой: «психологическое воздействие» – это «процесс изменения психики и поведения личности, в том числе ее внешней и/или внутренней активности, или группы, реализуемый в ходе взаимодействия двух и более сторон, используя разнообразные средства, в том числе психологические» [11].

Для обозначения влияния психического принуждения, сначала рассмотрим общую статистику преступности среди несовершеннолетних и людей пожилого возраста.

Материалы и методы исследований

Основной целью исследования была характеристика особенностей статистического учета преступлений, совершенных людьми пожилого возраста и несовершеннолетними, а также выявление динамики преступности среди указанных социальных групп. Для реализации указанной цели в исследовании использовался метод анализа, включающий метод группировки и метод сравнения.

Сведения и статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации отражают учет количества преступлений, совершенных субъектами, следующих возрастных категорий: несовершеннолетние и люди пожилого возраста. Данные учета преступлений, совершенных людьми пожилого возраста содержат информацию о доле данной группы среди общего количества зарегистрированных правонарушителей и динамику роста преступлений, совершенных указанной группой в последнее десятилетие.

Представленные данные о преступности несовершеннолетних, позволяют проанализировать общий показатель совершения противоправных действий представителями рассматриваемой группы, дифференциацию по

возрасту, квалификациям деяний и видам наказаний.

Группировка и анализ выделенных аспектов позволяют определить уровень преступности среди указанных групп, а также динамику их правонарушений. Анализ статистических данных позволяет отразить проблему преступности наименее защищенных слоев населения – несовершеннолетних и людей пожилого возраста,

а также отметить актуальность организации и внедрения эффективных мер психопрофилактики и психокоррекции для указанных групп населения.

Результаты и обсуждения

Данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации о возрасте осужденных на момент совершения преступления представлены на рис. 1.



Рис. 1. Количество осужденных пенсионного возраста по данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, 2022 г. * Возраст указан как пенсионный в данных Судебного департамента. Источник: составлено по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ.

Fig. 1. Number of convicted persons of retirement age according to the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, 2022. * Age is indicated as retirement age in the Judicial Department data. Source: compiled based on data from the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation.

Впервые за десять лет доля преступников старше 50 превысила 10%, следует из приведенных данных.

В соответствии с опубликованными данными за 2022 год было осуждено 578 751 человек, из них 61 655 – люди старше 50 лет, что составляет 10,65%. Превышение 10% преступников пожилого возраста от общего количества преступников является рекордным за последние десять лет. В

трехлетний период с 2013 года, доля преступников пожилого возраста составляла 8-8,8%, а с 2017 по 2021 год отмечен небольшой рост с 9,1 до 9,9% [9].

Кроме того, особый интерес вызывает статистика, представленная на рис. 2 и отражающая количество преступников среди другой категории – несовершеннолетних.



Рис. 2. Количество несовершеннолетних осужденных по данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, 2023 г. Источник: составлено по данным Судебного департамента при Верховном суде РФ.

Fig. 2. Number of juvenile offenders according to the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, 2023. Source: compiled based on data from the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation.

Согласно статистике Судебного департамента, при Верховном суде Российской Федерации, в 2023 году в России было осуждено 12 769 несовершеннолетних, из них 3 753 человека в возрасте от 14 до 15 лет.

В 2023 году самым многочисленным совершенным преступлением среди несовершеннолетних является кража – зафиксировано 5 998 преступлений, следом по количеству совершенных преступлений числятся преступления, связанные с оборотом наркотических средств – 1 247 преступлений, на последнем месте в лидирующей тройке располагается неправомерное завладение автомобилем, совершенное несовершеннолетними преступниками в 2023 году 1084 раза [3].

Последнее время, а именно с 2017 года отмечается рост доли преступников пожилого возраста среди всех правонарушителей. По данным МВД России, общее количество несовершеннолетних преступников снижается в настоящее время, однако, отмечается тревожная тенденция: ежегодно число тяжких и особо тяжких преступлений, совершённых подростками, увеличивается, а показатель 2024 года является рекордным за последние восемь лет учета статистики.

Примечательно, что особенностью указанных возрастных групп, а именно подростков и людей пожилого возраста является их уязвимость, в том числе психологическая. Обе группы либо еще не

столь активно проявляют себя в жизни общества как экономические субъекты и социальные единицы, либо такой период проявления у них уже завершён. В связи с чем в данных категориях наблюдается асоциальное поведение, выражающееся в разной степени и приводящее к различным последствиям. Одной из причин возникновения девиантного поведения, которое в большинстве случаев приводит к участию, соучастию в преступлении или роли жертвы преступления, у молодёжи и людей пожилого возраста является отсутствие прочных социальных связей, определённого статуса и чувства общности с социумом, побуждающее совершать действия, направленные против устоев и правил, которые транслируются в обществе. Кроме того, социальная отстраненность делает указанные группы наиболее уязвимыми, тем самым повышаются «риски стать жертвой преступных действий, скрытых манипуляций» [8].

В преступном эпизоде, произошедшем в 2024 году в Санкт-Петербурге, в уголовном деле, при совершении преступления гражданином Х. пожилого возраста, старше 65 лет, после проведенных нескольких судебных психолого-психиатрических и психолого-лингвистических экспертиз было установлено, что на гражданина Х. было оказано психическое воздействие для планирования и совершения преступления.

Выводы, к которым пришли эксперты, указали, что на гражданина Х. было осуществлено

психическое воздействие. В установленном психическом воздействии было применено несколько методик, которые привели к пороку воли, использовались такие методики, как нейролингвистическое программирование (НЛП), внушения и т.д. Указанные обстоятельства повлияли на субъективную сторону преступления, обосновав отсутствие мотива и преступного умысла у обвиняемого в инкриминируемом преступлении, что, в свою очередь, позволило прийти к выводу о том, что психическое состояние обвиняемого по делу нестабильно, а обвиняемый является лишь орудием настоящих преступников.

Приведенный пример из реального уголовного дела, в котором изменены детали для соблюдения конфиденциальности, не является единичным. Намечается тенденция – использование уязвимых групп населения с помощью психологического воздействия на них через гипноз, методики НЛП и внушение в преступных схемах.

Психическое принуждение, согласно статье 40 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой воздействие на сознание жертвы, ограничивающее ее способность к осознанному волеизъявлению. К подобному воздействию можно отнести: гипноз, то есть измененное состояние сознания с повышенной внушаемостью, отметим, что главной значительной опасностью трансового состояния, в которое входит человек посредством гипноза являются: «ложные воспоминания, навязчивые идеи, заблуждения, и самое главное – потеря воли» [6].

Кроме того, воздействие осуществляется посредством внушения (суггестии) – передачи информации, минуя критическое мышление; нейролингвистического программирования (НЛП) – манипуляции через речевые паттерны, якорение и подстройку к жертве.

В качестве механизмов воздействия можно рассмотреть: гипноз, который приводит к потере контроля над действиями; НЛП, приводящее к бессознательному принятию установок.

В учебнике Московской академии Следственного комитета Российской Федерации отмечено, что психическое воздействие, регламентируемое статьей 40 Уголовного кодекса Российской Федерации, может выражаться в угрозах субъекту, а «психическое принуждение возможно и путем использования психотропных веществ, гипноза и т.п.» [10], что в свою очередь, в судебной практике квалифицируется как отягчающее обстоятельство при назначении наказания.

Выводы

Психическое принуждение как вид преступления, указанное в статье 40 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой опасную тенденцию на использование уязвимых слоев населения в противоправной деятельности посредством применения к ним различных механизмов воздействия: гипноз, методики НЛП, внушение, и вовлечение указанных групп в уголовно наказуемые действия путем их использования как механизм достижения преступной цели.

В настоящее время в законодательстве отсутствуют специальные прямые процессуальные нормы по квалификации преступлений с применением методик гипноза. Однако, при корыстном, преступном и халатном использовании методик гипноза, при применении которых наносится ущерб различного характера, лицо, применившее психическое воздействие попадает под квалификацию уголовного преступления.

Кроме того, отсутствие государственного регулирования и лицензирования в области применения методик гипноза в России приводит к неконтролируемому рынку услуг, где клиенты рискуют столкнуться с непрофессионалами, а добросовестные специалисты – с недоверием. В связи с чем возникает много негативных последствий от нерегулируемой деятельности: риск мошенничества и непрофессионализма со стороны гипнотизера, отсутствие стандартов качества и безопасности, сложности в правовом поле при доказательстве воздействия и причиненного вреда, проблемы с медицинским применением гипноза и репутационные риски для профессии. Решение могло бы заключаться в введении обязательной сертификации или включении гипноза в перечень медицинских услуг с соответствующим регулированием.

Главной особенностью преступлений данного вида является то, что они трудно доказываемые. Каждый механизм воздействия предполагает отдельный вид доказательств. Так, в случае, гипноза могут использоваться аудио-, видео записи, свидетельские показания и результаты исследований психологов-экспертов, а в случае применения техник НЛП проводится психолого-лингвистический анализ речи при участии экспертов.

Данная тенденция имеет большую значимость для профессионального сообщества психологов, чьи профессиональные навыки крайне необходимы для содействия органам дознания, следствия и судам. Согласно закону,

регламентирующего экспертную деятельность в России, в обязанности эксперта входит дача обоснованного и объективного заключения по поставленным перед ним вопросам [2].

Однако, в соответствии с действующим уголовным законодательством, в процесс может быть привлечено лицо, обладающее специальными знаниями, именуется такой участник процесса специалистом.

Специалист согласно закону, имеет право задавать вопросы эксперту, разъяснять сторонам и суду вопросы, которые входят в его профессиональную компетенцию.

Таким образом, значимость психолога, как специалиста имеет большое значение при рассмотрении категории дел, указанной нами в работе, от профессиональных знаний психолога может зависеть судьба человека, его семьи и общества в целом.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС Консультант https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/
3. Бастрыкин А.И. Интервью Российской газете // Российская газета. 19.04.2023. [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://rg.ru/2023/04/19/malenkij-i-ochen-opasnyj.html> (дата обращения: 25.03.2025)
4. Бехтерев В.М. Об экспериментальном психологическом исследовании преступников / [соч.] акад. В.М. Бехтерева. [Санкт-Петербург]: типо-литография "Энергия", [1902]. 3 с.; 24.
5. Бехтерев В.М. Феномены мозга: сборник. Москва: N : АСТ, 2021. 380 с.
6. Годунов И.В., Соловьев В.Е. У волшебника – Коуч-мана всё по-честному, да без обмана // Газета «Президент». 2024. URL: <https://presidentmedia.ru/blog/2024/07/20/u-volshebника-kouch-mana-vsyo-po-chestnomu-da-bez-obmana/> (дата обращения: 23.03.2025)
7. Караяни А.Г., Караяни Ю.М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1 (41). С. 3 – 14.
8. Соловьев В.Е. Психокоррекция и психопрофилактика девиантного поведения подростков и людей пожилого возраста // История и методология современной практической психологии: Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию выхода книги Б.В. Зейгарник "Введение в патопсихологию", Москва, 10 октября 2024 года. – Москва: Академия имиджологии, 2025. С. 299 – 306.
9. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Офиц. сайт]. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <https://cdep.ru/?id=150> (дата обращения: 25.03.2025)
10. Ермолович Я.Н., Зателепин О.К., Изотов Д.М. и др. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть учебник, для курсантов, обучающихся по программам специалитета "Правовое обеспечение национальной безопасности" и "Педагогика и психология девиантного поведения", для слушателей, адъюнктов, научных сотрудников, преподавателей высших военно-учебных заведений, студентов и аспирантов юридических вузов, военнослужащих и юристов-практиков / под ред. заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А.А. Толкаченко, ФГКВ ОУ ВО "Военный университет" Министерства обороны Российской Федерации. Москва: РИО Военного университета, 2021. 441, [7] с.; 22.
11. Шарафутдинова Н.В. Воздействие, психологическое воздействие, влияние, психологическое влияние: научные определения понятий // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 276 – 279. URL: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-276-279> (дата обращения: 23.03.2025)

References

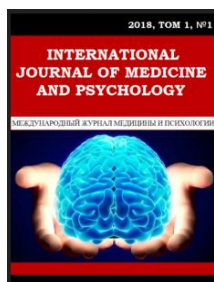
1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.12.2024). SPS Consultant https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. Federal Law of May 31, 2001 No. 73-FZ "On State Forensic Activity in the Russian Federation" (with amendments and additions). SPS Consultant https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/
3. Bastrykin A.I. Interview with Rossiyskaya Gazeta. Rossiyskaya Gazeta. 19.04.2023. [Official website]. [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://rg.ru/2023/04/19/malenkij-i-ochen-opasnyj.html> (date accessed: 25.03.2025)

4. Bekhterev V.M. On the experimental psychological study of criminals. [comp.] academician V.M. Bekhterev. [St. Petersburg]: typo-lithography "Energy", [1902]. 3 p.; 24.
5. Bekhterev V.M. Brain Phenomena: collection. Moscow: N: AST, 2021. 380 p.
6. Godunov I.V., Soloviev V.E. With the wizard – Coachman everything is honest, but without deception. Newspaper "President". 2024. URL: <https://presidentmedia.ru/blog/2024/07/20/u-volshebника-kouch-mana-vsyo-po-chestnomu-da-bez-obmana/> (date of access: 23.03.2025)
7. Karayani A.G., Karayani Yu.M. Information and psychological influence in the context of the paradigm of strategic communications. National Psychological Journal. 2021. No. 1 (41). P. 3 – 14.
8. Soloviev V.E. Psycorrection and psychoprophylaxis of deviant behavior of adolescents and the elderly. History and methodology of modern practical psychology: Materials of the scientific and practical conference dedicated to the 55th anniversary of the publication of the book by B.V. Zeigarnik "Introduction to pathopsychology", Moscow, October 10, 2024. - Moscow: Academy of Imageology, 2025. P. 299 – 306.
9. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation [Official website]. [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://cdep.ru/?id=150> (date accessed: 03.25.2025)
10. Ermolovich Ya.N., Zatepin O.K., Izotov D.M. et al. Criminal Law of the Russian Federation. General part of the textbook, for cadets studying in the specialist programs "Legal Support of National Security" and "Pedagogy and Psychology of Deviant Behavior", for students, adjuncts, researchers, teachers of higher military educational institutions, students and postgraduates of law schools, military personnel and practicing lawyers. edited by Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor A.A. Tolkachenko, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Military University" of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Moscow: RIO Military University, 2021. 441, [7] p.; 22.
11. Sharafutdinova N.V. Impact, psychological impact, influence, psychological influence: scientific definitions of concepts. Psychology and pedagogy of service activities. 2022. No. 4. P. 276 – 279. URL: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-4-276-279> (date of access: 23.03.2025)

Информация об авторе

Соловьев В.Е., аспирант, клинический психолог, судебный психологический эксперт, адвокат, Российский государственный социальный университет, solovev.advocate@gmail.com

© Соловьев В.Е., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.015.31

¹ **Ткаченко С.В.,**

² **Мычко Е.И.,**

¹ Западный филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

² Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Конкурсная деятельность как психолого-педагогический ресурс развития конкурентного взаимодействия студентов колледжа

Аннотация: статья посвящена исследованию потенциала конкурсной деятельности в учреждениях СПО как специфической среды для формирования конкурентного взаимодействия студентов. На основе теоретического анализа педагогической и социально-психологической литературы авторами обосновывается рассмотрение конкурентного взаимодействия как системного образования с выделенными структурными компонентами: мотивационным, эмоциональным, этическим и поведенческим. Раскрывается специфика проявления данных компонентов у студентов колледжа, обусловленная возрастными особенностями и ориентацией на профессиональное становление. Анализируются различные типы конкурсной деятельности (профессиональные конкурсы, предметные олимпиады, творческие и интеллектуальные состязания) с точки зрения их влияния на развитие каждого компонента. Доказывается, что целенаправленная организация конкурсной деятельности выступает эффективным психолого-педагогическим условием не только для повышения качества профессиональной подготовки, но и для развития личностных качеств, необходимых для успешной адаптации на рынке труда.

Ключевые слова: конкурентное взаимодействие, студенты колледжа, среднее профессиональное образование (СПО), конкурсная деятельность, мотивационный компонент, эмоциональный компонент, этический компонент, поведенческий компонент, профессиональное становление, культура соперничества

Для цитирования: Ткаченко С.В., Мычко Е.И. Конкурсная деятельность как психолого-педагогический ресурс развития конкурентного взаимодействия студентов колледжа // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 173 – 178.

Поступила в редакцию: 13 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Tkachenko S.V.,**

² **Mychko E.I.,**

¹ Western Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

² Immanuel Kant Baltic Federal University

Competitive activities as a psychological and pedagogical resource for developing competitive interaction among college students

Abstract: the article explores the potential of competitive activities within vocational education institutions as a specific environment for fostering competitive interaction among college students. Drawing on a theoretical analysis of pedagogical and socio-psychological literature, the study substantiates the conceptualization of competitive interaction as a systemic construct with distinct structural components: motivational, emotional, ethical, and behavioral. The article elucidates the specific manifestation of these components in college students, shaped by their de-

velopmental stage and focus on professional development and identity formation. Various types of competitive activities (professional skills competitions, subject Olympiads, creative and intellectual contests) are analyzed regarding their impact on the development of each component. The study argues that the purposeful organization of competitive activities serves as an effective psycho-pedagogical condition not only for enhancing the quality of professional training but also for cultivating personal qualities essential for successful adaptation in the labor market.

Keywords: competitive interaction, college students, vocational education, competitive activities, motivational component, emotional component, ethical component, behavioral component, professional development, competitive culture

For citation: Tkachenko S.V., Mychko E.I. Competitive activities as a psychological and pedagogical resource for developing competitive interaction among college students. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 173 – 178.

The article was submitted: June 13, 2025; Approved after reviewing: August 12, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современные вызовы рынка труда предъявляют повышенные требования не только к профессиональным компетенциям выпускников профессионального образования (СПО), но и к их личностным качествам, среди которых ключевое место занимает способность к эффективной конкуренции. Конкурентоспособность специалиста сегодня понимается как интегративное качество, включающее комплекс профессиональных знаний и умений, гибкость, адаптивность, стрессоустойчивость, коммуникативные навыки и этические принципы поведения в ситуациях соперничества. Авторы считают, что в этой связи задача образовательных организаций СПО значительно расширяется: помимо передачи знаний и формирования практических навыков, необходимо создавать среду, целенаправленно развивающую способность студентов к конструктивному конкурентному взаимодействию.

Значимым, но недостаточно изученным ресурсом в решении этой задачи выступает конкурсная деятельность (олимпиады, конкурсы профессионального мастерства, чемпионаты, творческие и интеллектуальные состязания и т.п.). Она представляет собой естественную модель ситуаций конкурентного взаимодействия, где студенты имеют возможность демонстрировать свои достижения в условиях сравнения с другими, борьбы за ограниченные ресурсы (победа, призовое место, признание) в рамках установленных правил. Однако сам феномен конкурентного взаимодействия в образовательном контексте СПО, его структура, психологическое содержание и условия эффективного формирования через конкурсную практику остаются актуальной проблемой педагогической психологии.

Материалы и методы исследований

При подготовке исследования применялся ком-

плекс теоретических методов научного познания: анализ и синтез современной психолого-педагогической литературы по проблемам конкурентоспособности личности, конкурентного взаимодействия и конкурсной практики в СПО; систематизация существующих подходов к определению структуры конкурентного взаимодействия; сравнительный анализ развивающих возможностей различных типов конкурсной деятельности (профессиональные, предметные, творческие, интеллектуальные) относительно выделенных компонентов; обобщение и интерпретация полученных теоретических выводов.

Результаты и обсуждения

Конкурентное взаимодействие в контексте образовательной среды колледжа существенно отличается от простой конкуренции в чисто рыночном смысле. Это сложный социально-психологический процесс, в котором достижение личных целей участника (победа, высокий результат, признание) неразрывно связано с постоянной необходимостью соотносить свои действия, стратегии и промежуточные итоги с действиями и достижениями других участников, борющихся за те же ограниченные ресурсы (призовые места, награды, статус) в рамках четко установленных правил и этических норм. Такое взаимодействие обладает мощным развивающим потенциалом: оно активизирует рефлексию, требует мобилизации внутренних ресурсов, закаляет волю, предоставляет уникальную возможность апробировать и корректировать различные модели поведения в условиях стресса и оценки.

Теоретической основой для понимания развития способности к такому взаимодействию служит принцип саморазвития личности, интегрирующий ключевые идеи отечественной психологии. Культурно-историческая теория (Л.С. Выготский) [2] подчеркивает роль социальной среды и знаково-

символических средств в развитии высших психических функций, каковой, по сути, и является способность к сложному конкурентному взаимодействию. Психология деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) [6, 11] указывает на то, что новые качества личности формируются и проявляются именно в деятельности, в данном случае – конкурсной. Теории развития личности (Д.Б. Эльконин) [17] акцентируют внимание на возрастных особенностях для студентов колледжа, где конкурсы становятся значимым контекстом.

Анализ современных исследований (Л.М. Митина [8], В.И. Шаповалов [16], С.А. Хазова [15], Е.Г. Белякова [1], Н.А. Дьяченко [3], А.В. Плугарева [9], Т.А. Сливина [12], Д.С. Котикова [5], Токарева Е.В. [14] и др.) показывает многообразие трактовок конкурентоспособности личности: от способности достигать успеха и занимать достойное место на рынке труда до надпрофессиональной характеристики, обеспечивающей эффективность в условиях сложности и неопределенности. Объединяющим моментом является признание того, что формирование конкурентоспособности невозможно вне реального опыта конкурентных взаимодействий. Именно практика, особенно значимая в контексте целенаправленно организованной конкурсной деятельности в колледже, служит средой для апробации и развития качеств, обеспечивающих успешность.

Для студентов колледжа (16-19 лет), переживающих этап активного профессионального становления и личностного самоопределения, конкурентное взаимодействие в условиях конкурсов становится мощным инструментом развития. Однако его эффективность зависит от сформированности определенной культуры конкурентных взаимодействий.

Под культурой конкурентных взаимодействий вслед за А.А. Клименко, С.А. Хазовой, И.В. Лебедевой авторами понимается как «личностное качество, интегрирующее ценностные ориентации, установки, знания, способы поведения, общения и деятельности, обеспечивающие эффективное сотрудничество и соперничество в условиях конкуренции, и ориентирующее личность на достижение... целей рациональными и этически приемлемыми средствами» [4, с. 4]. Эта культура задает базовые нормативные рамки и инструментарий для взаимодействия.

Основной сферой, где целенаправленно формируется и проявляется культура конкурентного взаимодействия студентов колледжа, выступает конкурсная деятельность.

Исследования подтверждают значимость конкурсной деятельности для СПО. Так, А.К. Лукина, И.А. Крюкова и др. подчеркивают роль конкурсов профессионального мастерства в систематизации знаний и умений, развитии творческих способностей, практической демонстрации компетенций и получении объективной обратной связи [7].

С.И. Соловьева рассматривает конкурсную деятельность как средство повышения интегративной конкурентоспособности студентов, связывая их с развитием когнитивного, деятельностного и мотивационно-волевого компонентов [14].

А.И. Попов и Н.П. Пучков, анализируя олимпиадное движение, видят в нем сферу, приобщающую к межличностному взаимодействию на основе творческой профессионально-ориентированной деятельности и способствующую воспитанию нравственных качеств [10].

Проведенный анализ позволяет рассматривать конкурентное взаимодействие как системное образование, включающее четыре ключевых взаимосвязанных компонента, каждый из которых актуализируется и развивается в условиях конкурсной деятельности:

1. Мотивационный компонент (система внутренних и внешних побуждений к участию в конкурентном взаимодействии). Успешное участие в конкурсной деятельности становится личностным фактором мотивации к дальнейшему развитию.

2. Эмоциональный компонент (способность управлять эмоциональным состоянием в напряженных условиях соревнования). Эмоциональная саморегуляция становится ключом к успешной демонстрации знаний и навыков.

3. Этический компонент (нормы профессиональной и общечеловеческой этики в условиях соперничества). Формирование установки на достижение цели этически приемлемыми средствами – важнейшая воспитательная задача конкурсной деятельности.

4. Поведенческий компонент (конкретные действия и стратегии, демонстрируемые в ситуации конкурентного взаимодействия). Конкурсы и олимпиады требуют демонстрации знаний и умений посредством конкретных действий, результаты которых могут быть объективно оценены.

Таким образом, разнообразие форм конкурсной деятельности создает многогранную среду для формирования и проявления конкурентного взаимодействия. Каждый тип конкурсов актуализирует специфические аспекты этого взаимодействия, что наглядно представлено в табл. 1.

Таблица 1

Типы конкурсной деятельности и особенности развития компонентов конкурентного взаимодействия.

Table 1

Types of competitive activities and features of developing the components of competitive interaction.

Тип конкурсной деятельности	Направленность	Развиваемые компоненты КВ
1. Профессиональные конкурсы, чемпионаты	Демонстрация и оценка специфических знаний, умений и компетенций по конкретной профессии или специальности.	- стремление к профессиональному и личностному росту (мотивационный); - стрессоустойчивость, (эмоциональный); - профессиональная этика, уважение к стандартам (этический); - демонстрация практических навыков, работа на результат (поведенческий).
2. Предметные олимпиады	Углубленные знания и способы решения задач в рамках конкретных учебных дисциплин.	- познавательный интерес, стремление к интеллектуальному лидерству (мотивационный); - выносливость при решении сложных задач, самоконтроль (эмоциональный); - академическая честность (этический); - эффективное решение задач в условиях ограниченного времени (поведенческий).
3. Творческие конкурсы	Соревнование в художественно-эстетической, литературной, музыкальной, театральной и других видах творческой деятельности.	- стремление к творческой самореализации (мотивационный); - управление волнением (эмоциональный); - уважение к чужому творчеству, принятие субъективности оценки (этический); - самопрезентация (поведенческий).
4. Интеллектуальные конкурсы и игры	Состязание в эрудиции, скорости мышления, логике, командной работе в нестандартных ситуациях.	- командный дух, стремление к интеллектуальному превосходству (мотивационный); - скорость реакции, работа под давлением времени, поддержка команды (эмоциональный); - культура спора (в дебатах), честная игра (этический); - командная коммуникация, распределение ролей (поведенческий).

Как видно из таблицы, профессиональные конкурсы наиболее тесно связаны с будущей карьерой и профессиональной идентичностью, максимально актуализируя мотивационный и поведенческий компоненты в их прикладном значении. Предметные олимпиады делают акцент на индивидуальном интеллектуальном соперничестве. Творческие конкурсы требуют высокой степени самораскрытия и принятия субъективности оценки, развивая этический аспект взаимодействия. Интеллектуальные командные игры уникальны своей направленностью на синтез индивидуальных усилий и слаженного командного взаимодействия в условиях высокого эмоционального напряжения и динамики.

Выводы

Проведенный теоретический анализ позволяет утверждать, что конкурсная деятельность в

учреждениях СПО представляет собой не просто форму внеучебной работы, а специфическую и высокопотенциальную среду для целенаправленного развития конкурентного взаимодействия студентов. Выделение и содержательное раскрытие ключевых структурных компонентов КВ – мотивационного, эмоционального, этического и поведенческого – дает необходимую теоретическую основу для понимания этого психолого-педагогического феномена в контексте подготовки студентов колледжа.

Перспективы дальнейшей работы нам видятся в разработке и апробации конкретной программы психолого-педагогического сопровождения студентов на разных этапах участия в различных типах конкурсов (подготовка, участие, пост-конкурсная рефлексия).

Список источников

1. Белякова Е. Г. Структурно-содержательная модель конкурентоспособности как качества личности // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 2. С. 189 – 198.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
3. Дьяченко Н.А. Становление конкурентоспособности будущих специалистов в учреждениях среднего профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2008. 309 с.
4. Клименко А.А., Хазова С.А., Лебедева И.В. Культура конкурентных взаимодействий: понятие и воспитание у обучающихся: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2018. 116 с.
5. Котикова Д.С. Формирование конкурентоспособности личности студента в образовательном процессе вуза: дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2010. 245 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие. Москва: Смысл: Академия, 2005. 352 с.
7. Лукина А.К., Крюкова И.А., Степанова Н.И., Снисарева Г.М. Конкурсная деятельность обучающихся СПО как эффективный способ повышения интереса к получаемой профессии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 5-1. С. 132 – 136.
8. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО "МОДЭК", 2002. 400 с.
9. Плугарева А.В. Психологическое сопровождение развития конкурентоспособной личности студента: дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2008. 294 с.
10. Попов А.И., Пучков Н.П. Методологические основы и практические аспекты организации олимпиадного движения по учебным дисциплинам в вузе: монография. Тамбов, 2010. 212 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
12. Сливина Т.А. Формирование конкурентоспособной личности будущего специалиста в образовательном процессе вуза: дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2008. 248 с.
13. Соловьева С.И. Конкурсная деятельность как средство повышения конкурентоспособности студентов учреждений среднего профессионального образования: дис. ...канд. пед. наук. Пермь, 2021. 214 с.
14. Токарева Е.В. Индивидуально-психологические особенности развития конкурентоспособности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2007. 17 с.
15. Хазова С.А. Развитие конкурентоспособной личности в системе образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Майкоп, 2011. 60 с.
16. Шаповалов В. И. Формирование конкурентоспособной личности в условиях школьного дополнительного образования: монография. Сочи, 2008. 190 с.
17. Эльконин Д.Б. Психология развития: учебное пособие. М.: Академия, 2008. 141 с.

References

1. Belyakova E.G. Structural and substantive model of competitiveness as a personality trait. Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 189 – 198.
2. Vygotsky L.S. Psychology of human development. Moscow: Smysl; Eksmo, 2005. 1136 p.
3. Dyachenko N.A. Formation of competitiveness of future specialists in secondary vocational education institutions: diss. ... Cand. Ped. Sciences. Volgograd, 2008. 309 p.
4. Klimenko A.A., Khazova S.A., Lebedeva I.V. Culture of competitive interactions: concept and education of students: textbook. manual. Krasnodar: KubSAU, 2018. 116 p.
5. Kotikova D.S. Formation of the competitiveness of the student's personality in the educational process of the university: dis. ... candidate of psychological sciences. Nizhny Novgorod, 2010. 245 p.
6. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality: a tutorial. Moscow: Smysl: Academy, 2005. 352 p.
7. Lukina A.K., Kryukova I.A., Stepanova N.I., Snisareva G.M. Competitive activities of secondary vocational education students as an effective way to increase interest in the profession they receive. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 5-1. P. 132 – 136.
8. Mitina L.M. Psychology of development of a competitive personality. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO "MODEK" Publishing House, 2002. 400 p.
9. Plugareva A.V. Psychological support for the development of a student's competitive personality: dis. ... candidate of psychological sciences. Pyatigorsk, 2008. 294 p.
10. Popov A.I., Puchkov N.P. Methodological foundations and practical aspects of organizing the Olympiad movement in academic disciplines at a university: monograph. Tambov, 2010. 212 p.

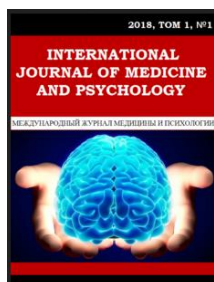
11. Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. SPb.: Piter, 2002. 720 p.
12. Slivina T.A. Formation of a competitive personality of a future specialist in the educational process of a university: dis. ... candidate of ped. sciences. Krasnoyarsk, 2008. 248 p.
13. Solovieva S.I. Competitive activity as a means of increasing the competitiveness of students of secondary vocational education institutions: dis. ... candidate of ped. sciences. Perm, 2021. 214 p.
14. Tokareva E.V. Individual psychological features of the development of personal competitiveness: author's abstract. dis. ... candidate of psychological sciences. Moscow, 2007. 17 p.
15. Khazova S.A. Development of a competitive personality in the education system: author's abstract. dis. ... doctor of ped. sciences. Maykop, 2011. 60 p.
16. Shapovalov V.I. Formation of a competitive personality in the context of additional school education: monograph. Sochi, 2008. 190 p.
17. Elkonin D.B. Developmental Psychology: a textbook. Moscow: Academy, 2008. 141 p.

Информация об авторах

Ткаченко С.В., преподаватель высшей квалификационной категории, Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, SPIN-код: 6684-5873, sergeytkachenko78@mail.ru

Мычко Е.И., доктор педагогических наук, профессор, профессор ОНК, Институт образования и гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, SPIN-код: 5374-7248, emychko@bk.ru

© Ткаченко С.В., Мычко Е.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9.000

¹ Арзамаскин А.М.,

² Дейнега Н.В.,

¹ Центральная клиническая больница гражданской авиации,

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Социально-психологическая оценка степени влияния постпандемической стрессовой реакции на безопасность полетов

Аннотация: в статье рассматриваются основы социально-психологической оценки степени влияния постпандемической стрессовой реакции на безопасность полетов. Проведено комплексное исследование воздействия стрессовых факторов на психическое и физиологическое состояние пилотов. Определены особенности поведения экипажа в особых полетных ситуациях. Раскрывается проблема обеспечения безопасности полетов, а также приведено обоснование необходимости организации психологической подготовки экипажа к полетам и возникновению непредвиденных ситуаций. Целью статьи является рассмотрение основных социально-психологических исследований последних лет, посвященных оценке степени влияния постпандемической стрессовой реакции на безопасность полетов и наличия стресса у специалистов авиационной отрасли.

Ключевые слова: авиационный экипаж, коронавирусная инфекция, стрессоустойчивость, кризис, методика, CRM-AVIATION

Для цитирования: Арзамаскин А.М., Дейнега Н.В. Социально-психологическая оценка степени влияния постпандемической стрессовой реакции на безопасность полетов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 179 – 184.

Поступила в редакцию: 14 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Arzamaskin A.M.,

² Deynega N.V.,

¹ Central Clinical Hospital of Civil Aviation,

² Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Socio-psychological assessment of the impact of the post-pandemic stress response on flight safety

Abstract: the article discusses the basics of socio-psychological assessment of the degree of influence of the post-pandemic stress response on flight safety. A comprehensive study of the effects of stress factors on the mental and physiological state of pilots has been conducted. The peculiarities of the crew's behavior in special flight situations are determined. The problem of flight safety is revealed, as well as the justification for the need to organize psychological training of the crew for flights and the occurrence of unforeseen situations. The purpose of the article is to review the main socio-psychological studies of recent years devoted to assessing the degree of influence of the post-pandemic stress response on flight safety and the presence of stress among aviation industry specialists.

Keywords: aviation crew, coronavirus infection, stress tolerance, crisis, methodology, CRM-AVIATION

For citation: Arzamaskin A.M., Deynega N.V. Socio-psychological assessment of the impact of the post-pandemic stress response on flight safety. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 179 – 184.

The article was submitted: June 14, 2025; Approved after reviewing: August 12, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Одной из основных государственных задач в деле осуществления безопасности полетов является предотвращение летных происшествий и сохранение психологического здоровья экипажа. В условиях пандемии большинство авиационных служб столкнулись с проблемами в деле общения с пассажирами и с перебоями полетов. Это негативно сказалось на ментальных характеристиках каждого из пилотов и членов экипажа. Актуальностью данного исследования является то, что научное обоснование обеспечения полетов и обеспечение отсутствия аварий является первостепенной задачей для многих исследователей.

Авиационная деятельность летных экипажей осуществляется в первую очередь на основе обеспечения психологического здоровья поведения и деятельности пилотов. Именно поэтому социально-психологическая оценка степени влияния стресса, в особенности в период постпандемии, играет ключевую роль в обеспечении безопасных полетов [18, с. 46].

Материалы и методы исследований

Анализ социально-психологических исследований теоретического и практического характера, сравнение, синтез мнений.

Результаты и обсуждения

Существует теория о том, что стресс является комплексом сразу нескольких различных эмоций, который зависит от жизненного опыта человека и контекста. К. Изард в своей книге «Психология эмоций» описывает стресс, исходя из множества исследований, как комплекс эмоций, которые базируются на, в первую очередь, страхе, а затем на печали, вине и стыде. Так, можно сказать, что для определения стресса используется исключительно индивидуальный подход, поскольку данное чув-

ство может вызывать у каждого человека разные эмоции. Тем не менее, большинство учёных согласны с тем фактом, что понятия стресс и тревога не тождественны и стоит их разделять. Когда речь идёт о субъективном переживании, то мы имеем дело с тревогой, которое характеризуется большим количеством эмоций, нежели просто стресс [6, с. 39].

Авиационный экипаж – это малая группа людей, которая имеет тесный контакт друг с другом на протяжении длительного периода времени. Именно поэтому создание благоприятного психологического климата во время полета позволяет пережить негативные социальные и ментальные нагрузки. В особенности это было показательно в период пандемии, когда люди столкнулись с различными стрессовыми факторами, а авиаспециалистов не мог выходить на линии, либо сталкивался с агрессией среди людских масс. Поэтому слепота, взаимопонимание, знание профессиональных обязанностей определяют противостояние авиационной личности аварийным ситуациям в полете [9].

Международный авиационный комитет (МАК) свидетельствует о том, что после наступления пандемии статистика по безопасности полетов на территории Российской Федерации ухудшилась на период с 2019 по 2021 год [8].

Также, согласно МАК, количество авиационных происшествий в 2019-20 году пошло на спад. Это связано с сокращением числа рейсов. Известно, что количество рейсов на фоне пандемии коронавирусной инфекции сократилось более чем на 40%. Статистические данные по аварийности за 2019-2020 г., с распределением по классам воздушных судов и видам авиационных работ и перевозок представлены на рис. 1 [1]:

Класс воздушных судов	Вид авианперевозок	Год	Авиационные происшествия		Потери
			Всего	в т. ч. катастроф	
КОММЕРЧЕСКАЯ АВИАЦИЯ					
Самолеты (взлетная масса более 5700 кг)	Все виды авиаработ и перевозок, в т. ч.	2020	5	1	9
		2019	8	4	60
	регулярные пассажирские	2020	1		
		2019	4	3	55
	нерегулярные пассажирские	2020	1		
		2019	1		
	прочие авиаработы	2020	3	1	9
		2019	3	1	5
Самолеты (взлетная масса менее 5700 кг)	Все виды авиаработ и перевозок, в т. ч.	2020	11	7	13
		2019	10	3	6
	регулярные пассажирские	2020			
		2019			
	нерегулярные пассажирские	2020	1		
		2019	1	1	2
	прочие авиаработы	2020	10	7	13
		2019	9	2	4
Вертолеты	Все виды авиаработ и перевозок	2020	3	1	2
		2019	6	4	6
ВСЕГО	Все виды авиаработ и перевозок	2020	19	9	24
		2019	24	11	72
АВИАЦИЯ ОБЩЕГО НАЗНАЧЕНИЯ					
Самолеты и вертолеты	Все виды авиаработ	2020	27	14	27
		2019	17	14	25
КОММЕРЧЕСКАЯ АВИАЦИЯ И АОИ					
ВСЕГО	Все виды авиаработ и перевозок	2020	46	23	51
		2019	41	25	97

Рис. 1. Статистические данные по аварийности за 2019-20 г [10].
Fig. 1. Statistical data on accidents for 2019-20 [10].

Психическое и эмоциональное состояние пилотов оказывает огромное влияние на качество полета. Данное состояние включает в себя следующие компоненты: стресс, самоуверенность, ошибочные решение, усталость, проблемы с коммуникацией, различия в личностном плане. Кроме того, на каждое решение, которое принимает в полёт пилот, накладываются физиологические, психологические и социальные факторы. Личность пилотов состоит из особенностей поведения, профессиональных характеристик, направленности и жизненной ориентации [1, 2, с. 170].

Работники гражданской авиации на себе испытали последствия постпандемической стрессовой реакции. Это связано в первую очередь с тем, что в результате появления коронавирусной инфекции аэропорты столкнулись с различными проблемами. Принимаемые стратегии, которые направлены на снижение издержек влияния пандемии, оказали влияние также на занятость и достойную работу [13].

Пандемия коронавирусной инфекции губительно повлияла на работу авиационного сектора. Она привела к кризису в авиационной отрасли. С начала 2020 года количество рейсов снизилось более чем на 40%. Повысились риски производственного сектора.

Повышенные производственные риски, которые связаны с наступлением COVID-19 фиксировались:

- проявлениями насилия и домогательств: задержка и отмена рейсов и практика компенсационных выплат могут усугубить эпизоды гневного поведения пассажиров;

- утратой уверенности и безопасности на рабочих местах: протоколы, регулирующие мероприятия по уборке, и в отдельных случаях средства индивидуальной защиты исключительно важны как для сокращения распространения коронавируса, так и для восстановления доверия пассажиров и работников отрасли к воздушным перевозкам;

- появлением ложной информации, которая может приводить к стрессам;

- дискриминирование и стигматизация: процветают при несоблюдении политики конфиденциальности информации;

- ограничениями в передвижении: во время пандемии работники могли столкнуться с трудностями во время пребывания на работу. Каждому члену экипажа необходимо иметь четкую информацию о посадке самолета, возможных задержках, графике [14].

В связи с вышеуказанным, повысился стресс во время работы, что поставило в приоритет задачу создание надежных методик по оценке психологи-

ческих и мотивационных характеристик каждого из членов авиационной команды.

В настоящее время практический отбор специалистов авиационного сектора требует более тщательного отсеивания людей, не готовых к профессиональному стрессу и обеспечению безопасности полетов в различных условиях. Эксперты выделяют CRM – подготовку, как наиболее перспективную на данный момент. Она позволяет управлять человеческими ресурсами и обучать членов экипажа навыкам использования личностных и профессиональных характеристик в правильном направлении, повышая безопасность в полете [7, с. 250].

Области, которые захватывают при обучении CRM [11, с. 156]:

Коммуникативные навыки межличностного контакта. Заключаются в способности выслушать собеседника и дать обратную связь. Данный контакт требует от команды вежливости, взаимоуважения, ответственности, настойчивости, учета возрастных, психологических особенностей и статуса.

Навыки наблюдения за внешними факторами. Способность восприятия окружающей среды, которая ограничивается кабиной самолета и внешней средой.

Навыки формирования контроля за происходящим.

Навыки принятия самостоятельного решения в условиях конфликта интересов.

Навыки поддержки других членов экипажа при стрессовой ситуации или потери мотивации.

Навыки лидера и подчиняющегося при необходимости. Постепенное становление лидерских характеристик, которые заключаются в доверительном контакте, выслушивании мнения всех членов команды, принятии взвешенных решений, хладнокровности в жизненно важных вопросах, формировании чувства ответственности.

Навыки стрессоустойчивости. Развитие навыков приспособления к стрессовым факторам, способность справиться с волнением и тревожностью.

Критический разбор. Развитие навыков предполетного анализа и планирования, текущей оценки как части процесса решения проблем в полете, послеполетного разбора.

Программа CRM-AVIATION-AVIATION реализуется в ходе аудиторных занятий с использованием видеоматериалов с примерами правильного и неправильного коллективного поведения в кабине, ролевых игр, групповых упражнений, социально-психологических тренингов, психодиагностических процедур для выявления характеристик лич-

ности обучаемых и их отношения к делу и друг к другу [3, с. 78; 5, с. 48].

Стоит отметить в нашем исследовании то, что внедрение эффективных методик подготовки летного экипажа к действию в стрессовых ситуациях безусловно необходимо. Рассмотренная нами методика обучения CRM позволяет подготовить авиаспециалистов и укрепить такие навыки, как межличностная коммуникация, стрессоустойчивость, лидерство, взаимоподдержка и хладнокровие в рискованных ситуациях.

Существует теория, согласно которой стресс представляет собой комплекс сразу нескольких различных эмоций, зависящих от жизненного опыта и контекста человека. К. Изард в своей книге «Психология эмоций» на основе многочисленных исследований описывает стресс как комплекс эмоций, в основе которых лежит прежде всего страх, а затем грусть, вина и стыд. Таким образом, можно сказать, что к определению стресса применяется исключительно индивидуальный подход, поскольку это чувство может вызывать у каждого человека разные эмоции. Тем не менее, большинство учёных сходятся во мнении, что понятия стресса и тревоги не тождественны и должны быть разделены. Когда речь идёт о субъективном опыте, мы имеем дело с тревогой, которая характеризуется большим количеством эмоций, чем просто стресс (6, с. 39).

Экипаж воздушного судна – это небольшая группа людей, находящихся в тесном контакте друг с другом в течение длительного времени. Именно поэтому создание благоприятной психологической среды имеет решающее значение.

Выводы

Таким образом, безопасность полетов в основе работы гражданской авиации является одним из главных показателей ее эффективности. Постоянное повышение качества полетов соотносится с жизненной необходимостью, поскольку именно это способствует вызову доверия социума к авиационным службам. Это же является приоритетной задачей для нашего государства.

Данное исследование показало, что пандемия коронавирусной инфекции внесла негативные коррективы в работу авиации по всему миру. С 2020 года отмечается кризис в авиаотрасли в той или иной формулировке, который до сих пор держит в напряжении все авиапредприятия нашей страны. Также отмечается, что число рейсов с 2020 года пошло на спад, что свело к минимуму количество аварийных происшествий. Ситуация с пандемией поспособствовала повышению рисков производственного сектора. В связи с этим появилась необходимость разработки надежных мето-

дик по оценке психологических и мотивационных характеристик каждого из членов гражданской авиационной структуры. Нами была рассмотрена методика обучения CRM, которая позволяет подготовить авиаспециалистов и укрепить такие навыки, как межличностная коммуникация, стрессоустойчивость, лидерство, взаимоподдержка и хладнокровие в рискованных ситуациях. Через мето-

дику обучения CRM для авиаспециалистов, как мотивационный пример между руководством авиапредприятий и авиаспециалистов пересечения профессиональных интересов и как мотивационное взаимодействие, видим реальность экономической, а также социально-партнерской выгоды на постоянной основе.

Список источников

1. 2020-й – год без полетов, но авиакатастрофы были. В них погибли те, кого обычно не считают. URL: <https://airport-tula.ru/interesno/statistika-aviakatastrof-po-stranam.html> (дата обращения: 10.04.2023)
2. Алексеева Т.Г., Аммятов И.Р. Предупреждение негативного влияния бытовых проблем пилота на безопасность полетов // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2022. № 04 (69). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/preduprezhdenie-negativnogo-vliyaniya-bytovykh-problem-pilota-na-bezopasnost-poletov.html> (дата обращения: 30.04.2022)
3. Бочаров И.В., Стрелец В.В., Тукайнов Н.А. Влияние стресса на психологические характеристики деятельности летчика // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3-1 (42). С. 168 – 172. DOI 10.24411/2500-1000-2020-10229
4. Дмитренко А.Ю. Профилактика стрессоустойчивости как важного компонента профессиональной ответственности военного летчика. Коллективная монография. Стресс и эмоциональное выгорание: методы профилактики. Ульяновск: научное издательство «ЗЕБРА». 2019. С. 46 – 55.
5. Дмитренко А.Ю., Шашлов А.В. Психолого-педагогические основы обеспечения безопасности полетов // Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности и физической культуры: Сборник научных статей факультета физической культуры и безопасности жизнедеятельности / Под ред. Л.В. Кашицыной. Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2018. С. 45 – 49.
6. Дмитренко А.Ю. Профессиональная ответственность офицера воздушно-космических сил России: содержательно-структурный анализ // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 4. С. 77 – 84.
7. Лазарев Е.Ю., Анищенко А.Н., Маньшин А.Н. Особенности формирования стрессоустойчивости у курсантов авиационных вузов с целью обеспечения безопасности полетов // Проблемы безопасности полетов. 2022. № 4. С. 39 – 46. DOI 10.36535/0235-5000-2022-04-5
8. Лысаков Н.Д. Психологические аспекты человеческого фактора в авиации // Вестник университета. 2014. № 2. С. 250 – 253.
9. Моисеева Н.С. Влияние человеческого фактора на безопасность полета // Молодой ученый. 2020. № 9 (299). С. 153 – 156.
10. Чайковский А.А., Нетяженко Д. А., Артемов Д.О. Психологические особенности формирования сплоченных и эффективных экипажей многоместных самолётов // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2020. № 05 (46). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/psikhologicheskie-osobennosti-formirovaniya-splochyonnykh-i-effektivnykh-ekipazhej-mnogomestnykh-samolyotov.html>
11. Kelly D., Efthymiou M. An analysis of human factors in fifty controlled flights into terrain aviation accidents from 2007 to 2017 // Journal of Safety Research. June 2019. Vol. 69. P 155 – 165. DOI: 10.1016/j.jsr.2019.03.009
12. Blajev Tz., Curtis W. Go-around decision-making and execution project // Flight safety foundation. March 2020. 54 p.
13. Pierce B. COVID-19: Updated impact* assessment of the novel Coronavirus, IATA, 2020, 5 march.
14. Pierce B. COVID-19: Updated impact assessment, IATA, 2020, 24 march.

References

1. 2020 is a year without flights, but there were plane crashes. Those who are usually not counted died in them. URL: <https://airport-tula.ru/interesno/statistika-aviakatastrof-po-stranam.html> (date of access: 10.04.2023)
2. Alekseeva T.G., Ammyatov I.R. Prevention of the negative impact of pilot's everyday problems on flight safety. The world of pedagogy and psychology: international scientific and practical journal. 2022. No. 04 (69). Access mode: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/preduprezhdenie-negativnogo-vliyaniya-bytovykh-problem-pilota-na-bezopasnost-poletov.html> (date accessed: 30.04.2022)

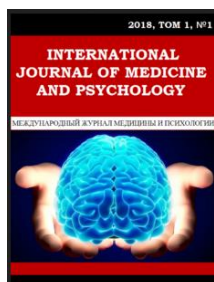
3. Bocharov I.V., Strelets V.V., Tukaynov N.A. The influence of stress on the psychological characteristics of a pilot's activities. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 3-1 (42). P. 168 – 172. DOI 10.24411/2500-1000-2020-10229
4. Dmitrenko A.Yu. Prevention of stress resistance as an important component of a military pilot's professional responsibility. Collective monograph. Stress and emotional burnout: prevention methods. Ulyanovsk: Scientific Publishing House "ZEBRA". 2019. P. 46 – 55.
5. Dmitrenko A.Yu., Shashlov A.V. Psychological and pedagogical foundations of flight safety. Actual problems of life safety and physical education: Collection of scientific articles of the Faculty of Physical Education and Life Safety. Ed. L.V. Kashitsyna. Saratov: Publishing House "Saratovskiy Istochnik", 2018. P. 45 – 49.
6. Dmitrenko A.Yu. Professional responsibility of an officer of the Russian Aerospace Forces: content and structural analysis. Siberian Pedagogical Journal. 2019. No. 4. P. 77 – 84.
7. Lazarev E.Yu., Anishchenko A.N., Manshin A.N. Features of the formation of stress resistance in cadets of aviation universities in order to ensure flight safety. Problems of flight safety. 2022. No. 4. P. 39 – 46. DOI 10.36535/0235-5000-2022-04-5
8. Lysakov N.D. Psychological aspects of the human factor in aviation. Bulletin of the University. 2014. No. 2. P. 250 – 253.
9. Mokeeva N.S. Influence of the human factor on flight safety. Young scientist. 2020. No. 9 (299). P. 153 – 156.
10. Tchaikovsky A.A., Netyazhenko D.A., Artemov D.O. Psychological Features of Formation of Cohesive and Effective Crews of Multi-Seat Aircraft. The World of Pedagogy and Psychology: International Scientific and Practical Journal. 2020. No. 05 (46). Access mode: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/psikhologicheskie-osobennosti-formirovaniya-splochyonnykh-i-effektivnykh-ekipazhej-mnogomestnykh-samolyotov.html>
11. Kelly D., Efthymiou M. An analysis of human factors in fifty controlled flights into terrain aviation accidents from 2007 to 2017. Journal of Safety Research. June 2019. Vol. 69. P. 155 – 165. DOI: 10.1016/j.jsr.2019.03.009
12. Blajev Tz., Curtis W. Go-around decision-making and execution project. Flight safety foundation. March 2020. 54 p.
13. Pierce B. COVID-19: Updated impact* assessment of the novel Coronavirus, IATA, 2020, 5 march.
14. Pierce B. COVID-19: Updated impact assessment, IATA, 2020, 24 March.

Информация об авторах

Арзамаскин А.М., Центральная клиническая больница гражданской авиации, 125367, г. Москва, Ивановское ш., 7, arzamaskin80@mail.ru

Дейнега Н.В., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 7 (4-й учебный корпус), dnv_921@mail.ru

© Арзамаскин А.М., Дейнега Н.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Бембеева Н.А.,

¹ Белоусова А.К.,

¹ Донской государственный технический университет

Особенности вовлеченности в интернет-коммуникации и мотивации интернет-пользования студентами русской и калмыцкой национальностей

Аннотация: история Интернета как социально-психологического явления, который оказывает огромное влияние на жизнедеятельность личности, тем более в студенческом возрасте достаточно молода. Усиливается влияние виртуального пространства на современное общество, в связи с чем возникает множество дискуссионных вопросов.

Интернет как информационно-цифровое пространство – это не только привычная «среда» и образ жизни современных студентов, но и необъятная по масштабам и возможностям медиа-платформа, применяемая, в том числе, и для обучения. Интернет создаёт условия для формирования новых социальных практик и форм активности, благодаря ему сегодня происходит формирование картины мира и конструирование образа будущего молодых людей. Без Всемирной Сети на сегодняшний день не обходятся ни политика, ни бизнес, ни личные отношения, и, конечно же, он имеет огромное значение для сферы коммуникации.

В данном исследовании приняли участие 296 студентов ФБГОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»: студентов русской национальности – 142, студентов – калмыков – 154, из них девушек – 142 и юношей – 154.

По результатам установлено различие мотивации, виртуальности и вовлеченности в интернет-коммуникации студентами русской национальности и студентами-калмыками.

Несмотря на то, что интернет-вовлеченность в исследуемой выборке на среднем уровне, то есть отсутствует зависимость, в результате исследования нами выявлены статистически значимые различия между студентами разных национальностей (русские и калмыки).

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, мотивация интернет-коммуникации, вовлеченность в Интернет, студенческий возраст, калмыки, русские

Для цитирования: Бембеева Н.А., Белоусова А.К. Особенности вовлеченности в интернет-коммуникации и мотивации интернет-пользования студентами русской и калмыцкой национальностей // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 185 – 193.

Поступила в редакцию: 15 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Bembeeva N.A.,

¹ Belousova A.K.,

¹ Don State Technical University

The peculiarities of involvement in Internet communication and motivation of Internet use by students of Russian and Kalmyk nationalities

Abstract: the history of the Internet as a socio-psychological phenomenon, which has a huge impact on an individual's life, especially during the student years, is relatively young. The influence of the virtual space on modern society is increasing, leading to numerous discussions.

The Internet as an information and digital space is not only a familiar "environment" and lifestyle for modern students, but also a vast media platform with unlimited possibilities, including educational ones. The Internet creates conditions for the formation of new social practices and forms of activity, and it is responsible for shaping the worldview and constructing the image of the future for young people. Today, the Internet is indispensable for politics, business, and personal relationships, and it is also crucial for communication.

The study involved 296 students from Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov: 142 Russian students, 154 Kalmyk students, including 142 girls and 154 boys.

According to the results, there is a difference in motivation, virtuality, and involvement in online communication between Russian and Kalmyk students.

Despite the fact that the level of online involvement in the study sample is average, which means that there is no dependence, the study revealed statistically significant differences between students of different nationalities (Russians and Kalmyks).

Keywords: Internet communication, motivation for Internet communication, Internet involvement, student age, Kalmyks, Russians

For citation: Bembeeva N.A., Belousova A.K. Features of involvement in online communication and motivation for online use by students of Russian and Kalmyk nationalities. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 185 – 193.

The article was submitted: June 15, 2025; Approved after reviewing: August 13, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Сегодня отмечается рост популярности Всемирной сети-Интернет, что обусловлено влиянием огромного количества факторов. Интернет дает возможность человеку взаимодействовать, даже находясь на расстоянии от других людей; оперативно проверять актуальную информацию, обмениваться мнениями с другими пользователями и т.д.

Граница между психикой человека и виртуальным миром – это очень сложный и многогранный вопрос. Все больше людей проводят существенное количество времени виртуально, особенно в контексте современных технологий и развития Всемирной Сети.

По мнению Зайкиной К.А., набор значимых культурных ценностей, нравственных норм и правил поведения, принятых в обществе определенной национальности – это и есть кросс-культурные особенности. Она считает, что это «особенности деловых вербальных и невербальных коммуникаций, а также значения, которые приписываются различным символам в зависимости от той или иной национальной деловой среды» [5].

Интернет, по нашему мнению, является одним из проявлений глобализации современной культуры. Интернета воздействует на современную культуру, причем это воздействие не только полезно, но, и в некоторых случаях, является отрицательным.

Кросс-культурный контекст имеет и понятие «стиль обучения» Так, К. Бармейер [C. Barmeyer]

указывает, что «культура во многом определяет наше мышление и поведенческие паттерны, также она влияет на стили обучения, связанные в восприятии, переработкой информации, принятием решений и т.п.» [21, 22].

Так, Н.М. Лебедева [9] считает, что представители разных культур при взаимодействии друг с другом исходят из разного перцептивного опыта.

Вовлеченность в Интернет-коммуникацию вызывает у человека весь спектр эмоциональных реакций, как и реальные ситуации. Например, успешное выполнение задания в виртуальной игре может вызвать радость и удовлетворение, а конфликтный эпизод виртуальных отношений может вызвать разочарование и грусть [1].

«Цифровые устройства расширяют или заменяют функции мозга, проецируя разум в физический мир. Цифровые устройства превращаются в своеобразные «психологические орудия», изменяя качественные характеристики психических явлений и процессов» [23].

Труды А. Astin, V. Tinto, S. Mann, D. Fredericks, E. Kahu оказали значительное влияние на формирование понятия «студенческая вовлечённость» [7].

Анализ исследований, направленных на изучение вовлеченности в Интернет-коммуникации и Интернет-активности показывают существование разных и противоположных позиций представителей отечественной и зарубежной науки. Так, в частности, можно выделить ряд основных подходов:

- положительное воздействие Интернет-

коммуникаций. По исследованиям [2, 16 и др.], у студентов, вовлеченных в Интернет-коммуникации, проявляется хорошее логическое мышление, способность лучше контролировать свои эмоции, у них отлично развиты творческие задатки. Кроме того, они пришли к выводу, что социальные сети и компьютерные игры влияют на сознание человека. Также как показали исследования С.Симаи [15] и др, люди часто находящиеся в Интернет-коммуникации более социализированы и общительны. По мнению Лучинкиной А.И. [10] с возрастанием интернет-активности пользователя увеличивается его приверженность к индивидуальным ценностям (самостоятельность, достижение, власть, гедонизм);

- компенсаторное влияние Интернет-коммуникаций: Интернет-активность и вовлеченность во Всемирную Сеть – это возможность восполнить нехватку эмоций, общения с другими людьми, любви. С помощью интернет-пространства человек может развиваться и самореализоваться в творческой деятельности [20]. По мнению Иванова М.С. [6]: «Большинство из них (людей вовлеченных в Интернет – прим.автора) – люди с известными психологическими проблемами: несложившаяся личная жизнь, неудовлетворенность собой, и, как следствие, утеря смысла жизни и нормальных человеческих ценностей. Единственной ценностью для них является компьютер и все, что с этим связано»;

-психотерапевтическое воздействие Интернет-коммуникаций. Оно выявляется тем, что благодаря нахождению в Интернете человек психологически «перезагружается».

Интернет дает возможность самовыразиться [2]. По мнению Тихомировой Е.В. [17], люди выбирают виртуальную среду, различные интернет-сообщества для того, чтобы пообщаться, поделиться своей проблемой, чувствами, переживаниями с другими, особенно когда находятся в состоянии напряжения, стресса, и нуждаются в поддержке, одобрении.

-негативное воздействие Интернет-коммуникаций. Вовлеченность в социальные сети приводит к свертыванию реальных социальных контактов, сокращается практика социального взаимодействия и общения, развивается индивидуализм Васильева И.А, Осипова Е.М. и др. [3], у человека формируется аддиктивная форма поведения, если он проводит в Интернете слишком много времени [13, 27], Человек теряет контроль над своей настоящей жизнью и преувеличивает виртуальные ценности, а также расхождение в нормах и ценностях сетевого сообщества с ценностными основаниями традиционного общества

может привести к конфликту «сетевой личности» с реальным миром [12]. Также возможно снижение зрения, появление протрузий, ослабление мышц – нарушению гармоничного образа жизни [18];

- диагностический потенциал Интернет-коммуникаций. С помощью Интернета можно исследовать личностные характеристики людей, которые принимают в них участие [8]. Сформировал собственные Игровые методики для определения особенностей темперамента личности разработаны А. Шмелевым [19].

На студенческой выборке комплексное исследование проведено Пучковой Е.Б. [14]. Оно показало, что студенты полностью вовлечены в виртуальную среду. Виртуальная среда является частью повседневного общения и деятельности современных студентов.

Такие же результаты были получены ранее проведенным исследованием совместно с Л.В. Темновой и Ю.В. Суховершиной [24], которые показали 100% вовлеченность студентов в интернет-пространство.

В зарубежной психологии тема интернет-вовлеченности и мотивации пользования интернет-ресурсами привлекает внимание ряда исследователей, работающих в области социальных наук, психологии и медиакоммуникаций. Одним из видных представителей этой области является Sherry Turkle, которая проводила анализ влияния мобильных технологий и социальных сетей на межличностные отношения и коммуникацию. S.Turkle акцентирует внимание на том, что цифровые взаимодействия могут одновременно как способствовать социальному соединению, так и вызывать разобщение между людьми [27].

Американский психолог Charles T. Tart рассматривал виртуальную коммуникацию как прототип реальному взаимодействию, который имеет ряд особенностей: анонимность, эмоциональное насыщение и возможность самоконструирования партнера по общению [26].

М. Андерсон и Ц. Цзян, проведя исследование отмечают, что в онлайн-группах и форумах студенты знакомятся и получают поддержку. Они отмечают, что самораскрытие в социальных Интернет-сетях оказывает положительное влияние на индивидуальную психосоциальную адаптацию [20].

S.Williams и др. было доказано, что Интернет-общение имеет принципиально иную специфику по сравнению с коммуникацией, не опосредованной компьютером (т.н. «face-to-face communication») [29].

Пребывание в онлайн-пространстве субъектив-

но значимо для человека, так как позволяет узнать себя, сформировать свое «я» [25].

Цель исследования состоит в выявлении различий в интернет-мотивации и вовлеченности в интернет-коммуникации студентов русской и калмыцкой национальностей.

При анализе вовлеченности студентов разных национальностей в интернет-коммуникацию необходимо учитывать ряд факторов, включая доступ к цифровым технологиям и условиям интернета, которые могут варьироваться в зависимости от региона или страны проживания. Исследования показывают, что в странах с развитой экономикой студенты часто имеют более широкий доступ к интернет-ресурсам, в отличие от студентов из развивающихся регионов, что, в свою очередь, может оказывать значительное влияние на уровень их вовлеченности в онлайн-форматы обучения. Различия в цифровой грамотности среди студентов разных национальностей становятся важным аспектом, влияющим на их участие в обсуждениях и взаимодействиях в рамках образовательных процессов.

Таким образом, исследование особенностей вовлеченности студентов различных национальностей в интернет-коммуникацию требует комплексного и междисциплинарного подхода, учитывающего культурные, языковые, социальные и образовательные факторы. Это обусловлено необходимостью устранения существующих барьеров и создания условий, способствующих более активному и продуктивному взаимодействию между студентами, представляющими различные национальные и культурные сообщества.

Материалы и методы исследований

В исследовании на добровольной основе приняли участие 296 студентов 1-х и 2-х курсов факультета педагогического образования очной формы обучения, направлений: «Психолого-педагогическое образование», «Физическая культура и спорт», «Начальное образование», «Дошкольное образование» ФБГОУ ВО «Калмыцкого государственного университета им.Б.Б.Городовикова», г.Элиста, Республики Калмыкия, Россия.

Гипотезы исследования. Мы предполагаем, что:

1. существуют различия в мотивации пользования интернет-пространством у студентов, представителей русской и калмыцкой национальностей;

2. уровни виртуальности и вовлеченности в интернет-коммуникации в студенческом возрасте могут определяться принадлежностью к определенной национальности (русские и калмыки).

В исследовании применялись следующие методы:

Опросник «Личность в виртуальном пространстве», автор А.И. Лучинкина, опрос студентов. Непараметрический критерий U-Манна-Уитни с применением программного обеспечения SPSS Statistics 22.0 for Windows.

Опросник А.И. Лучинкиной [11] представляет собой диагностику 5 мотивов интернет-коммуникации. Также опросник выявляет: виртуальность, вовлеченность и направленность личности в интернете-пространство.

Результаты и обсуждения

Распределение испытуемых по национальности и гендерной характеристике представлены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение испытуемых в исследовании (количество/%, n=296).

Table 1

Distribution of subjects in the study (number/%, n=296).

Национальность	Юноши Кол-во \%	Девушки Кол-во \%	Всего Кол-во\%
Русский	73 \ 25%	69\23%	142 \ 48%
Калмык	81 \ 27%	73 \ 25%	154 \ 52%
Всего	154 \ 52 %	142 \ 48 %	296

По результатам Опросника «Личность в виртуальном пространстве», автор А.И. Лучинкина, нами выявлено, что всего студентов с творческой мотивацией пользования интернет-пространством – 56 человек, что составляет 18,9 % выборки. У 240 студентов обнаружена потребительская мотивация пользования интернет-пространством, что составило 81,1% от всей выборки. То есть, у основной части испытуемых применение интернет-

коммуникаций, не предполагает создание новых форм взаимодействия, нового продукта. Студенты в виртуальном пространстве действуют как пользователи по известным правилам, которые заданы возможностями общения, условиями игры и не требуют личного творчества.

По показателю методики: «Вовлеченность» в интернет-пространство нами получены следующие результаты, представленные на рис. 1.

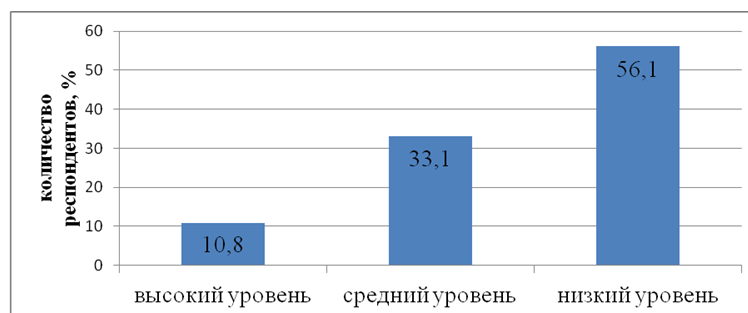


Рис. 1. Уровни вовлеченности студентов в интернет-пространство. Примечания. Цифрами на гистограммах указано количество респондентов в % (общая выборка N = 296).

Fig. 1. Levels of student involvement in the Internet space. Notes: The numbers on the histograms indicate the number of respondents in % (total sample N = 296).

Описательная статистика представлена в табл. 2.

Таблица 2

Статистические результаты исследования уровней вовлеченности в интернет-коммуникации у представителей русской и калмыцкой национальностей с применением U критерия Манна-Уитни.

Table 2

Statistical results of the study of the levels of involvement in Internet communication among representatives of the Russian and Kalmyk nationalities using the Mann-Whitney U test.

Показатель	Калмыцкая национальность			Русская национальность		
	N	среднее	Среднеквадратичное отклонение	N	среднее	Среднеквадратичное отклонение
Вовлеченность	154	18,5390	9,66642	142	21,2958	9,49714

Проведенное исследование подтверждает, что вовлеченность в интернет-коммуникации в студенческом возрасте на среднем уровне, что может указывать на разнообразные факторы, влияющие на использование онлайн-платформ для общения, обучения и социальной активности. Средний уровень вовлеченности в интернет-пространство обусловлен, по нашему мнению, такими аспектами, как: доступность технологий, наличие и качество связи, а также индивидуальными предпочтениями и привычками пользователей, но при этом, определенное количество студентов, которые предпочитают традиционные формы общения или, возможно, испытывают ограничения, связанные с доступом к интернету или уровнями цифровой грамотности.

Показатель «вовлеченность» может варьироваться в зависимости от различных факторов. К таким факторам относятся: учебная нагрузка, личные предпочтения, сфера обучения и социальные взаимодействия. Например, студенты, обучающи-

еся в области информационных технологий или медиапроизводства, возможно, более активно вовлечены в интернет-коммуникации по сравнению с теми, кто изучает гуманитарные науки или имеет ограниченное время на активное использование онлайн-платформ.

Таким образом, средний уровень вовлеченности в интернет-коммуникации среди студентов может быть сигналом к необходимости дальнейшего анализа и внимания со стороны образовательных учреждений, которые стремятся адаптировать свои методы обучения и коммуникации в соответствии с потребностями и предпочтениями студентов, а также их уровнем цифровой подготовки.

Для выявления значимых различий по вовлеченности в интернет-коммуникации и мотивации использования интернет-пространством студентов русской и калмыцкой национальностей был применен непараметрический критерий U-Манна-Уитни (табл. 3).

Таблица 3

Статистически значимые различия по показателям вовлеченности и мотивации интернет-коммуникациями студентов, представителей русской и калмыцкой национальности.

Table 3

Statistically significant differences in the indicators of involvement and motivation in Internet communications of students of Russian and Kalmyk nationality.

Группа	ТМ	МР	МЛП	МВ	ПМ	МОП	МВР	Вовлеченность
	Среднее (Стд. Отклонение)	Среднее (Стд. Отклонение)	Среднее (Стд. Отклонение)	Среднее (Стд. Отклонение)	Среднее (Стд. Отклонение)	Среднее (Стд. Отклонение)	Среднее (Стд. Отклонение)	Среднее (Стд. Отклонение)
Калмыки	55 (26,5)	2,9 (3,3)	4,3 (3,7)	6,3 (4,6)	66,7 (26,4)	6,9 (3,1)	4,2 (3)	18,5 (9,7)
Русские	65,6 (26,2)	4,5 (3,6)	5,2 (2,9)	7,1 (3,2)	87,1 (32,2)	9,3 (3,4)	5,1 (3)	21,3 (9,5)
U	8302	7451	9110	10000	6731	5465,5	9423	9349,5
p	0,000	0,000	0,012	0,202	0,000	0,000	0,038	0,031

Примечания. ТМ – творческая мотивация; МР – мотив репликации; МОП – мотив личного пространства; МВ – мотив вклада; ПМ – потребительская мотивация; МОП – мотив обозначенного присутствия; МВР – мотив воплощения в роль.

Notes: TM – creative motivation; MR – replication motive; MSP – personal space motive; MV – contribution motive; PM – consumer motivation; MOP – designated presence motive; MVR – role embodiment motive.

Результаты сравнительного анализа интернет-вовлеченности личности студентов русской и калмыцкой национальностей показали, что существуют различия на уровне $p \leq 0,01$ значимости следующих показателей: творческая мотивация, мотив репликации, мотив личного пространства, потребительская мотивация, мотив обозначенного присутствия и виртуальность (см.таблицу 3).

Таким образом, творческая мотивация ($U=8302$, $p=0,000$) в виртуальном пространстве у представителей русской национальности выше, чем у калмыков. То есть, интернет-пространство дает возможность им для проявления креативности или творческой реализации. Они, возможно, создают новые формы взаимодействия, новый продукт.

Также мотив репликации ($U=7451$, $p=0,000$), значимо выше у русских, чем у калмыков. Мотив репликации – это мотив повторения себя путем создания новых страниц, героев, проживание нескольких жизней одновременно. С его помощью человек дополняет насыщенность реальной жизни интересными событиями в виртуальном пространстве. Нормативная реализация данного мотива предусматривает выделение личного пространства в Интернете, в который можно иногда погружаться.

Мотив обозначенного присутствия ($U=5465,5$, $p=0,000$) у русских достоверно выше, чем у студентов-калмыков. Здесь обнаруживаем стремление

студентов в общении с другими пользователями из географически разных мест в режиме реального времени.

Также нами выявлены достоверно значимые различия на уровне $p \leq 0,05$ по показателям: мотив воплощения в роль ($U=9423$, $p=0,038$), и вовлеченность ($U=9349,5$, $p=0,031$), то есть, по данным параметрам имеется тенденция к проявлению различий (взаимосвязи). Студенты – русские более идентифицируют себя с образом уже существующего персонажа игры. Они ощущают себя принадлежащими к сетевой культуре, имеют достаточные знания для ориентации в интернет-пространстве, высоко мотивированы к деятельности в Интернете.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- интернет-вовлеченность в исследуемой выборке на среднем уровне, то есть отсутствует зависимость;

- нами выявлены статистически значимые различия мотивации пользования интернет-ресурсами у студентов разных национальностей (русские и калмыки).

В перспективе планируется сравнить результаты интернет-вовлеченности студентов русской и калмыцкой национальностей со стилем обучения и их стилями мышления.

Список источников

1. Бембеева Н.А., Белоусова А.К. Структурная организация стилей обучения у студентов с разным риском возникновения интернет-зависимого поведения // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: «Психолого-педагогические науки». 2023. Т. 20. № 2. С. 171 – 182. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.2.13>
2. Бурлаков И.В. Номо Gamer. Психология компьютерных игр. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 36 с.
3. Васильева И.А., Осипова Е.М. Психологические аспекты применения информационных технологий. Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 80 – 88.
4. Глазков А.А., Ермолаев В.В., Пучкова Е.Б., Суховершина Ю.В. Вовлеченность в виртуальную среду поколения Z // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 10-2. С. 361 – 368.
5. Зайкина К.А., Тесленко В.А. Проблемы кросс-культурных особенностей в международном маркетинге // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 74 – 76. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/174/10409>
6. Иванов М.С. Психологические аспекты негативного влияния игровой компьютерной зависимости на личность человека / Сост. К.В. Сельчонок // Психология зависимости. Минск: Харвест, 2005. С. 205 – 222.
7. Киселева Н.В. Социально-психологические характеристики вовлеченности в непрерывное образование: автореф. дис.....канд. психол. наук / Московский государственный психолого-педагогический университет, 2019. 44 с.
8. Корниенко П.А. Компьютерная игра как метод диагностики индивидуальных особенностей саморегуляции. Психологическая наука и образование. 2008. № 5. С. 175 – 181.
9. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: МАКС-ПРЕСС, 2011.
10. Лучинкина А.И. Специфика интернета как института социализации. Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5. № 1. С. 59 – 69. DOI: 10.18413/2313-8971-2019-5-1-0-5
11. Лучинкина А.И. Специфика мотивации интернет-пользователей // Перспективы Науки и Образования. 2014. № 6 (12). С. 105 – 109.
12. Лисенкова А.А., Мельникова А.Ю., Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи // Российский гуманитарный журнал. 2017. Vol. 6. № 4. С. 322 – 325. DOI: 10.15643/libartus-2017.4.4
13. Мунтян П.А. Вид компьютерной аддикции: зависимость от компьютерных игр // Cyberpsy.ru: Киберпсихология. URL: https://cyberpsy.ru/articles/muntyan-computer_games_addiction
14. Пучкова Е.Б. Анализ вовлеченности в виртуальную среду студентов гуманитарного профиля // Педагогика и психология образования. 2018. № 2. С. 117 – 129.
15. Симаи С. Влияние телеигр на физическое и психологическое развитие японских детей из детского сада. Навыки восприятия Mot. / Симаи С., Масуда К., Кисимото Ю. Июнь 1990. № 70 (3 Пт 1). С. 771 – 776. doi: 10.2466/pms.1990.70.3.771. PMID: 2377408.
16. Тихомиров О.К., Лысенко О.Е. Психология компьютерных игр // Новые методы и средства обучения. 1988. Вып. 1. С. 30 – 66.
17. Тихомирова Е.В. Особенности когнитивной оценки включенности в виртуальное сообщество субъектами интернет-общения // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, вып. 1 (13). С. 66 – 69. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-1-66-68
18. Шелкунова Т.В., Артюхова Т.Ю., Бенькова О.А. Интренет-технологии как психологическая реальность личности // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-2. С. 470 – 474.
19. Шмелев А.Г. Опыт применения компьютерного тестирования знаний при обучении студентов психологов // Вестник МГУ. Психология. 2002. № 4.
20. Anderson M., Jiang J. Teens' Social Media Habits and Experiences / Pew Research Center. 2018, November 28. URL: <https://www.pewinternet.org/2018/11/28/teens-social-media-habits-and-experiences/>
21. Barmeyer C.I. Learning styles and their impact on cross-cultural training: An international comparison in France, Germany and Quebec. International Journal of Intercultural Relations. 2004. № 28. P. 577 – 594.
22. Hofstede G.H. Culture and organization: Software of mind. New York, NY.

23. Nijssen S.R.R., Schaap G., Verheijen G.P. Has your smartphone replaced your brain? Construction and validation of the Extended Mind Questionnaire (XMQ) // PLoS ONE. 2018. Vol. 13. № 8. e0202188. DOI: 10.1371/journal.pone.0202188
24. Puchkova E.B., Sukhovershina Yu.V., Temnova L.V. A study of generation Z's involvement in virtual reality // Psychology in Russia: State of the Art. 2017. T. 10. № 4. P. 134 – 143.
25. Sandhu D., Barn R. The Internet Is Keeping Me from Dying from Boredom: Understanding the Management and Social Construction of the Self Through Middle-Class Indian Children's Engagement with Digital Technologies During the COVID-19 Lockdown // International Journal on Child Maltreatment: Research, Policy and Practice. 2022. № 6. P. 489 – 504. DOI: 10.1007/s42448-022-00135-8
26. Tart C.T. Waking up: Overcoming the obstacles to human potential. Boston, Shambhala Publications, USA. 1986.
27. Turkle S. The Second Self. Computers and the Human Spirit , Twentieth Anniversary Edition. The MIT Press, 2005. P. 386.
28. Young K. Psychology of Computer Use: XL. Addictive use of the Internet: a case that breaks the stereotype // Psychological Reports. 1996. Vol. 79 (3 Pt. 1). P. 899 – 902. DOI: 10.2466/pr0.1996.79.3.899
29. Williams S., Clausen M., Robertson A. et al. Methodological Reflections on the Use of Asynchronous Online Focus Groups in Health Research // International J. of Qualitative Methods. 2012. № 11 (4). P. 368 – 383

References

1. Bembeeva N.A., Belousova A.K. Structural organization of learning styles in students with different risks of developing Internet addictive behavior. Bulletin of Samara State Technical University. Series: "Psychological and pedagogical sciences". 2023. Vol. 20. No. 2. P. 171 – 182. <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2023.2.13>
2. Burlakov I.V. Homo Gamer. Psychology of computer games. Moscow: Independent firm "Class", 2000. 36 p.
3. Vasilyeva I.A., Osipova E.M. Psychological aspects of the use of information technology. Questions of Psychology. 2003. No. 3. P. 80 – 88.
4. Glazkov A.A., Ermolaev V.V., Puchkova E.B., Sukhovershina Yu.V. Involvement in the virtual environment of generation Z. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2015. No. 10-2. P. 361 – 368.
5. Zaykina K.A., Teslenko V.A. Problems of cross-cultural features in international marketing. Actual issues of economics and management: materials of the IV Intern. scientific conf. (Moscow, June 2016). Moscow: Buki-Vedi, 2016. P. 74 – 76. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/174/10409>
6. Ivanov M.S. Psychological aspects of the negative impact of computer gaming addiction on a person's personality. Comp. K.V. Selchonok. Psychology of addiction. Minsk: Harvest, 2005. P. 205 – 222.
7. Kiseleva N.V. Social and psychological characteristics of involvement in continuous education: author's abstract. diss. candidate of psychological sciences. Moscow State University of Psychology and Education. 2019. 44 p.
8. Kornienko P.A. Computer game as a method for diagnosing individual characteristics of self-regulation. Psychological science and education. 2008. No. 5. P. 175 – 181.
9. Lebedeva N.M. Ethnic and cross-cultural psychology: a textbook for higher educational institutions. Moscow: MAKSPRESS, 2011.
10. Luchinkina A.I. Specifics of the Internet as an institution of socialization. Scientific result. Pedagogy and psychology of education. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 59 – 69. DOI: 10.18413/2313-8971-2019-5-1-0-5
11. Luchinkina A.I. Specifics of motivation of Internet users. Prospects of Science and Education. 2014. No. 6 (12). P. 105 – 109.
12. Lisenkova A.A., Melnikova A.Yu., Social networks as a factor of active influence on the formation of youth values. Russian Humanitarian Journal. 2017. Vol. 6. No. 4. P. 322 – 325. DOI: 10.15643/libartrus-2017.4.4
13. Muntyan P.A. Type of computer addiction: dependence on computer games. Cyberpsy.ru: Cyberpsychology. URL: https://cyberpsy.ru/articles/muntyan-computer_games_addiction
14. Puchkova E.B. Analysis of involvement in the virtual environment of students majoring in the humanities. Pedagogy and Psychology of Education. 2018. No. 2. P. 117 – 129.
15. Simai S. The influence of TV games on the physical and psychological development of Japanese children from kindergarten. Perceptual skills Mot. Simai S., Masuda K., Kishimoto Yu. June 1990. No. 70 (3 Fri 1). P. 771 – 776. doi: 10.2466/pms.1990.70.3.771. PMID: 2377408.
16. Tikhomirov O.K., Lysenko O.E. Psychology of computer games. New methods and means of teaching. 1988. Issue 1. P. 30 – 66.

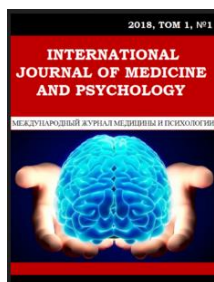
17. Tikhomirova E.V. Features of cognitive assessment of inclusion in a virtual community by subjects of Internet communication. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology. 2015. Vol. 4, issue 1 (13). P. 66 – 69. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-1-66-68
18. Shelkunova T.V., Artyukhova T.Yu., Benkova O.A. Internet technologies as a psychological reality of the individual. Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 71-2. P. 470 – 474.
19. Shmelev A.G. Experience of using computer testing of knowledge in teaching psychology students. Bulletin of Moscow State University. Psychology. 2002. No. 4.
20. Anderson M., Jiang J. Teens' Social Media Habits and Experiences. Pew Research Center. 2018, November 28. URL: <https://www.pewinternet.org/2018/11/28/teens-social-media-habits-and-experiences/>
21. Barmeyer C.I. Learning styles and their impact on cross-cultural training: An international comparison in France, Germany and Quebec. International Journal of Intercultural Relations. 2004. No. 28. P. 577 – 594.
22. Hofstede G.H. Culture and organization: Software of mind. New York, NY.
23. Nijssen S.R.R., Schaap G., Verheijen G.P. Has your smartphone replaced your brain? Construction and validation of the Extended Mind Questionnaire (XMQ). PLoS ONE. 2018. Vol. 13. No. 8. e0202188. DOI: 10.1371/journal.pone.0202188
24. Puchkova E.B., Sukhovershina Yu.V., Temnova L.V. A study of generation Z's involvement in virtual reality. Psychology in Russia: State of the Art. 2017. T. 10. No. 4. P. 134 – 143.
25. Sandhu D., Barn R. The Internet Is Keeping Me from Dying from Boredom: Understanding the Management and Social Construction of the Self Through Middle-Class Indian Children's Engagement with Digital Technologies During the COVID-19 Lockdown. International Journal on Child Maltreatment: Research, Policy and Practice. 2022. No. 6. P. 489 – 504. DOI:10.1007/s42448-022-00135-8
26. Tart S.T. Waking up: Overcoming the obstacles to human potential. Boston, Shambhala Publications

Информация об авторах

Бембеева Н.А., аспирант, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9088-8178>, Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Белоусова А.К., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и организационной психологии, Донской государственный технический университет, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7506-3749>, 344000, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
belousovaak@gmail.com

© Бембеева Н.А., Белоусова А.К., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.99

¹ **Войтикова М.А.,**

¹ **Осадченко К.А.,**

¹ *Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований*

Психологическая надежность научных сотрудников

Аннотация: в статье исследуется феномен психологической надежности научных сотрудников в контексте современных профессиональных вызовов. Проанализированы специфические стресс-факторы научной деятельности. Рассмотрена взаимосвязь психологической надежности с концепцией психологической цены деятельности и механизмами психологической защиты. Обоснована необходимость комплексного подхода к укреплению психологической надежности научных работников как стратегического условия обеспечения устойчивого развития научных организаций.

Ключевые слова: психологическая надежность, научная деятельность, стресс-факторы, психологическая цена деятельности, психологическое благополучие, научные сотрудники

Для цитирования: Войтикова М.А., Осадченко К.А. Психологическая надежность научных сотрудников // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 194 – 200.

Поступила в редакцию: 16 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Voytikova M.A.,**

¹ **Osadchenko K.A.,**

¹ *Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research*

Psychological reliability of scientific researchers

Abstract: the article examines the phenomenon of psychological reliability of scientific researchers in the context of contemporary professional challenges. Specific stress factors inherent in scientific activities are analyzed. The relationship between psychological reliability and the concept of psychological cost of activity and psychological defense mechanisms is explored. The necessity of a comprehensive approach to strengthening the psychological reliability of scientific researchers as a strategic condition for ensuring sustainable development of scientific organizations is substantiated.

Keywords: psychological reliability, scientific activity, stress factors, psychological cost of activity, psychological well-being, scientific researchers

For citation: Voytikova M.A., Osadchenko K.A. Psychological reliability of scientific researchers. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 194 – 200.

The article was submitted: June 16, 2025; Approved after reviewing: August 14, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

В контексте растущего внимания к психическому здоровью специалистов, вопрос психологической надежности научных сотрудников приобретает особую актуальность. Научная деятельность, будучи по своей природе творческой и интеллектуально насыщенной, предъявляет высокие требования к исследователям. Так как основным критерием оценки продуктивности научных сотрудников являются количественные показатели результативности, то при определенных условиях данные обстоятельства могут становиться источником хронического стресса, который системно подрывает креативность самого ученого [4, 14]. Эффективность научно-исследовательской организации детерминируется как оптимальностью ее структуры и формальных регламентов, так и потенциалом научных сотрудников справляться с уникальными вызовами, требующими нестандартных подходов и критического мышления в условиях высокой интеллектуальной нагрузки [3]. Компетентность научного работника в современном мире характеризуется не только способностью применять глубокие предметные знания и методологические навыки для решения исследовательских задач, но и умением адаптироваться к динамично меняющимся требованиям научной сферы, демонстрируя креативность и инновационность в профессиональной деятельности.

Научная работа требует постоянного генерирования идей, анализа, синтеза и оценки сложной информации в условиях неопределенности и высокой ответственности за результат. Это создает уникальные условия для возникновения информационного стресса, характеризующегося: высокой интеллектуальной нагрузкой (необходимость решения нестандартных задач, обработки больших массивов данных), неопределенностью результата (негарантированность успеха исследования, получения гранта), длительными циклами обратной связи (задержки в рецензировании, оценке проектов, защите диссертации), постоянной необходимостью доказательства значимости (оценка научного сообщества, отчетность перед фондами и администрацией) [2].

Исследования, проводимые Т.В. Разиной, Л.Ю. Субботиной, Н.Ф. Прониной, позволили выявить и систематизировать ключевые стресс-факторы, специфичные для научной среды, и их дифференцированное влияние в зависимости от типа организации (ВУЗ, НИИ) [15]. Защита диссертаций (кандидатских, докторских) идентифицирована как одна из наиболее значимых стрессоров с пролонгированным негативным эффектом (до не-

скольких лет). Длительное напряжение подготовки, публичная оценка, риск неудачи приводят к истощению когнитивных ресурсов, снижению надежности и, как следствие, падению научной продуктивности в период после защиты. Невозможность продолжения исследований в независимости от причин могут вызвать фрустрацию и профессиональную дезориентацию. В том числе авторами назывались такие факторы, как: исследовательская неудача, неудачная защита ученика, смена руководства. В условиях усиления менеджизма в ВУЗах наиболее стрессогенными становятся события, связанные с подготовкой отчетности и документации, особенно требующие формализации и количественной оценки сложных научных результатов. В НИИ больший стресс вызывают факторы, непосредственно угрожающие преимущества и глубине исследований (закрывание тем, неожиданное прекращение финансирования). Эти различия напрямую влияют на специфику проявления стресса и требуют разных подходов к поддержке. Стресс, вызванный описанными факторами, оказывает разрушительное системное воздействие на психологическую надежность, что в свою очередь влияет на результативность деятельности, число ошибок, скорость и качество профессиональной деятельности. Вместе с тем научное творчество требует свободы мышления, готовность к риску, открытости новому опыту.

Цель данной статьи – определить сущность психологической надежности научных сотрудников, дифференцировать ее от смежных понятий, выявить взаимосвязь с психологической ценой деятельности и обосновать необходимость комплексного подхода к укреплению психологической надежности научных работников как стратегического условия обеспечения устойчивого развития научных организаций и повышения результативности исследовательской деятельности.

Материалы и методы исследований

Для реализации поставленной цели исследования использовался теоретический анализ и обобщение научной литературы для систематизации существующих представлений о психологической надежности. Делается упор на результаты эмпирических исследований Т.В. Разиной, Л.Ю. Субботиной, Н.Ф. Прониной, С.Л. Кандыбовича и других, которые выявили специфические стресс-факторы научной среды и их влияние на работоспособность ученых. Использован метод сравнительного анализа для дифференциации понятий психологической, профессиональной, личностной, функциональной и нравственной надежности, выявления их специфических характеристик и взаи-

мосвязей. В том числе применен метод синтеза данных для формирования комплексного представления о психологической надежности научных сотрудников и факторах, влияющих на нее.

Результаты и обсуждения

Надежность научного сотрудника – это его способность стабильно и качественно выполнять профессиональные задачи в различных условиях [12]. В статье С.Л. Кандыбовича, Т.В. Разиной, И.В. Семчук подчеркивается, что выполнение профессиональных обязанностей в условиях повышенного стресса снижают эмоциональную устойчивость, повышают вероятность неадекватных реакций на рабочие ситуации, ухудшают межличностное взаимодействие в коллективе, способствуют профессиональному выгоранию [7].

Надежность в ситуациях повышенного стресса может становиться ситуативной и неустойчивой, зависящей от текущего уровня нагрузки, что делает прогнозирование и планирование научной работы крайне затруднительным. Выявленный спектр высокострессогенных факторов (от защиты диссертаций с их долгосрочными последствиями до бюрократической нагрузки и риска прекращения исследований) оказывает влияние на продуктивность, креативность и надежность научного сотрудника.

Снижение стрессогенности научной среды и помощь сотрудникам в выработке эффективных стратегий совладания со стрессом (применение когнитивных технологий, как показано в работах Н.Р. Прониной и Т.В. Разиной) перестает быть вопросом комфорта, а становится императивом сохранения научного потенциала и обеспечения устойчивого развития исследований. Надежность и результативность ученого напрямую зависят от надежности создаваемых для него условий работы и поддержки его психологического благополучия.

В современных исследованиях надежность специалиста разделяют на: профессиональную, нравственную, личностную, психологическую, функциональную. Профессиональная надежность чаще всего характеризует как способность специалиста безошибочно выполнять профессиональные задачи в течение заданного времени и при различных условиях труда [17]. Под личностной надежностью понимается интегральное психологическое качество, основанное на психофизическом благополучии специалиста, обеспечивающее соответствие его поведения установленным требованиям и нормам [11]. Функциональная надежность отражает устойчивость физиологических функций организма при выполнении профессиональных задач, особенно в условиях стресса и повышенных нагрузок [1]. В то время как функцио-

нальная надежность отражает устойчивость физиологических функций организма, психологическая надежность является регулирующим компонентом, обеспечивающим психическую устойчивость и саморегуляцию, необходимые для поддержания функциональной надежности, особенно в стрессовых ситуациях [13]. Нравственная надежность, как показывают исследования Е.Ю. Стрижова, характеризуется тем, что нравственно надежная личность ставит на первое место нормы морали, этики, совести и долга. Опираясь на эти понятия, надежный человек способен пересматривать свои цели и планы, оценивая степень их влияния на других людей [16]. Психологическая надежность обеспечивает эмоциональную устойчивость, которая необходима для следования нравственным нормам даже в стрессовых и сложных ситуациях.

С.В. Духновский рассматривает психологическую надежность как интегративное качество, объединяющее регулятивные, индивидуально-психологические и профессиональные аспекты личности, которые могут быть как явными, так и скрытыми до момента актуализации в определенных обстоятельствах [5, 6]. В структуре данного феномена к регулятивному блоку относится социальная адаптивность, когнитивные особенности, самоконтроль; к индивидуально-типологическому – скрытые мотивационные паттерны, формирующие потенциальные «зоны риска» в поведении; к профессионально-психологическому –

компетенции и личностные черты, значимые для трудовой деятельности. Особое внимание С.В. Духновский уделяет роли психологической устойчивости госслужащих: она минимизирует организационные и личностные риски, способствуя эффективной профессиональной адаптации и карьерному росту. В данном контексте своевременная диагностика психологической надежности позволяет минимизировать кадровые риски, способствуя эффективному выполнению профессиональных обязанностей и достижению поставленных целей организации, что особенно важно в контексте государственной службы.

В отличие от профессиональной надежности, психологическая надежность имеет универсальный характер, не привязана к конкретной деятельности и проявляется во всех сферах жизни человека. Если профессиональная надежность оценивается чаще всего через призму эффективности и безошибочности работы, то психологическая надежность – через субъективное благополучие, адаптивность и психологическое здоровье человека.

Как отмечает Л.В. Карапетян, эмоционально-личностное благополучие характеризуется как «комплексная динамическая система – целостное экзистенциальное переживание состояния гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека». Данное определение подчеркивает динамический характер гармоничного состояния и его зависимость от различных контекстов жизнедеятельности человека. В современных исследованиях выделяются различные типы психологического благополучия личности, среди которых особый интерес в контексте психологической надежности представляет «гармонично благополучный» тип. Данный тип О.О. Фомина характеризует высоким уровнем интеграции различных компонентов психической жизни человека, способностью к адаптации в различных условиях, эмоциональной устойчивостью и позитивными межличностными отношениями [19]. Благополучие в рамках профессиональной деятельности может быть рассмотрено через призму психологической цены деятельности. Исследование Д.Ю. Топильской показало, что на эффективность и результативность деятельности влияет такое понятие как психологическая цена их деятельности [18]. В данном контексте под ценой деятельности понимается совокупность психических и физиологических затрат, которые человек несет в процессе выполнения определенной работы. Она отражает уровень напряжения, стресса и эмоциональных усилий, необходимых для достижения поставленных целей. В отличие от физиологической цены, которая фокусируется на изменениях в функциональном состоянии организма, психологическая цена учитывает субъективные переживания и эмоциональные реакции индивида.

В контексте учебной деятельности Д.Ю. Топильская описала, что в условиях высшего образования, психологическая цена может проявляться через повышенную тревожность, стресс и эмоциональное истощение студентов. Факторы, такие как адаптация к новым условиям обучения, высокая нагрузка и необходимость постоянного самоконтроля, могут увеличивать эту цену. Понимание и управление психологической ценой деятельности имеет важное значение для оптимизации деятельности. Снижение этой цены способствует повышению эффективности, улучшению психического здоровья и снижению риска профессионального выгорания в будущем. Психологическая надежность, определяемая как способность сохранять эффективность и устойчивость в условиях стресса и неопределенности, тесно связана с психологической ценой деятельности. В контексте

научной деятельности, характеризующейся высокой интеллектуальной нагрузкой, строгими сроками сдачи работ и необходимостью постоянного обновления знаний, эта цена может быть особенно значительной. Повышенные требования к когнитивным и эмоциональным ресурсам могут приводить к стрессу, эмоциональному истощению и, в конечном итоге, к снижению общей работоспособности. Кроме того, высокая психологическая цена деятельности может способствовать развитию профессиональной деформации личности, выражающейся в искажении восприятия и поведения, обусловленных профессиональной средой. Это, в свою очередь, может снижать способность научных сотрудников к объективной оценке информации и принятию взвешенных решений, что негативно отражается на их профессиональной надежности. Для минимизации негативного влияния психологической цены деятельности на психологическую надежность научных сотрудников необходимо внедрение стратегий, направленных на снижение профессионального стресса и развитие адаптивных механизмов совладания с ним. В своих исследованиях Д.С. Коновалова показала, как создание благоприятного морально-психологического климата в коллективе, поддержка баланса между работой и личной жизнью, а также психогигиена и психопрофилактика могут способствовать повышению общей надежности и эффективности научных работников [9].

Одним из показателей психологической надежности так же могут быть рассмотрены способы психологической защиты, которые представляют собой неосознанные механизмы, которые индивид использует для снижения внутреннего напряжения и защиты от стрессовых факторов. В контексте научной деятельности, где сотрудники часто сталкиваются с высокими требованиями и стрессовыми ситуациями, способность эффективно использовать адаптивные механизмы защиты становится критически важной. Такие механизмы, как сублимация, предвосхищение и юмор, способствуют сохранению психологического равновесия и повышению устойчивости к профессиональным вызовам. Сотрудники, применяющие адаптивные механизмы защиты, демонстрируют более высокую работоспособность, устойчивость к стрессу и способность к эффективному решению проблем [10].

Выводы

Проведенный анализ научной литературы позволяет сделать вывод о значимости психологической надежности научных сотрудников как интегрального фактора, обеспечивающего эффективность их профессиональной деятельности. Выяв-

ленная специфика стресс-факторов научной среды демонстрирует системное влияние на работоспособность, креативность и продуктивность исследователей.

Психологическая надежность научных сотрудников проявляется в способности сохранять гармоничное внутреннее состояние и профессиональную эффективность в условиях информационного стресса, неопределенности результатов и административного давления. Она тесно связана с психологической ценой деятельности, которая у ученых часто оказывается неоправданно высокой из-за множества стресс-факторов.

Для укрепления психологической надежности научных работников необходим комплексный

подход, который может включать: создание благоприятного психологического климата в научных коллективах, формирование адаптивных механизмов психологической защиты, снижение административной нагрузки, разработку программ психологической поддержки на этапах повышенного стресса.

Таким образом, забота о психологической надежности научных сотрудников важная часть стратегии развития научных организаций. Это позволит не только сохранить психологическое благополучие ученых, но и обеспечить устойчивое развитие науки, повысить качество и результативность исследований за счет более эффективного использования интеллектуального потенциала.

Список источников

1. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
2. Войтикова М.А., Рыжов О.Н. Психологические особенности творческой деятельности // Психология и педагогика в контексте междисциплинарных исследований: сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 04 ноября 2024 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2024. С. 46 – 51.
3. Войтикова М.А., Пугачева Е.В. Психологическая модель профессионального развития научных работников // Флагман науки. 2024. № 9 (20). С. 160 – 164.
4. Гайдамашко И.В., Войтикова М.А. Психологические факторы эффективного управления кадровой работой научной организации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 4 (49). С. 16 – 25.
5. Духновский С.В. Психологическая надежность государственных гражданских и муниципальных служащих: ее составляющие и оценка // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2017. № 1. С. 94 – 103.
6. Духновский С.В. Психологическая надежность как проявление саморегуляции государственных гражданских и муниципальных служащих // Успехи современной науки. 2017. Т. 7. № 1. С. 67 – 72.
7. Кандыбович С.Л., Разина Т.В., Семчук И.В. Личностная и функциональная надежность научных сотрудников после защиты диссертации // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 4 (133). С. 140 – 152.
8. Карапетян Л.В. Типологическое исследование эмоционально-личностного благополучия // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 57. С. 1 – 16.
9. Коновалова Д.С. Психологическая устойчивость кадров управления: акмеологический уровень // Акмеология. 2010. № 4. С. 92 – 93.
10. Копылова Н.В., Петров Н.Н. Психологическая надежность в специфике работы охранно-конвойной службы МВД РФ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2017. № 4. С. 12 – 16.
11. Крук В.М., Федотов А.Ю., Трошина Ю.В. Проблема личностной надежности специалиста в отечественной психологии: историографический обзор // Психологическая работа в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава: состояние, проблемы и пути решения. 2018. С. 69 – 85.
12. Осадчук О.Л., Максименко Л.А. Понятие «надежность» в различных сферах жизнедеятельности человека: философские и этико-психологические аспекты // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 3-1. С. 167 – 173.
13. Пономаренко В.А., Алексеенко М.С., Долгов А.А. Психофизиологические компоненты профессиональной надежности пилота // Проблемы безопасности полетов. 2018. № 6. С. 3 – 18.
14. Пронина Н.Р., Разина Т.В. Метакогнитивные технологии совладания с профессиональным стрессом как основа для создания программы психологического сопровождения научных сотрудников // Человеческий капитал. 2020. № 2. С. 137 – 145.

15. Разина Т.В., Субботина Л.Ю., Пронина Н.Р. Стрессовые ситуации в научной деятельности и профессиональная надежность // Актуальные проблемы психологического сопровождения профессиональной и учебно-профессиональной деятельности. 2019. С. 20 – 31.
16. Стрижов Е.Ю. Факторная структура нравственной надежности личности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 12-1. С. 135 – 140.
17. Талашманова К.А. К проблеме понимания профессиональной надежности субъекта // Человеческий капитал. 2020. № 3 (135). С. 239 – 245.
18. Топильская Д.Ю. Психологическая цена учебной деятельности // Психология XXI века Психология и современные проблемы образования. 2014. С. 181 – 185.
19. Фомина О.О. Факторы и возможные типы психологического благополучия личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 2. С. 168 – 174.

References

1. Bodrov V.A. Psychological stress: development and overcoming. Moscow: PER SE, 2006. 528 p.
2. Voitikova M.A., Ryzhov O.N. Psychological features of creative activity. Psychology and pedagogy in the context of interdisciplinary research: collection of articles from the International scientific and practical conference, Ufa, November 4, 2024. Ufa: Limited Liability Company "Aeterna", 2024. P. 46 – 51.
3. Voitikova M.A., Pugacheva E.V. Psychological model of professional development of scientific workers. Flagship of science. 2024. No. 9 (20). P. 160 – 164.
4. Gaidamashko I.V., Voitikova M.A. Psychological factors of effective management of personnel work of a scientific organization. Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2019. No. 4 (49). P. 16 – 25.
5. Dukhnovsky S.V. Psychological reliability of state civil and municipal employees: its components and assessment. News of higher educational institutions. Ural region. 2017. No. 1. P. 94 – 103.
6. Dukhnovsky S.V. Psychological reliability as a manifestation of self-regulation of state civil and municipal employees. Successes of modern science. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 67 – 72.
7. Kandybovich S.L., Razina T.V., Semchuk I.V. Personal and functional reliability of research staff after defending a dissertation. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2023. No. 4 (133). P. 140 – 152.
8. Karapetyan L.V. Typological study of emotional and personal well-being. Psychological studies. 2018. Vol. 11. No. 57. P. 1 – 16.
9. Konovalova D.S. Psychological stability of management personnel: acmeological level. Acmeology. 2010. No. 4. P. 92 – 93.
10. Kopylova N.V., Petrov N.N. Psychological reliability in the specifics of the work of the security and escort service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2017. No. 4. P. 12 – 16.
11. Kruk V.M., Fedotov A.Yu., Troshina Yu.V. The Problem of Personal Reliability of a Specialist in Domestic Psychology: A Historiographic Review. Psychological Work in the System of Moral and Psychological Support of Operational and Service Activities of Personnel: Status, Problems, and Solutions. 2018. P. 69 – 85.
12. Osadchuk O.L., Maksimenko L.A. The Concept of "Reliability" in Various Spheres of Human Life: Philosophical and Ethical-Psychological Aspects. International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016. No. 3-1. P. 167 – 173.
13. Ponomarenko V.A., Alekseenko M.S., Dolgov A.A. Psychophysiological Components of a Pilot's Professional Reliability. Flight Safety Issues. 2018. No. 6. P. 3 – 18.
14. Pronina N.R., Razina T.V. Metacognitive technologies for coping with professional stress as a basis for creating a program of psychological support for research staff. Human capital. 2020. No. 2. P. 137 – 145.
15. Razina T.V., Subbotina L.Yu., Pronina N.R. Stressful situations in scientific activity and professional reliability. Actual problems of psychological support of professional and educational-professional activities. 2019. P. 20 – 31.
16. Strizhov E.Yu. Factor structure of moral reliability of an individual. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2007. No. 12-1. P. 135 – 140.
17. Talashmanova K.A. On the problem of understanding the professional reliability of a subject. Human capital. 2020. No. 3 (135). P. 239 – 245.

18. Topilskaya D.Yu. Psychological price of educational activity. Psychology of the XXI century Psychology and modern problems of education. 2014. P. 181 – 185.

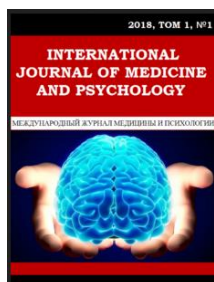
19. Fomina O.O. Factors and possible types of psychological well-being of the individual. News of the Saratov University. New series. Series Acmeology of education. Developmental psychology. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 168 – 174.

Информация об авторах

Войтикова М.А., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, г. Москва

Осадченко К.А., кандидат психологических наук, научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований

© Войтикова М.А., Осадченко К.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.91

¹ *Лучинкина А.И.,*

¹ *Аль-Шаер Е.С.,*

¹ *Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова*

Психологические детерминанты временной перспективы у интернет-активных пользователей

Аннотация: в данной статье представлены итоги экспериментального исследования психологических детерминант временной перспективы у интернет-активных пользователей. Основная цель – выделить типы личности интернет-пользователей в зависимости от их погруженности в интернет – среду, а затем выделить специфику детерминант временной перспективы. Дано определение такому психологическому феномену, как «интернет-активный пользователь», с позиции отечественного психолога А.И. Лучинкиной. Дефиниция «временная перспектива» охарактеризована с учетом работ отечественных исследователей, таких как: Е.А. Навроцкая, М.А. Рушина, М.В. Цвек, О.С. Ширяева. Приведены данные М.В. Цвек и М.А. Рушиной, относительно обусловленности дезадаптивного поведения в интернете присутствием или отсутствием баланса временных перспектив у пользователя. Основная часть статьи посвящена описанию результатов применения факторного анализа в двух выделенных группах. Из общей выборки на основании сопоставления полученных тестовых данных, выделена экспериментальная группа чрезмерно активных интернет-пользователей и контрольная группа – активных интернет-пользователей. Описаны характеристики личности интернет – активного пользователя и чрезмерно активного интернет-пользователя. Выделены факторы, определяющие особенности временной перспективы у интернет-активных и чрезмерно интернет-активных пользователей.

Ключевые слова: психологические, детерминанты, интернет-активный, временная перспектива, пользователь

Для цитирования: Лучинкина А.И., Аль-Шаер Е.С. Психологические детерминанты временной перспективы у интернет-активных пользователей // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 201 – 207.

Поступила в редакцию: 17 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ *Luchinkina A.I.,*

¹ *Al-Shaer E.S.,*

¹ *Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov*

Psychological determinants of time perspective in Internet-active users

Abstract: this article presents the results of an experimental study of psychological determinants of time perspective in active Internet users. The main goal is to identify personality types of Internet users depending on their immersion in the Internet environment, and then to identify the specifics of the determinants of time perspective. A definition is given to such a psychological phenomenon as an "Internet active user" from the position of Russian psychologist A.I. Luchinkina. The definition of "time perspective" is characterized taking into account the works of Russian researchers such as: E.A. The data of M.V. Tsvek and M.A. Rushina are presented regarding the determinacy of maladaptive behavior on the Internet by the presence or absence of a balance of time perspectives and basic

beliefs of the user. The main part of the article is devoted to the presentation of the results of applying factor analysis in two selected experimental groups. From the general sample, based on the comparison of the obtained test data, an experimental group of overly active Internet users and a control group of active Internet users are identified. The characteristics of the personality of an Internet-active user and an overly active Internet user are identified and described. The factors determining the features of the time perspective of Internet-active and overly active Internet users are identified.

Keywords: psychological, determinants, Internet-active, time perspective, user

For citation: Luchinkina A.I., Al-Shaer E.S. Psychological determinants of time perspective in Internet-active users. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 201 – 207.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: August 15, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Реалии современного мира указывают в пользу того, что цифровая среда Интернет-пространства заняла ведущее место в умах и стремлениях всего человечества. Тем самым, опосредовав преобразование всех личностных структур, психической деятельности человека в роли пользователя.

За последнее десятилетие увеличилась численность научных публикаций, посвященных проблеме безопасности сети, сетевых девиаций, особенностей жизнедеятельности в ней представителей разных поколений (Е.П. Белинская, А.В. Войскунский, В.Н. Колесников, А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина, Ю.И. Мельник, Л.И. Теплова) [1, 3, 4, 6, 7]. Однако проблема изучения разнообразия аспектов нахождения пользователя в сетевом пространстве до сих пор остается одним из актуальных направлений в психологической науке, ежегодно дополняясь все новыми нюансами.

Известный отечественный исследователь проблематики интернет-пространства А.И. Лучинкина интернет-активность пользователя определяет частотой и интенсивностью использованием им Интернета с целью общения, получения информации, профессиональной и развлекательной деятельности [7].

В ходе теоретического анализа особенностей интернет-социализации и проявления пользователем активности в виртуале, наш научный интерес привлек такой психологический феномен, как временная перспектива личности, который освещен в работах А.И. Власенко [2], О.В. Кузнецовой [5], М.А. Рушиной, М.В. Цвек [11], О.С. Ширяевой [12].

О.С. Ширяева и Е.А. Навроцкая временную перспективу представляют в качестве сложного индивидуального образования, характеризующего отношение к прошлому, настоящему и будущему, формальные и содержательные параметры которого подвержены влиянию индивидуальных особен-

ностей личности [12]. Отметим, что временная перспектива детерминирует характер вовлеченности в процесс интернет – активности, влияющей на суждения и принятие решений о времени, частоте и характере активности пользователя [2].

М.В. Цвек и М.А. Рушиной выявлена важность сбалансированности временных перспектив и базисных убеждений как важного фактора, связанного с дезадаптивным поведением в интернет-пространстве [11, с. 169].

Материалы и методы исследований

С целью изучения психологических детерминант временной перспективы у интернет-активных пользователей была выбрана база исследования и подобран методический инструментарий. Базой данного экспериментального исследования выступили 100 респондентов, случайно выбранных нами по признаку использования в повседневной жизни сети интернет, – это 50 юношей и 50 девушек в возрасте от 17 лет до 21 года. Исследование проходило в Республике Крым в 2024-2025 г.г.

Степень погруженности в интернет в выборке исследовалась при помощи опросника А.А. Лучинкиной для определения признаков виртуальности личности [7], а также методики «Индекс погруженности в интернет-среду» Регуш Л.А. с соавторами [10], где определены были составляющие интернет-погруженности, как: поведенческая, выраженная объемом цифрового потребления; познавательная, определяющая самооценку цифровых знаний, умений и навыков; эмоциональная, то есть, полюс эмоционального отношения к интернету (позитивный, нейтральный, негативный).

Диагностика специфики временной перспективы интернет-активных пользователей производилась на основании применения опросника временной перспективы Ф. Зимбардо [8], методик «Профессиональная временная перспектива будущего» Х. Цахера – М. Фрезе и «Семантический дифференциал восприятия времени» (Л.И. Вассерман).

Результаты и обсуждения

Анализ тестовых показателей опросников А.А. Лучинкиной и Регуш Л.А. «Индекс погруженности в интернет-среду» позволил нам выделить из общей выборки две группы:

- контрольную группу составили 78% пользователей с высоким уровнем сформированности умений в интернет-среде и цифрового потребления, виртуальности и вовлеченности. Степень эмоционального отклика менее выражена, чем в экспериментальной группе. Указанная группа получила название «интернет-активные»;

- экспериментальную группу составили 22% респондента, которые отличаются от контрольной группы значительным объемом и длительностью цифрового потребления, выраженными эмоциональными реакциями на необходимость нахождения в интернете, достаточной цифровой компетентностью, средним уровнем выраженности показателя виртуальности и

вовлеченности. Группа получила название «чрезмерно интернет-активные».

По итогам интерпретации и сопоставления полученных данных по контрольной и экспериментальной группе применялся факторный анализ для обнаружения взаимосвязи между различными тестовыми показателями, выявления психологических детерминант чрезмерно интернет-активной личности. В факторизации представлены показатели шкал следующих методик: опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, опросник Х. Цахера, М. Фрезе «Профессиональная временная перспектива будущего», «Семантический дифференциал восприятия времени» Л.И. Вассерман, опросник А.А. Лучинкиной и «Индекс погруженности в интернет-среду» Л.А. Регуш с соавторами.

Результаты факторного анализа показателей контрольной группы активных интернет-пользователей наглядно представлены в табл. 1.

Таблица 1

Цифровые показатели факторного анализа в контрольной группе активных интернет-пользователей.

Table 1

Digital indicators of factor analysis in the control group of active Internet users.

№	Название шкал	Фактор 1	Фактор 2
1	Фокусирование на возможностях	-0,705961	0,538794
2	Фокусирование на ограничениях	-0,060657	0,592378
3	Оставшееся время	0,028558	-0,162411
4	Виртуальность	0,140362	-0,194941
5	Вовлеченность	-0,368217	0,363108
6	Цифровое потребление	0,257868	-0,282715
7	Эмоциональное отношение к интернет-среде	-0,640209	0,001117
8	Цифровая компетентность	0,794580	0,157021
9	Индекс погруженности в интернет-среду	-0,123721	0,126169
10	Творческая мотивация	0,808058	0,164042
11	Мотив репликации	-0,424065	-0,377370
12	Мотив личного пространства	0,791745	0,084225
13	Мотив вклада	0,077419	0,054624
14	Потребительская мотивация	-0,270272	-0,284027
15	Мотив воплощения в роль	0,070299	0,113580
16	Мотив обозначенного присутствия	-0,488145	0,051624
17	Негативное прошлое	-0,299711	0,245772
18	Позитивное прошлое	-0,154051	0,135725
19	Фаталистическое настоящее	0,085036	-0,358327
20	Гедонистическое настоящее	0,105149	0,219749
21	Степень ориентации на будущее	0,133435	0,790266
	Настоящее		
22	Фактор активности (АВ)	0,145108	0,342858
23	Фактор эмоциональной окраски (ЭВ)	0,129036	0,373975
24	Фактор величины (ВВ)	0,098495	-0,021126
25	Фактор структуры (СВ)	0,090256	0,333495
26	Фактор ощущаемости времени (ОВ)	-0,093005	0,031797
	Прошлое		
27	Фактор активности (АВ)	0,068341	0,427562

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

28	Фактор эмоциональной окраски (ЭВ)	0,504366	0,714788
29	Фактор величины (ВВ)	-0,072252	0,072492
30	Фактор структуры (СВ)	0,334080	-0,080270
31	Фактор ощущаемости времени (ОВ)	0,414612	0,123399
	Будущее		
32	Фактор активности (АВ)	-0,411844	0,001903
33	Фактор эмоциональной окраски (ЭВ)	0,176964	0,081636
34	Фактор величины (ВВ)	0,586671	-0,137156
35	Фактор структуры (СВ)	-0,026940	-0,176478
36	Фактор ощущаемости времени (ОВ)	0,582544	-0,124674

В ходе факторизации показателей в контрольной группе были выделены два фактора, характеризующие специфику временной перспективы интернет-активного пользователя.

Первый фактор составили показатели опросника А.А. Лучинкиной: «Фокусирование на возможностях» (-0,705961), «Цифровая компетентность» (0,794580), «творческая мотивация» (0,808058) и «мотив личного пространства» (0,791745). Респонденты характеризуются достаточной цифровой компетентностью, концентрированы на возможностях, которые открывают перед ними цифровые просторы интернета. Реализованность мотивов творческой мотивации и мотива личностного пространства детерминирует возникновение новых типов и видов взаимодействия пользователя и виртуального мира. Пользователь стремится к самовыражению в интернете, использует его как способ выразить и реализовать свой творческий потенциал, привлечь внимание общественности к своему творчеству или к итогам деятельности в

сети (фото и истории в социальных сетях, подкасты, веб-сайты и так далее).

Вместе с тем, может возникать опасность возникновения предпочтений в сторону социализации только в интернет-пространстве, в ущерб реальной жизни.

Во второй фактор попали показатели теста Х. Цахера – М. Фрезе «будущее» (0,790266) и опросника Зимбардо «Фактор эмоциональной окраски (ЭВ)», относительно будущего (0,714788). Следовательно, характерно позитивное восприятие будущего времени, вера в возможность преодоления трудных моментов, ощущение радости, оптимизма, насыщенности и умиротворения. Присутствие у испытуемых контрольной группы большей ориентации на будущее, наличие четких планов на перспективу.

Представим далее результаты факторного анализа показателей экспериментальной группы в табл. 2.

Таблица 2

Цифровые показатели факторного анализа экспериментальной группы «чрезмерно интернет-активных» пользователей.

Table 2

Digital indicators of factor analysis for experimental groups of "excessively internet-active" users.

№	Название шкал	Фактор 1	Фактор 2
1	Фокусирование на возможностях	0,6409	-0,1953
2	Фокусирование на ограничениях	0,5692	-0,1163
3	Оставшееся время	0,2029	-0,0617
4	Виртуальность	0,7913	0,1666
5	Вовлеченность	0,7083	0,5465
6	Цифровое потребление	0,8094	0,3353
7	Эмоциональное отношение к интернет-среде	-0,1625	0,7987
8	Цифровая компетентность	-0,1647	0,7865
9	Индекс погруженности в интернет-среду	-0,0557	0,2025
10	Творческая мотивация	-0,0324	-0,3099
11	мотив репликации	0,0481	0,7911
12	мотив личного пространства	0,2490	0,0560
13	мотив вклада	-0,2111	-0,1134
14	Потребительская мотивация	0,4510	-0,5909

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

15	мотив воплощения в роль	-0,7507	-0,2275
16	мотив обозначенного присутствия	0,3464	0,3318
17	негативное прошлое	0,7139	-0,1777
18	позитивное прошлое	-0,4967	0,0925
19	фаталистическое настоящее	-0,1425	0,7374
20	гедонистическое настоящее	0,7225	0,4211
21	Степень ориентации на будущее	-0,4967	0,0925
	Настоящее		
22	Фактор активности (AB)	8,0098	4,0858
23	Фактор эмоциональной окраски (ЭВ)	0,2108	0,1075
24	Фактор величины (ВВ)	0,2006	0,4016
25	Фактор структуры (СВ)	-0,2844	0,1639
26	Фактор ощущаемости времени (ОВ)	0,1971	-0,7231
	Прошлое		
27	Фактор активности (AB)	0,2345	0,6486
28	Фактор эмоциональной окраски (ЭВ)	0,1793	0,8520
29	Фактор величины (ВВ)	-0,2760	0,1250
30	Фактор структуры (СВ)	-0,1283	0,5564
31	Фактор ощущаемости времени (ОВ)	-0,2022	0,0205
	Будущее		
32	Фактор активности (AB)	-0,0804	0,0266
33	Фактор эмоциональной окраски (ЭВ)	0,1670	-0,1031
34	Фактор величины (ВВ)	0,2128	0,2287
35	Фактор структуры (СВ)	0,5191	0,0532
36	Фактор ощущаемости времени (ОВ)	0,2032	0,0638

В ходе факторизации показателей диагностического инструментария экспериментальной группы были получены два фактора, характеризующие специфику временной перспективы чрезмерно интернет-активного пользователя. В первый, наиболее нагруженный фактор, вошли шкалы методики А.А. Лучинкиной и Л.А. Регуш «Виртуальность» (0,7913), «Вовлеченность» (0,77), «Цифровое потребление» (0,8094), среднее по шкалам методики «Профессиональная временная перспектива будущего» Цахера Х. – Фрезе М. «негативное прошлое» (0,7139), «гедонистическое настоящее» (0,7225). А также «мотив воплощения в роль» (-0,7507) с отрицательным значением.

Первый фактор, по нашему мнению, диагностирует наличие взаимосвязи между степенью готовности к взаимодействию с виртуальным миром, коммуникации именно в рамках цифрового потребления, увлеченностью и вовлеченностью виртуалом. Так, успешность установления контакта определяется степенью вовлечения в цифровую среду. Общение реализовано в Интернете, где есть много сайтов, игр, где в социально приемлемой форме можно самовыражаться, перевоплощаться в какого угодно персонажа, не бояться быть непонятым, отвергнутым.

Анализ первого фактора также позволяет описать прямую взаимосвязь между эмоциональным дискомфортом и стратегией ухода от решения проблем в реальной жизни: трудности в социальной адаптации возникают потому, что пользователь по каким-то причинам не чувствует себя комфортно, стремится отгородиться, уйти от проблем и конфликтных ситуаций. Попадание в фактор «негативного прошлого» (показателя с положительным знаком) указывает на присутствие в большей степени отрицательных воспоминаний и представлений о прошлых событиях жизни у пользователей экспериментальной группы.

Во второй фактор попали: «Фактор ощущаемости времени (ОВ)» (-0,7231) с отрицательным знаком, оценка настоящего времени («Семантический дифференциал восприятия времени» Вассермана Л.И.) (0,7231), «фаталистическое настоящее» (0,7374), «мотив репликации» (0,7911), шкалы из разряда маркеров интернет-активности – «Эмоциональное отношение к интернет-среде» (0,7987) и «Цифровая компетентность» (0,7865). А также фактор эмоционального отношения (будущее) (0,8520) и «Фактор эмоциональной окраски (ЭВ)», относительно прошлого.

Отмечена характерная особенность временной

перспективы экспериментальной группы чрезмерно интернет-активных пользователей: сниженное ощущение времени внутри сети, на фоне довольно развитой цифровой грамотности и знаний в ай-ти технологиях, позитивное эмоционально окрашенное отношение к интернет – среде, большая ориентированность на прошлое, по сравнению с представителями контрольной группы, которые оказались по данным исследования более ориентированы на будущее. Скорее негативное отношение к течению времени и к прожитой жизни, чем позитивное, низкая активность и отсутствие стимулов к деятельности.

Настоящее время пользователям экспериментальной группы представляется фаталистическим, имеются представления о неизбежности судьбы и рока, отсутствия воли для влияния на происходящее в настоящем времени, что наводит нас на мысль, что они склонны прибегать к погружению в виртуальный мир как способу бегства от реальности, которую не способны контролировать. Движущей силой будет выступать мотив репликации, который доказывает ориентированность на создание новых страниц, персонажей, проживания многих жизней одновременно.

У такого типа пользователей деформированное восприятие временного континуума, включающее: чрезмерную концентрацию на прошлом, в ущерб настоящему (переменная в факторе 1 «негативное прошлое»), в настоящем преобладают гедонистические настроения.

Отметим, что показатель опросника А.А. Лучинкиной «Цифровая компетентность» попал в факторы в обеих группах, что указывает на общую высокую цифровую грамотность современных пользователей, принявших участие в исследовании.

Выводы

1. Полученные нами в итоге теоретического анализа данные являются значимыми для разработки стратегии для поддержания

психического здоровья пользователя в условиях цифровой среды. Данное исследование направлено на глубокое понимание психологических особенностей интернет-активной личности и их влияния на различные аспекты ее жизни.

2. В результате интерпретации данных факторного анализа выявлены психологические детерминанты временной перспективы чрезмерно интернет-активных пользователей (экспериментальная группа) – это негативное отношение к прошлому, отсутствие ориентации на будущее, фаталистическое и гедонистическое восприятие настоящего времени, позитивное эмоциональное отношение к интернет-среде, стремление преодолеть эмоциональный дискомфорт, сниженное ощущение времени внутри сети, реализация мотивов воплощения в роль и репликации в Интернет-пространстве. Главная проблема – недостаток смысла в планировании будущего, ощущение прожитой жизни как неудачной, фатализме, потере ощущения времени внутри сети, провоцирующее длительность пребывания.

3. Респонденты контрольной группы интернет-активных пользователей отличаются позитивным восприятием будущего времени и ориентированностью на будущее, оптимистичностью, достаточной цифровой компетентностью, концентрацией на возможностях, которые открывают перед ними цифровой мир.

4. Осуществленное исследование не исчерпывает всех аспектов обозначенной проблемы, а лишь дополняет теоретические суждения о специфичности временной перспективы у активных пользователей всемирной паутины, позволит в перспективе разработать модель психологической помощи категории пользователей, которые чрезмерно погружены в интернет-пространство, и испытывают психологические трудности.

Список источников

1. Белинская Е.П. Интернет и идентификационные структуры личности // Интернет и идентификационные структуры личности. URL: <http://psynet.by.ru/texts/bel4.html> (дата обращения: 13.01.2025)
2. Власенко А.И. Временная перспектива как подструктура самосознания депривированной личности // Молодой ученый. 2014. № 8 (67). С. 921 – 924. URL: <https://moluch.ru/archive/67/11380/> (дата обращения: 25.03.2025)
3. Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36 – 49.
4. Колесников В.Н., Мельник Ю.И, Теплова Л.И. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. 2019. № 1 (33). С. 34 – 46. doi: 10.11621/npj.2019.0104

5. Кузнецова О.В. Роль временной перспективы в личностном и профессиональном самоопределении подростков // Психологическая наука и образование. 2007. Т. 12. № 3. С. 5 – 15.
6. Лучинкина И.С., Коршак А.А. Когнитивные особенности интернет-активной личности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 128 – 135.
7. Лучинкина А.И., Юдеева Т.В., Ушакова В.Р. Информационно-психологическая безопасность личности в интернет-пространстве: учебное пособие. Симферополь: ДИАИПИ, 2015. 152 с.
8. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психол. диагностика. 2007. № 1. С. 85 – 105.
9. Приус Ф.П.Х.Ф., Тишкова А.С. Исследование цифровой активности личности в сети Интернет: психологический аспект // СМАЛТА. 2022. № 4. С. 70 – 80.
10. Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С. Индекс погруженности в интернет-среду: стандартизация методики. URL: <https://cyberpsy> (дата обращения: 13.01.2025)
11. Цвек М.В., Рушина М.А. Временная перспектива и базисные убеждения студентов с разными стратегиями сетевой коммуникации // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2 (131). С. 163 – 171.
12. Ширяева О.С., Навроцкая Е.А. Временная перспектива личности при разных типах оценки среды жизнедеятельности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2011. № 2 (18). С. 108 – 118.

References

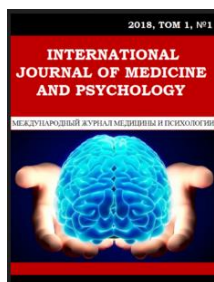
1. Belinskaya E.P. Internet and personality identification structures. Internet and personality identification structures. URL: <http://psynet.by.ru/texts/bel4.html> (date of access: 13.01.2025)
2. Vlasenko A.I. Time perspective as a substructure of self-awareness of a deprived personality. Young scientist. 2014. No. 8 (67). Pp. 921 – 924. URL: <https://moluch.ru/archive/67/11380/> (date of access: 25.03.2025)
3. Voiskunsky A.E. Behavior in cyberspace: psychological principles. Man. 2016. No. 1. P. 36 – 49.
4. Kolesnikov V.N., Melnik Yu.I., Teplova L.I. Internet activity and problematic use of the Internet in adolescence. National Psychological Journal. 2019. No. 1 (33). P. 34 – 46. doi: 10.11621/npj.2019.0104
5. Kuznetsova O.V. The role of time perspective in personal and professional self-determination of adolescents. Psychological science and education. 2007. Vol. 12. No. 3. P. 5 – 15.
6. Luchinkina I.S., Korshak A.A. Cognitive features of an Internet-active personality. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2023. Vol. 9 (75). № 4. P. 128 – 135.
7. Luchinkina A.I., Yudeeva T.V., Ushakova V.R. Information and psychological security of the individual in the Internet space: a tutorial. Simferopol: DIAIPI, 2015. 152 p.
8. F. Zimbardo's technique for time perspective. Psychol. diagnostics. 2007. № 1. P. 85 – 105.
9. Pryus F.P.Kh.F., Tishkova A.S. Research of the digital activity of the individual on the Internet: psychological aspect. SMALTA. 2022. № 4. P. 70 – 80.
10. Regush L.A., Alekseeva E.V., Veretina O.R., Orlova A.V., Pezhemskaya Yu.S. Internet immersion index: standardization of the methodology. URL: <https://cyberpsy> (date of access: 13.01.2025)
11. Tsvek M.V., Rushina M.A. Time perspective and basic beliefs of students with different strategies of network communication. Yaroslavl pedagogical bulletin. 2023. No. 2 (131). P. 163 – 171.
12. Shiryayeva O.S., Navrotskaya E.A. Time perspective of the individual with different types of assessment of the living environment. Bulletin of KRAUNC. Humanitarian sciences. 2011. No. 2 (18). P. 108 – 118.

Информация об авторах

Лучинкина А.И., первый проректор, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова

Аль-Шаер Е.С., аспирант, Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова

© Лучинкина А.И., Аль-Шаер Е.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.072

¹ *Татарчук В.Л.,*

¹ *Левадняя М.О.,*

¹ *Дальневосточный федеральный университет*

Тренинг проактивного поведения в управлении психологической готовностью персонала к организационным изменениям

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования психологической готовности к организационным изменениям и проактивности у медицинских сотрудников, занимающихся управленческой деятельностью. По результатам первичной диагностики участников, было сделано соотнесение уровня психологической готовности к организационным изменениям с уровнем проактивности. На основании полученных данных был разработан и проведен тренинг проактивности. Для выявления динамики показателей психологической готовности к организационным изменениям при воздействии на проактивность сотрудников была проведена повторная диагностика сотрудников после эксперимента. Корреляционный анализ результатов диагностики выявил взаимосвязь между проактивностью и такими компонентами психологической готовности к организационным изменениям как эмоциональная готовность, личностная готовность, инновационная готовность. Проведенный в медицинской организации формирующий эксперимент позволил доказать, что тренинг проактивного поведения среди управленцев среднего звена повышает уровень их психологической готовности к организационным изменениям.

Ключевые слова: психологическая готовность к изменениям, готовность к организационным изменениям, компоненты психологической готовности, проактивность, проактивная позиция, проактивная копинг-стратегия

Для цитирования: Татарчук В.Л., Левадняя М.О. Тренинг проактивного поведения в управлении психологической готовностью персонала к организационным изменениям // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 208 – 217.

Поступила в редакцию: 18 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ *Tatarchuk V.L.,*

¹ *Levadnyaya M.O.,*

¹ *Far Eastern Federal University*

Proactive behavior training in managing the psychological readiness of personnel for organizational changes

Abstract: the article presents the results of an empirical study of psychological readiness for organizational changes and proactivity among medical middle management. A correlation was made between the level of psychological readiness for organizational changes and the level of proactivity based on the results of the initial diagnostics of the participants. Based on the data obtained, proactivity training was developed and conducted. A repeated diagnosis of employees was carried out after the experiment to identify the dynamics of indicators of psychological readiness for organizational changes when influencing the proactivity of employees. Correlation analysis of diagnostic results revealed a relationship between proactivity and such components of psychological readiness for organizational changes as emotional readiness, personal readiness, and innovative readiness. The formative experi-

ment conducted in a medical organization has shown that proactive behavior training among middle managers increases their level of psychological readiness for organizational change.

Keywords: psychological readiness for change, readiness for organizational changes, components of psychological readiness, proactivity, proactive position, proactive coping strategy

For citation: Tatarchuk V.L., Levadnyaya M.O. Training of proactive behavior in managing psychological readiness of personnel for organizational changes. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 208 – 217.

The article was submitted: June 17, 2025; Approved after reviewing: August 15, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что на современном этапе инновационные преобразования характерны для многих отраслей, в том числе здравоохранения. При внедрении инноваций руководство медицинских организаций ожидает повышение эффективности деятельности, уровня удовлетворенности трудом и приверженности персонала. Однако организационные изменения часто влекут за собой недовольство, скептицизм, сопротивление и стресс у сотрудников, что затрудняет или даже делает невозможным качественное внедрение инноваций.

В ситуации значительного повышения требований к медицинскому персоналу, острой нехватки квалифицированного медицинского персонала на местах, роль руководителей среднего звена медицинских организаций становится стратегически важной. Они выступают в качестве связующего звена между инициативами высшего руководства и операционной деятельностью подразделений. Их значимость обусловлена тем, что именно через них преломляется и трансформируется стратегическая информация от высшего руководства в конкретные действия и практики на уровне исполнителей. Руководители среднего звена выступают как агенты изменений, способные мотивировать сотрудников и формировать позитивное отношение к инновациям. В свою очередь, успешное внедрение инноваций в медицинских организациях зависит от психологической готовности руководителей среднего звена и их проактивной или реактивной позиции к организационным изменениям.

Материалы и методы исследований

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: теоретический анализ литературных источников по проблематике диссертационного исследования, организационный метод – сравнительный; эмпирические методы – формирующий эксперимент и психодиагностический метод, включающий в себя опросник «Готовность к организационным изменениям» Д. Холта в

адаптации Е.А. Наумцевой; опросник инновационной готовности персонала В.В. Пантелеевой и Т.П. Кнышевой; опросник «Проактивный копинг», PCI, E. Greenglass, R. Schwarzer в адаптации Е.П. Белинской, А.В. Вечерина. Для обработки данных были применены методы математико-статистического анализа данных с применением статистического пакета SPSS Statistics 20.1 Интерпретация полученных результатов производилась структурным методом.

Ряд исследователей рассматривают понятие психологической готовности как компонент профессиональной готовности, но привести к единому знаменателю требования к психологической готовности профессионалов разных отраслей не представляется возможным. Тем не менее, это понятие широко исследуется в психологии, менеджменте и социологии, поскольку играет ключевую роль в организационных изменениях, профессиональной деятельности и личностном развитии индивида. Анализ исследований, посвященных проблеме психологической готовности к деятельности при организационных изменениях, показывает разнообразие подходов к трактовке этого понятия, которые сводятся, прежде всего, к ее пониманию как важнейшего условия выполнения профессиональной деятельности.

Деятельностный подход (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Е.А. Пурьев, А.А. Деркач [1]) акцентирует внимание на практической стороне психологической готовности, связывая её с конкретными задачами и действиями индивида. С.С. Белоусова дает следующее определение: «готовность к изменениям – это такое состояние психики, когда человек расположен к активной деятельности в определенной ситуации, а проявлением этой расположенности является мобилизованность организма или настрой на совершение целенаправленного действия» [3].

В диспозиционном подходе (А. Арменакис, Х. Филд, С. Харрис) психологическую готовность рассматривают как производную устойчивых личностных характеристик. В частности, инноваци-

онная диспозиция понимается как многоуровневое интегративное свойство личности, определяющее её предрасположенность к трансформационным процессам [8, 12].

Ресурсный подход в исследовании психологической готовности к изменениям концентрирует внимание на укреплении внутренних и внешних ресурсов человека, чтобы повысить его способность адаптироваться к изменениям (Т.П. Зинченко, В.Н. Дружинин, Д. Канеман, С.А. Маничев). В одних концепциях ресурсы принадлежат к разным уровням функционирования – от физиологического и психофизиологического до уровня направленности личности, в других – могут быть внутренними, «интрасубъектными» или внешними – ресурсами среды или ресурсами отношений, тем не менее, все они образуют «общий ресурсный запас», «ресурсную базу» либо «потенциал личности», взаимодействуя и подпитывая друг друга. Поскольку фактически невозможно представить ресурс, одинаково ценный во всех ситуациях и условиях, система должна гибко перестраиваться «под задачу», но нет ответа на вопрос, как это реально происходит [6].

В рамках личностного подхода психологическую готовность к изменениям рассматривают как некое интегральное свойство личности, которое включает в себя мотивацию, ценности, интересы и самооценку индивида. Приверженцы личностного подхода (А.Ц. Пуни, А.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Р.И. Пенькова, В.А. Сластёнин) под готовностью понимали личностное образование, проявление индивидуально-личностных качеств, обеспечивающее эффективность, высокую результативность профессиональной деятельности. В личностном подходе готовность рассматривается как единство личностно-значимых профессиональных свойств, отличающихся по их роли в регуляции профессиональной и обыденно-эмпирической деятельности. При этом ведущую интегрирующую роль выполняют личностные качества, выражающие направленность на соответствующую деятельность [1].

Современные научные исследования в области психологии организационных изменений преимущественно сосредоточены на анализе корреляционных взаимосвязей психологической готовности к изменениям и другими личностными характеристиками. В рамках ресурсного и личностного подходов психологическая готовность – это комплексное состояние личности, которое определяет её способность эффективно адаптироваться к новым условиям, принимать изменения и успешно действовать в нестабильной среде. Ресурсный и

личностный подходы в своем понимании психологической готовности к организационным изменениям опираются на гуманистическую парадигму и рассматривают человека как активного субъекта, способного к саморазвитию, личностному росту, преодолению страха неопределенности и осознанным изменениям.

Таким образом, проанализировав основные подходы, в своей работе мы будем опираться на определение, что психологическая готовность – это многогранный феномен, который включает мотивационные, когнитивные и эмоциональные компоненты. Психологическая готовность является психическим новообразованием, характеризующимся концентрацией внутренних сил человека и его направленностью на личностно значимую деятельность.

Далее рассмотрим понятия проактивности и проактивной копинг стратегии. В отечественной психологической литературе с позиций ресурсного подхода проактивная копинг-стратегия понимается как рациональное использование ресурсов: возможность активировать меньший объем ресурсов для преодоления стресса за счет раннего обнаружения стрессора и идентификации его специфики. Исследователи подчеркивают конструктивный, профессионально оправданный и организационно разрешенный характер проактивного совладания с фактором стресса. В рамках ресурсного подхода выделяют продуктивную стратегию, включающую «увеличение социальных ресурсов» и «усложнение рабочих требований», и контрпродуктивную – «снижение рабочих требований». С.А. Маничев в своих работах [7] говорит о том, что стратегия «увеличения социальных ресурсов» является амбивалентной и зависит от общего контекста рабочей деятельности. Важно обращать внимание на фактическое поведение персонала, то есть на то, что люди на самом деле делают, чтобы изменить или улучшить свою работу.

В зарубежной психологии термин «проактивность» был введен В. Франклом в 1946 г. Он описывал способность человека выбирать реакцию на внешние обстоятельства, даже в крайне тяжелых условиях. Он использовал данное понятие для обозначения личности, понимающей и принимающей ответственность за себя и свою жизнь. В. Франкл связывал проактивность с экзистенциальным измерением личности: антиципация будущего (прогнозирование изменений) как попытка найти смысл в грядущих вызовах; настойчивость вопреки трудностям отражает «волю к смыслу»; инициация изменений становится способом утверждения свободы воли.

Феномен проактивности в рамках концепции С. Кови (1989 г.) обладает полимодальной природой, проявляясь на личностном уровне как устойчивая характеристика, и на поведенческом уровне как конкретное действие.

Т. Бейтман и Дж. Крант в 1993 году определили проактивность «как относительно устойчивую диспозицию инициировать изменения окружающей среды» [10]. В своей работе авторы подчеркивают, что человек с ярко выраженной проактивной позицией предрасположен к изменениям своего окружения в соответствии со своими ценностями и убеждениями, так же, такой человек ищет новые возможности, проявляет инициативу и готов к преодолению трудностей.

Б. Фриман и М. Биркс определяют проактивность как «способность сотрудника к инициативному поведению, направленному на улучшение рабочей ситуации или достижение организационных целей, не ожидая указаний своих руководителей».

Наиболее широко известна модель проактивного копинга Э. Грингласс [11] включающая:

- проактивное преодоление как процесс постановки целей и привлечения ресурсов для их достижения;
- рефлексивное преодоление, связанное с оценкой потенциальной стрессогенности проблемы и сравнением альтернативных вариантов ее преодоления;
- стратегическое планирование как составление плана действий;
- превентивное преодоление как предвосхищение источника стресса и продумывание вариантов его нейтрализации до момента появления;
- социально-ориентированные формы копинг-стратегии, включая поиск эмоциональной и инструментальной поддержки.

Проактивная позиция в теории К. Роджерса – форма психологической свободы, проявляющаяся в конгруэнтности между Я-концепцией и преобразующей деятельностью. Она предполагает открытость опыту и отказ от конформизма: человек следует своим убеждениям, а не внешним предписаниям. Согласно А. Маслоу, проактивное поведение отражает высший уровень потребностей – стремление к самореализации. Самоиницируемый процесс, детерминированный внутренней логикой развития личности, а не внешними стимулами. По мнению зарубежных исследователей проактивные копинг-стратегии представляют собой варианты заблаговременного реагирования с целью обеспечения готовности к росту напряженности на основе: предвосхищения типа и мощности стрессора, целенаправленного опережающего

планирования своих целей и программ поведения [2].

Гуманистическая психология, основанная на идеях А. Маслоу, К. Роджерса и В. Франкла, рассматривает проактивную позицию как естественное проявление стремления человека к самоактуализации, автономии и осмысленному существованию. В отличие от бихевиористского или психодинамического подходов, гуманистическое направление делает акцент на свободу выбора, ответственность и творческий потенциал личности, что напрямую соотносится с концепцией проактивности. Человек, проявляющий инициативу, создает цели, соответствующие его ценностям, а не просто реагирует на внешние стимулы; преодолевает средовые ограничения через творчество и поиск ресурсов; демонстрирует настойчивость, так как действует из внутренней мотивации.

В своей работе мы рассматриваем проактивность в гуманистической парадигме, как целостный, внутренне мотивированный поведенческий паттерн, характеризующийся способностью личности к автономному целеполаганию, саморегуляции и устойчивой ориентации на преобразующую деятельность, основанную на экзистенциальных ценностях и стремлении к самоактуализации.

Современная парадигма исследований сместила акцент на проактивное поведение сотрудников в организации, где под проактивностью понимается возможность «активно влиять на процессы социализации, чтобы улучшить качество своего опыта на работе» [4]. Сотрудник выступает не пассивным реципиентом организационных норм, а субъектом, сознательно формирующим траекторию профессиональной адаптации, качественные характеристики трудового опыта, параметры рабочей среды. В современной профессиональной литературе произошла переориентация задач управления изменениями от предотвращения и преодоления «неизбежного» сопротивления сотрудников предстоящим переменам – к «выращиванию» и последующей поддержке психологической готовности персонала к этим изменениям. При внедрении инноваций руководство хочет видеть поведение персонала, характеризующееся проявлением инициативы, явно не регламентированной должностными обязанностями [5].

Эмпирическое исследование проводилось на базе КГБУЗ «Владивостокская поликлиника №3» и КГБУЗ «Владивостокская поликлиника №9». В исследовании приняло участие 44 человека – медицинские сотрудники старшего и среднего звена, занимающиеся управленческой деятельностью. В рамках анализа социально-демографических ха-

характеристик выборки нами были рассчитаны следующие структурные индексы:

– индекс гендерной диспропорции: 5:1 (женщин в 5 раз больше, чем мужчин);

– индекс возрастной однородности: доминирующая группа: 51-55 лет (27,2%), второстепенные группы: 26-30 лет (13,6%) 36-40 лет (13,6%), 46-50 лет (13,6%);

– индекс образовательной однородности составил 72,7%, респондентов с высшим образованием, 13,6% респондентов с двумя и более высшими образованиями и 13,6% респондентов со средним специальным образованием;

– индекс профессионального опыта: преобладает управленческий стаж 6-10 лет (29,5%) и стаж 0-5 лет 27,2%. Количество респондентов со стажем 11-16 лет 22,7%, и меньше всего представлен стаж 16-20 лет (4,2%).

Таким образом, на основании анализа социально-демографических характеристик выборки можно сделать выводы: в связи с наличием гендерного дисбаланса, интерпретация результатов требует осторожности при обобщении результатов на мужскую популяцию. Такое распределение может

влиять на групповую динамику, коммуникативные стили и предпочтение определенных копинг-стратегий (например, более выраженная ориентация на социальную поддержку). Возрастная структура выборки позволяет изучать копинг-стратегии в зрелом возрасте (основная масса старше 45 лет), респонденты могут демонстрировать консервативные или рефлексивные модели поведения. Высокий образовательный уровень может указывать на развитые когнитивные стратегии преодоления стресса и склонность к рефлексивному копингу. В то же время такая структура выборки является стандартной для коллективов медицинских и социальных организаций, поэтому возможна генерализация полученных данных на аналогичные коллективы.

Результаты и обсуждения

Результаты диагностики по «Опроснику инновационной готовности персонала» В.В. Пантелеевой и Т.П. Кнышевой [9] демонстрируют выраженную неоднородность показателей инновационной готовности по всем компонентам (табл. 1).

Таблица 1

Результаты по компонентам готовности к организационным изменениям.

Table 1

Results for components of readiness for organizational change.

	Низкий уровень (чел.)	Средний уровень (чел.)	Высокий уровень (чел.)
Инновационная готовность	2	34	8
Эмоциональная готовность	8	27	9
Мотивационная готовность	3	34	7
Когнитивная готовность	2	34	8
Личностная готовность	2	33	9
Организационная готовность	3	27	14

Наблюдается значительный разброс данных - от минимальных до максимальных значений по каждой шкале. При этом большинство показателей указывают на преобладание среднего уровня готовности в исследуемой выборке.

Особенно показателен максимальный разброс по шкале организационной готовности (1-10 баллов), что может быть связано с разным качеством организационной поддержки инноваций в исследуемых организациях, неравномерным распределением ресурсов для изменений, различием в корпоративной культуре между подразделениями.

Полученные результаты соответствуют «нормальному распределению» психологических характеристик в выборке, однако, значительный разброс указывает на необходимость дифференцированного подхода к управлению изменениями.

Полученные нами в рамках диагностики данные могут отражать:

– феномен «сопротивления середины», когда большинство сотрудников занимают нейтральную позицию, следуя за лидерами и сопротивляющимися;

– эффект организационного конформизма, т.е. сотрудники демонстрируют усредненные ответы как форму адаптации;

– несформированность инновационной культуры – отсутствие четких ориентиров приводит к разбросу мнений.

По опроснику «Проактивный копинг» Е. Greenglass, R. Schwarzer среднее значение по группе составило 3,02 балла. По уровням выраженности проактивного совладания было получено следующее распределение:

- низкий уровень (1-2,33 балла): 10 респондентов (23% выборки);
- средний уровень (2,34-3,33 бал): 21 респондента (48% выборки);
- высокий уровень (3,34-4 балла): 13 респондентов (29% выборки).

Почти половина опрошенных (48%) обладает умеренно выраженными проактивными навыками,

что характеризуется избирательной инициативностью, ситуативным применением стратегий планирования, зависимостью проактивности от внешних условий.

Результаты диагностики респондентов по опроснику «Готовность к организационным изменениям» представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение результатов по опроснику «Готовность к организационным изменениям».

Table 2

Distribution of results according to the questionnaire “Readiness for organizational changes”.

Шкала методики	Диапазон Мин/макс значения по шкале	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Общая готовность	От 25 до 175	0	28	16
Уместность изменений	От 10 до 70	2	26	16
Поддержка руководства	От 5 до 35	0	22	22
Реализуемость изменений	От 5 до 35	0	22	22
Личное отношение	От 5 до 35	0	21	23

По параметру общая психологическая готовность к изменениям значения варьируются от 84 до 171 (М=126), при диапазоне баллов от 25 до 175, что свидетельствует о среднем и высоком уровне общей готовности к организационным изменениям.

По параметру уместность изменений диапазон значений от 25 до 68 баллов (М = 48,69), что отражает неоднозначное отношение сотрудников. Низкие показатели (25-27) указывают на сомнения сотрудников в целесообразности изменений.

По параметру поддержка руководства диапазон значений от 16 до 35 баллов (М = 25,53), что свидетельствует об умеренном доверии в группе. Минимальные значения (16-18) могут быть связаны с недостаточной информированностью или негативным опытом.

По параметру реализуемость изменений диапазон значений от 16 до 35 баллов (М = 26,13). Уверенность в успешности изменений в среднем на среднем уровне.

По параметру личное отношение диапазон зна-

чений от 20 до 35 баллов (М = 26,21). Преобладает нейтрально-позитивная оценка, однако часть сотрудников (20 баллов) демонстрирует сопротивление.

На основании результатов, полученных по опроснику «Готовность к организационным изменениям», можно сделать вывод, что группа медицинского управленческого персонала характеризуется выраженным потенциалом для внедрения изменений, но с неравномерной готовностью по отдельным аспектам, например, поддержка руководства и реализуемость.

В качестве критических зон можно обозначить:

- разброс в оценке уместности изменений (от 25 до 68) требует дополнительного анализа причин низких показателей у части респондентов;
- относительно низкие средние баллы по поддержке руководства и реализуемости указывают на необходимость усиления вертикальной коммуникации в данных медицинских организациях и обеспечения ресурсов для изменений.

Таблица 3

Распределение общей психологической готовности в зависимости от уровня проактивности.

Table 3

Distribution of general psychological readiness depending on the level of proactivity.

		Проактивность			Общее кол-во (чел.)
		Низкая	Средняя	Высокая	
Общая психологическая готовность к изменениям	Низкая				
	Средняя	9	13	6	28
	Высокая	1	8	7	16
Общее кол-во (чел.)		10	21	13	44

Полученные результаты выявили противоречивую картину готовности управленческого медицинского персонала к организационным изменениям. Наблюдается диссонанс между средними и высокими показателями общей готовности к организационным изменениям, умеренными значениями инновационной готовности и поляризованными данными по проактивному копингу.

Полученные результаты можно объяснить наличием:

– «парадокса формальной готовности», что свидетельствует о поверхностном, а не глубинном принятии изменений;

– «эффектом организационного конформизма», т.е. сотрудники демонстрируют усредненные ответы как форму адаптации.

Проведенное исследование выявило сложную, нелинейную структуру психологической готовности управленцев в сфере здравоохранения к организационным изменениям. Полученные данные подчеркивают необходимость отказа от унифицированных подходов в пользу дифференцированных программ развития организационной устойчивости, учитывающих выявленные диспропорции и потенциалы.

Корреляционный анализ с использованием критерия χ^2 (хи-квадрат) позволил выявить статистически значимые связи средней силы между проактивной позицией и тремя компонентами готовности к изменениям: личностной, эмоциональной и организационной готовностью с $p < 0.05$ (табл. 4).

Таблица 4

Корреляционный анализ между уровнем проактивности и компонентами готовности к изменениям.

Table 4

Correlation analysis between the level of proactivity and the components of readiness for change.

Компоненты готовности к изменениям	χ^2	p
Инновационная готовность	8.873	0.064
Мотивационная готовность	5.012	0.286
Эмоциональная готовность	11.054	0.026
Когнитивная готовность	4.188	0.381
Личностная готовность	11.105	0.025
Организационная готовность	9.866	0.043

Нами были выявлены статистически значимые связи проактивности с такими компонентами психологической готовности как личностная, эмоциональная и организационная готовность ($p < 0.05$). Для компонентов психологической готовности с $p > 0.05$ нельзя исключать влияние малого объема выборки.

Результаты проведенной психодиагностики и корреляционного анализа позволил запланировать формирующий эксперимент с целью выявления динамики показателей психологической готовности персонала к организационным изменениям под воздействием тренинга проактивного поведения. Для этого была разработана программа тренинга общей продолжительностью 12 часов, рассчитанного на 4 дня по 3 часа. Тренинг проводился на базе отделения психопрофилактики и медико-социальной помощи Владивостокской поликлиники №3 в апреле 2025 года.

Программа тренинга была ориентирована на медицинский управленческий персонал среднего

звена и направлена на развитие проактивного поведения, а именно: развитие проактивных стратегий (планирование, инициативность); укрепление рефлексивных навыков (анализ опыта); превентивное совладание.

Для организации формирующего эксперимента были сформированы экспериментальная (12 человек) и контрольная (12 человек) группы. Распределение на группы проводилось экспертным методом, после чего с помощью коэффициента U Манна-Уитни был проведен анализ на различия между группами, показавший отсутствие статистически значимых отличий между ними.

Для проверки эффективности тренинга через месяц после его проведения была осуществлена повторная диагностика в экспериментальной и контрольной группах. Использование W критерий Вилкоксона позволило увидеть положительный сдвиг по ряду параметров в экспериментальной группе (табл. 5). В контрольной группе изменений не обнаружено.

Таблица 5

Сдвиг в показателях в экспериментальной группе до и после тренинга.

Table 5

Shift in indicators in the experimental group before and after training.

Измеряемые параметры	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Уместность изменений	-1,892b	0,059
Поддержка руководства	-2,540b	0,011
Реализуемость изменений	-1,399b	0,162
Личное отношение	-,249c	0,803
Общая готовность к изменению	-2,316b	0,021
Инновационная готовность	-1,615b	0,106
Эмоциональная готовность	-2,144b	0,032
Мотивационная готовность	-1,378b	0,168
Когнитивная готовность	-1,439b	0,15
Личностная готовность	-,768b	0,443
Организационная готовность	-,898b	0,369
Проактивное совладание	-,534b	0,593
Рефлексивное совладание	-,768b	0,443
Стратегическое планирование	-,813b	0,416
Превентивное совладание	-2,207b	0,027
Поиск инструментальной поддержки	-1,420b	0,156
Поиск эмоциональной поддержки	-,512c	0,609

Как видно из таблицы, наиболее выраженный положительный сдвиг произошел по трем параметрам: восприятие поддержки со стороны руководства, общая готовность к изменениям и эмоциональная готовность к изменениям.

Также была обнаружена положительная динамика по параметрам: превентивное совладание (0.027), что говорит об усилении способности заранее готовиться к изменениям; уместность изменений (0.059): тренинг незначительно повысил понимание необходимости изменений; инновационная готовность (0.106): после тренинга произошел небольшой сдвиг в открытости к инновациям.

С помощью коэффициента R_s Спирмена был проведен анализ силы связи готовности к изменениям и совладающих стратегий до и после эксперимента. На входе в тренинг сильные корреляции с коэффициентом $R_s > 0.8^{**}$ в экспериментальной группе выявлены не были. После тренинга количество корреляционных связей в экспериментальной группе значительно увеличилось. Ниже приведено описание прямых средних и сильных корреляционных связей между параметрами, и с помощью каких элементов тренинга на них оказывалось воздействие:

- между проактивным поведением и инновационной готовностью ($,660^{*}$) – упражнения на формирование установки на упреждающие действия;
- между параметром рефлексивное совладание и параметрами: инновационная готовность ($,688^{*}$),

когнитивная готовность ($,870^{*}$), личностная готовность ($,865^{**}$) и организационная готовность ($,639^{*}$) – рефлексивные методики (разбор кейсов, обратная связь) критически значимы для аспектов готовности к изменениям;

- между стратегическим планированием и ойонациональной готовностью к изменениям ($,615^{*}$) – упражнения на стратегическое планирование снизили уровень тревоги при организационных изменениях;

- между параметром превентивное совладание и инновационной готовностью ($,631^{**}$), эмоциональной готовностью ($,638^{*}$), когнитивной готовностью ($,642^{**}$), личностной готовностью ($,791^{**}$), организационной готовностью ($,661^{*}$) – упражнения на «превентивный рефрейминг» (создание сценариев будущего), упражнения на проактивную позицию и анализ скрытых возможностей через работу с метафорой.

Таким образом, на основании корреляционного анализа мы можем сделать вывод, что сотрудники с высоким уровнем превентивного совладания обладают высоким уровнем психологической готовности к организационным изменениям. Проактивность, хотя и важна, но не покрывает все аспекты психологической готовности к организационным изменениям, например, слабо связана с мотивационной и когнитивной готовностью.

Полученные данные демонстрируют, что психологическая готовность к изменениям – это мно-

гокомпонентный конструкт, на который влияют различные стратегии совладания. Если проактивное совладание показало ограниченную связь с готовностью, то другие стратегии (рефлексивное, стратегическое планирование и превентивное) оказались значимо связаны с ключевыми аспектами готовности. Это указывает на то, что для формирования устойчивой готовности к изменениям недостаточно развивать только проактивность. Необходима интегративная работа с другими копинг-стратегиями, особенно с рефлексивными и превентивными. Результаты имеют важное значение для разработки тренинговых программ.

Выводы

Выявлена взаимосвязь между проактивностью и такими компонентами психологической готовности к организационным изменениям как эмоциональная готовность, личностная готовность, инновационная готовность. Гипотеза о том, что, тренинг проактивного поведения повышает уровень

психологической готовности персонала к организационным изменениям подтвердилась. С помощью корреляционного анализа были выявлены три ключевых компонента адаптивного совладания: проактивная позиция, рефлексивные стратегии и превентивное совладание. Они формируют устойчивую систему взаимосвязанных факторов, оказывающую комплексное воздействие на уровень психологической готовности персонала к организационным преобразованиям. Стратегическое планирование дополняет его, повышая эмоциональный компонент психологической готовности к изменениям. Вышеуказанные корреляции показывают, что уровень психологической готовности к организационным изменениям можно повышать через тренинговую работу. Тренинг проактивного поведения показал свою эффективность для управленцев среднего звена и может быть рекомендован для использования в аналогичных медицинских организациях.

Список источников

1. Амосова Т.В. Основные подходы к профессиональной готовности в отечественной психологии // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2013. № 8. С. 2029.
2. Белинская, Е.П., Вечерин, А.В., Агадуллина, Е.Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология. 2018. № 7 (3). С. 192 – 211
3. Белоусова С.С. Основные теоретические и эмпирические подходы к изучению готовности личности к изменениям в психологической науке // Образовательная система: процессы развития современной научной мысли: сборник научных трудов. Казань: ООО "СитИвент", 2019. С. 72 – 77.
4. Ерзин А.И. Проактивность как основа становления личности специалиста // Актуальные проблемы психологического знания. 2014. № 1 (30). С. 100 – 110.
5. Ермолаева М.В., Авдеева А.П. Проактивное рабочее поведение персонала в инновационной среде: ресурсный подход // Мир психологии. 2023. № 3 (114). С. 207 – 2165.
6. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Виленская Г.А. Научные подходы в современной отечественной психологии. Издательство «Институт психологии РАН» Москва, 2023. 759 с.
7. Маничев С.А., Лепехин Н.Н. Проактивный менеджмент безопасности и проактивное поведение персонала как ресурсы инжиниринга устойчивости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. № 1. С. 33 – 45.
8. Наумцева Е.А. Анализ психометрических свойств русскоязычной версии опросника Д. Холта "Готовность к организационным изменениям" // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 4. С. 104 – 117.
9. Пантелеева В.В., Кнышева Т.П. Опросник инновационной готовности персонала // Акмеология. 2016. № 3 (59). С. 81 – 86.
10. Bateman T.S., Crant J.M. The proactive component of organizational behavior: A measure and correlates // Journal of organizational behavior. 1993. Vol. 14. № 2. P. 103 – 118
11. Greenglass E.R. Proactive coping // Beyond coping: Meeting goals, vision, and challenges / E. Frydenberg (ed.). London: Oxford University Press, 2002. P. 37 – 62.
12. Holt D.T., Armenakis A.A., Feild H.S., Harris S.G. Readiness for organizational change: the systematic development of a scale // Journal of Applied Behavioral Science. 2007. № 43 (2). P. 232 – 255.

References

1. Amosova T.V. The main approaches to professional readiness in domestic psychology. Letters to Emission.Offline. 2013. No. 8. P. 2029
2. Belinskaya E.P., Vecherin A.V., Agadullina E.R. Proactive coping questionnaire: adaptation in a non-clinical sample and prognostic capabilities. Clinical and special psychology. 2018. No. 7 (3). P. 192 – 211

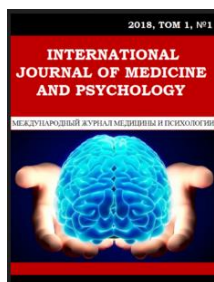
3. Belousova S.S. The main theoretical and empirical approaches to the study of personality readiness for changes in psychological science. Educational system: processes of development of modern scientific thought: collection of scientific papers. Kazan: OOO "SitIvent", 2019. P. 72 – 77.
4. Erzin A.I. Proactivity as a basis for the development of a specialist's personality. Actual problems of psychological knowledge. 2014. No. 1 (30). P. 100 – 110.
5. Ermolaeva M.V., Aydeeva A.P. Proactive work behavior of personnel in an innovative environment: a resource approach. The World of Psychology. 2023. No. 3 (114). P. 207 – 2165.
6. Zhuravlev A.L., Sergienko E.A., Vilenskaya G.A. Scientific approaches in modern domestic psychology. Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences" Moscow, 2023. 759 p.
7. Manichev S.A., Lepekhin N.N. Proactive safety management and proactive behavior of personnel as resources for sustainability engineering. Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 33 – 45.
8. Naumtseva E.A. Analysis of psychometric properties of the Russian-language version of D. Holt's questionnaire "Readiness for organizational changes". Organizational psychology. 2016. Vol. 6. No. 4. P. 104 – 117.
9. Panteleeva V.V., Knysheva T.P. Questionnaire of personnel innovative readiness. Acmeology. 2016. No. 3 (59). P. 81 – 86.
10. Bateman T.S., Crant J.M. The proactive component of organizational behavior: A measure and correlates. Journal of organizational behavior. 1993. Vol. 14. No. 2. P. 103 – 118
11. Greenglass E.R. Proactive coping. Beyond coping: Meeting goals, vision, and challenges. E. Frydenberg (ed.). London: Oxford University Press, 2002. P. 37 – 62.
12. Holt D.T., Armenakis A.A., Feild H.S., Harris S.G. Readiness for organizational change: the systematic development of a scale. Journal of Applied Behavioral Science. 2007. No. 43 (2). P. 232 – 255.

Информация об авторах

Татарчук В.Л., клинический психолог, ООО «БМК», 690090, г. Владивосток, ул. Алеутская 45А, каб. 806, letu@mail.ru

Левадняя М.О., кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, levadniaia.mo@dvvfu.ru

© Татарчук В.Л., Левадняя М.О., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.972

^{1, 2} Авраменко И.О.,

¹ Институт клинической психологии и социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Минздрава РФ,

² психолог детского клуба “Пространство Индиго”, г. Москва

Диалектическая поведенческая терапия для помощи детям с оппозиционно-вызывающим расстройством и синдромом дефицита внимания с гиперактивностью

Аннотация: расстройства, проявляющиеся в детском и подростковом возрасте дезорганизованным поведением, встречаются достаточно часто и связаны с серьезными нарушениями функционирования как самих детей, так и их семей, также с выраженной в разной степени психологической дезадаптацией на разных стадиях развития [1, 2, 5, 9]. Частая встречаемость в популяции, значимый предикт-фактор в виде ОВР к последующему добавлению сопутствующих психических расстройств - вызывает необходимость для более полного клинического изучения. Психотерапия детей с психическими расстройствами в России остаётся малоизученной, до сих пор не существует единой методологии и диагностических критериев успешности психокоррекционных мероприятий и интервенций, равно как и вопросы детско-родительского консультирования и обучающих программ, которые, преимущественно, сосредоточены в проблемах РАС и классического прикладного анализа поведения. В исследовании проводится апробация методик поведенческой и эмоциональной регуляции из Диалектической-поведенческой терапии (ДБТ) для детского возраста. Методологии ДБТ в коррекции поведения детей с ОВР и Гиперкинетическим расстройством, поможет, в дальнейшем, увеличивать эффективность психокоррекционных мероприятий.

Ключевые слова: оппозиционно-вызывающее расстройство, гиперкинетическое расстройство, расстройство поведения, диалектическая-поведенческая терапия, психокоррекция, абилитация

Для цитирования: Авраменко И.О. Диалектическая поведенческая терапия для помощи детям с оппозиционно-вызывающим расстройством и синдромом дефицита внимания с гиперактивностью // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 218 – 224.

Поступила в редакцию: 19 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

^{1, 2} Avramenko I.O.,

¹ Institute of Clinical Psychology and Social Work, Russian National Research University named after N.I. Pirogov Ministry of Health of the Russian Federation,

² Psychologist of the children's club “Indigo Space”, Moscow

Dialectical behavior therapy for children with oppositional defiant disorder and attention deficit hyperactivity disorder

Abstract: disorders manifested in childhood and adolescence by disorganized behavior are quite common and are associated with serious disorders of the functioning of both patients and their families, as well as with varying degrees of insufficient psychological adaptation at later stages of development [1, 2, 5, 9]. The frequent occurrence in the population, high comorbidity and the predicate factor in the form of ODD to the subsequent addition of concomitant mental disorders necessitates a more complete interdisciplinary study. Psychological correction and psychotherapy of children with mental disorders in Russia remains poorly studied, there is still no unified methodology

and diagnostic criteria for the success of psychocorrective measures and interventions, as well as issues of child-parent counseling and training programs, which are mainly focused on the problems of ASD and classical applied behavior analysis. This course and the current level of knowledge of the correction of behavioral disorders does not allow us to build a unified and effective form of psychocorrection of other disorders combined with behavioral disorders from mild to severe severity. This study approves and modifies methods and techniques of behavioral and emotional regulation from Dialectical Behavioral therapy (DBT) for children. The analysis of 3 clinical cases is carried out. Using the results obtained from the successful testing of the DBT methodology for the problematic behavior of children with ODD and Hyperkinetic disorder, it will help to further develop habilitation and psychocorrection methodologies for the successful correction and secondary prevention of behavioral disorders in childhood.

Keywords: oppositional defiant disorder, hyperkinetic disorder, behavior disorder, dialectical-behavioral therapy, psychocorrection, habilitation

For citation: Avramenko I.O. Dialectical behavior therapy for children with oppositional defiant disorder and attention deficit hyperactivity disorder. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 218 – 224.

The article was submitted: June 19, 2025; Approved after reviewing: August 16, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Проблема психокоррекции и психотерапии детей с психическими расстройствами в России, на данный момент, заключается, преимущественно, в медленной и парциальной интеграции современных и передовых методов психокоррекции и психотерапии, при этом по-прежнему опираясь на программы и методологию, концептуальные основания которых были созданы в 30-40-х годах XX века. Также, существует недостаток квалифицированных кадров для работы именно с детьми и подростками. Многие методы, применяемые «взрослыми» психотерапевтами, действительно не всегда подходят для работы с молодыми клиентами, что обусловлено рядом факторов, связанных с особенностями развития детей и подростков. Психотерапия для детей требует особого подхода и адаптации методик, чтобы учесть их уникальные потребности, уровень развития и способ восприятия информации.

Дети не всегда могут осознавать свои эмоциональные реакции и чувственный опыт, равно как и выражать их словесно. В отличие от алекситимии во взрослом возрасте, тенденция невозможности вербализовать переживания у детей встречается не как нозологическая единица, а как возрастная специфика. Более уместно использовать ведущую деятельность, например, в период детства игровые формы, которые помогают более творчески и понятно для ребенка выразить свои переживания, интересы и научиться в такой форме анализировать свои проблемы психологического характера. В случае словесно-логического вида мышления, который является ведущим и обязательным в когнитивно-поведенческой терапии взрослых, детскому возрасту методике необходимо создавать на

основе наглядно-образного и наглядно-действенного мышления.

Как отмечает Борисова в своей работе «Поведенческая терапия в работе с детьми с ОВР: Технологии и подходы», детская поведенческая терапия включает использование элементов игры и творчества, что помогает маленьким клиентам лучше понимать и справляться с собственными эмоциями и проблемами [1].

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) также нуждается в адаптации для работы с детьми. Домашева отмечает, что техники КПТ могут быть эффективными при лечении детей с СДВГ и расстройствами поведения, однако они требуют упрощения и большей наглядности. Например, использование визуальных пособий и игр может значительно повышать эффективность лечения, позволяя детям лучше осознавать последствия своих действий [2].

Также стоит отметить, что адаптированные поведенческие программы, о которых говорит Зеленкова, помогают в коррекции нарушений поведения у детей. Адаптация программ подразумевает не только изменение подходов, но и учет индивидуальных характеристик ребенка, что делает терапию более персонализированной и эффективной [3].

Поэтому очень важно, чтобы психотерапевты, работающие с детьми, имели специальную подготовку и знания в области детской психологии и психотерапии. Это подтверждается работой Канцлера, который подчеркивает необходимость применения адаптированной поведенческой терапии в психокоррекционной работе с детьми. Он указывает, что использование специфических методик

помогает лучше справляться с проблемами поведения и гиперактивностью [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что в детской психотерапии подходы должны быть специализированными, из чего следует необходимость глубокого понимания особенностей психоэмоционального развития детей и подростков, а также адаптации существующих практик к их нуждам.

На данный момент, признанная медицинским и психологическим сообществом доказательная форма психотерапии психических расстройств – когнитивно-поведенческая терапия и её направление, разработанное для расстройств поведения и личностных расстройств – Диалектическая-поведенческая терапия, в российском сегменте интегрирована отчасти и локально [1, 2, 3, 4...7]. На данный момент, адаптированных стандартизированных подходов в терапии поведенческих расстройств детей нет. Институты профессионального образования по данным подходам, у которых есть стандартизованная аккредитация катастрофически мало в Российском сегменте. В высших учебных медицинских и психологических заведениях эти методы преподаются в виде введения и основ, что не позволяет успешно практиковать такой метод для выполнения профессиональной задачи.

Проблемное поведение вызвано как биологическими, так и психологическими факторами, что затрудняет построение процесса терапии и делает необходимым комплексный подход к коррекции ОВР [8].

К ключевым признакам ОВР, включенным в МКБ-10, относятся: постоянный паттерн провокационного, враждебного и непослушного поведения, характеризующегося низким порогом фрустрационной толерантности. А, например, данные крупномасштабного международного исследования, опубликованные [3, 7, 10] продемонстрировали схожесть расстройств контроля над побуждениями (включая интермиттирующее эксплозивное расстройство, оппозиционно-вызывающее расстройство, расстройство поведения и синдром дефицита внимания и гиперактивности), где СДВГ и ОВР схожи в своих поведенческих нарушениях.

В концепции диалектической поведенческой терапии (ДБТ) внимание уделяется как принятию, так и активным изменениям в эмоциональном состоянии и поведении, которые возникают в результате эмоциональных реакций. Цель ДБТ – адаптировать эмоциональный опыт и поведение, чтобы они способствовали конструктивному взаимодействию с окружающими и саморегуляции.

ДБТ – это особая форма психотерапии, созданная Маршей Линехан, предназначенная для помощи людям с пограничным расстройством личности и связанными проблемами, такими как суицидальные наклонности, эмоциональная нестабильность и конфликты в отношениях между людьми [12].

В книге "Когнитивно-поведенческая терапия пограничного расстройства личности" Линехан выделяет несколько ключевых аспектов ДБТ. Основная идея диалектики заключается в умении фиксировать и объединять противоположные элементы в ходе терапии. Это значит принимать клиента таким, какой он есть, но при этом стремиться к изменениям. Линехан акцентирует внимание на важности нахождения гармонии между принятием и изменением. Кроме того, она подчеркивает значимость установления терапевтических отношений, где терапевт выполняет роль наставника, поддерживающего клиента в процессе трансформации, создавая тем самым безопасную атмосферу для изучения сложных эмоций и поведения. ДБТ включает четыре ключевых модуля: осознанность, регулирование эмоций, межличностные навыки и толерантность к стрессу и дискомфорту. Каждый модуль направлен на развитие навыков, необходимых для эффективного управления эмоциями и построения межличностных взаимоотношений [11].

Враждебное, непослушное поведение и низкий порог фрустрационной толерантности стали мишенями в психокоррекционной работе с использованием методик и инструментов Диалектической-поведенческой терапии, примененную для детского возраста.

Материалы и методы исследований

Были проанализированы 3 клинических случая и применена авторская психокоррекционная программа, основывающаяся на методологии поведенческих наук, и в частности, на концепции диалектической-поведенческой терапии. Методологическим основанием выступили: *Марша М. Линехан*

Описание исследуемых:

Исследуемый С.: 8 лет, мужской пол, 24.6.2016 г.р., диагноз психиатра: Гиперкинетическое расстройство.

Исследуемый К.: 11 лет, мужской пол, 12.05.2013 г.р., диагноз психиатра: СДВГ, ОВР

Исследуемый П.: 8 лет, женский пол, 05.08.2016 г.р., диагноз психиатра: ОВР.

Методы: Клиническая беседа, техника СТОП, техника мышечной релаксации "драка", "парус", прогрессивная мышечная релаксация по Джекобсону, методика "эмоционального разума", тех-

ника осознанного самонаблюдения, техника “Р-Р-Р”, эмоциональная экспозиция.

В центр психологической помощи дети попали по запросу родителей: “непослушное, агрессивное поведение, не слушаются, в школе дерутся, дома кричат”, “постоянные протесты, быстро злятся, гнев, истерики”.

До 16-недельного тренинга навыков проводилась клиническая беседа и сбор анамнеза. У всех троих исследуемых проявилась непереносимость фрустрации, которая вызывает агрессивное поведение в семье и школе. Также, реактивная вспышечивость, эксплозивность в условиях предъявления требований и обязательств к ребенку как в семье, так и в школе, и среди сверстников, что выражается в криках, драках и скандалах.

Результаты и обсуждения

В течение 16 недель встречи по 50 минут еженедельно проводились по обучению навыкам эмоциональной саморегуляции с детьми с ОВР и СДВГ, направленная на развитие совладающего поведения с эмоциональной дисрегуляцией.

На первой неделе и до 4 недели тренировался навык “СТОП” и техника “парус” и “драка”. Который был адаптирован для изменения агрессивного поведения в семье, дома. Задача этого этапа строилась в разрыве цепочки “Ситуация- эмоциональная реакция – агрессивное поведение”. Чтобы эмоциональная реакция была изменённой, не вызвала дисфункционального поведения. Для самоотчета использовались комментарии и обратную связь воспитывающих лиц и самих исследуемых.

С 5 до 10 недели обучающая часть психокоррекции включала в развитие “Эмоционального разума”. Задача ставилась по формированию адаптивных, функциональных стратегий реализации фрустрирующихся потребностей. Также развитие умения замечать свои эмоциональные реакции, понимать их значения, какими мыслями они вызваны и о каких потребностях говорят, о каких желаниях. Можно сказать, что эта часть состоит в оттачивании навыков самонаблюдения и самоорганизации своего поведения. Выполнялись протоколы по самоотчету и формировались “эмоциональные схемы” на встрече вместе с ребенком.

С 10 до 16 недели интегрировались техники, дополняющие навыки конструктивных решений, такие как “Р-Р-Р”, на фоне уже изученных навыков мышечной регуляции и самонаблюдения. Началась “эмоциональная экспозиция”, которая заключалась в визуализации злящих и неприятных, связанных с протестным и агрессивным поведением ситуаций, где нужно было представить и вербализовать свои чувства, поведение и в этот

момент имажинации применить технику расслабления.

После 16 недель количество агрессивного поведения снизилось, частота “эксплозий” – эмоциональных взрывов, сопряженных с агрессивным поведением, стала меньше на 30% ориентировочно у всех исследуемых.

Дети стали использовать техники эмоциональной регуляции дома и в образовательных учреждениях, которым были обучены на психокоррекционных занятиях.

По опросу родителей после тренинга, отмечалось более спокойное поведение ребенка, неагрессивное. Дети начали вербализовывать свои переживания и говорить про свои желания, начали договариваться. В некоторых фрустрирующих ситуациях дети все равно продолжают вести себя агрессивно и протестно, не используя изученные навыки и техники.

Выводы

Я полагаю, что необходима отдельно директивная работа с родителями, а именно с формой построения и придерживания более строгой и фиксированной системы поощрения-игнорирования желательного и нежелательного поведения. Еще один важный фактор, продолжения оттачивания навыков и техник, что может гарантировать увеличение частоты конструктивного поведения.

Сами результаты показывают возможность и эффективность поведенческих интервенций, связанных с тренингом навыков эмоциональной регуляции, которые помогают повышать толерантность к фрустрации и создавать возможность для формирования конструктивного поведения в условиях ограниченности времени встреч и их частоты.

В купе с семейной терапией и поддерживающей медикаментозной терапией, интегрируя техники и методики обучающей поведенческой терапии, в виде комплекса методик ДБТ, может стать существенной методологией, которая позволит эффективно помогать разрешать трудности, сопряженные с данными нозологиями в детском возрасте.

Абилитация в процессе психокоррекции, опирающейся на методики ДБТ, заключается в развитии навыков самомониторинга, отслеживания и понимания детьми своего эмоционального опыта, также, развития навыка конструктивного разрешения возникающих проблем и совладания с захватывающим аффектом.

В дальнейшем, планируется комплексное исследование на большой выборке, где сформированная батарея методик будет проводиться как с группой без дополнительной семейной работы и

поддержки психофармакологии, то есть самостоятельно и в комплексе с медикаментозной поддержкой, и с семейной терапией для сравнения результатов, которые в данном исследовании, предположительно, оказали влияние на результаты.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности формирования и дальнейшего использования методики поведенческой терапии в психокоррекционной работе медицинскими психологами, врачами-психотерапевтами, дефектологами, коррекционными психологами.

Приложения: Техника “Р-Р-Р”

Шаг 1. Ретироваться

Нужно отдалиться, создать себе физическую дистанцию, уйти из ситуации в то место, где вас никто не побескоит и никто не мешает.

Если это квартира – найдите свободную комнату или помещение, если это работа – попробуйте найти место в виде пустого помещения по типу санузла, локальной кухни или технического помещения и т.п.

Шаг 2. Расслабиться

Когда в нас кипит злость, гнев – все мы очень напряжены, начиная от сгущенных агрессивных мыслей, заканчивая общим напряжением всего тела

На данном шаге попробуйте расслабить все свое тело и успокоить дыхание, для этого используйте технику мышечной релаксации.

Шаг 3. Разобраться

Разобраться значит попробовать более объективно оценить события и ситуацию в целом. Важно это делать после того, как “скинули” напряжение, после того как мы расслабились.

Спросите себя: Для этого попробуйте взвесить необходимость и вообще нужность поступать так, как вам говорит ваша злость? Откуда пришла ваша злость? Какие мысли её вызвали? К чему призывает Вас ваше чувство? Что оно хочет чтобы вы сделали? Для чего? Как еще можно поступить? Как можно поступить, не нанеся вред себе и другому, но при этом шагнуть в сторону того, получить то, что для вас важно в этой ситуации?

Методика “эмоциональный разум”

Задумайся о том, что у тебя за эмоция сейчас – назови её.

Подумай, что она тебе говорит, что она сообщает тебе? Что тебе хочется когда ты так себя чувствуешь?

Попробуй описать словами то, что ты чувствуешь и так же сказать, что бы ты хотел

Помоги себе описать это, используя помощников – расскажи родителям, нарисуй, слепи, собери из лего и т.п., опиши словами, расскажи самому себе про то, что у тебя получилось сделать.

Методика “Драка”

Представь, что ты поругался с другом, вы решили подраться. Сожми кулаки и напрягись что есть сил, ты уже готов!

И вдруг раз! Вы вспомнили, что вы друзья и решили не драться! Ты вспомнил все самые хорошие события, которые были у вас в дружбе, самые приятные моменты вашего общения! Сделай глубокий вдох, после чего сделай полный медленный выдох, расслабь полностью свои руки, разожми кулаки. Расслабь, сделай мягким своё тело.

Повтори это 5 раз.

Методика парус

Представь, что ты плывешь на лодке, но ветра совсем нет- штиль! И тебе нужно плыть дальше, поэтому твоя задача – надуть парус самостоятельно!

Набери полный живот и грудь воздуха, и сильно выдохни в парус, как будто ты хочешь надуть его своими силами!

Вдохни полной грудью и сильно выдохни.

Повтори это 5 раз.

Техника “СТОП”

С – стой

Настиг эмоциональный вихрь? Остановите желание среагировать и замрите на несколько секунд. Поздравляем, вы уже на шаг ближе к наилучшему разрешению ситуации, ведь хозяин ваших эмоций – вы.

Т – теперь шаг назад

Сделайте глубокий вдох и выдох, мысленно отступите назад. Объявите небольшой перерыв. Это можно сделать и в реальности — как шагнуть назад, если вы находитесь наедине с собой, так и попросить собеседника о тайм-ауте. Если вы поделитесь своими эмоциями и попросите вернуться к разговору чуть позже, это только поспособствует разрешению ситуации.

О – осмотрись

Понаблюдайте за тем, какие мысли и чувства блуждают в вас, а также без оценки, словно вы сторонний наблюдатель, опишите, что происходит вокруг – что делают и говорят другие? Что происходит? Кто участвует в ситуации? Это поможет слегка подняться над ситуацией и посмотреть на происходящее со стороны, «холодным» взглядом.

П – попытайся действовать осознанно

Задайте себе следующие вопросы: «Что станет лучшим разрешением ситуации для меня и каждого ее участника?», «К какому результату я

хочу прийти?», «Какие действия улучшат ситуацию, а какие, наоборот, ухудшат?»

Используйте эту технику как можно чаще, тогда она превратится в навык и повысит уровень осознанности в вашей жизни.

Мышечная релаксация

Подготовка

1. Найдите тихое и удобное место, где вас никто не побеспокоит. Удобно расположитесь, сидя или лежа.

2. Сосредоточение на дыхании

Закройте глаза и сосредоточьтесь на своем дыхании. Сделайте несколько глубоких вдохов и выдохов для успокоения.

3. Последовательная напряженность и расслабление

Начните с одной группы мышц, например, с кистей рук.

- Напрягите мышцы на 5-10 секунд (например, сожмите кулаки).

- Затем резко отпустите напряжение и сосредоточьтесь на ощущении расслабления в этой области.

4. Продолжайте с другими группами мышц

Перейдите к другим мышечным группам, включая:

- Предплечья
- Бицепсы
- Шея
- Лицо
- Плечи
- Спина

- Живот

- Ноги

- Стопы

Для каждой группы мышц следуйте тому же процессу: напрячь, удерживать, расслабить.

5. Общая релаксация

После того, как все группы мышц будут обработаны, проведите несколько минут в полном расслаблении. Сосредоточьтесь на ощущениях в теле.

Эмоциональная экспозиция

1. Совместно с клиентом выделены конкретные сцены протестного и агрессивного поведения, вызывающие злость и неприятие.

2. Для каждой сцены определено, какие чувства возникают, какие поведенческие импульсы (например, криком, ударом, уходом) и какие типичные стратегии избегания используются.

3. Анализ цепочки поведения перед экспозицией

- Проведен поведенческий chain analysis для каждой сцены: триггер, уязвимости, мысли, телесные ощущения, поведение, последствия.

- Найдены точки вмешательства и навыки, которые нужно отрепетировать до экспозиции.

4. Навык внимательности Observe Describe Participate для умеющего наблюдать и вербализовать переживание.

5. Навыки регуляции эмоций: определение и именование эмоций, уменьшение уязвимости (Vulnerability REDUCE), противоположное действие к импульсам агрессии.

Список источников

1. Борисова Н.В. Поведенческая терапия в работе с детьми с ОВР. Технологии и подходы. Москва: Логос, 2017. 185 с.
2. Домашева О.А. Применение техник когнитивно-поведенческой терапии в лечении СДВГ и расстройств поведения у детей // Журнал клинической психологии. 2023. № 10 (2). С. 112 – 125.
3. Зеленкова В.К. Адаптированные поведенческие программы для детей с нарушениями поведения // Вопросы психологии развития. 2021. № 9 (2). С. 34 – 47.
4. Канцлер М.В. Адаптированная поведенческая терапия в психокоррекционной работе с детьми // Журнал практической психологии в образовании. 2018. № 7 (3). С. 45 – 58.
5. Ковалева Н.А. Методы поведенческой терапии в работе с детьми с нарушениями поведения и гиперактивностью. Москва: Просвещение, 2017. 185 с.
6. Лебедева Л.П. Использование когнитивно-поведенческой терапии для коррекции нарушений поведения у детей с гиперкинетическим синдромом // Психология и педагогика: Теория и практика. 2018. № 2 (15). С. 78 – 86.
7. Мартин Г.Р., Тейлор В.В. Психологическая помощь детям с расстройствами поведения и гиперактивностью. Москва: Академия, 2014. 315 с.
8. Мюллер Д.Р., Хоффман П.Т. Влияние поведенческой терапии на детей с СДВГ и оппозиционным поведением // Journal of Child and Adolescent Therapy. 2011. Т. 24. № 5. С. 401 – 420.
9. Николенко Е.Ю., Гурина Н.А. Особенности психокоррекции детей с СДВГ с применением методов поведенческой терапии // Психологическое здоровье детей и подростков. 2020. № 13 (3). С. 56 – 67.
10. Реброва Т.Н., Чистякова Л.В. Психокоррекционная работа с детьми с ОВР и СДВГ // Вестник психологии и педагогики. 2015. № 2 (1). С. 120 – 137.

11. Лайнен М. Марша. Когнитивно-поведенческая терапия пограничного расстройства личности. Москва: Издательский дом «Вильямс», 2007. 471 с.

12. Томс Г., Вильямс Л., Райкрофт-Мэллон Дж. и др. Разработка и теоретическое применение рамки реализации диалектической поведенческой терапии: критический обзор литературы // Пограничные Личностные Расстройства и эмоциональная дисрегуляция. 2019. Т. 6. № 2. С. 1 – 16. DOI: 10.1186/s40479-019-0102-7

References

1. Borisova N.V. Behavioral therapy in working with children with ODD. Technologies and approaches. Moscow: Logos, 2017. 185 p.

2. Domasheva O.A. Application of cognitive-behavioral therapy techniques in the treatment of ADHD and behavioral disorders in children. Journal of Clinical Psychology. 2023. No. 10 (2). P. 112 – 125.

3. Zelenkova V.K. Adapted behavioral programs for children with behavioral disorders. Issues of Developmental Psychology. 2021. No. 9 (2). P. 34 – 47.

4. Kanzler M.V. Adapted behavioral therapy in psychocorrectional work with children. Journal of Practical Psychology in Education. 2018. No. 7 (3). P. 45 – 58.

5. Kovaleva N.A. Methods of behavioral therapy in working with children with behavioral disorders and hyperactivity. Moscow: Prosveshchenie, 2017. 185 p.

6. Lebedeva L.P. Using cognitive-behavioral therapy to correct behavioral disorders in children with hyperkinetic syndrome. Psychology and pedagogy: Theory and practice. 2018. No. 2 (15). P. 78 – 86.

7. Martin G.R., Taylor V.V. Psychological assistance to children with behavioral disorders and hyperactivity. Moscow: Academy, 2014. 315 p.

8. Muller D.R., Hoffman P.T. The impact of behavioral therapy on children with ADHD and oppositional behavior. Journal of Child and Adolescent Therapy. 2011. Vol. 24. No. 5. P. 401 – 420.

9. Nikolenko E.Yu., Gurina N.A. Features of psychocorrection of children with ADHD using behavioral therapy methods. Psychological health of children and adolescents. 2020. No. 13 (3). P. 56 – 67.

10. Rebrova T.N., Chistyakova L.V. Psychocorrectional work with children with ODD and ADHD. Bulletin of Psychology and Pedagogy. 2015. No. 2 (1). P. 120 – 137.

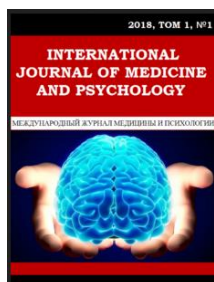
11. Linen M. Marsha. Cognitive-behavioral therapy for borderline personality disorder. Moscow: Williams Publishing House, 2007. 471 p.

12. Toms G., Williams L., Rycroft-Malon J., et al. Development and theoretical application of an implementation framework for dialectical behavior therapy: a critical review of the literature. Borderline Personality Disorders and Emotional Dysregulation. 2019. Vol. 6. No. 2. P. 1 – 16. DOI: 10.1186/s40479-019-0102-7

Информация об авторе

Авраменко И.О., Институт клинической психологии и социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Минздрава РФ; психолог детского клуба “Пространство Индиго”, г. Москва, Avramenko.psychology@gmail.com

© Авраменко И.О., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 316.6

¹ **Никашин В.А.,**

¹ *Российский государственный социальный университет*

Особенности эффективного помощника руководителя в формате дистанционной работы

Аннотация: в качестве основной цели исследования автор определяет теоретическое изучение особенностей эффективного помощника руководителя в формате дистанционной работы. Исходя из поставленной цели автором актуализируются вопросы дистанционной работы в современных реалиях, подчеркивается ее специфический характер, а в некоторых случаях и объективная необходимость; определяется тесная профессиональная взаимосвязь между руководителем и его помощником, а также подчеркивается роль и функции помощника в успешном управлении и эффективности деятельности всего коллектива. В статье представлены методологические основания, на которых базируется научное исследование: коллекционный, конкурентный и акмеологический подходы. В статье автором обзорно представлены как личностные, так и профессиональные способности и навыки, определяющие высокую эффективность деятельности помощника руководителя в условиях дистанционной работы. В качестве личностных качеств были описаны коммуникативные, организаторские, самостоятельность, ответственность и пр. К профессиональным значимым качествам автором статьи были выделены способность быстро адаптироваться, навыки в познании логики и принципов постановки и решения стратегических задач, опыт по ведению деловых переговоров, разрешению или недопущению конфликтных ситуаций, реализация функции эмоционального якоря, умение грамотно формулировать цель, планировать, осуществлять регулярный контроль, мотивировать своих работников к решению профессиональных задач и многое другое.

Ключевые слова: помощник руководителя, дистанционный формат работы, управленческая сфера, пандемия, удаленная работа, деятельность руководителя, профессиональные качества и способности

Для цитирования: Никашин В.А. Особенности эффективного помощника руководителя в формате дистанционной работы // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 225 – 231.

Поступила в редакцию: 20 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Nikashin V.A.,**

¹ *Russian State Social University*

Features of an effective remote executive assistant

Abstract: as the main goal of the study, the author defines the theoretical study of the features of an effective executive assistant in the format of remote work. Based on this goal, the author highlights the issues of remote work in modern realities, emphasizes its specific nature, and in some cases, its objective necessity; defines the close professional relationship between the manager and his assistant, and emphasizes the role and functions of the assistant in successful management and the effectiveness of the entire team. The article presents the methodological foundations on which the scientific research is based: the collection, competitive, and acmeological approaches. In the article, the author provides an overview of both personal and professional abilities and skills that determine the high efficiency of a manager's assistant in remote work. The article describes the following personal qualities: communication skills, organizational skills, independence, responsibility, etc. The author of the article highlighted the following professional qualities: the ability to adapt quickly, the ability to understand the logic and principles of

setting and solving strategic tasks, experience in conducting business negotiations, resolving or preventing conflicts, the ability to act as an emotional anchor, the ability to formulate goals effectively, the ability to plan, monitor, and motivate employees to achieve professional goals, and more.

Keywords: executive assistant, remote work format, management field, pandemic, remote work, executive activities, professional qualities and abilities

For citation: Nikashin V.A. Features of an effective remote executive assistant. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 225 – 231.

The article was submitted: June 20, 2025; Approved after reviewing: August 17, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

На современном этапе развития бизнеса перед компаниями стоит задача – развитие новых рыночных условий техники и технологий, а также необходимость интеграции новейших разработок в управленческую сферу. Однако для решения поставленной задачи важно реализовать существенные изменения в ответ на стремительные вызовы в бизнес сообществе.

Дистанционный вид трудовой деятельности можно отнести к новому виду трудовых отношений в России. Дистанционный труд – это деятельность сотрудника организации, которая выполняется вне офисного помещения, а также для выполнения всех трудовых функций используется система электронных коммуникаций [3, 4].

Термин «дистанционная работа» в сфере управления персоналом является относительно новым. Детальный литературный анализ по исследуемой в нашей статье проблеме не показал масштабных исследований по вопросам особенностей эффективного помощника руководителя в формате дистанционной работы.

Новые условия, связанные с пандемией, которые затронули все организации и переход на новый формат онлайн работы, позволил сохранить платежеспособность и выполнить свои обязательства по отношению к сотрудникам.

Более того, даже в том случае, если не ориентироваться на ситуацию пандемии на современном этапе развития общества ведение бизнеса в некоторых случаях позволяет не только свободно работать в дистанционном формате, но и расширять возможности компании.

Работу исполнителей нельзя рассматривать отдельно от деятельности руководителя, который составляет элемент управленческой системы. Это связано прежде всего с тем, что в качестве предмета деятельности можно считать исполнительский труд, а также работа руководителя не должна быть оценена лишь по персональным характеристикам. В качестве базового оценивающего критерия

выступает конечный результат труда обеих сторон: руководителя и его подчиненных [1].

Анализ как отечественной и зарубежной психологической науки показал, что вопросы изучения личности и деятельности руководителя, его руководящие методы и стили воздействия на коллектив достаточно широко рассматриваются в трудах А.Л. Журавлева, Р. Стогдилла, А.Л. Свенцицкого, А.Г. Ковалева, Р.Л. Кричевского, А.И. Китова, Е. С. Кузьмина, Р. Лайкерта, Э. Мейо, В.Ф. Рубахина, А.В. Филиппова и др.. Наиболее масштабно данные вопросы изучались в период с 70-е по 80-е годы XX века.

К числу наибольших интересов можно отнести исследования как в отечественной, так и в зарубежной науке, в которых изучается проблема ролевых ожиданий и субъективных эталонов в диаде «руководитель-подчиненный».

Взаимоотношения в диаде руководитель-подчиненный чаще всего изучаются в рамках психологии управления.

Стоит подчеркнуть, что психология подчиненного в меньшей степени в науке изучена. Труды Т.Ю. Базаровой, Н.В. Бахаревой, Н.В. Волковой, Р.Б. Гительмахера, Н.А. Никифоровой, А.Л. Свенцицкого и др. подробно описывают вопросы межличностного восприятия в диаде «руководитель-подчиненный»

Описание характеристик исполнительской деятельности и формирования авторитета личности подробно описаны в трудах Г. Велтруска, А.Л. Журавлева, Р.Л. Кричевского, А.И. Китова, В.Е. Резникова, Е.А. Самкова, Ю.П. Степкина, В.В. Скворцова, В.А. Хащенко, Е.П. Шевелева, В. А. Ядова и др. [2, 3].

В то же время, в наименьшей степени, прежде всего в практическом аспекте изучены особенности эффективного помощника руководителя в формате дистанционной работы.

Цель диссертации заключается в теоретическом изучении вопросов эффективности деятельности помощника руководителя в контексте работы в дистанте.

Данные цели определяют решение последовательных задач:

- теоретически рассмотреть специфику профессиональной деятельности помощника руководителя;
- обозначить базовые причины, способствующие переходу сотрудников на работу в дистанте ;
- определить разницу в выполнении профессиональных задач в дистанте и в «офлайн» формате;
- представить описание профессиональных и личностных навыков и способностей высокоэффективной деятельности помощника руководителя.

Материалы и методы исследований

Высокая эффективность профессионального мастерства помощника руководителя – это целостное многоаспектное явление. На этом основании в науке существуют различные подходы в изучении личностных черт помощника руководителя. Опишем их подробнее.

Специфические личностные качества, которые должны быть в наличии у помощника руководителя рассматривает коллекционный подход, обеспечивающий управление коллективом. Наряду с общими управленческими качествами, можно указать и частные. Они характерны лишь для выполнения специфических задач. К числу оценивающих деятельность помощника руководителя характеристик можно отнести его профессионально-значимые личностные качества.

А.И. Китов в структуре личностных свойств помощника руководителя выделяет следующие подструктуры:

- способность личности помощника руководителя реализовывать управленческую функцию;
- организационные и профессиональные качества личности помощника руководителя;
- качества личности, связанные с политическими настроениями [7].

Вместе с тем, отметим следующие ограничения данного подхода:

- набор качеств личности помощника руководителя, отвечающий за успешность деятельности через весовые коэффициенты. В то же время это не всегда позволяет провести качественный анализ ее динамики;
- более абстрактный подход к изучению качеств помощника руководителя. В свою очередь может быть выявлено несоответствие некоторым управленческим задачам;
- выбор качеств личности помощника руководителя может иметь субъективный характер;
- система общих и специальных качеств личности помощника руководителя без четкой ограничительной системы.

Конкурентный подход, являющийся по содержанию базе схожим с коллекционным, в большей степени описан в трудах Э.С. Чугуновой. В него включены личностные свойства помощника руководителя, а также общие свойства высокого уровня развития, которые имеют отличия от других людей.

В трудах Э.С. Чугуновой представлена следующая структура личности помощника руководителя: морально-этические умения, профессиональные умения, административно-организаторские умения, качества ума, социальная направленность, мотивационная готовность личности [11].

Базовым мотивационным рычагом у помощников руководителей можно считать достойную оплату его труда. При этом важно чтобы данная оплата труда в полной мере отражала степень его вклада в развитие компании.

На этом основании, индивидуальная система мотивации, включающая дополнительные бонусы за хорошую работу может также являться стимулирующей основой в продуктивной деятельности помощника руководителя. Перспектива получения дополнительных премий или поощрений (подарки, цветы, сертификаты и пр.) на основе качества управленческого труда может существенным образом мотивировать к более амбициозным целям и способам ее достижения. В качестве дополнительного мотивационного источника можно отметить понимание дальнейших перспектив в профессиональной деятельности, чтобы выстраивать дальнейшую траекторию развития в профессии.

Таким образом, анализ конкурентного подхода, включающий изучение структуры качеств личности помощника руководителя позволяет оценить специфические личностные свойства, а также подструктуры данных свойств. так как именно они являются наиболее необходимыми для эффективного управления. Понимая сущностную основу специфической структуры личностных качеств помощника руководителя можно сделать вывод о том, какие именно качества отличают эффективного помощника от неэффективного. При более детальном анализе данных различий можно столкнуться с рядом проблем. Так, к одной из причин различий можно отнести специальный отбор и формирование новообразований личности, которые связаны со спецификой профессиональной деятельности или ближайшим окружением. На этом основании вместо того, чтобы ученые изучали профессиональные качества личности и выяснили критерии отбора помощников руководителей, а также те условия, благодаря которым они формируются.

В качестве еще одного подхода, на котором основано наше исследование мы взяли акмеологический. Он основан на профессиограмме, которая предусматривает разделение помощников руководителей по типам, структурам. Их основа – взаимосвязь с образом мира и психолого-акмеологической моделью. Это способствует у помощника руководителя сформировать профессиональное самосознание. Наиболее разработанной считается модель профессионала, автором которой является Е.А. Климов.

В его основе выделяется:

- 1) целостные личностные свойства, к которым можно отнести личностную направленность, сложившееся отношение к внешним мировым объектам, эмоциональную основу и пр.;
- 2) специальная система черт, умений, моторики, навыков, профессиональных действий;
- 3) специальные черты, включающие в свою основу прием и переработку информации, на этом основании принятие конкретных решений, комплекс гностических умений, а также профессиональные навыки и действия;
- 4) наличие профессиональной культуры, своевременная информированность о новинках профессиональной индустрии, опыт личности помощника руководителя;
- 5) психодинамические свойства личности под которыми понимается сила и непостоянство переживаний, профессиональные нагрузки и возникновение некоторых сложностей в профессии;
- 6) понимание возрастных и половых требований и учет их в профессиональной деятельности [6].

А.К. Маркова в структуру личности профессионала включает следующие компоненты: мотивацию, предусматривающую личностную направленность; личностные свойства, к которым относятся способности, черты личности, индивидуальные особенности протекания психических процессов, а также интегральные личностные характеристики которые включают индивидуальный стиль деятельности, самосознание, креативность и пр. Перечисленные компоненты подчеркивают неповторимость и уникальность помощника руководителя [8].

Результаты и обсуждения

В качестве положительного аспекта у помощников руководителя несомненно можно выделить возможность получения опыта в сфере управления, а также усовершенствование своих управленческих, профессиональных качеств и способностей.

Ежедневная работа с руководителем его помощника позволит получить навыки в познании логики и принципов постановки и решения стра-

тегических задач, опыта по ведению деловых переговоров, разрешению или недопущению конфликтных ситуаций. Кроме того, это возможность расширить свой круг общения.

Приобретенные знания и умения в последующем позволят помощнику руководителя пойти выше по картерной лестнице и возможно в дальнейшем дадут шанс стать обладателем собственного бизнеса.

В то же время, помощник руководителя обязан иметь регулярную готовность к существенным переменам, которые могут затрагивать основы текущей деятельности и быть вызваны конкурентной борьбой, технической перестройкой предприятия и пр. Имидж руководителя может быть более высоким, если с ним в команде работает грамотный помощник.

Управление в дистанционном формате может быть осуществлено по следующему ряду причин:

- если требуется экономия как на материальных средствах, так и на оборудовании рабочих мест. Дело в том, что на сотрудника, находящегося в офисе требуется больше материальных затрат, нежели реализующего свои трудовые функции в дистанционном формате;
- если особенности профессиональной деятельности позволяют осуществлять профессиональные функции удаленно;
- если достаточно упрощенного подбора персонала с целью работы в дистанте [10].

Помощники руководителя, работающие в дистанционном формате способны реализовывать самые разноплановые задачи. Руководитель в свою очередь самостоятельно принимает решение о том, в каком объеме целесообразно нагрузить своего помощника. Он, прежде всего, ориентируется на собственные потребности и особенности деятельности компании, которой управляет.

Так, к примеру, деловые встречи и иные бизнес-мероприятия зачастую решает помощник руководителя. Также он может согласовывать не только вопросы компании, но и личные дела руководителя. Получается помощник руководителя это некое доверенное лицо руководителя, владеющий ситуацией не только на предприятии, но и личными вопросами своего начальника.

Дистанционный формат работы предусматривает проявление достаточно большой доли самостоятельности и ответственности. Важно попытаться найти определенный баланс в таком формате руководства, не погружаясь в микроменеджмент.

Отметим, что дистанционный формат деятельности помощника руководителя будет отличаться от формата «офлайн».

В то же время, наиболее востребованным остаются задачи связанные с целеполаганием, планированием, контролем, обратной связи, мотивации своих работников и пр. В контексте дистанционного формата управления данный список задач будет иметь иные особенности реализации.

Безусловно помощник руководителя должен обладать организаторскими способностями, так как организация и проведение деловых встреч, как мы писали выше, практически целиком сопровождается именно им. Умение решать несколько задач одновременно, также является одним из ведущих качеств помощника руководителя. Важно научиться достаточно быстро переключаться с одной задачи на другую при этом соблюдая баланс и не теряя точности в их решении.

Организаторские способности имеют тесную связь с коммуникативными, что можно отнести к ключевому навыку помощника руководителя. Именно эффективное и грамотное общение способно укрепить связи и создать ситуацию доверия как внутри предприятия, так и за его пределами.

Одной из ежедневных задач помощника руководителя является создание условий для продуктивной работы сотрудников. Для решения данной задачи важно обладать умениями организовывать рабочее время также своевременно распознать потенциальные риски и грамотно решить их пока они не создали серьезную проблему для предприятия.

Таким образом, умение предвидеть проблему, грамотно спланировать решение задачи будет способствовать беспрепятственной работе предприятия и оказывать положительное влияние на качество деятельности всего предприятия и его сотрудников [9].

Стоит указать одно из ценных качеств помощника руководителя – способность быстро адаптироваться. Часто условия деятельности и способы решения задач требуют способности быстро переобучаться, менять способы решения задач, адаптироваться к новым условиям профессиональной деятельности. Проактивность – это не просто желательная черта помощника руководителя, это критически важный элемент, способствующий успеху в этой роли.

Помощник руководителя может играть функцию так называемого эмоционального якоря. Оно заключается в том, чтобы своевременно оказать поддержку сотруднику или, если необходимо,

наоборот оставить в покое и дать возможность побыть одному. Для этого нужно уметь чувствовать эмоциональную составляющую другого человека и, прежде всего, своего руководителя.

Способность эффективно управлять временем также является ключевой задачей помощника руководителя. Он должен грамотно уметь его распределять, быстро оценивая и прогнозируя ситуацию. Важно понимать сколько времени может понадобиться для решения той или иной задачи, а какие задачи стоит отложить на некоторое время. Так управление календарем своего руководителя является одной из актуальных задач его помощника [12].

Выводы

Возможности дистанционной деятельности в России можно отнести к инновационному виду трудовых отношений, который имеет как преимущества, так и недостатки. Достаточно масштабно данный вид деятельности в нашей стране на сегодняшний день целиком не изучен. В нашем исследовании мы ставили цель теоретически изучить особенности эффективного помощника руководителя в формате дистанционной работы. В качестве методологической основы мы взяли с воим исследованием акмеологический, коллекционный и конкурентные подходы. На наш взгляд, они наиболее точно объясняют некоторые особенности деятельности и черты личности, необходимые для реализации управленческой функции. Эффективность деятельности помощника руководителя в формате дистанционной работы во многом определяется как набором личностных черт, так и профессиональными знаниями и навыками. Так в нашей статье мы рассмотрели следующие наиболее значимые личностные качества помощника руководителя это коммуникативные, организаторские способности, самостоятельность, ответственность и пр. В качестве профессиональных знаний и навыков мы описали способность быстро адаптироваться, навыки в познании логики и принципов постановки и решения стратегических задач, опыт по ведению деловых переговоров, разрешению или недопущению конфликтных ситуаций, реализация функции эмоционального якоря, умение грамотно формулировать цель, планировать, осуществлять регулярный контроль, мотивировать своих работников к решению профессиональных задач и многое другое.

Список источников

1. Архангельская О.В. Социально-психологические аспекты деятельности помощника руководителя // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 7 (95). С. 171 – 180.
2. Волкова Н.В. Влияние экономических факторов на особенности восприятия руководителя организации подчиненными: дис. ... канд. психол. наук / Яросл. гос. ун-т им. П.Г.Демидова, 1996. 159 с.
3. Волков И.П., Захаров А.И., Ерицын О.П., Тимофеев Ю.Т. Влияние лидерства и руководства на групповую динамику в условиях стресса // Руководство и лидерство. Л., 1973. С. 130 – 142.
4. Жаворонков Д.А. Система управления персоналом, работающим дистанционно // Профессиональная ориентация. 2017. № 1. С. 289 – 294.
5. Китов А.И. Психология управления: учебник. М., 1979.
6. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 304 с.
7. Конобеццев Ф.Д., Лаас Н.И., Гурова Е.В., Романова И.А. Удаленная работа: технологии и опыт организации // Вестник ГУУ. 2019. № 7. С. 9 – 17. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/udalennaya-rabota-tehnologii-iopyt-organizatsii> (дата обращения: 05.05.2025)
8. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание». 1996. 312 с.
9. Родинова Н.П., Остроухов В.М., Березняковский В.С. Современные тенденции в управлении персоналом // Индустриальная экономика. 2022. № 1. С. 65 – 70.
10. Родинова Н.П., Остроухов В.М., Березняковский В.С. Особенности дистанционного управления персоналом // Журнал прикладных исследований. 2022. № 6. С. 657 – 661. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-distantsionnogo-upravleniya-personalom> (дата обращения: 11.04.2025)
11. Чугунова Э.С. Социально-психологические особенности творческой активности инженеров / Отв. ред. В.А. Ядов Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 160с.
12. Шаровтов Ю. Дистанционный менеджмент. Как управлять сотрудниками на удаленке. ООО «Альпина Паблишер». 2020 © Электронное издание. ООО «Альпина Диджитал», 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://C:/Users/User/Downloads/1b50cfda-aa9d-45c9-8c11-a76b4df39f3b.pdf> (дата обращения: 08.04.2025)

References

1. Arkhangelskaya O.V. Social and psychological aspects of the activities of the assistant to the manager. Scientific notes of the Russian state social university. 2011. No. 7 (95). P. 171 – 180.
2. Volkova N.V. Influence of economic factors on the peculiarities of perception of the head of the organization by subordinates: dis. ... candidate of psychological sciences. Yaroslavl state university named after P.G.Demidov, 1996. 159 p.
3. Volkov I.P., Zakharov A.I., Eritsyayn O.P., Timofeev Yu.T. Influence of leadership and management on group dynamics under stress. Management and leadership. L., 1973. P. 130 – 142.
4. Zhavoronkov D.A. System of management of personnel working remotely. Professional orientation. 2017. No. 1. P. 289 – 294.
5. Kitov A.I. Psychology of Management: textbook. M., 1979.
6. Klimov E.A. Psychology of Professional Self-Determination: teaching aid for students of higher pedagogical educational institutions. M.: Publishing Center "Academy", 2004. 304 p.
7. Konobevtsev F.D., Laas N.I., Gurova E.V., Romanova I.A. Remote Work: Technologies and Organization Experience. Bulletin of the State University of Management. 2019. No. 7. P. 9 – 17. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/udalennaya-rabota-tehnologii-iopyt-organizatsii> (date of access: 05.05.2025)
8. Markova A.K. Psychology of professionalism. Moscow: International Humanitarian Foundation "Knowledge". 1996. 312 p.
9. Rodinova N.P., Ostroukhov V.M., Berezhnyakovsky V.S. Modern trends in personnel management. Industrial Economy. 2022. No. 1. P. 65 – 70.
10. Rodinova N.P., Ostroukhov V.M., Berezhnyakovsky V.S. Features of remote personnel management. Journal of Applied Research. 2022. No. 6. P. 657 – 661. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-distantsionnogo-upravleniya-personalom> (date of access: 11.04.2025)

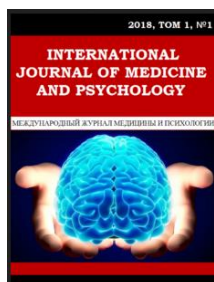
11. Chugunova E.S. Social and psychological features of creative activity of engineers. Ed. V.A. Yadov L.: Publishing house of Leningrad State University, 1986. 160 p.

12. Sharovtov Yu. Remote management. How to manage remote employees. Alpina Publisher LLC. 2020 © Electronic publication. Alpina Digital LLC, 2020 [Electronic resource]. URL: <https://C:/Users/User/Downloads/1b50cfda-aa9d-45c9-8c11-a76b4df39f3b.pdf> (accessed: 08.04.2025)

Информация об авторе

Никашин В.А., аспирант, Российский государственный социальный университет, ipnikashin@mail.ru

© Никашин В.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.923.2

¹ **Процукович Е.П.,**

¹ *Благовещенский государственный педагогический университет*

Особенности проявления страхов у студентов с разным уровнем апатии

Аннотация: страх и апатия рассматриваются как психологические состояния, которые дестабилизируют деятельность субъекта. Связь между этими феноменами неоднозначная. С одной стороны, они взаимоисключают друг друга. С другой стороны, они оказываются взаимосвязанными. Изучение страхов и апатии в студенческом возрасте представляется актуальным в связи со становлением профессиональной и личностной идентичности, развитием автономии и наблюдаемым возрастанием страха и апатии у студентов. В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования страхов у студентов с разным уровнем апатии. Было выявлено, что у студентов с высоким уровнем апатии наблюдается высокая интенсивность страхов. Студенты с низкой апатией демонстрируют «нормативные» страхи. Статистически значимые различия между респондентами с разным уровнем апатии были выявлены в отношении страхов, больше соотносимых с изменениями и оценкой: страх изменений в личной жизни, страх перед будущим и перед публичным выступлением; страх, связанный с половой функцией. Стоит отметить, что страх перед изменениями и перед будущим относятся к экзистенциальным. Отмечается тенденция возрастания интенсивности данных страхов при увеличении уровня апатии. Что аналогично и при сравнении страхов, по которому нет статистически значимых различий. В отношении страхов, связанных с физическим здоровьем (страх за сердце, страх заболеть каким-либо заболеванием), – она менее всего проявляется. Это указывает на связь апатии с избегающим поведением, страхом неудачи и социальной дезадаптацией субъекта. Предположительно апатия не устраняет страх, а способствует его фиксации из-за снижения ресурсов для совладания.

Ключевые слова: страх, социальные страхи, апатия как психологическое состояние, уровень апатии, студенчество, нестабильность

Для цитирования: Процукович Е.П. Особенности проявления страхов у студентов с разным уровнем апатии // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 232 – 237.

Поступила в редакцию: 21 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Protsukovich E.P.,**

¹ *Blagoveshchensk State Pedagogical University*

Features of fear display in students with different levels of apathy

Abstract: fear and apathy are considered to be psychological states that destabilize the subject's activity. The relationship between these phenomena is ambiguous. On the one hand, they are mutually exclusive. On the other hand, they are interconnected. The study of fears and apathy in the student age is relevant due to the formation of professional and personal identity, the development of autonomy, and the observed increase in fear and apathy among students. The article discusses the results of an empirical study of fears among students with different levels of apathy. It was found that students with a high level of apathy have a high intensity of fears. Students with low apathy demonstrate "normal" fears. Statistically significant differences between respondents with different levels of apathy were found in relation to fears that are more related to changes and evaluation: fear of changes in personal life, fear of the future, and fear of public speaking; fear related to sexual function. It is worth noting that fear of

change and fear of the future are both existential fears. There is a tendency for these fears to become more intense as the level of apathy increases. This is also true for fears that do not have statistically significant differences. In terms of fears related to physical health (fear of heart problems and fear of contracting a disease), apathy is the least prevalent. This suggests a connection between apathy and avoidance behavior, fear of failure, and social maladjustment. It is believed that apathy does not eliminate fear, but rather contributes to its fixation due to a decrease in coping resources.

Keywords: fear, social fears, apathy as a psychological state, the level of apathy, students, instability

For citation: Protsukovich E.P. Features of fear display in students with different levels of apathy. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 232 – 237.

The article was submitted: June 21, 2025; Approved after reviewing: August 18, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Страх – это одна из фундаментальных человеческих эмоций и его влияние на человека очень велико. В последнее время интерес к изучению страхов усилился в связи с резкими изменениями в жизни общества, порождающими неопределенность и непредсказуемость будущего и, как следствие, вызывающие переживание эмоциональной напряженности и невротизацию.

Изучение выраженности страхов на разных этапах человеческого развития важно, как для раскрытия сути этого явления, так и для понимания становления личностных образований. Исследования, предпринимаемые в этой области, больше ориентированы на дошкольный и школьный возраст. Студенческий возраст рассмотрен в меньшей степени, в нем уже не происходит резких изменений в соматопсихологической сфере, которые могли бы обуславливать возникновение данного феномена, психика уже достаточно устойчива к воздействию. Биологические страхи (если они не стали в силу каких-либо причин патологическими) сведены до разумного минимума. По большей части студенчество – это период социальных страхов [1], которые развиваются под действием тех социальных ролей, которые предстоит освоить, т.е. страхи молодежи формируются на основе неопределенности, неизвестности грядущих изменений и по большому счету связаны с переживаниями по поводу возможных ошибок в процессе как личностного, так и профессионального становления. Стоит учесть, что социальные страхи могут рассматриваться и как категория профессиональных страхов [2].

Страх быть не успешным может привести к тому, что даже в окружающих людях студенты видят конкурентов, их сопровождает страх оказаться не состоятельными и проиграть в конкурентной борьбе. Страх сделать ошибку может также провоцировать молодого человека не рисковать, что очень часто препятствует достижению желаемого

и приводит к возрастанию фрустрации и апатии [3].

Проблема апатии (в особенности социальной) также является актуальной на сегодняшний день среди студенчества. Она связана с психологической пассивностью человека и может привести к различного рода психологическим проблемам, в том числе к кризису идентичности личности. В то же время она может оказывать влияние на происходящие изменения общества и влечет за собой изменение ценностных ориентаций. По мнению В. Н. Аргуновой, А.А. Русь характерными чертами социально апатичного поведения являются пассивность, стремление к приватному образу жизни, эгоистические устремления [4]. В работе А.А. Золотаревой отмечается, что студенты с апатией хуже осваивают учебную программу, испытывают сложности в общении с однокурсниками и демонстрируют низкую учебную мотивацию. Ей также экспериментально доказано, что чем выше апатия, тем ниже успеваемость, и наоборот – при снижении апатии успехи в учебе улучшаются [5].

Таким образом, страх и апатия рассматриваются как дестабилизирующие явления. Стоит отметить, что их взаимосвязь не достаточно представлена в научных изысканиях. С одной стороны, они предстают как разнонаправленные явления. Страх – эмоциональное состояние, связанное с реальной или мнимой опасностью, приводящей к активации нервной системы. От страха человек ведет себя стенически, либо астенически. Апатия – состояние, связанное, со снижением мотивации и активности, характеризующееся одновременным снижением поведенческих, когнитивных и эмоциональных компонентов целенаправленного поведения [6, 7, 8]. Термин «апатия» в переводе с греческого означает бесчувственность [6]. При апатии происходит снижение эмоциональных реакций как на положительные, так и на отрицательные стимулы [8]. С этой позиции страх и апатия взаимно исключают друг друга.

С другой стороны, известно, что апатия является сопровождающим симптомом при различных психологических нарушениях [6]. Коморбидность при тревожно-депрессивном и посттравматическом стрессовом расстройствах часто связана с сочетанием страха и апатии [10], [11]. Страх может перерасти в апатию, если отсутствует возможность контролировать угрозу. Феномен выученной беспомощности можно рассматривать, как подтверждение данной позиции. Длительная апатия приводит к стагнации личности в плане развития, что порой вытекает в страх что-то менять [10]. В данном контексте страх и апатия предстают как взаимосвязанные явления. Что отражает некоторую противоречивость представлений о связи данных феноменов. Следовательно, изучение особенностей проявления страхов у студентов с учетом разного уровня апатии личности является достаточно актуальным.

Материалы и методы исследований

При подготовке статьи использовались следующие методы и методики: теоретический анализ литературы по проблеме исследования, тестирование (методика «Опросник иерархической структуры актуальных страхов» Ю.В. Щербатых и Е.И. Ивлевой, методика «Новая шкала апатии» А.А. Золотаревой), Н-критерий Крускалла-Уоллисса. В исследуемую выборку вошли 62 обучающиеся (из них 27 юношей и 35 девушек) по программам высшего образования (уровень «бакалавриат»).

Результаты и обсуждения

По результатам методики А.А. Золотаревой было установлено, что у 10 % студентов проявляется низкий, а у 14 % – высокий уровень апатии; у 76 % респондентов диагностируется средний ее уровень. Это говорит о том, что в большинстве случаев студенты проявляет ситуативный формат активности и настойчивости в реализации деятельности, больше сконцентрированы на себе, чем на посторонних проблемах. Не особо любознательны и сконцентрированы. Могут испытать сложности с проявлением и дифференциацией эмоций. Социальное взаимодействие данных респондентов также по большей мере ориентировано на удовлетворение собственных интересов и нормативную эмпатичность. Возможно, данное положение дел отражает воздействие социально-экономических условий, сложившихся в связи со специальной военной операцией, связанных в психологическом плане с некой нестабильностью будущего, состоянием неопределенности, травматичностью событий (что в целом угнетающе действует на общество) и разной степенью включенности студентов

в происходящее, достаточно высокой степенью адаптивности респондентов к изменениям (что свойственно возрастной группе, которую составляют диагностируемые студенты).

По методике «Опросник иерархической структуры актуальных страхов» были получены данные, которые демонстрируют, что у респондентов доминирует высокий интегральный показатель выраженности страхов. Анализ данных показал, что значительная часть респондентов (77%) демонстрирует показатель, превышающий установленные нормативные значения. Это может свидетельствовать о потенциальном негативном влиянии страхов на различные аспекты жизнедеятельности студентов. Стоит также отметить, что наиболее актуальный страх у студентов – это болезнь близкого человека. Возможно, это обусловлено эмоциональной привязанностью к своим родным, которая формирует устойчивую потребность в их безопасности и благополучии. При этом страх агрессии по отношению к близким занимает последнее место. А страх перед негативными последствиями болезни близких людей относится к неактуальным и является шестым с конца. Данное положение дел может отражать представление респондентов о нахождении близких в достаточно безопасной обстановке. Возможно, страх болезни близких является актуальным и в связи с реальными проблемами, но скорее всего он больше отражает стереотипное представление о необходимости выражения заботы о близких.

Страх за сердце занимает у студентов второе место. Это может свидетельствовать об ипохондрической тенденции, склонности молодежи драматизировать или также о реальных проблемах. При этом страхи заболеть, смерти, половой дисфункции входят в пятерку последних позиций, что скорее говорит о преувеличении реальных проблем.

Страх перед экзаменами по значимости определен на третью позицию. Этот страх является специфическим для аудитории обучающихся, поскольку связан с основной деятельностью для большинства обследуемых. Экзамены представляют собой ситуацию социальной оценки, где студент подвергается оцениванию его знаний, умений и компетентности.

Интересно, что четвертое место занимают восемь страхов. Доминируют среди них социальные страхи, связанные с неопределенностью, неуверенность в будущем и оценкой. Два из них относятся к архаичным (боязнь змей и пауков, страх глубины), то есть к тем страхам, которые обычно по возрастной градации относятся к дошкольному и младшему школьному возрасту и имеют скорее

биологическую обусловленность, чем социальную. И хотя оценка данных страхов респондентами говорят об их нормативности, возможно наличие неких психологических сложностей.

Не особо тревожит студентов ответственность, потенциальные негативные изменения в жизни, предъявлять себя публично, старость, война. Что говорит о большей привязке страхов к личностной оценке, боязни быть некомпетентным и уязвимым.

При соотношении данных по методикам было установлено, что интегральное количество страхов значительно возрастает с увеличением уровня апатии ($H_{эмп}=10,868$, при $p=0,004$). Так, у студентов с

низким уровнем этот показатель составил 88,3, в то время как у студентов со средним уровнем апатии он увеличился до 128,1, а у студентов с высоким уровнем апатии достиг 164. При нормативном показателе у юношей $77,9 + 4,7$ и $104,0 + 2,5$ балла – у девушек. Это может свидетельствовать о том, что апатия способствует усилению чувства незащищенности и тревоги перед различными аспектами жизни.

В табл. 1 представлены данные, отражающие позиции оценивания страхов респондентами с низким, средним и высоким уровнем апатии с расчетом Н-критерия.

Таблица 1

Результаты диагностики по методике «Опросник иерархической структуры актуальных страхов» с разграничением респондентов по уровню апатии, средний балл.

Table 1

Results of diagnostics using the “Questionnaire of the Hierarchical Structure of Current Fears” method with differentiation of respondents by level of apathy, average score.

Страх	Низкий уровень апатии	Средний уровень апатии	Высокий уровень апатии	$H_{эмп}$	Уровень значимости
Страх пауков и змей	4	6	7	3,846	0,146
Страх темноты	2	4	5	1,387	0,5
Страх сумасшествия	2	5	7	7,873	0,02
Страх болезни близких	7	8	8	3,168	0,205
Страх преступности	3	6	7	6,189	0,045
Страх начальства	3	6	8	8,641	0,013
Страх изменений в личной жизни	3	6	9	11,52	0,003
Страх ответственности	5	6	7	1,436	0,488
Страх старости	3	5	7	6,904	0,032
Страх за сердце	3	4	5	0,777	0,678
Страх бедности	6	7	9	5,311	0,07
Страх перед будущим	3	6	9	10,675	0,005
Страх перед «экзаменами»	4	6	8	7,817	0,02
Страх войны	6	7	7	1,202	0,548
Страх смерти	3	4	6	2,993	0,224
Боязнь замкнутых пространств	2	3	4	1,076	0,584
Страх высоты	5	5	6	0,162	0,922
Страх глубины	4	6	7	1,816	0,403
Страх перед негативным последствием болезнью близких людей	6	6	8	4,449	0,108
Страх заболеть каким-либо заболеванием	3	5	6	3,097	0,213
Страхи, связанные с половой функцией	2	3	6	12,104	0,002
Страх самоубийства	2	3	4	5,347	0,069
Страх перед публичными выступлениями	4	5	8	9,53	0,008
Страх агрессии по отношению к близким	3	3	6	8,483	0,014

Отмечается общая тенденция: с возрастанием апатии возрастает и выраженность страхов. Что несколько парадоксально, поскольку апатия характеризуется снижением эмоциональности. Полученные данные позволяют также предположить,

что апатия у студентов в основном связана с комплексом социальных страхов. В число страхов, по которому прослеживаются статистически значимые различия входит и страх, связанный с половой функцией, который тоже можно отнести к соци-

альным страхам. При этом оценка его выраженности испытуемыми означает, что он не особо актуален для них. Страх изменений в личной жизни, страх перед будущим и перед публичным выступлением (те, страхи по которым также прослеживаются статистически значимые различия) в выборке апатичных студентов имеют высокую интенсивность. Что соотносится с боязнью личностной оценки, боязнью оказаться некомпетентным и проявлением некой аномии и стагнации поведения студентов, их стремлением к некой социальной изоляции и эмоциональной отстраненности. Что соотносится со снижением вегетативной реактивности при сохранении когнитивной тревожности при апатии. Стоит отметить, что страх перед изменениями и перед будущим относятся к экзистенциальным.

Преобладающие страхи у студентов с низким уровнем апатии носят нормативный характер и связаны с благополучием близких, угрозой бедности, негативными последствиями болезней близких и ответственностью. Эти страхи отражают здоровую обеспокоенность за близких и осознание ответственности за свою жизнь и будущее. Низкий уровень апатии, как правило, предполагает активную жизненную позицию и вовлеченность в социальные связи.

У студентов со средним уровнем апатии наблюдается усиление большинства страхов по сравнению с группой с низким уровнем апатии. Особенно заметно возрастают страхи, связанные с пауками и змеями, темнотой, сумасшествием, преступностью, начальством, изменениями в личной

жизни, старостью, глубиной, экзаменами и будущим. Что соотносится с архаическими, пространственными, витальными и социальными страхами, тем самым при возрастании апатии выраженность различных видов боязни возрастает. Что подтверждается и при сопоставлении с группой студентов с высоким уровнем апатии. Возможно, снижение мотивации и энергии затрудняет преодоление этих страхов, что приводит к их фиксации.

Интересно, что страхи, связанные с физическим здоровьем (страх за сердце, страх заболеть каким-либо заболеванием), не демонстрируют столь выраженной зависимости от уровня апатии, как социальные страхи.

Выводы

По результатам эмпирического исследования можно заключить, что с ростом апатии выраженность страхов усиливается, у студентов с высоким уровнем апатии она превышает нормативные значения, что говорит об дестабилизирующем характере страхов. Статистически значимые различия были выявлены в отношении социальных страхов, соотносимых с изменениями и оценкой. При этом страх, связанный с половой функцией, не является актуальным страхом для всей выборки, но расчетный показатель Крускалла-Уолисса попадает в зону значимости, и у апатичных студентов выраженность этого страха также больше. Тем самым апатия, вероятно, затрудняет преодоление страхов студентами, способствуя их фиксации. Полученные данные нуждаются в дополнительном изучении и расширении экспериментальных исследований.

Список источников

1. Жукова Л.В. Особенности социальных страхов студентов-менеджеров в процессе профессионализации: автореферат дис. ... канд. психол. наук / Российский новый университет. Москва, 2020. 23 с.
2. Филиппова Д.В., Занин Д.С., Яценко С.А. Социальные страхи как профессиональные страхи у начинающих психологов: анализ проблемы // Северокавказский психологический вестник. 2024. Т. 22. № 3. С. 69 – 81. DOI 10.21702/ncpb.2024.3.6
3. Мякотин И.С. Отношение родителей к ребенку как фактор формирования социальной фобии: дис. ... канд. психол. наук / Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Москва, 2018. 194 с. : ил.
4. Аргунова В.Н., Русь А.А. Проявления социальной апатии у студенческой молодежи // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 89 – 99. DOI 10.15593/2224-9354/2019.4.7
5. Золотарева А.А. Апатия и академическая неуспеваемость студентов: результаты пилотажного лонгитюдного исследования // Сибирский психологический журнал. 2021. № 81. С. 187 – 200. DOI 10.17223/17267081/81/9
6. Золотарева А.А. Диагностика апатии. М.: «Смысл», 2020. 120 с. ISBN 978-5-89357-403-6
7. Шевелева М.С., Золотарева А.А. Профессиональная апатия: роль черт личности и перфекционизма // Ананьевские чтения – 2022. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков – к новым достижениям и инновациям: материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 18-21 октября 2022 года. Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2022. С. 243 – 244.

8. Золотарева А.А., Аверина П.А., Тимошина А.Л. Психологические предикторы апатии в средней и поздней взрослости // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 88 – 97. DOI 10.11621/npj.2021.0208
9. Процукович Е.П. Взаимосвязь лживости и апатии у подростков // Живая психология. 2024. Т. 11. № 3 (51). С. 21 – 27. DOI 10.58551/24136522_2024_11_3_21
10. Иосифян М.А., Арина Г.А., Николаева В.В. Ценности и страхи: связь между ценностными предпочтениями и страхом перед нарушениями здоровья // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 103 – 117. DOI 10.17759/cpse.2019080107
11. Аникина А.А., Нестерова Е.Н., Шелудько О.С. Взаимосвязь апатии и депрессии - общее и частное или разные понятия? // Week of Russian science (WeRuS-2024): Сборник материалов XIII Всероссийской недели науки с международным участием, посвященной Национальному дню донора, Саратов, 16-19 апреля 2024 года. Саратов: Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского, 2024. С. 856 – 857.

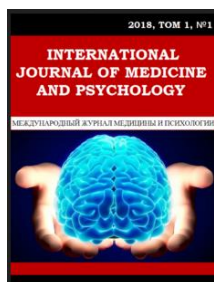
References

1. Zhukova L.V. Features of social fears of student managers in the process of professionalization: abstract of dis. ... candidate of psychological sciences. Russian New University. Moscow, 2020. 23 p.
2. Filippova D.V., Zanin D.S., Yashchenko S.A. Social fears as professional fears in novice psychologists: analysis of the problem. North Caucasian Psychological Bulletin. 2024. Vol. 22. No. 3. P. 69 – 81. DOI 10.21702 / ncpb.2024.3.6
3. Myakotin I.S. Parents' attitude towards the child as a factor in the formation of social phobia: dis. ... candidate of psychological sciences. Yaroslavl state University named after P.G. Demidov. Moscow, 2018. 194 p. : ill.
4. Argunova V.N., Rus A.A. Manifestations of social apathy in student youth. Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and economic sciences. 2019. No. 4. P. 89 – 99. DOI 10.15593/2224-9354/2019.4.7
5. Zolotareva A.A. Apathy and academic failure of students: results of a pilot longitudinal study. Siberian Psychological Journal. 2021. No. 81. P. 187 K 200. DOI 10.17223/17267081/81/9
6. Zolotareva A.A. Diagnostics of apathy. Moscow: "Smysl", 2020. 120 p. ISBN 978-5-89357-403-6
7. Sheveleva M.S., Zolotareva A.A. Professional apathy: the role of personality traits and perfectionism. Ananyevskie readings – 2022. 60 years of social psychology at St. Petersburg University: from the origins to new achievements and innovations: materials of the international scientific conference, St. Petersburg, October 18-21, 2022. St. Petersburg: OOO "Skifiya-print", 2022. P. 243 – 244.
8. Zolotareva A.A., Averina P.A., Timoshina A.L. Psychological predictors of apathy in middle and late adulthood. National Psychological Journal. 2021. No. 2 (42). P. 88 – 97. DOI 10.11621/npj.2021.0208
9. Protsukovich E.P. The relationship between lying and apathy in adolescents. Live Psychology. 2024. Vol. 11. No. 3 (51). P. 21 – 27. DOI 10.58551/24136522_2024_11_3_21
10. Iosifyan M.A., Arina G.A., Nikolaeva V.V. Values and fears: the relationship between value preferences and fear of health problems. Clinical and Special Psychology. 2019. Vol. 8. No. 1. P. 103 – 117. DOI 10.17759/cpse.2019080107
11. Anikin A.A., Nesterova E.N., Sheludko O.S. The relationship between apathy and depression – general and specific or different concepts? Week of Russian science (WeRuS-2024): Collection of materials of the XIII All-Russian Week of Science with international participation, dedicated to the National Donor Day, Saratov, April 16-19, 2024. Saratov: Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky, 2024. P. 856 – 857.

Информация об авторе

Процукович Е.П., старший преподаватель, SPIN-код: 5338-6849, Благовещенский государственный педагогический университет, protsukovich@bgpu.ru

© Процукович Е.П., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.91

¹ Тимофеева Ю.Н.,

² Федина Е.А.,

² Латышева В.Л.,

¹ Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России,

² Иркутский государственный университет

Дидактическая адаптация и дидактическая успеваемость студентов медицинского вуза

Аннотация: в статье анализируется феномен адаптации студентов к вузу. Авторами рассматривается дидактическая адаптация как один из компонентов вузовской адаптации, дидактическая успеваемость выделяется объективным показателем адаптации в вузе. Представлены результаты лонгитюдного анализа дидактической успеваемости и дидактической адаптации студентов медицинского вуза с первого по третий курс обучения. Зафиксировано снижение зачетной и экзаменационной успеваемости, а также обнаружена отрицательная динамика выраженности дидактической адаптации с первого по третий курс обучения в медицинском вузе, что говорит о снижении мотивации к академическому развитию исследуемой группы респондентов. Выявлена положительная корреляционная связь между показателями успеваемости и дидактической адаптацией в вузе, то есть чем менее выражена успеваемость, тем ниже уровень мотивации к обучению, стремления к академическим достижениям, позитивного отношения к образовательной среде у студентов медицинского вуза с первого по третий курс обучения. Делается вывод о необходимости применения организационных мероприятий по повышению как адаптационных, так и академических ресурсов обучающихся, которые могут включать следующие меры – проведение адаптационных тренингов, организацию индивидуальных консультаций, введение системы тьюторского сопровождения.

Ключевые слова: медицинский вуз, вузовская адаптация, компоненты адаптации, экзаменационная успеваемость, зачетная успеваемость, дидактическая адаптация

Для цитирования: Тимофеева Ю.Н., Федина Е.А., Латышева В.Л. Дидактическая адаптация и дидактическая успеваемость студентов медицинского вуза // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 238 – 243.

Поступила в редакцию: 21 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Timofeeva Yu.N.,

² Fedina E.A.,

² Latysheva V.L.,

¹ Irkutsk State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation,

² Irkutsk State University

Didactic adaptation and academic performance of medical university students

Abstract: the article analyzes the phenomenon of students' adaptation to the university. The authors consider didactic adaptation as one of the components of university adaptation, and academic performance as an objective indicator of adaptation at the university. The article presents the results of a longitudinal analysis of the academic performance and didactic adaptation of medical students from the first to the third year of study. A decrease in credit and exam performance was recorded, and a negative trend in the expression of didactic adaptation was ob-

served from the first to the third year of study at the medical university, indicating a decrease in the motivation for academic development among the study group of respondents. A positive correlation has been identified between academic performance and didactic adaptation at the university, i.e. the less academic performance is, the lower the level of motivation for learning, the desire for academic achievements, and the positive attitude towards the educational environment among medical students from the first to the third year of study. It is concluded that it is necessary to implement organizational measures to improve both the adaptation and academic performance of students, which may include the following measures: conducting adaptation training, organizing individual consultations, and introducing a tutor support system.

Keywords: medical university, university adaptation, adaptation components, examination performance, credit performance, and didactic adaptation

For citation: Timofeeva Yu.N., Fedina E.A., Latysheva V.L. Didactic adaptation and academic performance of medical university students. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 238 – 243.

The article was submitted: June 21, 2025; Approved after reviewing: August 18, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Вузовский этап профессионализации является важнейшим периодом профессионально-личностного становления будущего специалиста. В процессе вузовского обучения студент усваивает не только требуемые профессией компетенции, но также этот период характеризуется личностными преобразованиями, когда происходит развитие профессионально-важных качеств, являющихся основой эффективной адаптации к самостоятельной трудовой деятельности [1].

Достижение этих целей во многом определяется успешной адаптацией к условиям вуза, предполагающей вхождение в новую образовательную среду, значительно отличающуюся от школьной [2]. Критериями адаптации к условиям вуза традиционно рассматривают объективные и субъективные факторы. М.С. Юркина базовыми объективными факторами адаптации рассматривает дидактическую успеваемость, а также показатели общественной, научной, профессиональной деятельности. К субъективным факторам вузовской адаптации автор относит отношение к учебным предметам, будущей профессии, стремление к развитию и самоактуализации [3].

М.С. Яницкий к объективным критериям адаптации к вузу относит высокую академическую успеваемость, психофизиологическую устойчивость, сохранение высокой работоспособности в процессе обучения; субъективными критериями он определяет удовлетворенность учебным процессом в целом, успешное вливание в коллектив, психологически комфортный климат внутри группы, активное участие обучающихся в учебной и общественной деятельности вуза [4].

А.Г. Мороз предлагает следующую классификацию вузовской адаптации – на его взгляд, к ее компонентному составу относятся формаль-

ная адаптация (вливание в новый социум, приспособление к нормам и правилам среды), общественная адаптация (внутренняя интеграция в студенческое общество), дидактическая адаптация (подстройка к вузовским методам и формам учебной деятельности) [5].

А.А. Смирнов к структуре вузовской адаптации относит социальную адаптацию (приспособление к социальным условиям вуза, установление межличностных связей), профессиональную адаптацию (профессиональное самоопределение, усвоение нормативов и требований будущей профессиональной деятельности) и дидактическую адаптацию (подстройка учебных процессов под требования вуза) [6].

Академический компонент адаптации, по мнению А.А. Волочнюк, предполагает формирование навыков рационального управления временем, освоение значительных объемов информации, развитие аналитического мышления и способности к решению сложных академических задач [7].

При этом дидактическая адаптация на первоначальных этапах вливания в вузовскую среду является одной из наиболее проблемных [3]. Сложности могут быть связаны с отсутствием навыков самостоятельной работы, адекватного самоконтроля, грамотного распределения времени. Также важно отметить, что система вузовского и школьного обучения значительно разнятся как в форме преподаваемого материала, системе оценивания знаний, так и в характере взаимоотношений между преподавателем и студентом [8]. Проблемы дидактического характера также могут быть вызваны недостаточным уровнем базовой подготовки, сложностью усвоения большого объема специфического материала по некоторым дисциплинам, нехваткой

времени на выполнение домашнего задания [9, 10, 11].

Таким образом, можно сделать вывод, что дидактическая адаптация выступает одним из основных компонентов вузовской адаптации; дидактическая успеваемость является важнейшим объективным показателем вузовской адаптации.

Материалы и методы исследований

Лонгитюдное исследование динамики показателей успеваемости, а также дидактической адаптации в вузе проводилось среди студентов лечебного факультета Иркутского государственного медицинского университета на протяжении трех первых курсов обучения. Общее число респондентов составило 79 человек. Объективные данные, включающие курс обучения и показатели успеваемости, анализировались посредством изучения портфолио обучающихся. В качестве показателей успеваемости рассматривались совокупные средние баллы студента, полученные за все экзамены и все зачеты на протяжении учебного года. Результаты рассматривались по уровням (низкий, средний, высокий). К низкому уровню экзаменационной успеваемости отнесено количество полученных совокупных баллов за экзамены по итогам

двух годовых сессий от 3 до 3.6, к среднему уровню – от 3.7 до 4.3, к высокому – от 4.4 до 5 баллов. Зачетная успеваемость также анализировалась посредством совокупного анализа всех баллов, полученных за зачеты в течение одного учебного года. Низкий уровень экзаменационной успеваемости соответствует количеству набранных баллов от 70 до 79, средний уровень – от 80 до 89, высокий – от 90 до 100.

Для выявления уровня выраженности дидактической адаптации применялась методика М.С. Юркиной «Адаптация студентов к ВУЗу». Данная методика позволяет определить уровень дидактической адаптации студентов в вузе путем выявления отношения респондентов к учебному процессу, степени их академической вовлеченности и мотивации.

Корреляционный анализ проводился с применением критерия Пирсона.

Результаты и обсуждения

Табл. 1 демонстрирует уровни показателей дидактической успеваемости, включающие экзаменационную и зачетную успеваемость, студентов медицинского вуза с первого по третий курс обучения (табл. 1).

Таблица 1

Уровни показателей дидактической успеваемости студентов-медиков на первом, втором и третьем курсах обучения (%).

Table 1

Levels of didactic performance indicators of medical students in the first, second and third years of study (%).

Курс	экзаменационная успеваемость			зачетная успеваемость		
	низкий уровень (3-3.6)	средний уровень (3.7-4.3)	высокий уровень (4.4-5)	низкий уровень (70-79)	средний уровень (80-89)	Высокий уровень (90-100)
1 курс	6	30	64	8	91	1
2 курс	9	67	24	54	43	3
3 курс	42	28	30	34	63	3

Из табл. 1 видно, что большинство студентов первого курса (64%) имеет высокий уровень экзаменационной успеваемости. Ко второму курсу экзаменационная успеваемость большей части респондентов (67%) находится на среднем уровне. К третьему курсу обучения 42% исследуемых характеризуются низким уровнем и лишь 30% высоким уровнем успеваемости. Подобная тенденция может быть обусловлена повышением дидактической нагрузки и накоплением академических задолженностей в процессе обучения.

Зачетная успеваемость студентов лечебного факультета на первом курсе обучения находится на среднем уровне у большинства из них (91%). Ко второму курсу большая часть респондентов (54%) демонстрирует низкий уровень зачетной успеваемости, к третьему курсу основная часть

студентов-медиков (63%) характеризуется средним уровнем выраженности данного параметра. Высоким уровнем зачетной успеваемости на всех трех курсах обучения характеризуется абсолютное меньшинство респондентов (1% – первый курс, 3% – второй и третий курс). Такие результаты могут быть связаны с тем, что зачетные баллы не фиксируются в зачетной книжке, количество зачетных баллов выше пороговой границы (от 70) является удовлетворительным и не влияет на итоговую успеваемость и возможность получения стипендии.

Далее нами был проведен анализ уровней выраженности дидактической адаптации студентов медицинского вуза на первом, втором и третьем курсах обучения (табл. 2).

Таблица 2

Уровни выраженности дидактической адаптации студентов-медиков на первом, втором и третьем курсах обучения (%).

Table 2

Levels of expression of didactic adaptation of medical students in the first, second and third years of study (%).

Курс	Дидактическая адаптация		
	низкий уровень	средний уровень	высокий уровень
1 курс	19	66	15
2 курс	29	56	15
3 курс	35	47	18

Анализ данных позволяет констатировать, что большинство студентов (66%) на первом курсе обучения обладает средним уровнем выраженности дидактической адаптации, низкий ее уровень зафиксирован у 19%, высокий – у 15% респондентов. На втором курсе средний уровень данного параметра отмечен у 56%, низкий – у 29%, высокий – у 15% студентов-медиков. На третьем курсе обучения низким уровнем дидактической адаптации характеризуются 35% респондентов, средним – 47%, высоким – 18% из них. Полученные данные говорят об отрицательной динамике выраженности дидактической адаптации с первого по третий курс обучения, что говорит о снижении мотивации к академическому развитию. Подобная

тенденция может быть объяснена тем, что с третьего курса обучение в медицинском вузе носит более практико-ориентированный характер, студенты все больше погружаются в профессиональную среду, многие начинают работать параллельно с обучением, что повышает их заинтересованность в развитии профессиональных компетенций, но снижает мотивированность в получении академических знаний.

Корреляционный анализ показал положительную связь между дидактической адаптацией и показателями успеваемости на всех трех курсах обучения (табл. 3).

Таблица 3

Корреляционная связь между показателями успеваемости и дидактической адаптацией в вузе студентов-медиков на первом, втором и третьем курсах обучения.

Table 3

Correlation between academic performance indicators and didactic adaptation at the university of medical students in the first, second and third years of study.

Показатели успеваемости		Дидактическая адаптация		
		1 курс	2 курс	3 курс
экзаменационная успеваемость	r	0.3791	0.4992	0.8218
	p	0.00057	0.00001	0.00001
зачетная успеваемость	r	0.5505	0.4835	0.5975
	p	0.00001	0.00001	0.00001

Примечание: r – коэффициент ранговой корреляции, p – вероятность допустимой ошибки

Note: r is the rank correlation coefficient, p is the probability of an acceptable error.

Выявлена положительная корреляционная зависимость между дидактической адаптацией и экзаменационной успеваемостью на первом курсе ($r = 0,3791$; $p = 0,00057$), на втором курсе ($r = 0.4992$; $p = 0.00001$) и на третьем курсе обучения ($r = 0.8218$; $p = 0.00001$). Зачетная успеваемость также напрямую коррелирует с дидактической адаптацией в вузе как на первом курсе ($r = 0.5505$; $p = 0.00001$), так на втором ($r = 0.4835$; $p = 0.00001$), и на третьем курсе обучения ($r = 0.5975$; $p = 0.00001$). Учитывая отрицательную динамику роста как дидактической адаптации, так и показателей успеваемости, можно сделать вывод о том, что чем менее выражена успеваемость, тем ниже уровень мотивации к обучению, стремления к академическим достижениям, позитивного отношения к

образовательной среде у студентов медицинского вуза с первого по третий курс обучения.

Выводы

Известно, что медицинские вузы характеризуются значительным количеством отчислений среди студентов на первых курсах обучения [12], одной из ведущих причин отчислимости контингента является академическая неуспеваемость. С учетом положительной корреляции успеваемости и дидактической адаптации, сотрудникам вуза важно применять организационные мероприятия по повышению как адаптационных, так и академических ресурсов обучающихся, которые могут включать следующие меры – проведение адаптационных тренингов, организацию индивидуальных консультаций, введение системы тьюторского сопровождения.

Список источников

1. Кандыбович С.Л., Разина Т.В., Семчук И.В. Формирование и прогноз развития профессионально важных качеств в период первичной профессионализации // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 2 (137). С. 181 – 192. DOI 10.20323/1813-145X-2024-2-137-181
2. Чижкова М. Б. Динамика адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза: к постановке проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 1039 – 1049. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1039-1049>
3. Юркина М.С. Исследование особенностей адаптированности местных и иногородних студентов первого курса к ВУЗу Психологические науки: теория и практика: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.) / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 68 – 71.
4. Яницкий М.С. Основные психологические механизмы адаптации студентов к учебной деятельности: дис. ...канд. психол. наук. Иркутск, 1995. 147 с.
5. Мороз А.Г. Профессиональная адаптация выпускника педагогического вуза: дис. ... д-ра пед. наук. Киев, 1983. 460 с.
6. Смирнов А.А. Психотехнологии социальной адаптации в образовательном учреждении: метод. указания / Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 52 с.
7. Волочнюк А.А., Саган С.Н. Особенности адаптации к образовательному процессу в вузе // Профессиональная ориентация. 2025. № 3. С. 70 – 74. DOI 10.24412/2411-2550-2025-03-6
8. Смирнова Е.Е., Смирнов Д.А. Взаимосвязь рефлексии с дидактическим компонентом вузовской адаптации // Ярославский психологический вестник. 2020. № 1 (46). С. 58 – 62.
9. Авилова И.А. Проблематика стресса и адаптации студентов при обучении в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12. № 2 (43). С. 125 – 128.
10. Яковлев Р.Д., Бабич Ю.М. Особенности адаптации студентов первокурсников к обучению в вузе // Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник». 2023. № 9. С. 4571 – 4580.
11. Тимофеева Ю.Н. Основные трудности адаптационного периода первокурсников медицинского вуза // Педагогика, психология, общество: современные тренды: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 24 апреля 2020 года. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2020. С. 252 – 255. DOI 10.31483/t-75263
12. Тимофеева Ю.Н., Воронова Н.А. Адаптивность личности студентов медицинского вуза, обучающихся на различной финансовой основе // Ярославский психологический вестник. 2020. № 2 (47). С. 58 – 63.

References

1. Kandybovich S.L., Razina T.V., Semchuk I.V. Formation and forecast of development of professionally important qualities during the period of primary professionalization. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2024. No. 2 (137). P. 181 – 192. DOI 10.20323/1813-145X-2024-2-137-181
2. Chizhkova M.B. Dynamics of adaptation of first-year students to the educational environment of a medical university: towards the problem statement. Bulletin of Kemerovo State University. 2019. Vol. 21. No. 4. P. 1039 – 1049. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-1039-1049>
3. Yurkina M.S. Study of the Features of Adaptation of Local and Out-of-Town First-Year Students to the University Psychological Sciences: Theory and Practice: Proc. of the Intern. Correspondence Scientific Conf. (Moscow, February 2012). Under the general editorship of G.D. Akhmetova. Moscow: Your Printing Partner, 2012. P. 68 – 71.
4. Yanitsky M.S. Basic Psychological Mechanisms of Students' Adaptation to Academic Activities: Dis. ... Cand. of Psychological Sciences. Irkutsk, 1995. 147 p.
5. Moroz A.G. Professional adaptation of a graduate of a pedagogical university: dis. ... Dr. of Pedagogical Sciences. Kyiv, 1983. 460 p.
6. Smirnov, A.A. Psychotechnologies of social adaptation in an educational institution: method. Instructions. Yaroslavl state university named after P.G. Demidov. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2012. 52 p.
7. Volochnyuk, A.A., Sagan, S.N. Features of adaptation to the educational process at the university. Professional orientation. 2025. No. 3. P. 70 – 74. DOI 10.24412/2411-2550-2025-03-6
8. Smirnova E.E., Smirnov D.A. The relationship between reflection and the didactic component of university adaptation. Yaroslavl psychological bulletin. 2020. No. 1 (46). P. 58 – 62.

9. Avilova I.A. Problems of stress and adaptation of students during studies at a university. Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2023. Vol. 12. No. 2 (43). P. 125 – 128.
10. Yakovlev R.D., Babich Yu.M. Features of adaptation of first-year students to studies at a university. Scientific online journal "Stolypin Bulletin". 2023. No. 9. P. 4571 – 4580.
11. Timofeeva Yu.N. The Main Difficulties of the Adaptation Period of First-Year Medical Students. Pedagogy, Psychology, Society: Modern Trends: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Cheboksary, April 24, 2020. Cheboksary: Limited Liability Company "Publishing House" Sreda ", 2020. P. 252 – 255. DOI 10.31483 / r-75263
12. Timofeeva Yu.N., Voronova N.A. Adaptability of the Personality of Medical University Students Studying on Different Financial Basis. Yaroslavl Psychological Bulletin. 2020. No. 2 (47). P. 58 – 63.

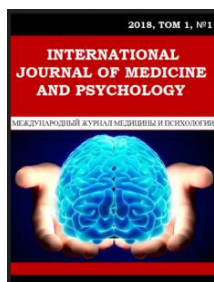
Информация об авторах

Тимофеева Ю.Н., старший преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5843-7676>, Иркутский государственный медицинский университет Минздрава России, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, д. 1, timofeevaun@rambler.ru

Федина Е.А., кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный университет, Юридический институт

Латышева В.Л., кандидат филологических наук, доцент, Иркутский государственный университет, Юридический институт

© Тимофеева Ю.Н., Федина Е.А., Латышева В.Л., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.922

¹ Гирфатова А.Р.,

¹ Дмитриева А.В.,

¹ Башкирский государственный педагогический университет имени Акмуллы

Психологические аспекты предстартовых состояний спортсменов подросткового возраста и их влияние на спортивную результативность

Аннотация: современный спорт предъявляет высокие требования к комплексной подготовке спортсменов, где психологическая составляющая играет не менее важную роль, чем физическая. Особое значение имеют предстартовые состояния, способные существенно повлиять на результативность выступления. В спортивной психологии выделяют четыре основных типа таких состояний: оптимальная боевая готовность, характеризующаяся сосредоточенностью и умеренным волнением; стартовая лихорадка с чрезмерным возбуждением; стартовая апатия с заторможенностью реакций; и патологическое состояние как крайняя форма дезадаптации.

Формирование этих состояний зависит от множества факторов: индивидуальных особенностей нервной системы спортсмена, возраста, уровня его подготовки, значимости соревнований и текущего физического состояния. Негативные предстартовые реакции могут привести к существенному снижению результатов и нарушению тренировочного процесса.

Для профилактики подобных состояний необходима системная психологическая подготовка, включающая регулярную психологическую диагностику эмоционального состояния, обучение техникам саморегуляции, а также индивидуальный подход к каждому спортсмену. Особого внимания требуют юные спортсмены, у которых в силу возрастных особенностей еще не сформированы механизмы саморегуляции и отмечается повышенная тревожность. Эффективная коррекция предстартовых состояний развитие навыков самоконтроля является важнейшим условием успешных выступлений, особенно в подростковом возрасте.

Ключевые слова: предстартовые состояния, психорегуляция, тревожность, спортивная результативность

Для цитирования: Гирфатова А.Р., Дмитриева А.В. Психологические аспекты предстартовых состояний спортсменов подросткового возраста и их влияние на спортивную результативность // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 244 – 250.

Поступила в редакцию: 22 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Girfatova A.R.,

¹ Dmitrieva A.V.,

¹ Bashkir State Pedagogical University named after Akmulla

Psychological aspects of pre-start states in adolescent athletes and their impact on athletic performance

Abstract: modern sports place high demands on the comprehensive training of athletes, where the psychological component plays an equally important role as the physical component. Pre-competition states are of particular importance, as they can significantly impact the performance of athletes. In sports psychology, there are four main types of pre-competition states: optimal combat readiness, characterized by focus and moderate anxiety; pre-

competition fever, characterized by excessive excitement; pre-competition apathy, characterized by inhibited reactions; and pathological states, which are extreme forms of maladaptation.

The formation of these conditions depends on a variety of factors: the individual characteristics of the athlete's nervous system, their age, level of training, the importance of the competition, and their current physical condition. Negative pre-competition reactions can lead to a significant decrease in performance and disruption of the training process.

To prevent such conditions, it is necessary to provide systematic psychological training, including regular psychological diagnostics of the emotional state, training in self-regulation techniques, and an individual approach to each athlete. Special attention should be paid to young athletes, who, due to their age, do not yet have developed self-regulation mechanisms and are prone to increased anxiety. Effective correction of pre-competition conditions and the development of self-control skills are crucial for successful performances, especially in adolescence.

Keywords: pre-start conditions, psychoregulation, anxiety, athletic performance

For citation: Girfatova A.R., Dmitrieva A.V. Psychological aspects of pre-start states in adolescent athletes and their impact on athletic performance. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 244 – 250.

The article was submitted: June 22, 2025; Approved after reviewing: August 19, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современный спорт предъявляет высокие требования не только к физической, но и к психологической подготовке спортсменов. Особую роль играют предстартовые состояния, которые могут как мобилизовать спортсменов на высокий результат, так и привести к снижению эффективности выступления, в особенности в подростковом возрасте.

Цель исследования: изучить психологические аспекты предстартовых состояний спортсменов подросткового возраста и структуру факторов предстартовых состояний.

Волнение оказывает влияние на результат соревнования, причем часто – негативно, т.к. подавление волнения происходит фактически только при помощи воли [1, с. 81].

Материалы и методы исследований

Основу исследования составили современные научные работы и концепции, рассматривающие проблему психологические аспекты предстартовых состояний спортсменов подросткового возраста.

Перед ответственными соревнованиями большинство спортсменов испытывают предстартовое волнение. Это естественная реакция организма, направленная на мобилизацию ресурсов для выполнения интенсивной физической деятельности. Выраженность таких состояний определяется индивидуальными особенностями нервной системы, текущим уровнем здоровья, психологической устойчивостью, а также значимостью предстоящих соревнований и характером тренировочного процесса.

В предстартовый период выделяют несколько типов нервно-эмоциональных реакций. Оптималь-

ным состоянием считается боевая готовность, при которой спортсмен сохраняет концентрацию на предстоящем выступлении, а его организм демонстрирует признаки умеренной активации. Физиологически это проявляется в незначительном учащении пульса и дыхания, повышении артериального давления, а также росте уровня адреналина и глюкозы в крови. Подобные изменения способствуют ускорению двигательных реакций и повышению эффективности работы мышц.

Однако не все предстартовые состояния носят благоприятный характер. В случае преобладания процессов возбуждения развивается стартовая лихорадка, которая может иметь различную степень выраженности. При легкой форме наблюдается повышенная эмоциональная и двигательная активность, не оказывающая существенного влияния на спортивные результаты. В более тяжелых случаях возникает чрезмерное возбуждение, сопровождающееся нарушениями со стороны сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Спортсмены могут испытывать тремор, повышенную потливость, расстройства пищеварения, а также демонстрировать нестабильные результаты.

Противоположным состоянием является стартовая апатия, характеризующаяся снижением мотивации и общей заторможенностью. В этом случае у спортсмена ухудшаются внимание, координация и скорость реакции, что негативно сказывается на его производительности. Подобное состояние нередко становится следствием переутомления или психологической перегрузки.

В крайних случаях предстартовые реакции переходят в патологическую форму, сопровождающуюся выраженными вегетативными или неврологическими нарушениями. Это может быть связано

с неправильно построенным тренировочным процессом, перенесенными травмами или заболеваниями, а также игнорированием индивидуальных особенностей атлета. В таких условиях спортсмен теряет уверенность в своих силах, испытывает навязчивые мысли и эмоциональную нестабильность, что существенно снижает его конкурентноспособность [2, с. 504].

Кризисные ситуации, которые переживает спортсмен, практически всегда неблагоприятно сказываются на результатах его выступлений, накладывают негативный отпечаток на тренировочный процесс и всю жизнедеятельность в целом. Возникают кризисные ситуации в значительной степени из-за неумения справиться со значимыми переживаниями, перевести переживания из значимых в менее значимые, из неконструктивных в конструктивные, а затем в незначимые переживания [3, с. 57].

Неоспоримым остаётся тот факт, что спортивная деятельность подвержена воздействию многочисленных стресс-факторов и предъявляет высокие требования к стрессоустойчивости, а также другим характеристикам мотивационной, эмоциональной и волевой сфер спортсменов. Следовательно, со стороны тренеров и спортивных психологов необходима тщательная подготовка спортсменов к предстоящим соревнованиям с учётом их индивидуально-типических особенностей для того, чтобы обеспечить оптимальный уровень психического состояния спортсмена для ведения успешной соревновательной деятельности [4, с. 208].

Современный спорт предъявляет к спортсменам исключительно высокие требования, связанные не только с физическими, но и с интенсивными психоэмоциональными нагрузками. В этих условиях психологическая составляющая подготовки приобретает особую значимость, становясь определяющим элементом успешного выступления.

Длительные интенсивные тренировки неизбежно сопровождаются накоплением усталости, что может проявляться в форме повышенной тревожности, эмоциональной нестабильности, нарушений сна и изменения пищевого поведения. Особую проблему представляют критические состояния, возникающие в ответственных соревновательных ситуациях, когда чрезмерное психологическое напряжение препятствует реализации даже хорошо отработанных навыков.

Учитывая данную тенденцию, в современной спортивной практике особое внимание уделяется комплексному мониторингу состояния спортсменов. Наряду с традиционной оценкой физических

параметров все более важную роль играет систематический контроль психофизиологических показателей. Такой подход позволяет своевременно выявлять признаки перенапряжения и корректировать тренировочный процесс с учетом индивидуальных особенностей спортсмена.

Применение психологических методов регуляции становится неотъемлемой частью подготовки высококлассных спортсменов. Развитие навыков самоконтроля и эмоциональной саморегуляции рассматривается как важнейший компонент профессионального мастерства, способствующий не только достижению высоких результатов, но и сохранению здоровья спортсменов в условиях экстремальных соревновательных нагрузок [5, с. 25].

Самый высокий процент успешных выступлений на соревнованиях наблюдается именно в состоянии боевой готовности, значительно меньший процент – когда спортсмен перед стартом находится в состоянии предстартовой лихорадки или предстартовой апатии. Часто тренер или спортивный психолог помогают справиться с неблагоприятными предстартовыми состояниями [6, с. 64].

Знание психологических состояний и приемов выхода из них необходимо и спортсмену для саморегуляции и воспитанию умения входить в состояние боевой готовности перед стартом во время соревнований [7, с. 32].

Л.В. Пигалова, М.А. Карпов, Ю.В. Капитонова считают, что помимо технической и тактической подготовки важна психологическая подготовка, поскольку она оказывает примерно одинаковое влияние на успешность соревновательного поединка, как и тактическая, и техническая подготовка [8, с. 288].

Г.Д. Бабушкин в этом контексте анализирует значение психологических качеств: способности к психорегуляции, эмоционального интеллекта, содержания предсоревновательной мыслительной деятельности в проявлении предстартового состояния и результативности соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменов [9, с. 20].

К.В. Чернощекова также пишет, что «особо острой является проблема психологической подготовки к участию в соревнованиях спортсменов подросткового возраста, что проявляется не только в выработке у него необходимых психических качеств, но и обучение его навыкам адекватного поведения на соревнованиях и приемам психологической регуляции эмоционального состояния». Переход подросткового организма от одного вида активности к другому представляет собой сложный физиологический процесс, требующий опре-

деленного временного интервала. Данная особенность обусловлена возрастными характеристиками нервной системы, которая в этот период развития еще не обладает достаточной лабильностью для мгновенного переключения между различными формами деятельности.

В спортивной практике данное явление приобретает особую значимость, поскольку период снижения психической активности, сопровождающий процесс переключения, часто совпадает с моментом, требующим максимальной концентрации и быстрой реакции. Такой физиологический парадокс создает существенные трудности для юных спортсменов, чья деятельность предполагает необходимость оперативного реагирования в условиях соревновательного стресса [10, с. 148].

В.С. Лапин, С.С. Сидоров, П.Я. Захаров также утверждают, что «в соревновательном периоде одним из самых ответственных моментов является период предстартового состояния». От эмоционального настроя в этот период зависит, на каком уровне спортсмену удастся выступить на соревнованиях. Многие спортсмены нуждаются в коррекции негативных проявлений эмоционального состояния. Для повышения спортивной результативности юных спортсменов необходимо выработать навыки самокоррекции негативных проявлений предстартовых состояний [11 с.219].

Гипотеза эмпирической части исследования: структура факторов предстартовых состояний в

спортсменов подросткового возраста имеет специфические особенности.

Для проверки гипотезы исследования в работе использованы следующие психодиагностические методики:

- Шкала нервно-психического напряжения (Т.А. Немчин);
- Шкала ситуативной тревоги (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин);
- Опросник САН – методика и диагностика самочувствия, активности и настроения (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шарай и М.П. Мирошников);
- Тест опросник «Предстартовое состояние спортсмена» (В.А. Алексеев).

Выборка исследования: 102 спортсмена подросткового возраста г. Уфы.

Результаты методик подвергались факторному анализу (табл. 1) с помощью метода Варимакс-вращение. После процедуры вращения получены факторные матрицы, имеющие сложную факторную структуру из нескольких значимых переменных.

Чтобы определить обобщенные наименования факторов, составляющих факторную структуру каждой из выделенных групп, был выполнен отбор переменных на основании полученных положительных или отрицательных корреляций с уровнем значимости не ниже 0,500.

Таблица 1

Факторный анализ с помощью метода Варимакс-вращение переменных по методикам.

Table 1

Factor analysis using the Varimax method – rotation of variables according to the methods.

Фактор. нагрузки (Var. исходн.) (Таблица данных) Выделение: Главные компоненты (Отмечены нагрузки >,700000)			
	Фактор (1)	Фактор (2)	Фактор (3)
Нервно-психическое напряжение	-0,106	0,901	-0,150
Самочувствие	0,781	0,011	-0,529
Активность	-0,698	-0,169	0,243
Настроение	-0,596	0,073	0,634
Ситуативная тревожность	0,012	0,928	0,127
Когнитивный компонент предсоревновательного состояния К:	-0,018	-0,034	0,857
Эмоциональный компонент F	0,926	-0,058	-0,050
Физический компонент E	0,909	-0,132	0,027
Общ.дис.	3,146	1,729	1,518
Доля от общ. дисп.	0,393	0,216	0,190

Источник: Составлено автором на основании опроса по выборке из 102 спортсменов.

Source: Compiled by the author based on a survey of a sample of 102 athletes.

Выделены 3 фактора. Общая объясненная дисперсия: 79,9% (сумма долей: 39,3% + 21,6% + 19,0%).

Результаты и обсуждения

Фактор 1: Сомато-эмоциональное благополучие

Наибольшие нагрузки:

– Эмоциональный компонент F: 0.926;

– Физический компонент E: 0.909.

Интерпретация: этот фактор является самым мощным, он объясняет 39.3% общей дисперсии. Он объединяет высокие оценки по физическому (E) и эмоциональному (F) компонентам. Это говорит о том, что испытуемые, имеющие высокие значения по этому фактору, чувствуют себя физически сильными, энергичными, готовыми к нагрузкам, а также эмоционально стабильными и уверенными. Это интегральный показатель общего психофизического ресурса и благополучия.

Фактор 2 (21,6% дисперсии) – Нервно-эмоциональное напряжение

Наибольшие нагрузки:

– Ситуативная тревожность: 0,928;

– Нервно-психическое напряжение: 0,901.

Интерпретация: фактор связан с уровнем стресса и тревожности перед стартом. Высокие нагрузки указывают на то, что спортсмены с выраженной ситуативной тревожностью также испытывают сильное нервно-психическое напряжение. Это может негативно влиять на результативность.

Фактор 3 (19,0% дисперсии) – Когнитивная готовность.

Наибольшие нагрузки:

– Когнитивный компонент предсоревновательного состояния (K): 0,857;

– Настроение: 0,634.

Интерпретация: фактор отражает способность спортсмена к концентрации и рациональной оценке ситуации. Высокая нагрузка по когнитивному компоненту говорит о важности ясности мышления перед стартом. Положительная связь с настроением может указывать на то, что умеренно позитивный настрой способствует лучшей когнитивной готовности.

Таким образом, сомато-эмоциональное благополучие (Фактор 1) – ключевой аспект предстар-

товой подготовки. Тревожность и нервное напряжение (Фактор 2) требуют коррекции (например, через психологические тренинги). Когнитивная готовность (Фактор 3) важна для сохранения концентрации и рационального восприятия соревновательной ситуации.

Данные факторы могут быть использованы для индивидуализации психологической подготовки спортсменов подросткового возраста.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило, что предстартовые состояния (боевая готовность, стартовая лихорадка, апатия, патологические реакции) оказывают значительное влияние на спортивную результативность подростков. Оптимальное состояние (боевая готовность) связано с высокой концентрацией воли, умеренным волнением и физиологической активацией, тогда как чрезмерное возбуждение или апатия снижают эффективность выступлений.

У юных спортсменов предстартовые состояния выражены сильнее из-за несформированности механизмов саморегуляции, повышенной тревожности и трудностей переключения между видами деятельности. Это требует особого внимания со стороны тренеров и психологов.

Факторный анализ выявил три ключевых компонента: сомато-эмоциональное благополучие – способность контролировать эмоции и самочувствие, нервно-эмоциональное напряжение – уровень тревожности и стресса, негативно влияющий на результат, когнитивная готовность – ясность мышления и концентрация перед стартом. Данные факторы могут быть использованы для индивидуализации психологической коррекции спортсменов подросткового возраста для формирования оптимального предстартового состояния.

Эффективное управление предстартовыми состояниями через развитие эмоциональной устойчивости, снижение тревожности и когнитивной готовности является критически важным для достижения высоких результатов в подростковом спорте. Реализация этих мер требует совместной работы тренеров, психологов и самих спортсменов.

Список источников

1. Воробьева С.М. Способы преодоления волнения спортсменами, занимающимися пулевой стрельбой // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 5 (183). С. 81 – 84.
2. Костина Е.А. Предстартовое состояние спортсмена // Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов: Материалы III Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, Казань, 01-02 декабря 2017 года / Под ред. Р.А. Юсупова, Б.А. Акишина. Казань: Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева, 2017. С. 503 – 505.

3. Шельпук И.М., Бурчак М.Н., Курилович И.И. Психологическое сопровождение в пауэрлифтинге // Спортивная педагогика, психология и физиология. 2024. № 3. С. 56 – 61.
4. Угрюмова М.Н. Проявления спортивного стресса в условиях цифровизации: теоретические аспекты // Цифровое общество: психолого-педагогическая трансформация: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Великий Новгород, 16 ноября 2022 года / Под ред. Т.В. Архиреевой, Д.Р. Гаджибабаевой, В.В. Калиной, В.В. Клыпутенко, Т.В. Угловой, отв. ред. М.Б. Калашникова. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2023. С. 207 – 213.
5. Мелентьева Н.Н., Тараторина В.Н. К вопросу о психологической подготовке лыжников-гонщиков // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 7. С. 23 – 29.
6. Мелентьева Н.Н. Значение аутогенной тренировки в регулировании уровня тревожности лыжников 14-15 лет перед соревнованиями // Успехи гуманитарных наук. 2019. № 5. С. 63 – 70.
7. Василец А.О., Комлева С.В. Предстартовые состояния фигуриста // Педагогические проблемы здоровьесформирования детей, молодежи, населения: Сборник материалов XX Всероссийской с международным участием научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 07 ноября 2024 года. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2024. С. 30 – 34.
8. Пигалова Л.В., Карпов М.А., Капитонова Ю.В. Исследование индивидуальных особенностей предстартовых состояний спортсменов-единоборцев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 7 (197). С. 288 – 291.
9. Бабушкин Г.Д. Психологические качества, влияющие на предстартовое состояние спортсмена и результативность соревновательной деятельности // Психология и педагогика спортивной деятельности. 2023. № 1 (64). С. 19 – 23.
10. Чернощекова К.В. Средства психологической регуляции негативных предстартовых состояний спортсменов-подростков // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2021. № 11. С. 147 – 149.
11. Лапин В.С., Сидоров С.С., Захаров П.Я. и др. Оценка эффективности применения методов коррекции предстартовых состояний юных борцов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 6 (208). С. 218 – 221.

References

1. Vorobyova S.M. Ways to overcome anxiety by athletes involved in target shooting. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2020. No. 5 (183). P. 81 – 84.
2. Kostina E.A. Pre-start state of an athlete. Physical education and student sports through the eyes of students: Proceedings of the III All-Russian scientific and methodological conference with international participation, Kazan, December 01-02, 2017. Ed. R.A. Yusupov, B.A. Akishin. Kazan: Kazan State Technical University named after A.N. Tupolev, 2017. P. 503 – 505.
3. Shelpuk I.M., Burchak M.N., Kurilovich I.I. Psychological support in powerlifting. Sports pedagogy, psychology and physiology. 2024. No. 3. P. 56 – 61.
4. Ugryumova M.N. Manifestations of sports stress in the context of digitalization: theoretical aspects. Digital society: psychological and pedagogical transformation: Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Veliky Novgorod, November 16, 2022. Ed. T.V. Arkhireeva, D.R. Gadzhibabaeva, V.V. Kalina, V.V. Klyputenko, T.V. Uglova, ed. M.B. Veliky Novgorod: Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, 2023. P. 207 – 213.
5. Melentyeva N.N., Taratorina V.N. On the issue of psychological training of cross-country skiers. Humanitarian Sciences Success. 2019. No. 7. P. 23 – 29.
6. Melentyeva N.N. The importance of autogenic training in regulating the level of anxiety of 14-15 year old skiers before competitions. Humanitarian Sciences Success. 2019. No. 5. P. 63 – 70.
7. Vasilets A.O., Komleva S.V. Pre-start states of a figure skater. Pedagogical problems of health formation of children, youth, and the population: Collection of materials from the XX All-Russian scientific and practical conference of young scientists and students with international participation, Yekaterinburg, November 7, 2024. Yekaterinburg: Russian State Professional Pedagogical University, 2024. Pp. 30 – 34.
8. Pigalova L.V., Karpov M.A., Kapitonova Yu.V. Study of individual characteristics of pre-start states of martial arts athletes. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2021. No. 7 (197). P. 288 – 291.
9. Babushkin G.D. Psychological qualities influencing the pre-start state of an athlete and the effectiveness of competitive activity. Psychology and pedagogy of sports activity. 2023. No. 1 (64). P. 19 – 23.

10. Chernoshchekova K.V. Means of psychological regulation of negative pre-start states of adolescent athletes. Resources of athletes' competitiveness: theory and practice of implementation. 2021. No. 11. P. 147 – 149.

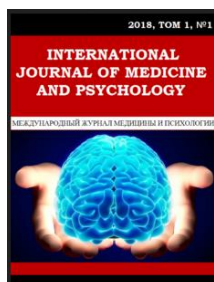
11. Lapin V.S., Sidorov S.S., Zakharov P.Ya. and others. Evaluation of the effectiveness of the application of methods for correcting pre-start conditions of young wrestlers. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 6 (208). P. 218 – 221.

Информация об авторах

Гирфатова А.Р., доцент, SPIN-код: 7702-1770, Башкирский государственный педагогический университет имени Акмуллы, Arkaima60@mail.ru

Дмитриева А.В., аспирант, Башкирский государственный педагогический университет имени Акмуллы, Alisa-06@mail.ru

© Гирфатова А.Р., Дмитриева А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ Милютин С.М.,

¹ Кибыш А.И.,

¹ Калининградский филиал Санкт-Петербургский государственного аграрного университета

Диагностика уровня тревожности у студентов аграрного вуза

Аннотация: целью данного исследования было выявление уровня тревожности у студентов-аграриев 1-3 курсов, а также основных факторов, влияющих на ситуационную и личностную тревожность. Для определения уровней ситуационной и личностной тревожности нами использовался опросник Спилбергера-Ханина. Опросник состоял из 40 вопросов, где первые 20 вопросов были предназначены для определения уровня ситуационной тревожности, а следующие – для определения уровня личностной тревожности. Исследование проводилось с участием студентов 1-3 курсов, добровольно изъявивших желание участвовать в опросе. Все респонденты обучаются по направлению 35.03.04 «Агрономия». Нами была выдвинута гипотеза, что у студентов первого курса уровни как ситуационной, так и личностной тревожности будут выше, чем у студентов старших курсов. Это может быть результатом новой академической и социальной среды, неуверенностью в своих силах и способностях. Сравнение и анализ полученных результатов позволили сделать вывод что уровень ситуационной, как и личностной тревожности у первокурсников несколько выше, чем у студентов старших курсов, что подтвердило гипотезу. В результате исследования было выявлено, что основными факторами, влияющими на уровни ситуационной тревожности студентов, являются: новизна учебной среды; нестабильность; более высокая академическая нагрузка; социальная адаптация; отсутствие опыта. На уровень личностной тревожности влияние оказывают: незрелость и отсутствие опыта; повышенная самокритичность; несформированность системы ценностей; недостаточная социальная поддержка в новой учебной среде; переходный период. Также были рассмотрены некоторые техники преодоления тревожности, предложенные российскими психологами-практиками.

Ключевые слова: ситуационная тревожность, личностная тревожность, причины тревожности, студенты аграрного вуза, преодоление тревожности

Для цитирования: Милютин С.М., Кибыш А.И. Диагностика уровня тревожности у студентов аграрного вуза // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 251 – 258.

Поступила в редакцию: 23 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Milyutina S.M.,

¹ Kibysh A.I.,

¹ Kaliningrad Branch of St. Petersburg State Agrarian University

Diagnosis of anxiety level in agricultural university students

Abstract: the purpose of this study was to identify the level of anxiety among agricultural students of 1-3 courses, as well as the main factors influencing situational and personal anxiety. To determine the levels of situational and personal anxiety, we used the Spielberger-Khanin questionnaire. The questionnaire consisted of 40 questions, where the first 20 questions were designed to determine the level of situational anxiety, and the next – to determine the level of personal anxiety. The study was conducted with the participation of students of 1–3 courses who voluntarily expressed a desire to participate in the survey. All respondents study in the field of 35.03.04

"Agronomy". We hypothesized that first-year students would have higher levels of both situational and personal anxiety than senior students. This may be the result of a new academic and social environment, lack of confidence in their abilities and abilities. The comparison and analysis of the results allowed us to conclude that the level of situational, as well as personal anxiety among first-year students is slightly higher than that of undergraduates, which confirmed the hypothesis. As a result of the study, it was revealed that the main factors influencing the levels of situational anxiety of students are: the novelty of the learning environment; instability; higher academic workload; social adaptation; lack of experience. The level of personal anxiety is influenced by: immaturity and lack of experience; increased self-criticism; lack of formation of a value system; insufficient social support in a new learning environment; transition period. Some techniques for overcoming anxiety proposed by Russian practicing psychologists were also considered.

Keywords: situational anxiety, personal anxiety, causes of anxiety, agricultural university students, overcoming anxiety

For citation: Milyutina S.M., Kibysh A.I. Diagnosis of anxiety level in agricultural university students. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 251 – 258.

The article was submitted: June 23, 2025; Approved after reviewing: August 20, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

В условиях современного постоянно меняющегося мире человек находится в состоянии перманентной тревожности и бесконечных стрессов, которые оказывают значительное влияние на жизнь человека, на его способности выполнять те или иные возложенные на него обязательства. Нестабильность и непредсказуемость в современном мире, как отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи, ведет к росту количества тревожных людей. Как отмечает в своем исследовании И.Г. Архипова, – «сегодня существует множество причин, вызывающих тревожность, среди которых «природные катаклизмы, социально-экономическая ситуация в стране, неизвестные болезни. Обостряют социальную тревожность и повышают уровень ее показателей среди населения именно бедность, боязнь потерять работу, постоянные повышения стоимости коммунальных услуг, низкие зарплаты и т.д.» [1, с. 91]. Но особое беспокойство вызывает повышение уровня тревожности у студенческой молодежи, что ведет к потере жизненных ориентиров, неуверенности в завтрашнем дне, ощущению неопределенности, внутренней тревоги, беспокойства. Как утверждают ученые-психологи, «студенты первых курсов являются наиболее чувствительной категорией молодых людей, которая, с одной стороны, может сохранять последствия напряженной ситуации поступления в вуз, а с другой – испытывать адаптационные риски первого академического года, связанные с первой экзаменационной сессией, необходимостью самостоятельного изучения учебного материала, контролем собственной рейтинговой позиции среди сокурсников» [13 с. 35-53].

Существует множество причин, которые могут вызывать беспокойство у людей. Некоторые из них являются малозначительными, а другие – ключевыми, оказывающими сильное воздействие на жизнь и деятельность человека. А потому для профилактики тревожности важно выявить ключевые факторы, влияющие на тревожность современного человека, в том числе и студента аграрного вуза. Это позволит подобрать и рекомендовать студентам соответствующие техники преодоления тревожности.

Исследованию уровней тревожности и связанных с ними проблем и вопросов посвящены многие работы как иностранных, так и российских психологов.

Впервые понятие тревожности было введено Зигмундом Фрейдом в 1925 году [3]. В настоящее время большинство исследователей склоняется к мнению, что тревожность имеет как врожденные, так и приобретённые компоненты, формируясь под влиянием социальных и личностных факторов в течение всей жизни.

В настоящее время изучению феномена тревожности и различных ее аспектов у студентов посвящены исследования А.В. Балабуса [3], Е.А. Горшкова, Л.Д. Коротинной [5, с. 46-51], М.Ю. Бурькиной [4, с. 62-68], А.В. Рябиновой, Е.А. Юговой [14, с. 258-263], А.В. Кайгородовой [7, с. 56-58; 9] и др. Как отмечает в своем исследовании Р.Е. Тарасова, повышенная тревожность у студентов наблюдается чаще всего на первом и выпускном курсах [15, с. 96-97].

В исследованиях Л.И. Демидовой, О.И. Кашник и А.А. Брызгалиной выявлена зависимость уровня тревожности студентов от их уровня успешности в учебной деятельности [6]. Факторы влияния на

тревожность студентов аграрного вуза отражены в исследованиях А.И. Кибыша [8, с. 209-216]. Диагностику уровня тревожности у студентов исследовал М.А. Харченко [17]. Теоретические аспекты тревожности исследовала А.М. Прихожан, которая разработала методику для диагностики тревожности, ввела понятие «формы тревожности» [12].

Материалы и методы исследований

В нашем исследовании мы попытались выделить наиболее существенные факторы влияния и определить уровень тревожности у студентов аграрного вуза.

Мы предположили, что у студентов первого курса будет наблюдаться повышенный уровень ситуативной тревожности, связанный с адаптацией к новым условиям обучения, неуверенностью в собственных силах и способностях.

Участниками нашего исследования стали студенты первого, второго и третьего курсов Калининградского филиала «Санкт-Петербургского аграрного университета», обучающиеся по направлению 35.03.04 «Агрономия». Всего в исследовании участвовали 31 студент. Из них первокурсники – 16 чел., 2 курс – 9 чел., 3 курс – 6 чел. Подборка участников исследования проходила исключительно на добровольной основе с подробным разъяснением цели и методики исследования. Исследование проводилось в конце ноября 2024 г.

В качестве основного инструмента исследования нами был выбран опросник Спилбергера-Ханина для определения уровня тревожности. Исследовались уровни ситуационной и личностной тревожности. Всего предполагалось распределить участников по трем уровням: высокому, умеренному (среднему) и низкому.

Прежде, чем приступить к описанию исследования, необходимо определиться с понятиями, которые использовались в исследовании.

Тревожность – распространенное эмоциональное состояние, характеризующееся ощущением беспокойства, напряжения, страха и неопределенности, неуверенности. У студентов тревожность может быть связана с академической успеваемостью, будущим, социальными взаимодействиями и другими факторами.

Опросник Спилбергера-Ханина позволяет дифференцировать личностную и ситуативную тревожность, что является важным для понимания их проявлений и причин.

Личностная тревожность – это устойчивая черта личности, склонность к переживанию тревоги в различных ситуациях [4].

Ситуативная тревожность указывает на временное состояние тревоги, обусловленное кон-

кретной жизненной ситуацией, объективно угрожающей человеку [4].

Важно учитывать различия между личностной и ситуативной тревожностью, так как личностная тревожность является более устойчивой чертой и может влиять на ситуативную. Исследование уровней личностной и ситуативной тревожности мы провели с помощью известного опросника Спилбергера-Ханина [16].

Шкала личностной тревожности в данном опроснике оценивает устойчивую склонность к тревоге.

Шкала ситуативной тревожности измеряет уровень тревожности, связанный с конкретной ситуацией.

Использованная нами методика исследования обладает высокой надежностью, что подтверждено многочисленными исследованиями.

Результаты и обсуждения

Для диагностики уровней ситуационной и личностной тревожности нами был использован опросник Спилбергера-Ханина. Студентам было предложено ответить на вопросы шкал ситуативной и личностной тревожности, каждая из которых содержала по 20 вопросов.

Содержание шкал можно найти на сайте судебных и нормативных актов РФ по адресу: <https://sudact.ru/law/klinicheskie-rekomendatsii-trevozhno-fobicheskie-rasstroistva-odobreny-minzdravom-rossii/prilozhenie-g1-gn/prilozhenie-g4/> [10].

После обработки полученных данных, нами был определен уровень ситуативной и личностной тревожности у студентов 1, 2 и 3 курсов. Показатели ситуативной тревожности (СТ) и личностной тревожности (ЛТ) были рассчитаны по формулам:

$$СТ = \Sigma 1 - \Sigma 2 + 35,$$

где $\Sigma 1$ – сумма зачеркнутых цифр на бланке по пунктам шкалы 3, 4, 6, 7, 9, 12, 13, 14, 17, 18;

$\Sigma 2$ – сумма остальных зачеркнутых цифр по пунктам 1, 2, 5, 8, 10, 11, 15, 16, 19, 20.

$$ЛТ = \Sigma 1 - \Sigma 2 + 35,$$

где $\Sigma 1$ – сумма зачеркнутых цифр на бланке по пунктам шкалы 22, 23, 24, 25, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 40;

$\Sigma 2$ – сумма остальных зачеркнутых цифр по пунктам 21, 26, 27, 30, 33, 36, 39.

Для оценки уровней тревожности нами использовались следующие критерии:

- до 30 баллов – низкая тревожность;
- 31 – 45 баллов – умеренная тревожность;
- 46 и более баллов – высокая тревожность.

Расчеты проводились отдельно по каждому респонденту, а затем полученные данные анализировались и обобщались.

Данные представленных ниже гистограмм наглядно показывают результаты опроса респондентов по ситуативной (рис. 1) и личностной (рис. 2) тревожности.

Сравним полученные результаты и попробуем определить возможные причины высоких показателей тревожности. Из рис. 1 следует, что у студентов первого курса уровень ситуативной тревожности в целом выше, чем у студентов второго и третьего курсов. В то же время следует отметить, что высокий уровень тревожности (выше 45 баллов) наблюдается только у 2 из 16 первокурсников (12,5%). Низкий уровень ситуативной тревожности (менее 30 баллов) продемонстрировали 7 первокурсников из 16 или 43,6%. То есть, 87,5% первокурсников имеют низкий или умеренный уровень ситуативной тревожности.

У студентов 2 и 3 курсов высокого уровня ситуативной тревожности не наблюдается. При этом умеренный уровень ситуативной тревожности показали только 1 студент второго и 1 студент третьего курсов. У остальных – уровень ситуативной тревожности низкий. Это свидетельствует о низком уровне ситуационной тревожности у студентов старших курсов (86,6%) в целом.

То есть, у студентов всех трех курсов наблюдается средний уровень ситуационной тревожности, за исключением отдельных студентов первого курса, у которых уровень ситуационной тревожности является высоким и это может быть связано с особенностями их личности или негативными факторами социальной среды, преодоление которых вызвало у них определенные затруднения.

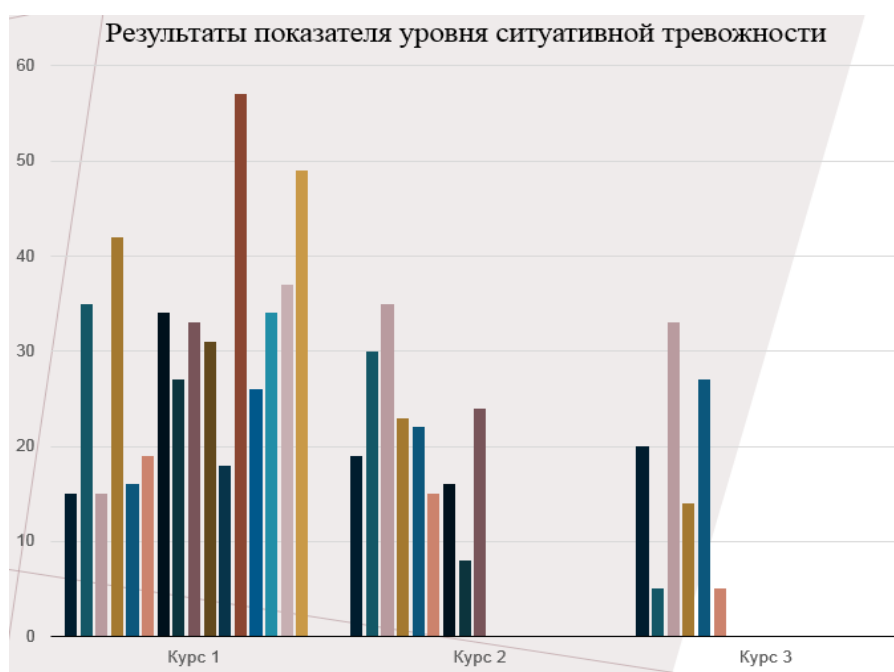


Рис. 1. Показатели ситуативной тревожности у студентов 1-3 курсов.

Fig. 1. Indicators of situational anxiety in 1st-3rd year students.

На основе обобщения полученных данных среди возможных причин высокого уровня ситуативной тревожности у первокурсников можно выделить следующие:

Перемены в учебной среде. Начало обучения в университете связано с новыми условиями, с которыми раньше студенту не приходилось сталкиваться. Это новые требования, неизвестные преподаватели, непривычные форматы обучения, что может вызывать чувство неуверенности и беспокойства.

Нестабильность. Первокурсники зачастую ещё окончательно не определились с выбором профессии, не сформировали круг общения и не научи-

лись самостоятельно планировать своё обучение и жизнь. Это вызывает ощущение неуверенности и беспокойства.

Высокая академическая нагрузка. Студенты первого курса нередко сталкиваются с большим объёмом новых знаний и высокими требованиями преподавателей. Они ещё не выработали стратегии эффективного обучения, что усиливает беспокойство при возникновении проблем.

Социальная адаптация. Знакомство с новыми людьми, привыкание к студенческой жизни, поиск своего места в коллективе – всё это может вызывать стресс и беспокойство.

Отсутствие опыта. У студентов-первокурсников пока нет большого опыта в преодолении учебных трудностей, поэтому они могут испытывать повышенную ситуативную тревожность при возникновении проблем.

Из данных, представленных на рис. 2 следует, что у студентов первого курса, как правило, наблюдается также более высокий уровень личностной тревожности, чем у студентов старших курсов. Высокий уровень личностной тревожности (более 45 баллов), показали 9 первокурсников

из 16 или 56,25%. У студентов второго (высокий уровень у 5 из 9 или 55,5%) и третьего курсов (высокий уровень личностной тревожности – 3 из 6 или 50%). В нашем случае показатели уровней личностной тревожности у студентов всех трех курсов отличаются незначительно с некоторым перевесом в сторону высокого уровня у первокурсников. Это свидетельствует о том, что факторы, влияющие на личностную тревожность студентов-агров примерно одинаковы, и не зависят от курса обучения.

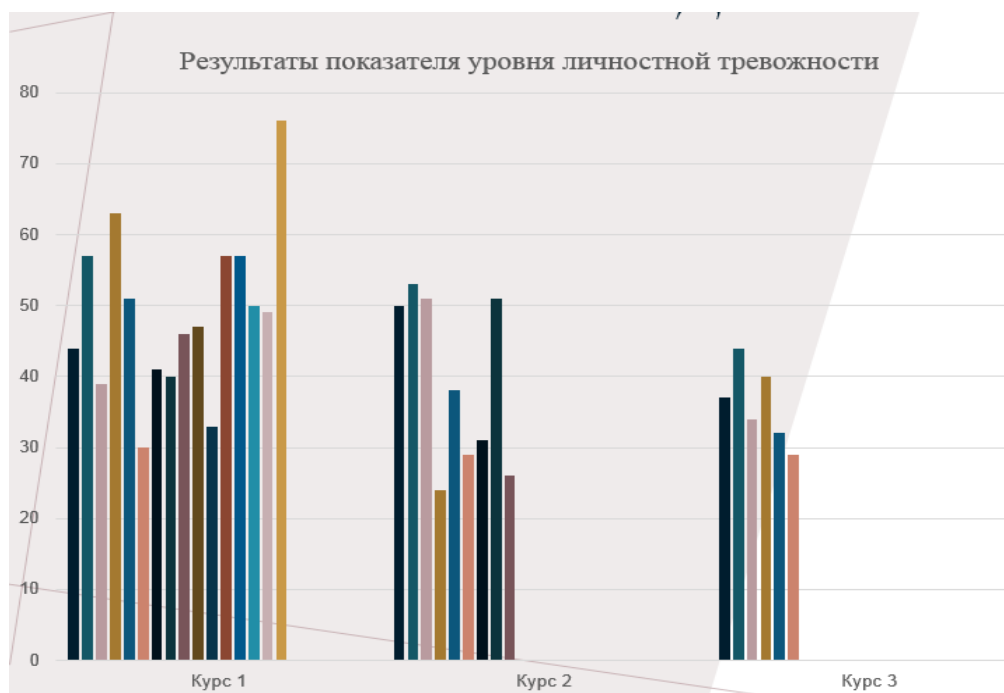


Рис. 2. Показатели уровня личностной тревожности у студентов 1-3 курсов.

Fig. 2. Indicators of the level of personal anxiety in 1st-3rd year students.

К основным причинам высокого уровня личностной тревожности у студентов-агров относятся следующие:

Неопытность и недостаток зрелости. Студенты, которые только начали свой путь в университете, часто сталкиваются с трудностями, связанными с отсутствием жизненного опыта и психологической зрелости. Это может вызывать у них повышенную тревожность в различных ситуациях.

Повышенная самокритичность. Молодые люди могут быть более критичны к себе, они склонны преувеличивать негативные последствия своих поступков и, как результат, испытывать беспокойство.

Несформированность системы ценностей. На начальных этапах образовательного процесса, а иногда и в более поздний период обучения, студенты могут испытывать недостаточную сформированность системы личных ценностей и жизнен-

ных ориентиров. Это обстоятельство может способствовать возникновению повышенного уровня тревожности, связанного с прогнозированием будущего и оценкой собственных перспектив.

Недостаточная социальная поддержка. В новой образовательной среде наблюдается дефицит социальной поддержки со стороны малознакомых лиц, способных оказать необходимую помощь.

Переходный период. Студенты первого курса находятся в процессе адаптации к новой образовательной и социальной среде. Данный этап характеризуется значительными изменениями в условиях жизнедеятельности, увеличением уровня ответственности и необходимостью самостоятельного принятия решений, что может приводить к возникновению стрессовых состояний и личностной тревожности.

Важно отметить, что приведенные выше факторы высокого уровня тревожности у студентов-

аграриев являются лишь обобщением полученных в ходе исследования данных и не учитывают индивидуальных особенностей отдельных студентов. Для профилактики высокого уровня тревожности у первокурсников преподаватели должны учитывать выявленные факторы тревожности и оказать студентам поддержку в их преодолении с учетом индивидуальных особенностей каждого студента.

Для преодоления или профилактики высокого уровня тревожности студентам можно порекомендовать некоторые известные техники. К ним относятся:

Режим сна. Важно правильно готовиться ко сну, например, в этом могут помочь медитация или расслабляющая ванна. Не стоит забывать о том, что нужно спать не менее 7-9 часов (для взрослого человека). Важно обращать внимание на собственные ощущения и при необходимости корректировать режим сна.

Прогрессивная мышечная релаксация. Это помогает снизить мышечное напряжение и стресс, улучшая расслабление организма и снижая чувство дискомфорта.

Правильное дыхание. Оно помогает снизить стресс, регулируя физиологические реакции организма на тревожность, такие как учащенное сердцебиение и повышенное кровяное давление.

Практикующие психологи предлагают также ряд популярных техник, на которые следует обратить внимание. Так, А.С. Неплях предлагает следующие техники: дыхание «4-7-8»; техника «Заземление» (5-4-3-2-1); дневник тревог; «нет» многозадачности: правило 20 минут; физическая активность и др. [11]. Маргарита Багметова предлагает использовать несколько иные методы: тревожность по расписанию; разбор страха; альтернативный сценарий; взгляд со стороны; добрый внутренний голос; работа с телом: мышечное расслабление; заземление здесь и сейчас и др. [2].

Эти и другие техники преодоления тревожности достаточно полно описаны в научной и меди-

цинской литературе. Наиболее известные зарубежные и отечественные авторы подобных методик – это Эндрю Соломон, Дэвид Д. Бернс, Мэтью МакКей, Патрик Фаннинг, Марта Дэвис, Дэнни Пенман, Томас Сандерс, Ричард Браун, Патриция Гернжель, Пол Сэнт-Пьер, Марк Уильямс, Сара Эдленд, Филипп Марген, Жан-Пьер Вальтер, Таня Петерсон, Катлин Смит, В.Н. Мясичев, А.М. Прихожан, С.Л. Рубинштейн, О.П. Степанова и др. Работы перечисленных авторов позволяют найти эффективные методики преодоления тревожности в зависимости от факторов, являющихся источниками тревожности.

Выводы

Таким образом, в ходе проведенного исследования гипотеза о более высоком уровне ситуативной и личностной тревожности у студентов-первокурсников по сравнению со студентами старших курсов, подтвердилась частично.

Повышенный уровень ситуационной и личностной тревожности у первокурсников аграрного вуза связан с рядом факторов, среди которых наиболее часто встречающимися являются высокая академическая нагрузка; недостаточная социальная адаптация; незрелость и отсутствие опыта; повышенная самокритичность; несформированность системы ценностей и др. Однако существенной зависимости уровней тревожности от курса обучения студентов не выявлено. Негативные факторы, вызывающие как ситуативную, так и личностную тревожность, оказывают практически равное влияние на студентов всех курсов обучения.

Преодоление возникающей тревожности или ее профилактика возможны с применением ряда известных техник, упомянутых выше, правильный подбор которых сделает жизнь студента-первокурсника, как и студентов старших курсов, более уверенной и комфортной и позволит быстрее адаптироваться к требованиям студенческой среды и чувствовать себя комфортно и безопасно.

Список источников

1. Архипова И.Г. Понимание актуальности социальной тревожности и ее профилактики в современном мире // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 11. С. 90 – 97.
2. Багметова Маргарита. Как справляться с тревогой: работающие техники. URL: <https://www.b17.ru/article/694228/?ysclid=mdw2fxdty1818012285> (дата обращения: 27.04.2025)
3. Балабус А.В. Изучение феномена тревожности у студентов // Материалы XII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2020/5e3189632caf1.pdf> (дата обращения: 15.01.2025)
4. Бурыкина М.Ю. Особенности тревожности студентов бакалавриата педагогического профиля // Международный журнал медицины и психологии. 2020. Т. 3. № 1. С. 62 – 68.
5. Горшков Е.А., Коротина Л.Д. Исследование эмоциональной тревожности студентов на разных этапах обучения в педагогическом вузе // Молодой ученый. 2015. № 23.2 (103.2). С. 46 – 51.

6. Демидова Л.И., Кашник О.И., Брызгалина А.А. Тревожность студентов вуза и их успешность в учебной деятельности // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2013. № 35-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnost-studentov-vuza-i-ih-uspeshnost-v-uchebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 25.12.2024)
7. Кайгородова А.В. Проявления тревожного расстройства среди студентов высших учебных заведений // *Актуальные исследования*. 2022. № 51 (130). С. 56 – 58.
8. Кибыш А.И. Уровень тревожности и факторы влияния на нее у студенческой молодежи // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2023. Т. 12. № 8А. С. 209 – 216.
9. Коларькова А.В. Различные взгляды на причины возникновения тревожности в работах современных исследователей // *Психология, социология и педагогика*. 2014. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/08/3436> (дата обращения: 10.04.2024)
10. Методика оценки тревожности Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина. URL: <https://sudact.ru/law/klinicheskie-rekomendatsii-trevozhno-fobicheskie-rasstroistva-odobreny-minzdravom-rossii/prilozhenie-g1-gn/prilozhenie-g4/> (дата обращения: 12.04.2025)
11. Неплях А.С. Как справиться с тревожностью: 10 работающих методов от психолога. URL: <https://www.b17.ru/article/681414/?ysclid=mdw1zkbha8952605322> (дата обращения: 25.04.2025)
12. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 304 с.
13. Психологическое благополучие и образовательные результаты студентов с различными стратегиями поступления в вуз // *Психологическая наука и образование*. 2024. Т. 29. № 6. С. 35 – 53.
14. Рябинова А.В., Югова Е.А. Анализ уровней тревожности студентов вуза // *Актуальные проблемы науки и образования: материалы Международного форума, посвященного 300-летию Российской академии наук*. Т. 2. Ч. 2. Екатеринбург, 2023. С. 258 – 263.
15. Тарасова Р.Е. Проблемы тревожности студентов // *Международный студенческий научный вестник*. 2016. № 5 (часть 1). С. 96 – 97.
16. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Ленинград, 1976. 18 с.
17. Харченко М.А. Диагностика проявлений тревожности у студенческой молодежи // *Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья*. 2010. № 39-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-proyavleniy-trevozhnosti-u-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 12.04.2025)

References

1. Arkhipova I.G. Understanding the relevance of social anxiety and its prevention in the modern world. *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2023. No. 11. P. 90 – 97.
2. Bagmetova Margarita. How to cope with anxiety: working techniques. URL: <https://www.b17.ru/article/694228/?ysclid=mdw2fxdty1818012285> (date of access: 04.27.2025)
3. Balabus A.V. Studying the phenomenon of anxiety in students. *Proceedings of the XII International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum"*. URL: <https://files.scienceforum.ru/pdf/2020/5e3189632caf1.pdf> (date of access: 15.01.2025)
4. Burykina M.Yu. Features of anxiety of undergraduate students of the pedagogical profile. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2020. Vol. 3. No. 1. P. 62 – 68.
5. Gorshkov E.A., Korotina L.D. Study of emotional anxiety of students at different stages of study at a pedagogical university. *Young scientist*. 2015. No. 23.2 (103.2). P. 46 – 51.
6. Demidova L.I., Kashnik O.I., Bryzgalina A.A. Anxiety of university students and their success in academic activities. *Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology*. 2013. No. 35-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnost-studentov-vuza-i-ih-uspeshnost-v-uchebnoy-deyatelnosti> (date of access: 25.12.2024)
7. Kaigorodova A.V. Manifestations of anxiety disorder among students of higher educational institutions. *Current research*. 2022. No. 51 (130). P. 56 – 58.
8. Kibysh A.I. Level of anxiety and factors influencing it in student youth. *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*. 2023. Vol. 12. No. 8А. P. 209 – 216.
9. Kolarkova A.V. Different views on the causes of anxiety in the works of modern researchers. *Psychology, sociology and pedagogy*. 2014. No. 8. [Electronic resource]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2014/08/3436> (date of access: 10.04.2024)

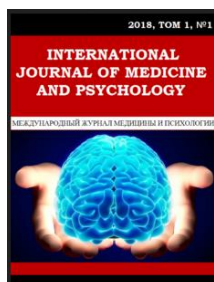
10. Methodology for assessing anxiety by Ch.D. Spielberger, Yu.L. Khanin. URL: <https://sudact.ru/law/klinicheskie-rekomendatsii-trevozhno-fobicheskie-rasstroistva-odobreny-minzdravom-rossii/prilozhenie-g1-gn/prilozhenie-g4/> (date of access: 12.04.2025)
11. Neplyakh A.S. How to cope with anxiety: 10 working methods from a psychologist. URL: <https://www.b17.ru/article/681414/?ysclid=mdw1zkbha8952605322> (date accessed: 25.04.2025)
12. Prikhodzhan A.M. Anxiety in children and adolescents: psychological nature and age dynamics. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: Publishing House of NPO "MODEK", 2000. 304 p.
13. Psychological well-being and educational results of students with different strategies for entering a university. Psychological Science and Education. 2024. Vol. 29. No. 6. P. 35 – 53.
14. Ryabinova A.V., Yugova E.A. Analysis of anxiety levels of university students. Actual problems of science and education: materials of the International forum dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. Vol. 2. Part 2. Ekaterinburg, 2023. P. 258 – 263.
15. Tarasova R.E. Problems of students' anxiety. International student scientific bulletin. 2016. No. 5 (part 1). P. 96 – 97.
16. Khanin Yu.L. Brief guide to the scale of reactive and personal anxiety of C.D. Spielberger. Leningrad, 1976. 18 p.
17. Kharchenko M.A. Diagnostics of anxiety manifestations in student youth. Scientific and medical bulletin of the Central Black Earth Region. 2010. No. 39-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-proyavleniy-trevozhnosti-u-studencheskoy-molodezhi> (date of access: 12.04.2025)

Информация об авторах

Милютин С.М., Калининградский филиал Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, sofya.milyutina345@mail.ru

Кибыш А.И., кандидат педагогических наук, доцент, Калининградский филиал Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, ast39new@yandex.ru

© Милютин С.М., Кибыш А.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.013.42:004

¹ Лукашенко Д.В.,

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Психологические аспекты педагогического взаимодействия в цифровой образовательной среде: мотивация, вовлеченность и эмоциональное благополучие

Аннотация: статья посвящена исследованию педагогического взаимодействия в цифровой образовательной среде. Цель исследования – изучить влияние цифровых технологий на мотивацию, вовлеченность и эмоциональное благополучие участников образовательного процесса. Задачи включают анализ современных теоретических подходов, эмпирическое исследование с использованием анкетирования, интервью, анализа поведения пользователей платформы Moodle и эксперимента, а также разработку рекомендаций для оптимизации взаимодействия. В исследовании участвовали 300 студентов и 20 педагогов российских вузов. Применялись качественные и количественные методы: анкетирование с использованием шкал Ликерта, полуструктурированные интервью, анализ данных аналитики Moodle и эксперимент с геймификацией. Результаты показали, что цифровые технологии, включая геймификацию, повышают мотивацию ($r=0.42$, $p<0.01$), но информационная перегрузка увеличивает стресс (62% респондентов). Эмоциональное благополучие оказалось ключевым фактором эффективности взаимодействия. Исследование подчеркивает необходимость сбалансированного подхода к интеграции технологий, учитывающего психологические аспекты обучения. Практическая значимость заключается в рекомендациях для педагогов и разработчиков образовательных платформ по созданию адаптивных сред, минимизирующих стресс и повышающих эффективность обучения. Полученные данные могут быть использованы для проектирования образовательных систем, способствующих гармоничному развитию личности в условиях цифровизации. Результаты подчеркивают важность дальнейших исследований долгосрочных эффектов цифровых технологий.

Ключевые слова: педагогическое взаимодействие, цифровая образовательная среда, мотивация, эмоциональное благополучие, геймификация, информационная перегрузка

Для цитирования: Лукашенко Д.В. Психологические аспекты педагогического взаимодействия в цифровой образовательной среде: мотивация, вовлеченность и эмоциональное благополучие // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 259 – 263.

Поступила в редакцию: 23 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Lukashenko D.V.,

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Psychological aspects of pedagogical interaction in the digital educational environment: motivation, engagement, and emotional well-Being

Abstract: the article investigates pedagogical interaction in digital educational environments within. The study aims to examine the impact of digital technologies on motivation, engagement, and emotional well-being of educational process participants. Objectives include analyzing modern theoretical approaches, conducting empirical research through surveys, interviews, Moodle platform behavior analysis, and an experiment, and developing optimization recommendations. The study involved 300 students and 20 educators from Russian universities. Qualitative and quantitative methods were used: surveys with Likert scales, semi-structured interviews, Moodle analytics, and

an experiment with gamification. Results indicate that digital technologies, including gamification, enhance motivation ($r=0.42$, $p<0.01$), but information overload increases stress (62% of respondents). Emotional well-being was identified as a critical factor in interaction efficiency. The study highlights the need for a balanced approach to technology integration, considering psychological aspects of learning. Its practical significance lies in recommendations for educators and platform developers to create adaptive environments that minimize stress and improve learning efficiency. The findings can be applied to design educational systems promoting holistic personal development in digitalization contexts. The results underscore the importance of further research into the long-term effects of digital technologies.

Keywords: occupational psychology, digitalization, cognitive load, stress, ergonomics, work productivity

For citation: Lukashenko D.V. Psychological Aspects of Pedagogical Interaction in the Digital Educational Environment: Motivation, Engagement, and Emotional Well-Being. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 259 – 263.

The article was submitted: June 23, 2025; Approved after reviewing: August 20, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современная образовательная среда стремительно трансформируется под влиянием цифровых технологий. В условиях цифровизации педагогическое взаимодействие, являющееся основой образовательного процесса, приобретает новые формы, требующие глубокого психологического анализа [1]. Специальность 5.3.4 «Педагогическая психология, психодидактика» фокусируется на изучении психологических механизмов обучения и воспитания, включая влияние внешних факторов, таких как цифровые технологии, на мотивацию, вовлеченность и эмоциональное состояние учащихся и педагогов [2]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации образовательных практик к цифровой среде, где традиционные подходы к обучению сталкиваются с вызовами, связанными с информационной перегрузкой, снижением концентрации и изменением эмоциональной динамики взаимодействия [3].

Цифровые технологии, такие как образовательные платформы, искусственный интеллект и геймификация, открывают новые возможности для персонализации обучения, но одновременно создают риски для психологического благополучия участников образовательного процесса. Например, исследования показывают, что чрезмерное использование цифровых инструментов может приводить к стрессу и снижению мотивации [4]. В то же время, геймификация, как один из современных подходов, способствует повышению вовлеченности, но требует тщательной проработки для предотвращения поверхностного подхода к обучению [5]. Настоящее исследование направлено на анализ этих аспектов с целью разработки рекомендаций для оптимизации педагогического взаимодействия в цифровой среде.

Цель исследования – изучить влияние цифровых технологий на педагогическое взаимодействие с учетом психологических факторов, таких как мотивация, вовлеченность и эмоциональное благополучие. Задачи включают: 1) анализ современных теоретических подходов к педагогическому взаимодействию в цифровой среде; 2) проведение эмпирического исследования с использованием качественных и количественных методов; 3) выявление факторов, влияющих на эффективность взаимодействия; 4) разработка рекомендаций для педагогов и разработчиков образовательных платформ. Исследование опирается на междисциплинарный подход, объединяющий педагогическую психологию, психодидактику и информационные технологии [6].

Материалы и методы исследований

Методы исследования

Для достижения поставленных целей были использованы комбинированные методы, включающие качественные и количественные подходы, что соответствует рекомендациям по проведению психологических исследований [4]. Ключевыми методами стали:

1. Анкетирование: разработана анкета, включающая 25 вопросов, направленных на оценку мотивации, вовлеченности и эмоционального состояния учащихся при использовании цифровых образовательных платформ. Анкета распространялась среди 300 студентов бакалавриата и магистратуры российских вузов, обучающихся по направлению «Психология» (37.03.01). Вопросы включали шкалы Ликерта (от 1 до 5) для оценки субъективных ощущений и открытые вопросы для выявления качественных характеристик [7].

2. Полуструктурированные интервью: проведено 20 интервью с педагогами и студентами, использующими цифровые платформы (Zoom,

Moodle, Google Classroom). Интервью фокусировались на субъективном опыте взаимодействия, включая восприятие геймификации и информационной перегрузки [8].

3. Анализ поведения пользователей: использовались данные аналитики с образовательной платформы Moodle, включая время, проведенное на платформе, количество выполненных заданий и частоту взаимодействия с геймифицированными элементами (баллы, рейтинги, значки) [9].

4. Эксперимент: в двух группах студентов (экспериментальная, $n=50$; контрольная, $n=50$) проводился курс с использованием геймифицированных элементов (в экспериментальной группе) и без них (в контрольной группе). Оценивались показатели мотивации (по методике AMS-C), вовлеченности (по шкале Utrecht Work Engagement Scale) и эмоционального благополучия (по шкале PANAS) [10].

Выборка

Выборка исследования включала 300 студентов (возраст 18-25 лет, 65% женщин, 35% мужчин) из трех российских вузов (МГУ, НИУ ВШЭ, УрФУ), обучающихся по направлению «Психология». Также в исследовании участвовали 20 педагогов (возраст 30–55 лет, 70% женщин, 30% мужчин) с опытом преподавания от 5 до 20 лет. Выборка формировалась методом случайного отбора с учетом критериев активного использования цифровых платформ [11].

Инструменты

- AMS-C (Academic Motivation Scale – College): для оценки внутренней и внешней мотивации студентов [12].
- Utrecht Work Engagement Scale (UWES): для измерения вовлеченности в учебный процесс [7].
- PANAS (Positive and Negative Affect Schedule): Для оценки эмоционального благополучия [10].
- Moodle Analytics: для анализа поведенческих данных [9].
- Программное обеспечение: SPSS 26.0 для статистического анализа, NVivo для обработки качественных данных [2].

Процедура

Исследование проводилось в период с сентября 2023 по май 2024 года. Анкетирование и интервью проводились онлайн через Google Forms и Zoom. Эксперимент длился 12 недель, в течение которых студенты обеих групп проходили курс «Общая психология». Данные обрабатывались с использованием корреляционного анализа (коэффициент Пирсона), t -теста для независимых выборок и контент-анализа для качественных данных [2].

Результаты и обсуждения

Результаты анкетирования

Анкетирование показало, что 78% студентов положительно оценивают использование цифровых платформ, отмечая удобство доступа к материалам и возможность гибкого графика обучения [9]. Однако 62% респондентов сообщили о симптомах информационной перегрузки, таких как усталость и снижение концентрации [4]. Корреляционный анализ выявил умеренную положительную связь между использованием геймифицированных элементов и уровнем мотивации ($r=0.42$, $p<0.01$), но слабую отрицательную связь с эмоциональным благополучием ($r=-0.28$, $p<0.05$) [2].

Результаты интервью

Качественный анализ интервью выявил три ключевые темы:

1. Положительные аспекты цифровизации: педагоги и студенты отмечают, что цифровые платформы упрощают доступ к ресурсам и позволяют персонализировать обучение [5].

2. Информационная перегрузка: 15 из 20 педагогов указали на проблему переизбытка информации, что снижает эффективность взаимодействия [4].

3. Геймификация: студенты высоко оценивают геймифицированные элементы, но педагоги выражают озабоченность их поверхностным влиянием на мотивацию [8].

Результаты эксперимента

Эксперимент показал значимые различия между группами. В экспериментальной группе (с геймификацией) средний уровень внутренней мотивации составил 4.2 ($SD=0.6$) по шкале AMS-C, в контрольной – 3.8 ($SD=0.7$) ($t(98)=2.45$, $p<0.05$) [12]. Вовлеченность в экспериментальной группе была выше ($M=5.1$, $SD=0.8$ по UWES) по сравнению с контрольной ($M=4.6$, $SD=0.9$) ($t(98)=2.87$, $p<0.01$) [7]. Однако показатели негативных эмоций (по PANAS) в экспериментальной группе были выше ($M=2.9$, $SD=0.5$) по сравнению с контрольной ($M=2.5$, $SD=0.4$) ($t(98)=2.12$, $p<0.05$) [10].

Результаты подтверждают двойственную роль цифровых технологий в педагогическом взаимодействии. Геймификация, как отмечено в исследованиях [5], способствует повышению мотивации и вовлеченности, но ее эффект ограничен, если не учитывать эмоциональное состояние учащихся [10]. Информационная перегрузка, выявленная в исследовании, соответствует данным [4], указывающим на необходимость разработки стратегий управления информационным потоком. Важно отметить, что эмоциональное благополучие тесно связано с качеством педагогического взаимодей-

ствия, что подчеркивает значимость психодидактических подходов [6].

Полученные данные указывают на необходимость сбалансированного подхода к интеграции технологий. Например, использование адаптивных алгоритмов, основанных на искусственном интеллекте, может помочь персонализировать образовательный контент, минимизируя информационную перегрузку [3]. Кроме того, результаты подчеркивают важность подготовки педагогов к работе в цифровой среде, включая обучение методам управления стрессом и мотивацией учащихся [8].

Выводы

Проведенное исследование выявило, что цифровые технологии существенно влияют на педагогическое взаимодействие, усиливая мотивацию и вовлеченность студентов через геймификацию, но создавая риски информационной перегрузки и эмоционального выгорания [4, 5]. Эмпирические данные показывают, что геймификация эффективно повышает интерес к обучению ($r=0.42$, $p<0.01$), однако ее влияние на долгосрочную мотивацию ограничено без учета эмоционального благополу-

чия [8, 10]. Информационная перегрузка, отмеченная у 62% студентов, подчеркивает необходимость разработки стратегий управления цифровым контентом, что согласуется с современными исследованиями в области педагогической психологии [4]. Эмоциональное благополучие остается ключевым фактором, определяющим эффективность образовательного процесса в цифровой среде [6].

Для оптимизации педагогического взаимодействия рекомендуется внедрение адаптивных образовательных платформ, учитывающих индивидуальные психологические характеристики учащихся, и обучение педагогов методам управления стрессом и мотивацией [3, 8]. Геймифицированные элементы следует проектировать с акцентом на глубокое вовлечение, а не на краткосрочные стимулы [5]. Результаты исследования могут служить основой для проектирования образовательных сред, способствующих гармоничному развитию личности в условиях цифровизации, и подчеркивают важность дальнейших исследований долгосрочных эффектов цифровых технологий на образовательный процесс [6].

Список источников

1. Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 423 с. ISBN 978-5-534-03063-1 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/535923> (дата обращения: 15.04.2025)
2. Высоков И.Е. Математические методы в психологии: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 413 с. ISBN 978-5-534-15974-5.
3. Лях Т.И., Ваньков А.Б. Психологическое исследование развития субъектности будущего педагога: монография. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 317 с. ISBN 978-5-534-06189-5.
4. Вербицкий А.А. Цифровое обучение: проблемы, риски и перспективы // Homo Cyberus. 2024. № 1. С. 10 – 20. URL: https://journal.homocyberus.ru/digital_learning_problems_risks_perspectives (дата обращения: 15.04.2025)
5. Лапина М.А., Кормакова В.Н., Ирхин В.Н., Макотрова Г.В. Цифровые технологии вовлечения школьников в учебный процесс: геймификация и сторителлинг // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42. № 2. С. 280 – 289. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-2-280-289>
6. Гришина Н.В., Костромина С.Н. Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования. 2023. № 1. С. 10–25. ISSN 2075-7999.
7. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник. 5-е изд., испр. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2023. 406 с. ISBN 978-5-7567-1234-5
8. Ануфриев А.Ф., Костромина С.Н. Психология образовательной среды: современные подходы // Вестник СПбГУ. Психология. 2024. № 2. С. 45 – 60.
9. Кетрова А.А., Стефановская Е.О. Применение новых цифровых технологий в профессиональном образовании // Universum: психология и образование. 2024. № 7 (121). С. 30 – 32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68487322> (дата обращения: 15.04.2025)
10. Иванов А.А. Цифровые технологии в образовании: психологические аспекты // Психология в экономике и управлении. 2024. № 1. С. 30 – 38.
11. Носс И.Н., Васина Н.В. Введение в практику психологического исследования: учеб. пособие. Москва: Институт психотерапии, 2022. 352 с. ISBN 978-5-903182-15-2.
12. Маклаков А.Г. Общая психология. Санкт-Петербург: Питер, 2023. 592 с. ISBN 978-5-4461-1234-7
13. Психолого-педагогическое взаимодействие в образовательном процессе / под ред. И.В. Дубровиной. Москва: Юрайт, 2024. 514 с. ISBN 978-5-534-12345-6.

14. Круподерова Е.П., Круподёрова К.Р., Попенко А.Д. Освоение цифровых технологий в рамках школьного дополнительного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2. С. 189 – 191.

15. Габдулинова К.Г., Коврова М.А., Ильинская И.В., Скрыбина Д.Ю. Влияние применения детской цифровой лаборатории на развитие у младших школьников представлений о воздухе и воде // Перспективы науки и образования. 2024. № 6 (72). С. 318 – 333.

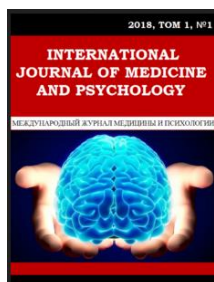
References

1. Busygina N.P. Qualitative and quantitative research methods in psychology: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 423 p. ISBN 978-5-534-03063-1. Educational platform Yurait [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/535923> (accessed: 15.04.2025)
2. Vysokov I.E. Mathematical methods in psychology: a textbook and workshop for universities. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 413 p. ISBN 978-5-534-15974-5.
3. Lyakh T.I., Vankov A.B. Psychological study of the development of subjectivity of the future teacher: monograph. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 317 p. ISBN 978-5-534-06189-5.
4. Verbitsky A.A. Digital learning: problems, risks and prospects. Homo Cyberus. 2024. No. 1. P. 10 – 20. URL: https://journal.homocyberus.ru/digital_learning_problems_risks_perspectives (date of access: 15.04.2025)
5. Lapina M.A., Kormakova V.N., Irkhin V.N., Makotrova G.V. Digital technologies for involving schoolchildren in the educational process: gamification and storytelling. Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2023. Vol. 42. No. 2. P. 280 – 289. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-2-280-289>
6. Grishina N.V., Kostromina S.N. Personality Psychology: Rethinking Traditional Approaches in the Context of Modern Challenges. Psychological Studies. 2023. No. 1. P. 10 – 25. ISSN 2075-7999.
7. Andreeva G.M. Social Psychology: Textbook. 5th ed., corrected. and additional. Moscow: Aspect Press, 2023. 406 p. ISBN 978-5-7567-1234-5
8. Anufriev A.F., Kostromina S.N. Psychology of the educational environment: modern approaches. Bulletin of St. Petersburg State University. Psychology. 2024. No. 2. P. 45 – 60.
9. Ketrova A. A., Stefanovskaya E. O. Application of new digital technologies in professional education. Universum: psychology and education. 2024. No. 7 (121). P. 30 – 32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68487322> (date of access: 15.04.2025)
10. Ivanov A.A. Digital technologies in education: psychological aspects. Psychology in Economics and Management. 2024. No. 1. P. 30 – 38.
11. Noss I. N., Vasina N. V. Introduction to the practice of psychological research: tutorial. Moscow: Institute of Psychotherapy, 2022. 352 p. ISBN 978-5-903182-15-2.
12. Maklakov A.G. General Psychology. St. Petersburg: Piter, 2023. 592 p. ISBN 978-5-4461-1234-7
13. Psychological and pedagogical interaction in the educational process. edited by I.V. Dubrovina. Moscow: Yurait, 2024. 514 p. ISBN 978-5-534-12345-6.
14. Krupoderova E.P., Krupoderova K.R., Popenko A.D. Mastering digital technologies in the framework of school additional education. Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 79-2. P. 189 – 191.
15. Gabdulina K.G., Kovrova M.A., Ilyinskaya I.V., Skryabina D.Yu. The Impact of Using a Children's Digital Laboratory on the Development of Younger Schoolchildren's Concepts of Air and Water. Prospects of Science and Education. 2024. No. 6 (72). P. 318 – 333.

Информация об авторе

Лукашенко Д.В., доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, dim-mail-ru@mail.ru

© Лукашенко Д.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 316.663

¹ Цветкова Н.А.,

¹ Кузнецова А.Ф.,

² Цветков А.В.,

¹ Московский педагогический государственный университет,

² Центр интеллектуального и профессионального развития

Иппотерапевты, работающие с детьми с ограниченными возможностями здоровья: особенности мотивации и эмоционального интеллекта

Аннотация: цель научной работы: изучение особенностей мотивации и эмоционального интеллекта у иппотерапевтов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Эмпирическое исследование проведено на выборке из 185 человек, из которых 32 человека – иппотерапевты и 153 человек – другие специалисты, работающие с детьми с ОВЗ. Были использованы психодиагностические методики а) тест-опросник А. Мехрабиана для измерения мотивации достижения (адаптация М.Ш. Магомед-Эминова); б) методика диагностики эмоционального интеллекта ЭИ (Д.В. Люсин); в) тест индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ) (адаптация Н.В. Паниной). Установлено, что большинство специалистов, работающих с детьми с ОВЗ (как иппотерапевты, так и специалисты других направлений коррекционной работы) обладают средним уровнем выраженности интегрального показателя общего уровня эмоционального интеллекта, что свидетельствует об умеренно выраженной у них способности дифференцировать свои собственные эмоции и эмоции других людей и среднем уровне способности управления чужими эмоциями. Доказано отсутствие значимых различий между показателями общего ЭИ и всех его компонент (как в межличностном, так и во внутриличностном ЭИ) у иппотерапевтов по сравнению со специалистами других направлений коррекционной работы с детьми с ОВЗ. Обнаружено, что практически у всех специалистов, работающих с детьми с ОВЗ (как у иппотерапевтов, так и у специалистов других направлений коррекционной работы) доминирующим мотивом деятельности мотив является избегания неудачи; это может свидетельствовать о высокой степени ответственности, которую налагает работа с детьми с ОВЗ, в соответствии с главной заповедью врача – «не навреди». Доказано отсутствие значимых различий между показателями мотивации к избеганию неудачи у иппотерапевтов по сравнению со специалистами других направлений коррекционной работы с детьми с ОВЗ. Выявлено, что большинство специалистов, работающих с детьми с ОВЗ (как иппотерапевты, так и специалисты других направлений коррекционной работы) обладают высоким уровнем индекса жизненной удовлетворенности (ИЖУ), при этом у иппотерапевтов выявлено наличие положительной взаимосвязи у между общим уровнем ИЖУ и несколькими компонентами ЭИ, а именно: чем лучше у иппотерапевта развиты межличностный эмоциональный интеллект, понимание и управление эмоциями, тем выше у него жизненная удовлетворенность. У иппотерапевтов установлено наличие положительной взаимосвязи между такой компонентой жизненной удовлетворенности, как интерес к жизни (противоположность апатии) с общим эмоциональным интеллектом и такими его компонентами, как управление эмоциями и внутриличностный эмоциональный интеллект: чем выше уровни общего эмоционального межличностного эмоционального интеллекта, тем выше у иппотерапевтов интерес к жизни.

Ключевые слова: иппотерапия, иппотерапевт, дети с ограниченными возможностями здоровья, эмоциональный интеллект, индекс жизненной удовлетворенности, межличностный эмоциональный интеллект, внутриличностный эмоциональный интеллект, управление эмоциями, мотивация, мотивация на избегание неудачи, мотивация на достижение успеха

Для цитирования: Цветкова Н.А., Кузнецова А.Ф., Цветков А.В. Иппотерапевты, работающие с детьми с ограниченными возможностями здоровья: особенности мотивации и эмоционального интеллекта // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 264 – 273.

Поступила в редакцию: 23 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ *Tsvetkova N.A.,*

¹ *Kuznetsova A.F.,*

² *Tsvetkov A.V.,*

¹ *Moscow Pedagogical State University*

² *Center for Intellectual and Professional Development*

Hippotherapists working with children with disabilities: features of motivation and emotional intelligence

Abstract: the purpose of this research is to study the characteristics of motivation and emotional intelligence in equine therapists working with children with disabilities. An empirical study was conducted on a sample of 185 people, of which 32 were hippotherapists and 153 were other specialists working with children with disabilities, using diagnostic techniques such as a) A. Mehrabian's test questionnaire to measure achievement motivation (adapted by M.Sh. Magomed-Eminov); b) a method for diagnosing emotional intelligence "EmIn" (D.V. Lyusin); c) the life satisfaction Index test (IHU) (adapted by N.V. Panina). It has been established that most specialists working with children with disabilities (both hippotherapists and specialists in other areas of correctional work) have an average level of expression of the integral indicator of the general level of emotional intelligence, which indicates a moderately expressed ability to differentiate their own emotions and the emotions of other people and an average level of ability to manage other people's emotions. The absence of significant differences between the indicators of general emotional intelligence and all its components (both in interpersonal and intrapersonal EI) in hippotherapists has been proven compared to specialists in other areas of correctional work with children with disabilities. It was found that almost all specialists working with children with disabilities (both hippotherapists and specialists in other areas of correctional work) have the dominant motive of activity as the motive of avoiding failure; this may indicate a high degree of responsibility imposed by working with children with disabilities, in accordance with the main commandment of a doctor – "do no harm". The absence of significant differences between the indicators of motivation to avoid failure in hippotherapists compared to specialists in other areas of correctional work with children with disabilities has been proven. It has been revealed that most specialists working with children with disabilities (both hippotherapists and specialists in other areas of correctional work) have a high level of the life satisfaction index, which means that they all have a satisfactory general psychological state, are highly satisfied with the situation in their lives and their role in this situation in general. Hippotherapists have shown a positive relationship between the overall level of life satisfaction and such components of emotional intelligence as interpersonal emotional intelligence, understanding of emotions and emotion management: the better the hippotherapist's interpersonal emotional intelligence, understanding and emotion management, the higher his life satisfaction. Hippotherapists have shown a positive relationship between such a component of life satisfaction as interest in life (the opposite of apathy) with general emotional intelligence and such components as emotion management and intrapersonal emotional intelligence: the higher the levels of general emotional interpersonal emotional intelligence, the higher the hippotherapists' interest in life.

Keywords: hippotherapy, hippotherapist, children with disabilities, emotional intelligence, life satisfaction index, interpersonal emotional intelligence, intrapersonal emotional intelligence, emotion management, motivation, motivation to avoid failure, motivation to achieve success

For citation: Tsvetkova N.A., Kuznetsova A.F., Tsvetkov A.V. Hippotherapists working with children with disabilities: features of motivation and emotional intelligence. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 264 – 273.

The article was submitted: June 23, 2025; Approved after reviewing: August 20, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Статистические данные свидетельствуют о возрастании в последние десятилетия количества детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) [1]. Согласно данным Министерства просвещения РФ, в 2023 году в стране зафиксировано более 1,5 миллионов обучающихся с ОВЗ [2]. В этой связи поиск методик оздоровления, обучения и психокоррекции детей с ОВЗ является теоретически и практически значимой задачей государственного масштаба.

С юридической точки зрения, под определение «детей с ограниченными возможностями здоровья» (ОВЗ) подпадают дети в возрасте от 0 до 18-ти лет, которые «не поставлены на учет как дети-инвалиды, но имеют определенные особенности как в физическом, так и психологическом развитии» [3]. К основным категориям детей с ОВЗ можно отнести следующие группы: дети с нарушением зрения, слуха, речи, опорно-двигательного аппарата, психологических функций, поведенческие нарушения и комплексные нарушения. Как правило, ребенок с ограниченным здоровьем и жизнедеятельностью попадает в специальные школы инклюзивного типа, где педагогами организовываются особые программы работы.

Иппотерапия, как один из подходов в психокоррекционной и психотерапевтической работы, включает в себя элементы других подходов, таких как телесно ориентированная терапия, пет-терапия и других [4, 5]. В иппотерапии коррекция состояния человека происходит в процессе его взаимодействия с лошадью. В этом процессе задействованы как телесный, так и психологический компоненты индивидуальности пациента, что позволяет оказать восстанавливающее действие на организм и излечить от физических и психических недугов [6, 7].

Иппотерапию используют как самостоятельный вид лечения либо применяют в комплексе с другими методиками, и он завоевывает все большую популярность [8]. Тем не менее, специалисты, работающие в иппотерапии, до сих пор не являлись предметом пристального интереса исследователей. Настоящее эмпирическое исследование призвано восполнить этот пробел.

В фокусе внимания проведенного исследования находятся такие личностные характеристики иппотерапевтов, как эмоциональный интеллект и мотивация.

Эмоциональный интеллект, ответственный за

распознавание эмоций – своих собственных и окружающих – является важным для работы психотерапевтов любой направленности, поскольку позволяет установить высокий уровень понимания с пациентом и регулировать психотерапевтический процесс в соответствии с эмоциональным состоянием пациента [9, 10, 11]. В последние годы эмоциональный интеллект часто используют в контексте предиктора высокого профессионализма, особенно в профессиях социомического типа «человек-человек» [12].

Мотивация также является важным компонентом деятельности психотерапевта, поскольку она, будучи деятельностью класса «человек – человек» подвержена высокому риску профессионального выгорания. А одним из эффективных противодействий профессиональному выгоранию является поддержание адекватной мотивации деятельности [13, 14].

Результаты исследования могут быть полезны как практикующим иппотерапевтам, так и тем, кто только выбирает сферу приложения своих сил и навыков в коррекционной работе с детьми с ОВЗ.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели в эмпирическом исследовании были использованы следующие психодиагностические методики: а) тест-опросник А. Мехрабиана для измерения мотивации достижения (адаптация М.Ш. Магомед-Эминова) [15]; б) методика диагностики эмоционального интеллекта «ЭмИн» (Д.В. Люсин) [16]; в) тест индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ) (адаптация Н.В. Паниной) [17]. При математической обработке полученных данных для определения статистически значимых различий был использован U-критерий Манна-Уитни; кроме того, был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Выборку эмпирического исследования составили 185 человек, из них 32 иппотерапевта и 153 других специалистов, работающих с детьми с ОВЗ (55 дефектологов, 51 коррекционный педагог, 47 нейропсихологов). Опрос проводился как в офлайн формате, так и в онлайн формате на базе АНО ДПО «Центр интеллектуального и профессионального развития».

Результаты и обсуждения

На рис. 1 представлены средние значения общего уровня эмоционального интеллекта у респондентов выборки иппотерапевтов и других специалистов.

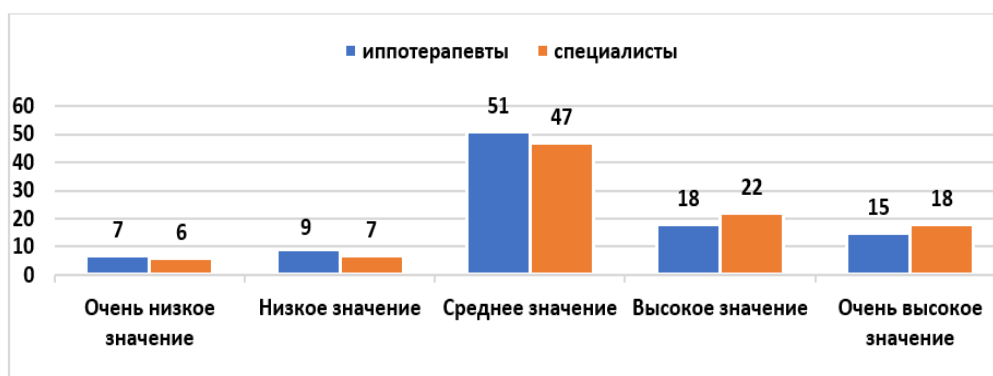


Рис. 1. Средние значения общего уровня эмоционального интеллекта у респондентов по всей выборке (в %).

Fig. 1. Average values of the general level of emotional intelligence among respondents across the entire sample (in %).

Данные, приведенные на рис. 1, показывают преобладание средних значений выраженности интегрального показателя общего уровня ЭИ: и иппотерапевтам, и специалистам других специальностей, работающим с детьми с ОВЗ, свойственны умеренно выраженные способности дифференцировать свои собственные эмоции и эмо-

ции других людей, умеренная интенсивность нежелательных эмоций, средний уровень способности управления чужими эмоциями.

Рассмотрим далее выраженность отдельных компонент ЭИ (полученные данные приведены на рис. 2 и 3).

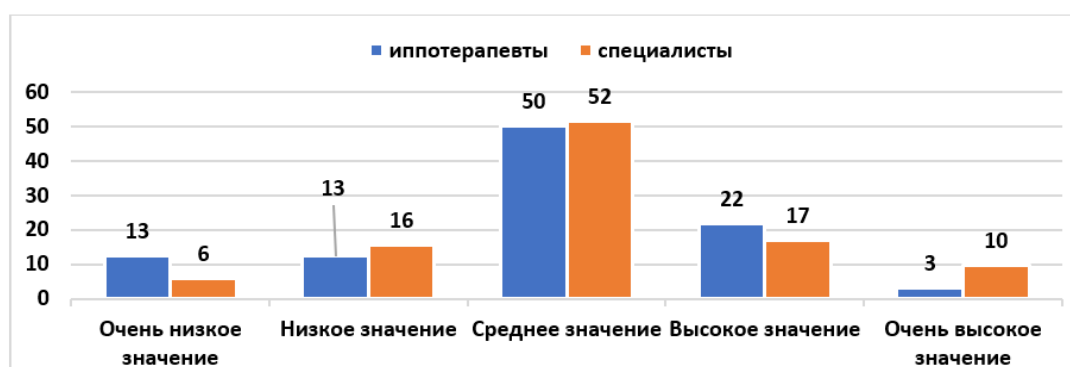


Рис. 2. Показатели межличностного эмоционального интеллекта (МЭИ) у респондентов (в %).

Fig. 2. Indicators of interpersonal emotional intelligence (IEI) among respondents (in %).

Приведенные на рис. 2 данные указывают на то, что у большинства респондентов наблюдается средний уровень межличностного эмоционального интеллекта. При этом у иппотерапевтов данный показатель выражен в несколько меньшей степени (50%), чем у других специалистов (52%); тем не менее, отсюда следует, что все специалисты, работающие с детьми с ОВЗ, могут адекватно оцени-

вать собственное эмоциональное состояние, умеют понимать эмоциональное состояние своих пациентов и чутко к нему относиться.

Из рис. 3 видно, что большинство респондентов имеют средние и высокие результаты ВЭИ. Это означает, что у респондентов хорошо развита способность к осознанию и пониманию своих и чужих эмоций.

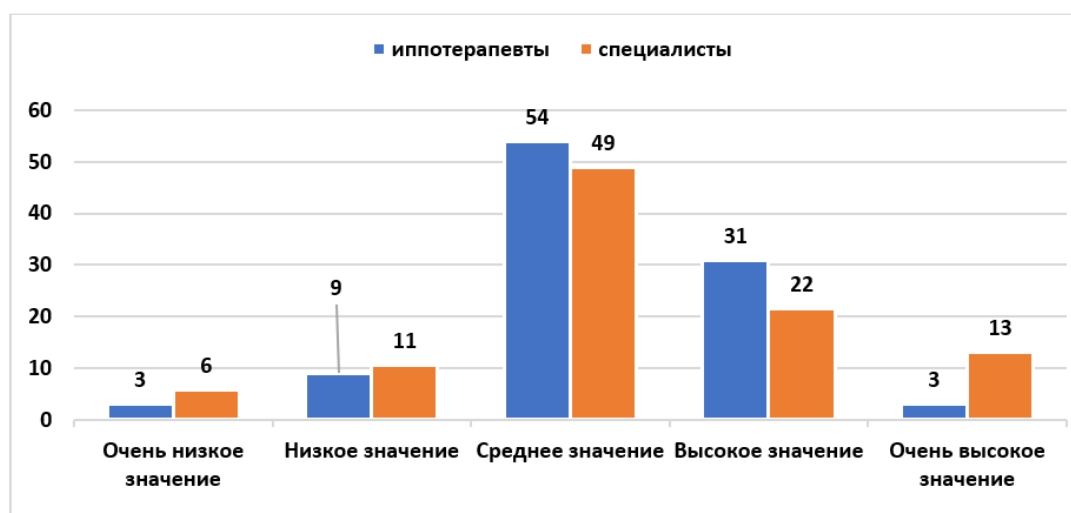


Рис. 3. Показатели внутриличностного эмоционального интеллекта (ВЭИ) у респондентов (в %).
Fig. 3. Indicators of intrapersonal emotional intelligence (IEI) among respondents (in %).

При этом значимых различий в средних значениях показателей ВЭИ у иппотерапевтов и специалистов, работающих с детьми с ОВЗ, не наблюдается. Уровень ВЭИ немного выше у иппотерапевтов. Возможно, это связано со склонностью иппотерапевтов больше анализировать свое эмоциональное состояние и отслеживать изменения, так как им еще приходится взаимодействовать не

только с ребенком, но и с лошадью и контролировать ее поведение. В этой связи им надо быть более внимательным к эмоциональным переменам и в своем собственном состоянии, и в состоянии пациента.

На рис. 4 приведены данные по такой компоненте эмоционального интеллекта, как понимание эмоций (ПЭ).

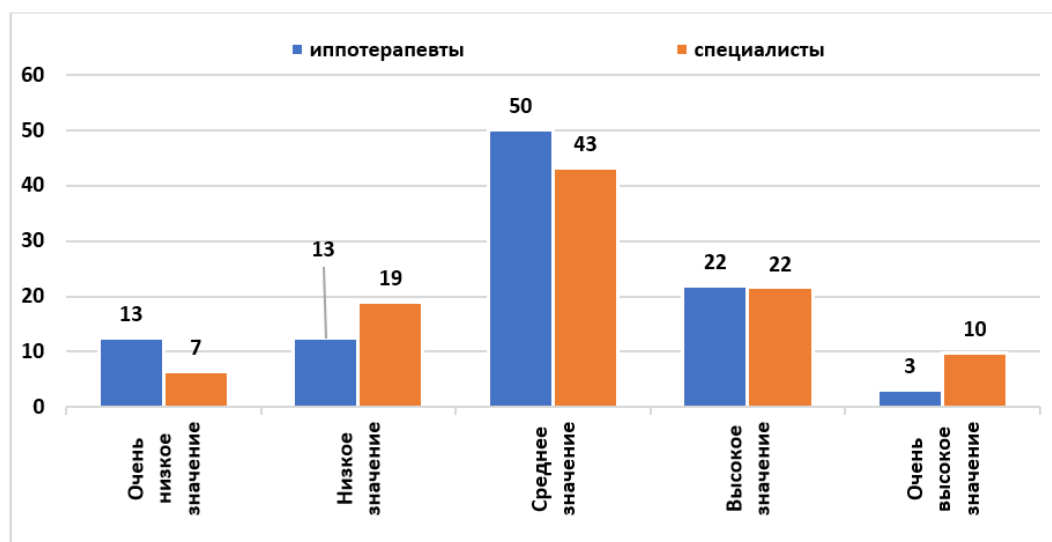


Рис. 4. Показатели компоненты ЭИ «понимание эмоций (ПЭ)» у респондентов (в %).
Fig. 4. Indicators of the EI component “understanding emotions (UE)” among respondents (in %).

Данные, свидетельствуют о том, что большинство респондентов имеют средние (50% иппотерапевты, 43% специалисты) и высокие (25% иппотерапевты, 32% специалисты). Это означает наличие хорошо развитой способности понимать свои собственные эмоции и эмоции окружающих, отсле-

живать такие проявления эмоций, как мимика, интонации голоса и т.п.

На рис. 5 приведены данные по такой компоненте эмоционального интеллекта как «управление эмоциями».

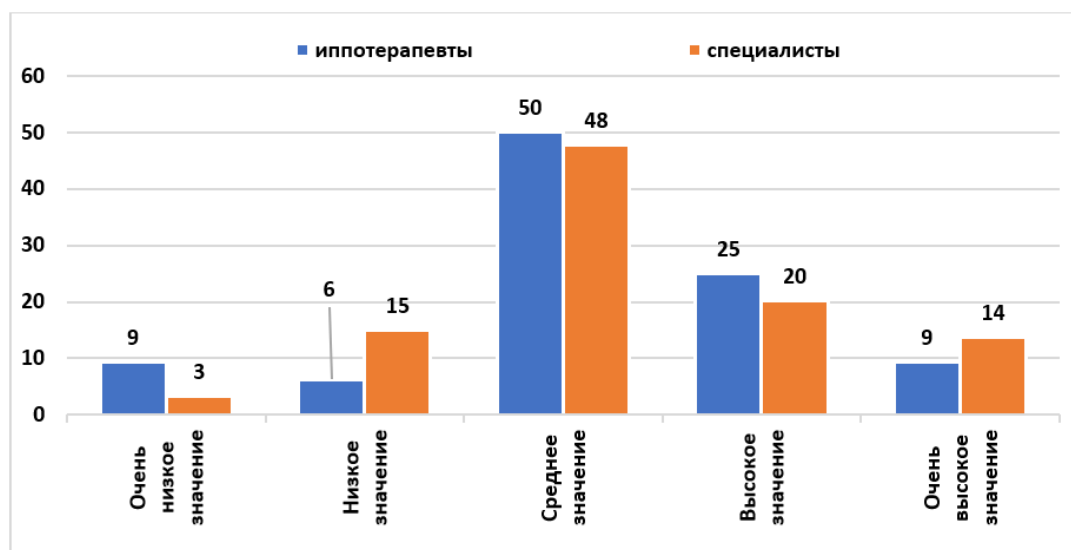


Рис. 5. Показатели «управления эмоциями (УЭ)» у респондентов (в %).
Fig. 5. Indicators of “emotion management (EM)” among respondents (in %).

Из рис. 5 видно, что у респондентов практически не наблюдаются очень низкие и низкие значения УЭ; половина респондентов имеют среднее значение, и более 30% опрошенных имеют высокие и очень высокие результаты. При этом стоит отметить, что шкала «Управление эмоциями» выражена немного больше, чем шкала «Понимание эмоций». Это означает, что большинство иппотерапевтов и других специалистов, работающих с детьми с ОВЗ, умеют управлять своими эмоциями, они способны вызывать и поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные эмоции. Это исключительно важная способность для обеспечения хорошего устойчивого эмоционального контакта с детьми-пациентами, поскольку в процессе терапии необходимо уметь снизить интенсивность возникающих негативных переживаний, проконтролировать внешние проявления своих собственных негативных эмоций.

Важно отметить, что у иппотерапевтов показатели по среднему и высокому уровню немного выше, чем у специалистов, это может свидетельствовать о развитости контроля внешних проявлений собственных эмоций.

Чтобы определить, существуют ли статистически значимые различия указанных параметров ЭИ между параметрами у иппотерапевтов и у специалистов других направлений, был использован U-критерий Манна-Уитни. Полученные значения U-критерия показали отсутствие статистически значимых различий между показателями эмоционального интеллекта у респондентов с разной профессиональной принадлежностью.

Следующим этапом нашего исследования было изучение мотивации с применением опросника А. Мехрабиана (в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова), который позволяет выяснить, какая из мотиваций (стремление к успеху или избегание неудачи) выражена сильнее (рис. 6).

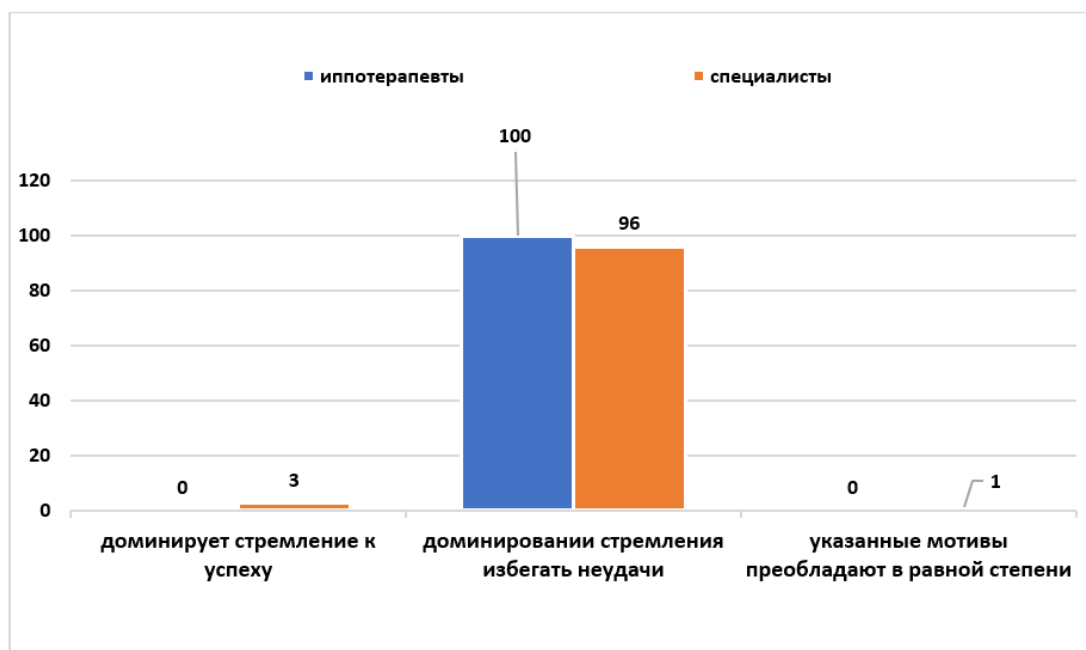


Рис. 6. Распределение результатов изучения выраженности доминирующего мотива деятельности (в %).
Fig. 6. Distribution of the results of the study of the expression of the dominant motive of activity (in %).

Из рис. 6 видно, что практически у всех опрошенных доминирующим *мотивом является избегания неудачи*. Важно заметить, что данный мотив выражен у 100 % иппотерапевтов, то все они стремятся не рисковать и избегать потенциально неудачных ситуаций, стараются не выбирать сверхсложные задачи и учитывать максимально много факторов, влияющих на удачное достижение поставленных целей. Из негативных характеристик человека с доминирующим мотивом избе-

гания неудач можно отметить склонность к тактическому в ущерб стратегическому планированию своей деятельности, страх критики и неустойчивую самооценку. Отсюда следует, что для повышения профессиональной эффективности иппотера.

Результаты, полученные с помощью теста «Индекс жизненной удовлетворенности» (ИЖУ) в адаптации Н.В. Паниной, приведены на рис. 7.

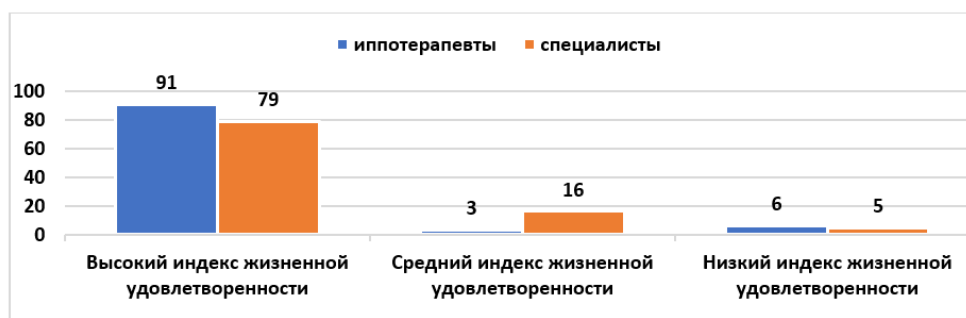


Рис. 7. Показатели индекса жизненной удовлетворённости (в %).
Fig. 7. Life satisfaction index indicators (in %).

Как видно из рисунка, большинство специалистов (91% иппотерапевтов и 79% специалистов другой направленности деятельности) имеют высокий показатель индекса жизненной удовлетворенности, что указывает на наличие у них удовлетворительного общего психологического состояния. Они чувствуют себя психологически комфортно, у них низкий уровень тревожности и эмоциональной напряженности.

Средний уровень удовлетворенности жизнью наблюдается у 16% специалистов и всего 3% опрошенных иппотерапевтов. А низкий уровень жизненной удовлетворенности встречается только у 6% иппотерапевтов и 5% специалистов.

Для выявления взаимосвязей между исследованными нами характеристиками, был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. С его помощью было установлено, что

– у иппотерапевтов общий уровень жизненной удовлетворенности положительно взаимосвязан с такими компонентами эмоционального интеллекта, как межличностный эмоциональный интеллект ($r_s=0,399$, $p \leq 0,05$), понимание эмоций ($r_s=0,395$, $p \leq 0,05$) и управление эмоциями ($r_s=0,375$, $p \leq 0,05$); что означает, что чем лучше у иппотерапевта развиты межличностный эмоциональный интеллект, понимание и управление эмоциями, тем выше у него жизненная удовлетворенность;

– у иппотерапевтов такая компонента жизненной удовлетворенности, как интерес к жизни (противоположность апатии) положительно взаимосвязан с общим эмоциональным интеллектом ($r_s=0,411$, $p \leq 0,05$) и такими его компонентами, как управление эмоциями ($r_s=0,410$, $p \leq 0,05$) и внутриличностный эмоциональный интеллект ($r_s=0,395$, $p \leq 0,05$), что означает, что чем выше уровни общего эмоционального и межличностного эмоционального интеллекта, тем выше у иппотерапевтов интерес к жизни.

Выводы

Проведенное исследование посвящено актуальной теме исследования личностных характеристик специалистов, работающих с детьми с ОВЗ. Его актуальность определяется, прежде всего, возрастанием спроса на услуги таких специалистов, что, в свою очередь, обуславливается возрастанием в последние годы количества детей с ОВЗ во всем мире, в том числе и у нас в стране.

Результаты проведенного эмпирического исследования позволяют сделать следующие выводы:

– установлено, большинство специалистов, работающих с детьми с ОВЗ (как иппотерапевты, так и специалисты других направлений коррекционной работы) обладают средним уровнем выраженности интегрального показателя общего уровня эмоционального интеллекта, что свидетельствует об умеренно выраженной у них способности дифференцировать свои собственные эмоции и эмоции других людей и среднем уровне способности управления чужими эмоциями;

– доказано отсутствие значимых различий между показателями общего эмоционального интеллекта и всех его компонент (как в межличностном, так и во внутриличностном ЭИ) у иппотерапевтов по сравнению со специалистами других направлений коррекционной работы с детьми с

ОВЗ; таким образом, эта часть выдвинутой гипотезы не подтверждена;

– обнаружено, что практически у всех специалистов, работающих с детьми с ОВЗ (как у иппотерапевтов, так и у специалистов других направлений коррекционной работы) доминирующим мотивом деятельности мотив является избегания неудачи; это может свидетельствовать о высокой степени ответственности, которую налагает работа с детьми с ОВЗ, в соответствии с главной заповедью врача «Не навреди»;

– доказано отсутствие значимых различий между показателями мотивации к избеганию неудачи у иппотерапевтов по сравнению со специалистами других направлений коррекционной работы с детьми с ОВЗ; таким образом, эта часть выдвинутой гипотезы не подтверждена;

– установлено, что у большинства специалистов, работающих с детьми с ОВЗ (как у иппотерапевтов, так и у специалистов других направлений коррекционной работы) наблюдается высокий уровень индекса жизненной удовлетворенности; отсюда следует, что их психологическое состояние вполне их устраивает, они не испытывают тревоги и других негативных эмоций по поводу своей жизни в целом;

– выявлено наличие положительной взаимосвязи у иппотерапевтов между общим уровнем жизненной удовлетворенности и такими компонентами эмоционального интеллекта, как межличностный эмоциональный интеллект ($r_s=0,399$, $p \leq 0,05$), понимание эмоций ($r_s=0,395$, $p \leq 0,05$) и управление эмоциями ($r_s=0,375$, $p \leq 0,05$); это означает, что чем лучше у иппотерапевта развиты межличностный эмоциональный интеллект, понимание и управление эмоциями, тем выше у него жизненная удовлетворенность;

– выявлено наличие положительной взаимосвязи у иппотерапевтов между такой компонентой жизненной удовлетворенности, как интерес к жизни (противоположность апатии) с общим эмоциональным интеллектом ($r_s=0,411$, $p \leq 0,05$) и такими его компонентами, как управление эмоциями ($r_s=0,410$, $p \leq 0,05$) и внутриличностный эмоциональный интеллект ($r_s=0,395$, $p \leq 0,05$), это означает, что чем выше у иппотерапевта уровень общего эмоционального и межличностного эмоционального интеллекта, тем выше у него интерес к жизни.

Список источников

1. <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
2. https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health/
3. Покровская С.В., Цветкова Н.А. Семейное воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья: монография. М.: Издательство «Издание книг ком», 2021. С. 17.

4. Инедеркина Т.А. Иппотерапия – инновационная технология психосоциальной работы и перспективное направление медицинского (лечебного) туризма // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 22. С. 76 – 80.
5. Закирова Г.Г., Хайруллина Н. А. Иппотерапия для лечения детей – инвалидов. Киров, 2017. С. 7.
6. Трубачева Т.П. Иппотерапия. Красноярск, 1998. С. 14.
7. Тусупбекова Г.Т. Иппотерапия: аргументы "за" и "против" // Наука и спорт: современные тенденции. 2016. № 1. С. 94 – 99.
8. Эскин В.Я., Левицкая Т.Е. Иппотерапия как комплексный метод восстановления и восстановления // СМЖ. 2009. № 2-2. С. 3.
9. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как фактор самоактуализации // Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под. ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М., 2009. С. 52.
10. Белкина О.А. Феноменология эмоционального интеллекта // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2009. № 4. С. 47 – 62.
11. Елизаветская Н.А. Роль эмоционального интеллекта в деятельности психолога // Акмеология. 2015. № 3 (55). С. 198.
12. Булатова А. Эмоциональный интеллект у людей помогающей профессии «человек-человек». М., 2022. С. 15.
13. Гордеева Т.О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации // СПЖ. 2016. № 62. С. 38 – 53.
14. Шомуродов О.И., Полянский А.И. Мотивация и деятельность // Universum: технические науки. 2021. № 7-1 (88). С. 18 – 21.
15. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М.: Москва, 1998. 498 с.
16. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264 – 278.
17. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.В. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. Изд-во Института Психотерапии. 2002.

References

1. <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>
2. https://edu.gov.ru/activity/main_activities/limited_health/
3. Pokrovskaya S.V., Tsvetkova N.A. Family education of children with disabilities: monograph. Moscow: Publishing house "Izdaniye knigi com", 2021. P. 17.
4. Inederkina T.A. Hippotherapy – an innovative technology of psychosocial work and a promising direction of medical (therapeutic) tourism. Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2015. Vol. 22. P. 76 – 80.
5. Zakirova G.G., Khairullina N.A. Hippotherapy for the treatment of disabled children. Kirov, 2017. P. 7.
6. Trubacheva T.P. Hippotherapy. Krasnoyarsk, 1998. P. 14.
7. Tusupbekova G.T. Hippotherapy: Pros and Cons. Science and Sport: Current Trends. 2016. No. 1. P. 94 – 99.
8. Eskin V.Ya., Levitskaya T.E. Hippotherapy as a Comprehensive Method of Recovery and Rehabilitation. SMZh. 2009. No. 2-2. P. 3.
9. Andreeva I.N. Emotional Intelligence as a Factor of Self-Actualization. Social and Emotional Intelligence: From Processes to Measurements. Ed. by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow, 2009. P. 52.
10. Belkina O.A. Phenomenology of Emotional Intelligence. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Pedagogy and Psychology. 2009. No. 4. P. 47 – 62.
11. Elizavetskaya N.A. The role of emotional intelligence in the activities of a psychologist. Acmeology. 2015. No. 3 (55). P. 198.
12. Bulatova A. Emotional intelligence in people of the helping profession "person-to-person". M., 2022. P. 15.
13. Gordeeva T.O. Motivation: new approaches, diagnostics, practical recommendations. SPZh. 2016. No. 62. P. 38 – 53.
14. Shomurodov O.I., Polyansky A.I. Motivation and activity. Universum: technical sciences. 2021. No. 7-1 (88). P. 18 – 21.
15. Magomed-Eminov M.Sh. Transformation of personality. M.: Moscow, 1998. 498 p.

16. Lyusin D.V. Questionnaire for emotional intelligence EmIn: new psychometric data. Social and emotional intelligence: from models to measurements. Ed. D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2009. P. 264 – 278.

17. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.V. Social and psychological diagnostics of personality development and small groups. M. Publishing house of the Institute of Psychotherapy. 2002.

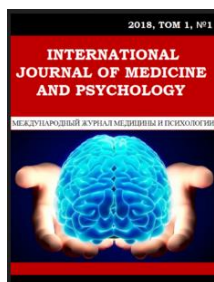
Информация об авторах

Цветкова Н.А., кандидат психологических наук, доцент, Институт педагогики и психологии, руководитель Психологической службы, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2750-835X>, Московский педагогический государственный университет, 127051 г. Москва, Малый Сухаревский переулок, д. 6, mynatulechka@maul.ru

Кузнецова А.Ф., Институт педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет, 127051 г. Москва, Малый Сухаревский переулок, д. 6, alina11032000@gmail.com

Цветков А.В., доктор психологических наук, заместитель директора по науке, Центр интеллектуального и профессионального развития, 119526, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 101, кв. 105, ats1981@gmail.com

© Цветкова Н.А., Кузнецова А.Ф., Цветков А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ Холина О.А.,

¹ Пичуев Ю.Л.,

¹ Таганрогский институт управления и экономики

Исследование изменений уровня психологического здоровья пожилых людей при участии в деятельности организации «Московское долголетие»

Аннотация: традиционно считалось, что активная деятельность оказывает существенное влияние на личность человека (стрессоустойчивость, эмоциональное состояние, самооценку, межличностные отношения, адаптацию к окружающей среде). В данной статье авторы делают обзор исследования, направленных на изучение изменений личности пожилого возраста под влиянием деятельностной составляющей в рамках организации «Московское долголетие». Вместе с тем, описывается связь данных психологических изменений (ментального здоровья) лиц пожилого возраста с теми условиями, в которых они осуществляют данную деятельность. Авторами было проведено исследование, подтверждающее связь между деятельностью в организации «Московское долголетие» и позитивными психологическими изменениями пожилых людей в области ментального здоровья. Кроме того, проведенное авторами эмпирическое исследование помогло прояснить причинно-следственные связи между улучшениями ментального здоровья пожилых и реализацией ими когнитивных функций в рамках деятельности организации «Московское долголетие». Когнитивная деятельность в определенной степени формирует личность, но на нее также воздействуют окружающая среда и лично-смысловая ориентация человека. Эти факторы также оказывают значительное влияние на ментальное здоровье личности и его характеристику. Личность взаимодействует с факторами окружающей среды, которые являются соответствующими предикторами психологических изменений и последствий.

Ключевые слова: ментальное здоровье, пожилые люди «Московское долголетие», стрессоустойчивость, эмоциональное состояние, самооценка, межличностные отношения, адаптация к окружающей среде

Для цитирования: Холина О.А., Пичуев Ю.Л. Исследование изменений уровня психологического здоровья пожилых людей при участии в деятельности организации «Московское долголетие» // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 274 – 281.

Поступила в редакцию: 24 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Kholina O.A.,

¹ Pichuev Yu.L.,

¹ Taganrog Institute of Management and Economics

Research of changes in the level of psychological health of the elderly when participating in the activities of the Moscow Longevity organization

Abstract: traditionally, it was believed that active activity has a significant impact on a person's personality (stress tolerance, emotional state, self-esteem, interpersonal relationships, adaptation to the environment). In this article, the authors review a study aimed at studying changes in the personality of the elderly under the influence of an activity component within the framework of the Moscow Longevity organization. At the same time, the relationship of these psychological changes (mental health) of elderly people with the conditions in which they carry out this activity is described. The authors conducted a study confirming the link between activities in the Moscow Lon-

gevity organization and positive psychological changes in the mental health of older people. In addition, the empirical study conducted by the authors helped clarify the cause-and-effect relationships between improvements in the mental health of the elderly and their realization of cognitive functions within the framework of the activities of the Moscow Longevity organization. Cognitive activity shapes a person to a certain extent, but it is also influenced by the environment and a person's personal semantic orientation. These factors also have a significant impact on the mental health of a person and his characteristics. Personality interacts with environmental factors that are relevant predictors of psychological changes and consequences.

Keywords: mental health, elderly people «Moscow longevity», stress tolerance, emotional state, self-esteem, interpersonal relationships, adaptation to the environment

For citation: Kholina O.A., Pichuev Yu.L. Research of changes in the level of psychological health of the elderly when participating in the activities of the Moscow Longevity organization. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 274 – 281.

The article was submitted: June 24, 2025; Approved after reviewing: August 21, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

В современной психологической науке многими учеными убедительно доказана взаимосвязь между активностью человека и его психическим здоровьем [1, с. 89], которая лежит в основе концепции о взаимосвязи жизненного опыта и личностного роста [2, с. 199]. При этом под активностью понимается деятельность в широком смысле этого слова: от физической до интеллектуальной. Не случайно у специалистов существует формулировка «интеллектуальная сохранность/полноценность», которая означает адекватное восприятие человеком себя в окружающем мире и наличие целостного запаса знаний.

Организация «Московское долголетие» ориентирована на создание условий для лиц пожилого возраста, которые позволяют сохранять и развивать когнитивно-эмоциональную и временную компетентность. На основании данных компетентностей ментальное здоровье пожилых людей значительно улучшается, что можно констатировать на основании результатов проведенного исследования.

Проведенное эмпирическое исследование дает возможность охарактеризовать положительные изменения в уровне психологического здоровья пожилых людей при участии в деятельности организации «Московское долголетие».

Материалы и методы исследований

В нашем исследовании принимали участие 105 респондентов, которые не менее полугода являлись участниками программ разного уровня, предлагаемыми «Московским долголетием». Исследование проводилось с помощью Yandex Forms среди постоянных участников организации «Московское долголетие», которые, в большинстве, являются пенсионерами в возрасте от 55 до 86 лет (86,67% от общего количества респондентов).

Пенсионеры в возрасте более 86 лет оставляют 3,8% от общего количества респондентов, а пенсионеры в возрасте менее 55 лет – 9,53% от общего количества респондентов. Баллы подсчитывались по шкале «Психологическое здоровье» [3, с. 46-47], в соответствии с которой за каждый выбор в паре суждений присваивался либо +1 балл, либо -1 балл. Мы изучали уровень психологического здоровья, используя базовую установку, в соответствии с которой психологическое здоровье позволяет человеку жить в мире с самим собой, реализовывать свои возможности, быть уверенным и настроенным на достижение целей, уметь контролировать себя.

Ключевые аспекты теста психического здоровья включают в себя пять элементов и позволяют оценить уровень стрессоустойчивости, эмоционального состояния, самооценки, межличностных отношений и адаптации к окружающей среде.

Результаты и обсуждения

Стрессоустойчивость в современной психологической науке понимается, преимущественно, как способность человека сохранять стабильное эмоциональное состояние вне зависимости от внешних факторов. Вместе с тем, нельзя не отметить, что существует достаточно большой спектр содержательных характеристик данной дефиниции: от понимания ее в качестве надситуативной активности и до позиционирования ее в качестве жизнеустойчивости [4, с. 82-82]. Для нашего исследования актуально типичное понимание стрессоустойчивости, так как деятельность организации «Московское долголетие» направлена на то, чтобы помочь представителям пожилого поколения поддерживать стабильное эмоциональное состояние и не подвергаться негативному воздействию внешних обстоятельств, что, в свою очередь, должно привести к сохранению собственной личности.

Нельзя не отметить, что стрессоустойчивость включает в себя несколько составляющих: интеллектуальной, психофизиологической, мотивационной, эмоциональной, волевой, информационной и мотивационной [5, с. 144]. Однако в рамках исследуемой проблемы наибольшей актуальностью обладает понимание структуры стрессоустойчивости в аксеологическом основании субъект-объектного формирования стрессоустойчивости. Именно в рамках данного подхода мы можем анализировать стрессоустойчивость как элемент адаптации человека в ценностной системе [6, с.35], что является базовой мотивацией вовлечения пожилых в деятельность организации «Московское долголетие».

Уровень эмоционального состояния показывает переживание человека по отношению к самому себе, к другим людям, к окружающему миру, влияющее на его деятельность, поведение, поступки. Вместе с тем, оно определяется активностью, самочувствием и настроением человека, и оказывает непосредственное влияние на психическое здоровье человека [7, с. 351].

Для нашего исследования подобное позиционирование является особенно важным, так как дает возможность соотнести эмоциональное состояние с уровнем стрессоустойчивости. Данное соотношение ярко проявляется в результатах проведенного исследования и определяется достаточной стрессоустойчивостью (более 60% респондентов) и таким же уровнем эмоционального состояния (уровень выше среднего у более, чем 60% респондентов).

Вместе с тем, нельзя не отметить, что подобная характеристика возможна именно благодаря вовлеченности респондентов в деятельность организации «Московское долголетие», так как уровень эмоционального состояния зависит от активации и тонуса, двойственности («амбивалентности»), широты спектра переживаний, доминирующей эмоции и интенсивности [8, с.174]. Именно такие условия создаются специалистами данной организации для пенсионеров и именно на поддержание высокого уровня позитивного эмоционального состояния нацелена, в конечном итоге, их деятельность.

Самооценка отражает субъективное кумулятивное восприятие людьми своего здоровья и является доказанным независимым и сильным предиктором заболеваемости, смертности и многофакторным маркером качества жизни [9, 10 wong]. Самооценка здоровья у пожилых и лиц старческого возраста схожа с клинической оценкой врачей и является сильным индикатором общего состояния здоровья, заболеваемости, физического функцио-

нирования, использования медицинских услуг и смертности [11, с. 408]. Вместе с тем, она применяется для измерения у пожилых людей целого ряда проявлений, в том числе – психического здоровья.

Применительно к данному научному исследованию можно утверждать, что достаточно высокий уровень самооценки, которую демонстрирует большинство респондентов (более 80% опрошенных), отражает уровень психического здоровья намного выше среднего, что обусловлено высоким уровнем активности [12, с. 584], путем участия пенсионеров в пешем лектории, скандинавской борьбе, спортивных играх, пении, спецпроекте по медицинской реабилитации и гимнастике «И Дзын Дзынь» (канон изменения сухожилий).

Уровень межличностных отношений, которые складываются между личностями с их психологическими и индивидуальными особенностями характера и личными качествами [13], связан с субъективно переживаемыми взаимосвязями и взаимовлияниями людей [14, с. 239]. Такие взаимосвязи с взаимовлияния определяют специфику уровней межличностных отношений: перцептивного, интерактивного и уровня взаимного притяжения / отталкивания. Вместе с тем, особенность межличностных отношений пожилых, которая заключается в наличии трех видов межличностных потребностей – включения, контроля и аффекта [15, с.58] – отсутствующих в комплексе в других возрастных группах, позволяет сделать вывод о том, что пожилые люди в максимальной степени стремятся чувствовать себя компетентными личностями, одновременно сохраняя контроль над процессом принятия решения. Формирование подобных характеристик является частью программ организации «Московское долголетие», которые ориентированы на предоставление участникам профессиональных целостных знаний, например, в области информационных технологий и ландшафтного дизайна. За счет включения пенсионеров в такие программы межличностные отношения пожилых выходят на более эффективный уровень, на котором они воспринимаются в качестве полноценных участников социума.

Наконец, уровень адаптации к окружающей среде позволяет сделать вывод о том, с какими проблемами сталкиваются пенсионеры в своей жизни. Чаще всего, это проблемы психологического характера, которые тесно связаны с отношениями в семье, феноменом одиночества, уровнем самореализации и востребованности пожилого человека [16]. На решение данных проблем, в первую очередь, и направлен проект «Московское долголетие», в рамках которого минимизируется уровень одиночества, повышается уровень само-

реализации и востребованности и, как следствие, значительно налаживаются отношения в семье. Результаты проведенного исследования подтверждают этот вывод, так как большинство опрошен-

ных (более 70%) дают стабильно положительные ответы по поводу своей сконцентрированности на делах, своей полноценности, уверенности в своих силах и высоком уровне коммуникативности.



Рис. 1. Ответы на Вопросы 7-10.

Fig. 1. Answers to Questions 7-10.

В исследовании принимали участие мужчины и женщины (80% женщин и 20% мужчин), всего – 106 человек.

Возрастные группы участвовавших в опросе респондентов определяются границами лиц моложе 55 лет и старше 86 лет. Из них самые многочисленные группы в возрасте 55-65 лет (40% от общего числа опрошенных) и 66-75 лет (35,24% от общего числа опрошенных). Группа в возрасте от 76 до 86 лет составляет 11,43%, группа в возрасте более 86 лет оставляет 3,8% и группа в возрасте менее 55 лет – 9,53%.

По результатам проведенного исследования сформировалось четыре группы: группа, в которой

около 90% респондентов выбрали в парах суждений первый ответ; группа, в которой от 80% до 89% респондентов выбрали в парах суждений первый ответ; группа, в которой от 70% до 79% респондентов выбрали в парах суждений первый ответ и группа (самая малочисленная), в которой от 60% до 69% респондентов выбрали в парах суждений первый ответ.

Самое большое количество респондентов выбрало второй ответ в 24 паре суждений, что является естественным для респондентов данной возрастной категории.

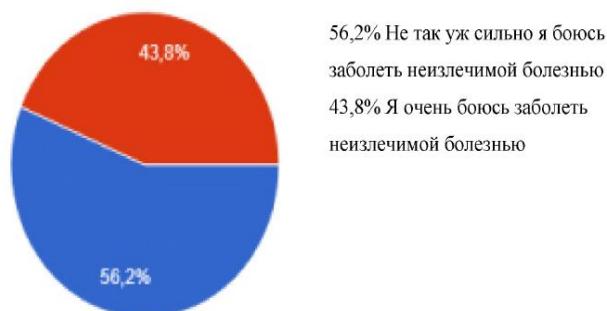


Рис. 2. Ответы на Вопрос 24.

Fig. 2. Answers to Question 24.

От 30 до 40% респондентов выбрали второй вариант ответа при ответе на пары суждений 13,16, 17, 19, 22 и 27 (Рис. 2-7).

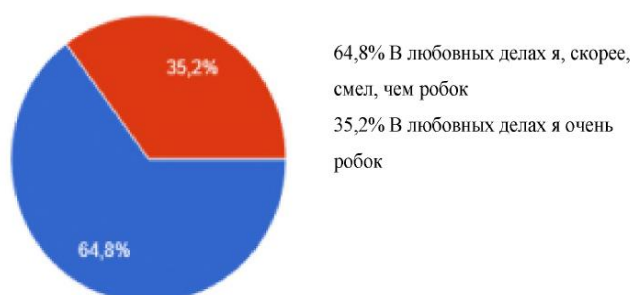


Рис. 3. Ответы на Вопрос 13.

Fig. 3. Answers to Question 13.

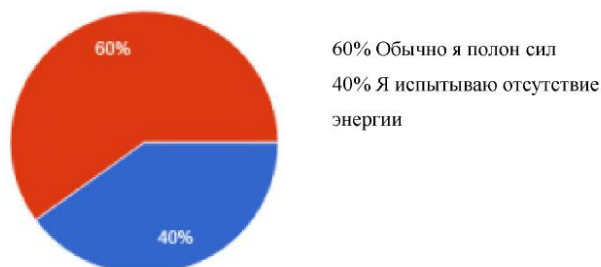


Рис. 4. Ответы на Вопрос 16.

Fig. 4. Answers to Question 16.



Рис. 5. Ответы на Вопрос 17.

Fig. 5. Answers to Question 17.



Рис. 6. Ответы на Вопрос 19.
Fig. 6. Answers to Question 19.



Рис. 7. Ответы на Вопрос 22.
Fig. 7. Answers to Question 22.

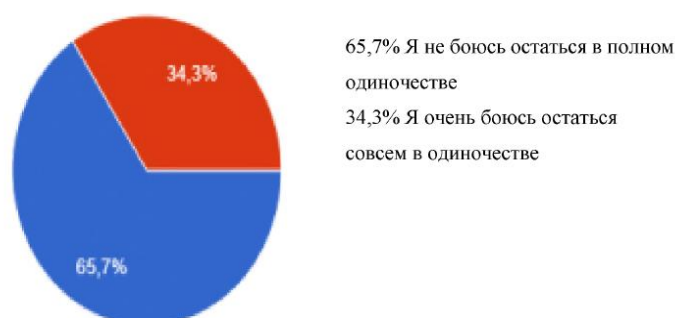


Рис. 8. Ответы на Вопрос 27.
Fig. 8. Answers to Question 27.

Менее 10% опрошенных выбрали второй ответ в парах суждений 1,5,8,15,25,28, 30 – 35,38,41 и 43. От 11 до 20% опрошенных выбрали второй ответ в парах суждений 3,4,6,7,11,12,18,20,23,29,36,37,40,42,46. От 21 до 30% опрошенных выбрали второй ответ в парах суждений 2,9,10,14,21,26,39,44,45.

Выводы

В связи с тем, что результаты опроса носят комплексный характер и позволяют определить уровень психического здоровья / нездоровья респондентов, то по результатам исследования можно сделать следующие выводы.

Исследование показало, что большинство респондентов обладают высоким уровнем психологического здоровья. Была обнаружена связь между активным участием в деятельности организации «Московское долголетие» и высоким уровнем психического здоровья, однако, не была проведена корреляция между конкретными видами участия в данной организации и отдельными уровнями самооценки, эмоционального состояния, уровня стрессоустойчивости, межличностных отношений и адаптаций к окружающей среде.

Список источников

1. Аксенова Е.И., Камынина Н.Н., Турзин П.С. Анализ взаимосвязи физического и психического здоровья населения за рубежом: обзор // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2024. № 2. С. 87 – 112.
2. Макарова Е.А., Зинин А.Ю. Саморазвитие и самоидентификация личности в современном мире // Сопровождение саморазвития личности в пространстве семьи и образовательной организации: Материалы Международной научно-практической конференции к 90-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора Куликовой Лидии Николаевны. Хабаровск, 2025. С. 197 – 203.
3. Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Психологическое здоровье: дайджест / Электрон. текстовые дан. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. 54 с.
4. Михеева А.В. Стрессоустойчивость: к проблеме определения // Полилингвильность и транскультурные практики. 2010. № 2. С. 82 – 87.
5. Самвелян Ф.Г., Кора Н.А. Стрессоустойчивость личности как психологический феномен // StudNet. 2020. № 3. С. 141 – 146.
6. Анохина С.А., Анохин А.М. Стрессоустойчивость как компонент адаптации в ценностной системе личности // Вестник ЮУрГГПУ. 2014. № 1. С. 35 – 43.
7. Маслова Т.М., Покацкая А.В. Соотношение психоэмоционального состояния и уровня стрессоустойчивости личности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. № 2 (31). С. 351 – 352.
8. Бутузова Ю.А. Психологическая сущность эмоционального состояния личности // Омский научный вестник. 2011. № 5 (101). С. 173 – 175.
9. Martins-Silva T, Hirschmann R, Bortolotto C., et al. Health self-perception and morbidities, and their relation with rural work in southern Brazil. Rural Remote Health. 2020. № 20 (1). P. 5424.
10. Wang C., Pu R., Li Z., et al. Subjective health and quality of life among elderly people living with chronic multimorbidity and difficulty in activities of daily living in rural South Africa // Clin Interv Aging. 2019. № 14. P. 1285 – 1296.
11. Сидоренков Ф.В., Кочубей А.В., Кочубей В.В., Вейс Е.Э. Самооценка здоровья и аспектов, связанных со здоровьем, у лиц пожилого и старческого возраста (обзор литературы) // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2023. № 2. С. 408 – 426.
12. Oliveira B.L.C.A., Lima S., Costa A.S.V., et al. Social participation and self-assessment of health status among older people in Brazil // Cien Saude Colet. 2021. № 26 (2). P. 581 – 592.
13. Халитова С.А. Теоретические аспекты изучения межличностных отношений в социальной психологии // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-izucheniya-mezhlichnostnyh-otnosheniy-v-sotsialnoy-psihologii> (дата обращения: 06.05.2025)
14. Еникеев М.И. Общая и социальная психология: учебник для вузов. Москва: Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 1999. 624 с.
15. Ганин Д.В. Специфика взаимосвязи межличностных отношений и самоотношения лиц пожилого возраста // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 2. С. 57 – 61.
16. Романычев И.С. Адаптация пожилого человека в городской среде и повседневные практики // Теория и практика общественного развития. 2025. № 2. С. 42 – 48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-pozhilogo-cheloveka-v-gorodskoy-srede-i-povsednevnye-praktiki> (дата обращения: 06.05.2025)

References

1. Aksenova E.I., Kamynina N.N., Turzin P.S. Analysis of the relationship between the physical and mental health of the population abroad: a review. Modern problems of health care and medical statistics. 2024. No. 2. P. 87 – 112.
2. Makarova E.A., Zinin A.Yu. Self-development and self-identification of the individual in the modern world. Supporting self-development of the individual in the space of the family and educational organization: Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Lidiya Nikolaevna Kulikova. Khabarovsk, 2025. P. 197 – 203.
3. Polyakova O.B., Bonkalo T.I. Psychological health: digest. Electronic. text data. Moscow: State Budgetary Institution "Research Institute of Health Protection of the Moscow Department of Health", 2023. 54 p.

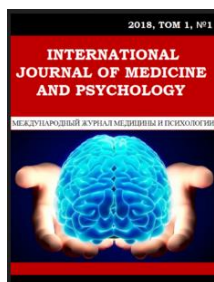
4. Mikheeva A.V. Stress resistance: towards the problem of definition. Polylingualism and transcultural practices. 2010. No. 2. P. 82 – 87.
5. Samvelyan F.G., Kora N.A. Stress resistance of a person as a psychological phenomenon. StudNet. 2020. No. 3. P. 141 – 146.
6. Anokhina S.A., Anokhin A.M. Stress resistance as a component of adaptation in the personality value system. Bulletin of SUHPU. 2014. No. 1. P. 35 – 43.
7. Maslova T.M., Pokatskaya A.V. The relationship between the psychoemotional state and the level of stress resistance of a person. Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2020. No. 2 (31). P. 351 – 352.
8. Butuzova Yu.A. Psychological essence of the emotional state of the individual. Omsk Scientific Bulletin. 2011. No. 5 (101). P. 173 – 175.
9. Martins-Silva T, Hirschmann R, Bortolotto C., et al. Health self-perception and morbidities, and their relation with rural work in southern Brazil. Rural Remote Health. 2020. No. 20 (1). P. 5424.
10. Wang C., Pu R., Li Z., et al. Subjective health and quality of life among elderly people living with chronic multimorbidity and difficulty in activities of daily living in rural South Africa. Clin Interv Aging. 2019. No. 14. P. 1285 – 1296.
11. Sidorenkov F.V., Kochubey A.V., Kochubey V.V., Veis E.E. Self-assessment of health and health-related aspects in elderly and senile individuals (literature review). Modern problems of health care and medical statistics. 2023. No. 2. P. 408 – 426.
12. Oliveira B.L.C.A., Lima S., Costa A.S.V., et al. Social participation and self-assessment of health status among older people in Brazil. Cien Saude Colet. 2021. No. 26 (2). P. 581 – 592.
13. Khalitova S.A. Theoretical aspects of the study of interpersonal relations in social psychology. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2022. No. 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-izucheniya-mezhlichnostnyh-otnosheniy-v-sotsialnoy-psihologii> (date of access: 06.05.2025)
14. Enikeev M.I. General and social psychology: textbook for universities. Moscow: Publishing group NORMA-INFRA, 1999. 624 p.
15. Ganin D.V. Specificity of the relationship between interpersonal relationships and self-attitude of the elderly. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2019. No. 2. P. 57 – 61.
16. Romanichev I.S. Adaptation of an elderly person in an urban environment and everyday practices. Theory and practice of social development. 2025. No. 2. P. 42 – 48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-pozhilogo-cheloveka-v-gorodskoy-srede-i-povsednevnye-praktiki> (date of access: 06.05.2025)

Информация об авторах

Холина О.А., кандидат психологических наук, доцент, Таганрогский институт управления и экономики, 347900, г. Таганрог, ул. Петровская, 45, xsenu@yandex.ru

Пичуев Ю.Л., аспирант, Таганрогский институт управления и экономики, 347900, г. Таганрог, ул. Петровская, 45, upichui@gmail.com

© Холина О.А., Пичуев Ю.Л., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.923

¹ Веленева Е.В.,

¹ Гаврющенко Н.К.,

¹ Челябинский государственный университет

Динамика онтологической уверенности личности в процессе кататимно-имагинативной психотерапии на примере клинических случаев

Аннотация: в статье представлен анализ динамики показателей онтологической уверенности (ОУ) у трех клиентов (Ксения, Михаил, Ирина) после прохождения курса Кататимно-имагинативной психотерапии (КИП). Онтологическая уверенность, понимаемая как базовое чувство реальности, целостности и безопасности собственного бытия, является фундаментальным аспектом психического здоровья. Исследование демонстрирует, что КИП, работая с бессознательными процессами через образы и символы, способствует значимому укреплению ОУ, проявляющемуся в снижении «ложного Я», повышении базового доверия к миру и улучшении витальных контактов. Результаты подчеркивают эффективность КИП в разрешении глубинных экзистенциальных конфликтов и формировании более аутентичного способа существования.

Ключевые слова: онтологическая уверенность, кататимно-имагинативная психотерапия (КИП), ложное Я, базовое доверие, клинический случай, психотерапия, динамика изменений

Для цитирования: Веленева Е.В., Гаврющенко Н.К. Динамика онтологической уверенности личности в процессе кататимно-имагинативной психотерапии на примере клинических случаев // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 282 – 288.

Поступила в редакцию: 24 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Vedeneva E.V.,

¹ Gavryushchenko N.K.,

¹ Chelyabinsk State University

Dynamics of ontological self-confidence in the process of cathymic-imaginative psychotherapy on the example of clinical cases

Abstract: the article presents an analysis of the dynamics of indicators of ontological confidence (OU) in three clients (Ksenia, Mikhail, Irina) after completing a course of Cathartic imaginative psychotherapy (KIP). Ontological confidence, understood as a basic sense of reality, integrity, and security of one's own being, is a fundamental aspect of mental health. The study demonstrates that KIP, working with unconscious processes through images and symbols, contributes to a significant strengthening of OU, manifested in reducing the "false Self", increasing basic trust in the world and improving vital contacts. The results highlight the effectiveness of TRC in resolving deep-seated existential conflicts and shaping a more authentic way of existence.

Keywords: ontological confidence, Cathartic imaginative psychotherapy (KIP), false self, basic trust, clinical case, psychotherapy, dynamics of change

For citation: Vedeneeva E.V., Gavryushchenko N.K. Dynamics of ontological self-confidence in the process of cathymic-imaginative psychotherapy on the example of clinical cases. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 282 – 288.

The article was submitted: June 24, 2025; Approved after reviewing: August 21, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Онтологическая уверенность (ОУ) является одной из ключевых экзистенциальных категорий, описывающих глубинное и интуитивное переживание человеком своего бытия как реального, целостного, непрерывного и безопасного (Laing, 1960; Giddens, 1991) [6, 7]. Нарушение этого фундаментального чувства, известное как онтологическая небезопасность, лежит в основе многих психопатологических состояний, проявляясь в тревоге, деперсонализации, чувстве отчуждения и трудностях в построении подлинных отношений. Недостаточность ОУ часто является следствием ранних нарушений привязанности, травматического опыта и неспособности среды обеспечить адекватное «холдинговое пространство» [10].

Кататимно-имагинативная психотерапия (КИП), или символдрама, разработанная Х. Лейнером (Leuner, 1980), представляет собой психоаналитически ориентированный метод психотерапии, использующий работу с образами и символами в состоянии расслабления. Основным механизмом действия КИП заключается в активации бессознательных процессов, позволяющей клиенту соприкоснуться с глубинными переживаниями, конфликтами и ресурсами, что способствует их интеграции и переработке. Благодаря этому КИП обладает потенциалом для работы с фундаментальными аспектами личности, включая онтологическую уверенность [8].

Целью данного исследования является анализ динамики показателей онтологической уверенности у трех клиентов (Ксения, Михаил, Ирина) до и после прохождения курса Кататимно-имагинативной психотерапии, а также выявление общих закономерностей и индивидуальных особенностей изменений.

Концепция онтологической уверенности тесно связана с представлением о базовом доверии. Эриксон описывает базовое доверие как результат успешного разрешения первой стадии психосоциального развития, когда младенец учится доверять миру и себе через стабильное и предсказуемое взаимодействие с опекуном. Нарушения этого процесса могут приводить к формированию фундаментального недоверия и, как следствие, онтологической небезопасности [5].

Р.Д. Лэинг детально описывает феномен онто-

логической небезопасности, выделяя такие ее проявления, как поглощение, взрыв и окаменение, которые отражают страх потери идентичности, разрушения или омертвления в контакте с другими. [7] Для защиты от этих угроз личность может формировать «ложное Я» – адаптивную маску, позволяющую соответствовать внешним ожиданиям, но ценой подавления подлинных чувств и потребностей. Высокий показатель «ложного Я» является прямым индикатором онтологической неуверенности и отчуждения от собственного аутентичного бытия [9].

Кататимно-имагинативная психотерапия как метод укрепления ОУ: КИП позволяет работать с бессознательным материалом, который часто содержит травматический опыт и искаженные представления о себе и мире. Через направленную работу с образами, символами и фантазиями, клиенты могут:

Переработать ранние травмы и дефициты: имажинации могут служить ареной для символического перепроживания травматических ситуаций, что позволяет снизить их эмоциональный заряд и интегрировать фрагментированный опыт [8]. Это способствует формированию более надежного «внутреннего холдингового пространства».

Восстановить базовое доверие: создание в имажинации безопасных мест, встреча с ресурсными фигурами или архетипическими образами может способствовать символическому формированию базового доверия, которое не было получено в раннем детстве.

Интегрировать «Я» и снизить «ложное Я»: работа с различными аспектами личности в образах способствует их интеграции, делая «Я» более целостным. Символическое взаимодействие с элементами «ложного Я» помогает осознать и постепенно отбросить защитные механизмы, приближаясь к подлинному «Я».

Укрепить «витальные контакты»: проживание ярких эмоциональных опытов в имажинации и их последующая вербализация способствуют развитию способности к подлинному, живому контакту с собой, миром и другими.

Материалы и методы исследований

Данное исследование выполнено в рамках качественного подхода, используя методологию множественного клинического случая. Проводится

сравнение показателей онтологической уверенности клиентов до и после курса КИП. В исследовании участвовали три клиента: Ксения, Михаил и Ирина. Выявлены высокая алекситимия и тенденция к принятию решений на основе ригидных долженствований, что сопровождалось ощущением внутренней пустоты и эмоциональной «замороженности» [2], все клиенты обращались за психотерапевтической помощью с различными запросами, в основе которых лежали проявления онтологической небезопасности (тревога, трудности в отношениях, кризис идентичности, чувство отчуждения).

Для оценки онтологической уверенности использовался опросник ОУ Н.В. Коптевой. Опросник включает две основные части:

ОУ-ПМ (Процессная модель): оценивает процессы онтологической уверенности по шкалам «Витальные контакты с миром», «Витальные контакты с людьми», «Автономия» и «Ложное Я (онтологическая неуверенность)». Высокие баллы по первым трем шкалам и низкие по четвертой свидетельствуют о высокой ОУ.

ОУ-СД (Самоописание): оценивает субъективное переживание онтологической уверенности по шкалам «Уверенность в ментальном Я», «Уверенность в теле», «Уверенность в мире», «Уверенность в людях» и «Уверенность в значимом (дело/мама)». Высокие баллы по этим шкалам указывают на более высокую ОУ.

Данные были собраны до начала психотерапии и после завершения курса КИП. Терапевтическая

работа с каждым клиентом проводилась квалифицированным специалистом по КИП.

Проводился сравнительный анализ показателей по каждой шкале ОУ-ПМ и ОУ-СД до и после терапии для каждого клиента. Интерпретация изменений осуществлялась с опорой на теоретические концепции онтологической уверенности и механизмы КИП.

Результаты и обсуждения

Представлена динамика показателей онтологической уверенности для каждого клинического случая.

1. Клинический случай Михаил: 38 лет, женат, имеет двух сыновей (4 и 7 лет). Терапия проводилась еженедельно в течение 3 месяцев.

История развития: детство Михаила характеризовалось неблагоприятной семейной атмосферой. Отец, дальнбойщик, страдал алкогольной зависимостью и проявлял физическое насилие по отношению к матери и детям. [3] Мать, учительница, оставалась в браке из финансовых соображений, объясняя это необходимостью оплаты обучения сына. Родители развелись, когда Михаил окончил институт.

Первичный запрос и текущее состояние: экзистенциальные вопросы («кто я? чего я хочу в бизнесе?»), финансовые цели («хочу миллион в месяц»), а также проработку страхов и внутренних границ, таких как долженствование быть «хорошим» и запрет на проявление агрессии [1].

Таблица 1

Результаты Михаила по методике онтологической уверенности.

Table 1

Mikhail's results using the ontological confidence method.

Шкала ОУ-ПМ	до КИП	после КИП	Динамика
Витальные контакты с миром	21	26	+ 5
Витальные контакты с людьми	30	37	+ 7
Автономия	19	23	+ 4
Ложное Я	17	15	- 2
Общий показатель ОУ-ПМ	53	71	+ 18
Шкала ОУ-СД	до КИП	после КИП	Динамика
Уверенность в ментальном Я	4.14	5.0	+ 0.86
Уверенность в теле	4.8	5.3	+ 0.5
Уверенность в мире	3.14	3.6	+ 0.46
Уверенность в людях	4.71	5.5	+0.79
Уверенность в значимом (дело)	5.85	6.0	+ 0.15
Общий показатель ОУ-СД	4.53	5.08	+0.55

Интерпретация: У Михаила наблюдается выраженное улучшение по всем шкалам ОУ. Значительный рост «Витальных контактов» свидетельствует о его способности к более глубокому и подлинному взаимодействию. Увеличение «Авто-

номии» указывает на укрепление саморегуляции. Ключевым является снижение показателя «Ложного Я», что соответствует концепции Винникотта [9] о переходе к более аутентичному функционированию. Несмотря на умеренный рост, повыше-

ние «Уверенности в мире» является фундаментальным сдвигом, поскольку даже небольшое снижение восприятия мира как угрожающего свидетельствует о восстановлении базового доверия. [3] Это указывает на то, что КИП помогла Михаилу справиться с глубинными страхами, связанными с ранним травматическим опытом.

2. Клинический случай Ирина: 13 лет, ученица 7 класса, проживает с матерью. Запрос на психотерапевтическую помощь был инициирован матерью, но поддержан самой Ириной. Проведено 12 еженедельных сессий.

Первичный запрос: Начальная сессия проводилась совместно с матерью, где были озвучены причины обращения. Мать сообщала о резких изменениях в поведении дочери: снижении успевае-

мости, проявлениях агрессии в школе и дома, а также ухудшении взаимопонимания. Основным запрос Ирины заключался в поиске самопонимания и определении дальнейших жизненных стратегий.

Семейный анамнез и история развития: Ирина – единственный ребенок в семье. Развод родителей в 12-летнем возрасте послужил значимым стрессором. Отношения родителей характеризовались напряженностью, взаимными обвинениями. Мать, обремененная необходимостью много работать для обеспечения семьи, проявляла эмоциональную недоступность. Все общение сводилось к контролю и критике по поводу оценок и телосложения Ирины («нужно худеть, для этого правильно питаться») усугубляла чувство неадекватности.

Таблица 2

Результаты Ирины по методике онтологической уверенности.

Table 2

Irina's results using the ontological confidence method.

Шкала ОУ-ПМ	до КИП	после КИП	Динамика
Витальные контакты с миром	19	22	+ 3
Витальные контакты с людьми	26	31	+ 5
Автономия	22	26	+ 4
Ложное Я	16	15	- 1
Общий показатель ОУ-ПМ	51	64	+ 13
Шкала ОУ-СД	до КИП	после КИП	Динамика
Уверенность в ментальном Я	4.14	5.4	+ 1.26
Уверенность в теле	4.27	4.6	+ 0.33
Уверенность в мире	3.14	4.0	+ 0.86
Уверенность в людях	4.71	5.5	+0.99
Уверенность в значимом (мама)	4.01	5.0	+ 0.99
Общий показатель ОУ-СД	3.97	4.84	+0.89

Интерпретация: Ирина демонстрирует впечатляющие изменения, особенно в ключевых для ее подросткового кризиса сферах. Значительный рост «Уверенности в мире» до нейтральной зоны (4.0) является показателем существенного снижения базовой тревоги и восприятия мира как угрожающего. Критически важным является существенное улучшение «Уверенности в значимом (мама)», что указывает на проработку нарушенных отношений привязанности и формирование более надежной внутренней опоры. [3] Рост «Уверенности в ментальном Я» и снижение «Ложного Я» говорят о развитии аутентичной идентичности. КИП, вероятно, помогла Ирине интегрировать ранний травматический опыт и укрепить ее базовое чувство безопасности.

3. Клинический случай Ксения: 22-летняя девушка, архитектор, обратилась за психотерапевтической помощью с жалобами на выраженную генерализованную тревогу,

неопределенность в профессиональной и личностной идентичности, а также страх повторения дисфункциональных семейных паттернов. Терапия проводилась в течение 3 месяцев в формате еженедельных онлайн-сессий.

Семейный анамнез Ксении характеризуется дисфункциональностью: напряженные родительские отношения, отягощенные хроническим употреблением алкоголя. Ксения стремилась заслужить одобрение родителей через гиперадаптивное поведение и академические достижения, но постоянные послания о ее «недостаточности» сформировали перфекционизм и глубинное убеждение в собственной неадекватности [4, 1].

В подростковом возрасте Ксения пережила травматический опыт, связанный с изменами матери и ее неадекватным вовлечением дочери в эти отношения, что привело к страхам преданности и стабильности в партнерских связях.

Непредсказуемость домашней среды после развода родителей (12 лет), их алкогольная зависимость и эмоциональная труднодоступность создали дефицит «холдингового пространства» [10], способствуя развитию хронической тревоги, паттернов гиперконтроля и нарушению базового

доверия к миру [3]. Совокупность хронических стрессов и травм развития привела к значительным проблемам с самооценкой и диффузией идентичности, проявляющимся в ее актуальном запросе и амбивалентности в отношениях.

Таблица 3

Результаты Ксении по методике онтологической уверенности.

Table 3

Ksenia's results using the ontological confidence method.

Шкала ОУ-ПМ	до КИП	после КИП	Динамика
Витальные контакты с миром	17	23	+ 6
Витальные контакты с людьми	15	19	+ 4
Автономия	26	31	+ 5
Ложное Я	21	17	- 4
Общий показатель ОУ-ПМ	37	56	+ 19
Шкала ОУ-СД	до КИТ	после КИТ	Динамика
Уверенность в ментальном Я	6.71	6.73	+ 0.02
Уверенность в теле	5.0	5.4	+ 0.4
Уверенность в мире	3.42	4.1	+ 0.68
Уверенность в людях	5.0	5.9	+0.79
Уверенность в значимом (дело)	6.57	6.57	0
Общий показатель ОУ-СД	5.34	5.74	+0.4

Интерпретация: Ксения демонстрирует наиболее выраженное снижение «Ложного Я» среди всех клиентов, что свидетельствует о существенной трансформации защитных механизмов и значительном росте аутентичности. Повышение «Уверенности в мире» до позитивной зоны указывает на снижение экзистенциальной тревоги, которую ранее Ксения компенсировала интеллектуальными достижениями. Увеличение «Витальных контактов с миром» говорит о большей открытости. Хотя «Витальные контакты с людьми» все еще остаются умеренно низкими, динамика положительна. Ее сильные стороны – «Уверенность в ментальном Я» и «в значимом (дело)» – продолжают служить стабильными ресурсами, но теперь менее выступают как маскирующие механизмы, а скорее, как здоровая опора.

Общая динамика и кросс-анализ: сравнительный анализ данных после КИП демонстрирует ряд общих и значимых изменений у всех трех клиентов, подтверждающих эффективность метода в работе с онтологической уверенностью:

Снижение «Ложного Я»: это наиболее выраженная и консистентная тенденция. Показатели «Ложного Я» снизились у всех клиентов (Михаил: с 17 до 15; Ирина: с 16 до 15; Ксения: с 21 до 17). Это указывает на то, что КИП эффективно способствует деконструкции защитных фасадов и позволяет клиентам приблизиться к своему подлинному «Я», снижая потребность в неадаптивном поведении, основанном на долженствовании и внешних

ожиданиях [9].

Повышение «Уверенности в мире»: все клиенты показали улучшение этого критически важного показателя (Михаил: с 3.14 до 3.6; Ирина: с 3.14 до 4.0; Ксения: с 3.42 до 4.1). Даже небольшие изменения в этой шкале свидетельствуют о значительном снижении базовой тревоги и формировании более надежного восприятия окружающей реальности. Работа с образами в КИП позволяет перерабатывать ранние травматические опыты, которые могли лежать в основе фундаментального недоверия к миру.

Улучшение «Витальных контактов»: у всех клиентов наблюдается повышение способности к подлинному, живому взаимодействию как с окружающим миром, так и с людьми. Это свидетельствует о снижении отчужденности и повышении способности к здоровой вовлеченности в жизнь и отношения.

Рост показателей автономии у всех клиентов указывает на развитие большей способности к саморегуляции, установлению личных границ и реализации собственного потенциала, что является важным аспектом здоровой идентичности [5].

Существенный рост общих баллов по ОУ-ПМ и ОУ-СД у всех клиентов подтверждает общее укрепление их онтологической безопасности и благополучия. Важно отметить, что даже у Ксении и Михаила, чьи общие показатели ОУ-СД были относительно высоки до терапии за счет компенсаторных механизмов, после КИП они еще более

возросли, но теперь уже на основе более здоровых и интегрированных структур личности, а не исключительно за счет компенсаций.

Полученные результаты убедительно демонстрируют эффективность Кататимно-имагинативной психотерапии в повышении онтологической уверенности у клиентов с различными клиническими профилями. Основные механизмы, лежащие в основе этих позитивных изменений, включают:

Доступ к бессознательным процессам: КИП позволяет работать с глубинными слоями психики, где коренятся ранние травмы, дефициты развития и дисфункциональные убеждения. Символическая природа имагинаций позволяет обойти защитные механизмы сознания и переработать материал, недоступный в рациональном диалоге [8].

Корректирующий эмоциональный опыт: в процессе имагинации клиент может пережить травматические сценарии в безопасной и контролируемой среде, получая новый, корректирующий опыт. Встреча с ресурсными образами (например, «матерью-кормилицей», «мудрым старцем», «надежным убежищем») способствует формированию внутренних опор и символическому восполнению дефицитов «холдингового пространства» [10].

Интеграция фрагментированного «Я»: Работа с различными аспектами личности, представленными в образах, способствует их интеграции. Это проявляется в снижении «Ложного Я» и росте ощущения внутренней целостности и аутентичности.

Формирование нового нарратива: Переработка опыта в имагинации и последующая вербализация способствуют формированию нового, более адаптивного нарратива о себе и мире, что напрямую влияет на восприятие своей онтологической уверенности.

Несмотря на позитивные результаты, следует учитывать ограничения данного исследования, обусловленные его качественным характером и

малым объемом выборки. Каждый клинический случай уникален, и общие выводы не могут быть полностью экстраполированы на всю популяцию. Включение участника подросткового возраста (Ирина) характеризуется специфическими возрастнo-психологическими особенностями, включая активное формирование идентичности и психофизиологические изменения (Erikson, 1968; Piaget, 1972). [5, 11] Это делает прямое сопоставление ее результатов со взрослой когортой методологически некорректным и требует отдельного рассмотрения. Тем не менее, полученные данные служат важным эмпирическим подтверждением теоретических представлений об эффективности КИП в работе с глубинными экзистенциальными проблемами.

Дальнейшие исследования могли бы включать более крупные выборки, использование контрольных групп, а также лонгитюдные наблюдения для оценки долгосрочной устойчивости изменений. Изучение специфических имагинаций, которые оказались наиболее эффективными для различных аспектов ОУ, также представляет научный интерес.

Выводы

Анализ динамики показателей онтологической уверенности у клиентов Ксении, Михаила и Ирины после прохождения Кататимно-имагинативной психотерапии убедительно демонстрирует значительное улучшение их ОУ. КИП оказалась эффективным методом для работы с глубинными нарушениями базового доверия, снижением проявлений «ложного Я», укреплением витальных контактов и повышением общего чувства безопасности и аутентичности бытия. Эти изменения указывают на то, что КИП способствует не только разрешению актуальных симптомов, но и фундаментальной трансформации личности на экзистенциальном уровне, позволяя клиентам обрести более целостный, уверенный и подлинный способ существования.

Список источников

1. Баранская Е.Ю. Алекситимия и ее связь с особенностями эмоциональной сферы личности // Психологический журнал. 2015. № 36 (6). С. 65 – 74.
2. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность личности: содержание и психодиагностика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № (3). С. 64 – 70.
3. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1: Attachment. Basic Books. 1969. 401 p.
4. Burns D.D. Feeling Good: The New Mood Therapy. William Morrow. 1980. 736 p.
5. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. W.W. Norton & Company. 1968. 336 p.
6. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford University Press. 1991. 27 p.
7. Laing R.D. The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. Penguin Books. 1960. 224 p.

8. Leuner H. Guided Affective Imagery: An Account of its Development and Theoretical Basis // Journal of Mental Imagery. 1980. № 4 (1). P. 73 – 92.
9. Winnicott D.W. The Theory of the Parent-Infant Relationship // International Journal of Psychoanalysis. 1960. № 41. P. 585 – 595.
10. Winnicott D.W. The Maturation Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development // International Universities Press. 1965. 182 p.
11. Piaget J. The Psychology of Intelligence. Littlefield Adams. 1972. 123 p.

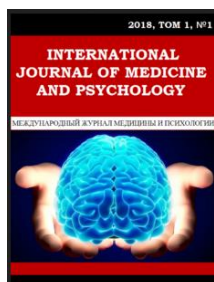
References

1. Baranskaya E.Yu. Alexithymia and its connection with the features of the emotional sphere of personality. Psychological journal. 2015. No. 36 (6). P. 65 – 74.
2. Kopteva N.V. Ontological confidence of personality: content and psychodiagnostics. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Psychological sciences. 2012. No. (3). P. 64 – 70.
3. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1: Attachment. Basic Books. 1969. 401 p.
4. Burns D.D. Feeling Good: The New Mood Therapy. William Morrow. 1980. 736 p.
5. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. W.W. Norton & Company. 1968. 336 p.
6. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford University Press. 1991. 27 p.
7. Laing R.D. The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness. Penguin Books. 1960. 224 p.
8. Leuner H. Guided Affective Imagery: An Account of its Development and Theoretical Basis. Journal of Mental Imagery. 1980. No. 4 (1). P. 73 – 92.
9. Winnicott D.W. The Theory of the Parent-Infant Relationship. International Journal of Psychoanalysis. 1960. No. 41. P. 585 – 595.
10. Winnicott D.W. The Maturation Processes and the Facilitating Environment: Studies in the Theory of Emotional Development. International Universities Press. 1965. 182 p.
11. Piaget J. The Psychology of Intelligence. Littlefield Adams. 1972. 123 p.

Информация об авторах

Веденеева Е.В., кандидат психологических наук, доцент, Челябинский государственный университет
Гаврющенко Н.К., Челябинский государственный университет

© Веденеева Е.В., Гаврющенко Н.К., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ Киреева Е.А.,

¹ Ульянова П.Н.,

¹ Уфимский университет науки и технологий

Развитие асертивного поведения подростков в кадетских классах

Аннотация: в статье авторы обосновывают необходимость развития асертивного поведения подростков в кадетских классах. С этой целью разработана программа тренинга асертивного поведения для подростков из кадетских классов. Содержание программы тренинга асертивного поведения направлено на развитие когнитивного, ценностного, эмоционального, коммуникативного компонентов. Работа с подростками была построена на принципах активности, исследовательской творческой позиции, объективации (осознания) поведения, партнерского (субъект-субъектного) общения.

Для оценки эффективности разработанной программы были использованы диагностические методики: опросник «Исследование уровня асертивности» (модифицированный В. Каппони, Т. Новак); методика «Тест коммуникативных умений» Л. Михельсона (в адаптации Ю.З. Гильбуха); методика «Тест-опросник самооотношения» (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев).

В статье представлены результаты апробации программы тренинга асертивного поведения. Реализация тренинга асертивного поведения обеспечивает развитие у кадетов позитивного самооотношения, самоприятия и самопонимания, уважения к себе и другим людям, уверенности в себе, настойчивости и компетентного типа реагирования в процессе общения.

Ключевые слова: подростки, кадеты, асертивность, асертивное поведение, программа, тренинг, развитие

Для цитирования: Киреева Е.А., Ульянова П.Н. Развитие асертивного поведения подростков в кадетских классах // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 289 – 295.

Поступила в редакцию: 25 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Kireeva E.A.,

¹ Ulyanova P.N.,

¹ Ufa University of Science and Technology

Development of assertive behavior of adolescents in cadet classes

Abstract: in the article, the authors substantiate the need to develop assertive behavior of adolescents in cadet classes. For this purpose, an assertive behavior training program for adolescents from cadet classes was developed. The content of the assertive behavior training program is aimed at developing cognitive, value, emotional, and communicative components. Work with adolescents was built on the principles of activity, research creative position, objectification (awareness) of behavior, partnership (subject-to-subject) communication.

To assess the effectiveness of the developed program, the following diagnostic methods were used: the questionnaire "Study of the level of assertiveness" (modified by V. Capponi, T. Novak); the technique "Test of communicative skills" by L. Mikhelson (adapted by Yu.Z. Gilbukh); the method "Test-questionnaire of self-attitude" (V.V. Stolin, S.R. Panteleev).

The article presents the results of testing the assertive behavior training program. The implementation of assertive behavior training ensures the development of positive self-attitude, self-acceptance and self-understanding, respect for themselves and other people, self-confidence, persistence and a competent type of response in the communication process in cadets.

Keywords: adolescents, cadets, assertiveness, assertive behavior, program, training, development

For citation: Kireeva E.A., Ulyanova P.N. Development of assertive behavior of adolescents in cadet classes. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 289 – 295.

The article was submitted: June 25, 2025; Approved after reviewing: August 22, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Одной из важнейших задач в работе практического психолога является развитие личности подростков, способных эффективно взаимодействовать с окружающими, отстаивать свои права конструктивным способом, при этом учитывая права и интересы других людей. Особенно важным становится развитие данных качеств у подростков в кадетских классах, поскольку они в будущем могут связать свою жизнь с государственной или военной службой, где требуется умение принимать решения и нести за них ответственность. В этом контексте развитие асертивного поведения подростков в кадетских классах выступает как приоритетная задача современной системы образования.

Проблему асертивности в разное время исследовали зарубежные (Дж. Вольпе, В. Каппони, А. Лазарус, Т. Новак, М. Дж. Смит, А. Солтер, и др.) и отечественные (Л.Ф. Алексеева, А.С., С.В. Бахтина, А.А. Белова, Г.Г. Вербина, И.В. Лебедева, А.А. Леонтьев, И. В. Попова и др.) психологи.

В работах зарубежных ученых асертивность рассматривается как способ эффективного поведения в социуме, противоположный агрессивности и пассивности (Дж. Вольпе, А. Вайнер, А. Лазарус, А. Солтер), как настойчивость в отстаивании своих прав (В. Каппони, Т. Новак, Р. Мэй, Р. Ульрих), как уверенность в себе (А. Ланж, П. Якубовски), как адекватность (М. Розенберг, М. Дж. Смит, А. Солтер).

Анализ работ отечественных психологов выявил различные точки зрения относительно содержания понятий «асертивность» и «асертивное поведение». А.А. Белова рассматривает асертивность как компонент межличностного взаимодействия [3]. Г.Г. Вербина считает, что асертивность – это важнейшее свойство зрелой личности [4]. Е. П. Никитин и Н. Е. Харламенкова определяют асертивность как «самоутверждение через конструктивную деятельность».

И.В. Лебедева утверждает, что в основе развития асертивности и асертивного поведения ле-

жат индивидуально-психологические черты личности: экстравертированность, открытость, чувствительность, уверенность в себе, настойчивость в достижении цели, независимость, ответственность, доминантность [7]. С.В. Бахтина в своих исследованиях доказывает, что «самооценка выступает как ключевой структурный компонент асертивного поведения» [2].

По мнению многих исследователей (Л.И. Анциферова, Дж. Вольпе, А.М. Прихожан, В.Г. Ромек и др.) препятствуют развитию асертивных качеств личности неуверенность в себе, высокая тревожность и напряженность, страх, агрессивность, неадекватная самооценка, неуравновешенность. Данные личностные качества детерминируют развитие склонности к манипулированию и повышенной агрессивности.

В своих исследованиях ученые (А.А. Битько, Э. Солтер, С.А. Степанов, Е.В. Хохлова и др.) доказывают, что уверенность в себе, адекватная самооценка, способность к сотрудничеству, самоуважение, уважительное отношение к окружающим, принятие на себя ответственности за собственную жизнь, собственное поведение обеспечивают развитие асертивного поведения.

А.А. Леонтьев рассматривает асертивность, как стабильную личностную характеристику, в структуре которой он выделяет поведенческий, когнитивный, эмоционально-ценностный и личностный компоненты [1].

Изучение асертивного поведения подростков в научной литературе посвящены труды А.С. Барановой, Е.Н. Бариновой, С.В. Бахтиной, Г.Г. Вербиной, М.С. Воробьевой, А.Ю. Горохова, Н.Н. Давидович, М.Н. Дудиной, И.В. Лебедевой, Е.А. Навдушевич, И.Э. Соколовской, Е.В. Хохловой и др. Данные исследования позволили определить подростковый возраст как ключевой этап в развитии асертивного поведения. В этот период, благодаря уже сформированной самооценке, подросток осваивает навыки контроля над своими инстинктивными реакциями, учится уверенно выражать собственную позицию, подкреплять её аргу-

ментами, демонстрируя при этом широкий спектр положительных и отрицательных эмоций.

И.Э. Соколовская в своих исследованиях утверждает, что подростков по уровням ассертивности можно разделить на три типа: высокоассертивные подростки (высокий уровень уверенности, решительности, целеустремленности, умение находить компромиссы в конфликтных ситуациях); среднеассертивные подростки (демонстрируют неустойчивую самооценку, ассертивное поведение наблюдается только в знакомых ситуациях); низкоассертивные подростки (демонстрируют излишнюю самоуверенность, социальный интеллект развит недостаточно, обычно имеют нереалистично завышенные притязания и неадекватную самооценку) [11].

Е.В. Байбуртянц, Н.Н. Давидович, М.А. Ермак, Л.В. Оганян и др. отмечают, что специфика кадетского образования создает уникальную платформу для развития ассертивного поведения, где строгая регламентация и порядок сочетаются с необходимостью формирования личной ответственности, уверенности в себе, умения эффективно взаимодействовать с окружающими. Это позволяет воспитанникам не только успешно адаптироваться к требованиям образовательного учреждения, но и заложить прочный фундамент для дальнейшего профессионального становления в сфере государственной службы.

Ассертивность в данном контексте становится показателем адекватности, зрелости личности, способной эффективно функционировать в условиях строгой регламентации и высоких требований. Важно отметить, что несформированность ассертивного поведения может привести к дезадаптации подростка в социальной сфере и формированию отклоняющихся форм поведения.

Целью эмпирического исследования является разработка и апробация программы тренинга ассертивного поведения для кадетов подросткового возраста.

Материалы и методы исследований

С целью развития ассертивного поведения подростков в кадетских классах нами была разработана программа тренинга на основе работ Ю.Ю. Аношкиной, М.С. Воробьевой, А.Ю. Горохова, Л.В. Макарова, Л.В. Оганян, А. Солтера. Программа тренинга ассертивного поведения для подростков из кадетских классов рассчитана на 34 часа и состоит из 4 разделов. Содержание разделов направлено на развитие когнитивного (осознание необходимости развития рационального мышления, позитивного самоотношения, ассертивного поведения), ценностного (понимание и принятие самооценности, ценности

других людей), эмоционального (способность к проявлению эмпатии, эмоциональной саморегуляции), коммуникативного (коммуникативная компетентность, дипломатичность в общении) компонентов. В процессе работы с подростками были реализованы принципы работы: принцип активности, исследовательской творческой позиции, объективации (осознания) поведения, партнерского (субъект-субъектного) общения.

Для оценки эффективности разработанной программы были использованы диагностические методики: опросник «Исследование уровня ассертивности» (модифицированный В. Каппони, Т. Новак); методика «Тест коммуникативных умений» Л. Михельсона (в адаптации Ю.З. Гильбуха); методика «Тест-опросник самоотношения» (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев).

В процессе исследования применялись математико-статистические методы (вычисление средних арифметических, стандартных отклонений, непараметрический U-критерий Манна – Уитни), качественный анализ результатов исследования. Вычисления выполнялись с использованием компьютерных программ «SPSS Statistics 21.0».

Экспериментальную группу (ЭГ) составили 29 человек, контрольную группу (КГ) – 30 человек. Всего 59 подростков из 8-9 кадетских классов МАОУ СОШ №4 (г. Стерлитамак, Республика Башкортостан).

Результаты и обсуждения

Анализ полученных результатов по методике «Исследование уровня ассертивности» (модифицированный В. Каппони, Т. Новак) на констатирующем этапе исследования показывает, что у респондентов показатели уровня ассертивности различны. Так, по шкале «Независимость, автономность» высокий уровень выявлен у 25,42% (15 человек) испытуемых, средний уровень – у 47,46% (28 человек) испытуемых, низкий уровень выявлен у 27,12% (16 человек) испытуемых. По шкале «Уверенность, решительность, опора на свои силы» высокий уровень выявлен у 23,73% (14 человек) испытуемых, средний уровень – у 49,15% (29 человек) испытуемых, низкий уровень – у 27,12% (16 человек) испытуемых.

По шкале «Социальная желательность ответов» получены следующие результаты: средний уровень выявлен у 27,12% (16 человек) испытуемых, низкий уровень – у 72,88% (43 человека) испытуемых, что свидетельствует о достоверности ответов подростков.

С целью выявления у испытуемых коммуникативной компетентности нами была использована методика «Тест коммуникативных умений» Л. Михельсона (в адаптации Ю.З.

Гильбуха). Анализ результатов исследования свидетельствует, что у испытуемых показатели типа реагирования в процессе общения различны. Уверенный тип реагирования (компетентный) в процессе общения выявлен у 30,5% (18 человек) испытуемых. Такие подростки характеризуются определенной степенью уверенности, самоуважения, ясности в выражении своих мыслей и чувств. Они проявляют интерес к мнению собеседника, способны адекватно реагировать на его высказывания, соблюдать границы в процессе общения, умеют говорить «нет», защищать свои интересы.

Зависимый тип реагирования выявлен у 44,08% (26 человек) испытуемых. Испытуемые обычно ориентированы на внешние оценки со стороны других людей, их эмоциональное состояние может зависеть от того, как их воспринимают окружающие. Агрессивный тип реагирования в процессе общения выявлен у 25,42% (15 человек) испытуемых. Такие подростки стремятся доминировать над собеседником, диктовать свою точку зрения, добиваться своих целей без учета мнения и интересов окружающих. Они редко слушают собеседника и не уважают точку зрения других, могут быть упрямыми, настаивать на своем мнении даже в случае наличия обоснованных аргументов со стороны собеседника.

С целью выявления у испытуемых самооотношения мы применяли методику «Тест-опросник самооотношения» (ОСО) В.В. Столина, С.Р. Пантелеева. Полученные результаты доказывают, что у большинства подростков преобладают средние значения по шкалам самооотношения (табл. 1).

Результаты проведенного констатирующего этапа исследования демонстрируют, что у большинства подростков наблюдается средний уровень независимости, автономности и уверенности, решительности, опоры на свои силы, плохо понимают свои мотивы и побуждения, не осознают свою самооценку, не ожидают положительного восприятия себя со стороны других людей. У них

преобладает зависимый тип реагирования в процессе общения. положительные ожидания восприятия.

На формирующем этапе исследования в ЭГ подростков была реализована программа тренинга асертивного поведения, которая рассчитана на 34 часа. Занятия проводились 2 раза в неделю.

На занятиях изучались такие темы, как «асертивное поведение», «саморегуляция», «рациональные и иррациональные убеждения», «конструктивное поведение в конфликте», что обеспечивает развитие когнитивного и ценностного компонентов асертивного поведения подростков.

Практическая часть тренинга, обеспечивает развитие эмоционального и коммуникативного компонентов асертивного поведения подростков. Здесь формируется позиция адекватного, уверенного в себе человека, который с уважением относится к себе и окружающим людям, способен в процессе общения применять компетентные типы реагирования.

В ходе проведения занятий применялись методы активного социально-психологического обучения: групповая дискуссия, ролевая игра, метод анализа конкретных ситуаций (МАКС), тренинговые упражнения.

На контрольном этапе исследования была проведена повторная диагностика в КГ и ЭГ подростков. У респондентов в ЭГ средние показатели компетентного (уверенного) типа реагирования (методика Л. Михельсон) увеличились с 6,94 до 12,92 баллов ($U_{\text{эмп}}=269,500$ при $p \leq 0,01$), а средние показатели агрессивного типа реагирования уменьшились с 4,465 до 3,36 баллов ($U_{\text{эмп}}=309,500$ при $p \leq 0,05$). Средние показатели зависимого типа реагирования у подростков ЭГ уменьшились с 12,5948 до 7,72 баллов ($U_{\text{эмп}}=262,500$ при $p \leq 0,01$) (табл.1).

Таблица 1

Динамика показателей типов реагирования подростков.

Table 1

Dynamics of indicators of response types of adolescents.

Типы реагирования	КГ			ЭГ		
	Конст этап	Контр этап	U-критерий Манна-Уитни	Конст. этап	Контр. этап	U-критерий Манна-Уитни
Уверенный	6,64	6,67	5411,500	6,94	12,92	269,500**
Агрессивный	4,562	4,695	5511,500	4,465	3,36	309,500*
Зависимый	12,5048	12,543	5411,500	12,5948	7,72	262,500**

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Note: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$.

Следовательно, подростки ЭГ стали более компетентными в общении, менее агрессивными и зависимыми от мнения других людей. У подростков КГ показатели компетентного, агрессивного и зависимого типа реагирования изменились незначительно.

Полученные результаты исследования по методике «Тест-опросник самооотношения» (ОСО) В.В. Столина, С.Р. Пантелеева доказывают, что у респондентов ЭГ отмечаются статистически значимые изменения показателей по шкалам «Интегральная шкала» ($U_{\text{эмп}}=262,500$ при $p \leq 0,01$), «Самопонимание» ($U_{\text{эмп}}=263,000$ при $p \leq 0,01$),

«Самоинтерес» ($U_{\text{эмп}}=259,000$ при $p \leq 0,01$), а также по шкалам «Самоуверенность» ($U_{\text{эмп}}=323,500$ при $p \leq 0,05$), «Самопринятие» ($U_{\text{эмп}}=312,500$ при $p \leq 0,05$), «Самоуважения» ($U_{\text{эмп}}=311,500$ при $p \leq 0,05$), Аутосимпатия» ($U_{\text{эмп}}=305,500$ при $p \leq 0,05$), «Ожидаемого отношения от других» ($U_{\text{эмп}}=307,500$ при $p \leq 0,05$). По шкале «Самообвинение» в ЭГ испытуемых из кадетских классов произошло снижение средних значений с 4,228 до 3,3137 баллов ($U_{\text{эмп}}=303,000$ при $p \leq 0,05$) (табл. 2).

Таблица 2

Динамика показателей самооотношения подростков.

Table 2

Dynamics of self-esteem indicators in adolescents.

Шкалы	КГ			ЭГ		
	Конст. этап	Контр. этап	U-критерий Манна-Уитни	Конст. этап	Контр. этап	U-критерий Манна-Уитни
Интегральная	16,316	16,37	1235,000	16,25	20,26	262,500**
Самоуважение	9,72	9,941	1250,500	9,807	11,588	311,500*
Аутосимпатия	9,964	9,196	1534,000	9,07	11,039	305,500*
Ожидаемое отношение других людей	8,228	8,64	1485,000	8,456	10,333	307,000*
Самоинтерес	6,175	6,235	1592,000	6,175	9,882	259,000**
Самоуверенность	4,965	5,745	1518,500	4,07	7,0588	323,500*
Отношение других людей	5,649	5,1764	1536,000	5,737	6,7647	306,500*
Самопринятие	5,158	4,291	1521,000	5,193	5,8431	312,500*
Саморуководство	4,105	4,294	1478,500	4,316	4,411	1229,000
Самообвинение	4,597	4,275	1349,500	4,228	3,3137	303,500*
Самоинтерес	5,018	5,2549	1486,500	5,140	6,588	310,500*
Самопонимание	3,035	3,333	1444,500	3,298	7,2549	263,000**

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Note: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Следовательно, у подростков ЭГ повысилось самопринятие и самопонимание, позитивное самооотношение и самоуважение, у них увеличились положительные ожидания восприятия себя со стороны других людей. Подростки ЭГ стали больше ценить себя и окружающих людей.

Сравнительный анализ динамики показателей у респондентов в КГ и ЭГ по методике «Исследование уровня асертивности» (модифицированный В. Каппони, Т. Новак) на контрольном этапе эксперимента представлен в табл. 3.

Таблица 3

Динамика показателей по шкалам ассертивности у подростков.

Table 3

Dynamics of indicators on assertiveness scales in adolescents.

Шкалы	КГ			ЭГ		
	Конст. этап	Контр этап	U-критерий Манна-Уитни	Конст этап	Контр этап	U-критерий Манна-Уитни
Независимость, автономность	4,316	5,37	1235,000	4,309	7,25	263,500**
Уверенность, решительность, опора на свои силы	4,72	5,941	1250,500	4,69	7,807	270,000**
Социальная желательность	2,91	3,1	1134,000	2,92	3,09	1049,500

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$.

Note: * $p \leq 0.05$; ** $p \leq 0.01$.

Анализ результатов исследования ассертивного поведения подростков показывает, что у испытуемых ЭГ отмечаются статистически значимые положительные изменения по шкалам ассертивности: «Независимость, автономность» ($U_{\text{эмп}} = 263,500$ при $p \geq 0,01$), «Уверенность, решительность, опора на свои силы» ($U_{\text{эмп}} = 270,500$ при $p \geq 0,01$). В КГ подростков из кадетских классов статистически значимых изменений не выявлено.

Сравнительный анализ результатов респондентов ЭГ и КГ на контрольном этапе эксперимента показал, что у подростков экспериментальной группы отмечаются статистически значимые изменения в показателях по шкалам ассертивности. Изменения показателей по шкалам ассертивности в контрольной группе подростков из кадетских классов имеют незначительную положительную

динамику, которая не является статистически значимой.

Выводы

Развитие ассертивного поведения подростков в кадетских классах – это сложный и многогранный процесс. Реализация программы тренинга ассертивного поведения, содержащая когнитивный, ценностный, эмоциональный и коммуникативный компоненты, обеспечивает развитие у кадетов подросткового возраста таких личностных качеств, как уверенность в себе, независимость в суждениях, самопринятие и самопонимание, самоуважение и уважение окружающих людей, способность компетентно взаимодействовать в процессе общения и конструктивно реагировать в проблемных ситуациях.

Список источников

1. Барина Е.Н. К вопросу о теоретических подходах к пониманию ассертивности как структурного качества личности // Молодой ученый. 2023. № 3 (450). С. 45 – 46.
2. Бахтина С.В. Взаимосвязь ассертивности и самооценки у подростков // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 48. С. 1973 – 1977.
3. Белова А.А. Ассертивность как компонент межличностного взаимодействия // StudArctic Forum. 2024. Т. 9. № 1. С. 101 – 109.
4. Вербина Г.Г. Ассертивность и конгруэнтность – важнейшие свойства зрелой личности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2019. № 4 (91). С. 30 – 32.
5. Горохов А.Ю., Макаров Ю.В. Социально-психологический тренинг как метод формирования ассертивного поведения подростков // Психология человека в образовании. 2019. № 1. С. 91 – 96.
6. Дудина М.Н. Ассертивность личности как цель, процесс и результат в образовании // Специальное образование. 2020. № 2 (58). С. 132 – 149.
7. Лебедева И.В. Психологические детерминанты ассертивности личности: дис. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2014. 204 с.
8. Липунова Е.А. Формирование навыков ассертивности у подростков во внеурочной деятельности // Студент и научно-технический прогресс: Сборник трудов XLVIII научной конференции молодых ученых, Челябинск, 01-30 апреля 2024 года. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2024. С. 275 – 277.

9. Навдушевич Г.В. Развитие ассертивности в контексте преодолевающих стратегий в подростковом и раннем юношеском // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: Материалы V Международной научной конференции: в 2-х томах. 2019. С. 290 – 294.
10. Оганян Л.В. Формирование ассертивности подростков-воспитанников кадетской школы: автореф. дис. ... канд. педаг. наук / Моск. гос. гум. ун-т им. М.А. Шолохова. Москва, 2012. 25 с.
11. Соколовская И.Э. Психологические особенности поведения в конфликтных ситуациях подростков с разным уровнем ассертивности. М.: Логос, 2021. 154 с.

References

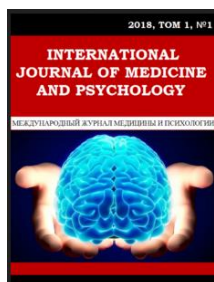
1. Barinova E.N. On the issue of theoretical approaches to understanding assertiveness as a structural quality of personality. Young scientist. 2023. No. 3 (450). P. 45 – 46.
2. Bakhtina S.V. The relationship between assertiveness and self-esteem in adolescents. Innovations. Science. Education. 2021. No. 48. P. 1973 – 1977.
3. Belova A.A. Assertiveness as a component of interpersonal interaction. StudArctic Forum. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 101 – 109.
4. Verbina G.G. Assertiveness and congruence are the most important properties of a mature personality. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Cognition. 2019. No. 4 (91). P. 30 – 32.
5. Gorokhov A.Yu., Makarov Yu.V. Social and psychological training as a method for forming assertive behavior in adolescents. Human psychology in education. 2019. No. 1. P. 91 – 96.
6. Dudina M.N. Personality assertiveness as a goal, process and result in education. Special education. 2020. No. 2 (58). P. 132 – 149.
7. Lebedeva I.V. Psychological determinants of personality assertiveness: dis. ... Cand. of Psychological Sciences. Krasnoyarsk, 2014. 204 p.
8. Lipunova E.A. Formation of assertiveness skills in adolescents in extracurricular activities. Student and scientific and technical progress: Collection of works of the XLVIII scientific conference of young scientists, Chelyabinsk, April 01-30, 2024. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2024. P. 275 – 277.
9. Navdushevich G.V. Development of assertiveness in the context of overcoming strategies in adolescence and early youth. Psychology of stress and coping behavior: challenges, resources, well-being: Proceedings of the V International scientific conference: in 2 volumes. 2019. P. 290 – 294.
10. Oganyan L.V. Formation of assertiveness of adolescent pupils of a cadet school: author's abstract. dis. ... Cand. Pedagogical Sciences. Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov. Moscow, 2012. 25 p.
11. Sokolovskaya I.E. Psychological features of behavior in conflict situations of adolescents with different levels of assertiveness. Moscow: Logos, 2021. 154 p.

Информация об авторах

Киреева Е.А., кандидат психологических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, г. Стерлитамак, проспект Ленина 49, kireeva24-128@mail.ru

Ульянова П.Н., Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, г. Стерлитамак, проспект Ленина 49, polina.ulyanova.2001@inbox.ru

© Киреева Е.А., Ульянова П.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9:39

¹ Реунов Ю.С.,

¹ Центр египтологических исследований Российской академии наук

Этнопсихологические особенности картины мира в традиционных культурах

Аннотация: в статье представлены результаты комплексного исследования этнопсихологических особенностей формирования и функционирования картины мира в традиционных культурах. Основная цель исследования состоит в разработке интегративной структурно-функциональной модели, объясняющей механизмы сохранения и трансформации сознания представителей традиционных культур в условиях глобализации. В работе последовательно решаются следующие задачи: анализ структурных компонентов картины мира (архетипов, аксиологем, мифологем) и их функционального взаимодействия; изучение роли идеологии как системообразующего элемента, интегрирующего символические и ценностные аспекты традиционного сознания; выявление адаптационных механизмов традиционных обществ к современным социокультурным вызовам; оценка влияния глобализации на процессы деконтекстуализации культурных форм при сохранении их глубинного символического значения. Методологическую основу исследования составляют сравнительный анализ, системный подход и междисциплинарный синтез достижений этнопсихологии, культурной антропологии и когнитивной психологии. Особое внимание уделяется разработке оригинальной многоуровневой модели, учитывающей как универсальные закономерности функционирования традиционного сознания, так и культурно-специфические особенности различных этнических сообществ. Результаты исследования обладают значительным практическим потенциалом и могут быть применены: при разработке государственных программ сохранения нематериального культурного наследия; в создании образовательных программ по межкультурной коммуникации; в психолого-педагогическом сопровождении адаптации представителей традиционных культур; в консультативной практике работы с мигрантами; в социально-культурном проектировании и разработке этнотуристических программ. Предложенная модель открывает новые перспективы для дальнейших сравнительных исследований в области этнопсихологии и культурной антропологии, а также может служить методологической основой для прикладных разработок в сфере межэтнического взаимодействия и культурной политики.

Ключевые слова: этнопсихология, картина мира, традиционная культура, архетипы, идеологии, мифологемы, глобализация, культурный код, этническое сознание

Для цитирования: Реунов Ю.С. Этнопсихологические особенности картины мира в традиционных культурах // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 296 – 307.

Поступила в редакцию: 25 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Reunov Yu.S.,

¹ Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences

Ethnopsychological features of the worldview in traditional cultures

Abstract: this article is a comprehensive study of the ethnopsychological features of the formation and functioning of the picture of the world in traditional cultures. The author's concept considers the picture of the world as a complex multi-level system, including three interconnected structural components: archetypes as the deep foundations of the collective unconscious, axiologemes as value-normative constructs and mythologemes as narrative models of worldview. These elements form a stable system that performs the most important adaptive, value-

normative and meaning-forming functions in traditional societies. The central place in the study is occupied by the analysis of the ideologeme as a system-forming element of traditional consciousness, integrating ideological, symbolic and cultural aspects. The author conducts a critical review of the main theoretical approaches to the study of the picture of the world, including modern achievements of ethnopsychology, methodological developments of cognitive anthropology and the conceptual apparatus of depth psychology. On this basis, an original structural and functional model of the worldview in traditional societies has been developed, taking into account both universal patterns and culturally specific features. The empirical part of the study demonstrates the transformation processes occurring with traditional models of worldview under the influence of globalization. Particular attention is paid to the analysis of the paradoxical combination of decontextualization of cultural forms with the preservation of their deep symbolic meaning. The work examines in detail the mechanisms of cultural stability and adaptation strategies of traditional societies in the context of rapid socio-cultural changes. The research results have significant practical potential and can be applied: in the development of state programs for the preservation of intangible cultural heritage; in the creation of educational programs for intercultural communication; in psychological and pedagogical support for the adaptation of representatives of traditional cultures; in the consultative practice of working with migrants; in socio-cultural design and the development of ethnotouristic programs. The proposed model opens up new prospects for further comparative research in the field of ethnopsychology and cultural anthropology, and can also serve as a methodological basis for applied developments in the field of interethnic interaction and cultural policy.

Keywords: ethnopsychology, picture of the world, traditional culture, archetypes, ideologemes, mythologemes, globalization, cultural code, ethnic consciousness

For citation: Reunov Yu.S. Ethnopsychological features of the worldview in traditional cultures. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 296 – 307.

The article was submitted: June 25, 2025; Approved after reviewing: August 23, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современные процессы глобализации, характеризующиеся интернационализацией, информатизацией и культурной трансформацией, оказывают значительное влияние на традиционные общества [12; 13; 38, р. 18-22]. Это приводит к переосмыслению этнических констант, изменению культурных кодов и модификации картины мира, формируемой в рамках традиционных культур. Несмотря на возрастающий интерес к этнопсихологическим исследованиям [43, 44], феномен картины мира в традиционных обществах остается недостаточно изученным в рамках социально-психологического знания. Большинство существующих работ сосредоточено на когнитивно-антропологических и лингвистических аспектах, тогда как структурно-психологический анализ данного феномена требует дальнейшей разработки [20].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления трансформаций этнической картины мира в условиях современных социокультурных изменений. Традиционные культуры, сохраняющие архаичные элементы мировосприятия, представляют особый интерес для понимания механизмов устойчивости и адаптации коллективного сознания [15, 18]. Кроме того, анализ структурных компонентов картины мира (включая архетипические образования, аксиологические конструкты и мифологические репрезентации) предоставляет методологическую основу для выявления

как универсальных, так и культурно-специфических характеристик этнопсихологических моделей.

Цель настоящего исследования заключается в системном анализе этнопсихологических детерминант картины мира традиционных культур с акцентом на ее ключевые структурные элементы: идеологические конструкты, архетипические паттерны и мифологические нарративы. Для достижения поставленной цели решаются следующие исследовательские задачи: во-первых, выполнить критический анализ существующих теоретико-методологических подходов к изучению феномена картины мира – в этнопсихологии и смежных дисциплинах; во-вторых, определить структуру и функции ключевых элементов картины мира в традиционных культурах; в-третьих, проанализировать влияние глобализации на трансформацию традиционных моделей мировосприятия.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют: концепции этнопсихологии (С.В. Лурье, В.П. Зинченко); теория архетипов К.Г. Юнга; подходы когнитивной антропологии (Р. Редфилд); анализ культурных кодов и идеологем (В.В. Зотов).

Научная новизна работы заключается в систематизации структурных уровней картины мира традиционных культур и выявлении механизмов

их трансформации под влиянием внешних факторов.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения его результатов в межкультурной коммуникации, образовательных программах по сохранению этнокультурного наследия, а также в совершенствовании программ адаптации мигрантов.

Таким образом, данное исследование вносит вклад в развитие этнопсихологии, предлагая комплексный анализ картины мира традиционных культур и ее динамики в современном глобализованном обществе.

Исходным методологическим положением исследования выступает междисциплинарный статус категории «картина мира», что обуславливает сложность ее однозначной концептуализации. Особую проблематичность приобретает вопрос терминологического разграничения применительно к этническим исследованиям, где данное понятие требует четкой операционализации.

Результаты и обсуждения

В современной научной традиции наблюдается тенденция к семантической конвергенции понятий «картина мира» и «образ мира», что представляется методологически неоправданным. Е.Ю. Артемьева в своей концептуальной модели предлагает их принципиальное различие, рассматривая образ мира как интегративную систему, выполняющую регулирующую функцию в процессе взаимодействия человека с действительностью [2].

Согласно разработанной Е.Ю. Артемьевой многоуровневой модели, образ мира выступает комплексным образованием, включающим как когнитивные репрезентации объектов, так и аффективные компоненты отношения к ним. Такой подход позволяет преодолеть редукционистские трактовки и рассматривать картину мира как один из структурных уровней в системе взаимодействия субъекта с окружающей реальностью, наряду с перцептивным миром и другими компонентами.

Теоретическая ценность данного разграничения заключается в возможности дифференцированного анализа различных аспектов мировосприятия: если картина мира отражает преимущественно содержательные характеристики, то образ мира выполняет системообразующую функцию, интегрируя когнитивные и эмоционально-оценочные компоненты. Такой подход создает методологическую основу для комплексного исследования этнических особенностей мировосприятия.

Необходимо сразу заметить, что на становление концептуального знания, направленного на поиск способов (методов) изучения феномена «картины мира» в пределах этнопсихологической

науки, оказали существенное влияние немецкие ученые, основоположники «*völkerpsychologie*» (нем. «психологии народов») Х. Штейнталь [48, 49], М. Лацарус [32, 33] и В. Вундт [55, 56]. Несколько позже их концепция была подвергнута критике американскими специалистами, представителями антропологической школы Ф. Боасом [25, 26] и его ученица Р. Бенедикт [23, 24]. Ф. Боас рассматривал картину мира как уникальную для каждого общества (этноса) систему представлений, формулируемую триадой его языка (как основы мироздания), культуры (обусловленной индивидуальностью логики и ценностей) и исторического контекста (историческая детерминацией культурных моделей) [4]. Р. Бенедикт внесла существенный вклад в разработку теоретических основ этнического функционирования, предложив концепцию универсальных психологических характеристик, присущих всем представителям этнической общности. Она, таким образом, видела картину мира как результат взаимодействия культурных норм, психологических установок и исторического контекста, формирующего уникальную модель реальности для каждого общества (этноса) [3]. Ее основной идеей являлось существование внутрикультурного интегратора, который определяет развитие культуры в целом, а также отдельных ее элементов. Р. Бенедикт ввела понятие «этноса культуры», представляющего собой эмоционально-ценностное ее ядро [11, 14]. Притом этос культуры, что немаловажно, формируется исторически, а не биологически, и характеризуется существенными отличиями от господствовавшей в то время в науке концепции «*volksgeist*» (нем. «народный дух») [23, р. 46049]. Благодаря вкладу в науку Р. Бенедикт были концептуально синтезированы понятия «картина мира» и «национальный характер». Впоследствии идеи Ф. Боаса и Р. Бенедикт легли в фундамент современной культурной антропологии, со своих позиций разрабатывающей проблему «национальной картины мира» [51, р. 140-142, 1480150].

Во второй половине XX в. значительный вклад в исследование феномена картины мира внесли представители когнитивной антропологии, основателем которой был Р. Редфилд. Его концептуальная модель акцентировала изучение когнитивных структур, опосредующих процессы восприятия действительности [40]. Как отмечал сам исследователь, картина мира представляет собой «видение мироздания, характерное для того или иного народа, это представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире» [11, с. 107].

Важным аспектом теории Р. Редфилда стало методологическое разграничение ключевых категорий. Ученый подчеркивал, что «картина мира» отличается от ментальности (способ мышления у М.М. Бахтина, М. Блока, Ж.-П. Вернана, А.Я. Гуревича, П.С. Гуревича, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, Ю.М. Лотмана, А.П. Огурцова, А.С. Панарина, В.А. Шкуратова, Л. Февра и др.) тем, что, будучи целостной системой представлений о реальности, обязательно включает космологию, ценности и нормы, а также разделение явлений на сакральное и профанное [42, р. 85-87; 28, р. 126-129].

Особое значение в его работах получило различие между: этосом культуры, национальным характером и собственно картиной мира, где последняя, по его утверждению, характеризует именно взгляд субъекта культуры на внешний мир [42, р. 48-55]. Такой подход позволил по-новому осмыслить когнитивные основания традиционных культур, сохранив при этом важнейшие элементы их мировоззренческих систем.

Проведенный анализ научного наследия Р. Редфилда выявляет ключевые положения его теории культурной динамики. Исследователь утверждал, что процесс накопления знаний в обществе представляет собой диалектическое взаимодействие между унаследованным опытом (результатом межпоколенческой передачи) и новыми когнитивными элементами. Этот процесс, по его мнению, формирует целостную систему ответов на «извечные вопросы бытия» и осуществляет постепенную трансформацию культурного «кода» этноса в исторической перспективе.

Центральное место в концепции Р. Редфилда занимает тезис об уникальности каждой формирующейся этнической картины мира. По его мнению, всякая культура содержит внутри себя несколько традиций. Ученый выделяет отдельно «малую традицию», которую формирует деревенская община, а также «большую традицию», создаваемую на основе храмов и школ. Это положение находит подтверждение в его анализе структуры традиционных обществ.

Особый интерес представляет разработанная Р. Редфилдом концепция «народного общества» – социальной формации, предшествующей урбанизации. Как он подчеркивал, первыми «народными обществами», вступившими в контакт с городской цивилизацией, стали «крестьянские» сообщества, сохраняющие аутентичные традиционные черты [16]. Для этих обществ характерен особый «стиль жизни», система ценностей и специфические этнические константы, демонстрирующие удивительное сходство в различных регионах мира.

При этом Р. Редфилд особо акцентировал внимание на том, что в каждом из них преобладает индивидуальная мировоззренческая модель, а по сути – уникальная картина мира [41, р. 132-135, 352-358]. В разработанной им теоретической системе можно выделить несколько фундаментальных положений, имеющих принципиальное значение для понимания этнокультурной динамики. Центральное место занимает динамическая модель культурного знания, рассматривающая процессы трансформации и преемственности в системах традиционных представлений.

Особую научную ценность представляет предложенное исследователем разграничение между «малой» и «большой» традициями, отражающее сложную стратификацию культурного пространства. Не менее значимой является концепция «народного общества», раскрывающая специфику догородских социальных форм и их трансформацию в условиях модернизации.

Важнейшим теоретическим достижением Редфилда стало осмысление диалектики универсального и уникального в этнических картинах мира. Этот концептуальный подход позволяет анализировать как общие закономерности культурного развития, так и специфические особенности мировосприятия отдельных этнических сообществ, создавая целостную методологическую основу для сравнительных культурных исследований.

Данные теоретические положения сохраняют свою актуальность для современной антропологии и этнопсихологии, предлагая продуктивную аналитическую схему для изучения традиционных культур в условиях глобализационных процессов.

Теоретические положения Р. Редфилда нашли свое развитие и оригинальную интерпретацию в работах российского этнопсихолога С.В. Лурье [36, р. 45, 67-73, 112-120; 37, с. 78]. Центральным в ее концепции стало понимание этнической картины мира как «особым образом структурированного представления о мироздании, характерное для членов того или иного этноса, которое, с одной стороны, имеет адаптивную функцию, а с другой – воплощает в себе ценностные доминанты, присущие культуре данного народа» [11, с. 59].

С.В. Лурье разработала комплексную модель структуры этнической картины мира, включающую три взаимосвязанных компонента. Первый – «центральная зона культуры», ядро этнического мировосприятия, содержащее этнические константы как психологические механизмы преодоления экзистенциальных угроз и базовые адаптационно-деятельностные модели. Второй – защитная система, сохраняющая посредством ритуалов и норм поведения уникальность культуры. Третий – ком-

плекс культурных представлений, включающий этнические традиции [36, p. 67-89].

Особое значение в концепции С. В. Лурье занимает анализ сознательного уровня этнической картины мира, представленного традиционным сознанием (менталитетом) этноса [37, p. 48-50]. Как отмечает исследовательница, именно этот уровень обеспечивает адаптацию к условиям среды, опосредует связь между картиной мира и традицией [35].

Структурно-функциональная модель С.В. Лурье позволила систематизировать компоненты этнического мировосприятия, выявить механизмы культурной преемственности и определить адаптационный потенциал традиционных обществ. Ее теоретические построения представляют значительный интерес для современной этнопсихологии, предлагая продуктивную методологию анализа устойчивости и трансформации этнических картин мира в условиях глобализации.

Значительный вклад в разработку проблемы картины мира внесла структурная модель сознания, предложенная В.П. Зинченко [58, p. 50-52]. Развивая идеи А.Н. Леонтьева о целостной природе образа мира как системы значений [34, p. 251-260], ученый обосновал двухуровневую организацию сознания. В его концепции бытийно-деятельностный уровень (сознание для бытия) интегрирует биодинамические характеристики действия и чувственные компоненты образа, тогда как рефлексивно-созерцательный уровень (сознание для сознания) объединяет знаковые системы и смысловые структуры [6].

Данная модель приобретает особую значимость при анализе этнопсихологических аспектов картины мира. Она позволяет рассматривать коллективное сознание этнических и национальных сообществ как сложноорганизованную систему, состоящую из устойчивых ментальных образований – идеологем. Как свидетельствуют исследования, именно эти базовые единицы сознания детерминируют специфику формирования мировосприятия в различных культурных традициях, включая традиционные общества [59, p. 18-22].

Теоретическая ценность модели В. П. Зинченко заключается в ее эвристическом потенциале для изучения механизмов культурной передачи. Она предоставляет методологический инструментарий для анализа взаимосвязи между индивидуальными и коллективными формами сознания в процессе становления и развития этнических картин мира, открывая новые перспективы для сравнительных культурных исследований.

Далее необходимо обратиться к феномену идеологемы. Идеологема представляет собой эле-

мент сознания (ментальную единицу), который включает в себе идеологический компонент и характеризуется разнообразием способов его репрезентации [5, с. 27]. Можно сказать, что идеологема представляет собой мировоззренческую «призму», сформированную на определенном этапе онтогенеза конкретного общества (этноса) как носителя традиционной культуры [61, s. 215]. У каждого «народного общества», в том числе, «крестьянского», свой онтогенез, характерные свойства которого были заложены на этапе зарождения общества [57, p. 118]. Он отражает «идеальную» систему ценностей, знаний и норм, в совокупности исполняющих роль фильтра в отношении принятия решения о необходимости реконструкции всей структуры «картины мира», изменения ее ценностных доминант [60, p. 118].

В. В. Зотов в своих работах помещает термин «идеологема» в единый концептуальный ряд с такими фундаментальными категориями, как архетип, стереотип и прототип, объединяя их через общее родовое понятие «информационный образ» картины мира [62, p. 49; 63, p. 215]. Центральный элемент этой системы отличается значительной устойчивостью и долговременностью существования, представляя собой комплекс базовых символических образований архетипической природы. Как подчеркивает сам исследователь, «базовые символы и архетипы семьи всегда конкретны и всегда немногочисленны: ребенок, мать, отец – это потом уже на них вырастает целая культура» [7, с. 199].

Разработанная В. В. Зотовым концепция информационных образов позволяет проследить взаимосвязь между глубинными структурами коллективного сознания и их конкретными культурными воплощениями, открывая новые перспективы для исследования динамики традиционных картин мира в условиях современных социокультурных трансформаций.

Институциональный анализ позволяет рассматривать семью как важнейший культурный символ, обладающий архетипическими характеристиками. С.С. Анисина, опираясь на методологические подходы В. Дильтея и Г.-Г. Гадамера, предлагает двухаспектное изучение этого феномена: с одной стороны, через формы проявления семейной жизни в конкретном историко-культурном контексте, с другой – через анализ смыслов и значений, приписываемых семье в данной культуре [1, с. 6-7].

Этот теоретический подход согласуется с базовым определением культуры, предложенным Р. Редфилдом, согласно которому она состоит из тех «обыденных пониманий, проявляющихся в актах и артефактах, которые характеризуют общества»

[40, р. 40]. Таким образом, идеологема предстает как сложное структурное образование, соединяющее в себе устойчивые архетипические основания с конкретными культурно-историческими проявлениями, что делает ее важным инструментом для анализа механизмов сохранения и трансляции культурных смыслов.

Исследование этнопсихологических аспектов картины мира требует обращения к фундаментальным положениям глубинной психологии, в частности, к анализу архетипических структур. В классической психологической традиции, восходящей к работам К.Г. Юнга, архетип (от греч. *arche* – первоначало, *typos* – образец) понимается как базовый структурный элемент коллективного бессознательного, представляющий собой универсальные врожденные психические паттерны. Эти глубинные образования, как отмечается в фундаментальных исследованиях, выполняют двоякую функцию: с одной стороны, они обуславливают автоматические реакции и предрасположенности, с другой – служат важнейшим инструментом психологической адаптации как отдельных индивидов, так и целых культурных сообществ к изменяющимся социальным условиям [31, р. 4, 42; 50, р. 14-16, 42, 87].

Значение архетипов для понимания культурных моделей трудно переоценить. Они выступают в качестве устойчивых когнитивно-эмоциональных матриц, опосредующих процессы восприятия, категоризации и осмысления действительности. В контексте традиционных культур архетипические структуры проявляют себя наиболее отчетливо, находя выражение в сакральных нарративах, обрядовых практиках и системе культурных символов, которые образуют концептуальное ядро этнического мировоззрения.

Особую научную ценность архетипический подход приобретает при объяснении феномена культурной устойчивости. Будучи элементами коллективного бессознательного, архетипы обеспечивают преемственность базовых мировоззренческих схем, одновременно допуская их содержательную трансформацию в различных историко-культурных условиях. Эта диалектика постоянства и изменчивости делает архетипическую теорию исключительно продуктивной методологической основой для изучения традиционных картин мира, позволяя анализировать их как сложные динамические системы, сохраняющие идентичность при внешних изменениях. Данный концептуальный подход открывает новые перспективы для понимания механизмов культурной преемственности и трансформации, что особенно актуально в условиях современных глобализационных процессов,

ставящих перед традиционными обществами проблему сохранения культурной идентичности.

В ряде исследований архетип описывается и как носитель первоначальных ценностей коллективного бессознательного, соединенных с эмоциями человека [39, р. 16]. Таким образом, контекстуально, архетип – это традиционное культурное первоначало, заданное определенной совокупностью ценностей (ценностных доминант), которые сохраняли свою актуальность и социально-психологическую значимость в условиях смены стадий развития общества (этнуса) как носителя традиционной культуры. Далее, они образовали универсальную модель коллективного бессознательного, согласно смыслам и в соответствии с нормами которой существует и развивается конкретное общество. Один из примеров этого – архетип «соборности», отсылающий к коллективизму, общинности. Вместе с тем, в зависимости от средовых факторов, в которых развивается конкретное общество, указанные «постулаты» и нормы могут быть интерпретированы. Так возникает аксиологема – рецепированная обществом система смыслов и норм поведения и отношения, обладающая абсолютной ценностью, игнорирование которой социально не одобряется [54, р. 15-18, 142; 47, р. 89-91, 112]. Это особенно наглядно прослеживается на примере традиционных культур [9].

В настоящее время абсолютной ценностью (ценностной ориентацией) для представителей традиционных культур обладают, в том числе, социальные связи и коммуникация [30, р. 97-101, 113; 53, р. 43-45, 78]. Для представителей истинно традиционной (деревенской) культуры они определяются сохранением открытости, тесной взаимосвязью между членами общества, само общение носит доверительный характер, а поведение в целом опирается на устоявшиеся нормы, нарушение которых приводит к общественному осуждению [41, р. 132-135, 187-189]. Кроме того, среди представителей традиционной культуры преобладают родственные и соседские связи, формирующие коллективное самосознание [52, р. 45-47, 72].

Впрочем, важно подчеркнуть, что ценности культуры суть не высеченные в граните безжизненные идеи – они могут в разной мере изменяться, например, под влиянием глобализации и урбанизации. Более того, в какой-то мере концепты (смыслы), составляющие тонкую ткань общественных отношений, могут быть интерпретированы и даже переосмыслены. Так, в социальные связи и коммуникацию представителей традиционной культуры могут «проникнуть» анонимность, поверхностность контактов, что лишь подкрепляется многообразием культурных явлений и

высокой социальной мобильностью, характерной для современности [29, р. 21-24].

Далее целесообразно обратиться к феномену мифологеми. Когда интерпретация упомянутых выше концептов приживается в обществе (этнотипе) как носителе традиционной культуры, т. е. проникает в систему коллективного бессознательного, возникает этот феномен. Проявления мифологеми особенно наглядны в отношении к традициям и труду. Для традиционных обществ характерны строгое соблюдение обычаев, последовательность в повторении единожды принятого порядка, схемы деятельности и отношения к ней, а также устойчивое к влияниям извне понимание (трактовка) жизненных событий. Так, разнообразные религиозные обряды и сезонные праздники сохраняются даже в условиях модернизации – порой лишь как дань традиции. К примеру, уважение к земле, ее обработке и сопутствующие этому ритуалы не исчезают даже в условиях сущностно значимых перемен в жизни общества, смены общественно-политического строя [46, р. 112-115, 178-181].

Мультикультурализм и глобализация способствуют обновлению регулярно воспроизводимых культурных форм. Так, свадебные обряды могут утратить те смыслы, которые были заложены в них изначально, оставляя лишь внешнюю форму, т. е. деконтекстуализируются [21, р. 44-47, 89-92]. Религиозные практики теряют изначально этнически обусловленные черты, становятся формальными и, одновременно с этим, универсальными [22, р. 56-58, 89-91]. Символическое осмысление труда как формы социально одобряемого поведения может полностью или частично утратить существовавшую прежде связь с природой, а ценности, признаваемые и транслируемые большинством в обществе, определяются, прежде всего, социальным положением индивида и его доходом. Такова цена «осовременивания» культуры и стирания границ между разными ее видами.

Современное состояние исследований мифологеми характеризуется заметной асимметрией научных подходов. Доминирование филологических и лингвистических исследований привело к формированию узкоспециализированной трактовки данного феномена как образа мифологических систем, «перекочевавших в художественные тексты» [10, с. 63]. Подобная исследовательская перспектива, будучи методологически ограниченной, не позволяет раскрыть всю сложность и многомерность мифологеми как культурно-психологического явления.

В этом контексте особую значимость приобретает концепция Ю.Л. Шишовой, предлагающая принципиально иную точку зрения: «рассматрива-

емая как ментальная структура, природно-культурная составляющая человеческой психики, мифологема существует до текста и вне текста, и может актуализироваться, помимо текста, в иных формах культурной деятельности человека (в играх, обычаях, ритуалах)» [19, с. 7-8]. Такой подход позволяет преодолеть текстоцентрическую ограниченность предшествующих исследований и рассматривать мифологеми как фундаментальный элемент коллективного сознания, проявляющийся в различных формах культурной практики. Теоретическая ценность данного подхода заключается в его способности интегрировать психологические, культурологические и антропологические аспекты изучения мифологеми, создавая основу для подлинно междисциплинарного анализа этого сложного феномена.

Функциональный анализ мифологеми выявляет ее поливалентную природу. В познавательном аспекте она выполняет эвристическую функцию, предлагая аналоговые модели мироустройства. Аксиологическое измерение проявляется в трансляции ключевых социокультурных ценностей, тогда как регулятивная функция находит выражение в формировании системы культурных запретов и предписаний.

И.Ю. Ильинова расширяет понимание функционального спектра, акцентируя номинативную составляющую, связанную с процессами «именования» («оживления мира») и переименования субъектов и объектов в постоянно меняющейся когнитивной картине мира» [8, с. 187]. Особую значимость здесь приобретает мировоззренческая функция, на которую указывал М. Элиаде, рассматривавший конструирование картины мира через призму актуализации мифологеми в конкретных историко-культурных контекстах [27, р. 139-142].

Р. Сигал развивает эту концепцию, трактуя мифологеми как культурно-психологический конструкт, синтезирующий различные образы реальности [45, р. 72-74]. Подобный интегративный подход преодолевает ограничения узкодисциплинарных трактовок, раскрывая мифологеми как фундаментальный элемент коллективного сознания и важнейший механизм культурной трансляции.

Проведенное исследование позволило выявить ключевые этнопсихологические особенности картины мира в традиционных культурах и раскрыть механизмы ее формирования и трансформации. На основе анализа теоретических подходов и структурных компонентов картины мира были сделаны следующие выводы.

Во-первых, картина мира в традиционных культурах представляет собой сложную много-

уровневую систему, включающую архетипы, аксиологемы и мифологемы. Эти элементы выполняют адаптивную, ценностно-нормативную и мировоззренческую функции, обеспечивая устойчивость культуры в условиях изменений.

Во-вторых, идеологема выступает ключевым структурным компонентом картины мира, объединяющим идеологический, ценностный и символический аспекты. Ее анализ позволяет понять, как традиционные общества кодируют и передают культурные смыслы через поколения.

В-третьих, архетипы (например, коллективизма, связи с природой) формируют основу коллективного бессознательного, определяя устойчивые модели восприятия и поведения. Их изучение подтверждает универсальность некоторых элементов картины мира при сохранении этнокультурной специфики.

В-четвертых, мифологемы играют роль инструмента культурной адаптации, трансформируясь под влиянием внешних факторов (глобализации, урбанизации), но сохраняя связь с архаичными смыслами. Это особенно заметно в ритуалах, фольклоре и повседневных практиках традиционных обществ.

В-пятых, глобализация оказывает двойственное влияние на традиционные картины мира: с одной стороны, она приводит к деконтекстуализации культурных форм (например, обрядов), а с другой – актуализирует их символическое значение как маркеров идентичности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением динамики картины мира в условиях цифровизации, а также с применением междисциплинарных подходов (например, когнитивной лингвистики и нейропсихологии) для анализа ментальных структур традиционных культур.

Выводы

Проведенное исследование позволило раскрыть системный характер этнопсихологических осо-

бенностей картины мира в традиционных культурах. Анализ структурных компонентов – архетипов, аксиологем и мифологем – выявил их взаимосвязь как элементов целостного механизма культурного мировосприятия. Разработанная модель подтвердила свою научную ценность, продемонстрировав как универсальные закономерности сохранения традиций, так и уникальные адаптационные стратегии различных обществ в условиях глобализации.

Особое значение имеет обнаруженный парадокс современной культурной динамики: при внешней трансформации форм традиционной культуры их глубинная символическая основа сохраняет устойчивость. Это свидетельствует о наличии мощных механизмов психологической защиты и адаптации в традиционных картинах мира.

Теоретическая значимость исследования заключается в преодолении междисциплинарных барьеров между психологическим, антропологическим и культурологическим подходами к изучению этнического сознания. Практическая ценность работы проявляется в возможности применения ее результатов для разработки программ сохранения культурного наследия, учитывающих как традиционные ценности, так и требования современности.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать: изучение когнитивных механизмов передачи традиционных знаний, анализ влияния цифровых технологий на трансформацию этнического сознания, а также исследование новых форм актуализации архетипических структур в современной культуре.

Проведенная работа подтверждает необходимость комплексного подхода к изучению традиционных картин мира, объединяющего анализ их устойчивых оснований и динамических форм существования в условиях глобальных изменений.

Список источников

1. Анисина С.С. Социокультурные архетипы семьи и брака: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тюмень, 2002. 17 с.
2. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики: истоки и развитие: колл. монография / Под общ. ред. И.Б. Ханина, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 472 с.
3. Бенедикт Р. Модели культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2024. 340 с.
4. Боас Ф. Раса, язык и культура / пер. с англ., под науч. ред. И.В. Кузнецова. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2023. 676 с.
5. Гуань Цзюньбо Идеологема «национальная идея» в русской православной проповеди: лингвокультурологический аспект: в 2-х т.: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2023. 417 с.
6. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15 – 37.

7. Зотов В.В., Каменева Т.Н., Левин А.И. Современный образ семьи в массмедиа: к обоснованию концепта идеологема семьи // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 2 (102). С. 198 – 200.
8. Ильинова Е.Ю. Мифологема как эвристический прием интерпретации когнитивной картины мира // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXI. Антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения: сб. научных трудов. СПб.: Политехника-сервис, 2012. С. 184 – 194.
9. Кретов А.А., Стародубцева Ю.А. Русские аксиологеми по данным МАСа-2 // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 140 – 154.
10. Левитская Н.А., Ломакина О.В. Анализ мифологем и концептов как путь к пониманию литературного произведения // Жанрологический сборник. Вып. 1. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. С. 62 – 66.
11. Лурье С.В. Историческая этнология: учеб. пособие для вузов. М.: Гаудеамус: Акад. Проект, 2004. 622 с.
12. Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания: (Опыт разраб. теорет. основ этнопсихологии и их применения к анализу ист. и этногр. материала). СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 286 с.
13. Лурье С.В. Теоретические основания этнопсихологических исследований истории культуры: автореф. дис. ... докт. культ. Москва, 1998. 32 с.
14. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 367 с.
15. Обухов А.С. Этнопсихологические вариации современных традиционных культур России // В кн. «Волковских чтений: Этнопедагогическая направленность современного образования: содержательные и технологические основы: сб. науч. тр.». Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2014. С. 27 – 34.
16. Обухов А.С. Психология личности в контексте реалий традиционной культуры. М.: Издательство «Прометей» МПГУ, 2006. 352 с.
17. Пивторак Е.В. Символика и семантика компонентов модели мира в русской традиционной культуре: Монография. М.: Издательские решения, 2019. 157 с.
18. Товуу С.С. Этническая картина мира: теоретико-методологические аспекты // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 16 – 22.
19. Шишова Ю.Л. Лингвистическая объективация мифологеми пути в современной англоязычной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2002. 14 с.
20. Яркова Е.Н. Культуроцентризм как стратегия бытия и познания // Koinon. 2020. Т. 1. № 1-2. С. 199 – 215.
21. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 p.
22. Beck U. The Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006. 198 p.
23. Benedict R. Patterns of Culture. Boston: Houghton Mifflin, 1934. xiii, 290 p.
24. Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston: Houghton Mifflin, 1946. ix, 324 p.
25. Boas F. Race, Language and Culture. New York: Macmillan, 1940. xii, 647 p.
26. Boas F. The Mind of Primitive Man. New York: Macmillan, 1911. x, 294 p.
27. Eliade M. Myth and Reality. New York: Harper & Row, 1963. 204 p.
28. Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
29. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. 186 p.
30. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 561 p.
31. Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious (Collected Works. Vol. 9, Part 1). 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 1968. 451 p.
32. Lazarus M. Ueber das Verhältnis des Einzelnen zur Gesamtheit. Berlin: Dümmler, 1861. 180 p.
33. Lazarus M., Steinthal H. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1860-1890. Bd. 1-20.
34. Leontiev A. N. Problems of the Development of the Mind. Moscow: Progress Publishers, 1981. 368 p.
35. Lourié S. La conscience ethnique: mécanismes et fonctions. Paris: Éditions Anthropologiques, 2005. P. 33 – 47.
36. Lurie S. V. Historical Ethnology: The Science of the Ethnic Picture of the World. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1998. 320 p.

37. Lurie S. W. Die ethnische Weltanschauung: Eine kulturhistorische Studie. Berlin: Verlag Dr. Köster, 2001. 210 S.
38. Martsinkovskaya T. D. Transitivity and Psychological Adaptations to Social Changes // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7. No. 3. P. 13 – 24.
39. Pearson C., Marr H. What story are you living? A workbook and guide to interpreting results from the PMAI instrument. 1st ed. Gainesville: Center for Applications of Psychological Type, 2007. 163 p.
40. Redfield R. Peasant Society and Culture: An Anthropological Approach to Civilization. Chicago: University of Chicago Press, 1956. 162 p.
41. Redfield R. The Folk Culture of Yucatan. Chicago: University of Chicago Press, 1941. 416 p.
42. Redfield R. The Primitive World and Its Transformations. NY: Cornell University Press, 1953. 185 p.
43. Reunov Yu.S. “Fry the skull of a catfish in oil. Apply it to the head”: on the issue of the diagnostics and treatment of conversion disorders in Ancient Egypt // Voprosy Istorii. 2023. No. 11-1. P. 20 – 31.
44. Reunov Yu.S. Battle scenes in the Nubian temple Beit el-Wali and the ancient Egyptian image of the world // Вопросы истории. 2022. № 5 (1). P. 48 – 63.
45. Segal R.A. Myth: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004. 163 p.
46. Shanin T. Peasants and Peasant Societies. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 1987. 348 p.
47. Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 271 p.
48. Steintal H. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin: Dümmler, 1850. 210 p.
49. Steintal H. Grammatik, Logik und Psychologie: Ihre Prinzipien und ihr Verhältnis zueinander. Berlin: Dümmler, 1855. xvi, 344 p.
50. Stevens A. Archetype Revisited: An Updated Natural History of the Self. 2nd ed. London: Brunner-Routledge, 2003. 304 p.
51. Stocking G. W. Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 1968. P. 133-157.
52. Tonkin E. Narrating Our Pasts: The Social Construction of Oral History. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 188 p.
53. Triandis H. C. Individualism and Collectivism. Boulder: Westview Press, 1995. 259 p.
54. Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words. Oxford: Oxford University Press, 1997. 317 p.
55. Wundt W. Elemente der Völkerpsychologie: Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Leipzig: Kröner, 1912. vii, 523 p.
56. Wundt W. Völkerpsychologie: Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Leipzig: Engelmann, 1900-1920. 10 Bde.
57. Zinchenko V.P. Cultural-Historical Psychology and the Activity Theory: The Ontogenesis of Traditional Societies // Soviet Psychology. 1994. Vol. 32, No. 2. P. 23 – 45.
58. Zinchenko V.P. Levels of Consciousness: An Activity Approach // Soviet Psychology. 1989. Vol. 27. No 3. P. 45 – 62.
59. Zinchenko V.P. The Problem of the Units of Analysis in Psychology // Soviet Psychology. 1985. Vol. 23. No. 3. P. 7 – 34.
60. Zinchenko V. The Psychogenesis of Peasant Communities // Cultural Psychology: A Once and Future Discipline (ed.: Cole M.). Cambridge: Harvard University Press, 1996. P. 112 – 135.
61. Zinchenko W. Die Ontogenese der bäuerlichen Gesellschaft: kulturhistorische Analyse // Psychologische Beiträge. 1995. Bd. 37. P. 210 – 229.
62. Zotov V.V. Ideologeme as a Cultural Code Marker // Journal of Language and Cultural Education. 2020. Vol. 8. No 2. P. 45 – 63.
63. Zotow W. Ideologeme als kulturelle Informationsbilder // Zeitschrift für Slawistik. 2019. Bd. 64. P. 210 – 225.

References

1. Anisina S.S. Sociocultural archetypes of family and marriage: author's abstract. diss. ... candidate of philosophical sciences. Tyumen, 2002. 17 p.
2. Artemyeva E.Yu. Psychology of subjective semantics: origins and development: collective monograph. Under. general. ed. I.B. Khanin, D.A. Leontiev. Moscow: Smysl, 2011. 472 p.
3. Benedict R. Models of culture. 2nd ed., corrected. and enlarged. Moscow: Alma Mater Publishing Group, 2024. 340 p.
4. Boas F. Race, language and culture. translated from English, under scientific ed. I.V. Kuznetsov. M.: Alma Mater Publishing Group, 2023. 676 p.

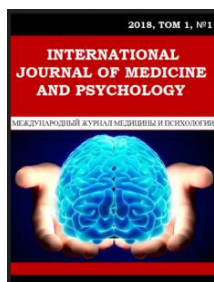
5. Guan Junbo The Ideologem "National Idea" in Russian Orthodox Sermons: Linguocultural Aspect: in 2 volumes: Diss. ... Cand. Philological Sciences. St. Petersburg, 2023. 417 p.
6. Zinchenko V.P. Worlds of Consciousness and the Structure of Consciousness. Questions of Psychology. 1991. No. 2. P. 15 – 37.
7. Zotov V.V., Kameneva T.N., Levin A.I. The Modern Image of the Family in the Mass Media: Towards a Substantiation of the Concept of the Family Ideologeme. Scientific Notes of the Russian State Social University. 2012. No. 2 (102). P. 198 – 200.
8. Ilyinova E.Yu. Mythologem as a heuristic device for interpreting the cognitive picture of the world. STUDIA LINGUISTICA. Issue XXI. Anthropocentric linguistics: problems and solutions: collection of scientific papers. SPb.: Politekhnik-servis, 2012. P. 184 – 194.
9. Kretov A.A., Starodubtseva Yu.A. Russian axiologemes according to MAS-2 data. Political linguistics. 2016. No. 2 (56). P. 140 – 154.
10. Levitskaya N.A., Lomakina O.V. Analysis of mythologemes and concepts as a way to understanding a literary work. Genre collection. Issue 1. Yelets: ESU named after I.A. Bunin, 2004. P. 62 – 66.
11. Lurye S.V. Historical Ethnology: a textbook for universities. Moscow: Gaudeamus: Acad. Proekt, 2004. 622 p.
12. Lurye S.V. Metamorphoses of Traditional Consciousness: (Experience in Developing Theoretical Foundations of Ethnopsychology and Their Application to the Analysis of Historical and Ethnographic Material). St. Petersburg: Kotlyakov Press, 1994. 286 p.
13. Lurye S.V. Theoretical Foundations of Ethnopsychological Studies in the History of Culture: author's abstract. diss. ... doctor of culture. Moscow, 1998. 32 p.
14. Mnatsakanyan M.O. Nations and Nationalism. Sociology and Psychology of National Life: a textbook for universities. Moscow: UNITY-DANA, 2017. 367 p.
15. Obukhov A.S. Ethnopsychological variations of modern traditional cultures of Russia. In the book. "Volkov Readings: Ethnopedagogical focus of modern education: substantive and technological foundations: collection of scientific works". Yoshkar-Ola: Mari State University, 2014. P. 27 – 34.
16. Obukhov A.S. Psychology of personality in the context of the realities of traditional culture. Moscow: Prometheus Publishing House, Moscow Pedagogical State University, 2006. 352 p.
17. Pivtorak E.V. Symbolism and semantics of the components of the world model in Russian traditional culture: Monograph. Moscow: Publishing Solutions, 2019. 157 p.
18. Tovuu S.S. Ethnic picture of the world: theoretical and methodological aspects. Bulletin of the Tuva State University. Social Sciences and Humanities. 2012. No. 1. P. 16 – 22.
19. Shishova Yu.L. Linguistic objectification of the mythologem of the path in modern English-language literature: author's abstract. dis. ... Cand. Philological Sciences. St. Petersburg, 2002. 14 p.
20. Yarkova E.N. Culturcentrism as a strategy of being and cognition. Koinon. 2020. Vol. 1. No. 1-2. P. 199 – 215.
21. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 p.
22. Beck U. The Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006. 198 p.
23. Benedict R. Patterns of Culture. Boston: Houghton Mifflin, 1934. xiii, 290 p.
24. Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston: Houghton Mifflin, 1946. ix, 324 p.
25. Boas F. Race, Language and Culture. New York: Macmillan, 1940. xii, 647 p.
26. Boas F. The Mind of Primitive Man. New York: Macmillan, 1911. x, 294 p.
27. Eliade M. Myth and Reality. New York: Harper & Row, 1963. 204 p.
28. Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
29. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. 186 p.
30. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 561 p.
31. Jung C.G. The Archetypes and the Collective Unconscious (Collected Works. Vol. 9, Part 1). 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 1968. 451 p.
32. Lazarus M. Ueber das Verhältnis des Einzelnen zur Gesamtheit. Berlin: Dümmler, 1861. 180 p.
33. Lazarus M., Steinthal H. Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1860-1890. Bd. 1-20.
34. Leontiev A. N. Problems of the Development of the Mind. Moscow: Progress Publishers, 1981. 368 p.

35. Lourié S. La conscience ethnique: mécanismes et fonctions. Paris: Éditions Anthropologiques, 2005. P. 33 – 47.
36. Lurie S.V. Historical Ethnology: The Science of the Ethnic Picture of the World. Lewiston: Edwin Mellen Press, 1998. 320 p.
37. Lurie S.W. Die ethnische Weltanschauung: Eine kulturhistorische Studie. Berlin: Verlag Dr. Koster, 2001. 210 S.
38. Martsinkovskaya T.D. Transitivity and Psychological Adaptations to Social Changes. Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7.No. 3. P. 13 – 24.
39. Pearson C., Marr H. What story are you living? A workbook and guide to interpreting results from the PMAI instrument. 1st ed. Gainesville: Center for Applications of Psychological Type, 2007. 163 p.
40. Redfield R. Peasant Society and Culture: An Anthropological Approach to Civilization. Chicago: University of Chicago Press, 1956. 162 p.
41. Redfield R. The Folk Culture of Yucatan. Chicago: University of Chicago Press, 1941. 416 p.
42. Redfield R. The Primitive World and Its Transformations. NY: Cornell University Press, 1953. 185 p.
43. Reunov Yu.S. "Fry the skull of a catfish in oil. Apply it to the head": on the issue of the diagnostics and treatment of conversion disorders in Ancient Egypt. Questions Istorii. 2023. No. 11-1. P. 20 – 31.
44. Reunov Yu.S. Battle scenes in the Nubian temple Beit el-Wali and the ancient Egyptian image of the world. Questions of history. 2022. No. 5 (1). P. 48 – 63.
45. Segal R.A. Myth: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004. 163 p.
46. Shanin T. Peasants and Peasant Societies. 2nd ed. Oxford: Blackwell Publishers, 1987. 348 p.
47. Sharifian F. Cultural Conceptualisations and Language. Amsterdam: John Benjamins, 2011. 271 p.
48. Steinthal H. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berlin: Dümmler, 1850. 210 p.
49. Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie: Ihre Prinzipien und ihr Verhältnis zueinander. Berlin: Dümmler, 1855. xvi, 344 p.
50. Stevens A. Archetype Revisited: An Updated Natural History of the Self. 2nd ed. London: Brunner-Routledge, 2003. 304 p.
51. Stocking G. W. Race, Culture, and Evolution: Essays in the History of Anthropology. Chicago: University of Chicago Press, 1968. P. 133 – 157.
52. Tonkin E. Narrating Our Pasts: The Social Construction of Oral History. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 188 p.
53. Triandis H. C. Individualism and Collectivism. Boulder: Westview Press, 1995. 259 p.
54. Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words. Oxford: Oxford University Press, 1997. 317 p.
55. Wundt W. Elemente der Völkerpsychologie: Grundlinien einer psychologischen Entwicklungsgeschichte der Menschheit. Leipzig: Kröner, 1912. vii, 523 p.
56. Wundt W. Völkerpsychologie: Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. Leipzig: Engelmann, 1900-1920. 10 Bde.
57. Zinchenko V.P. Cultural-Historical Psychology and the Activity Theory: The Ontogenesis of Traditional Societies. Soviet Psychology. 1994. Vol. 32, No. 2. P. 23 – 45.
58. Zinchenko V.P. Levels of Consciousness: An Activity Approach. Soviet Psychology. 1989. Vol. 27. No. 3. P. 45 – 62.
59. Zinchenko V.P. The Problem of the Units of Analysis in Psychology. Soviet Psychology. 1985. Vol. 23.No. 3. P. 7 – 34.
60. Zinchenko V. The Psychogenesis of Peasant Communities. Cultural Psychology: A Once and Future Discipline (ed.: Cole M.). Cambridge: Harvard University Press, 1996. P. 112 – 135.
61. Zinchenko W. Die Ontogenese der bäuerlichen Gesellschaft: kulturhistorische Analysis. Psychologische Beiträge. 1995. Bd. 37. P. 210 – 229.
62. Zotov V.V. Ideologeme as a Cultural Code Marker. Journal of Language and Cultural Education. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 45 – 63.
63. Zotow W. Ideologeme als kulturelle Informationsbilder. Zeitschrift für Slawistik. 2019. Bd. 64. P. 210 – 225.

Информация об авторе

Реунов Ю.С., кандидат искусствоведения, Центр египтологических исследований Российской академии наук

© Реунов Ю.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 440402

¹ Тулуш А.В.,

¹ Кемеровский государственный университет

Создание комфортной эмоциональной среды для детей-сирот: роль психолого-педагогического сопровождения

Аннотация: в данной статье сделан акцент на необходимости создания комфортной эмоциональной среды для детей, оставшихся без попечения родителей, в разрезе психолого-педагогического сопровождения. Рассмотрены главные особенности эмоционального развития таких детей, включая влияние травматических переживаний на их психоэмоциональное состояние. Особое внимание уделяется методам и стратегиям, которые могут применяться в работе с данной категорией детей как воспитателями и учителями, так и приемных родителей. Данные методы помогут сформировать положительный эмоциональный фон и будут способствовать социальной адаптации детей.

Ключевые слова: эмоциональная среда, дети-сироты, психолого-педагогическое сопровождение, комфорт, поддержка, адаптация, социальная интеграция, психологическое здоровье

Для цитирования: Тулуш А.В. Создание комфортной эмоциональной среды для детей-сирот: роль психолого-педагогического сопровождения // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 308 – 312.

Поступила в редакцию: 26 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Tulush A.V.,

¹ Kemerovo State University

Creating a comfortable emotional environment for orphans: the role of psychological and pedagogical support

Abstract: the article discusses the importance of creating a comfortable emotional environment for orphans and children left without parental care in the context of psychological and pedagogical support. The main aspects of the emotional development of these children are discussed, including the impact of traumatic experiences on their psychoemotional state. Particular attention is paid to methods and strategies that can be used in working with this category of children to form a positive emotional background and support their social adaptation.

Keywords: emotional environment, orphans, psychological and pedagogical support, comfort, support, adaptation, social integration, psychological health

For citation: Tulush A.V. Creating a comfortable emotional environment for orphans: the role of psychological and pedagogical support. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 308 – 312.

The article was submitted: June 26, 2025; Approved after reviewing: August 24, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

По состоянию на 2023 год, в России насчитывается около 70 тысяч детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Так сложилось, что большинство сирот получают среднее профессиональное образование. Одной из важнейших задач профессиональных образовательных учреждений является создание и поддержка благоприятной обучающей среды, которая включает поддержку эмоционального состояния детей и контроль процесса их адаптации в учебный процесс. Важную роль в этом процессе играет помощь, как психологическая, так и социальная, которая осуществляется в рамках психолого-педагогического сопровождения. Более 85 % выпускников детских домов сталкиваются с серьёзными трудностями в самостоятельной жизни, зачастую моральными, что подчеркивает значимость психолого-педагогического сопровождения для данной категории детей.

Материалы и методы исследований

База исследования основана на изучении работ таких ученых, как М.И. Кондратюк с его работой об особенностях психологического сопровождения детей-сирот в рамках получения среднего профессионального образования, Г.Ш. Джумагулова и С.К. Кастаев, которые описывают особенности психолого-педагогического сопровождения в работе с детьми-сиротами, В.А. Одинокова и М.М. Русакова с исследованиями в области принятия решений детьми-сиротами в условиях интернатных учреждений, Е.В. Емельянова, описывающая психологические проблемы детей-сирот в условиях детского дома и др.

При изучении данного вопроса использовались следующие методы исследования: теоретические (изучение и анализ психолого-педагогической литературы по изучаемой проблеме), эмпирические (наблюдение, констатирующий и формирующий эксперименты, метод продольных срезов), качественные методы обработки данных (категоризация материала, дифференциация полученных результатов).

Результаты и обсуждения

Создание комфортной эмоциональной среды для детей, а там более для детей-сирот, которые никогда не чувствовали любовь и поддержку родителей и родных, а может быть никогда и не почувствуют, очень важно. Рассмотрим основные причины:

Во-первых, дети, потерявшие родителей или попечение, подвержены высоким уровням стресса и травмы. Комфортная среда помогает им чув-

ствовать себя в безопасности и способствует улучшению психологического состояния.

Во-вторых, эмоционально теплый климат способствует развитию привязанности и доверия. Это особенно важно для детей, которые уже пережили утрату, поскольку наличие стабильных, поддерживающих отношений помогает им справляться с горем и тревогой [1].

В-третьих, такие дети легче приспосабливаются к жизни и окружению, умело взаимодействуют с людьми и могут наладить личную жизнь также легко, как и другие люди.

Кроме того, комфортная среда создает условия для формирования здоровой самооценки, уверенности в себе и развития социальных навыков, что, в свою очередь, помогает детям-сиротам становиться более самостоятельными и успешными [10].

Также стоит отметить, что дети, растущие в спокойной и доброй обстановке, где люди поддерживают друг друга, менее подвержены быть вовлеченными к такому девиантному поведению, которое связано с употреблением наркотиков или совершением правонарушения. Создание эмоционально безопасной атмосферы помогает детям-сиротам формировать не только навыки преодоления трудностей и разных стрессовых ситуаций, но и сформировать свое собственное «Я», которое готово отстаивать свои права с полным пониманием, что такое хорошо, а что такое плохо [3].

Дети, чувствующие себя комфортно и уверенно, более мотивированы к обучению и развитию, лучше усваивают знания и навыки, что открывает перед ними новые возможности в жизни. Безусловно качественная эмоциональная поддержка ребенка в детстве влияет на всю его дальнейшую жизнь, ведь именно в детском возрасте формируется общее восприятие мира у человека, которое потом в зависимости от количества полученной информации, доброты и заботы, зависит степень легкой интеграции с обществом. Создание комфортной эмоциональной среды – это не просто помощь детям, это настоящая инвестиция в их будущее [2].

Основные аспекты психолого-педагогического сопровождения детей-сирот:

1) Создание безопасной и поддерживающей среды:

Психологи и педагоги помогают детям-сиротам адаптироваться к новым условиям, формируют у них чувство безопасности и доверия, а также способствуют развитию теплых взаимоотношений со сверстниками и взрослыми.

2) Диагностика и коррекция эмоциональных проблем:

На данном этапе специалисты выбирают наиболее подходящие для каждого ребенка методы диагностики для выявления возможных эмоциональных трудностей, таких как тревожность, депрессия, низкая самооценка. На основе полученных результатов педагоги разрабатывают индивидуальные программы под особенности ребенка [5].

3) Развитие навыков эмоциональной регуляции:

Обучение детей-сирот разным техникам управления своими эмоциями, которые помогут научиться быть сдержанным, разрешать конфликты, справляться с внутренними и окружающими трудностями.

4) Формирование позитивного самоотношения:

Психологи и педагоги помогают детям-сиротам не только адаптироваться в социуме, но и понимать свои сильные и слабые стороны, быть уверенным в себе, ценить свою уникальность.

5) Содействие в профессиональном самоопределении [7]:

В данном случае это простая помощь в выборе профессии, развитии профессиональных навыков, а также создание мотивации к обучению.

6) Просветительская работа:

Для того, чтобы сформировать правильную атмосферу при взаимодействии с детьми-сиротами, необходимо предоставить специализированный персонал. Происходит обучение не только персонала детских учреждений, но и приемных родителей и других взрослых, взаимодействующих с детьми-сиротами. Все это для подготовки к самостоятельной и такой непростой жизни.

В целом, психолого-педагогическое сопровождение направлено на то, чтобы дети-сироты чувствовали себя защищенными, любимыми, успешными и готовыми к самостоятельной жизни в обществе. Этот процесс выступает важным фактором, способствующим полноценному развитию и интеграции детей-сирот в социум [4].

Рассматривая формы и методы психолого-педагогической работы по сопровождению детей-сирот, в период адаптации к самостоятельной жизни стоит выделить следующие принципы:

Обязательность. Сопровождение детей-сирот в период адаптации к жизни не может быть советом, это обязательное мероприятие.

Комплексность. Принципы требуют комплексного подхода, что подразумевает их одновременное применение на всех этапах адаптации, а не поочередное или изолированное. Они использу-

ются не последовательно, а одновременно и в полном объеме.

Равнозначность. Принципы адаптации являются равнозначными основополагающими положениями – среди них отсутствуют главные и второстепенные. Все они требуют немедленного внедрения, и ни один из них не может быть отложен на потом.

Социальная адаптация. Материалом для будущего человека не может быть ограниченный набор семейных впечатлений или педагогических поучений отцов. Материалом будет жизнь во всех ее многообразных проявлениях.

Справедливость. Доверие ребёнка к обществу строится на чувстве справедливости, особенно сильно оно проявляется в детском возрасте. Однако важно понимать, что справедливость не существует в отрыве от личности ребёнка - она неразрывно связана с его уникальными особенностями, желаниями и эмоциональным миром. Индивидуальность каждого ребёнка играет ключевую роль в восприятии такого необычного чувства, как справедливость. То, что кажется справедливым одному, может быть неприемлемым для другого. Именно поэтому важен индивидуальный подход, особенно с детьми, ведь их психика очень чувствительна. Отсутствие справедливого подхода в отношениях с ребёнком-сиротой может привести к серьёзным последствиям. Вместо полноценной адаптации ребёнок может занять позицию пассивного ожидания, и лишь формально будет приспосабливаться к обстоятельствам. Такое поведение становится защитной реакцией на несправедливость и недоверие к окружающему миру [8].

Оценки и обратная связь представляют собой важный инструмент взаимодействия между взрослыми и детьми. Однако следует помнить, что любое оценивание – будь то похвала или критика – является лишь формой некоего внешнего воздействия на естественное развитие ребёнка.

Влияние оценок многогранно: они не только помогают определить место ребёнка в социальной иерархии, но и формируют его представление о себе и своём месте в семье и обществе. Именно поэтому взрослые должны проявлять особую осторожность при выражении оценочных суждений.

Границы оценивания необходимо чётко разграничивать: допустимо и даже необходимо давать оценку конкретным поступкам и действиям ребёнка. При этом личность ребёнка должна оставаться неприкосновенной – нельзя позволять оценкам влиять на базовое принятие и уважение к нему как к человеку [9].

При адаптации ребенка к жизни в приемной семье можно добавить еще два принципа:

Семейная система. Адаптация в замещающей семье – это сложный многоуровневый процесс, который затрагивает всю семейную систему целиком. Важно понимать, что речь идёт не о простом привыкании к одному из членов семьи, а о выстраивании гармоничных отношений со всеми её участниками. Ответственность приемной семьи заключается в том, чтобы абсолютно каждый из семейства, независимо от степени родства или частоты общения, при взаимодействии с приемным ребенком общаться открыто, честно, максимально осознано. Именно такой подход создаёт здоровую атмосферу для формирования новых семейных связей [6].

Системность. Адаптировать необходимо не только приемного ребенка, но и каждого члена семьи. Ребенок, находясь в семье, наблюдает как

выстраиваются отношения, и на этом примере будет выстраивать их самостоятельно с другими людьми. Поэтому важно поведение семьи, ее члены также будут проходить адаптацию к сироте.

Выводы

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что успешное психолого-педагогическое сопровождение на ранних этапах жизни позволяет детям развить резильентность, то есть устойчивость к стрессу и жизненным трудностям, что является основой для их успешной взрослой жизни. Психолого-педагогическое сопровождение играет незаменимую роль в создании комфортной эмоциональной среды для детей-сирот, содействуя их эмоциональному, социальному и образовательному развитию. Это не только повышает уровень их благополучия, но и способствует созданию более гармоничного и поддерживающего общества в целом.

Список источников

1. Александров И.А. Понятие адаптации с точки зрения психологии // Молодой ученый. 2018. № 22 (208). С. 283 – 285. URL: <https://moluch.ru/archive/208/51057/> (дата обращения: 28.04.2025)
2. Глазков В.А., Миронова О.Л., Шестакова Е.А. Система сопровождения процессов социализации и социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: метод. рекомендации. Иркутск: Изд-во ГАУ ДПО ИРО. 2017. 59 с.
3. Булдакова Н.В. Развивающая социокультурная среда как фактор развития положительной социально-психологической адаптации детей-сирот // Современные образовательные практики в студенческих исследованиях. 2023. С. 67 – 71. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 28.04.2025)
4. Выгодчикова И.Ю. Психолого-педагогическое сопровождение детей-сирот в условиях детского дома // Педагогическое образование. 2021. № 3. С. 45 – 52.
5. Джумагулова Г.Ш., Кастаев С.К. Психологическое сопровождение в практике работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей // В сб.: Перспективы развития науки в современном мире: Материалы Международной (заочной) научнопрактической конференции. Под общей редакцией А.И. Вострцова. 2018. С. 552 – 557.
6. Емельянова Е.В. Психологические проблемы детей-сирот в условиях детского дома // Вопросы психологии. 2022. № 2. С. 34 – 41.
7. Кондратюк М.И. Особенности психологического сопровождения детей-сирот в рамках получения среднего профессионального образования // Научный форум: Педагогика и психология: сб. ст. по материалам XXV междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд. «МЦНО», 2019. № 1 (25). С. 120 – 124.
8. Кузьмина И.Н. Теоретические подходы изучения проблемы развития эмоциональной сферы обучающихся в педагогической литературе // Проблемы современного педагогического образования. 2023. С. 180 – 182.
9. Одинокое В.А., Русакова М.М. Участие детей, находящихся в организациях для детей-сирот, в принятии решений. Петербургская социология сегодня. 2019. № 11. С. 120 – 135.
10. Петрова Н.П. Психолого-педагогическая работа с детьми-сиротами в условиях детского дома // Педагогическое образование и наука. 2021. № 4. С. 56 – 63.

References

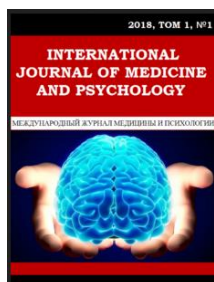
1. Aleksandrov I.A. The concept of adaptation from the point of view of psychology. Young scientist. 2018. No. 22 (208). P. 283 – 285. URL: <https://moluch.ru/archive/208/51057/> (date of access: 04.28.2025)
2. Glazkov V.A., Mironova O.L., Shestakova E.A. The system of supporting the processes of socialization and social adaptation of orphans and children left without parental care: method. recommendations. Irkutsk: Publishing house of the State Autonomous Institution of Additional Professional Education Irkutsk Region. 2017. 59 p.

3. Buldakova N.V. Developing socio-cultural environment as a factor in the development of positive socio-psychological adaptation of orphans. Modern educational practices in student research. 2023. P. 67 – 71. URL: <https://cyberleninka.ru/> (date of access: 04.28.2025)
4. Vygodchikova I.Yu. Psychological and pedagogical support of orphans in an orphanage. Pedagogical education. 2021. No. 3. P. 45 – 52.
5. Dzhumagulova G.Sh., Kastaev S.K. Psychological support in the practice of working with orphans and children left without parental care. In the collection: Prospects for the development of science in the modern world: Proceedings of the International (correspondence) scientific-practical conference. Under the general editorship of A.I. Vostretsov. 2018. P. 552 – 557.
6. Emelyanova E.V. Psychological problems of orphans in an orphanage. Questions of psychology. 2022. No. 2. P. 34 – 41.
7. Kondratyuk M.I. Features of psychological support for orphans in the framework of obtaining secondary vocational education. Scientific forum: Pedagogy and Psychology: collection of articles based on the materials of the XXV international. scientific and practical. conf. Moscow: Publ. "MCNO", 2019. No. 1 (25). P. 120 – 124.
8. Kuzmina I.N. Theoretical approaches to studying the problem of development of the emotional sphere of students in pedagogical literature. Problems of modern pedagogical education. 2023. P. 180 – 182.
9. Odinkova V.A., Rusakova M.M. Participation of children in organizations for orphans in decision-making. St. Petersburg sociology today. 2019. No. 11. P. 120 – 135.
10. Petrova N.P. Psychological and pedagogical work with orphans in an orphanage. Pedagogical education and science. 2021. No. 4. P. 56 – 63.

Информация об авторе

Тулущ А.В., Институт образования, Кемеровский государственный университет

© Тулущ А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.937

¹ Шевцова А.В.,

¹ Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского

Когнитивные механизмы восприятия информационных потоков молодежью в условиях цифровой среды

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию когнитивных механизмов, определяющих процесс восприятия информационных потоков молодежью в условиях динамично развивающейся цифровой среды. Работа фокусируется на анализе влияния новых форматов цифровой информации, таких как визуальный контент и короткие текстовые сообщения, на когнитивные процессы, в частности на развитие клипового мышления. Рассматривается воздействие алгоритмов персонализации и фильтров внимания на формирование индивидуальной информационной картины мира молодежи, а также исследуются когнитивные барьеры и возможности в контексте критического осмысления и верификации информации. В статье анализируются эмпирические данные, полученные в ходе анализа контента молодежных социальных сетей, проведения онлайн-экспериментов и глубинных интервью. Сформулированы рекомендации по развитию навыков критического мышления, визуальной грамотности и медиакомпетентности молодежи, направленные на формирование осознанного и ответственного взаимодействия с цифровой средой.

Ключевые слова: когнитивные механизмы, информационные потоки, цифровая среда, молодежь, визуальное кодирование, клиповое мышление, фильтры внимания, алгоритмы персонализации, критическое мышление, верификация информации

Для цитирования: Шевцова А.В. Когнитивные механизмы восприятия информационных потоков молодежью в условиях цифровой среды // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 313 – 318.

Поступила в редакцию: 26 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Shevtsova A.V.,

¹ University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky

Cognitive mechanisms of perceiving information flows by youth in a digital environment

Abstract: this article focuses on the study of cognitive mechanisms that determine the process of information perception by young people in a dynamically developing digital environment. The article analyzes the impact of new digital information formats, such as visual content and short text messages, on cognitive processes, particularly on the development of clip-based thinking. It examines the influence of personalization algorithms and attention filters on the formation of young people's individual information worldview, and explores cognitive barriers and opportunities in the context of critical thinking and information verification. The article analyzes empirical data obtained through the analysis of youth social media content, online experiments, and in-depth interviews. Recommendations have been formulated for developing critical thinking, visual literacy, and media competence among young people, aimed at fostering conscious and responsible interaction with the digital environment.

Keywords: cognitive mechanisms, information flows, digital environment, young people, visual encoding, clip thinking, attention filters, personalization algorithms, critical thinking, information verification

For citation: Shevtsova A.V. Cognitive mechanisms of perceiving information flows by youth in a digital environment. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 313 – 318.

The article was submitted: June 26, 2025; Approved after reviewing: August 24, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современное общество характеризуется экспоненциальным ростом информационных потоков, генерируемых цифровой средой. Молодежь, как наиболее активная и вовлеченная в эту среду группа, ежедневно сталкивается с огромным объемом информации, поступающей из различных источников: социальных сетей, новостных агрегаторов, мультимедийных платформ и т.д. Эта цифровая лавина оказывает существенное влияние на когнитивные процессы, формирует новые паттерны восприятия и обработки информации, а также предъявляет повышенные требования к развитию критического мышления. Недостаточное понимание этих процессов может привести к информационной перегрузке, формированию искаженной картины мира и уязвимости перед манипуляциями.

Целью данного исследования является выявление и систематизация основных когнитивных механизмов, определяющих процесс восприятия информационных потоков молодежью в условиях цифровой среды, а также анализ их влияния на формирование информационной картины мира и развитие критического мышления.

Научная новизна представленного исследования заключается в комплексном анализе когнитивных механизмов восприятия информации молодежью в условиях цифровой среды с учетом специфики современных информационных потоков и технологий. В отличие от традиционных подходов, фокусирующихся на изучении отдельных аспектов информационной грамотности, данная работа предлагает многомерную модель, учитывающую взаимосвязь визуального и текстового контента, алгоритмов персонализации и индивидуальных когнитивных особенностей.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использовались данные, полученные в ходе анализа научных публикаций по когнитивной психологии, нейробиологии, социологии и информационным технологиям, а также применялись результаты эмпирических исследований, проведенных авторами, включающие: анализ контента молодежных социальных сетей и новостных платформ, проведение онлайн-экспериментов с целью изучения особенностей визуального кодирования и фильтрации информации, проведение глубинных интервью с

представителями молодежной аудитории для выявления когнитивных стратегий и барьеров в процессе верификации информации. Методологический арсенал исследования включал: контент-анализ, экспериментальные методы психологии, качественный анализ нарративов. Сочетание теоретических и эмпирических методов позволило получить комплексное представление о когнитивных механизмах восприятия информационных потоков молодежью в цифровой среде и сформулировать научно обоснованные выводы.

Результаты и обсуждения

1. Роль визуального кодирования и клипового мышления в обработке цифровой информации

В наше время, когда цифровые технологии развиваются очень быстро и информации становится все больше, умение видеть и понимать визуальные образы, а также так называемое клиповое мышление, играют огромную роль в том, как мы воспринимаем мир. Раньше мы привыкли читать и анализировать текст последовательно, но сейчас все чаще люди предпочитают быстро схватывать информацию, разглядывая картинки и видео, особенно в интернете. Преобразование информации в визуальные образы помогает быстрее ее усваивать, что очень важно, когда вокруг так много новых знаний. Многочисленные исследования в области когнитивной психологии свидетельствуют о том, что обработка визуальной информации происходит значительно быстрее и эффективнее, чем обработка текстовой информации. Человеческий мозг обладает уникальной способностью мгновенно распознавать паттерны, формы и цвета, что позволяет оперативно извлекать ключевую информацию из визуальных стимулов. В контексте цифровой среды, где визуальный контент (изображения, видео, инфографика) доминирует над текстовым, визуальное кодирование становится необходимым условием успешной навигации в информационном пространстве.

Однако, параллельно с преимуществами, связанными с ускоренной обработкой информации, визуальное кодирование имеет и свои недостатки. Чрезмерная зависимость от визуальных образов может приводить к поверхностному пониманию информации и снижению критического анализа содержания. Именно здесь на сцену выходит концепция клипового мышления, которая характеризует способность человека воспринимать инфор-

мацию в виде коротких, не связанных между собой фрагментов, наподобие клипов или роликов. Клиповое мышление, будучи результатом адаптации к быстро меняющейся цифровой среде, обладает высокой скоростью переключения внимания и способностью обрабатывать большое количество информации в единицу времени. Однако, эта способность достигается ценой снижения концентрации, глубины анализа и способности к построению логических связей между различными фрагментами информации.

С одной стороны, клиповое мышление можно рассматривать как адаптивный механизм, позволяющий справляться с информационным перегрузом и оперативно ориентироваться в цифровом пространстве. С другой стороны, оно может приводить к фрагментарному пониманию мира, отсутствию целостной картины и затруднять формирование критического мышления. В условиях преобладания кратких и эмоционально окрашенных сообщений, характерных для социальных сетей и онлайн-медиа, клиповое мышление может способствовать распространению фейков и дезинформации, а также усиливать подверженность манипуляциям [10].

Важно отметить, что визуальное кодирование и клиповое мышление не являются абсолютно негативными явлениями. Напротив, они представляют собой важные инструменты адаптации к цифровой среде, которые при умелом использовании могут повысить эффективность обработки информации и расширить возможности коммуникации. Однако, необходимо осознавать потенциальные риски, связанные с чрезмерной зависимостью от визуальных образов и фрагментарным восприятием информации. Для преодоления этих рисков необходимо развивать навыки критического мышления, медиаграмотности и умения строить логические связи между различными фрагментами информации.

Таким образом, роль визуального кодирования и клипового мышления в обработке цифровой информации является сложной и многогранной. С одной стороны, они обеспечивают высокую скорость и эффективность обработки информации в условиях информационного перенасыщения. С другой стороны, они могут приводить к поверхностному пониманию и снижению критического анализа. Для успешной навигации в цифровом пространстве необходимо развивать навыки критического мышления, визуальной грамотности и умения интегрировать визуальную и текстовую информацию в единое целое. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку эффективных образовательных программ и инструментов, способствующих форми-

рованию критически мыслящего, информированного и ответственного поколения, способного успешно ориентироваться в сложном и быстро меняющемся мире цифровых технологий.

2. Влияние фильтров внимания и алгоритмов персонализации на формирование информационной картины мира

Современная цифровая среда характеризуется не только изобилием информации, но и усложнением механизмов ее фильтрации и доставки до конечного потребителя. В условиях экспоненциального роста контента, поступающего из различных источников, фильтры внимания и алгоритмы персонализации играют ключевую роль в формировании индивидуальной информационной картины мира каждого пользователя. Традиционно, фильтры внимания понимались как когнитивные процессы, отбирающие релевантную информацию и игнорирующие нерелевантную, в целях оптимизации процесса обработки и принятия решений. Однако, в контексте цифровой среды, фильтры внимания испытывают значительное влияние алгоритмических систем, которые, на основе анализа поведенческих данных и предпочтений пользователя, формируют персонализированную выдачу контента.

Алгоритмы персонализации, используемые социальными сетями, поисковыми системами, новостными агрегаторами и другими онлайн-платформами, стремятся предоставить каждому пользователю максимально релевантный и полезный контент, соответствующий его интересам и потребностям. Это достигается путем сбора и анализа огромного количества данных о пользователе, включая его поисковые запросы, активность в социальных сетях, историю просмотров, географическое местоположение и демографические характеристики. На основе этих данных, алгоритмы формируют профиль пользователя и прогнозируют, какой контент будет для него наиболее интересным и привлекательным.

В результате, каждый пользователь цифровой среды оказывается окруженным персонализированным информационным пространством, сформированным алгоритмами, которые, в свою очередь, влияют на восприятие мира и формирование мировоззрения. С одной стороны, персонализация контента может повысить эффективность поиска информации, облегчить доступ к полезным и релевантным ресурсам, а также способствовать развитию интересов и увлечений пользователя [1, с. 21]. С другой стороны, чрезмерная персонализация может привести к формированию так называемых "информационных пузырей" или "эхо-камер", в которых пользователь видит только ту

информацию, которая подтверждает его существующие убеждения и взгляды.

В информационных пузырях пользователь оказывается изолированным от альтернативных точек зрения и противоположных мнений, что может привести к усилению предвзятости, поляризации взглядов и затруднению конструктивного диалога с людьми, имеющими другие убеждения. Кроме того, алгоритмическая фильтрация информации может приводить к манипулированию пользователями, путем скрытого продвижения определенных точек зрения или намеренного распространения дезинформации [5, с. 72]. Пользователи, находящиеся в информационных пузырях, могут быть более уязвимы к фейковым новостям и пропаганде, поскольку они не имеют возможности сравнивать информацию из разных источников и критически оценивать ее достоверность.

Влияние фильтров внимания и алгоритмов персонализации на формирование информационной картины мира является сложным и противоречивым процессом. С одной стороны, они повышают эффективность поиска информации и делают доступ к знаниям более удобным и персонализированным. С другой стороны, они могут приводить к информационной изоляции, усилению предвзятости и уязвимости перед манипуляциями [9, с. 51]. Важно осознавать, что цифровая среда формируется не только пользователями, но и алгоритмами, которые имеют свои собственные цели и интересы [2, с. 19]. Для сохранения независимости мышления и формирования объективной информационной картины мира необходимо научиться критически оценивать информацию, поступающую из цифровых источников, и осознанно управлять своими фильтрами внимания.

3. Механизмы критического мышления и верификации информации в цифровой среде: когнитивные барьеры и возможности

В современной цифровой среде, характеризующейся беспрецедентным объемом и скоростью распространения информации, критическое мышление и навыки верификации информации становятся ключевыми компетенциями, необходимыми для успешной адаптации и эффективного взаимодействия с окружающим миром. Однако, несмотря на доступность широкого спектра инструментов и ресурсов для проверки фактов и оценки достоверности информации, пользователи цифровой среды зачастую сталкиваются с различными когнитивными барьерами, препятствующими эффективно применению критического мышления [3, с. 98].

Критическое мышление, в контексте цифровой среды, подразумевает способность анализировать информацию, оценивать ее достоверность и реле-

вантность, выявлять предвзятости и манипуляции, а также формулировать обоснованные выводы на основе имеющихся данных. Верификация информации, в свою очередь, представляет собой процесс проверки фактов и утверждений на предмет их соответствия действительности, с использованием различных источников и методов, таких как перекрестная проверка, обратный поиск изображений, анализ источников и экспертная оценка.

Несмотря на важность этих навыков, их эффективное применение в цифровой среде затруднено из-за ряда когнитивных барьеров [7, с. 90]. Одним из наиболее распространенных барьеров является склонность к подтверждению своей точки зрения (confirmation bias), которая заключается в тенденции искать, интерпретировать и запоминать информацию, подтверждающую существующие убеждения, и игнорировать или отвергать информацию, противоречащую им. В цифровой среде, алгоритмы персонализации и фильтры внимания усиливают этот эффект, создавая информационные пузыри, в которых пользователь видит только ту информацию, которая соответствует его взглядам.

Другим важным когнитивным барьером является эффект ореола или эффект авторитета, когда оценка информации зависит от источника, а не от ее содержания. Информация, поступающая из источника, пользующегося доверием или авторитетом, воспринимается как более достоверная, даже если она не соответствует действительности [8, с. 36]. В цифровой среде этот эффект может усиливаться за счет использования социальных сетей, где пользователи склонны доверять информации, поступающей от друзей и знакомых, даже если они не являются экспертами в данной области.

Одной из главных проблем является то, что люди просто не умеют разбираться в источниках информации. Многие пользователи интернета не знают, как понять, можно ли доверять сайту, как проверить, правда ли то, что там написано, и нет ли там чьего-то мнения. Они часто верят всему, что видят, не думая, кто это написал и зачем.

В то же время, в интернете есть много возможностей научиться думать своей головой и проверять информацию. Есть поисковики, базы данных, энциклопедии, сайты, которые проверяют факты, и эксперты, к которым можно обратиться. Все это помогает быстро проверить факты, разобраться в источниках и посмотреть на ситуацию с разных сторон. Кроме того, развитие социальных сетей и онлайн-сообществ позволяет пользователям обмениваться информацией, обсуждать спорные вопросы и совместно проверять факты [6, с. 43]. Краудсорсинговые платформы, такие как Википе-

дия, позволяют собирать и структурировать знания, а также выявлять и исправлять ошибки и неточности.

Для преодоления когнитивных барьеров и эффективного использования возможностей, предоставляемых цифровой средой, необходимо развивать навыки критического мышления, медиаграмотности и информационной культуры. Это включает в себя обучение основам логики, статистики, анализа источников информации, а также развитие навыков саморегуляции и осознанного восприятия информации.

Важную роль в этом процессе играют образовательные учреждения, которые должны включать в свои учебные программы элементы критического мышления и медиаграмотности [4, с. 49]. Необходимо также разрабатывать и внедрять онлайн-инструменты и ресурсы, которые помогают пользователям проверять факты, анализировать источники и выявлять фейковые новости и дезинформацию.

Так, механизмы критического мышления и верификации информации в цифровой среде представляют собой сложную систему, включающую когнитивные барьеры и уникальные возможности. Для эффективного применения этих механизмов необходимо развивать навыки критического мышления, медиаграмотности и информационной культуры, а также использовать возможности, предоставляемые цифровой средой для проверки фактов, анализа источников и обмена информацией. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на выявление наиболее эффективных методов обучения критическому мышлению и разработку инструментов, помогающих пользователям ориентироваться в сложном и динамичном информационном пространстве.

Выводы

Проведенное исследование позволило детально рассмотреть и систематизировать когнитивные механизмы, определяющие процесс восприятия информационных потоков молодежью в условиях цифровой среды. Анализ показал, что современные информационные потоки, характеризующиеся высокой скоростью, фрагментарностью и преобладанием визуального контента, оказывают существенное влияние на когнитивные процессы моло-

дежи. В частности, выявлена значительная роль визуального кодирования и развивающегося в связи с этим клипового мышления в обработке больших объемов информации. Молодежь демонстрирует высокую скорость адаптации к визуальным форматам, однако, при этом наблюдается тенденция к снижению глубины анализа и критической оценки информации.

Исследование также подчеркивает влияние алгоритмически сформированных фильтров внимания и систем персонализации на формирование индивидуальной информационной картины мира. Алгоритмы, обученные на основе пользовательских данных, создают замкнутые информационные пузыри, ограничивающие доступ к альтернативным точкам зрения и усиливающие эффект эхо-камер. Это, в свою очередь, может приводить к поляризации взглядов и затруднять конструктивный диалог в обществе. Выявлена необходимость разработки стратегий, направленных на расширение информационного поля и стимулирование интереса к различным перспективам.

В заключение следует отметить, что процессы восприятия информационных потоков молодежью в условиях цифровой среды представляют собой сложную и динамично развивающуюся систему, требующую дальнейшего исследования. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости формирования у молодежи комплексных навыков информационной грамотности, включающих визуальную компетентность, критическое мышление, способности к навигации в информационных потоках и резистентность к манипулятивным воздействиям. В перспективе важно разработать эффективные образовательные программы и технологические решения, способствующие формированию информационно компетентного, критически мыслящего и ответственного поколения молодежи. Такие специалисты смогут успешно адаптироваться к динамично изменяющемуся технологическому окружению и эффективно противостоять информационным угрозам. Практическое применение результатов данного исследования может способствовать совершенствованию медиаобразования, повышению информационной безопасности и активизации осознанного участия молодежи в цифровом социуме.

Список источников

1. Волков В.А., Востряков Л.Е. Идеология и культура в контексте государственной культурной политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. №3. С. 18 – 23.
2. Волков В.А., Востряков Л.Е. Консервативный реализм как идеология современной государственной культурной политики России // Культура и образование. 2022. № 3. С. 14 – 20.
3. Елшанский С.П. Когнитивные механизмы школьников в условиях цифровизации // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология, 2020 г. С. 98 – 104.

4. Колечкин И.С., Середа Е.В. Персональная технологическая карта обучающихся // География в школе. 2013. № 9. С. 48 – 51.
5. Купцова С.А. Дидактическая модель развития экологической культуры студентов в процессе гуманитарной подготовки в вузе (на примере изучения курса "Психология"): специальность 13.00.08 "Теория и методика профессионального образования": дис. ... канд. педаг. наук. Великий Новгород, 2007. 193 с.
6. Минаков А.В., Суглобов А.Е. Концепция цифрового маркетинга: новые подходы к использованию маркетинга в цифровой экономике // Вопросы региональной экономики. 2023. № 1 (54). С. 41 – 48.
7. Минаков А.В., Суглобов А.Е. Развитие и проблемы цифровизации банковских услуг // Modern Economy Success. 2021. № 4. С. 88 – 102.
8. Пудалов А.Д. Клиповое мышление – современный подход к познанию // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2011. Т. 1. № 1. С. 36.
9. Смирнова Е.О., Матушкина Н.Ю., Смирнова С.Ю. Виртуальная реальность в раннем и дошкольном детстве // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 3. С. 42 – 53.
10. Фельдман А.Б. Клиповое мышление // Интернет-телевидение Новокузнецка. Опубликовано 04.05.2014. URL: <http://ruskolan.xpomo.com/tolpa/clip.htm> (дата обращения: 20.04.2025)

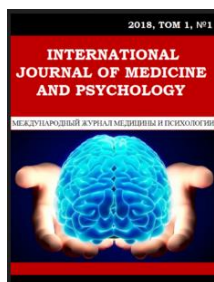
References

1. Volkov V.A., Vostryakov L.E. Ideology and culture in the context of state cultural policy. Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2022. No. 3. P. 18 – 23.
2. Volkov V.A., Vostryakov L.E. Conservative realism as an ideology of modern state cultural policy of Russia. Culture and education. 2022. No. 3. P. 14 – 20.
3. Elshansky S.P. Cognitive mechanisms of schoolchildren in the context of digitalization. Humanitarian studies. Pedagogy and psychology, 2020. P. 98 – 104.
4. Kolechkin I.S., Sereda E.V. Personal technological map of students. Geography at school. 2013. No. 9. P. 48 – 51.
5. Kuptsova S.A. Didactic model of development of students' ecological culture in the process of humanitarian training at the university (on the example of studying the course "Psychology"): specialty 13.00.08 "Theory and methods of professional education": dis. ... candidate of pedagogical sciences. Veliky Novgorod, 2007. 193 p.
6. Minakov A.V., Suglobov A.E. Concept of digital marketing: new approaches to the use of marketing in the digital economy. Issues of regional economics. 2023. No. 1 (54). P. 41 – 48.
7. Minakov A.V., Suglobov A.E. Development and problems of digitalization of banking services. Modern Economy Success. 2021. No. 4. P. 88 – 102.
8. Pudalov A.D. Clip thinking – a modern approach to cognition. Modern technologies and scientific and technical progress. 2011. Vol. 1. No. 1. P. 36.
9. Smirnova E.O., Matushkina N.Yu., Smirnova S.Yu. Virtual reality in early and preschool childhood. Psychological science and education. 2018. Vol. 23. No. 3. P. 42 – 53.
10. Feldman A.B. Clip thinking. Internet television of Novokuznetsk. Published 04.05.2014. URL: <http://ruskolan.xpomo.com/tolpa/clip.htm> (date of access: 20.04.2025)

Информация об авторе

Шевцова А.В., аспирант, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, anamoskovskaya@gmail.com

© Шевцова А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.973

¹ **Кравцова М.В.,**

¹ *Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Беларусь*

Теория и практика развития гражданского самосознания и патриотизма у взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью

Аннотация: смена вектора социальной политики государства в сторону деинституализации и максимального включения в жизнь общества лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, в том числе с интеллектуальной недостаточностью и комплексными нарушениями развития, требует особого внимания к развитию их личностных структур. Развитие гражданского самосознания у взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью вплетено в общий целенаправленный организованный процесс развития личности, определяемый научным психологическим пониманием структуры личности и механизмов ее формирования. Разработка и апробация модели развития гражданского самосознания проводилась в рамках генерального исследования динамики развития личности взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью в специально организованных социально-психологических условиях, и было построено с использованием лонгитюдного метода. Развитие гражданского самосознания и гражданской зрелости предполагает этапность и уровневость: от появления социально значимых мотивов до развития гражданской идентичности и гражданской зрелости с активным их проявлением на поведенческом уровне в жизненных выборах, поступках, деятельности. Наше исследование позволяет сделать вывод о том, что при грамотном построении методологической основы, соблюдении психологических принципов и механизмов, возможно и необходимо развитие гражданского самосознания у лиц с интеллектуальной недостаточностью, что позволит обеспечить их гармоничное включение в общественную жизнь страны. При этом, развитие гражданского самосознания укладывается в общую концепцию развития личности взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью в специально организованных социально-психологических условиях, и является неотрывным от него.

Ключевые слова: личность, гражданское самосознание, гражданская идентичность, гражданская зрелость, модель развития гражданского самосознания, социальная инклюзия, интеллектуальная недостаточность

Для цитирования: Кравцова М.В. Теория и практика развития гражданского самосознания и патриотизма у взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 319 – 325.

Поступила в редакцию: 27 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Kravtsova M.V.,

¹ Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarus

Theory and practice of the development of civic consciousness and patriotism in adults with moderate intellectual disability

Abstract: the evolving trajectory of national social policy – marked by a transition toward deinstitutionalization and the inclusive integration of individuals with disabilities, including those with intellectual and complex developmental impairments – necessitates a focused psychological inquiry into the development of individual personality structures. Within this framework, the cultivation of civic self-awareness in adults with moderate intellectual disabilities is conceptualized as an integral component of a broader, systematically organized process of personality development. This process is grounded in contemporary psychological theory concerning the structural organization of personality and the mechanisms underlying its formation. A developmental model of civic self-awareness was designed and empirically validated through a longitudinal study examining the dynamics of personality growth in adults with moderate intellectual disabilities. The study was conducted under controlled socio-psychological conditions specifically structured to support adaptive functioning and psychosocial engagement. The acquisition of civic self-awareness and the attainment of civic maturity are understood as sequential and hierarchical processes. These range from the emergence of socially oriented motivational patterns to the consolidation of civic identity and the manifestation of civic maturity, evidenced through autonomous decision-making, socially responsible behavior, and active civic participation. Findings from this research underscore the viability and necessity of fostering civic self-awareness in individuals with intellectual disabilities, provided that the developmental process is anchored in a robust methodological framework and adheres to established psychological principles. Such efforts are essential for facilitating their meaningful and sustainable inclusion in the sociocultural fabric of society. Furthermore, the development of civic self-awareness is not an isolated phenomenon but is embedded within the overarching paradigm of personality development in adults with moderate intellectual disabilities. It is inextricably linked to the broader psychosocial context and must be addressed as part of a comprehensive developmental strategy.

Keywords: individual personality, civic self-awareness, civic identity, civic maturity, developmental model of civic self-awareness, social inclusion, intellectual disability

For citation: Kravtsova M.V. Theory and practice of the development of civic consciousness and patriotism in adults with moderate intellectual disability. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 319 – 325.

The article was submitted: June 27, 2025; Approved after reviewing: August 25, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Смена вектора социальной политики как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь в сторону деинституализации [1, 2] и максимального включения в жизнь общества лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, в том числе с интеллектуальной недостаточностью и комплексными нарушениями развития, требует особого внимания к развитию личности последних [3, 4].

Стабильное и гармоничное функционирование общества обеспечивается достаточным уровнем развития такого компонента самосознания, как гражданское. В связи с этим, в разработанной нами концепции развития личности взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью самостоятельной задачей стоит развитие понимания базовых ценностей, осознания своей принад-

лежности к определенному обществу, культуре, национальности, укрепление гражданской ответственности и развитие активной гражданской позиции.

Материалы и методы исследований

Исследование гражданского самосознания проводилось в рамках генерального исследования динамики развития личности взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью в специально организованных социально-психологических условиях, и было построено с использованием лонгитюдного метода, т.к., учитывая специфику дизонтогенеза, наибольший эффект в решении научных задач могло дать только пролонгированное во времени исследование с многократной фиксацией показателей на одной выборке лиц. Данный тип исследования позволяет исключить влияние на результаты неустойчивости психики и

большую, чем у нормативно развивающихся лиц, зависимость от ситуативных и случайных факторов. Специально организованные социально-психологические условия включены в разработанную концепцию развития личности взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью, предполагающую их включение в систему защищенной трудовой занятости, дополненную программами личностного развития, а также программами работы с ближайшим семейным окружением и психолого-педагогическим составом, осуществляющим сопровождение взрослых лиц.

Результаты и обсуждения

Формирование гражданского самосознания достаточно длительный и трудоемкий процесс, и вплетен в общий целенаправленный организованный процесс развития личности взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью, определяемый научным психологическим пониманием структуры личности и механизмов ее формирования.

В разработанной и апробированной нами модели развития гражданского самосознания, мы исходим из понимания процесса его развития, как напрямую связанного с процессами личностного развития и взросления. В работе мы опираемся на психологические концепции взросления и зрелости, смещающие акцент с уровня биологического созревания и хронологического возраста на психологические характеристики личности, а возраст трактуется, прежде всего, как социально-психологическая категория [5, 6, 7].

Гражданскую зрелость в общей структуре зрелости личности выделял Б.Г. Ананьев, как один из планов развития личности, наряду с умственной, нравственной, семейной, трудовой зрелостью [5]. На активность субъекта как важнейшую характеристику личностного развития указывает, развивая концепцию индивидуальности Б.Г. Ананьева, Н. А. Логинова [8]. Н.А. Гришина раскрывает способности человека на этапе интеграции всех уровней быть субъектом собственной жизни с проявлением активной позиции не только в выстраивании собственной жизни, но и активного отношения к миру [9]. Микляева А.В. обозначала, что такие предик-

торы конструктивного патриотизма как взгляды на общественное устройство и нормы морали, регулирующие социальную активность, эмпирически верифицируются в контексте изучения социальных аксиом и моральных оснований личности [10]. Схожие закономерности прослеживаются и в исследованиях Емельяновой Е.А., которая зафиксировала, что уровень гражданского самосознания связан с представлениями о себе, о своей роли в обществе и ценностным выбором [11]. В зарубежных исследованиях гражданское самосознание рассматривается преимущественно в контексте глобального гражданства [12, 13, 14].

При построении нашей модели развития гражданского самосознания учитывалась социокультурная детерминация личностного развития и социального поведения человека. Особую ценность в этом контексте представляют базовые научные представления Л.С. Выготского, характеризующие самосознание не как врожденную функцию, а как результат развития высших психических функций в культурной среде [15]. В исследованиях Галкиной Е.П., Кадничанской М.И., Климович Л.В. отдельно подчеркивается роль средового фактора [16]. Таким образом можно говорить о формировании социокультурной идентичности [17, 18, 19]. Собственно культурная идентичность по утверждению В.Ю. Бельского, А.А. Васечко, А.Л. Золкина способствует личностному развитию человека и обретению цивилизационного суверенитета [20]. В этом контексте интерес также представляет актуализация идей Л.С. Выготского в развитии теории и практики нравственного воспитания В.П. Горленко [21]. На этот аспект указывает и научный анализ Iceland J. et al., где подчеркивается, что для людей при более выраженной моральной интуиции, с большей вероятностью будет характерно проявление патриотизма [22]. На необходимость создания социокультурной среды развития указывает также Л.И. Маленкова [23].

Схему развития гражданской зрелости, которая обеспечивается достаточным уровнем развития гражданского самосознания можно представить следующим образом.



Рис. 1. Этапы и уровни развития гражданской зрелости.
Fig. 1. Stages and levels of development of civic maturity.

Исходя из понимания того, что самосознание – это не врожденная данность, а психическое образование, предполагающее процесс, и которое развивается в онтогенезе личности, работа со взрослыми с умеренной интеллектуальной недостаточностью по формированию гражданской зрелости на своем первоначальном этапе требует акцентирования внимания на появлении даже в минимальном проявлении социально-значимых мотивов, которые лягут в основу системы внутренних побуждений и ценностей, и в последующем будут определять осознанное гражданское поведение.

Уровень гражданской активности отражает степень развития конативного компонента гражданского самосознания, выражающегося в готовности действовать в интересах государства и общего блага. Влияние взглядов на общественное устройство и нормы морали как наиболее значимые регуляторы социальной активности прослеживаются и в зарубежных исследованиях [22]. При достаточном развитии гражданского самосознания достигается высший уровень, который мы определяем как гражданскую зрелость, характеризующуюся позитивной гражданской идентичностью [24], которая обуславливает патриотические установки [25].

В исследовании принимало участие 166 человек в возрасте от 18 лет, длительность лонгитюдного наблюдения составляла по каждому испытуемому от 12 до 25 лет. Модель развития гражданского самосознания, включенная в общую кон-

цепцию развития личности взрослого с умеренной интеллектуальной недостаточностью в специально организованных социально-психологических условиях, продемонстрировала свою эффективность. У всех участников, включенных в систему целенаправленного развития наблюдалась прогрессивная линия в области личностных компонентов, и гражданского самосознания, в частности. Наиболее продуктивное приращение можно было наблюдать в работе с когнитивным компонентом гражданского самосознания. Представления об устройстве государства, истории и базовых ценностях Отечества, нормах формируются с более высокими темпами и более эффективно по отношению к эмоциональному компоненту.

Выводы

Наше лонгитюдное исследование развития личности, и, в частности, гражданского самосознания у взрослых с умеренной интеллектуальной недостаточностью в специально организованных социально-психологических условиях, позволяет сделать вывод о том, что при грамотном построении методологической основы, соблюдении психологических принципов и механизмов, вытекающих из методологической основы, возможно и необходимо развитие гражданского самосознания у лиц с интеллектуальной недостаточностью, что позволит обеспечить их достаточную социальную инклюзию и гармоничное включение в общественную жизнь страны.

Список источников

1. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (в ред. от 31.07.2025). Ст. 20 «Обеспечение занятости инвалидов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4563. Режим доступа: Контур.Норматив (дата обращения: 02.06.2025)
2. Конвенция о правах инвалидов. Ратифицирована Федеральным законом от 03.05.2012 № 46-ФЗ. Вступила в силу для Российской Федерации 25.10.2012. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201304220018?index=1> (дата обращения: 02.06.2025)
3. Кравцова М.В. Современная парадигма социально-психологической помощи людям с особенностями психофизического развития // Философия и социальные науки в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26-27 сент. 2019 г. / редкол.: В.Ф. Гигин и др. Минск: БГУ, 2019. С. 505 – 508.
4. Кравцова М.В. Опыт реализации защищённой трудовой занятости взрослых с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Донецк, 2022 / под ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангелиной. Донецк: ДонНУ, 2022. С. 271 – 277.
5. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001. 272 с. (Мастера психологии).
6. Бельский В.Ю., Д.Н. Боровинская, А.П. Воеводин и др. Человек: индивид, индивидуальность, личность. М.: Инфра, 2022. 351 с. (Научная мысль).
7. Папуча Н.В., Наконечная М.Н. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского // Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология: материалы VII Междунар. науч. конф., Гомель, 18-19 нояб. 2021 г. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. С. 51 – 54.
8. Логинова Н.А. Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб., 2005. 196 с.
9. Гришина Н.В. Онтопсихология: психология человека как субъекта жизни // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 9 / под ред. Л.А. Коростылевой. СПб., 2005. С. 63.
10. Микляева А.В. Социально-психологические предикторы конструктивного патриотизма подростков // Психология личности: методология, теория, практика / отв. ред. Д.В. Ушаков др. М.: Институт психологии РАН, 2024. 1194 с. (Методология, теория и история психологии).
11. Емельянова Е.А. Проявление гражданской позиции в контексте развития эго-идентичности в ранней и поздней юности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11, вып. 3. С. 250 – 264. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.304>
12. Tarman B., Kilinc E. Predicting High School Students' Global Civic Engagement: A Multiple Regression Analysis // The Journal of Social Studies Research. 2023. Vol. 47. № 1. P. 56 – 63. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jssr.2022.02.001>
13. Kishino H., Takahashi T. Global Citizenship Development: Effects of Study Abroad and Other Factors // Journal of International Students. 2019. Vol. 9. № 2. P. 535 – 559. DOI: <https://doi.org/10.32674/jis.v9i2.390>
14. Bosio E., Torres C. A., Gaudelli W. Exploring values and knowledge in global citizenship education: Theoretical and empirical insights from scholars worldwide // Prospects. 2023. Vol. 53. P. 195 – 202. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11125-023-09658-5>
15. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
16. Галкина Е.П., Кадничанская М.И., Климович Л.В. Факторы формирования взглядов студентов вузов на российскую государственность // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 3 (28). С. 88 – 98.
17. Маркина Н.В., Качуро И.Л., Морозова М.И. Теоретические аспекты формирования социокультурной идентичности современных подростков с признаками одарённости // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2024. № 4. С. 12 – 30. DOI: [10.35231/18186653_2024_4_12](https://doi.org/10.35231/18186653_2024_4_12)
18. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии / под ред. И.А. Стернина. Воронеж : Истоки, 2002. 248 с. Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Teoreticheskie_problemy_jazykoznanija/Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf (дата обращения: 02.06.2025)
19. Золкин А.Л. Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. М.: Изд-во «Шелест», 2021. 308 с.

20. Бельский В.Ю., Васечко А.А., Золкин А.Л. Системная модель образования и проблема формирования культурной идентичности личности в условиях достижения цивилизационного суверенитета // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 289 – 294. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-5-289-294
21. Горленко В.П. Актуальность идей Л.С. Выготского в развитии теории и практики нравственного воспитания // Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психология: проблемы развития личности в изменчивом мире: сб. материалов VII Междунар. науч. конф., Гомель, 18-19 нояб. 2021 г. / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Российский центр науки и культуры в Гомеле; редкол.: И.В. Сильченко (гл. ред.) [и др.]. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. С. 43 – 47.
22. Iceland J., Silver E., Goff K. For whom is patriotism blind? Examining the roles of moral intuitions and system justification // Social Science Research. 2023. Vol. 112. Article 102811. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2022.102811
23. Маленкова Л.И. Теория и методика воспитания: учеб. пособие. М.: Педагогическое общество России, 2002. 480 с.
24. Basir S.N.M., Ismail F., Othman N.Z., Hassan J. Using multiple regression approach to study youth's patriotism tendency // International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences. 2021. Vol. 11, № 7. P. 710 – 719. doi: 10.6007/ijarbss/v11-i7/10529
25. Schatz R.T., Staub E., Lavine H.G. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // Political Psychology. 1999. Vol. 20. № 1. P. 151 – 174. doi: 10.1111/0162-895x.00140

References

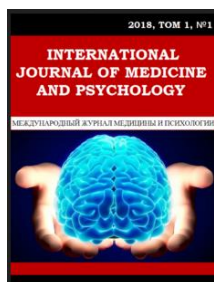
1. Federal Law of 24.11.1995 No. 181-FZ "On Social Protection of Disabled Persons in the Russian Federation" (as amended on 31.07.2025). Art. 20 "Ensuring Employment of Disabled Persons". Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 48. Art. 4563. Access mode: Kontur.Normative (date of access: 02.06.2025)
2. Convention on the Rights of Persons with Disabilities. Ratified by Federal Law of 03.05.2012 No. 46-FZ. Entered into force for the Russian Federation on 25.10.2012. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201304220018?index=1> (date accessed: 02.06.2025)
3. Kravtsova M.V. Modern paradigm of social and psychological assistance to people with special needs of psychophysical development. Philosophy and social sciences in the modern world: materials of the Int. scientific-practical. conf., Minsk, September 26-27, 2019. editorial board: V.F. Gigin et al. Minsk: BSU, 2019. pp. 505 - 508.
4. Kravtsova M.V. Experience of implementing protected employment of adults with special needs of psychophysical development in the Republic of Belarus. Personal and situational determinants of human behavior and activity: materials of the Int. scientific-practical. conf., Donetsk, 2022. edited by A.V. Gordeeva, E.A. Angelina. Donetsk: DonNU, 2022. P. 271 – 277.
5. Ananyev B.G. On the Problems of Modern Study of Humanity. SPb.: Piter, 2001. 272 p. (Masters of Psychology).
6. Belsky V.Yu., D.N. Borovinskaya, A.P. Voevodin, et al. Man: Individual, Individuality, Personality. Moscow: Infra, 2022. 351 p. (Scientific Thought).
7. Papucha N.V., Nakonechnaya M.N. Cultural-historical theory of L.S. Vygotsky. L.S. Vygotsky and modern cultural-historical psychology: materials of the VII Int. scientific conf., Gomel, November 18-19. 2021 Gomel: GSU im. F. Skorina, 2021. P. 51 – 54.
8. Loginova N.A. Experience of human knowledge: history of an integrated approach in the psychological schools of V.M. SPb., 2005. 196 p.
9. Grishina N.V. Ontopsychology: psychology of man as a subject of life. Psychological problems of personality self-realization. Issue. 9 / edited by L.A. Korostyleva. SPb., 2005. P. 63.
10. Miklyaeva A.V. Social and psychological predictors of constructive patriotism of adolescents. Psychology of personality: methodology, theory, practice/ed. D.V. Ushakov et al. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2024. 1194 p. (Methodology, theory and history of psychology).
11. Emelyanova E.A. Manifestation of civic position in the context of ego-identity development in early and late adolescence. Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2021. Vol. 11, issue 3. P. 250 – 264. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.304>
12. Tarman B., Kilinc E. Predicting High School Students' Global Civic Engagement: A Multiple Regression Analysis. The Journal of Social Studies Research. 2023. Vol. 47. No. 1. P. 56 – 63. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jssr.2022.02.001>
13. Kishino H., Takahashi T. Global Citizenship Development: Effects of Study Abroad and Other Factors. Journal of International Students. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 535 – 559. DOI: <https://doi.org/10.32674/jis.v9i2.390>

14. Bosio E., Torres C. A., Gaudelli W. Exploring values and knowledge in global citizenship education: Theoretical and empirical insights from famous worldwide. *Prospects*. 2023. Vol. 53. P. 195 – 202. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11125-023-09658-5>
15. Vygotsky L.S. *Pedagogical Psychology*. edited by V.V. Davydov. Moscow: Pedagogy, 1991. 480 p.
16. Galkina E.P., Kadnichanskaya M.I., Klimovich L.V. Factors in the Formation of University Students' Views on Russian Statehood. *Humanitarian Studies of Central Russia*. 2023. No. 3 (28). P. 88 – 98.
17. Markina N.V., Kachuro I.L., Morozova M.I. Theoretical Aspects of the Formation of the Sociocultural Identity of Modern Adolescents with Signs of Giftedness. *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2024. No. 4. P. 12 – 30. DOI: 10.35231/18186653_2024_4_12
18. Language and National Consciousness. Theoretical and Methodological Issues. edited by I.A. Sternin. Voronezh: Istoki, 2002. 248 p. Access mode: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicatii/Teoreticheskie_problemy_jazykoznanija/Jazyk_i_nacionalnoe_soznanie_2002.pdf (accessed: 02.06.2025)
19. Zolkin A.L. *Civilizational Sovereignty, Cultural Identity and Ethical Position*. M.: Shelest Publishing House, 2021. 308 p.
20. Belsky V.Yu., Vasechko A.A., Zolkin A.L. Systemic Model of Education and the Problem of Forming the Cultural Identity of an Individual in the Context of Achieving Civilizational Sovereignty. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 5. P. 289 – 294. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-5-289-294
21. Gorlenko V.P. Relevance of L.S. Vygotsky's ideas in the development of the theory and practice of moral education. L.S. Vygotsky and modern cultural-historical psychology: problems of personality development in a changing world: collection of materials of the VII Intern. scientific conf., Gomel, November 18-19, 2021. Gomel State University named after F. Skorina, Russian Center for Science and Culture in Gomel; editorial board: I.V. Silchenko (editor-in-chief) [and others]. Gomel: GSU named after F. Skorina, 2021. Pp. 43 – 47.
22. Iceland J., Silver E., Goff K. For whom is patriotism blind? Examining the roles of moral intuitions and system justification. *Social Science Research*. 2023. Vol. 112. Article 102811. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2022.102811
23. Malenkova L.I. *Theory and methods of education: textbook. manual*. Moscow: Pedagogical Society of Russia, 2002. 480 p.
24. Basir S.N.M., Ismail F., Othman N.Z., Hassan J. Using multiple regression approach to study youth's patriotism tendency. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2021. Vol. 11, No. 7. P. 710 – 719. doi: 10.6007/ijarbss/v11-i7/10529
25. Schatz R.T., Staub E., Lavine H.G. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*. 1999. Vol. 20. No. 1. P. 151 – 174. doi: 10.1111/0162-895x.00140

Информация об авторе

Кравцова М.В., кандидат психологических наук, доцент, докторант, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Беларусь, marina.v.kravtsova@gmail.com

© Кравцова М.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9.07

^{1,2} **Родина М.Г.,**

³ **Родина М.А.,**

¹ Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского,

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,

³ Институт гуманитарного образования и информационных технологий

Психологические факторы профессионального самоопределения в маркетинге: роль индивидуально-типологических особенностей личности

Аннотация: цель настоящего исследования заключается в выявлении взаимосвязи между индивидуально-типологическими особенностями личности и профессиональным самоопределением в сфере маркетинга. В авторском исследовании приняли участие 180 студентов старших курсов и молодых специалистов в возрасте от 20 до 28 лет. Методы авторского исследования включали пятифакторный личностный опросник «Большая пятерка», методику профессионального самоопределения Дж. Холланда, авторскую анкету профессиональных предпочтений в маркетинге. Результаты авторского показали значимые корреляции между экстраверсией, открытостью опыту, добросовестностью и выбором маркетинговых специализаций. В процессе исследования, автором установлено, что лица с высокими показателями экстраверсии и открытости опыту чаще выбирают креативные направления маркетинга, тогда как высокая добросовестность связана с предпочтением аналитических специализаций. Выводы настоящего исследования могут быть использованы для профессиональной ориентации и развития кадрового потенциала в маркетинговой сфере.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, маркетинг, индивидуально-типологические особенности, личностные факторы, «Большая пятерка», профессиональные предпочтения, карьерная ориентация, психология личности

Для цитирования: Родина М.Г., Родина М.А. Психологические факторы профессионального самоопределения в маркетинге: роль индивидуально-типологических особенностей личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 326 – 332.

Поступила в редакцию: 28 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

^{1,2} **Rodina M.G.,**

³ **Rodina M.A.,**

¹ University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky,

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

³ Institute of Humanitarian Education and Information Technologies

Psychological factors of professional self-determination in marketing: the role of individual-typological personality characteristics

Abstract: the purpose of this study is to identify the relationship between individual-typological personality traits and professional self-determination in marketing. The authors' study involved 180 senior students and young professionals aged 20 to 28 years. The methods of the authors' study included the five-factor personality questionnaire "Big Five", the method of professional self-determination by J. Holland, the authors' questionnaire of professional preferences in marketing. The results of the authors' study showed significant correlations between extrover-

sion, openness to experience, conscientiousness and the choice of marketing specializations. In the course of the study, the author found that individuals with high rates of extroversion and openness to experience more often choose creative areas of marketing, while high conscientiousness is associated with a preference for analytical specializations. The findings of this study can be used for professional orientation and development of human resources in the marketing sphere.

Keywords: professional self-determination, marketing, individual typological characteristics, personal factors, "Big Five", professional preferences, career orientation, personality psychology

For citation: Rodina M.G., Rodina M.A. Psychological factors of professional self-determination in marketing: the role of individual-typological personality characteristics. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 326 – 332.

The article was submitted: June 28, 2025; Approved after reviewing: August 26, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современный рынок труда характеризуется высокой динамичностью и постоянно растущими требованиями к профессиональным компетенциям специалистов. По мнению авторов, особенно это касается сферы маркетинга, которая за последние десятилетия претерпела значительные трансформации под влиянием цифровизации, глобализации и изменения потребительского поведения. В этих условиях вопросы профессионального самоопределения приобретают особую актуальность, поскольку успешность карьеры во многом зависит от соответствия индивидуальных особенностей личности требованиям профессиональной деятельности. [1]

Актуальность исследования, по мнению авторов настоящего исследования, обусловлена несколькими факторами. Во-первых, маркетинг как профессиональная область включает в себя широкий спектр специализаций, от креативных направлений до аналитических, что требует различных личностных качеств и способностей. Во-вторых, неправильный выбор профессиональной специализации может привести к снижению эффективности деятельности, профессиональному выгоранию и неудовлетворенности карьерой. В-третьих, понимание психологических факторов профессионального самоопределения позволяет оптимизировать процессы профориентации и кадрового отбора в организациях.

Проведенный авторами настоящего исследования теоретический анализ научных исследований отечественных и зарубежных исследователей (ученых), позволяет сделать вывод о том, что исследование профессионального самоопределения осуществляется в рамках различных направлений: социологическое направление (В.В. Водзинская, И.С. Кон, М.Х. Титма), профориентационное направление (Е.И. Головаха, А.Е. Голомшток, Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, П.А. Шавир), жизнедеятельностное направление (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Божович, М.Р. Гинзбург, В.А. Крутецкий), профессиональное развитие (В.А. Бодров, Э.Ф. Зеер, В.Т. Кудрявцев, А.К. Маркова, Ю.П. Поваренков). [2]

Значительное внимание в отечественной психологии уделяется анализу структуры профессионального самоопределения (Е.М. Борисова, Е.А. Климов, И.В. Кузнецова), изучению факторов профессионального самоопределения (Н.С. Глухонюк, И.Н. Захаровой, Г.П. Никова, О.В. Падалко, В.Ф. Сафина, С.Н. Чистяковой). На каждом этапе развития общества эта тема получает новое содержательное и инструментальное наполнение, реализуясь в различных концепциях отечественных и зарубежных авторов. [3]

Проблема взаимосвязи структурных компонентов личности, в том числе ее направленности, с профессиональным самоопределением активно изучается современными исследователями. Н.С. Пряжников и Е.Ю. Пряжникова отмечают: "неразрывность профессионального самоопределения с самореализацией в различных жизненных сферах". [4]

Исследователь Черная, А.В., отмечает, что: "в современной психологической науке остается значимым исследование и раскрытие взаимосвязи личностной направленности и профессионального самоопределения подростков". [5]

Алашеев, С.Ю. отмечает, что: "Изучение поведения молодых людей в условиях неоднозначности профессионального будущего становится все более актуальной темой для исследований в области профессионального самоопределения. Цель исследования – систематизировать поведенческие практики профессионального самоопределения молодежи и выявить особенности реализации профессионально-образовательного выбора в зависимости от типовых ситуаций многовариантного выбора и характеристик целевых групп моло-

дых людей" [6].

Исследователь Алескеров, Ф.А. в рамках своей статьи, рассматривает выбор профессии, как: "сложный процесс, который определяется множеством факторов. Прежде всего, он зависит от особенностей социальной структуры общества, в рамках которой осуществляется выбор" [7].

Цель исследования состоит в выявлении специфических взаимосвязей между индивидуально-типологическими особенностями личности и профессиональным самоопределением в различных направлениях маркетинговой деятельности.

Задачи исследования включают:

- авторский анализ структуры профессиональных предпочтений в сфере маркетинга у студентов и молодых специалистов;
- анализ индивидуально-типологических особенностей личности представителей различных маркетинговых специализаций;
- авторское определение корреляционных связей между личностными факторами и выбором конкретных направлений маркетинговой деятельности;
- авторская разработка психологических рекомендаций по оптимизации процесса профессионального самоопределения в маркетинге.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось авторами в период с сентября 2023 года по май 2024 года на базе трех московских вузов, осуществляющих подготовку специалистов в области маркетинга и смежных направлений. Выборку составили 180 человек в возрасте от 20 до 28 лет, из них 108 женщин и 72 мужчины. Среди участников исследования 120 человек составили студенты 3-4 курсов бакалавриата и магистратуры, 60 человек – молодые специалисты с опытом работы в маркетинге до 3 лет.

Критериями включения в выборку являлись: возраст от 20 до 28 лет, обучение по специальностям маркетингового профиля или работа в сфере маркетинга, добровольное согласие на участие в исследовании. Критерии исключения из авторской выборки: наличие серьезных психических расстройств, отказ от участия в исследовании на любом этапе.

Методический инструментарий исследования включал несколько диагностических методик. Для

изучения индивидуально-типологических особенностей личности, авторами использовался пяти-факторный личностный опросник «Большая пятерка» в адаптации А.Б. Хромова, позволяющий оценить выраженность экстраверсии, доброжелательности, добросовестности, нейротизма и открытости опыту. Профессиональные интересы и склонности изучались авторами с помощью методики профессионального самоопределения Дж. Холланда в адаптации А.А. Азбель, позволяющей выделить шесть типов профессиональной направленности: реалистический, исследовательский, артистический, социальный, предпринимательский и конвенциональный [8].

Для более детального изучения профессиональных предпочтений в маркетинге была разработана авторская анкета, включающая 42 вопроса, направленных на выявление интереса к различным маркетинговым специализациям. Анкета позволяла оценить склонность респондентов к следующим направлениям: digital-маркетинг, контент-маркетинг, бренд-менеджмент, маркетинговые исследования, продуктовый маркетинг, событийный маркетинг, PR и коммуникации. Каждое направление оценивалось по 6 вопросам с использованием 5-балльной шкалы Лайкерта [9].

Дополнительно авторами проводилось полуструктурированное интервью с 30 участниками исследования для качественного анализа мотивов выбора маркетинговых специализаций и факторов, влияющих на профессиональное самоопределение. Интервью включало вопросы о профессиональных планах, представлениях о различных маркетинговых специализациях, факторах выбора будущей профессии.

Результаты и обсуждения

Проведенный в процессе исследования анализ структуры профессиональных предпочтений показал, что наибольший интерес у участников исследования вызывают digital-маркетинг (средний балл $4,2 \pm 0,8$), бренд-менеджмент ($3,9 \pm 0,9$) и контент-маркетинг ($3,7 \pm 1,0$). Наименьший интерес проявляется к маркетинговым исследованиям ($3,1 \pm 1,1$) и событийному маркетингу ($3,0 \pm 1,2$). Данные результаты отражают современные тенденции развития маркетинга, связанные с цифровизацией и возрастающей ролью онлайн-коммуникаций.

Таблица 1
Средние значения показателей личностных факторов в различных группах маркетинговых предпочтений.
Table 1

Average values of personal factors in different groups of marketing preferences.

Маркетинговая специализация	Экстраверсия	Доброжелательность	Добросовестность	Нейротизм	Открытость опыту
Digital-маркетинг	3,8±0,7	3,6±0,8	4,1±0,6	2,9±0,9	4,3±0,5
Контент-маркетинг	3,9±0,8	3,8±0,7	3,7±0,8	3,1±1,0	4,5±0,4
Бренд-менеджмент	4,2±0,6	3,5±0,9	4,0±0,7	2,8±0,8	4,0±0,7
Маркетинговые исследования	3,2±0,9	3,7±0,8	4,4±0,5	2,6±0,7	3,8±0,8
Продуктовый маркетинг	3,6±0,8	3,9±0,6	4,2±0,6	2,7±0,8	3,9±0,7
Событийный маркетинг	4,4±0,5	4,0±0,7	3,6±0,9	3,2±1,1	4,1±0,6
PR и коммуникации	4,3±0,6	3,8±0,8	3,8±0,8	3,0±0,9	4,2±0,6

Корреляционный анализ, проведенный авторами в процессе исследования, выявил статистически значимые связи между личностными факторами и профессиональными предпочтениями в маркетинге. Экстраверсия положительно коррелировала с интересом к событийному маркетингу ($r=0,68$, $p<0,001$), PR и коммуникациям ($r=0,65$, $p<0,001$), бренд-менеджменту ($r=0,52$, $p<0,001$). Данные результаты согласуются с теоретическими представлениями о том, что экстравертированные личности предпочитают профессии, связанные с активным межличностным взаимодействием и публичной деятельностью.

Открытость опыту демонстрировала наиболее сильные корреляции с контент-маркетингом

($r=0,71$, $p<0,001$), digital-маркетингом ($r=0,63$, $p<0,001$) и PR-деятельностью ($r=0,58$, $p<0,001$). Авторы объясняют это тем, что данные направления требуют креативности, готовности к экспериментам и освоению новых технологий, что характерно для лиц с высокой открытостью опыту.

Добросовестность показала положительные корреляции с маркетинговыми исследованиями ($r=0,59$, $p<0,001$), продуктовым маркетингом ($r=0,54$, $p<0,001$) и digital-маркетингом ($r=0,48$, $p<0,01$). Данная закономерность, по мнению авторов, отражает специфику этих направлений, требующих систематичности, внимания к деталям и методичности в работе.

Таблица 2
Корреляционные связи между личностными факторами и маркетинговыми предпочтениями.
Table 2

Correlation links between personal factors and marketing preferences.

Личностный фактор	Digital	Контент	Бренд	Исследования	Продукт	События	PR
Экстраверсия	0,31*	0,38**	0,52***	-0,22	0,28*	0,68***	0,65***
Доброжелательность	0,19	0,25*	0,21	0,33*	0,41**	0,45**	0,39**
Добросовестность	0,48**	0,29*	0,42**	0,59***	0,54***	0,18	0,35*
Нейротизм	-0,28*	-0,19	-0,31*	-0,41**	-0,33*	-0,15	-0,22
Открытость опыту	0,63***	0,71***	0,46**	0,27*	0,38**	0,51***	0,58***

* $p<0,05$, ** $p<0,01$, *** $p<0,001$.

* $p<0,05$, ** $p<0,01$, *** $p<0,001$.

Интересные результаты получены авторами при анализе связи нейротизма с профессиональными предпочтениями. Обнаружены отрицательные корреляции нейротизма с интересом к маркетинговым исследованиям ($r=-0,41$, $p<0,01$), продуктовому маркетингу ($r=-0,33$, $p<0,05$), бренд-менеджменту ($r=-0,31$, $p<0,05$) и digital-маркетингу ($r=-0,28$, $p<0,05$). По мнению авторов, это может объясняться тем, что данные направления требуют эмоциональной устойчивости, способности работать в условиях неопределенности и давления, что

затруднительно для лиц с высоким уровнем нейротизма.

Доброжелательность показала умеренные положительные корреляции с большинством маркетинговых направлений, особенно с событийным маркетингом ($r=0,45$, $p<0,01$) и продуктовым маркетингом ($r=0,41$, $p<0,01$). По мнению авторов, данная закономерность может быть связана с тем, что успешная работа в маркетинге требует способности к сотрудничеству, пониманию потребно-

стей клиентов и построению долгосрочных отношений.

Кластерный анализ позволил авторам выделить четыре основных типа личностных профилей, характерных для различных маркетинговых специализаций. Первый тип «Креативные коммуникаторы» характеризуется высокими показателями экстраверсии ($4,1 \pm 0,5$), открытости опыту ($4,4 \pm 0,4$) и умеренной добросовестностью ($3,7 \pm 0,6$). Представители данного типа чаще выбирают контент-маркетинг, PR и событийный маркетинг.

Второй тип «Аналитические исследователи» отличается высокой добросовестностью ($4,3 \pm 0,4$), низким нейротизмом ($2,5 \pm 0,6$) и умеренной экстраверсией ($3,3 \pm 0,7$). По мнению авторов, данный тип тяготеет к маркетинговым исследованиям, продуктовому маркетингу и аналитическим аспектам digital-маркетинга.

Третий тип «Социальные лидеры» характеризуется высокой экстраверсией ($4,3 \pm 0,4$), доброжелательностью ($4,1 \pm 0,5$) и умеренной открытостью опыту ($3,9 \pm 0,6$). По мнению авторов, представители этого типа предпочитают бренд-менеджмент, PR и управленческие позиции в маркетинге.

Четвертый тип «Технологические инноваторы» отличается высокой открытостью опыту ($4,5 \pm 0,3$), добросовестностью ($4,0 \pm 0,5$) и умеренной экстраверсией ($3,6 \pm 0,7$). По мнению авторов, данный тип наиболее часто выбирает digital-маркетинг и технологически ориентированные направления.

Проведенный в процессе исследования анализ гендерных различий показал, что женщины чаще проявляют интерес к контент-маркетингу ($t=2,34$, $p<0,05$) и PR-деятельности ($t=2,78$, $p<0,01$), тогда как мужчины больше ориентированы на digital-маркетинг ($t=-2,15$, $p<0,05$) и маркетинговые исследования ($t=-1,98$, $p<0,05$). По мнению авторов, данные различия могут быть связаны как с социокультурными факторами, так и с особенностями гендерной социализации.

Качественный анализ проведенного авторами интервью выявил дополнительные факторы, влияющие на профессиональное самоопределение в маркетинге. Среди наиболее часто упоминаемых мотивов выбора маркетинговых специализаций отмечались: возможность творческой самореализации, динамичность и разнообразие деятельности, перспективы карьерного роста, соответствие личным интересам и способностям. Барьерами для профессионального самоопределения участники называли недостаток информации о специфике различных маркетинговых направлений, неопределенность карьерных перспектив, высокую конкуренцию на рынке труда [10].

Полученные результаты имеют важное теоретическое и практическое значение. С теоретической точки зрения исследование расширяет понимание роли индивидуально-типологических особенностей в профессиональном самоопределении, подтверждая и уточняя существующие модели соответствия личности и профессии применительно к маркетинговой сфере. Стоит отметить, что полученные авторами результаты согласуются с исследованиями, показывающими значимость личностных факторов «Большой пятерки» для профессиональных предпочтений.

С практической точки зрения, полученные авторами данные могут быть использованы для совершенствования системы профессиональной ориентации студентов маркетинговых специальностей, разработки индивидуальных образовательных траекторий, оптимизации процессов отбора и развития персонала в маркетинговых департаментах организаций. По мнению авторов, понимание личностных предикторов успешности в различных маркетинговых направлениях позволит повысить эффективность профессиональной деятельности и снизить текучесть кадров.

Выводы

Проведенное авторами исследование позволило выявить значимые взаимосвязи между индивидуально-типологическими особенностями личности и профессиональным самоопределением в сфере маркетинга. В процессе исследования, было установлено, что различные маркетинговые специализации предъявляют специфические требования к личностным характеристикам специалистов.

Экстраверсия является ключевым фактором для успешности в направлениях, связанных с активным межличностным взаимодействием, таких как событийный маркетинг, PR и коммуникации, бренд-менеджмент. Авторами установлено, что лица с высокими показателями экстраверсии демонстрируют большую склонность к выбору данных специализаций и, вероятно, будут более успешны в их освоении.

Открытость опыту показала наиболее сильные связи с креативными и технологически ориентированными направлениями маркетинга, включая контент-маркетинг, digital-маркетинг и PR-деятельность. По мнению авторов, данная закономерность отражает важность креативности, готовности к экспериментам и освоению новых технологий для успеха в этих областях.

Добросовестность оказалась критически важной для аналитических направлений маркетинга, таких как маркетинговые исследования и продуктовый маркетинг. Отметим так же, что по нашему мнению, систематичность, внимание к деталям и

методичность в работе, характерные для высокодобросовестных личностей, являются необходимыми качествами для эффективной деятельности в данных сферах.

В процессе исследования было установлено, что нейротизм демонстрировал преимущественно негативные связи с большинством маркетинговых направлений, что подчеркивает важность эмоциональной устойчивости для работы в динамичной и часто стрессовой маркетинговой среде.

Кластерный анализ позволил авторам настоящего исследования выделить четыре основных типа личностных профилей, соответствующих различным маркетинговым специализациям: «Креативные коммуникаторы», «Аналитические исследователи», «Социальные лидеры» и «Технологические инноваторы». Отметим так же, что данная типология может служить основой для разработки дифференцированных подходов к про-

фессиональной ориентации и развитию специалистов.

Выявленные авторами статьи гендерные различия в профессиональных предпочтениях требуют дальнейшего изучения и учета при разработке программ профессиональной ориентации и кадровой политики организаций.

Результаты настоящего исследования имеют важное значение для теории и практики профессионального самоопределения, предоставляя научно обоснованные рекомендации для оптимизации выбора маркетинговых специализаций на основе индивидуально-типологических особенностей личности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение динамики профессионального самоопределения в маркетинге, роли дополнительных психологических факторов, а также разработку специализированных диагностических инструментов для профессиональной ориентации в маркетинговой сфере.

Список источников

1. Серебрякова Т.А., Гапонова С.А., Минаева Е.В. Профессиональное самоопределение как условие развития субъектности личности // Вестник практической психологии образования. 2025. Т. 22. № 2-1. С. 195 – 207.
2. Ренёва Г.Ф., Профессиональное самоопределение личности на различных этапах профессионализации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 126 – 132.
3. Пьянкова Л.А. Анализ современных зарубежных концепций профессионального самоопределения // Вестник СибГИУ. 2021. № 1 (35). С. 48 – 53.
4. Пряжников Н.С. Методы ориентировки в психологических «пространствах» самоопределения // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 144 – 150.
5. Черная А.В., Панченко К.С. Изучение взаимосвязи личностной направленности и профессионального самоопределения подростков // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2021. Т. 4. № 2. С. 18 – 31.
6. Алашеев С.Ю., Кутейнищина Т.Г., Посталюк Н.Ю. Поведенческие практики профессионального самоопределения в условиях неопределенности рынка труда // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 1 (48). С. 68 – 87.
7. Алескеров Ф.А., Гумарев С.П. Социально-психологические условия современности как ориентир профессионального самоопределения учащихся // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2024. № S2-1(50). С. 102 – 104.
8. Павловская Н.Г., Долобаева А.Е. Развитие внутренних мотивов личности как ведущего фактора выбора профессии // Педагогическая перспектива. 2023. № 3. С. 71 – 78.
9. Володин В.Н. Профессиональное самоопределение молодежи // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 3. С. 117 – 121.
10. Шляпина С.Ф. Особенности профессионального самоопределения личности: проблема субъектности // ЦИТИСЭ. 2021. № 4 (30). С. 531 – 540.

References

1. Serebryakova T.A., Gaponova S.A., Minaeva E.V. Professional self-determination as a condition for the development of personality subjectivity. Bulletin of Practical Psychology of Education. 2025. Vol. 22. No. 2-1. P. 195 – 207.
2. Reneva G.F., Professional self-determination of a person at various stages of professionalization. Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev. 2012. No. 3. P. 126 – 132.
3. Pyankova L.A. Analysis of modern foreign concepts of professional self-determination. Bulletin of SibGIU. 2021. No. 1 (35). P. 48 – 53.

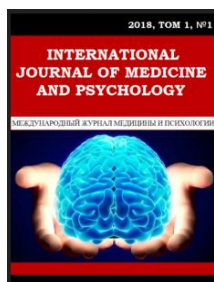
4. Pryazhnikov N.S. Methods of orientation in psychological "spaces" of self-determination. National Psychological Journal. 2017. No. 3 (27). P. 144 – 150.
5. Chernaya A.V., Panchenko K.S. Studying the relationship between personal orientation and professional self-determination of adolescents. Innovative science: psychology, pedagogy, defectology. 2021. Vol. 4. No. 2. P. 18 – 31.
6. Alasheev S.Yu., Kuteynitsyna T.G., Postalyuk N.Yu. Behavioral practices of professional self-determination in the conditions of labor market uncertainty. Professional education and labor market. 2022. No. 1 (48). P. 68 – 87.
7. Aleskerov F.A., Gumarev S.P. Social and psychological conditions of our time as a guideline for students' professional self-determination. Bulletin of the Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. 2024. No. S2-1(50). P. 102 – 104.
8. Pavlovskaya N.G., Dolobaeva A.E. Development of an individual's internal motives as a leading factor in choosing a profession. Pedagogical perspective. 2023. No. 3. P. 71 – 78.
9. Volodin V.N. Professional self-determination of young people. Telescope: journal of sociological and marketing research. 2023. No. 3. P. 117 – 121.
10. Shlyapina S.F. Features of an individual's professional self-determination: the problem of subjectivity. CITISE. 2021. No. 4 (30). P. 531 – 540.

Информация об авторах

Родина М.Г., преподаватель, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, anemasha@gmail.com

Родина М.А., преподаватель, Институт гуманитарного образования и информационных технологий, madinarodina@gmail.com

© Родина М.Г., Родина М.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.955.4

¹ Фролов С.Ю.,

¹ Фёдорова А.В.,

¹ Макаревская Ю.Э.,

¹ Сочинский государственный университет

Роль рефлексии саморегуляции и метакогнитивной включенности в социально-психологической адаптации личности

Аннотация: цель настоящего авторского исследования заключается в теоретическом анализе и систематизации знаний о роли рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности в процессах социально-психологической адаптации личности. В работе авторами применялись методы теоретического анализа, сравнительного анализа концепций и систематизации научных данных. Основные результаты авторского исследования показывают, что рефлексия, саморегуляция и метакогнитивная включенность образуют взаимосвязанную систему психологических механизмов, обеспечивающих эффективную адаптацию личности к изменяющимся социальным условиям. В процессе исследования, авторами были выявлены специфические функции каждого компонента в адаптационном процессе и их интегративное воздействие на успешность социально-психологической адаптации. Полученные выводы имеют важное значение для развития теории личности и практики психологического сопровождения адаптационных процессов.

Ключевые слова: рефлексия, саморегуляция, метакогнитивная включенность, социально-психологическая адаптация, личность, адаптивное поведение, метакогнитивные процессы, психологические механизмы

Для цитирования: Фролов С.Ю., Фёдорова А.В., Макаревская Ю.Э. Роль рефлексии саморегуляции и метакогнитивной включенности в социально-психологической адаптации личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 333 – 344.

Поступила в редакцию: 29 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Frolov S.Yu.,

¹ Fedorova A.V.,

¹ Makarevskaya Yu.E.,

¹ Sochi State University

The role of reflection self-regulation and metacognitive involvement in social-psychological adaptation of the personality

Abstract: the purpose of this author's study is to theoretically analyze and systematize knowledge about the role of reflection, self-regulation and metacognitive involvement in the processes of social-psychological adaptation of the individual. In the work, the authors used the methods of theoretical analysis, comparative analysis of concepts and systematization of scientific data. The main results of the author's study show that reflection, self-regulation and metacognitive involvement form an interconnected system of psychological mechanisms that ensure effective adaptation of the individual to changing social conditions. In the course of the study, the authors identified the specific functions of each component in the adaptation process and their integrative impact on the success of social-

psychological adaptation. The findings are important for the development of personality theory and the practice of psychological support of adaptation processes.

Keywords: reflection, self-regulation, metacognitive involvement, social and psychological adaptation, personality, adaptive behavior, metacognitive processes, psychological mechanisms

For citation: Frolov S.Yu., Fedorova A.V., Makarevskaya Yu.E. The role of reflection self-regulation and metacognitive involvement in social-psychological adaptation of the personality. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 333 – 344.

The article was submitted: June 29, 2025; Approved after reviewing: August 26, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Проблема социально-психологической адаптации личности остается одной из центральных в современной психологической науке, особенно в условиях динамично изменяющегося социального мира. По мнению авторов, возрастающая сложность социальных взаимодействий, ускорение темпов жизни, необходимость постоянного освоения новых технологий и форм деятельности предъявляют повышенные требования к адаптивным возможностям человека.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания психологических механизмов, обеспечивающих успешную адаптацию личности в современных условиях. Особый интерес представляют такие психологические феномены, как рефлексия, саморегуляция и метакогнитивная включенность, которые, согласно современным исследованиям, играют ключевую роль в адаптационных процессах. [1]

Цель настоящего авторского исследования заключается в теоретическом анализе роли рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности в социально-психологической адаптации личности и выявлении специфики их взаимодействия в адаптационном процессе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- провести авторский теоретический анализ подходов к пониманию рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности как факторов адаптации;
- выявить специфические функции каждого из рассматриваемых феноменов в процессе социально-психологической адаптации;
- определить характер взаимосвязей между рефлексией, саморегуляцией и метакогнитивной включенностью в контексте адаптационных процессов;
- дать авторское обоснование практической значимости полученных теоретических результатов для психологической практики.

Теоретические основы данного исследования составляют работы отечественных и зарубежных авторов в области психологии личности, когнитивной психологии и психологии адаптации.

Материалы и методы исследований

Методологической основой настоящего авторского исследования выступает системный подход, позволяющий рассматривать рефлексию, саморегуляцию и метакогнитивную включенность как взаимосвязанные компоненты единой системы психологических механизмов адаптации.

В процессе проведения исследования авторами применялся комплекс взаимодополняющих методов. Метод теоретического анализа - систематическое изучение и обобщение научной литературы по проблематике рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности в контексте социально-психологической адаптации. Сравнительно-сопоставительный анализ – авторское сопоставление различных теоретических концепций и подходов к пониманию роли исследуемых механизмов в адаптационных процессах. Проведено авторское сравнение системно-деятельностной модели А.В. Карпова, регуляторной модели В.И. Моросановой и метакогнитивной модели Дж. Флавелла. Метод систематизации – структурирование и классификация авторами научных данных о функциях и взаимосвязях рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности, результатом которого стало создание интегративных таблиц и схем. Структурно-функциональный анализ – выявление авторами настоящего исследования специфических функций каждого компонента исследуемой системы и характера их взаимодействия в процессе адаптации. Контент-анализ – качественный и количественный анализ авторами содержания научных публикаций для выявления ключевых тенденций в изучении исследуемой проблематики. Анализ конкретных случаев (case study) – детальное изучение авторами примеров практического применения знаний о роли исследуемых механизмов в различных сферах (образование, корпоративная среда, клиническая практика, социальная

работа). Описательно-аналитический метод - систематическое описание и анализ авторами существующих программ и методов развития адаптивных способностей.

Настоящее авторское исследование проводилось в несколько этапов:

Этап 1. Теоретический анализ (определение авторами концептуальных основ настоящего исследования, анализ современного состояния проблемы);

Этап 2. Систематизация данных (структурирование авторами теоретического материала, создание классификаций и типологий);

Этап 3. Интегративный анализ (выявление авторами взаимосвязей между компонентами, построение теоретической модели);

Этап 4. Анализ эмпирических данных (вторичный анализ авторами результатов существующих исследований);

Этап 5. Обобщение и систематизация (формулировка авторских выводов, определение практических импликаций, подведение общих итогов исследования).

Указанные методологические подходы и методы исследования обеспечили авторам достижение поставленной цели и позволили получить научно обоснованные результаты о роли рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности в социально-психологической адаптации личности.

Результаты и обсуждения

Понятие и роль рефлексии в адаптации.

Рефлексия представляет собой один из важнейших механизмов психической регуляции, обеспечивающий осознание и анализ собственной деятельности, поведения и внутренних состояний. По мнению автора, в контексте адаптационных процессов рефлексия выполняет функцию метапознавательного контроля, позволяя личности осознавать свои возможности, ограничения и стратегии поведения в различных социальных ситуациях.

Согласно концепции А.В. Карпова, рефлексия является системным свойством психики, обеспечивающим интеграцию различных психических процессов и состояний в целостную структуру деятельности. В адаптационном контексте рефлексия позволяет личности анализировать эффективность своих действий, корректировать стратегии поведения и развивать новые способы реагирования на изменяющиеся условия среды [2].

Исследования показывают, что рефлексивные способности тесно связаны с успешностью социально-психологической адаптации. В рамках современных исследований отмечается, что личности с развитой рефлексией демонстрируют большую гибкость в межличностных отношениях, способность к эмпатии и пониманию мотивов поведения других людей. Они более эффективно анализируют социальные ситуации, прогнозируют их развитие и выбирают оптимальные стратегии поведения.

Таблица 1

Виды рефлексии и их функции в социально-психологической адаптации.

Table 1

Types of reflection and their functions in socio-psychological adaptation.

Вид рефлексии	Основные функции	Проявления в адаптации
Интеллектуальная	Регуляция познавательных процессов	Анализ социальных ситуаций, принятие решений
Личностная	Самопознание, самооценка	Формирование адекватной Я-концепции
Кооперативная	Понимание других людей	Развитие эмпатии, социальной сензитивности
Коммуникативная	Регуляция общения	Эффективное взаимодействие с окружающими
Экзистенциальная	Осмысление жизненных ценностей	Поиск смысла, жизненное самоопределение

Рефлексивные процессы тесно связаны с развитием метакогнитивных способностей, поскольку предполагают осознание и контроль собственных познавательных процессов. По мнению автора, это создает основу для эффективного обучения, развития и адаптации к новым условиям жизнедеятельности.

Саморегуляция как механизм адаптивного поведения

Согласно концепции В.И. Моросановой, осознанная саморегуляция включает несколько основных компонентов: планирование целей, моделирование значимых условий деятельности, программирование действий, оценку результатов, а также регуляторно-личностные свойства гибкости и самостоятельности. Каждый из этих компонентов играет специфическую роль в адаптационных процессах [3].

Таблица 2

Компоненты саморегуляции и их роль в социально-психологической адаптации.

Table 2

Components of self-regulation and their role in socio-psychological adaptation.

Компонент саморегуляции	Функции в адаптации	Показатели развития
Планирование целей	Целеполагание в социальных ситуациях	Реалистичность, достижимость целей
Моделирование	Анализ социальной среды	Точность социальной перцепции
Программирование	Выбор стратегий поведения	Вариативность, гибкость программ
Оценка результатов	Контроль эффективности адаптации	Адекватность самооценки
Гибкость	Перестройка при изменении условий	Скорость адаптации к новому
Самостоятельность	Автономность в принятии решений	Независимость от внешних влияний

Современные исследования показывают, что развитие различных компонентов саморегуляции неравномерно влияет на успешность адаптации в различных сферах жизнедеятельности. Например, исследователь Дикая Л.Г., отмечает, что: "в профессиональной адаптации особую роль играют планирование и программирование, тогда как в межличностной адаптации более значимыми оказываются моделирование и гибкость" [4].

Саморегуляция тесно связана с эмоциональными процессами, поскольку эффективная адаптация требует не только когнитивного анализа ситуации, но и управления эмоциональными реакциями. В современных исследованиях так же отмечается, что эмоциональная саморегуляция включает способность распознавать свои эмоции, понимать их причины и последствия, а также управлять их выражением в социальных взаимодействиях.

Отметим, что особое значение в адаптационных процессах имеет волевая саморегуляция, связанная с преодолением препятствий и мобилизацией усилий для достижения адаптивных целей. По мнению автора, она обеспечивает настойчивость в преодолении трудностей адаптации и способность к длительным усилиям в процессе освоения новых социальных ролей и норм поведения. Таким образом, развитие саморегуляции происходит в процессе социализации и может целенаправленно формироваться через специальные психологические программы. Это делает саморегуляцию важным ресурсом, который может быть развит для повышения адаптивных возможностей личности.

*Метакогнитивная включенность
и её влияние на адаптацию*

Метакогнитивная включенность представляет собой активное использование знаний о собственных познавательных процессах для регуляции мыслительной деятельности и поведения. В контексте социально-психологической адаптации метакогнитивная включенность обеспечивает осознанное управление процессами познания социальной реальности и эффективную регуляцию адаптивного поведения.

Согласно модели исследователя Дж. Флавелла, метакогнитивная система включает метакогнитивные знания, метакогнитивный опыт и метакогнитивные стратегии. Метакогнитивные знания включают представления о собственных познавательных возможностях, особенностях познавательных задач и эффективности различных стратегий их решения. В адаптационном контексте это предполагает понимание своих сильных и слабых сторон в социальном взаимодействии, осознание сложности различных социальных ситуаций и знание эффективных способов поведения в них [5].

Метакогнитивный опыт, по мнению автора, представляет собой субъективные переживания, сопровождающие познавательную деятельность. В процессе адаптации он проявляется в виде ощущений понимания или непонимания социальной ситуации, уверенности или сомнения в правильности выбранной стратегии поведения, чувства контроля над ситуацией или его отсутствия. Развитый метакогнитивный опыт позволяет личности более точно оценивать свое состояние в процессе адаптации и принимать соответствующие решения.

Метакогнитивные стратегии включают способы планирования, мониторинга и оценки познавательной деятельности. В адаптационном процессе они проявляются как стратегии анализа социальных ситуаций, планирования взаимодействия с другими людьми, контроля за ходом адаптации и оценки ее результатов.

Sternberg R.J., Kaufman J.C. отмечают, что метакогнитивная включенность способствует более эффективному решению социальных проблем и повышает успешность межличностного взаимодействия. Личности с развитыми метакогнитивными способностями демонстрируют большую гибкость в выборе стратегий поведения, способность к быстрому переключению между различными подходами к решению социальных задач и более точную оценку эффективности своих действий [6].

Особую роль в адаптационных процессах играет метакогнитивная регуляция эмоций, которая включает осознание своих эмоциональных реакций, понимание их влияния на поведение и способность управлять ими в социальных ситуациях.

По мнению авторов, это особенно важно в стрессовых ситуациях адаптации, когда необходимо сохранять эмоциональное равновесие и принимать взвешенные решения.

Таблица 3

Компоненты метакогнитивной включенности и их проявления в адаптации.

Table 3

Components of metacognitive involvement and their manifestations in adaptation.

Компонент	Содержание	Проявления в адаптации	Влияние на успешность
Метакогнитивные знания	Знания о познании	Понимание своих социальных способностей	Реалистичная оценка возможностей
Метакогнитивный опыт	Субъективные переживания	Ощущение понимания ситуации	Точность самооценки состояния
Метакогнитивные стратегии	Способы регуляции познания	Планирование социального взаимодействия	Эффективность адаптивного поведения
Метакогнитивный мониторинг	Отслеживание процесса познания	Контроль за ходом адаптации	Своевременная коррекция стратегий
Метакогнитивный контроль	Управление познавательными процессами	Регуляция социального поведения	Гибкость в изменяющихся условиях

На основе вышеизложенного отметим, что развитие метакогнитивной включенности тесно связано с формированием рефлексивных способностей, поскольку оба процесса предполагают осознание и анализ собственной психической активности. Однако метакогнитивная включенность имеет более специфический характер, фокусируясь именно на познавательных процессах и их регуляции.

Современные исследования в области социальной психологии показывают, что метакогнитивная включенность особенно важна в ситуациях межкультурной адаптации, когда необходимо осваивать новые культурные нормы и способы поведения. По мнению исследователя Triandis, H.C.: "способность осознавать различия в культурных

когнитивных схемах и гибко адаптировать свои стратегии мышления и поведения является ключевым фактором успешной межкультурной адаптации" [7].

Взаимосвязь между рефлексией, саморегуляцией и метакогнитивной включенностью

В процессе исследования было установлено, что: рефлексия, саморегуляция и метакогнитивная включенность образуют взаимосвязанную систему психологических механизмов, обеспечивающих эффективную социально-психологическую адаптацию личности. Понимание характера их взаимодействия является ключевым для разработки комплексных подходов к развитию адаптивных способностей.

Таблица 4

Взаимосвязи между рефлексией, саморегуляцией и метакогнитивной включенностью.

Table 4

Relationships between reflection, self-regulation and metacognitive engagement.

Направление связи	Механизм взаимодействия	Результат для адаптации
Рефлексия → Саморегуляция	Осознание целей и стратегий	Более эффективное планирование
Рефлексия → Метакогнитивная включенность	Осознание познавательных процессов	Развитие метакогнитивных знаний
Саморегуляция → Рефлексия	Анализ результатов регуляции	Накопление рефлексивного опыта
Метакогнитивная включенность → Рефлексия	Специфический анализ познания	Углубление рефлексивного анализа
Саморегуляция ↔ Метакогнитивная включенность	Взаимная поддержка процессов	Интеграция регуляторных механизмов

Интегративное функционирование всех трех механизмов создает синергетический эффект, значительно повышающий адаптивные возможности личности. По мнению авторов, рефлексивное осознание обеспечивает глубокое понимание ситуа-

ции адаптации, саморегуляция – эффективную организацию адаптивного поведения, а метакогнитивная включенность – оптимальное использование познавательных ресурсов в процессе адаптации.

Исследователь Голубева, Н.Ю. отмечает, что: "наиболее успешные в адаптации личности демонстрируют высокий уровень развития всех трех механизмов и их скоординированное функционирование. При этом недостаточное развитие любого из компонентов может существенно снижать общую эффективность адаптационного процесса" [8].

Отметим так же, что развитие взаимосвязей между рефлексией, саморегуляцией и метакогнитивной включенностью происходит постепенно в процессе жизненного опыта и может быть ускорено через специальные развивающие программы. Особенно важным является формирование этих взаимосвязей в критические периоды развития личности, когда происходит интенсивная адаптация к новым социальным условиям.

Взаимодействие рассматриваемых механизмов имеет динамический характер и может изменяться

в зависимости от специфики адаптационной ситуации. В некоторых случаях ведущую роль может играть рефлексия, в других – саморегуляция или метакогнитивная включенность. Таким образом, способность гибко перестраивать иерархию этих механизмов в зависимости от требований ситуации является показателем высокого уровня адаптивности.

Теоретические модели

Прохоров А.О. отмечает, что: "современная психологическая наука предлагает несколько теоретических моделей, объясняющих роль рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности в процессах социально-психологической адаптации". Авторский анализ этих моделей позволяет лучше понять механизмы функционирования рассматриваемых феноменов и их интеграцию в общую систему адаптивного поведения [9].

Таблица 5

Сравнительный анализ теоретических моделей.

Table 5

Comparative analysis of theoretical models.

Модель	Основной фокус	Ключевые механизмы	Роль в адаптации
Системно-деятельностная (Карпов)	Рефлексия как системообразующий фактор	Рефлексивная перестройка деятельности	Анализ и коррекция способов деятельности
Регуляторная (Моросанова)	Осознанная саморегуляция	Планирование, моделирование, программирование, оценка	Целенаправленная организация адаптивного поведения
Метакогнитивная (Флавелл)	Познание о познании	Метакогнитивные знания, опыт, стратегии	Оптимизация познавательных процессов
Интегративная социально-когнитивная	Взаимодействие всех механизмов	Синергия рефлексии, саморегуляции, метакогниции	Комплексная адаптация на всех уровнях

Каждая из рассмотренных авторами настоящего исследования моделей вносит важный вклад в понимание роли рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности в адаптационных процессах, однако ни одна из них не дает полного объяснения всех аспектов этого сложного феномена. Интеграция различных теоретических подходов позволяет получить более полную картину механизмов социально-психологической адаптации и определить направления дальнейших исследований.

Эмпирические данные

Многочисленные эмпирические исследования, проведенные современными отечественными исследователями, подтверждают значимую роль рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности в процессах социально-психологической адаптации личности. Анализ результатов этих исследований позволяет выявить специфические закономерности функционирования

рассматриваемых механизмов в различных условиях и ситуациях адаптации.

Исследование А.В. Карпова и его коллег показали, что: "уровень развития рефлексивности значимо коррелирует с успешностью профессиональной адаптации ($r = 0,45$, $p < 0,01$) и качеством межличностных отношений ($r = 0,38$, $p < 0,05$)". При этом наиболее сильные связи обнаружены между интеллектуальной рефлексией и способностью к анализу сложных социальных ситуаций, а также между личностной рефлексией и адекватностью самооценки в процессе адаптации [10].

Лонгитюдное исследование В.И. Моросановой, проведенное на выборке студентов первого курса, показало, что: "студенты с высоким уровнем развития саморегуляции демонстрируют более успешную академическую адаптацию (средний балл успеваемости 4,2 против 3,6 у студентов с низким уровнем саморегуляции) и лучшие показатели социальной интеграции в студенческую среду" [11].

Исследователь Акопова М.А., отмечает, что "кросс-культурные исследования метакогнитивной включенности, проведенные в различных странах, выявили универсальный характер связи между развитием метакогнитивных способностей и успешностью адаптации к новым культурным условиям. Корреляция между показателями метакогнитивной включенности и успешностью межкультурной адаптации составила $r = 0,52$ ($p < 0,001$) для выборки из 15 стран" [12].

Исследование взаимосвязей между рефлексией, саморегуляцией и метакогнитивной включенностью, проведенное на выборке 300 взрослых респондентов, показало наличие значимых положительных корреляций между всеми рассматриваемыми переменными. Наиболее сильная связь обнаружена между рефлексией и метакогнитивной включенностью ($r = 0,67$, $p < 0,001$), что подтверждает их концептуальную близость [13].

Таблица 6

Результаты эмпирических исследований связей с показателями адаптации.

Table 6

Results of empirical studies of relationships with adaptation indicators.

Исследуемый фактор	Выборка	Показатель адаптации	Корреляция	Значимость
Рефлексивность	250 менеджеров	Профессиональная адаптация	$r = 0,45$	$p < 0,01$
Саморегуляция	180 студентов	Академическая успеваемость	$r = 0,38$	$p < 0,05$
Метакогнитивная включенность	15 стран, 2000 чел.	Межкультурная адаптация	$r = 0,52$	$p < 0,001$
Интегративный показатель	300 взрослых	Общая адаптированность	$r = 0,61$	$p < 0,001$

Нейропсихологические исследования с использованием методов нейровизуализации показали, что активность префронтальной коры, связанная с исполнительными функциями, значимо коррелирует с показателями рефлексии ($r = 0,43$, $p < 0,01$), саморегуляции ($r = 0,39$, $p < 0,05$) и метакогнитивной включенности ($r = 0,47$, $p < 0,01$). Это подтверждает нейробиологическую основу рассматриваемых механизмов адаптации [14].

Исследования в области педагогической психологии показали, что целенаправленное развитие рефлексивных и саморегуляторных способностей у школьников приводит к значимому улучшению их социальной адаптации. В экспериментальной группе, прошедшей специальную программу развития, показатели социометрического статуса повысились на 23%, а количество конфликтных ситуаций снизилось на 31% по сравнению с контрольной группой [15].

Исследование профессиональной адаптации показало, что работники с высоким уровнем развития всех трех механизмов (рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности) адаптируются к новому рабочему месту в среднем на 40% быстрее, чем работники с низким уровнем развития этих способностей. При этом качество их профессиональной деятельности в период адаптации остается стабильно высоким [16].

Клинические исследования показали, что нарушения в развитии рефлексии, саморегуляции или метакогнитивной включенности часто сопровождаются трудностями социально-психологической адаптации. Особенно это характерно для лиц с

расстройствами аутистического спектра, синдромом дефицита внимания и гиперактивности, а также некоторыми личностными расстройствами [17].

Возрастные исследования показали, что развитие рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности происходит неравномерно на протяжении жизни. Наиболее интенсивное развитие наблюдается в подростковом и юношеском возрасте, что совпадает с периодами активной социализации и адаптации к новым социальным ролям [18].

Гендерные исследования выявили некоторые различия в проявлениях рассматриваемых механизмов у мужчин и женщин. Женщины демонстрируют более высокие показатели личностной и кооперативной рефлексии, тогда как мужчины – интеллектуальной рефлексии и некоторых компонентов саморегуляции. Однако эти различия не влияют на общую эффективность адаптационных процессов [19].

Практическое значение

Понимание роли рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности в социально-психологической адаптации, по мнению автора, имеет важное практическое значение для различных областей психологической практики. Результаты теоретического анализа и эмпирических исследований могут быть использованы авторами для разработки эффективных программ психологического сопровождения адаптационных процессов, создания диагностических методик и совершенствования методов психологической помощи.

Таблица 7

Практическое применение в различных сферах.

Table 7

Practical application in various fields.

Сфера применения	Основные задачи	Методы работы	Ожидаемые результаты
Образование	Развитие адаптивных способностей	Тренинги рефлексии, программы саморегуляции	Улучшение академической адаптации
Профессиональная деятельность	Оптимизация адаптации персонала	Корпоративные программы развития	Повышение эффективности работы
Клиническая практика	Коррекция нарушений адаптации	Когнитивно-поведенческая терапия	Улучшение психического здоровья
Семейное консультирование	Помощь в семейных кризисах	Семейная терапия, тренинги общения	Улучшение семейных отношений
Социальная работа	Поддержка уязвимых групп	Программы социальной адаптации	Интеграция в общество

Практическое значение, по мнению авторов, имеет также разработка диагностических методик, позволяющих оценивать уровень развития рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности. Такие методики могут использоваться для профессионального отбора, образовательной диагностики и планирования индивидуальных программ развития.

Методы развития указанных качеств для повышения адаптивности

Целенаправленное развитие рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности является важной задачей для повышения адаптивных возможностей личности. Отметим так же, что современная психологическая практика предлагает разнообразные методы и технологии, направленные на формирование и совершенствование этих способностей.

Таблица 8

Методы развития адаптивных способностей.

Table 8

Methods for developing adaptive abilities.

Развиваемая способность	Индивидуальные методы	Групповые методы	Ожидаемые эффекты
Рефлексия	Рефлексивный дневник, самоанализ	Рефлексивные тренинги, групповая рефлексия	Повышение самосознания
Саморегуляция	Планирование, тайм-менеджмент	Тренинги саморегуляции, ролевые игры	Улучшение самоконтроля
Метакогнитивная включенность	Метакогнитивные стратегии, самомониторинг	Обучение в группах, взаимное обучение	Оптимизация познания
Интегративное развитие	Комплексные программы	Тренинги адаптивности	Повышение общей адаптивности

В связи с вышеизложенным, необходимо обратить внимание на то, что эффективность методов развития адаптивных способностей зависит от индивидуальных особенностей личности, возраста, мотивации и готовности к изменениям. Поэтому важно разрабатывать индивидуализированные программы развития, учитывающие специфические потребности и возможности каждого человека.

Примеры из практики

Практическое применение знаний о роли рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности в социально-психологической адаптации демонстрируют многочисленные примеры из различных сфер деятельности. Проведенный авторами анализ конкретных случаев позволяет

лучше понять механизмы функционирования этих способностей в реальных условиях и оценить эффективность различных подходов к их развитию.

В образовательной сфере показательным является опыт внедрения программы развития рефлексивных навыков в одной из московских школ. Учащиеся 8-9 классов в течение учебного года участвовали в еженедельных рефлексивных сессиях, где анализировали свой учебный опыт, обсуждали трудности и успехи, планировали дальнейшие действия. Результаты показали значимое улучшение академической успеваемости (средний балл повысился с 3,8 до 4,2), снижение уровня школьной тревожности на 25% и улучшение социометрических показателей в классных коллективах [20].

Интересный пример, по мнению авторов, представляет программа адаптации студентов-первокурсников в техническом университете. Программа включала тренинг саморегуляции, направленный на развитие навыков планирования учебной деятельности, управления временем и эмоциональной регуляции в стрессовых ситуациях. Студенты экспериментальной группы показали более высокие результаты по всем показателям адаптации: академическая успеваемость была на 15% выше, отсев в течение первого года обучения снизился с 18% до 8%, а уровень удовлетворенности учебным процессом повысился на 30% [21].

В корпоративной среде успешным примером является программа развития адаптивных способностей менеджеров среднего звена в крупной IT-компании. Программа включала модули по развитию рефлексивного лидерства, эмоциональной саморегуляции и метакогнитивных стратегий принятия решений. После прохождения программы участники продемонстрировали повышение эффективности управления командами на 22%, улучшение показателей инновационной активности на 35% и снижение уровня профессионального выгорания на 28% [22].

Таблица 9

Примеры практического применения.

Table 9

Examples of practical application.

Сфера	Целевая группа	Применяемые методы	Результаты
Образование	Школьники 8-9 классов	Рефлексивные сессии	Повышение успеваемости на 10%
Высшее образование	Студенты-первокурсники	Тренинг саморегуляции	Снижение отсева с 18% до 8%
Корпоративная сфера	Менеджеры среднего звена	Комплексная программа развития	Повышение эффективности на 22%
Клиническая практика	Клиент с социальной тревожностью	Когнитивно-поведенческая терапия	Снижение тревожности, улучшение социализации
Социальная работа	Семьи мигрантов	Программа культурной адаптации	Успешная интеграция 85% семей

Интересный пример из современной практики, по мнению авторов, представляет программа реабилитации военнослужащих, вернувшихся из зоны боевых действий (СВО). Данная программа была направлена на восстановление адаптивных способностей через развитие рефлексивных навыков для переосмысления травматического опыта, формирование навыков эмоциональной саморегуляции для управления посттравматическими реакциями, и развитие метакогнитивных стратегий для эффективного планирования гражданской жизни. Участники программы показали значимое снижение симптомов посттравматического стресса на 45%, улучшение семейных отношений у 78% участников и успешную профессиональную реинтеграцию у 82% военнослужащих [23].

Указанные выше примеры демонстрируют универсальность и эффективность подходов, основанных на развитии рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности для повышения адаптивных возможностей личности в различных жизненных ситуациях. Они подтверждают практическую значимость теоретических представлений о роли этих механизмов в социально-психологической адаптации и открывают перспек-

тивы для дальнейшего развития соответствующих практических подходов.

Выводы

Проведенный авторами настоящего исследования теоретический анализ роли рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности в социально-психологической адаптации личности позволяет сделать ряд важных выводов о значении этих психологических механизмов для успешного функционирования человека в изменяющихся социальных условиях.

В процессе исследования авторами было установлено, что взаимодействие рефлексии, саморегуляции и метакогнитивной включенности создает синергетический эффект, значительно повышающий адаптивные возможности личности. Рефлексия обеспечивает осознание ситуации и собственных ресурсов, саморегуляция – организацию целенаправленного поведения, а метакогнитивная включенность – оптимизацию познавательных процессов. Интеграция этих механизмов в единую систему является ключевым фактором успешной социально-психологической адаптации.

Проанализированные в процессе написания настоящей статьи современные эмпирические исследования убедительно подтверждают значимые

связи между уровнем развития рефлексии, саморегуляции, метакогнитивной включенности и успешностью адаптации в различных сферах жизнедеятельности. Корреляционные связи, выявлен-

ные в многочисленных настоящего авторского исследованиях, свидетельствуют о практической значимости развития этих способностей для повышения адаптивности личности.

Список источников

1. Фролов С.Ю. Рефлексия и саморегуляция как метаресурс в психологической адаптации // Обзор педагогических исследований. 2024. Т. 6. № 3. С. 33 – 39.
2. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2004. 424 с.
3. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс достижения целей и разрешения проблем жизнедеятельности // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2021. № 1. С. 4 – 37.
4. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М.: Изд-во Институт психологии РАН», 2003. 318 с.
5. Flavell J. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34. № 10. P. 906 – 911
6. Sternberg R.J., Kaufman J.C. Human abilities // Annual Review of Psychology. 1998. № 49. P. 479 – 502.
7. Triandis H.C. Individualism-collectivism and personality // Journal of Personality. 2001. № 69 (6). P. 907 – 924.
8. Голубева Н.Ю. Взаимосвязь метакогнитивных убеждений и дифференциального типа рефлексии у лиц с разным уровнем рефлексивности // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2023. № 1 (7). С. 209 – 214.
9. Прохоров А.О. Ментальные механизмы регуляции психических состояний // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 4. С. 182 – 204.
10. Аникина В.Г., Лагутин А.В. Рефлексивный аспект восприятия и самовосприятия субъектов в конфликтном взаимодействии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 1. С. 131 – 148.
11. Белозерова Л.А., Брагина Е.А., Семикашева И.А., Силакова М.М. Стрессоустойчивость и особенности осознанной саморегуляции студентов-спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2021. № 2. С. 19 – 21.
12. Аكوпова М.А. Исследование влияния метакогнитивных процессов на изменение успеваемости студентов-педагогов по психологическим дисциплинам // Science for Education Today. 2022. Т. 12. № 5. С. 22 – 38.
13. Проворова А.Н. Связь метакогнитивных убеждений и стратегий с выраженностью депрессивной симптоматики в популяционной выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 2 (116). С. 146 – 162.
14. Бушов Ю.В., Ушаков В.Л., Светлик М.В. и др. Роль зеркальных нейронов в интерпретации действий и намерений // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2021. № 56. С. 86 – 107.
15. Иванова И.В., Рожков М.И. Преодоление как фактор саморазвития // Образование и саморазвитие. 2024. Т. 19. № 2. С. 54 – 69.
16. Лысенко Н.Е., Булыгина В.Г., Рашевская О.Ю. и др. Психофизиологические профили адаптации в условиях моделирования стресса у специалистов опасных профессий // Российский психиатрический журнал. 2024. № 2. С. 79 – 87.
17. Самылкин Д.В., Ткаченко А.А. Структура аномальной личности как нарушение временной перспективы // Российский психиатрический журнал. 2021. № 3. С. 32 – 44.
18. Холодная М.А. Светлые и темные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 15 – 26.
19. Проничева М.М., Булыгина В.Г., Власова Н.В. Гендерные особенности механизмов психической адаптации у психически здоровых людей // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2024. Т. 12. № 2 (45). С. 141 – 154.
20. Абдошева Б.Т. Динамика показателей уровня рефлексивных умений учителей в условиях обновления содержания образования // Инновации в образовании (Казахстан). 2020. № 3 (48). С. 19 – 23.
21. Лисова Н.А., Шилов С.Н. Повышение эффективности саморегуляции студентов при адаптации к стрессовым нагрузкам // Психология. Психофизиология. 2022. Т. 15. № 1. С. 121 – 130.

22. Минин А.И. Психологический гомеостаз группы, в корпоративной среде при адаптации к ситуации креативной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 485 – 489.

23. Кабанова Т.Н., Гвоздева А.А., Баженова Д.А. Тренинговые программы в практике лечения посттравматических стрессовых расстройств // Российский психиатрический журнал. 2025. № 1. С. 55 – 63.

References

1. Frolov S.Yu. Reflection and self-regulation as a meta-resource in psychological adaptation. Review of pedagogical research. 2024. Vol. 6. No. 3. P. 33 – 39.
2. Karpov A.V. Psychology of reflexive mechanisms of activity. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2004. 424 p.
3. Morosanov V.I. Conscious self-regulation as a meta-resource for achieving goals and resolving life problems. Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2021. No. 1. P. 4 – 37.
4. Dikaya L.G. Mental self-regulation of the functional state of a person. Moscow: Publishing house of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2003. 318 p.
5. Flavell J. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry. American Psychologist. 1979. Vol. 34. No. 10. P. 906 – 911
6. Sternberg R.J., Kaufman J.C. Human abilities. Annual Review of Psychology. 1998. No. 49. P. 479 – 502.
7. Triandis H.C. Individualism-collectivism and personality. Journal of Personality. 2001. No. 69 (6). P. 907 – 924.
8. Golubeva N.Yu. The relationship between metacognitive beliefs and the differential type of reflection in individuals with different levels of reflexivity. Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice. 2023. No. 1 (7). P. 209 – 214.
9. Prokhorov A.O. Mental mechanisms of regulation of mental states. Experimental Psychology. 2021. Vol. 14. No. 4. P. 182 – 204.
10. Anikina V.G., Lagutin A.V. Reflexive aspect of perception and self-perception of subjects in conflict interaction. Experimental Psychology. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 131 – 148.
11. Belozerova L.A., Bragina E.A., Semikasheva I.A., Silakova M.M. Stress resistance and features of conscious self-regulation of student-athletes. Theory and practice of physical education. 2021. No. 2. P. 19 – 21.
12. Akopova M.A. Study of the influence of metacognitive processes on changes in the academic performance of student teachers in psychological disciplines. Science for Education Today. 2022. Vol. 12. No. 5. P. 22 – 38.
13. Provorova A.N. The relationship between metacognitive beliefs and strategies with the severity of depressive symptoms in a population sample. Counseling Psychology and Psychotherapy. 2022. Vol. 30. No. 2 (116). P. 146 – 162.
14. Bushov Yu.V., Ushakov V.L., Svetlik M.V. et al. The role of mirror neurons in the interpretation of actions and intentions. Bulletin of Tomsk State University. Biology. 2021. No. 56. P. 86 – 107.
15. Ivanova I.V., Rozhkov M.I. Overcoming as a Factor of Self-Development. Education and Self-Development. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 54 – 69.
16. Lysenko N.E., Bulygina V.G., Rashevskaya O.Yu. et al. Psychophysiological Profiles of Adaptation under Stress Simulation Conditions in Specialists of Hazardous Professions. Russian Psychiatric Journal. 2024. No. 2. P. 79 – 87.
17. Samylkin D.V., Tkachenko A.A. The Structure of Abnormal Personality as a Violation of Time Perspective. Russian Psychiatric Journal. 2021. No. 3. P. 32 – 44.
18. Kholodnaya M.A. Light and dark sides of reflection and areflexia: the splitting effect. Psychological journal. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 15 – 26.
19. Pronicheva M.M., Bulygina V.G., Vlasova N.V. Gender features of the mechanisms of mental adaptation in mentally healthy people. Personality in a changing world: health, adaptation, development. 2024. Vol. 12. No. 2 (45). P. 141 – 154.
20. Abdosheva B.T. Dynamics of indicators of the level of reflexive skills of teachers in the context of updating the content of education. Innovations in education (Kazakhstan). 2020. No. 3 (48). P. 19 – 23.
21. Lisova N.A., Shilov S.N. Increasing the effectiveness of students' self-regulation during adaptation to stress loads. Psychology. Psychophysiology. 2022. Vol. 15. No. 1. P. 121 – 130.

22. Minin A.I. Psychological homeostasis of a group in a corporate environment during adaptation to a situation of creative activity. Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-1. P. 485 – 489.

23. Kabanova T.N., Gvozdeva A.A., Bazhenova D.A. Training programs in the practice of treating post-traumatic stress disorders. Russian Psychiatric Journal. 2025. No. 1. P. 55 – 63.

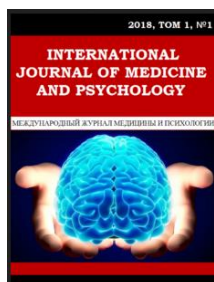
Информация об авторах

Фролов С.Ю., аспирант, Сочинский государственный университет, S89181550707@yandex.ru

Фёдорова А.В., аспирант, Сочинский государственный университет

Макаревская Ю.Э., кандидат психологических наук, декан, Сочинский государственный университет

© Фролов С.Ю., Фёдорова А.В., Макаревская Ю.Э., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Реунов Ю.С.,

¹ Центр египтологических исследований Российской академии наук

Семиотический аспект поведенческих паттернов в контексте формирования образа мира в традиционных культурах

Аннотация: образ мира как полидисциплинарный феномен обладает сложной структурой и множеством интерпретационных подходов. В статье проведен анализ основных теоретико-методологических аспектов изучения данного явления, особое внимание уделено этническим константам и детерминантам, формирующим устойчивые паттерны восприятия реальности в традиционных культурах. Выявлены ключевые различия между деревенской и городской культурами: мифологическое мышление, цикличность времени, сакрализация пространства и коллективизм характерны для сельской среды, тогда как городская культура демонстрирует рационализацию, индивидуализм, секуляризацию и мультикультурализм. Урбанизация рассмотрена как значимый фактор трансформации традиционных моделей мира и формирования гибридных форм культурной идентичности. В заключении обоснована необходимость разработки новой концепции, объясняющей динамику изменений образа мира в условиях транзитивности, и предложены направления для дальнейших исследований в области межкультурного взаимодействия. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: изучение механизмов адаптации традиционных моделей мировосприятия к урбанизированной среде; анализ влияния цифровых технологий на трансформацию когнитивных структур; сравнительные исследования процессов культурной гибридизации в различных регионах мира. Реализация этих исследовательских программ позволит не только углубить понимание природы современных социокультурных изменений, но и разработать эффективные стратегии сохранения культурного наследия в условиях нарастающих глобализационных процессов.

Ключевые слова: образ мира, традиционная культура, глобализация, этнические константы, урбанизация, междисциплинарный подход, культурная идентичность

Для цитирования: Реунов Ю.С. Семиотический аспект поведенческих паттернов в контексте формирования образа мира в традиционных культурах // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 345 – 351.

Поступила в редакцию: 27 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Reunov Yu.S.,

¹ Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences

Semiotic aspect of behavioral patterns in the context of the formation of the image of the world in traditional cultures

Abstract: the image of the world as a multidisciplinary phenomenon has a complex structure and a variety of interpretative approaches. The article analyzes the main theoretical and methodological aspects of studying this phenomenon, with special attention paid to ethnic constants and determinants that form stable patterns of perception of reality in traditional cultures. The key differences between rural and urban cultures are revealed: mythological thinking, the cyclical nature of time, the sacralization of space and collectivism are characteristic of rural environments, while urban culture demonstrates rationalization, individualism, secularization and multiculturalism. Ur-

banization is considered as a significant factor in the transformation of traditional world models and the formation of hybrid forms of cultural identity. In conclusion, the necessity of developing a new concept explaining the dynamics of changes in the image of the world in conditions of transitivity is substantiated, and directions for further research in the field of intercultural interaction are proposed. Promising areas of further research include: studying the mechanisms of adaptation of traditional worldview models to an urban environment; analyzing the impact of digital technologies on the transformation of cognitive structures; and comparative studies of cultural hybridization processes in various regions of the world. The implementation of these research programs will not only deepen understanding of the nature of modern socio-cultural changes, but also develop effective strategies for preserving cultural heritage in the context of increasing globalization processes.

Keywords: image of the world, traditional culture, globalization, ethnic constants, urbanization, interdisciplinary approach, cultural identity

For citation: Reunov Yu.S. Semiotic aspect of behavioral patterns in the context of the formation of the image of the world in traditional cultures. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 345 – 351.

The article was submitted: June 27, 2025; Approved after reviewing: August 25, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современные процессы глобализации, приводящие к интенсивному взаимодействию ранее изолированных культурных систем, создают принципиально новое семантическое пространство, в котором происходит сложное переплетение ценностей, символов и смыслов. Это явление существенно усложняет процесс идентификации культурных элементов как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Тем не менее, подобная идентификация приобретает особую значимость при анализе многообразия культурных форм и факторов, детерминирующих их трансформацию в исторической перспективе. Любое общество, независимо от стадии своего развития, формирует систему представлений о мире, опираясь на накопленный исторический опыт и характер взаимодействия с другими социокультурными системами. Возникающие в результате такого взаимодействия культурные конфигурации отражают сложную структуру картины мира, изучению теоретико-методологических аспектов которой в контексте традиционных культур посвящено настоящее исследование.

Междисциплинарный синтез философского, социологического и психологического знания создает уникальные исследовательские возможности для анализа ключевых характеристик образа (картины) мира у различных социальных групп, в первую очередь – носителей традиционной культуры. Такой подход позволяет не только выявить основные траектории трансформации мировосприятия, но и разработать эффективные стратегии межкультурного взаимодействия в условиях высокой социальной динамики. В данном контексте особую научную и практическую значимость приобретает задача разработки новой концептуальной

модели, способной адекватно объяснить природу происходящих изменений и степень их влияния на формирование современных представлений о мире. Решение этой задачи требует обращения к существующим теоретическим конструктам, позволяющим систематизировать элементы образа (модели) мира в традиционных культурах с учетом специфики механизмов трансляции культурного опыта между поколениями. Отдельного внимания заслуживает проблема идентификации предикторов этнической, религиозной и культурной идентичности в условиях социальной транзитивности.

Материалы и методы исследований

В качестве материала использованы труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные анализу традиционных культур, а также сравнительные этнографические описания деревенских и городских сообществ. Применены методы сравнительно-исторического анализа, структурно-семiotического и герменевтического подходы, позволяющие выявить специфику образа мира в различных культурных контекстах. Особое внимание уделено интерпретации этнических констант и детерминант, формирующих модели восприятия реальности.

Результаты и обсуждения

Категория «образ мира» (или «модель мира») в силу своей междисциплинарной природы не имеет однозначной интерпретации в научном дискурсе. К ее исследованию обращаются как специалисты, изучающие современные социокультурные процессы, так и ученые, занимающиеся традиционными культурами. Формирование концептуального аппарата исследований картины мира происходило под значительным влиянием работ таких выдающихся мыслителей, как М.М. Бахтин, А.В. Брушлинский, М.К. Мамардашвили, С.Л. Рубин-

штейн, А.А. Ухтомский, П.А. Флоренский. В рамках психологической науки существенный вклад в изучение данного феномена внесли В.В. Абраменкова, Е.Ю. Артемьева, В.П. Зинченко, Е.А. Климов, В.Е. Ключко, А.И. Кононова, С.Н. Костромина, А.Н. Леонтьев, В.В. Петухов, В.П. Серкин, С.Д. Смирнов и другие исследователи. Современная наука предлагает множество методологических подходов к изучению структуры и содержания образа мира: процессуальный, системный, системно-антропологический, когнитивно-семантический, структурный, деятельностный, субъективно-деятельностный, личностно-ориентированный и другие. Несмотря на существенные различия между этими подходами, их объединяет акцент на проблемах целостности, динамичности и взаимосвязи субъективного опыта с объективной реальностью.

Проблематика образа мира как социокультурного феномена, представляющего собой комплекс интроспективных элементов, формирующих культурный «код» этнической идентичности, впервые получила концептуальное осмысление в работах Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. В рамках культурно-исторической теории Л.С. Выготский рассматривал образ мира как целостную систему представлений о действительности, формирующуюся в процессе интериоризации культурных знаков и социальных взаимодействий. Согласно его концепции, онтогенетическое развитие человека сопровождается процессом сигнификации, под которым понимается «создание и употребление [данных] знаков – искусственных сигналов» [3, с. 286].

Эти знаковые системы, проявляющиеся в поведенческих паттернах уже на ранних этапах онтогенеза, выполняют двоякую функцию. Первоначально они выступают в качестве инструмента интерпсихического взаимодействия, а впоследствии трансформируются в средство регуляции собственного поведения, обеспечивая «перенос социального отношения к субъекту внутрь личности» [3, с. 192]. Таким образом, культурно обусловленные знаковые системы, по Л.С. Выготскому, не просто усваиваются индивидом, но и становятся источником генерации новых смыслов и значений. Этот процесс носит перманентный и экзистенциальный характер, что обуславливает постоянную динамику формирования субъективной картины мира. Подход Л.С. Выготского акцентирует диалектическую взаимосвязь между социокультурной средой и индивидуальным сознанием, где знаковые системы выступают медиаторами в процессе конструирования образа мира. Данная концепция заложила методологические

основания для последующих исследований роли культурных детерминант в формировании мировосприятия.

Значительный вклад в разработку проблемы образа мира внесла отечественный психолог Е.Ю. Артемьева, предложившая оригинальную модель многоуровневого взаимодействия индивида с окружающей действительностью [1]. В рамках данной концепции проводится важное методологическое разграничение между непосредственно воспринимаемой картиной мира, формируемой на основе перцептивных данных, и моделью мира как когнитивной структурой, осуществляющей интеграцию и систематизацию поступающих извне сигналов. Е.Ю. Артемьева выделяет несколько ключевых компонентов в структуре образа мира. Во-первых, это перцептивно воспринимаемая картина, отражающая непосредственный чувственный опыт. Во-вторых, – когнитивная модель, выполняющая функцию своеобразной матрицы, организующей и интерпретирующей получаемую информацию. Особое значение в данной концепции приобретают образы объектов, которые не просто фиксируются сознанием, но и наделяются определенным отношением и смысловой нагрузкой. Следует отметить, что подобные теоретические построения находят параллели в работах зарубежных исследователей. В частности, сходные модели, рассматривающие образ мира как многоуровневую систему, включающую как перцептивные, так и концептуальные компоненты, представлены в работах западных ученых. Это свидетельствует о продуктивности такого подхода и его методологической значимости для современной психологии восприятия и когнитивных исследований. Концепция Е. Ю. Артемьевой позволяет преодолеть упрощенное понимание образа мира как статичной конструкции, подчеркивая его динамическую природу и сложную организацию. В этом отношении она продолжает традиции отечественной психологической школы, развивая идеи системного подхода к изучению психических явлений [1].

Вопросы структурной организации образа (модели) мира находились в центре внимания целого ряда отечественных исследователей, включая Ф.В. Бассина, Ю.Г. Вяткина, Е.А. Климова, Н.Н. Колмогорцеву, Ю.К. Стрелкова, О.В. Ткаченко, К.Б. Ханину и других ученых. Особое значение в разработке проблематики принадлежит фундаментальным работам А.Н. Леонтьева – выдающегося представителя отечественной психологии, основателя одной из ведущих научных школ. Его концептуальная модель, подобно более поздним разработкам Е.Ю. Артемьевой, исходит из представ-

ления о многослойной природе образа мира.

В концепции А.Н. Леонтьева выделяются два принципиально важных структурных уровня. Первый уровень отражает систему социальных отношений и детерминирован характером деятельности как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Второй структурный уровень представляет временную организацию образа мира, включая как устойчивые, так и динамические компоненты [10, с. 215-223]. Эта модель оказала существенное влияние на развитие междисциплинарных исследований в психологии, философии, культурологии и психолингвистике.

Согласно позиции А.Н. Леонтьева, картина мира представляет собой интегративную систему значений, формируемую на основе наиболее значимых аспектов жизненного опыта – эмоциональных переживаний, когнитивных представлений, социальных норм и культурных паттернов. Эти значения существуют в пространстве материальной и духовной культуры, находя свое выражение в различных знаковых системах, прежде всего в языке и ритуально-обрядовых практиках [10, с. 187-192, 203, 210-212]. Особую роль в процессе трансляции культурных норм играют традиции, воздействие которых может осуществляться как на осознаваемом, так и неосознаваемом уровнях. Как отмечал А. Н. Леонтьев, процесс инкультурации предполагает трансформацию культурных значений в личностные смыслы: «благодаря пристрастности, когда они превращаются в значение для субъекта, приобретают личностный смысл» [10]. Этот процесс обеспечивает интеграцию социокультурного опыта в индивидуальную систему мировосприятия, формируя уникальную картину мира конкретного индивида при сохранении общих культурных констант.

В.П. Зинченко, продолжая и развивая идеи своего учителя А.Н. Леонтьева, предложил оригинальную двухуровневую модель организации человеческого сознания. В рамках этой концепции первый уровень – бытийно-деятельностный – отражает непосредственные процессы жизнедеятельности, включая биодинамические параметры действий и сопутствующие им эмоциональные переживания. Этот уровень обеспечивает базовое взаимодействие индивида с окружающей действительностью. Второй уровень – рефлексивно-созерцательный – связан с оперированием значениями и смыслами, представляя собой более высокую ступень психической организации. Такая структурная дифференциация позволяет, согласно В.П. Зинченко, разграничить «сознание для бытия», ориентированное на непосредственную жизнедеятельность, и «сознание для сознания», осу-

ществляющее рефлексивные и смыслообразующие функции [13, с. 52–55]. Данная концепция существенно обогатила понимание механизмов формирования образа мира, подчеркнув единство практической и когнитивной составляющих в структуре сознания. Теоретические построения В. П. Зинченко сохраняют свою актуальность для современной психологии, продолжая традиции деятельностного подхода и развивая представления о многоуровневой организации психических процессов.

Системный анализ существующих подходов к интерпретации понятия «образ мира» позволяет определить его как сложное диалектическое образование, обладающее свойствами межсоциальной и внутрисоциальной константы, сохраняющей при этом внутреннюю динамику развития. Этническая специфика данного феномена, как убедительно показал Г.Д. Гачев [4], проявляется в характерных особенностях восприятия действительности, национально-психологическом складе, ментальных характеристиках, а также в традиционных и современных культурных практиках.

М.С. Мухина в своих исследованиях выявила ключевые детерминанты формирования образа мира, к которым относятся национально-культурные традиции, нормативные системы и специфика окружающей среды [11, с. 234-238]. Эти факторы одинаково значимы как для индивидуального мировосприятия, так и для коллективных представлений этнической группы. Сходную позицию занимает А. С. Обухов, подчеркивающий структурирующую роль этнической культуры: «благодаря этнической культуре человек получает такой образ окружающего, в котором все элементы мироздания структурированы и соотнесены с самим человеком, так что каждое человеческое действие является компонентом общей структуры» [6, с. 53]. Особое значение в концепции А. С. Обухова приобретает выделение специфических детерминант этнического образа мира, включающих стереотипы, установки и механизмы экспликации. При этом исследователь акцентирует внимание на неизбежности субъективной интерпретации этих элементов сквозь призму собственной картины мира наблюдателя. Данное методологическое положение создает основания для обращения к концепции «центральной зоны культуры», разработанной в рамках структурного функционализма Э. Шилзом [12]. Концепция «центральной зоны культуры», впервые сформулированная Э. Шилзом в 1975 г., сразу заняла значимое место в научном дискурсе благодаря своей объяснительной силе. Первоначальная эта модель фокусировалась на трех компонентах: власти, механизмах ле-

гитимации и институциональных структурах общества [12, с. 10-12].

Особый вклад в адаптацию и переосмысление данной концепции внесла С.В. Лурье, разработавшая на основе идей Э. Шилза оригинальную теорию этнической картины мира. В отличие от структурно-функционального подхода, ученый перенесла акцент на глубинные ментальные структуры, неосознаваемые когнитивные паттерны и механизмы формирования этнической идентичности. В ее интерпретации «центральная зона» трансформировалась в систему «этнические константы, которые лежат в бессознательном слое психики», что позволило по-новому осмыслить устойчивость культурных парадигм. Такая переориентация концепции открыла новые перспективы для исследований в области этнопсихологии, подчеркнув значение имплицитных, латентных структур сознания в поддержании культурной преемственности. Работа С.В. Лурье демонстрирует продуктивный синтез западной социологической традиции с отечественными подходами к изучению этнического сознания, обогащая понимание механизмов сохранения культурной идентичности в условиях социальных трансформаций [5, с. 68].

По сути, современный этнический образ мира представляет собой синтетическую модель, интегрирующую как традиционные элементы, так и актуальные культурные формы. Эта модель формируется через сложный процесс осмысления и переработки коллективного опыта, его восприятия и рефлексии, что обеспечивает этнической культуре одновременно устойчивость и способность к трансформации. Подобная двойственность делает этнический образ мира важным адаптационным механизмом, позволяющим сохранять идентичность в условиях социальных изменений. Образ мира, обладая внутренней динамикой, тем не менее сохраняет фундаментальную устойчивость, что исключает его рассмотрение как хаотически изменяющейся системы. Парадоксальным образом именно традиционная культура, являющаяся основным носителем и транслятором ключевых элементов мировосприятия, демонстрирует удивительную способность сохранять свою идентичность в условиях меняющейся социальной реальности. Закрепленный в культурном коде этноса, образ мира приобретает характер мета-этнической константы (греч. *μετά* – «между, после, через»), что подчеркивает его надвременную и межпоколенческую природу [9, с. 1-6, 263-268].

Как справедливо отмечает А. С. Обухов, анализ современного состояния традиционных культур позволяет выделить их принципиальные типы:

«деревенскую (как правило, так и называемую традиционной) и городскую (книжную и массовую) культуры <...> Основопологающим различием между этими двумя типами культуры является преобладание того или иного способа трансляции культуры от поколения к поколению» [7, с. 5]. Это принципиальное различие проявляется прежде всего в механизмах культурной преемственности. Ключевым дифференцирующим фактором между традиционной (деревенской) и городской культурой выступает именно способ трансгенерационной передачи смысловых доминант. В традиционной культуре этот процесс осуществляется через непосредственное межличностное взаимодействие, ритуалы и практики повседневности, что обеспечивает сохранение глубинных структур мировосприятия. В городской же культуре преобладают опосредованные формы трансляции культурного кода, что создает предпосылки для большей вариативности и пластичности образа мира. Тем не менее, даже в условиях урбанизации базовые этнические константы демонстрируют устойчивость, адаптируясь к новым условиям, но не утрачивая своей сущностной природы.

В традиционных культурах модель мира формируется под воздействием двух взаимосвязанных групп детерминант. С одной стороны, это этнические константы – устойчивые архетипические структуры, которые, по классификации С.В. Лурье, в русской культурной традиции включают такие фундаментальные категории, как «источник добра», «источник зла», «посредник» и «образ врага» [5]. Эти универсальные категории обладают транстемпоральной и транскультурной стабильностью, сохраняя свою структурную целостность вне зависимости от исторического контекста или географического местоположения. С другой стороны, существенное влияние оказывают этнические детерминанты – динамические факторы формирования этнопсихологических характеристик. К ним относятся культурно-религиозные традиции, исторически обусловленные паттерны мышления и поведения, а также психологические регуляторные механизмы, включающие этностереотипы, этнические установки и идентификационные матрицы. Важную роль играют и социально-экономические параметры наряду с природно-климатическими условиями. Эти детерминанты находятся в состоянии постоянного взаимодействия, образуя уникальный психокультурный комплекс, который определяет специфику этнического мировосприятия. При этом системный характер их взаимосвязи обеспечивает как устойчивость традиционной картины мира, так и ее адаптационный потенциал в условиях социокультурных

трансформаций. Образ мира в традиционных культурах проявляет существенные различия в зависимости от типа социокультурной среды. В деревенской культуре он находит выражение через систему взаимосвязанных характеристик. Мифологическое мышление определяет особый способ восприятия действительности, где события интерпретируются как знаки, а природа осмысливается через антропоморфные образы. Цикличность времени проявляется в его тесной связи с природными ритмами, причем временные измерения (прошлое, настоящее и будущее) воспринимаются как единый континуум, а исторические события нередко мифологизируются [7].

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать фундаментальные различия в структурной организации и динамике развития образа мира между традиционной деревенской и современной городской культурами, что подтверждается анализом этнопсихологических и социокультурных исследований. Деревенская модель, обладая выраженной устойчивостью, сохраняет архаические когнитивные паттерны, включая мифологическое мышление, циклическую концепцию времени, синхронизированную с природными ритмами, и сакральное восприятие пространства. Эти элементы образуют целостную систему мировосприятия, где экзистенциальное благополучие общины детерминировано степенью гармонии с природными циклами, что находит свое воплощение в традиционных обрядовых практиках и архетипических космогонических представлениях. В диалектической оппозиции к традиционной модели находится урбанистическая картина мира, формирующая принципиально иную систему ценностных ориентаций и когнитивных стратегий. Ее отличительными характеристиками выступают: рационализированное мировоззрение, основанное на научной картине мира; линейная концепция времени, ориентированная на технологический

прогресс; инструментальное отношение к природной среде; а также выраженный акцент на индивидуальных достижениях и социальной мобильности. Современная городская культура демонстрирует тенденцию к формированию сложных поликультурных систем, где традиционные этнические идентичности подвергаются существенной трансформации. Процессы ускоренной урбанизации и интенсивных миграционных потоков инициируют глубинные трансформации традиционных моделей мировосприятия [2]. Эмпирические данные свидетельствуют о постепенной деструкции механизмов межпоколенческой трансляции культурных кодов, формировании сложных гибридных форм идентичности и радикальной модификации ключевых социальных институтов. Особенно рельефно эти процессы проявляются в трансформации института семьи, перестройке образовательных парадигм и секуляризации религиозного сознания [8]. Параллельно наблюдается кардинальная перестройка коммуникативных стратегий и моделей социального взаимодействия, что особенно заметно в условиях цифровизации общества.

Современная социокультурная динамика актуализирует необходимость разработки новой интегративной концептуальной модели, способной адекватно описать процессы культурного синтеза в условиях глобализации. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: изучение механизмов адаптации традиционных моделей мировосприятия к урбанизированной среде; анализ влияния цифровых технологий на трансформацию когнитивных структур; сравнительные исследования процессов культурной гибридизации в различных регионах мира. Реализация этих исследовательских программ позволит не только углубить понимание природы современных социокультурных изменений, но и разработать эффективные стратегии сохранения культурного наследия в условиях нарастающих глобализационных процессов.

Список источников

1. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики: истоки и развитие: колл. монография / Под. общ. ред. Ханина И.Б., Леонтьев Д.А. М.: Смысл, 2011. 472 с.
2. Василенко И.В, Буй Х.В. Изменение социальных основ сообществ в современном мире в условиях урбанизации: на примере России, Китая И Вьетнама // Теория и практика общественного развития. 2022. № 8 (174). С. 15 – 21.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. / Сост. М.Г. Ярошевский; вступ. ст. А.Н. Леонтьев; АПН СССР. М.: Педагогика, 1982-1984. Т. 4: Детская психология. Т. 4 / под ред., Д.Б. Эльконина, 1984. 432 с.
4. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс: Культура, 2007. 479 с.
5. Лурье С.В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов. 2-е изд. Москва: Университетская книга, 2005. 624 с.

6. Обухов А.С. Исторически обусловленные модификации образа мира // Развитие личности. 2003. № 4. С. 51 – 68.
7. Обухов А.С. Психология личности в контексте реалий традиционной культуры. М.: Издательство «Прометей» МПГУ, 2006. 352 с.
8. Ситова Н.С. Влияние урбанизации на этнокультурные процессы // Вестник Инновационного Евразийского университета. 2015. № 3. С. 175 – 180.
9. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
10. Leontiev A.N. Problems of the Development of the Mind. Moscow: Progress Publishers, 1981. 476 p.
11. Mukhina V.S. Developmental Psychology: Phenomenology of Development. 10th ed. Moscow: Academia, 2006. 608 p.
12. Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: University of Chicago Press, 1975. 516 p.
13. Zinchenko V.P. Developing Activity Theory: The Zone of Proximal Development and Beyond // Culture and Communication. 2007. Vol. 3. P. 45 – 67.

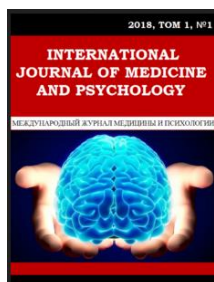
References

1. Artemyeva E.Yu. Psychology of subjective semantics: origins and development: collective monograph. Under general editorship Khanin I.B., Leontiev D.A. Moscow: Smysl, 2011. 472 p.
2. Vasilenko I.V., Bui H.V. Changing social foundations of communities in the modern world in the context of urbanization: on the example of Russia, China and Vietnam. Theory and practice of social development. 2022. No. 8 (174). P. 15 – 21.
3. Vygotsky L.S. Collected works: in 6 volumes. Comp. M.G. Yaroshevsky; introduction A.N. Leontiev; Academy of Pedagogical Sciences of the USSR. Moscow: Pedagogy, 1982-1984. Vol. 4: Child psychology. T. 4. edited by D. B. Elkonin, 1984. 432 p.
4. Gachev G.D. National Images of the World. Cosmo-Psycho-Logos. Moscow: Progress: Culture, 2007. 479 p.
5. Lurye S.V. Historical Ethnology: A Textbook for Universities. 2nd ed. Moscow: University Book, 2005. 624 p.
6. Obukhov A.S. Historically Determined Modifications of the Image of the World. Personality Development. 2003. No. 4. P. 51 – 68.
7. Obukhov A.S. Personality Psychology in the Context of Traditional Cultural Realities. Moscow: Prometheus Publishing House, Moscow State Pedagogical University, 2006. 352 p.
8. Sitova N.S. The Impact of Urbanization on Ethnocultural Processes. Bulletin of the Innovative Eurasian University. 2015. No. 3. P. 175 – 180.
9. Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
10. Leontiev A.N. Problems of the Development of the Mind. Moscow: Progress Publishers, 1981. 476 p.
11. Mukhina V.S. Developmental Psychology: Phenomenology of Development. 10th ed. Moscow: Academia, 2006. 608 p.
12. Shils E. Center and Periphery: Essays in Macrosociology. Chicago: University of Chicago Press, 1975. 516 p.
13. Zinchenko V.P. Developing Activity Theory: The Zone of Proximal Development and Beyond. Culture and Communication. 2007. Vol. 3. P. 45 – 67.

Информация об авторе

Реунов Ю.С., кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, Центр египтологических исследований Российской академии наук, yury.reunov@gmail.com

© Реунов Ю.С., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Куликова Т.И.,

¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Выявление взаимосвязи уровней тревоги и самооценки у студентов

Аннотация: проблема взаимосвязи самооценки и тревожности у студентов актуальна, так как эти психологические характеристики влияют на успешность учебной деятельности и налаживание контактов с окружающими. Чем выше уровень тревожности, чем глубже внутренний конфликт личности и тем больше она склонна к самообвинению.

Цель исследования заключается в теоретическом и практическом изучении характера связи между уровнем тревоги и самооценки у студентов.

Исследование проводилось на базе Толстовского университета г. Тулы. Выборку составила группа студентов психолого-педагогического профиля обучения в количестве 30 человек в возрасте 19 - 21 лет. Основным методом был определен эмпирический эксперимент. В исследовании использовались личностная шкала проявлений тревоги (Дж. Тейлор, адаптация Т.А. Немчина) и тест-опросник «Определение уровня самооценки» (С.В. Ковалёв). Для статистического анализа полученных данных был применен одновыборочный критерий Колмагорова-Смирнова и коэффициент корреляции Спирмена.

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о наличии у студентов сильной прямой связи между тревогой и самооценкой. Изучение взаимосвязи переживаемой студентами тревоги с уровнем самооценки имеет важное значение для выявления факторов, влияющих на уровень тревоги и самооценки студентов, и разработки эффективных стратегий по их управлению.

Ключевые слова: студенты, студенчество, психические состояния, уровень тревоги, самооценка

Для цитирования: Куликова Т.И. Выявление взаимосвязи уровней тревоги и самооценки у студентов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 352 – 356.

Поступила в редакцию: 29 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Kulikova T.I.,

¹ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

Determining the relationship between anxiety levels and self-esteem among students

Abstract: the issue of the relationship between self-esteem and anxiety in students is relevant, as these psychological characteristics affect the success of academic activities and establishing contacts with others. The higher the level of anxiety, the deeper the inner personal conflict, and the more prone one is to self-blame.

The aim of the study is to theoretically and practically investigate the nature of the relationship between anxiety levels and self-esteem among students.

The research was conducted at the Tolstoy University in Tula. The sample consisted of a group of 30 psychology and pedagogy students aged 19 to 21. The main method was identified as an empirical experiment. The following methods were applied: the personal anxiety manifestation scale (J. Taylor, adapted by T.A. Nemchin) and the self-esteem level determination questionnaire (S.V. Kovalev). The one-sample Kolmogorov-Smirnov test and Spearman's correlation coefficient were used for statistical analysis of the obtained data.

The results of the study indicate that there is a strong positive relationship between anxiety and self-esteem among students. Studying the relationship between anxiety experienced by students and their self-esteem is im-

portant for identifying the factors influencing students' levels of anxiety and self-esteem, as well as for developing effective management strategies.

Keywords: students, student life, psychological states, level of anxiety, self-esteem

For citation: Kulikova T.I. Determining the relationship between anxiety levels and self-esteem among students. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 352 – 356.

The article was submitted: June 29, 2025; Approved after reviewing: August 26, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Обращения к психолого-педагогическим исследованиям позволяют констатировать выявление тесной связи между уровнем тревоги и самооценкой. У студенческой молодежи Студенты переживают различные виды тревоги, обусловленные такими факторами, как успеваемость и учебные достижения, межличностные отношения, личные амбиции и другие.

Высокий уровень тревоги может негативно сказываться на самооценке студента, создавая ситуацию искаженного восприятия даже своих успехов, способностей. Низкая самооценка, в свою очередь, может стать источником беспокойства, усиливать чувство тревоги, напряжения, неадекватности. Студенты, неуверенные в себе и своих способностях, часто тревожатся по поводу своей учебной или жизненной деятельности.

Важную роль во взаимосвязи между тревогой и самооценкой у студентов играют индивидуальные различия. У одних студентов самооценка более устойчива, что помогает им эффективнее справляться с тревогой, тогда как другие могут быть более восприимчивы к влиянию негативных эмоций и мыслей.

Теоретико-методологическим основанием исследования взаимосвязи тревоги и самооценки студентов являются работы Ч. Спилбергера, Д.С. МакКлеланда, Э. Эриксона, Р. Роджерса, Ф.Б. Березина, В.М. Астапова, А.И. Захарова, А.В. Микляевой, А.В. Румянцевой, В.В. Столина, А.Г. Спиркина, И.И. Чесноковой, А.И. Липкиной, В.Ф. Сафина, А.В. Захаровой, Л.В. Бороздиной, О.Н. Молчановой и др.

По мнению А.В. Микляевой и А.В. Румянцевой, состояние тревоги может быть выражено на различных уровнях человеческой организации: физиологическом; эмоционально-когнитивном и поведенческом [5].

Современные студенты все чаще демонстрируют рост уровня тревожности. Это связано не только с переживанием социального стресса, характерного для настоящего времени, но и с продолжающимися реформами в системе высшего образования [7]. Тревожность представляет собой наиболее распространенную проблему психиче-

ского здоровья среди студентов, что связано с их подверженностью стрессовым условиям в течение жизни, чрезмерной учебной нагрузкой и необходимостью адаптации к новым социальным условиям [6, 8].

Даже в отсутствие внешних источников, тревога может возникнуть спонтанно. На эмоциональном уровне она проявляется в виде разнообразных сложных негативных переживаний. К таким негативным переживаниям, характерным для студентов, можно отнести чувство уязвимости, растерянность перед неизвестностью, ощущение беспомощности, бессилия и т.п. В психологии обычно выделяют два типа тревоги. К первому типу относится личностная тревожность, представляющая собой устойчивую черту, при которой человек воспринимает различные ситуации как возможные угрозы, что приводит к негативной эмоциональной реакции. Второй тип тревоги называется ситуативной тревожностью, которая возникает под воздействием какого-либо стрессора и представляет собой своеобразную реакцию или ответ на него [9].

Феномен тревоги, как психическое состояние, предполагает ощущение неопределённости, ожидание отрицательных событий, трудноопределимые индивидом предчувствия. Довольно часто такие состояния могут быть спровоцированы при оценке себя как личности, своих качеств, своих особенностей. При формировании самооценки ключевую роль играет сопоставление «реального Я» с «идеальным Я». Исследования показывают, что достижение характеристик «идеального Я» способствует высокой самооценке. Человек стремится к результатам, соответствующим его самооценке, что помогает её укреплению [1].

Безусловно, самооценка оказывает влияние на эмоциональное состояние. Она помогает человеку контролировать свое поведение, принимать и любить себя. Структурно самооценка состоит из двух частей: когнитивной и эмоциональной. Когнитивная часть включает понимание человеком своих навыков и способностей. Эмоциональная часть включает различные проявления чувств. Эти два компонента не могут существовать отдельно, по-

сколькo наше понимание себя всегда несет в себе эмоциональную окраску [2].

В студенчестве самооценка является своеобразным регулятором поведения и обучения, жизненных достижений. Под ее влиянием, в зависимости от индивидуальных черт личности, может формироваться как положительное, так и отрицательное отношение к себе. Это означает, что самооценка может выступать и стимулом для развития личности, и также препятствием. Наиболее очевидным источником тревоги является внутренний корень беспокойства – сопротивление самого себя, связанное с отношением к себе, самооценкой и Я-концепцией [3].

Влияние окружающих на формирование самооценки становится особенно значимым, если рассматривать коммуникативную потребность человека как «стремление познать себя через взаимодействие с партнером». Исследователи анализируют не только саму суть самооценки, но и различные аспекты ее проявления. [4]. Морис Розенберг, проводя наблюдения за студентами, выявил, что молодые люди с заниженной самооценкой особенно уязвимы и чувствительны к критике, касающейся их самооценки. Им важно мнение окружающих, и в общении они испытывают неловкость, часто полагая, что окружающие имеют о них негативное мнение [10].

Материалы и методы исследований

Обзор литературы и научных исследований позволяет констатировать, что студенческий возраст рассматривается как период поздней юности, который приходится на возрастную границу 18-25 лет. Поиск собственной идентичности является главной задачей студенческого возраста. Основным видом деятельности студента выступает учебно-профессиональная, а характерными новообразованиями являются когнитивная, эмоциональная, мотивационная и волевая сферы психики, которые входят в структуру личности. В этот период происходит активное становление личности, внутренней позиции, прогнозирование своего места в мире, а также планирование своего будущего.

Нам представляется весьма актуальным выявить характер связи между уровнем тревоги и самооценкой у студентов.

Обозначенная нами цель исследования потребовала постановку следующих задач:

- определить уровень тревоги студентов психолого-педагогического профиля обучения;
- выявить уровень самооценки студентов психолого-педагогического профиля обучения;
- установить характер связи между уровнем тревоги и уровнем самооценки студентов психо-

лого-педагогического профиля обучения.

Исследование проводилось на базе Толстовского университета г. Тулы. Выборку составила группа студентов психолого-педагогического профиля обучения в количестве 30 человек в возрасте 19 - 21 лет.

Основным методом был определен эмпирический эксперимент. В качестве методик применялись личностная шкала проявлений тревоги (Дж. Тейлор, адаптация Т.А. Немчина) и тест-опросник «Определение уровня самооценки» (С.В. Ковалёв).

Результаты и обсуждения

Обработка, анализ и интерпретация результатов исследования проводились последовательно в два этапа.

На первом этапе была осуществлена первичная обработка экспериментальных данных. Результаты уровня тревоги у студентов (личностная шкала проявлений тревоги (Дж. Тейлор, адаптация Т.А. Немчина)) свидетельствуют, что средние показатели проявления тревоги выявлены у 17 студентов (56%), высокие показатели обнаружены у 9 студентов (30%), низкие – у 2 студентов (7%) и очень высокий уровень тревоги зафиксирован у 2 студентов (7%). Среднее значение тревоги – 21,30, что соответствует среднему с тенденцией к высокому уровню тревоги и означает, что такие студенты обычно имеют спокойное эмоциональное состояние, они общительны и обладают адекватной самооценкой. Они более открыты по сравнению с теми, у кого тревога выше. Однако они также могут испытывать необоснованное беспокойство без видимых причин.

Обратившись к результатам исследования уровня самооценки, находим, что 25 человек (83%) демонстрируют низкий уровень, 4 студента (14%) характеризуются средним уровнем самооценки и 1 студент (3%) – высоким уровнем. Средний показатель в группе испытуемых составляет 63,82, что соответствует низкому уровню. Данный факт свидетельствует о том, что большинство испытуемых болезненно реагируют на критику, всегда стремятся считаться с мнением других и часто страдают от «комплекса неполноценности».

Анализ результатов позволяет сделать вывод, что у студентов преобладает средний уровень тревоги с тенденцией к высокому, также у большинства испытуемых определен низкий уровень самооценки.

На втором этапе исследования проведена статистическая обработка данных, которая позволила установить взаимосвязь между тревожностью и самооценкой у студентов. Для начала мы осуществили проверку переменных на нормальность распределения с помощью одновыборочного критерия Колмагорова-Смирнова (табл. 1).

Таблица 1

Проверка переменных на нормальность распределения.

Table 1

Testing variables for normal distribution.

N		Тревога 30	Самооценка 30
Параметры нормального распределения ^{a,b}	Среднее	20,70	62,13
	Среднекв.отклонение	11,117	19,152
Наибольшие экстремальные расхождения	Абсолютная	,160	,098
	Положительные	,160	,098
	Отрицательные	-,132	-,080
Статистика критерия		,160	,098
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)		,048 ^c	,200 ^{c,d}

Примечание: в таблице приняты обозначения: а. Проверяемое распределение является нормальным. b. Вычислено из данных. c. Коррекция значимости Лильефорса. d. Это нижняя граница истинной значимости.

Note: The following notations are used in the table: a. The distribution being tested is normal. b. Calculated from the data. c. Liljefors significance correction. d. This is the lower bound of the true significance.

Проверка данных по переменной «Тревога» у испытуемых показала результат отличный от нормального распределения, т.к. $p=0,048 < 0,05$ – непараметрический метод. Проверка данных по переменной «Самооценка» у испытуемых показала нормальное распределение, т.к. $p=0,200 > 0,05$ – параметрический метод.

После проверки эмпирических данных, на нормальность распределения, были получены результаты распределения, которые показали отличный от нормального распределения по одной из переменных, поэтому для выявления взаимосвязи используется коэффициент корреляции Спирмена (табл. 2).

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа с помощью критерия Спирмена.

Table 2

Results of correlation analysis using Spearman's criterion.

		Тревожность	Самооценка
Тревога	Коэффициент корреляции	1,000	,807**
	Знач. (двухсторонняя)	.	,000
	N	30	30
Самооценка	Коэффициент корреляции	,807**	1,000
	Знач. (двухсторонняя)	,000	.
	N	30	30

Примечание. **Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Note: **Correlation is significant at the 0.01 level (two-tailed).

В результате проведенного корреляционного анализа установлено, что у студентов наличествует сильная прямая связь между тревогой и самооценкой ($r=0,807$, $p=0,00$). Данный факт можно интерпретировать как то, что чем ниже тревога, тем ниже самооценка, верно и утверждение, что чем выше тревога, тем выше оценка себя студентами. Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод, что предположение о наличии взаимосвязи тревоги и самооценки у студентов нашло подтверждение.

Выводы

Проблемы, связанные с высоким уровнем тревожности студентов, не теряют своей актуальности в педагогической психологии. В студенческие годы в жизни молодых людей происходит множество перемен, связанных с необходимостью пла-

нирования собственной учебной и жизненной деятельности, повышения личной ответственности за результаты обучения и будущих профессиональных успехов. В связи с выстраиванием новых отношений с окружающими, личностным ростом, поиском смысла жизни, студенты также подвержены сомнению в своих способностях и возможностях и переживанию тревоги.

На наш взгляд, важно изучать взаимосвязь между переживаемой студентами тревогой и уровнем их самооценки для своевременной психологической поддержки, профессионального становления и улучшения их психического здоровья. Исследования в этой области могут помочь выявить факторы, влияющие на проявление тревоги и самооценку студентов, а также предложить эффективные технологии и методы по их регуляции.

Список источников

1. Абульханова-Славская К.А. Типология активности личности в социальной психологии // Психология личности и образ жизни. М., 1987. С. 10 – 14.
2. Бахтина С.В., Антонова О.В., Розина А.В. Самооценка как показатель уровня развития личности // Наукосфера. 2023. № 1 (2). С. 158 – 161.
3. Каргин М.И., Сайфетдинова К.В. Социально-психологические технологии формирования адекватной самооценки тревожных студентов // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. 2022. №1 (17). С. 17 – 18.
4. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 255 с.
5. Микляева А.В., Румянцева П.В. Школьная тревожность: диагностика, профилактика, коррекция. СПб.: Речь, 2004. 248 с.
6. Низовцева Ю.Я., Дуюнов П.Ю., Тамаров И.С., Ерошенко И.А. Исследование уровня тревожности у студентов технического университета с разной интенсивностью физической активности // Культура физическая и здоровье. 2025. № 2 (94). С. 104 – 108.
7. Тихомиров Р.В., Гузь С.М. Анализ тревожности студентов первого и второго курсов (на примере Петрозаводского государственного университета) // Стандарты и мониторинг в образовании. 2024. Т. 12. № 2. С. 3 – 7.
8. Филиппова М.А., Хохрякова А.А., Толмачев Д.А. Выявление уровня личностной и ситуативной тревожности студентов // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2024. № 4. С. 53 – 56.
9. Шаренкова Л.А., Горянная Н.А., Смолина В.С., Мищенко И.В. Оценка уровня тревожности студентов медицинского университета различных факультетов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. № 4. С. 194 – 200.
10. Rosenberg M. Social psychology of the self-concept. H. Davidson, 1982. 565 p.

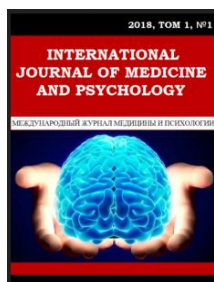
References

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Typology of personality activity in social psychology. Psychology of personality and way of life. Moscow, 1987. P. 10 – 14.
2. Bakhtina S.V., Antonova O.V., Rozinova A.V. Self-esteem as an indicator of the level of personality development. Naukosphere. 2023. No. 1 (2). P. 158 – 161.
3. Kargin M.I., Saifetdinova K.V. Social and psychological technologies for the formation of adequate self-esteem of anxious students. Actual problems and prospects for the development of modern psychology. 2022. No. 1 (17). P. 17 – 18.
4. Kon I.S. Psychology of early youth. Moscow: Education, 1989. 255 p.
5. Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. School anxiety: diagnostics, prevention, correction. SPb.: Rech, 2004. 248 p.
6. Nizovtseva Yu.Ya., Duyunov P.Yu., Tamarav I.S., Eroshenko I.A. Study of anxiety level in students of technical university with different intensity of physical activity. Physical culture and health. 2025. No. 2 (94). P. 104 – 108.
7. Tikhomirov R.V., Guz S.M. Analysis of anxiety of first and second year students (on the example of Petrozavodsk State University). Standards and monitoring in education. 2024. Vol. 12. No. 2. P. 3 – 7.
8. Filippova M.A., Khokhryakova A.A., Tolmachev D.A. Identification of the level of personal and situational anxiety of students. Questions of Psychology of Extreme Situations. 2024. No. 4. P. 53 – 56.
9. Sharenkova L.A., Goryannaya N.A., Smolina V.S., Mishchenko I.V. Assessment of the level of anxiety of medical university students of various faculties. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 4. P. 194 – 200.
10. Rosenberg M. Social psychology of the self-concept. H. Davidson, 1982. 565 p.

Информация об авторе

Куликова Т.И., кандидат психологических наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

© Куликова Т.И., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 316.663

¹ Котляр М.А.,

¹ Цветкова Н.А.,

¹ Московский педагогический государственный университет

Распределение семейных ролей и ролевая адекватность в молодых семьях без детей и с ребёнком-первенцем

Аннотация: цель исследования – выявление особенностей распределения семейных ролей и ролевой адекватности супругов в молодых семьях без детей и после рождения первенца. В эмпирическом исследовании были использованы следующие психодиагностические методики: а) опросник «Распределение ролей в семье» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубровской; б) опросник «Типы воспитания детей» А.И. Баркан; в) опросник «Принятие родительской позиции» Е.И. Захаровой, А.И. Строгалиной. В исследовании приняли участие 12 человек (6 супружеских пар) возраста от 18 до 24 лет без детей и 24 пары (48 человек), имеющих ребенка первенца. Установлено, что молодым семьям с ребёнком-первенцем свойственно адекватное принятие родительской позиции и реализация позитивных типов воспитания; молодым семьям без детей свойственно адекватное распределение семейных ролей.

Наиболее четкое распределение ролей и ролевая адекватность наблюдается в парах без детей с классическим патриархальным распределением ролей. В целом, большая часть семейных функций в современных молодых семьях с ребенком-первенцем реализуются либо совместно, либо женой. Низкая степень непринятия компонентов родительской позиции в молодых семьях с ребенком-первенцем свойственна, как правило, обоим супругам в паре. Сравнительный анализ показателей типа воспитания детей между супругами внутри пар выявил значимое различие у супругов по шкале «повышенная моральная ответственность» (у отцов данный показатель значимо выше).

Ключевые слова: ролевая адекватность, распределение семейных ролей, брак, типы воспитания детей, функции семьи, родительская позиция, первый ребенок, ребенок-первенец

Для цитирования: Котляр М.А., Цветкова Н.А. Распределение семейных ролей и ролевая адекватность в молодых семьях без детей и с ребёнком-первенцем // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 357 – 370.

Поступила в редакцию: 30 июня 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 27 августа 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Kotlyar M.A.,

¹ Tsvetkova N.A.,

¹ Moscow Pedagogical State University

Distribution of family roles and role adequacy in young families without children and with a first-born child

Abstract: the aim of the study was to identify the characteristics of the distribution and role adequacy of family roles in young families without children and after the birth of the first child. The article presents the results of an empirical study of the distribution of family roles and role adequacy in families without children and with a first child, implemented on various Internet platforms dedicated to family life and parenting. The study examined the characteristics of family role distribution and role adequacy (the method "Role Distribution in the Family" by Yu.E.

Aleshina, L.Ya. Gozman, E.M. Dubrovskaya, 1987) in young families without children, as well as the types of upbringing (the questionnaire "Types of Child Rearing" by A.I. Barkan, 1999) and the adoption of a parental position in young families with a first-born child (the questionnaire of parental position adoption by E.I. Zakharova, A.I. Strogalina, 2005). The study involved 6 couples (6 men and 6 women) aged 18 to 24 years without children and 24 couples (24 men and 24 women) with a first-born child. During the testing of the hypotheses, it was revealed that young families with a first-born child are characterized by adequate adoption of a parental position and the implementation of positive types of upbringing; Young families without children are also characterized by an adequate distribution of family roles.

The clearest distribution of roles and role adequacy is observed in a couple without children with a classic patriarchal distribution of roles; also, no discrepancies in the answers were found in a couple in which the classic "male" roles are realized by the husband, and the "female" roles - jointly. In general, most family functions in modern young families with a first-born child are realized either jointly or by the wife. A low degree of rejection of the components of the parental position in young families with a first-born child is characteristic, as a rule, of both spouses in a couple and is a family tendency. A comparative analysis of the indicators of the type of child rearing between spouses within couples revealed a significant difference on the "increased moral responsibility" scale. This indicator is significantly higher for fathers.

Keywords: role adequacy, distribution of family roles, marriage, types of child rearing, family functions, parental position, first child, first-born child

For citation: Kotlyar M.A., Tsvetkova N.A. Distribution of family roles and role adequacy in young families without children and with a first-born child. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 357 – 370.

The article was submitted: June 30, 2025; Approved after reviewing: August 27, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Государственная политика в сфере семьи и брака направлена на сохранение семейных традиций, повышение ценности и привлекательности брака и семьи, а также на профилактику разводов и повышение благополучия в семье и браке. По статистике на первые пять лет брака приходится около 40% всех разводов. Таким образом, важнейшими практическими задачами, стоящими перед психологической наукой, являются диагностика, коррекция и стабилизация семейных отношений.

Эта задача является созвучной государственной социальной политике в нашей стране. В настоящее время в России наблюдается тенденция к усилению традиционных ценностей. Существуют программы нацеленные на увеличение рождаемости. К ним относится национальный проект «Демография». В то же время напряженная политическая обстановка все чаще становится фактором, тормозящим рождаемость, все больше молодых пар предпочитают отложить рождение детей на более поздний срок. Распределение семейных ролей и ролевая адекватность являются важными аспектами функционирования семейной системы [1]. В современном обществе наблюдается значительное изменение восприятия и практики семейных ролей, особенно в молодых семьях. Данная тема является актуальной и представляющей интерес для

прикладных исследований, так как она позволяет понять, как молодые супруги разделяют ответственности и роли в семье, а также насколько эти роли соответствуют ожиданиям общества и самих партнеров.

Наряду с тем, что меняется мир, трансформируется и институт семьи. На изменения влияет внутренняя и внешняя политика, изменения в экономике. Большой отпечаток на жизнь и мышление людей наложила пережитая пандемия.

Нельзя недооценивать влияние феминизма и чайлдфри-убеждений на современную семью. Феминизм и равноправие стали движущей силой в борьбе за права женщин и создании равных возможностей для всех членов семьи. Эти идеи постепенно меняют стереотипы и роли внутри семьи. С одной стороны, это позволяет создать более динамичный и развивающийся семейный союз, а с другой – может стать источником недопонимания и конфликтов в тех союзах, где супруги транслируют разные точки зрения на семейный уклад [2].

Идеология чайлдфри (сознательное желание не иметь детей), безусловно, имеет влияние на современную семью. Многие пары все чаще выбирают свободу от детей и сосредотачиваются на своих карьерах, саморазвитии и отношениях друг с другом. Это рождает семейные союзы, которые сознательно исключают из семейного института функции рождения, воспитания и социализации

детей.

Таким образом, сейчас мы наблюдаем, как современные социальные условия и ценности равноправия мужчин и женщин, самоопределения и свободы выбора кардинально меняют современный образ семьи и семейные роли.

Семейная роль – это социально обусловленное поведение, ожидаемое от индивида на основе его статуса в семье. Конвенциональные и неконвенциональные понятия семейной роли отличаются друг от друга в зависимости от традиций, культурных норм и ценностей общества, в котором существует данная конкретная семья [3].

Конвенциональные понятия семейной роли, как правило, соответствуют традиционным гендерным ролям. В подобных семьях мужчина обычно выступает в роли кормильца, зарабатывающего деньги и обеспечивающего семью, он отвечает за «внешний круг» семейных потребностей. Понятие «внешний круг семейных потребностей» включает в себя такие вещи как покупка движимости и недвижимости, планирование крупных трат, уплату налогов и пошлин, оформление документов, обслуживание авто и т. д. Роль женщины в таких семьях – заботливая мать, домохозяйка, отвечающая за домашние дела и воспитание детей, то есть за «внутренний» круг семейных потребностей. Они включают в себя организацию быта семьи, учебного процесса детей, вопросы здравоохранения, внутреннюю логистику, покупку сезонной одежды и т.д. Конвенциональные понятия семейной роли подразумевают, что мужчина должен быть сильным, агрессивным и авторитетным, а женщина – слабой, чувствительной и подчиненной мужу.

Однако с развитием общества и изменением социальных и экономических условий возникли неконвенциональные понятия семейной роли. Неконвенциональные роли отражают изменения в гендерных стереотипах и предпочтениях. Сегодня все больше мужчин оказываются в роли домохозяев и заботливых отцов, осознавая важность участия в семейной жизни и воспитании детей. С другой стороны, женщины могут претендовать на карьеру и финансовую независимость, принимая на себя ответственность за ряд задач «внешнего круга» семейных потребностей [4].

В неконвенциональных семейных ролях содержание ролей также изменяется. Заботливый отец может заниматься воспитанием детей, приготовлением пищи и уходом за домом, а мужчина-домохозяин может принимать решения по финансовым вопросам и управлять семейными финансами. Жена-партнер может принимать активное участие в принятии решений и соавторстве в финансовых вопросах с мужем [5].

Рождение ребёнка – это важный и сложный этап в развитии семьи. Родители сталкиваются с рядом проблем, связанных с освоением новых ролей и обязанностей. Время, предшествующее рождению первенца (планирование беременности и сама беременность) – это период, когда родителям следует договориться о том, как они видят себя в новой роли, какие обязанности готовы взять на себя и какие у них имеются ожидания от поведения партнёра. Остро встаёт вопрос распределения семейных ролей и ответственности. Правила, установленные ранее теряют свою актуальность, паре требуется пересмотреть их, добавить новые [6, 7].

В конвенциональной семье женщина посвящает большую часть времени уходу за ребёнком, уходит в декретный отпуск. На мужчину же ложится ответственность за обеспечение материальными ресурсами жены и ребёнка. Стоит заметить, что эти задачи совпадают с со смыслами кризисов зрелого возраста [8].

В партнёрских семьях все не так просто и однозначно, ведь в таких семейных системах оба партнера хотят быть реализованы как в карьере, так и в родительстве. Появляется необходимость договориться о распределении ролей, новых обязанностях. В последние несколько лет приобрела актуальность модель родительства, при которой в декретный отпуск уходит отец, а мать продолжает работать. Все это имеет определенное влияние на ролевую адекватность и распределение ролей в семье [9].

Новый член семьи требует от родителей вложения временных, материальных и эмоциональных ресурсов, что при наличии дополнительных стрессоров, связанных с нормативными кризисами семьи, психически и физически истощает одного или обоих супругов. Случается, что кто-то из супругов не готов принимать новую реальность, что может приводить к серьёзным конфликтам. Это может приводить к повышению тревожности, возникновению депрессивных эпизодов, снижению психологического благополучия. Таким образом, рождение первенца связано с серьёзной психоэмоциональной нагрузкой [10].

Г. Навайтис выделял следующие основные группы семейных потребностей: [10]: создание и поддержание материальных условий жизнедеятельности семьи; потребности в любви и опеке, связанные с материнством; потребность в психологической и физической близости; потребность в семейном общении.

Разные авторы, перечисляя функции семьи, выделяют довольно схожую совокупность понятий. И.В. Гребенников относит к функциям семьи

репродуктивную, экономическую, воспитательную, коммуникативную, функцию организации досуга и отдыха [11].

Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис отмечают, что семье принадлежат такие функции, как воспитательная, хозяйственно-бытовая, эмоциональная, функция духовного общения и первичного социального контроля, сексуально-эротическая [13].

А.Г. Харчев и А.И. Антонов делят функции семьи на специфические, вытекающие из сущности семьи и отражающие ее особенности как социального явления, и неспецифические – те функции, к выполнению которых семья оказалась принужденной или приспособилась в определенных исторических обстоятельствах [12].

К специфическим функциям семьи относятся: репродуктивная, экзистенциальная, функция социализации. Данные функции сохраняются при всех изменениях общества. Неспецифическими функциями семьи являются накопление и передача собственности и статуса, организацию производства и потребления, домохозяйство, отдых и досуг, заботу о здоровье и благополучии членов семьи, создание микроклимата, способствующего снятию напряжения и самосохранению каждого члена семьи.

В современной психологической практике нередко встречаются семьи с нарушением внутренней иерархии. В обществе есть определённые представления о том, как должна выглядеть семья. В основном эти представления связаны с патриархальным укладом и жесткими иерархическими связями внутри семейной системы [10]. Говоря о семейной иерархии, нужно дать определения границам семьи. Вопросом семейных границ и автономии семьи занималась А.Я. Варга [2]. Подсистемы и отдельные личности ограждают себя границами, которые защищают автономию всей семьи, семейной подсистемы или отдельного лица. Несовпадение представлений о границах у членов семьи может стать источником конфликтов и роста напряжения.

Если сравнивать современность с 19 веком, можно сказать, что понимание границ в семейных системах сильно изменились. С одной стороны, в настоящее время в ходу осознанное родительство, активное включение родителей в воспитание и жизнь ребенка в целом. При общей позитивности этой тенденции, у нее есть и обратная сторона: родители вкладывают в ребенка большой ресурс и имеют определенные ожидания, которые ребенок должен оправдать. В данной ситуации ребенок чувствует давление возложенной на него ответственности и испытывает страх неудач [11]. С

другой стороны, с повышением ценности детства происходит увеличение продолжительности каждого возрастного периода ребенка, что способствует инфантилизму, нарушению личных границ. Конечно в этом факте есть и позитивная сторона – практическое отсутствие границ между родителями и детьми может способствовать близким, доверительным отношениям.

Исследование 2021 года «Гендерные особенности представлений студентов о распределении ролей в семье» (М.С. Даций, Л.А. Костина., М.А. Сергеева, А.С. Кубекова) показало, что современная молодёжь считает, что обеспечивать семью материальными благами должен муж, но в то же время это не означает, что мужчина является главой семьи. Уходом за детьми в большей степени должна заниматься женщина, но воспитанием должны заниматься оба родителя. Домашним хозяйством должны, по мнению молодых людей с 18 до 23 лет, заниматься оба супруга [4].

Результаты исследования М.Д. Якимовой «Особенности современной Российской семьи» свидетельствуют о наличии тенденции стремления женщин к равноправию, в то время как многие мужчины больше склоняются к традиционному распределению семейных ролей и патриархальному укладу [14].

Исследование А.Г. Ширяевой «Трансформация моделей распределения гендерных ролей в провинциальной российской семье» показало, что в распределении семейного бюджета преобладает эгалитарная модель. А вот в определении главы семьи эгалитарные установки сочетаются с представлениями о том, что домашними делами должна заниматься женщина [12].

Исследование В.В. Данкова «Семейные и репродуктивные установки молодёжи Москвы: анализ результатов социологического исследования» показало, что молодые люди считают, что создание семьи может помешать реализации карьерных амбиций девушкам. Прослеживается стремление девушек к экономической независимости. Можно сказать, что наблюдается тенденция к равноправным отношениям. У значительного количества девушек отмечаются установки, что материнство – это препятствие для успешной карьеры [3].

Исследование 2021 года «Кризис семьи в период ожидания первого ребёнка», автором которого является Джавадова Р. Т., выявило, что женщины в период ожидания первенца демонстрируют высокие ожидания от партнёров и неудовлетворённость браком. Результаты приведенных выше исследований обуславливают практическую значимость данной работы [5].

Материалы и методы исследований

Исследование осуществлялось в несколько этапов. На первом этапе производился теоретический анализ литературы по теме исследования, подготовка и организация эмпирического исследования, в ходе которого был сформирован комплекс методик для прохождения психодиагностического тестирования:

1. Методика «Распределение ролей в семье» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубровская, 1987 г.);

2. Опросник «Типы воспитания детей» (А.И. Баркан 1999 г.);

3. Опросник принятия родительской позиции (Е.И. Захарова, А.И. Строгалина 2005 г.).

Пары, имеющие ребенка первенца, проходили весь комплекс, а молодые семьи без детей только методику «Распределение ролей в семье».

На втором этапе производился анализ полученных эмпирических данных. Полученные в ходе тестирования данные подвергались частотному

анализу, а также оценивалось совпадение взглядов супругов на то, кем в паре реализуется та или иная семейная функция, тип воспитания и принятие родительской позиции с применением критерия Уилкоксона.

Выборка эмпирического исследования: исследование было реализовано на различных интернет-площадках, посвященных семейной жизни и родительству; в нем приняло участие 6 пар (6 мужчин и 6 женщин) возрастом от 18 до 24 лет без детей и 24 пары (24 мужчины и 24 женщины), имеющих ребенка первенца.

Результаты и обсуждения

В ходе эмпирического исследования мы получили и проанализировали данные, полученные с помощью методики «Распределение ролей в семье» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубровская, 1987 г.). На первом этапе анализа данных в процентном соотношении оценивалось то, кем в семейных парах реализуется та или иная роль. Результаты представлены на рис. 1, 2.

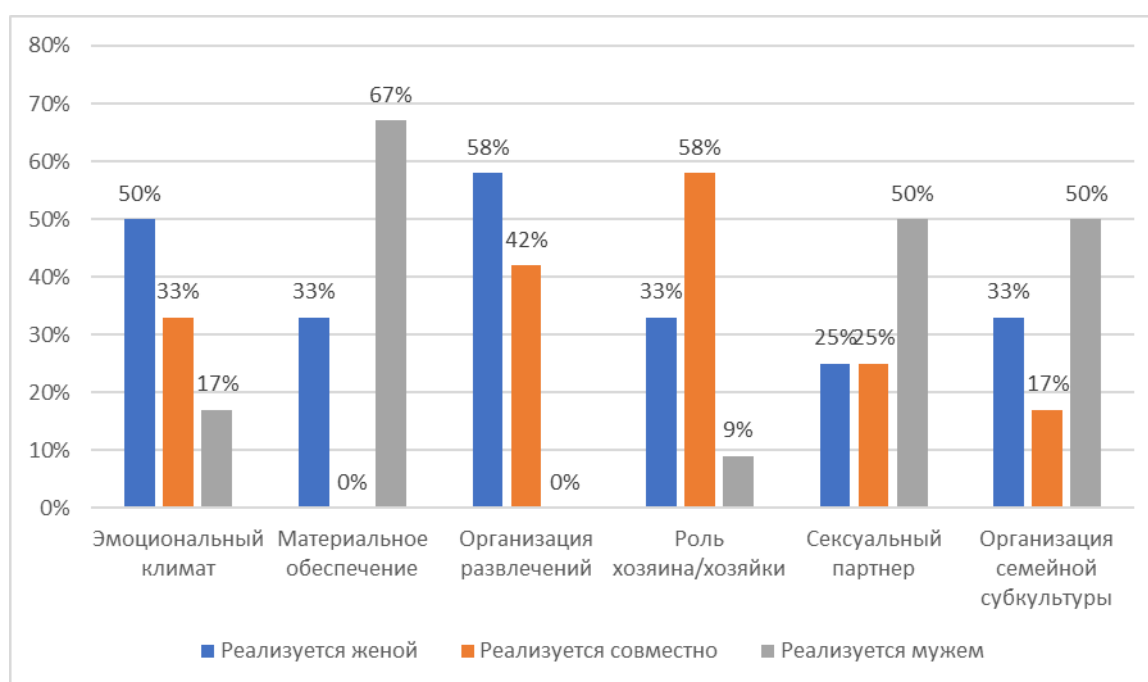


Рис. 1. Результаты оценки реализации семейных ролей в молодых семьях без детей.

Fig. 1. Results of the assessment of the implementation of family roles in young families without children.

Из рис. 1 видно, что большинство респондентов (67%, 50% и 50%) считают материальное обеспечение, функцию сексуального партнера и организацию семейной субкультуры мужскими ролями. Эмоциональный климат и организацию развлечений (50% и 58%) респонденты присваивают женщинам. Эти результаты соответствуют классическим гендерным представлениям о распределении семейных ролей. Интересно, что больше половины участников исследования (58%) реализуют такую

функцию, как роль хозяина/хозяйки совместно – это характерно для пар с системой отношений «равноправные партнеры». Что касается шкалы «материальное обеспечение», ни в одной паре эта функция не осуществляется совместно, а в трети пар осуществляется женщиной (33%). Исследование также показало, что организацией развлечений в современных молодых семьях без детей не занимаются мужья (0%), но почти в половине пар (42%) эта функция реализуется совместно.

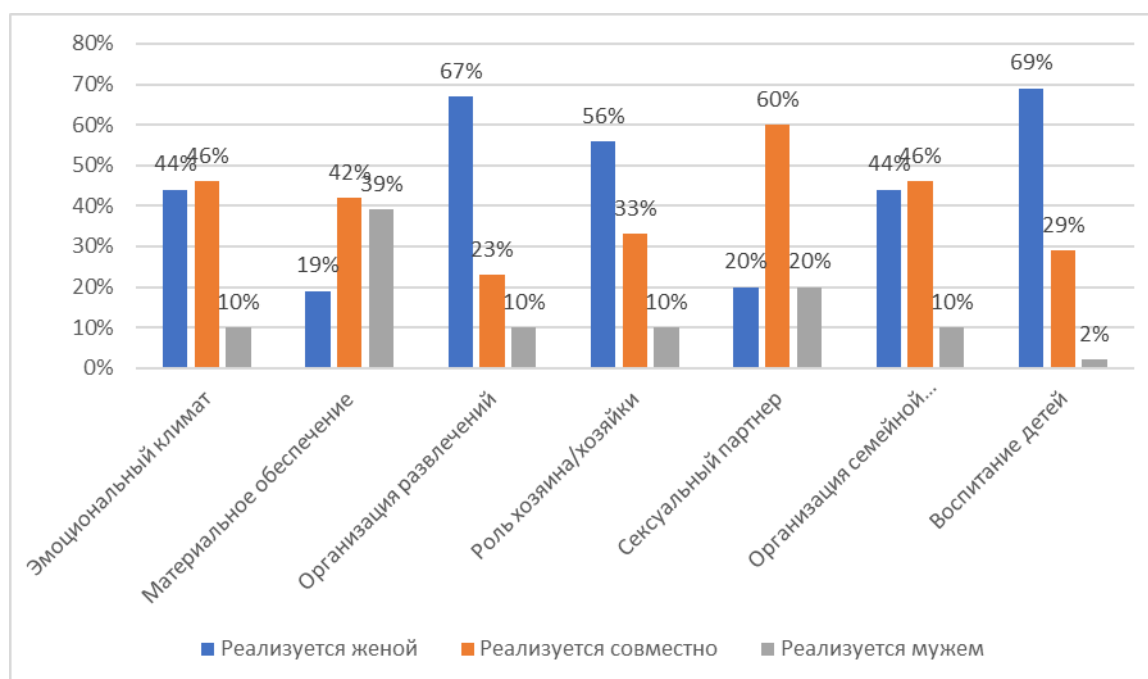


Рис. 2. Результаты оценки реализации семейных ролей в молодых семьях с ребенком-первенцем.

Fig. 2. Results of the assessment of the implementation of family roles in young families with a first-born child.

Из рис. 2 видно, что организацию развлечений, роль хозяина/хозяйки и функцию воспитания детей (67%, 56% и 69%) большинство респондентов присваивают женщинам. Эти результаты соответствует классическим гендерным представлениям о распределении семейных ролей. Около половины участников исследования (46%, 42%, 60% и 46%) реализуют такие функции, как роль эмоциональный климат, материальное обеспечение, функцию сексуального партнера и организацию семейной субкультуры совместно – это характерно для пар с системой отношений «равноправные партнеры». Что касается шкалы «материальное обеспечение», то соответствие классическому гендерному распределению ролей, то есть реализацию данной

функции мужчиной поддерживают 39% участников исследования, женщинам эту функцию присваивают 19% выборки. Исследование также показало, что организацией развлечений и семейной субкультуры, а также принимают роль хозяина на себя в современных молодых семьях с ребенком-первенцем занимаются только 10% мужей, 2% мужей присваивают себе функцию воспитания детей. В целом по выборке большая часть семейных функций реализуются совместно либо женой.

На втором этапе эмпирического исследования нами оценивались совпадения ответов в парах при оценке семейных ролей, как маркер адекватности их распределения. Результаты представлены на рис. 3 и 4.

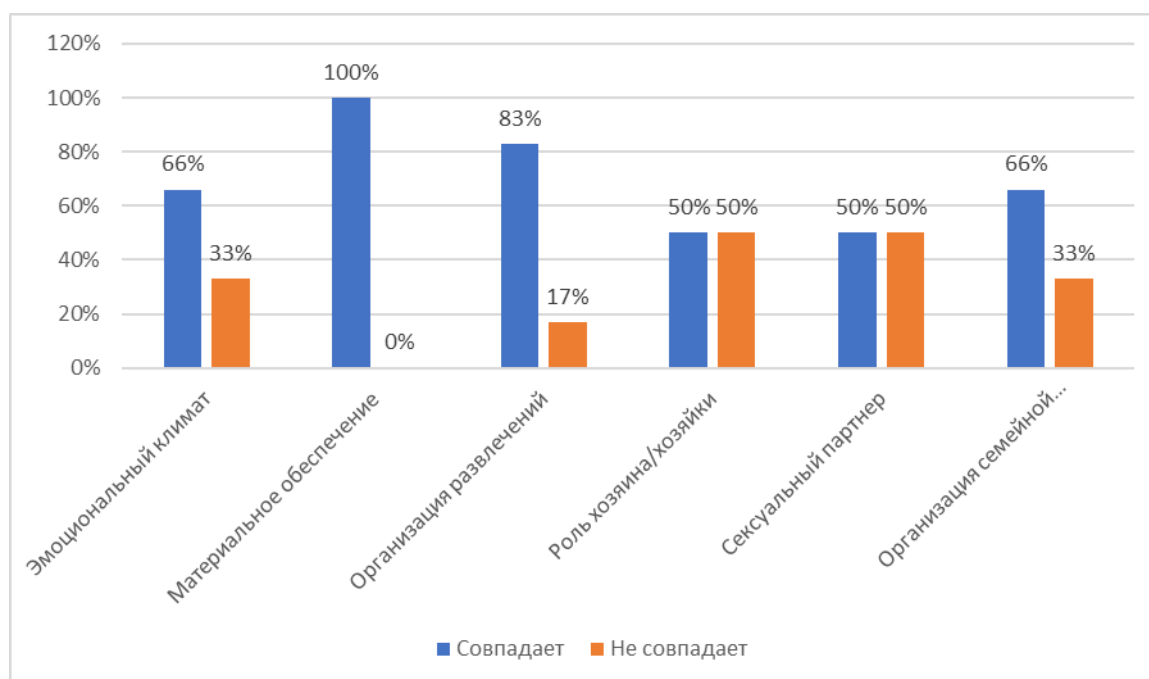


Рис. 3. Результаты оценки адекватности распределения семейных ролей в молодых семьях без детей.

Fig. 3. Results of the assessment of the adequacy of the distribution of family roles in young families without children.

Анализ данных показал, что наибольшая ролевая адекватность в исследуемой выборке (молодые семьи без детей) наблюдается в области «материальное обеспечение». Все 6 пар, принявших участие в исследовании, дали совпадающую оценку распределения этой роли. 5 пар из 6 (83%) демонстрируют адекватное распределение ролей в области организации семейного досуга и развлечений. Наибольшее недопонимание выявлено в таких семейных ролях, как «роль хозяина/хозяйки» и «сексуальный

партнер»: 50% пар не совпадают в оценке присваивания этих ролей кому-то из супругов. Несовпадение заключается в том, что один из супругов считает, что эта роль реализуется совместно, а второй присваивает ее исключительно себе. При дальнейшем анализе эмпирических данных было установлено, что 4 из 6 пар (66%) демонстрируют адекватное распределение ролей в функциях «эмоциональный климат» и «организация семейной субкультуры».

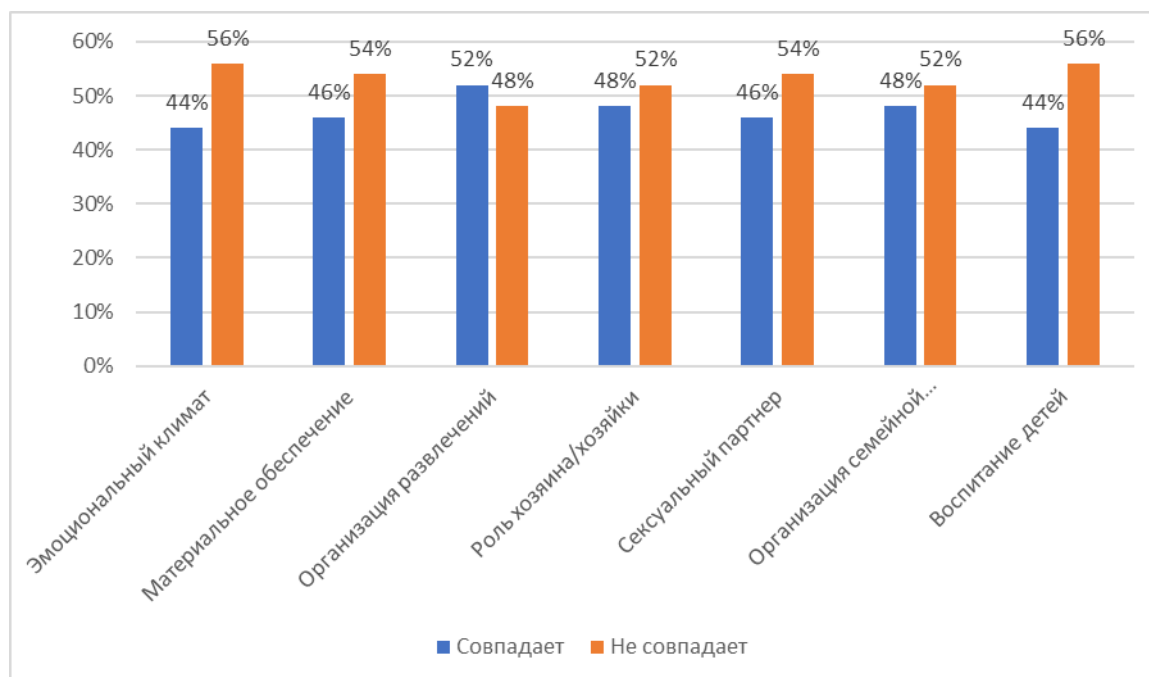


Рис. 4. Результаты оценки адекватности распределения семейных ролей в молодых семьях с ребенком-первенцем.

Fig. 4. Results of the assessment of the adequacy of the distribution of family roles in young families with a first-born child.

Анализ эмпирических данных показал, что совпадение взглядов на то, кем в паре с ребенком-первенцем реализуется та или иная семейная функция выявлено менее, чем у 50% опрошенных пар. Это может быть обусловлено тем, что в настоящее время существует тренд на позитивное равноправное родительство, которое размывает

границы ответственности каждого из супругов за реализацию той или иной семейной роли.

Результаты анализа эмпирических данных, полученных с применением опросника «Типы воспитания детей» А.И. Баркан в молодых семьях с ребенком-первенцем, представлены на рис. 5.

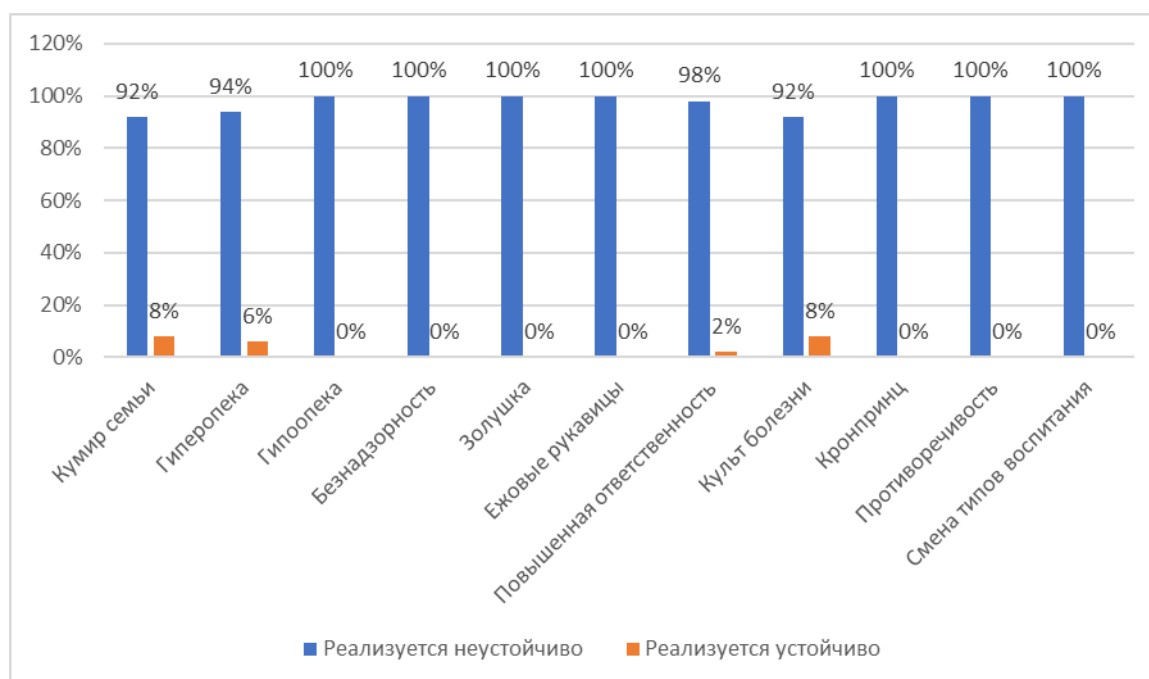


Рис. 5. Результаты оценки типа воспитания детей в молодых семьях с ребенком-первенцем.

Fig. 5. Results of the assessment of the type of child rearing in young families with a first-born child.

Большая часть деструктивных типов воспитания реализуется неустойчиво среди 100% респондентов. Однако у 8% опрошенных устойчиво реализуются такие типы воспитания, как «кумир семьи» и «культ болезни». У 6% и у 2% родителей первенцев устойчиво реализуется тип воспитания «гиперопека» и «повышенная моральная ответственность».

Также в ходе первичного анализа эмпирических данных нами оценивалась степень принятия родительской позиции в исследуемой выборке молодых семей с ребенком первенцем. Анализ данных, полученных с применением «Опросника принятия родительской позиции» И. Захаров, А. Строгалиной, представлен на рис. 6.

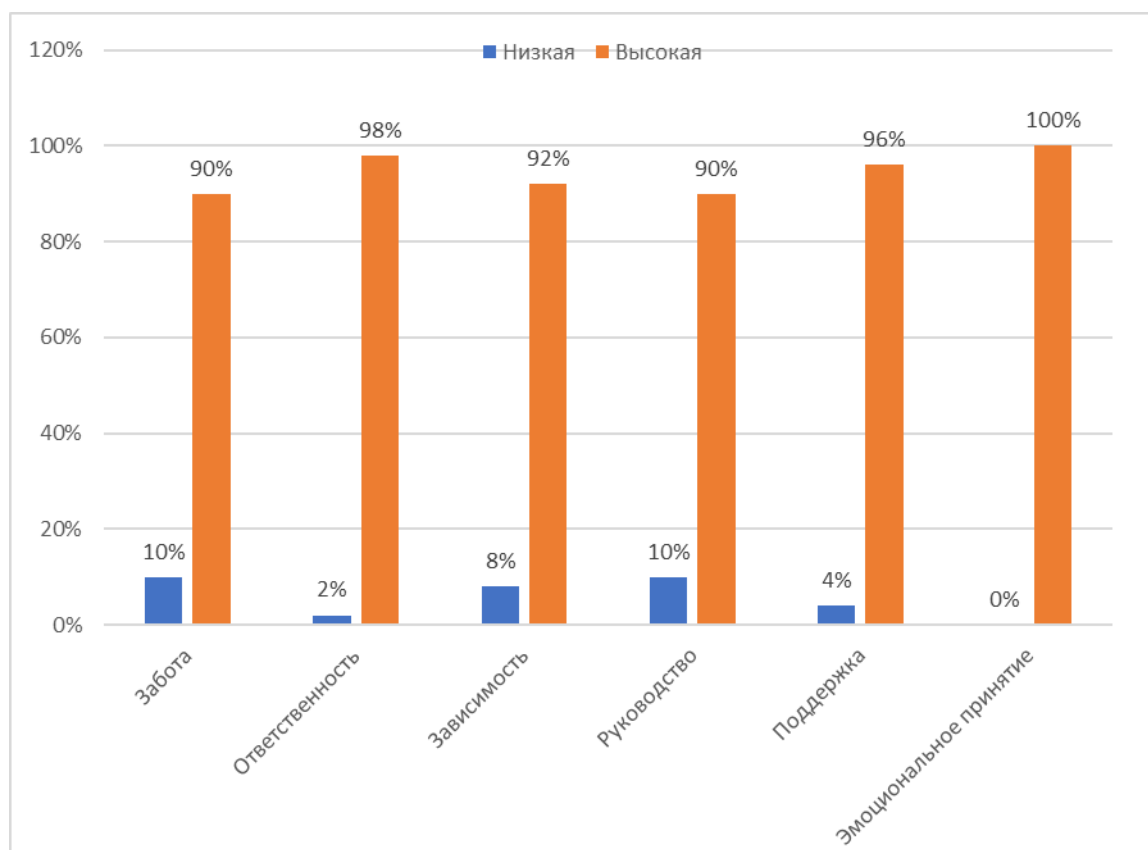


Рис. 6. Результаты оценки степени принятия родительской позиции в молодых семьях с ребенком-первенцем.

Fig. 6. Results of the assessment of the degree of acceptance of the parental position in young families with a first-born child.

Анализ эмпирических данных показал, что большей части опрошенных свойственно принятие всех компонентов принятия родительской позиции. 10% опрошенных (оба супруга в 2-х парах и супруг одной из пар) демонстрируют низкий уровень заботы о ребенке. Также 10% респондентов (оба супруга в 2-х парах и супруга одной из пар) не склонны формировать зону ближайшего развития для ребенка. 8% (оба супруга в двух парах) опрошенных не свойственно строить свою жизнь с учетом потребностей ребенка и его ритма жизни.

В целом представителям исследуемой выборки молодых родителей с ребенком-первенцем

свойственно принятие родительской позиции, адекватное ролевое распределение и реализация позитивных типов воспитания. При этом низкая степень непринятия компонентов родительской позиции свойственна, как правило, обоим супругам.

На третьем этапе эмпирического исследования был произведен сравнительный анализ показателей супругов внутри каждой пары. Показатели шести пар, не имеющих детей, были детально рассмотрены, описаны и сведены в табл. 1.

Таблица 1
Результаты оценки адекватности распределения семейных ролей в молодых семьях без детей.

Table 1

Results of the assessment of the adequacy of the distribution of family roles in young families without children.

Семейная роль	Пара 1	Пара 2	Пара 3	Пара 4	Пара 5	Пара 6
Эмоциональный климат	НС	НС	С	С	С	С
Материальное обеспечение	С	С	С	С	С	С
Организация развлечений	С	С	С	С	С	НС
Роль хозяина/хозяйки	НС	С	С	С	НС	НС
Сексуальный партнер	НС	НС	С	С	С	НС
Организация семейной субкультуры	НС	НС	С	С	С	С

Примечание: С – ответы супругов совпадают; НС – ответы супругов не совпадают.

Note: С – the spouses' answers match; NS – the spouses' answers do not match.

Пара 1: в данной паре ответы супругов не совпали по большинству позиций. Несовпадение во всех четырех случаях из шести выстраивается в тенденцию и выражается следующим образом: муж считает, что семейные роли реализуются совместно, а жена присваивает реализацию этих ролей себе. Судя по полученным данным женщина все представленные в методике роли присваивает себе. Это характерно скорее для матриархального семейного строя. Таким образом, ролевая адекватность и распределение семейных ролей в паре женой субъективно воспринимается недостаточно равновесно и отличается от субъективного восприятия партнера.

Пара 2: в данной паре ответы супругов не совпали по половине позиций. Несовпадения выражаются следующим образом: функцию организации семейного климата жена полностью присваивает себе, а муж считает, что она организовывается совместно; функцию активного сексуального партнера супруг присваивает себе, а жена считает, что данная функция реализуется совместно; функцию организации семейной субкультуры муж полностью присваивает супруге, а жена считает, что данная функция реализуется совместно. Таким образом, области сексуального партнерства и организации семейного климата для данной пары могут являться источником конфликта.

Пара 3: в данной паре не было выявлено ни одного несовпадения в оценке распределения семейных ролей. Интересно, что ни одна из семейных функций в данной паре не реализуется совместно, 3 из них реализуются мужем (материальное обеспечение, активный сексуальный партнер, организация семейной субкультуры) и 3 – женой (эмоциональный климат, роль хозяйки, организация развлечений). Данные результаты позволяют предположить

патриархальную семейную систему с четким разделением семейных ролей и адекватностью этих ролей для каждого из супругов.

Пара 4: в данной паре также не было выявлено ни одного несовпадения в оценке распределения семейных ролей. Примечательно, что ни одна из семейных функций в данной паре не реализуется женой, 3 из них реализуются мужем (материальное обеспечение, активный сексуальный партнер, организация семейной субкультуры) и 3 – совместно (эмоциональный климат, роль хозяйки, организация развлечений). Данную семейную систему можно охарактеризовать, как «гибрид» между классической патриархальной и партнерской: семейные роли, адекватные в классической системе партнеру мужского пола, берет на себя муж, а «женские» реализуются совместно.

Пара 5: в данной паре было выявлено несовпадение по одной из позиций – «роль хозяина/хозяйки», несовпадение выражается следующим образом: муж считает, что семейная роль реализуется совместно, а жена присваивает ее реализацию себе. Таким образом, домашние дела для этой пары могут быть конфликтной зоной. В данной семье исключительно мужем реализуется только роль «материальное обеспечение», 3 роли (половина) реализуются женой – сексуальный партнер, организация семейной субкультуры и эмоциональный климат. Совместно пара занимается организацией развлечений. Данная семейная система характеризуется гибкостью в распределении семейных ролей и ролевой адекватности.

Пара 6: в данной паре ответы супругов не совпали по половине позиций. В части организации семейных развлечений муж присваивает эту функцию жене, а жена считает, что она реализуется совместно (в этой ситуации

напряжения в данном поле предположительно нет); роль хозяина и сексуального партнера муж полностью присваивает себе, а жена считает, что функция реализуется совместно (может иметь место конфликтность в данной области). Примечательно, что в данной семейной системе такая гендерно «мужская» роль, как «материальное обеспечение» реализуется женщиной, а за эмоциональный климат отвечает мужчина. Совместно реализуемых функций в паре выявлено не было.

Для выявления различий количественных показателей по шкалам опросников «Принятие родительской позиции» и «Тип воспитания» супругов в молодых семьях с ребенком первенцем нами был произведен сравнительный анализ с применением критерия Уилкоксона. Полученные результаты представлены в табл. 2 и 3. Комплексная оценка этих данных свидетельствует о степени адекватности распределения семейных ролей в молодых семьях с ребенком первенцем.

Таблица 2

Результаты анализа различий типа воспитания детей у супругов, воспитывающими первенца.

Table 2

Results of the analysis of differences in the type of child rearing among spouses raising their first child.

Показатель	Z	Знак сдвига	Уровень значимости p
Кумир семьи	-0.108	0	0.914
Гиперопека	-0.740	+	0.459
Гипоопека	-1.289	+	0.197
Безнадзорность	-1.000	+	0.317
Золушка	-0.447	0	0.655
Ежовые рукавицы	-0.966	+	0.334
Повышенная моральная ответственность	-2.081	+	0.037*
Культ болезни	-0.061	+	0.952
Кронпринц	-0.086	+	0.931
Противоречивое воспитание	-0.412	+	0.680
Смена образцов воспитания	-1.414	+	0.151

*уровень значимости меньше 0.05.

*significance level less than 0.05.

Сравнительный анализ показателей типа воспитания детей между супругами внутри пар выявил значимое различие по шкале «повышенная моральная ответственность». У родителей мужского пола значимо более выражено наличие более жестких, «черно-белых» установок и

требований к ребенку по сравнению с родителями женского пола.

В табл. 3 представлены результаты анализа различий степени принятия родительской позиции, выявленных у супругов внутри каждой из пар.

Таблица 3

Результаты анализа различий степени принятия родительской позиции у супругов, воспитывающими первенца.

Table 3

Results of the analysis of differences in the degree of acceptance of the parental position among spouses raising their first child.

Показатель	Z	Знак сдвига	Уровень значимости p
Забота	0.000	0	1.0
Ответственность	-0.423	0	0.672
Зависимость	-1.027	-	0.304
Руководство	-1.901	+	0.057
Поддержка	-0.686	-	0.493
Эмоциональное принятие	-0.419	-	0.675

Сравнительный анализ не выявил различий в степени принятия компонентов родительской позиции между супругами внутри каждой из 24 исследуемых пар.

Сравнительный анализ результатов исследования показал, что в семьях с ребёнком первенцем больше семейных функций реализуется совместно, при этом в молодых семьях без детей больше совпадают взгляды на распределение семейных ролей, что может быть обусловлено существованием тренда на позитивное равноправное родительство.

Выводы

Эмпирическое исследование позволило установить, что

- большинство супругов в молодых семьях без детей (67%, 50% и 50%) считают материальное обеспечение, функцию сексуального партнера и организацию семейной субкультуры мужскими ролями. Эмоциональный климат и организацию развлечений (50% и 58%) респонденты присваивают женщинам. Эти результаты соответствуют классическим гендерным представлениям о распределении семейных ролей.

- 58% молодых семей без детей реализуют такую функцию, как роль хозяина/хозяйки совместно, что характерно для пар с системой отношений «равноправные партнеры».

- Функция «материальное обеспечение» ни в одной молодой семье без детей не осуществляется совместно, а в трети пар осуществляется женщиной (33%). Ролевая адекватность в этой области наблюдается у 100% респондентов: все 6 пар, принявших участие в исследовании, дали совпадающую оценку распределения этой роли.

- Большинство молодых семей без детей (83%) демонстрируют адекватное распределение ролей в области организации семейного досуга и развлечений.

- Наибольшее несовпадение установлено у молодых семей без детей в таких семейных ролях, как «роль хозяина/хозяйки» и «сексуальный партнер»: 50% пар не совпадают в оценке присваивания этих ролей кому-то из супругов.

- Наиболее четкое распределение ролей и ролевая адекватность наблюдается в паре без детей с классическим патриархальным распределением

ролей; также несовпадений в ответах не было выявлено у пары, в которой классические «мужские» роли реализуются мужем, а «женские» – совместно.

- Организацию развлечений, роль хозяина/хозяйки и функцию воспитания детей (67%, 56% и 69%) большинство пар с ребенком-первенцем присваивают женщинам. Эти результаты соответствуют классическим гендерным представлениям о распределении семейных ролей.

- Около половины супругов, являющихся родителями первенцев (46%, 42%, 60% и 46%), реализуют такие функции, как роль эмоциональный климат, материальное обеспечение, функцию сексуального партнера и организацию семейной субкультуры совместно – это характерно для пар с системой отношений «равноправные партнеры».

- Функцию «материальное обеспечение» в соответствии с классическим гендерным распределением ролей, то есть реализацию данной функции мужчиной, поддерживают 39% участников исследования, женщинам эту функцию присваивают 19% молодых семей с ребенком-первенцем.

- Принимают на себя роль хозяина дома, занимаются организацией развлечений и семейной субкультуры в современных молодых семьях с ребенком-первенцем только 10% мужей, 2% мужей присваивают себе функцию воспитания детей. В целом большая часть семейных функций в современных молодых семьях с ребенком-первенцем реализуются либо совместно, либо женой.

Молодым семьям с ребенком-первенцем свойственно адекватное принятие родительской позиции и реализация позитивных типов воспитания.

Низкая степень непринятия компонентов родительской позиции в молодых семьях с ребенком-первенцем свойственна, как правило, обоим супругам в паре и является семейной тенденцией.

Сравнительный анализ показателей типа воспитания детей между супругами внутри пар выявил значимое различие по шкале «повышенная моральная ответственность». У отцов данный показатель значимо выше.

Совпадение взглядов на то, кем из супругов с ребенком-первенцем реализуется та или иная семейная функция свойственно менее, чем 50% современных молодых семей.

Список источников

1. Социология семьи: учебник / МГУ им М.В. Ломоносова; Под ред. А.И. Антонова. М.: ИНФРА-М, 2010. 637 с.

2. Боуэн Мюррей, Бейкер Кэтрин, Керр Майкл Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика: Боуэн, Бейкер, Керр.-М: Когито-центр, 2022. 496 с.

3. Варга А.Я., Будинайте Г.Л., Микаэлян Л. Профессиональная супервизия для семейных психотерапевтов. М: Питер, 2023. 208 с.
4. Данкова В.В. Семейные и репродуктивные установки молодежи Москвы: анализ результатов социологического исследования: Социология № 2, 2023. 11 с.
5. Даций М.С. Гендерные особенности представлений студентов о распределении ролей в семье // Казанский педагогический журнал. 2021. № 1. 8 с.
6. Джавадова Р.Т. Кризис семьи в период ожидания первенца: Научная статья, 2021. 3 с.
7. Дубограй Е.В., Кибалова А. В., Идеальная семья в представлениях студентов московских вузов // Молодой ученый. 2021. № 2. С. 158 – 162.
7. Евграфова Ю.А. Ролевая структура в молодой супружеской паре // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. Вып. 4. С. 411 – 423.
8. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. М: Академия, 2006. 546 с.
9. Мясникова Н.Г., Ширяева Е.П. Исследования готовности к браку современной молодежи // Казанский педагогический журнал. 2019. № 2. 9 с.
10. Навайтис Г. Семья в психологической консультации. М: Моск. Психол.-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 1999. 232 с.
11. Сунцева Я.В., Чепак М.Д. Особенности представления об идеальной семье у девушек в сравнении с представлениями юношей. Научная статья: 2021. 11 с.
12. Ширяева А.Г. Трансформация моделей распределения гендерных ролей в провинциальной российской семье. Научная статья: 2017. 15 с.
13. Эйдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. М: Санкт-Петербург, 2021. 672 с.
14. Якимова М.Д. Особенности современных российских семей // Научное обозрение. 2021. 7 с.

References

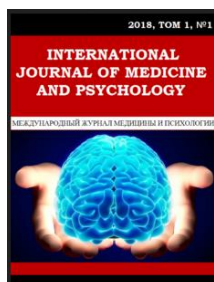
1. Sociology of the Family: Textbook. Lomonosov Moscow State University; Ed. by A.I. Antonov. Moscow: INFRA-M, 2010. 637 p.
2. Bowen Murray, Baker Catherine, Kerr Michael. Murray Bowen's Family Systems Theory. Basic Concepts, Methods, and Clinical Practice: Bowen, Baker, Kerr: Moscow: Cogito Center, 2022. 496 p.
3. Varga A.Ya., Budinaite G.L., Mikaelyan L. Professional Supervision for Family Psychotherapists. Moscow: Piter, 2023. 208 p.
4. Dankova V.V. Family and Reproductive Attitudes of Moscow Young People: Analysis of Sociological Research Results: Sociology No. 2, 2023. 11 p.
5. Datsiy M.S. Gender Features of Students' Ideas about the Distribution of Roles in the Family. Kazan Pedagogical Journal. 2021. No. 1. 8 p.
6. Dzhavadova R.T. Family Crisis During the Period of Expectation of the First Child: Research Article, 2021. 3 p.
7. Dubogray E.V., Kibalova A.V., The Ideal Family in the Ideas of Students of Moscow Universities. Young Scientist. 2021. No. 2. P. 158 – 162.
7. Evgrafova Yu.A. Role Structure in a Young Married Couple. Bulletin of St. Petersburg University. Psychology. 2019. Vol. 9. Issue 4. P. 411 – 423.
8. Liders A.G. Psychological Examination of the Family. M: Academy, 2006. 546 p.
9. Myasnikina N.G., Shiryayeva E.P. Studies of Readiness for Marriage among Modern Youth. Kazan Pedagogical Journal. 2019. No. 2. 9 p.
10. Navaitis G. Family in Psychological Consultation. M: Moscow Psychological-Social Institute; Voronezh: MODEK, 1999. 232 p.
11. Suntseva Ya.V., Chepak M.D. Features of Girls' Ideas about the Ideal Family in Comparison with Those of Boys. Research article: 2021. 11 p.
12. Shiryayeva A.G. Transformation of Gender Role Distribution Models in a Provincial Russian Family. Research article: 2017. 15 p.
13. Eideymiller E., Yustitskis V. Psychology and Psychotherapy of the Family. Moscow: Saint Petersburg, 2021. 672 p.
14. Yakimova M.D. Characteristics of Modern Russian Families. Scientific Review. 2021. 7 p.

Информация об авторах

Котляр М.А., Московский педагогический государственный университет, Marina.kreml.93@gmail.com, mynatulechka@mail.ru

Цветкова Н.А., Московский педагогический государственный университет

© Котляр М.А., Цветкова Н.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.015.31

¹Немирова С.В.,

¹Халак М.Е.,

¹Тарадай Ю.М.,

¹Учаева Д.А.,

¹ Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России

Предпосылки и особенности создания и формирования территории универсальных и надпрофессиональных компетенций

Аннотация: статья посвящена анализу трансформации образовательного пространства в условиях перехода от стабильного SPOD-мира к неопределенно-му BANI- и кризисному SHIVA-миру. Особое внимание уделяется проблемам медицинского образования, испытывающего кадровый голод и избыточную нагрузку программ. Авторы отмечают, что ключевой задачей современного образования становится развитие у студентов надпрофессиональных компетенций (soft skills, self skills), обеспечивающих адаптацию к быстро меняющимся условиям. В работе дается подробная классификация этих компетенций, включая критическое мышление, коммуникативные навыки и эмоциональный интеллект, на основе требований ФГОС ВО и международных исследований. На основе успешного опыта ряда российских вузов по созданию среды для формирования этих навыков через внеучебную деятельность, проектную деятельность и цифровые платформы, авторы представляют свою модель формирования территории универсальных и надпрофессиональных компетенций. На примере ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России (ПИМУ) показана комплексная трансформация образовательной и молодежной политики, направленная на интеграцию проектной деятельности и здоровьесбережения. Делается вывод, что внеучебная деятельность и психологическое сопровождение становятся критически важными элементами для развития конкурентоспособного, психически устойчивого специалиста, способного к эффективной самореализации в условиях неопределенности.

Ключевые слова: психологическое здоровье, здоровьестроение, психологическое благополучие, обучение, пространство формирования универсальных компетенций, психологическая служба

Для цитирования: Немирова С.В., Халак М.Е., Тарадай Ю.М., Учаева Д.А. Предпосылки и особенности создания и формирования территории универсальных и надпрофессиональных компетенций // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 371 – 383.

Поступила в редакцию: 1 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹Nemirova S.V.,

¹Khalak M.E.,

¹Taradai Yu.M.,

¹Uchaeva D.A.,

¹ Volga Region Research Medical University of the Russian Ministry of Health

Prerequisites and features of creating and developing a space for universal and transversal competencies

Abstract: the article is devoted to analyzing the transformation of the educational environment in the context of the transition from a stable SPOD-world to the uncertain BANI-world and the crisis-oriented SHIVA-world. Particular attention is given to the challenges of medical education, which is experiencing a shortage of qualified

personnel and excessive program overload. The authors emphasize that the key task of contemporary education is the development of transversal competencies (soft skills, self-skills) in students, enabling them to adapt to rapidly changing conditions. The paper provides a detailed classification of these competencies—including critical thinking, communication skills, and emotional intelligence—based on the requirements of the Russian Federal State Educational Standards for Higher Education (FSES HE) and international research. Drawing on the successful experience of several Russian universities in creating environments for developing these skills through extracurricular activities, project-based learning, and digital platforms, the authors present their own model for building a space of universal and transversal competencies. Using the example of Privolzhsky Research Medical University (PRMU) of the Ministry of Health of the Russian Federation, the article demonstrates a comprehensive transformation of educational and youth policies aimed at integrating project activities and health-preservation practices. The authors have come to the conclusion that extracurricular engagement and psychological support become critically important elements for shaping a competitive, mentally resilient professional capable of effective self-realization under conditions of uncertainty.

Keywords: psychological health, health preservation, psychological well-being, education, space for developing universal competencies, psychological service

For citation: Nemirova S.V., Khalak M.E., Taradai Yu.M., Uchaeva D.A. Prerequisites and features of creating and developing a space for universal and transversal competencies. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 371 – 383.

The article was submitted: July 1, 2025; Approved after reviewing: September 2, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Процесс модернизации образовательного пространства в условиях современной действительности предполагает высокую динамику реакции на актуальные социально-экономические, а также научно-технические достижения [13].

Современные общественные, технологические и экономические парадигмы мира разительно отличаются от таковых в относительно недалеком прошлом. Наша реальность была выстроена в ходе динамических преобразований ведущих драйверов развития человеческого общества и прошла путь от SPOD-мира (устойчивого, предсказуемого, простого и определенного) до BANI (обобщенно характеризующегося как непоследовательного, сложно поддающегося исчерпывающему осознанию) и, с учетом усиления данной неопределенности, манифестирующего в SHIVA-мир (в определении автора данной концепции Марка Розина: расщепленный, ужасный, невообразимый, беспощадный, но возрождающийся) [4].

Специфическими чертами SHIVA-мира является [4]:

1. Наличие у людей перманентного чувства тревоги, что не позволяет быстро и четко реагировать на изменяющиеся условия действительности и принимать верные, эффективные решения;
2. Снижение показателей универсальности ранее действенных способов и средств обращения с действительностью, наличие трудностей долгосрочного планирования;
3. Отсутствие гарантии результативности из-

бранного решения;

4. Наличие понимания, что кризисный этап процесса мировых преобразований конечен, и после общество ждет этап коренных изменений;

5. Наличие понимания, что данный кризисный процесс приведет к существенным общественным и экономическим преобразованиям, что открывает новые горизонты возможностей для тех, кто проявил наибольшие показатели способностей к адаптации.

На фоне этого все более остро встает проблема улучшения качества адаптационных возможностей личности обучающегося и будущего специалиста в условиях реализации собственной профессиональной деятельности. Одним из возможных способов разрешения данной задачи, по мнению многих исследователей, является необходимость акцентировать внимание на формировании и качественном развитии «надпрофессиональных компетенций» у учащихся.

Материалы и методы исследований

В исследовании использовался метод анализа литературных источников по теме, посвященной проблеме профессионального становления личности учащихся в системе высшего образования, в частности, проблеме значимости надпрофессиональных навыков как одного из ведущих факторов успешной трудовой адаптации будущего специалиста.

Преобладающее число проанализированных источников были выпущены не позже 5 лет с момента публикации.

Результаты и обсуждения

Понятие «компетенции» можно рассматривать как конгломерат качественных характеристик личности, представленных системой различных знаний, умений и навыков, а также поведенческих стереотипов человека, имеющих отношение к предметному и процессуальному полю той или иной деятельности [11].

Отечественные исследователи обратились к проблеме изучения hard skills и soft skills относительно недавно.

Так называемые hard skills или «жесткие навыки», «жесткие способности», «жесткие компетенции» подразумевают под собой основные качественные характеристики личности, связанные с той или иной профессиональной сферой. Это такие навыки специалиста, которые опираются на функциональных аспектах его трудовой деятельности и способствующие формированию эффективных стратегий достижения профессиональных целей [11, 12, 15].

Понятие «мягкие навыки», «мягкие компетенции» или soft skills можно рассматривать как некоторый универсальный набор компетенций, не связанных с той или иной профессией, но обладающих характером универсальных. Данный набор навыков может способствовать успешной реализации широкого спектра профессиональных обязанностей и в целом повышает качество трудовой адаптации личности [18].

В связи с этим стоит выделить также важную группу навыков «self skills», которые могут быть определены как навыки, позволяющие действовать личности в условиях неопределенности при помощи навыков самоорганизации, критического осмысления проблемной ситуации, умения ориентироваться на собственную ценностно-смысловую систему и, опираясь на это, находить наиболее эффективные пути и способы адаптации [7].

По нашему мнению, терминологическим эквивалентом понятия «self skills» являются так называемый «надпрофессиональные компетенции». В рамках данного определения понимается достаточно обширный спектр навыков, а также поведенческих моделей личности, ее специфических характеристик, а также особенностей сферы межличностных отношений, повышающих показатели адаптационных возможностей специалиста в условиях процесса реализации профессиональных задач, формирования устойчивых и эффективных систем отношений, что выражается в общей результативности профессионального и личностного развития человека. Посему, в рамках данной работы мы будем рассматривать описываемые выше понятия как синонимы [14, 20].

Проблема определения специфических надпрофессиональных навыков, необходимых для повышения качества осуществляемой специалистом профессиональной деятельности в научных исследованиях наиболее ярко актуализировалась с недавнего времени. Так, в 2013 году, специалистами американской компании Millennial Branding было осуществлено исследование, нацеленное на выявление ведущих черт личности специалиста, повышающих общий уровень трудовой успешности менеджера (в исследовании приняли участие 225 управленцев крупных американских фирм): коммуникативные способности, навыки работы в рамках коллектива, позитивное мышление, а также гибкость (как способность адаптивно перестраивать собственную систему взглядов и мнений с учетом актуальной информации) [2].

В последствии, список надпрофессиональных компетенций был дополнен и расширен в рамках других исследований. В 2016 году, в рамках доклада Всемирного экономического форума (Швейцария), адресованного проблеме преобразования рынка профессий в будущем, к наиболее важным надпрофессиональным навыкам отнесли способность к критическому осмыслению информации, навыки творческого осмысления поставленных задач, способность подходить к решению поставленной задачи комплексно, и, наконец, управленческие навыки, а также социальный интеллект [2, 3].

В рамках Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования ФГОС ВО предлагается обширный список различных универсальных компетенций надпрофессионального характера [5]:

1. Система умений и навыков высших форм мыслительной деятельности: способность давать критическую оценку информации; способность к творческому осмыслению поставленных задач; широкий спектр общих знаний и представлений; самостоятельность при принятии решений.

2. Навыки и умения социального порядка: коммуникативная грамотность; способность к групповой деятельности (работа в команде); понимание и следование основным нормам поведения, принятого в обществе; знания и навыки, направленные на способность к бесконфликтному поведению.

3. Развитые навыки и умения вербальной и невербальной коммуникации, компетенции ведения переговоров.

4. Достаточно развитые характеристики эмоционального интеллекта, как способности понимания и регуляции собственных эмоциональных и чувственных переживаний, понимания эмоцио-

нальных и чувственных реакций других людей.

5. Самостоятельность процесса целеполагания, способность к выбору оптимальных способов и средств решения поставленных задач через процесс планирования и выделение иерархии приоритетности целей.

6. Развитые показатели саморегуляции: личностная характеристика, отражающая способность индивида к контролю эмоциональных и поведенческих реакций, способность к реорганизации и направлению психической активности на достижение поставленной цели, наличие ориентированности на поощрение в долгосрочной перспективе.

7. Адекватный уровень развития компонентов сферы Я-концепции: навыки и умения личности, позволяющие давать конструктивную оценку собственным способностям, адекватно оценивать собственные сильные и недостаточно развитые личностные качества.

Рассмотрим особенности условий образовательной среды, направленных на формирование системы надпрофессиональных компетенций в рамках опыта различных высших учебных заведений.

Так в ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва» с 2013 года существует выездной лагерь «Лидер», представленный в виде трехдневного интенсива, нацеленного на качественное улучшение широкого спектра надпрофессиональных навыков студентов через повышение самостоятельной потребности студентов в познании и улучшении собственной системы надпрофессиональных компетенций. В рамках данного мероприятия основной акцент делается на работе с представителями т.н. студенческого актива через процесс их погружения в особенности деятельности различных систем студенческого самоуправления [8].

На базе ЯрГУ им. П.Г. Демидова, с 2018 года существует т.н. студенческий бизнес-инкубатор, который стал опорой для формирования системы образовательных интенсивов с региональным участием «Демид 20.35». Данный проект преследует цели развития широкого спектра систем компетенций личности студента, которые бы позволили ему быть конкурентно способным участником процесса социально-экономических изменений страны. Основные направления деятельности, реализуемые в рамках этого проекта нацелены на формирование и развитие основных надпрофессиональных компетенций личности студента, расширение и углубление системы знаний, умению и навыков (в том числе междисциплинарного характера), формирование навыков работы в рамках цифровой среды, а также развитие таких качеств мышления, которые могут способствовать повы-

шению успешности проектной деятельности студента. Проект представлен тремя блоками (подготовительный блок, блок проектной деятельности, блок образовательной направленности). Проект адресован нескольким целевым группам, а именно: непосредственные обучающиеся вузов; представители профессиональной и бизнес сфер; профессорско – преподавательский состав [8].

Финансовый Университет при Правительстве РФ описывает собственный обширный опыт использования виртуальных систем образования. В частности, в 2021 году Институтом онлайн-образования, при поддержке компании SIMULIZATOR, была создана образовательная система «Платформа профессиональных проб», основной задачей которой является повышение показателей осознанности подхода трудового самоопределения будущего специалиста. При помощи данной системы студент может развивать профессиональные и надпрофессиональные навыки, имеет возможность получить симуляционный опыт осуществления трудовых полномочий в рамках деятельности различных организаций [1].

На кафедре социально-гуманитарных дисциплин и истории Университета при Правительстве РФ 2020 году был основан Центр социально-культурного проектирования, являющегося продуктом активной деятельности студенческого объединения «Лаборатория квеста», осуществляющий свою деятельность с 2015 года и реализовавший более 150 мероприятий различной направленности. Работа в проектной деятельности положительно сказывалась на формировании и углублении системы знаний об особенностях работы в рамках создания различных проектов, специфике организационной деятельности. Опрошенные выпускники вуза отмечали, что полученные навыки межличностной коммуникации, стратегического мышления, когнитивной гибкости (при работе в условиях многозадачности и высокого темпа смены требований социальной среды) позитивно сказались на моменте их трудоустройства (работодатели положительно оценили наличие у кандидата опыта выше описанной деятельности), и в целом, указывали на расширение имеющихся знаний и опыта, что положительно сказалось на личностном развитии молодых специалистов [6].

Таким образом, мы видим, что представители множества вузов, ориентируясь на веяния современной социально-экономической обстановки в мире, нацелены на привнесение существенных трансформаций традиционного образовательного процесса, акцентируя внимание на том, что для успешного развития профессиональной личности необходимо не только развитые базовые профес-

сиональные компетенции, но и развитие системы надпрофессиональных навыков, обладающих большей универсальностью, и способствующих повышению адаптационного потенциала будущего профессионала.

Трансформация образовательного процесса в целом можно описать с точки зрения учета возникновения обновленных направлений роста и качественного преобразования образовательных систем с опорой на вновь приобретаемые технологические и бытийные (опосредованные жизненными потребностями общества) ценностные комплексы [9, 10].

Данные изменения в системе высшего образования характеризуются планомерно реализуемой актуализацией всех компонентов структуры технологии обеспечения образовательного процесса с целью обеспечения повышения показателей результативности процесса ее адаптации, где на первый план выступает осуществление содержания дисциплин, включенных в общий образовательный цикл с опорой на информационно-перцептивный метод, а также создание условий для качественного включения в систему образовательного процесса проблемно – поискового метода обучения [3].

Трансформационные преобразования в системе медицинского образования может быть охарактеризовано с точки зрения качественных изменений его организационной и педагогической парадигмы с учетом актуальных общемировых и национальных требований современной действительности, что проявляется на уровне содержания образовательной модели, аспектов технологий и средств обеспечения образовательного процесса [13].

Потребность в преобразовании системы профессиональной подготовки будущих специалистов различных трудовых сфер связаны с различными социально – экономическими, а также административно – экономическими причинами [17]:

1. Наличие общей неопределенности спроса на специалистов той или иной профессиональной сферы в перспективе 3-5 лет, что связано с трудностями прогнозов определения приоритетов инвестиционных вложений в системе социально-экономического развития различных экономических секторов, что, в свою очередь снижает точность предварительной оценки показателей динамики рабочих мест;

2. Наличие бурных изменений с технологической точки зрения, что вносит высоких уровень неопределенности в прогнозирование показателей спроса на специалистов той или иной профессиональной сферы;

3. Наличие рисков субъективно-личностного характера (отказ от деятельности в рамках полученной в ходе обучения специальности в связи со снижением общей заинтересованности выпускника вуза работе по специальности, разочарование условиями труда и т.д.);

4. Наличие затруднений в процессе поиска выпускником рабочего места, что связано с нежеланием работодателя ориентироваться на молодых специалистов из убежденности, что такой специалист не обладает необходимым количественным и качественным уровнем развития умений и навыков, необходимых для успешной реализации поставленных задач;

5. Повышенное внимание работодателя не только к «жестким навыкам», но также усиление акцента на надпрофессиональных компетенциях кандидата.

В основе намеченной потребности в трансформации системы высшего медицинского образования, на наш взгляд, лежат следующие детерминанты [13]:

1. Кадровый «голод» образовательного процесса в сочетании с отрицательной динамикой количества квалифицированных научно – педагогических работников вузов, усугубляющийся повышающимися показателями прироста количества обучающихся медицинских вузов, и приводящий к увеличению рабочей нагрузки работающего в вузе на одного специалиста, что приводит к повышению риска возникновения эмоционального выгорания, общего утомления от профессиональной деятельности, снижения ее эффективности, и, как следствие, потере квалифицированных кадров;

2. Актуальные образовательные программы высшего медицинского образования обладают избыточным характером образовательной нагрузки, требуют высоких временных затрат для их усвоения, что делает их в значительной степени инертными по отношению к крайне динамичным социально-экономическим условиям осуществления деятельности будущего специалиста, что порождает раскол на уровне преемственности учебной и профессиональной деятельности;

3. Наличие ограничений для успешного формирования «мягких навыков» в ходе образования в медицинском вузе, вызванных превалированием естественно-научного мировоззрения на этапе подготовки к поступлению в медицинский вуз за счет снижения объема гуманитарного знания, что приводит к снижению чувствительности личности будущего врача к ценностям гуманистического блока.

В связи с этим обостряется необходимость точечной помощи каждому учащемуся в развитии и

проявлении того, что в психологии называется личностью, раскрытию его внутреннего потенциала, формировании паттерна такого уверенного поведения, благодаря которому будущий специалист сможет действовать наиболее эффективно. Каждому человеку необходимо быть принятым обществом, соответственно важно понимать как правильно с этим обществом взаимодействовать, не угнетая своё «Я» и не обесценивая других. В этом как раз и помогают и универсальные, и надпрофессиональные компетенции. Априорно это дано не каждому от природы в силу темпераментных и характерологических особенностей, однако их развитие доступно любому.

На фоне этого актуализируется задача высшего учебного заведения в развитии, сохранении и регулярном использовании студентами данных навыков для повышения своей конкурентоспособности на рынке труда, т.е. студентоцентричности. Реализация такой программы невозможна без грамотной организации и формирования пространства универсальных навыков.

Все большее количество отечественных исследователей убеждаются в том, что базой профессиональной подготовки студентов является не только учебный, но и внеучебный процесс, нацеленный на общие ценности образования на данной ступени – формирование компетенций и личностное развитие. Множество важнейших личностных качеств и компетенций будущего выпускника (коммуникабельность, ответственность, способность осуществлять социальное взаимодействие и проявлять лидерские качества в команде, умение критически анализировать информацию; способность управлять своим временем, понимать межкультурные отличия, поддерживать должный уровень физической формы и др.) могут быть успешно сформированы в эффективно организованной внеучебной деятельности вуза [20].

В исследованиях А.Т. Ахметзяновой (2015), А.О. Ашанина (2015), Н.С. Бейлиной (2014), и др. доказано, что внеучебная деятельность помогает студенту выступать в новой субъектной позиции (организатора, активного творческого участника, инициатора, эксперта результатов и т.д.), адаптироваться к профессии, расширять круг умений, необходимых для будущей профессии [9]. Специфика внеучебной деятельности современного вуза заключается в том, что на основании студенческих инициатив, в многообразных видах социальной, научной, культурно-досуговой, спортивной деятельности, в партнерстве с бизнесом, социальными партнерами, региональными структурами и др. также происходит профессионально-личностное развитие студентов. В этом смысле внеучебная

деятельность способствует установлению дополнительных горизонтальных связей в формировании системы непрерывного образования молодежи.

Как уже было сказано выше, современный человек живет в условиях глобальной перестройки различных сторон и сфер жизни. Динамический характер таких изменений могут приводить к осознанию малой адаптационной эффективности привычных форм взаимодействия с объективной реальностью, что на субъективном уровне может стать причиной переживания общей неопределенности.

Под «ситуацией неопределенности» мы можем понимать набор обстоятельств, которые оцениваются человеком субъективно как несущие в себе противоречие, неоднозначность возможного исхода, слабо поддающихся контролю и обладающие той или иной степенью риска. Все вышеперечисленное может выступать предпосылками к изменению требований, предъявляемых современным студентам [19].

Выпускники вузов должны быть подготовлены к осуществлению трудовой деятельности в условиях высокой лабильности требований актуальной действительности. Такое адаптивное поведение не может быть достигнуто без значимых качественных улучшений личностных характеристик, системы специфических умений и навыков использования имеющихся внутренних и внешних ресурсов будущего специалиста. А потому перед вузом стоит задача достижения таких средовых условий, которые бы отвечали потребности всестороннего развития личности человека с преобладанием качеств самостоятельного и ответственного поведения [16].

Большие возможности для оценки универсальных компетенций у студентов ВУЗов открыл проект АНО «Россия – страна возможностей» (далее – РСВ), в рамках которого последовательно решалось несколько задач:

1. Анализ профиля надпрофессиональных компетенций выпускника вуза, максимально адаптированного к потребностям современного рынка труда. Для этого было проведено исследование, по результатам которого были отобраны компетенции для первичной оценки и развития на базе высших образовательных учреждений.

2. Разработка и внедрение надежных и валидных психометрических методик по оценке универсальных компетенций студентов на базе образовательных учреждений высшего образования.

3. Проведение оценки уровня сформированности компетенций студентов с предоставлением

индивидуальных отчетов по результатам оценки, рекомендаций по развитию компетенций.

4. Разработка и внедрение в дисциплины университетов образовательных программ и курсов по развитию универсальных компетенций, разработка рекомендательных сервисов для развития универсальных компетенций во внеучебной деятельности.

5. Формирование индивидуальных траекторий развития универсальных компетенций студентов;

6. Формирование массива данных для исследования состояния системы высшего образования Российской Федерации в части развития надпрофессиональных компетенций в процессе подготовки студентов.

Важным также является и изменение отношения к личности обучающегося, максимальному сбережению его психического здоровья, в связи с чем в последние несколько лет наблюдается трансформация и системы психологической помощи в системе высшего образования. Согласно данным ФГБОУ «Российская академия образования», за последние три года количество психологических служб в вузах увеличилось практически в десять раз – с 50 до 475 по всей России. Работа психологической службы организации высшего образования направлена не только на профилактику негативных проявлений со стороны психики на повышенную академическую нагрузку, но и на развитие стрессоустойчивости, адаптивности, рефлексии, эмоционального интеллекта, что относится к над профессиональным навыкам. Это все в совокупности приводит к сохранению профессионального долголетия выпускников.

Также одним из условий формирования надпрофессиональных компетенций выступает, на наш взгляд, внеучебная деятельность.

Анализ исследований показывает, что в отечественной педагогике термин «внеучебная деятельность студентов» находится в центре исследовательского поля ряда последних десятилетий [9, 13, 17]. Однако толкования данного понятия неоднозначны, что позволяет выделить два подхода к его трактовке.

В первом подходе исследователи трактуют внеучебную деятельность:

- как подсистему вуза, связанную с деятельностью студентов вне учебных занятий;
- как подсистему образовательного процесса;
- как совместную деятельность педагогического коллектива и студентов.

Во втором подходе внеучебная деятельность рассматривается:

– как среда, способствующая самообразованию, профессиональному саморазвитию, самореализации личности;

– особое пространство, в котором происходит социокультурное воспитание студентов.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что внеучебная деятельность студентов есть форма социального взаимодействия субъектов образовательного процесса в свободное от основных учебных занятий время, способствующая профессиональному и личностному становлению обучающихся в организованных вузов условиях.

M.S. Retallick и E.A. Foreman выявили взаимосвязь между занятиями внеучебной деятельностью студентами колледжа и их лидерскими качествами [9]. Эксперимент показал, что студенты, выполняющие руководящую роль в своих сообществах и клубах по интересам, а также те, кто проводил семь и более часов во внеучебной деятельности колледжа, показали более развитые лидерские качества (целеустремленность, уверенность в себе, решительность, ответственность, коммуникабельность), чем те, кто проводил небольшое количество времени или не занимали руководящей позиции в своих сообществах.

J. Kim и M.N. Bastedo показали, что студенты, имеющие навыки общественной и социальной работы, легче адаптируются к новым условиям, быстрее входят в профессиональный коллектив, оттого уровень удовлетворенности своим местом работы у них выше [9]. Авторы считают, что работодатели предпочитают сотрудников с развитыми коммуникативными навыками, умеющих работать с информацией и анализировать ее, брать на себя ответственность за принятые решения, проявлять умения работать в команде. Такие сотрудники понимают свою конкурентоспособность, проявляют повышенный интерес к работе, пользуются уважением коллектива и руководства и, соответственно, более удовлетворены своим местом работы.

R.A. Bakoban и S.A. Aljarallah из ведущего вуза Саудовской Аравии – Университета им. короля Абдул-Азиза доказали влияние внеучебной деятельности на успеваемость 239 студентов. Исследователями были изучены такие вопросы, как: направление подготовки, уровень успеваемости студента, длительность учебного дня, количество времени, уделяемого внеучебной деятельности, выбранные виды внеучебной деятельности, насколько внеучебная деятельность, организованная в вузе, отвечает его потребностям, ее разнообразие, понимание полезности данных занятий, систематичность участия, уровень удовлетворенности студентом организацией внеучебной деятельности. Результаты показали, что студенты, участ-

вующие во внеучебной деятельности, имеют более высокий средний балл успеваемости, чем те, кто не принимал в ней участие. При этом время, которое студенты тратят на внеучебную деятельность, не пересекается со временем учебы и не мешает учебному процессу. Обучающиеся, независимо от направления подготовки, довольны формами внеучебной деятельности, организованной в вузе, и считают, что она соответствует их потребностям и наклонностям.

О положительной роли внеучебной деятельности на академическую успеваемость студентов-медиков говорит статья исследователей из Бангладеш (M. Ahmad et al.). Проведенный ими эксперимент позволил сделать вывод, что обучающиеся, которые принимали участие во внеучебной деятельности, имели более высокую академическую успеваемость, самооценку, чаще других посещали занятия [9]. У таких студентов ярче проявлялись лидерские качества и умение работать в команде.

Отечественные же исследователи выступают за постоянное финансирование внеучебной деятельности в вузе, увеличение ее форм и видов и поощрение студентов, занимающихся внеучебной деятельностью, так как она позволяет в большей мере раскрыть потенциал обучающихся и способствует развитию над профессиональных навыков [9].

Таким образом, проанализированные научные труды представляют большой интерес, так как подтверждают рост личностного потенциала студентов на данном этапе жизненного цикла в процессе обучения в вузе, где неформальное образование, реализуемое ресурсами внеучебной деятельности, основанной на личной мотивации, компенсирует «пробелы» формального образования и дополняет его, выступая одной из составных частей пространства формирования универсальных компетенций.

Добавим, что действительно формирует универсальные и надпрофессиональные компетенции обучающегося его интерес. Большой плюс внеучебной деятельности – можно выбрать для себя наиболее подходящее пространство для реализации себя, например, как лидера, формирования своей активной позиции и т. д.

Согласимся, что любая внеучебная деятельность должна включать основные принципы организации, представленные в Программе развития Тольяттинского государственного университета, нацеливают на такую организацию работы со студентами, которая способствуют расширению их личностных и профессиональных навыков:

– принцип профессиональной направленности (учет профессиональных интересов, создание положительной мотивации к профессии и самораз-

витию);

– принцип взаимосвязи с учебной деятельностью (специальные программы, обеспечивающие студента технологиями саморазвития);

– принцип системности (взаимосвязь целей, содержания и результатов);

– принцип полисубъектности (стимулирование к участию во внеучебной деятельности преподавателей, студентов, партнеров университета, государственных и общественных организаций);

– принцип демократизма (равноправие и партнерство субъектов, студенческое самоуправление, взаимодействие с администрацией);

– принцип добровольности участия во внеучебной деятельности;

– принцип стимулирования (моральное и материальное поощрение за успехи или действенное участие);

– принцип комплексности (реализация целевых программ и целевых программ РФ).

Внеучебная деятельность студентов в современной образовательной организации высшего образования может быть представлена следующими видами: научная, общественная, культурно-творческая, спортивная, виртуальная (взаимодействие студентов в виртуальной среде) [9].

Приволжский исследовательский медицинский университет (ПИМУ) можно считать примером активно развивающегося вуза, коллектив которого осознает современные тренды медицины, образования и общества в целом и готов создавать перемены, а не только следовать за ними.

К 2020 году вуз включал 8 факультетов, 60 кафедр, 9 институтов, входил в Топ-50 всех вузов России и Топ-5 вузов Министерства здравоохранения РФ и был включен в рейтинги SCImago и THE Impact Ranking, принимая активное участие в достижении целевых показателей Национальных проектов: «Образование», «Здравоохранение», «Наука», «Цифровая экономика» и «Демография». Вуз наращивал число обучающихся, включая иностранных граждан, ежегодно выпуская свыше 600 врачей и провизоров, создал собственный аккредитационно-симуляционный центр и заключил договора о прохождении практики обучающихся с 721 медицинской организацией / предприятием, не смотря на наличие четырех собственных клинических баз. Росла квалификация сотрудников и эффективность научно-исследовательской деятельности; были созданы лаборатории мирового уровня. По результативности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ ПИМУ входил в тройку лидеров медицинских вузов России, наращивая объем средств, поступивших от их выполнения. Университет стал

участником биомедицинского кластера Нижегородской области по разделам «Персонафицированная медицина», «Здоровое сердце», «Разработка тест-систем для диагностики онкологических заболеваний, биочипов» и «Регионального онкологического кластера ядерной медицины» по вопросам разработки таргетной терапии.

В 2020 году коллективом университета была сформулирована миссия «Развитие отечественной медицины путём подготовки специалистов, способных обеспечивать оказание медицинской помощи на основе лучших мировых практик, разрабатывать и внедрять инновационные технологии сохранения и укрепления физического и психического здоровья путём интеграции образования, исследований и клинической практики», с которой вуз вошел в программу Приоритет 2030.

В первые годы произошел значительный рывок в развитии образования:

- росло число обучающихся, включая программы ординатуры;
- был открыт филиал в городе Владимир;
- активно развивались сетевые образовательные программы, в том числе – программы двойных дипломов с 8 вузами Республики Узбекистан;
- созданы востребованные программы дополнительного профессионального образования немедицинского профиля;
- стартовали проекты «Академическая мобильность» и «Медицинское наставничество»;
- были открыты научно-образовательный центр экспериментальной хирургии, новые учебные лаборатории и стоматологический симуляционный центр;
- разработаны индивидуальные образовательные траектории (ИОТ) по 3 трекам;
- созданы уникальные продукты для практической медицины и образовательной деятельности, в т.ч. web-приложение «Медицинский атлас» и платформа «Будущий врач».

Система молодежной политики также претерпела значительные изменения: введена должность профильного проректора, сформировалось управление по молодежной политике и воспитательной деятельности (МПиВД), развивались научное общество обучающихся, творческий и спортивный клубы, студенческие медиа, создана психологическая служба, был сформулирован и реализовывался функционал ответственных за МПиВД на кафедрах ПИМУ. Значительно увеличилось количество кураторов, а также студентов, вовлеченных во внеучебные мероприятия, число и спектр которых значительно расширились. Формировалась система

молодежного социального проектирования, активизировалось участие в грантовых конкурсах, творческих фестивалях, научных конференциях, спортивных соревнованиях и профильных олимпиадах. Вуз приобрел новые площади для общежитий и пространств МПиВД, включая коворкинг, для проведения мероприятий привлекались ресурсы партнеров разных уровней, включая городские, областные, региональные и федеральные, в т.ч. – некоммерческих организаций социальной направленности. Развивалась цифровая среда университета, постепенно затрагивающая все политики, способствующая оптимизации аналитических процессов и объективизации принятия решений.

На фоне всех этих, несомненно, эффективных изменений, сохранялся ряд проблем, в том числе:

- ригидная корпоративная культура и мышление сопротивлялись идеологии здоровьестроения и продуктовой логике образовательных программ;
- новые образовательные программы не имели ассоциации с проектной и инновационной деятельностью университета;
- организационная структура вуза препятствовала интеграции политик;
- отсутствовали зоны эффективной коммуникации между представителями «медицинского» и «немедицинского» направлений;
- компетенции выпускника формировались не по заказу работодателей и партнеров в зависимости от общих трендов развития общества, а «по стандарту»;
- не была предусмотрена система формирования универсальных компетенций, soft skills, self skills в рамках образовательной программы, в т.ч. из-за недостаточной квалификации преподавателей в этой области;
- мероприятия МПиВД были разрознены, обучающиеся участвовали в них эпизодически и преимущественно инертно;
- потенциал системы МПиВД недостаточно использовался в формировании востребованных надпрофессиональных компетенций, несмотря на большую работу по укреплению традиционных российских ценностей.

Анализ ситуации привел к осознанию необходимости трансформации университета, с изменением его миссии на «подготовку высококвалифицированных врачей и смежных со здравоохранением специалистов, владеющих компетенциями в сопряженных сферах деятельности, а также создание научных знаний и на их основе товаров и услуг, обеспечивающих технологический суверенитет России, востребо-

ванных на международном рынке, выводящих РФ в число ведущих индустриальных экономик мира».

Новая амбиция подразумевала трансформацию образовательной и молодежных политик. В вузе была сформирована новая образовательная модель, подразумевающая появление ядерной части программы, более широких возможностей построения ИОТ и персонифицированное развитие компетенций для обучающихся «медицинского» и «немедицинского» направлений, интеграцию в образование идеологии и технологий здоровьесбережения, проектной деятельности и продуктового подхода. Это потребовало появления общего пространства для коммуникации и содружественной работы всех участников образовательного процесса, а также развития надпрофессиональных компетенций вне аудиторных часов и производственной практики.

Выводы

Таким образом, основными предпосылками появления единого пространства формирования и развития надпрофессиональных компетенций в ПИМУ можно считать:

- развитие вуза с учетом глобальных трендов;
- необходимость согласованной трансфор-

мации образовательной и молодежной политик с акцентом на здоровьесбережение, проектную деятельность и в продуктовой логике;

- потребность в построении компетентных профилей и ИОТ при соблюдении федеральных государственных образовательных стандартов;
- наличие системы активного информирования обучающихся и сотрудников, постоянного повышения их квалификации;
- оптимизацию кампуса с появлением реальных и виртуальных пространств для коммуникации и коворкингов;
- появление опыта привлечения грантовых средств и ресурсов партнеров.

В результате на выходе обучения мы сможем получить врача с компетенцией создания персонифицированных рекомендаций по здоровьестроению, т.е. специалиста персонифицированного. При этом следует отметить, что данная модель носит универсальный характер и подходит как для медицинских специальностей, таких как врач-терапевт, врач-исследователь, специализированные практикоориентированные треки, так и для немедицинских – биотехнология, клиническая психология.

Список источников

1. Александрова Л.Д., Можаяева Г.В., М.А. Селиванова, Т.А. Чекалина «Платформа профессиональных проб» как инструмент профессионального самоопределения студентов университета // eLearning Stakeholders and Researchers Summit 2021: Proceedings of the International Conference, Москва, 01 декабря 2021 года – 02 2022 года / Отв. ред. Е.Ю. Кулик. Москва: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики". 2022. С. 57 – 67.
2. Астапенко Е.В., Шмурыгина О.В. Надпрофессиональные навыки преподавателя профессионального образования, // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 3 (50). С. 21 – 34. DOI 10.52944/PORT.2022.50.3.001
3. Гусева А.Х. Пути решения проблемы трансформации системы высшего образования-2023: обзор актуальных педагогических технологий и методических подходов // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 1-1. С. 319 – 328. DOI 10.34670/AR.2023.60.88.037
4. Кан Е.Н. Дизайн-мышление как способ управления энтропией в эпоху «VUCA-BANI-SHIVA-мира» // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 9. С. 3187 – 3200. DOI 10.18334/ce.17.9.119039
5. Киричек А.В., Ходикова Н.А. Диагностика и формирование надпрофессиональных компетенций у обучающихся Академии ГПС МЧС России // Культура и безопасность. 2024. № 3. С. 47 – 57. DOI 10.25257/KB.2024.3.47-57
6. Климкович Е.В. От "Лаборатории квеста" к лаборатории кадров // Вестник Университета Правительства Москвы. 2022. № 2 (56). С. 52 – 57.
7. Ковалева Т.М. «Self skills» и современное педагогическое образование // Тьюторство в открытом образовательном пространстве: педагогическое образование как становящаяся антропопрактика: Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции (XXVI Всероссийской научно-практической конференции), Москва, 26-27 октября 2021 года. М: Общество с ограниченной ответственностью «ДПК Пресс». 2021. С. 16 – 22.

8. Лисина О.В. Инновационное развитие сферы образования с помощью студенческих бизнес-инкубаторов (на примере ЯРГУ им. П.Г. Демидова) // Инновационные научные исследования в современном мире: теория, методология, практика: Сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции, Уфа, 02 февраля 2021 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки". 2021. С. 22 – 27.

9. Ломакина Т.Ю., Писаренко Д.А. Внеучебная деятельность студентов высшей школы в контексте реализации концепции непрерывного образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. №1(65). С. 20 – 32 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneuchebnaya-deyatelnost-studentov-vysshey-shkoly-v-kontekste-realizatsii-kontseptsii-nepreryvnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 03.06.2025)

10. Маврина И.А., Чекалева Н.В. Трансформация жизненного пространства современной школы через 4к-компетенции // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2024. № 214. С. 51 – 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-zhiznennogo-prostranstva-sovremennoy-shkoly-cherez-4k-kompetentsii> (дата обращения: 20.01.2025)

11. Маргарян А.Г. Соотношение soft и hard skills в компетенции работника // Вестник науки. 2019. Т. 1. № 12 (21). С. 214 – 216.

12. Миндубаева Н.Р., Мартынова О.Ю., Николаев А.А., Тихонов Н.Е. Что такое soft и hard skills? // Форум молодых ученых. 2020. № 10 (50). С. 465 – 468.

13. Мирошниченко А.Г., Смышляева Л.Г., Сошенко И.И., Подкладова Т.Д. Высшее медицинское образование в России и за рубежом: тенденции изменений действующих национальных моделей: аналитический доклад. Томск: Изд-во СибГМУ. 2022. 111 с. ISBN 978-5-98591-166-4.

14. Михайлова С.В. Надпрофессиональные компетенции как компетенции специалиста будущего // Перспективы науки. 2022. № 2 (149). С. 176 – 178.

15. Муромская А.В. Роль и значение "Soft-skills" и "Hard-skills" как необходимых компетенций в профессиональной деятельности // Парадигма. 2021. № 1. С. 145 – 153. DOI 10.24412/2367-8658-2021-1-013

16. Пеша А.В., Шрамко Н.В., Николаева М.А. Образовательная среда вуза как фактор развития надпрофессиональных компетенций будущих педагогов // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2021. Т. 13. № 2 (52). С. 74 – 84. DOI 10.7442/2071-9620-2021-13-2-74-84

17. Разумова Т.О., Телешова И.Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 3. С. 338 – 349. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_3_338_349

18. Рыбина О.В. Сформированность компетенций soft skills как фактор успешности работы в команде // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-4. С. 185 – 188.

19. Черноусова Т.В. Стратегии проживания ситуации неопределенности как предмет социально-психологического анализа // Психология человека в образовании. 2022. Т. 4. № 4. С. 421 – 434. DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-4-421-434

20. Чешуина К.А. Взаимосвязь временной перспективы личности и развития надпрофессиональных компетенций студентов // Актуальные проблемы социальных и психологических наук: теория, методология, практика: Материалы симпозиума XIX (LI) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Кемерово, 23 апреля 2024 года. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2024. С. 157 – 160.

References

1. Aleksandrova L.D., Mozhaeva G.V., Selivanova M.A., Chekalina T.A. "Professional Trials Platform" as a Tool for Professional Self-Determination of University Students. eLearning Stakeholders and Researchers Summit 2021: Proceedings of the International Conference, Moscow, December 1, 2021 – February 2, 2022. Ed. E.Yu. Kulik. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 2022. P. 57 – 67.

2. Astapenko E.V., Shmurygina O.V. Cross-professional skills of a vocational education teacher. Professional education and the labor market. 2022. No. 3 (50). P. 21 – 34. DOI 10.52944/PORT.2022.50.3.001

3. Guseva A.Kh. Ways to solve the problem of transforming the higher education system in 2023: a review of current pedagogical technologies and methodological approaches. Pedagogical Journal. 2023. Vol. 13. No. 1-1. P. 319 – 328. DOI 10.34670/AR.2023.60.88.037

4. Kan E.N. Design thinking as a way to manage entropy in the era of the "VUCA-BANI-SHIVA-world". Creative Economy. 2023. Vol. 17. No. 9. P. 3187 – 3200. DOI 10.18334/ce.17.9.119039

5. Kirichek A.V., Khodikova N.A. Diagnostics and Development of Transprofessional Competencies in Students of the Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. *Culture and Safety*. 2024. No. 3. P. 47 – 57. DOI 10.25257/KB.2024.3.47-57
6. Klimkovich E.V. From the "Quest Laboratory" to the Personnel Laboratory. *Bulletin of the Moscow Government University*. 2022. No. 2 (56). P. 52 – 57.
7. Kovaleva T.M. "Self-skills" and modern pedagogical education. Tutoring in an open educational space: pedagogical education as an emerging anthropological practice: Collection of materials from the XIV International scientific and practical conference (XXVI All-Russian scientific and practical conference), Moscow, October 26-27, 2021. M: Limited Liability Company "DPK Press". 2021. P. 16 – 22.
8. Lisina O.V. Innovative development of education with the help of student business incubators (on the example of P.G. Demidov Yaroslavl State University). *Innovative scientific research in the modern world: theory, methodology, practice: Collection of scientific articles based on the materials of the V International scientific and practical conference*, Ufa, February 2, 2021. Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center "Vestnik Nauki". 2021. P. 22 – 27.
9. Lomakina T.Yu., Pisarenko D.A. Extracurricular Activities of Higher School Students in the Context of the Implementation of the Concept of Continuous Education. *Domestic and Foreign Pedagogics*. 2020. No. 1 (65). P. 20 – 32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneuchebnaya-deyatelnost-studentov-vysshey-shkoly-v-kontekste-realizatsii-kontseptsii-nepreryvnogo-obrazovaniya> (date of access: 03.06.2025)
10. Mavrina I.A., Chekaleva N.V. Transformation of the Living Space of a Modern School through 4K Competencies. *Izvestia of the Russian State Pedagogical Univ. named after A.I. Herzen*. 2024. No. 214. P. 51 – 60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatiya-zhiznennogo-prostranstva-sovremennoy-shkoly-cherez-4k-kompetentsii> (date of access: 20.01.2025)
11. Margaryan A.G. The ratio of soft and hard skills in employee competencies. *Science Bulletin*. 2019. Vol. 1. No. 12 (21). P. 214 – 216.
12. Mindubaeva N.R., Martynova O.Yu., Nikolaev A.A., Tikhonov N.E. What are soft and hard skills? *Forum of young scientists*. 2020. No. 10 (50). P. 465 – 468.
13. Miroshnichenko A.G., Smyshlyaeva L.G., Soshenko I.I., Podkladova T.D. Higher Medical Education in Russia and Abroad: Trends of Changes in Current National Models: Analytical Report. Tomsk: Publishing House of the Siberian State Medical University. 2022. 111 p. ISBN 978-5-98591-166-4.
14. Mikhailova S.V. Transprofessional Competencies as Competencies of the Specialist of the Future. *Prospects of Science*. 2022. No. 2 (149). P. 176 – 178.
15. Muromskaya A.V. The Role and Significance of "Soft-skills" and "Hard-skills" as Necessary Competencies in Professional Activity. *Paradigm*. 2021. No. 1. P. 145 – 153. DOI 10.24412/2367-8658-2021-1-013
16. Pesha A.V., Shramko N.V., Nikolaeva M.A. The educational environment of the university as a factor in the development of trans-professional competencies of future teachers. *Modern Higher Education: Innovative Aspect*. 2021. Vol. 13. No. 2 (52). P. 74 – 84. DOI 10.7442/2071-9620-2021-13-2-74-84
17. Razumova T.O., Telezhova I.G. Transformation of the higher education system: challenges and prospects. *Standard of Living of the Population of the Regions of Russia*. 2023. Vol. 19. No. 3. P. 338 – 349. DOI 10.52180/1999-9836_2023_19_3_338_349
18. Rybina O.V. Formation of soft skills as a factor in successful teamwork. *Problems of modern pedagogical education*. 2023. No. 78-4. P. 185 – 188.
19. Chernousova T.V. Strategies for living in a situation of uncertainty as a subject of socio-psychological analysis. *Human psychology in education*. 2022. Vol. 4. No. 4. P. 421 – 434. DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-4-421-434
20. Cheshuina K.A. The relationship between the individual's time perspective and the development of students' cross-professional competencies. *Actual problems of social and psychological sciences: theory, methodology, practice: Proceedings of the symposium of the XIX (LI) International scientific conference of students, graduate students and young scientists*, Kemerovo, April 23, 2024. Kemerovo: Kemerovo State University. 2024. P. 157 – 160.

Информация об авторах

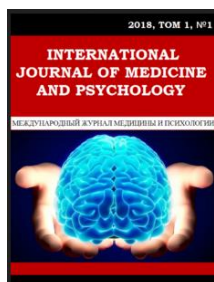
Немирова С.В., кандидат медицинских наук, доцент, проректор по молодежной политике и воспитательной деятельности, Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России

Халак М.Е., кандидат психологических наук, доцент, руководитель психологической службы, Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России

Тарадай Ю.М., ассистент кафедры общей и клинической психологии, педагог-психолог психологической службы, Приволжский исследовательский медицинский университет, Минздрава России, taraday97@yandex.ru

Учаева Д.А., ассистент кафедры общей и клинической психологии, педагог-психолог психологической службы, Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России

© Немирова С.В., Халак М.Е., Тарадай Ю.М., Учаева Д.А., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ **Анисимова Ю.Н.,**

² **Каменева Г.Н.,**

¹ *Набережночелнинский государственный педагогический университет,*

² *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Агрессивность и тревожность у мальчиков и девочек подросткового возраста

Аннотация: статья посвящена изучению уровня агрессивности и тревожности у мальчиков и девочек подросткового возраста. Особое внимание уделяется рассмотрению понятий «агрессивность» и «тревожность» в психологической литературе и выявление уровня агрессивности и тревожности у мальчиков и девочек подросткового возраста, а также выявление связи агрессивности и тревожности у подростков.

Для выявления уровня агрессивности и тревожности в исследовании применялся следующий диагностический инструментарий: методика «Тест агрессивности (опросник Л.Г. Почебут)», тест уровня агрессивности (опросник А. Басс и А. Дарки), тест уровня тревожности Спилбергера-Ханина. Дополнительно мы провели корреляционный анализ Спирмена коэффициентов рангов, который определяет статистическую зависимость между агрессивностью и тревожностью подростков.

Результаты методики «Тест агрессивности (опросник Л.Г. Почебут)» позволили сделать вывод о том, что у большинства мальчиков и девочек преобладает средняя степень агрессивности. По результатам теста уровня агрессивности (опросник А. Басс и А. Дарки) установлено, что мальчики в большей степени склонны к проявлению агрессивности по сравнению с девочками.

Результаты теста уровня тревожности Спилбергера-Ханина помогли установить наличие умеренной и выраженной тревожности и нескольких вариантов тревожности в группе мальчиков и девочек. Учитывая полученные данные, мы можем сделать вывод, что девочки в большей степени склонны к проявлению тревожности по сравнению с мальчиками.

В результате корреляционного анализа Спирмена выявлена положительной связи между переменными «агрессивность» и «тревожность».

Ключевые слова: агрессия, агрессивность, тревога, тревожность, страх, подростковый возраст

Для цитирования: Анисимова Ю.Н., Каменева Г.Н. Агрессивность и тревожность у мальчиков и девочек подросткового возраста // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 384 – 390.

Поступила в редакцию: 1 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Anisimova Yu.N.,**

² **Kameneva G.N.,**

¹ *Naberezhnye Chelny State Pedagogical University,*

² *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Aggression and anxiety in adolescent boys and girls

Abstract: the article is devoted to the study of the level of aggression and anxiety in adolescent boys and girls. Particular attention is paid to the consideration of the concepts of "aggression" and "anxiety" in psychological literature and the identification of the level of aggression and anxiety in adolescent boys and girls, as well as the identification of the relationship between aggression and anxiety in adolescents.

To identify the level of aggressiveness and anxiety, the following diagnostic tools were used in the study: the Aggressiveness Test (L.G. Pochebut questionnaire), the Aggressiveness Level Test (A. Bass and A. Darki questionnaire), and the Spielberger-Khanin Anxiety Level Test. Additionally, we conducted a Spearman rank correlation analysis to determine the statistical relationship between the aggressiveness and anxiety of adolescents.

The results of the Aggression Test (L.G. Pochebut questionnaire) showed that most boys and girls have an average level of aggression. The results of the Aggression Level Test (A. Bass and A. Darki questionnaire) showed that boys are more likely to be aggressive than girls.

The results of the Spielberger-Khanin anxiety test helped to establish the presence of moderate and severe anxiety and several types of anxiety in the group of boys and girls. Based on the data obtained, we can conclude that girls are more prone to anxiety compared to boys.

The Spearman correlation analysis revealed a positive relationship between the variables "aggressiveness" and "anxiety."

Keywords: aggression, aggressiveness, anxiety, worry, fear, adolescence

For citation: Anisimova Yu.N., Kameneva G.N. Aggression and anxiety in adolescent boys and girls. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 384 – 390.

The article was submitted: July 1, 2025; Approved after reviewing: September 3, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Социальное и эмоциональное благополучие это важнейшие факторы в жизни и развитии подростков. Люди социальны и в процессе общения у людей проявляются разные эмоции, эмоциональные состояния разрушительного и созидательного характера. Избыток эмоций определенных и неадекватное проявление определенных эмоций приводит человека, в том числе подростка к нежелательному индивидуальному, личностному и социальному результату. Поэтому важно знать такие эмоциональные проявления, как «тревога», «тревожность», «агрессия», «агрессивность», для сознательного управления формированием результата.

Агрессия – это поведение, нацеленное на причинение физического или психологического ущерба [5]. Агрессивность – это негативное поведение, усложняющее жизнь, обучение, общение, воспитание [1].

Причинами возникновения подростковой агрессии могут быть как внешнее воздействие, так и субъективные индивидуальные особенности личности подростка.

Важно различать понятия «страх» и «тревога». Эффективный навык борьбы с опасностью препятствует возникновению тревоги. Отсутствие данного навыка вызывает тревогу, тревога – это беспомощность перед внешней угрозой, а страх – это аффект, направленный в отношении угрозы, примитивная реакция. Повторяемость опасности формирует тревогу, тревожность.

Тревога – это состояние неприятного предчувствия без видимой причины, несущее опасность, внутреннее субъективное ощущение напряжения, беспокойства, неприятного предчувствия с физическими проявлениями связанное с раздражителем с определенной интенсивностью изменяющейся во временном промежутке. Тревожность – это устойчивая индивидуальная склонность испытывать состояние тревоги, беспокойства по незначительному поводу [3].

Материалы и методы исследований

В 2024 году было проведено исследование по изучению агрессивного поведения и тревожности мальчиков и девочек подросткового возраста. В исследовании приняли участие 50 подростков 8-х классов МБОУ «СОШ №21» г. Набережные

Челны, возраст детей 13-14 лет. Испытуемых мы разделили на две группы мальчиков и девочек по 25 человек в каждой группе.

Для диагностики агрессивного поведения подростков применялся «Тест агрессивности (опросник Л.Г. Почебута)», а так же дополнительно «Опросник исследования уровня агрессивности автором А. Басси и А.Дарки (на русском языке стандартизирован А.А. Хваном, Ю.А. Зайцевым и Ю.А. Кузнецовой). Для диагностики уровня тревожности использовался «Тест Спилбергера-Ханина».

При изучении основных понятий исследования обратимся к психологической литературе и представим обзор исследований ученых-психологов. Большой вклад в изучение агрессивности сделали А. Басс и А. Дарки. По их мнению, описать агрессию возможно по трем группам: физическая и вербальная, активная и пассивная, прямая и непрямая. А. Басс, разграничивал понятие «агрессия» и «враждебность». Враждебность он понимал как проявление отрицательного отношения и негативной оценки других людей и ситуаций [2].

Альберт Бандура считал агрессию как поведение, противоречащее социально одобряемой роли. Добрый или злой поступок несет в себе субъективную оценку. Субъективная оценка часто неуместна, так как не всегда возможно определить соответствие действия текущим правилам и социальным нормам. Поэтому необходимо использовать объективные определения агрессии [6].

К.А. Андерсон разделил агрессию на следующие формы.

По цели агрессора на:

- враждебную – это агрессия, являющаяся самоцелью;
- инструментальную – это агрессия, являющаяся инструментом достижения другой цели.

По степени импульсивности и осознанности на:

- аффективную, незапланированную;
- преднамеренную, продуманную.

-По факторам возникновения на:

- реактивную;
- проактивную [9].

Э. Фромм в своих работах описывал виды агрессивных действий и выделил типы, связанные с проявлением агрессии: непродуктивные и продуктивные. Так же выделял агрессию ситуативную и вид агрессии как особенности личности [11].

Что касается изучения тревожности, то здесь

стоит обратить внимание на работы З.Фрейда, который определял тревогу как естественную реакцию на внешнюю угрозу, ожидание, предвидение ущерба. Такая реакция является страхом, но называется объективной тревогой. Фрейд доказал, неизвестная опасность не означает, что тревога продукт беспочвенных фантазий. Тревога существует в человеческом бессознательном. Поэтому целесообразно определить разницу, опираясь не на наличие или отсутствие объекта, а ввести понятие внешнего и внутреннего объекта. Таким образом, страх – это нормальная адекватная рациональная реакция на ситуацию внешней опасности. Тревога – это преувеличенная, неадекватная, иррациональная реакция на ситуацию внешней или внутренней опасности [4].

Другое разделение страха, тревоги включает эффективный навык борьбы с опасностью, что препятствует возникновению тревоги. Отсутствие данного навыка вызывает тревогу, тревога – это беспомощность перед внешней угрозой, а страх – это аффект, направленный в отношении угрозы, примитивная реакция. Повторяемость опасности формирует тревогу, тревожность.

П. Типлих считает, что страх и тревога неразделимы. Тревога – это страх перед неизвестным. Тревога овладевает субъектом, формируя объекты, образы объектов, ставшие причиной формирования страха [8].

К. Гольдштейн считает тревогу первопричиной и изначальной реакцией, так как тревога не связана с объектом, а страх связан, страх возникает после умения определять объекты [12].

А.И. Захарова выделяла личностную тревожность и понимала под ней индивидуальную особенность, которая характеризуется тем, что человек испытывает тревогу в любой ситуации, воспринимает ее как устрашающую [7].

Большинство психологов сходятся на том, что есть два вида тревожности: ситуативная и личностная.

Е.И. Рогов отмечает, что есть так называемый желательный уровень тревожности. Такой уровень тревожности будет благополучно сказываться на выполняемой деятельности индивида. А высокий уровень тревожности будет снижать продуктивность деятельности человека [10].

Результаты и обсуждения

Результаты диагностики агрессивного поведения подростков по тесту агрессивности Л.Г. Почебута для наглядности представлены на рис. 1.

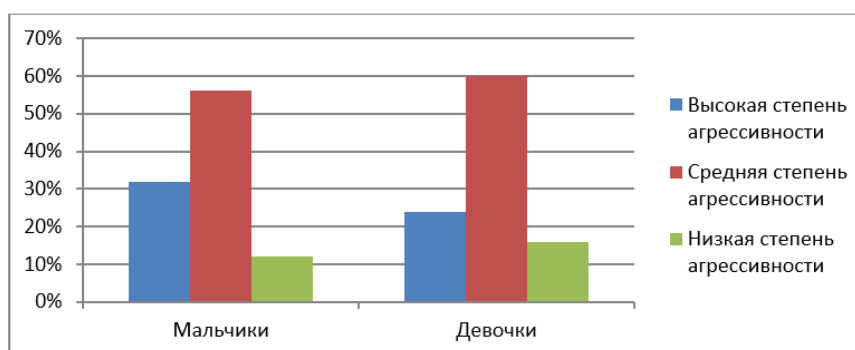


Рис. 1. Результаты диагностики по методике «Тест агрессивности (опросник Л.Г. Почебут)».
Fig. 1. Results of diagnostics using the “Aggressiveness Test (questionnaire by L.G. Pochebut)” method.

Низкой степенью агрессивности является результат до 10 баллов, такой показатель выявлен у 3 мальчиков (12%) и у 4 девочек (16%). Средней степенью агрессивности является результат от 11 до 24 баллов, такой показатель у 14 мальчиков (56%) и у 15 девочек (60%). Высокой степенью агрессивности является результат от 26 баллов, такой показатель выявлен у 8 мальчиков (32%) и 6 девочек (24%). Среднее значение агрессивности группы 18,62 балла, данная информация дает представление о центральной тенденции агрессивности в группе и является средним значением агрессивности. Медиана агрессивности

равна 18 баллам – это альтернативный способ отражения центральной тенденции агрессивности, учитывающий аномальные выбросы, данный показатель говорит об отсутствии аномалии в проявлении агрессивности в данных группах испытуемых. Учитывая, полученные данные мы можем сделать вывод о том, что и у мальчиков, и у девочек преобладает средняя степень агрессивности.

Результаты по тесту уровня агрессивности (опросник А. Басс и А. Дарки) представлены на рис. 2.

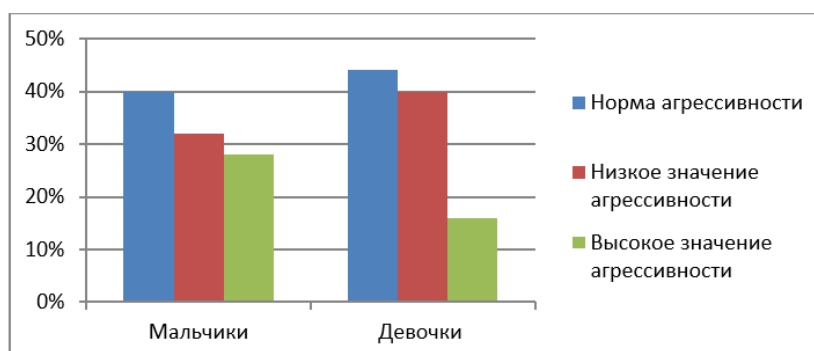


Рис. 2. Результаты диагностики тесту уровня агрессивности (опросник А. Басс и А. Дарки).
Fig. 2. Results of the diagnostic test of the level of aggression (questionnaire by A. Bass and A. Darki).

Нормой агрессивности является величина от 17 до 25 баллов, такой показатель у 10 мальчиков (40%) и 11 девочек (44%). Низким уровнем агрессивности является величина до 16 баллов, такой показатель у 8 мальчиков (32%) и 10 девочек (40%). Высоким уровнем агрессивности является значение выше 26 баллов, такой показатель у 7 мальчиков (28%) и у 4 девочек (16%). Среднее значение агрессивности класса 19,2 балла, данная информация дает представление о центральной тенденции агрессивности группы и является нормой агрессивности. Медиана агрессивности класса 18,5 это альтернативный способ отражения центральной тенденции агрессивности,

учитывающий аномальные выбросы, данный показатель показывает отсутствие аномалии, он приближен к средним значениям. Стандартное отклонение 6,35, данный показатель показывает степень разброса агрессивности относительно среднего значения, что показывает наличие низкой и высокой агрессивности и многовариантность агрессивности. Учитывая, полученные данные по тесту уровня агрессивности, мы можем сделать вывод, что мальчики больше склонны к проявлению агрессивности по сравнению с девочками.

Далее мы провели диагностику по тесту уровня тревожности Спилбергера-Ханина. Результаты диагностики представлены на рис. 3.

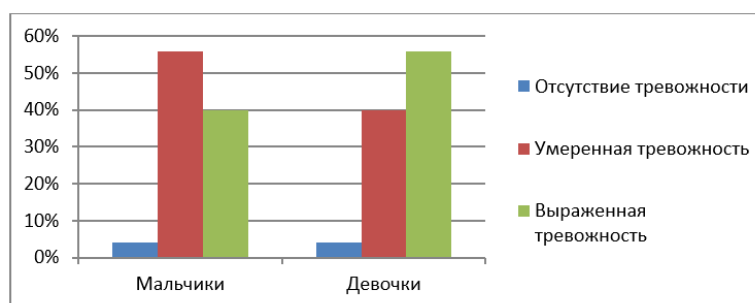


Рис. 3. Результаты диагностики по тесту уровня тревожности Спилбергера-Ханина.

Fig. 3. Results of diagnostics using the Spielberger-Hanin anxiety level test.

По результатам диагностики показатель до 30 баллов означает, что тревожность отсутствует, такой показатель выявлен у 1 девочки (4%), она набрала 30 баллов и у 1 мальчика (4%), он набрал 28 баллов. От 31 балла и до 44 баллов – тревожность является умеренной, такой показатель у 14 мальчиков (56%) и 10 девочек (40%). От 45 и более баллов – выраженная тревожность, такой показатель у 10 мальчиков (40%) и 14 девочек (56%).

Среднее значение тревожности группы – 45,6 баллов, данная информация дает представление о центральной тенденции тревожности группы и является показателем высокой тревожности группы. Медиана агрессивности группы – 46 – это альтернативный способ отражения центральной тенденции агрессивности, учитывающий аномальные выбросы, данный показатель описывает отсутствие аномалии, он приближен к средним значениям. Стандартное отклонение 8,9 – данный показатель характеризуется степенью разброса агрессивности относительно среднего значения, что говорит о наличии умеренной и выраженной тревожности и нескольких вариантов тревожности в группе. Учитывая полученные данные, мы можем сделать вывод, что девочки в большей степени склонны к проявлению тревожности по сравнению с мальчиками.

Дополнительно мы провели корреляционный анализ Спирмена коэффициентов рангов, который определяет статистическую зависимость между рейтингами двух переменных. Он оценивает, насколько хороша взаимосвязь между двумя переменными. Значения варьируются от -1 до +1, $r = +1$, что означает идеальную положительную монотонную зависимость, когда одна переменная всегда увеличивается с увеличением другой, $r = -1$ означает идеальную отрицательную монотонную зависимость, когда одна переменная всегда уменьшается с увеличением другой, $r = 0$ означает отсутствие монотонной зависимости. Интерпретация коэффициента: 0.0-0.19 очень слабая корреляция, 0.2-0.39 слабая корреляция,

0.4-0.59 умеренная корреляция, 0.6-0.79 сильная корреляция, 0.8-1.0 очень сильная корреляция. В результате нашего корреляционного анализа Спирмена, был найден положительный коэффициент $r = 0.46$, что свидетельствует об умеренной положительной связи между переменными.

Результаты методики «Тест агрессивности (опросник Л.Г. Почебут)» позволили сделать вывод о том, что у большинства мальчиков и девочек преобладает средняя степень агрессивности. Низкий уровень агрессии при этом выявлен только у 12% мальчиков и 16% девочек. У остальных наблюдается средний и высокий уровень агрессивности. По результатам теста уровня агрессивности (опросник А. Басс и А. Дарки) установлено, что мальчики в большей степени склонны к проявлению агрессивности по сравнению с девочками.

Результаты теста уровня тревожности Спилбергера-Ханина помогли установить наличие умеренной и выраженной тревожности и нескольких вариантов тревожности в группе мальчиков и девочек. Учитывая полученные данные, мы можем сделать вывод, что девочки в большей степени склонны к проявлению тревожности по сравнению с мальчиками.

В результате корреляционного анализа Спирмена выявлена положительная связь между переменными «агрессивность» и «тревожность». Действительно от тревожности подростков зависит агрессивность, в наших группах подростков данная зависимость находится на умеренном уровне.

Выводы

Агрессия – это любая форма поведения, нацеленная причинить физический или психологический ущерб. Агрессивность – это устойчивое свойство личности, характеризующееся склонностью к агрессивному поведению или реагированию на стрессовые ситуации с помощью агрессии. Страх – это реакция на конкретную существующую опасность. Тревога – это состояние

неприятного предчувствия без видимой причины, несущее опасность, внутреннее субъективное ощущение напряжения, беспокойства, неприятного предчувствия, связанного с раздражителем с определенной интенсивностью, изменяющейся во временном промежутке. Тревожность – это устойчивая индивидуальная склонность испытывать состояние тревоги, свойство личности. Уровни тревожности определяются посредством измерения частоты, интенсивности проявления у индивида. Стоит выделить два основных вида тревожности – это ситуативная тревожность, связанная непосредственно с текущей ситуацией, и личностная тревожность, связанная с особенностями конкретной личности, страхами перед определенными объектами, не связанными с текущей ситуацией.

На основе проделанной работы нами выявлено, что у большинства подростков выявлена средняя степень агрессивности, то есть в целом по группе наблюдается норма агрессивности. При этом мальчики больше склонны к проявлению агрессивности по сравнению с девочками.

Результаты диагностики уровня тревожности показали, что отсутствие тревожности только у одного мальчика и одной девочки (4%). Выраженная тревожность наблюдается у большинства девочек подросткового возраста. Учитывая полученные данные, мы можем сделать вывод, что девочки в большей степени склонны к проявлению тревожности по сравнению с мальчиками.

В результате корреляционного анализа Спирмена была выявлена положительная связь между переменными «агрессивность» и «тревожность».

Подросткам с высоким уровнем агрессивности и тревожности требуется психолого-педагогическое сопровождение, так как они более склонны к причинению вреда окружающим, окружающему их миру и себе. Высокий уровень агрессивности и тревожности влияет на успеваемость в обучении подростков, на установление контактов со сверстниками и взрослыми и т.д.

Список источников

1. Авдулова Т.П. Агрессивность в подростковом возрасте. 2024. 126с.
2. Атинг А.Ю. Особенности влияния детско-родительских отношений на агрессивность подростков // Молодой ученый. Международный научный журнал. 2020. № 28 (318). С. 71 – 73.
3. Астапов В.М. Тревога и тревожность: хрестоматия. 2024. 240 с.
4. Астапов В.М. Тревожность у детей. 2024. 160 с.
5. Берковец Л.О. Агрессия: причины, последствия, контроль. 2002. 512с.
6. Галанаки Е., Малафантис К.Д. Эксперименты Альберта Бандуры по моделированию агрессии у детей: психоаналитическая критика // Психология развития человека. 2022. Т. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.988877>
7. Зыкова Л.П., Захарова Я.А. Влияние тревожности на психическое здоровье и поведение современного человека // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 1 (82). С. 880 – 884.
8. Куприна О.А. Раскрытие феномена экзистенциальной тревоги в работах П. Тиллиха и Р. Мэя // Вестник ГУУ. 2014. № 6. С. 263 – 265. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskrytie-fenomena-ekzistentsialnoy-trevogi-v-rabotah-p-tilliha-i-r-meja>
9. Невенчаный С.В. Понятие агрессивного поведения в современной психологии // Наука и современность. 2011. № 10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-agressivnogo-povedeniya-v-sovremennoy-psihologii>
10. Рогов Е.И. Практическая психология. Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения : практическое пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 507 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-20147-5 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/559922>
11. Шипова Л.П. Психология агрессии подростков: учебно-методическое пособие. – Саратов, 2019. – 80 с.
12. Щебланова Е.И., Петрова С.О. Современные зарубежные исследования тревожности интеллектуально одаренных школьников. Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 97 – 106. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100409>

References

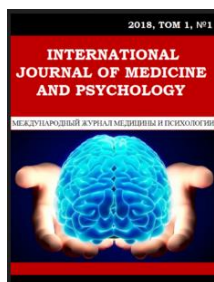
1. Avdulova T.P. Aggression in Adolescence. 2024. 126 p.
2. Atting A.Yu. Features of the Influence of Parent-Child Relationships on Adolescent Aggression. Young Scientist. International Scientific Journal. 2020. No. 28 (318). P. 71 – 73.
3. Astapov V.M. Anxiety and Worry: A Reader. 2024. 240 p.
4. Astapov V.M. Anxiety in Children. 2024. 160 p.
5. Berkovets L.O. Aggression: Causes, Consequences, Control. 2002. 512 p.
6. Galanaki E., Malafantis K.D. Albert Bandura's Experiments on Modeling Aggression in Children: A Psychoanalytic Critique. Psychology of Human Development. 2022. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.988877>
7. Zyкова L.P., Zakharova Ya.A. The Impact of Anxiety on the Mental Health and Behavior of Modern People. Science Bulletin. 2025. Vol. 2. No. 1 (82). P. 880 – 884.
8. Kuprina O.A. Disclosure of the Phenomenon of Existential Anxiety in the Works of P. Tillich and R. May. Bulletin of the State University of Management. 2014. No. 6. P. 263 – 265. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskrytie-fenomena-ekzistentsialnoy-trevogi-v-rabotah-p-tilliha-i-r-meya>
9. Nevenchanny S.V. The Concept of Aggressive Behavior in Modern Psychology. Science and Modernity. 2011. No. 10-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-agressivnogo-povedeniya-v-sovremennoy-psihologii>
10. Rogov E.I. Practical Psychology. A Psychologist's Work with Adults. Correctional Techniques and Exercises: A Practical Manual. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 507 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-20147-5. Educational platform Urait [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/559922>
11. Shipova L.P. Psychology of adolescent aggression: a teaching aid. Saratov, 2019, 80 p.
12. Shcheblanova E.I., Petrova S.O. Modern foreign studies of anxiety in intellectually gifted schoolchildren. Modern Foreign Psychology. 2021. Vol. 10. No. 4. P. 97 – 106. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100409>

Информация об авторах

Анисимова Ю.Н., кандидат психологических наук, доцент, Набережночелнинский государственный педагогический университет, 423806, РФ, Республика Татарстан, г. Набережные Челны ул. Низаметдинова, д. 28 г, yulya-vedernikova@yandex.ru

Каменева Г.Н., кандидат психологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, РФ, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, kameneva-gn@rudn.ru

© Анисимова Ю.Н., Каменева Г.Н., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.015.3

¹ *Зарипова А.Ф.,*

¹ *Самарский государственный социально-педагогический университет*

Феномен отчужденной субъектности как мишень психокоррекционного воздействия при работе с последствиями сексуализированного насилия

Аннотация: в статье рассматриваются психологические последствия переживания психотравмирующих событий, особое внимание уделяется сексуализированному насилию. Анализируется ограниченность диагностических критериев посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и вводится концепция «отчужденной субъектности» для описания глубинных нарушений самоорганизации личности. Подчеркивается, что механизм формирования последствий травмы связан с расщеплением Я и вытеснением травмированного фрагмента личности, который, будучи отчужденным, продолжает проявлять активность через дериваты (навязчивые повторения, симптоматику). Проводятся различия между чувством вины, связанным с ситуацией, и устойчивым чувством стыда, формирующим негативное самоопределение, которое возникает при прямом воздействии на личность. Описывается, что психокоррекционная работа, направленная лишь на симптоматику, менее результативна, чем глубинная работа с механизмами психики. В качестве мишени воздействия предлагается рассматривать процесс интеграции отчужденной субъектности. Частично затрагивается проблема викарной травматизации специалистов.

Ключевые слова: психологическая травма, сексуализированное насилие, ПТСР, комплексное ПТСР, отчужденная субъектность, нарушения самоорганизации, расщепление Я, чувство стыда, викарная травма

Для цитирования: Зарипова А.Ф. Феномен отчужденной субъектности как мишень психокоррекционного воздействия при работе с последствиями сексуализированного насилия // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 391 – 398.

Поступила в редакцию: 2 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ *Zaripova A.F.,*

¹ *Samara State Social-Pedagogical University*

The phenomenon of alienated subjectivity as a target of psychocorrective action during work with consequences of sexual violence

Abstract: this article examines the profound psychological consequences of traumatic experiences, with a specific focus on sexualized violence. It addresses the limitations of standard diagnostic criteria for Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD) in capturing the depth of personality disintegration following such events. The study aims to introduce and elaborate the concept of ‘alienated subjectivity’ (otchuzhdennaya sub'yektnost) to describe core disturbances in self-organization. It seeks to differentiate the mechanisms of trauma formation, particularly the splitting of the self and repression of the traumatized fragment, from simpler symptomatic presentations. The research employs a theoretical and conceptual analysis based on a synthesis of psychoanalytic theory and clinical observation. The methodology involves a critical examination of existing diagnostic frameworks and the development of a new conceptual model for understanding complex trauma. The analysis reveals that the repressed fragment of personality, while alienated, remains active through derivatives such as compulsive repetitions and symptoms. A crucial distinction is made between situation-related guilt and persistent shame, which forms a negative

self-identity. Furthermore, the article highlights the phenomenon of vicarious traumatization of mental health professionals. The findings suggest that psychotherapy focused solely on symptom reduction is less effective than depth work addressing the underlying psychic mechanisms. The process of integrating 'alienated subjectivity' is proposed as a primary target for therapeutic intervention. This represents a paradigm shift for treating complex trauma outcomes beyond the PTSD framework.

Keywords: psychological trauma, sexualized violence, PTSD, complex PTSD, alienated subjectivity, violations of self-organization, fragmentation of the ego, sense of shame, vicarious trauma

For citation: Zaripova A.F. The phenomenon of alienated subjectivity as a target of psychocorrective action during work with consequences of sexual violence. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 391 – 398.

The article was submitted: July 2, 2025; Approved after reviewing: September 4, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Психологическая травма определяется как внутренняя реакция на эмоционально, умственно или физически негативное или болезненное событие. Последствия травмирующих событий могут проявляться в любом возрасте и наблюдаться в течение всей жизни [1]. Широкий опыт изучения последствий психологических травм позволил условно разделить потенциально травмирующие события на несколько видов: неблагоприятные ситуации в детстве (травмы развития), применение различных форм насилия (физическое, эмоциональное, сексуализированное), переживание утраты и горя, критические угрожающие жизни ситуации, заболевания, природные и техногенные катастрофы.

Особое внимание уделяется последствиям сексуализированного насилия. Проблема распространенности и последствий сексуализированного насилия в отношении несовершеннолетних продолжает оставаться одним из наиболее социально и психологически значимых вызовов современности. По данным международных организаций, с различными формами сексуализированного насилия сталкивается каждый пятый ребенок, причем наибольшему риску подвержены подростки [2]. Психологические последствия при этом носят комплексный и пролонгированный характер, затрагивая все уровни функционирования личности: эмоционально-аффективный, когнитивный, телесный и межличностный. Высокие показатели посттравматической симптоматики, депрессивных и тревожных расстройств, а также суицидального поведения среди пострадавших диктуют необходимость поиска более эффективных моделей диагностики и психологической помощи. На сегодняшний день основными диагностическими конструктами для описания последствий травмы являются посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и комплексное ПТСР, введенное в

МКБ-11. Однако, как показывают клинические наблюдения, данные категории зачастую оказываются недостаточными для релевантного описания глубинных нарушений идентичности и самоотношения, формирующихся в результате психотравмы, в особенности сексуализированного насилия, где травма направлена непосредственно на личность и тело пострадавшего. Классические критерии не полностью охватывают феномен глубокого расщепления и отчуждения частей самости, который является центральным в переживании травмы у данной категории пострадавших. Это создает «диагностический вакуум» и ограничивает возможности для разработки точных мишеней психокоррекционного воздействия.

В качестве теоретической альтернативы, позволяющей преодолеть указанные ограничения, предлагается концепт «отчужденной субъектности». Данное понятие, опирающееся на теорию субъектности В.А. Петровского [3] и теорию объектных отношений М. Кляйн [4], описывает психологическое образование, возникающее в результате диссоциативного расщепления целостного «Я» и последующего вытеснения и объективизации той его части, которая непосредственно связана с травматическим опытом. В отличие от классических моделей, фокусирующихся на симптоматике, эта модель позволяет сместить акцент на нарушения внутренней структуры личности и механизмы формирования устойчивого чувства стыда, что, по нашему предположению, является ключевым звеном в генезе долгосрочных последствий сексуализированного насилия у подростков.

Целью исследования является эмпирическая верификация концепции «отчужденной субъектности» как ключевого психологического образования, формирующегося у подростков, переживших сексуализированное насилие.

В развитие данной идеи выдвинута гипотеза, что у подростков, переживших сексуализирован-

ное насилие, формируется специфическое психологическое образование – «отчужденная субъектность», характеризующееся диссоциативным расщеплением образа «Я», объективизацией травмированной части личности и ее устойчивой стигматизацией посредством чувства стыда. В качестве частных гипотез выдвинуты следующие: отчужденная субъектность содержательно проявляется в нарративах подростков через ряд специфических категорий: расщепление, объективизация, атрибуция негативных качеств, инактивация («я ее не контролирую»); формирование отчужденной субъектности является центральным звеном в генезе устойчивого, плохо поддающегося коррекции чувства стыда, в отличие от чувства вины, которое в меньшей степени связано с этим феноменом, активность отчужденной субъектности проявляется через широкий спектр дериватов: психосоматические симптомы, избегающее поведение, самоповреждающие действия и навязчивые повторения травматического сценария; работа с отчужденной субъектностью как с мишенью психокоррекционного воздействия (ее признание, легитимизация и интеграция) будет более результативной для восстановления целостности личности, чем работа, направленная исключительно на снижение симптоматики ПТСР.

Материалы и методы исследований

В теоретической части исследования применен качественный методологический дизайн с использованием методов теоретического анализа и концептуального моделирования. Работа носит междисциплинарный характер, находясь на стыке клинической психологии, педагогической психологии и психоанализа. Анализ проводится на основе релевантных научных источников, выборка которых включает научные монографии и статьи, посвященные последствиям психологической травмы, в частности, сексуализированного насилия, фундаментальные работы в области психоанализа, современные публикации отечественных и зарубежных ученых, философские и психологические работы, затрагивающие проблемы субъектности, идентичности и отчуждения. Отбор материалов осуществляется по принципу релевантности ключевым темам исследования: последствия травмы, диссоциация, идентичность, стыд и вина.

В качестве основного метода сбора данных было выбрано глубинное полуструктурированное интервью. Базой для исследования является психологический центр. Выборка формировалась целенаправленно по критерию наличия в анамнезе пережитого сексуализированного насилия. В исследование были включены подростки в возрасте от 13 до 17 лет (средний возраст – 15.8 лет), обра-

тившиеся за психологической помощью. Критериями включения стал возраст от 13 до 17 лет, факт наличия сексуализированного насилия, с момента травмирующего события прошло не менее 6 месяцев, получено информированное добровольное согласие подростка и его законных представителей. Из выборки были исключены подростки с проявлением текущего острого состояния, выраженными когнитивными нарушениями и наличием суицидального риска на момент проведения исследования. Окончательная выборка составила 20 человек. Размер выборки признан достаточным для качественного исследования, так как был достигнут критерий насыщения – момент, когда новые интервью переставали давать принципиально новую информацию для решения исследовательских задач. Основным инструментом являлся Путеводитель глубинного интервью, разработанный авторами на основе теоретической модели отчужденной субъектности и анализа литературы. Путеводитель включал открытые вопросы, сфокусированные на следующих тематических блоках: 1. Субъективное восприятие и нарратив о травмирующем событии. 2. Изменения в образе «Я» и самоотношении (стыд, вина, самообвинение). 3. Эмоциональная регуляция и стратегии совладания. 4. Отношения с телом и физические ощущения. 5. Социальные отношения и чувство безопасности. 6. Чувство жизненной перспективы и личностные ресурсы. Каждое интервью проводилось индивидуально, средняя продолжительность составила 60-90 минут. Все интервью после получения дополнительного разрешения записывались на аудионоситель и затем дословно транскрибировались с сохранением вербальных и невербальных маркеров (паузы, интонации, плач), что составило массив текстовых данных для анализа объемом около 200 страниц. Для анализа текстовых данных применялся тематический анализ (по Браун и Кларк) [5]. Для повышения надежности анализа применялась стратегия триангуляции кодирования: коды и темы независимо верифицировались вторым исследователем. Разрешение возникающих расхождений происходило путем консенсуса. Для оценки текущего психоэмоционального состояния и исключения острых состояний дополнительно использовались шкала тревоги Спилбергера-Ханина (в адаптации Ю.Л. Ханина) и шкала депрессии Бека (в адаптации Н.В. Тарабриной).

Хотя психика обладает ресурсами для совладания, в ряде случаев последствия психотравмирующих событий носят продолжительный характер, приводя к развитию клинических симптомов. Последствиями сильных эмоциональных потрясений чаще всего становятся психогении, которые могут

проявляться как невротоподобные состояния, реактивные состояния, а в некоторых случаях и как психические расстройства, включая признаки посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), как частного случая психогений.

ПТСР – это диагностическая категория, описывающая профиль симптомов, развивающихся после непосредственного переживания травмирующего события или в результате наблюдения за ним. ПТСР не описывает весь спектр реакций на травмирующие события, для этого проявляющиеся симптомы должны соответствовать определенным критериям, установленным в МКБ-10: симптомы вторжения или повторное переживание события, избегание, а также возбуждение и реактивность. Однако реакции многих людей выходят за рамки этих критериев. В МКБ-11 для этого введен диагноз «комплексное ПТСР», который включает три классические группы симптомов ПТСР и дополнительно три группы симптомов, связанных с «нарушениями самоорганизации» или «нарушениями в Я-организации личности»: проблемы с регуляцией аффектов, убеждения о себе как о приниженном, побежденном или бесполезном человеке, сопровождающиеся чувством стыда, вины или неудачи, связанными с травмирующим событием и трудности в поддержании отношений и ощущении близости с другими людьми [6].

Как показывает практика, в ситуациях, где травма затрагивает многих (например, чрезвычайные ситуации или переживание утраты близкого человека), чаще развиваются признаки классического ПТСР. В случаях же прямого воздействия на конкретного человека (например, насилие) присоединяется так называемый Я-компонент, формирующий признаки комплексного ПТСР.

При этом пациент может не соответствовать всем диагностическим критериям, однако Я-нарушения оказывают существенное влияние на систему самоопределения, становясь фундаментом личности и формируя искаженное восприятие себя и мира. Страдает самоидентичность: формируется негативное самоопределение, основывающееся на искаженных убеждениях о себе.

В момент травматического события стратегии выживания не подчинены логическому выбору, а представляют собой адаптивные механизмы, направленные на сиюминутное разрешение ситуации [7]. Сопутствующие механизмы защиты (диссоциация, вытеснение) способствуют укоренению этих стратегий в виде автоматизмов. Отсутствие критического осмысления в момент ситуации посредством вытеснения травмирующего опыта снижает до минимума возможность переосмыслить произошедшее до того, как автоматизм

сформировался. Этим объясняется последующая импульсивная, неадекватная реакция даже при отсутствии объективной угрозы.

Кроме того, стремление психики «завершить незавершенное» приводит к бессознательному проигрыванию травматических сценариев. Однако многократное «проигрывание» автоматических паттернов не освобождает вытесненный опыт, а наоборот укрепляет защитные механизмы вокруг него. Таким образом, психика создает иррациональные пути исцеления, «бег по кругу», который усугубляет негативный характер произошедшего и усиливает симптоматику. Следовательно, психологическая работа, направленная лишь на облегчение симптомов, дает временную эмоциональную разрядку, не затрагивая при этом причин их появления.

Опыт практики позволяет сделать вывод, что при событиях, приводящих к развитию симптомов ПТСР, сопутствующим фактором часто выступает чувство вины или самообвинения, тогда как при Я-нарушениях формируется устойчивое чувство стыда. Концептуально стыд формируется вокруг личности («про меня»), тогда как чувство вины сосредоточено вокруг ситуации, затрагивающей других («про другого»). Можно предположить, что механизм формирования стыда или вины взаимосвязан со средовым фактором. При воздействии, касающемся исключительно пострадавшего (например, насилие), основной ущерб наносится личности, формируется глубинное убеждение: «Я пострадал один. И мне стыдно за ту часть себя, которая пострадала. Я ее стыжусь, поэтому отвергаю». В ситуациях, распространяющихся на других (катастрофы, общая утрата), убеждение может быть иным: «Я пострадал не один. Мне нечего стыдиться, но я могу чувствовать вину». С терапевтической точки зрения, чувство вины гораздо быстрее и легче поддается психокоррекции, чем стыд, который становится устойчивым и основополагающим в самоопределении.

В момент психотравмирующего события происходит расщепление личности. Ситуация, вызвавшая невыносимые переживания, способствует вытеснению травмирующего опыта и последующему отчуждению травмированной части психики. Этот вытесненный материал гипотетически можно именовать «отчужденной субъектностью».

Субъектность, по определению В.А. Петровского, это способность быть «causa sui», источником самого себя, обладать самопричинностью, проявляющейся в самосозидании, самоподдержании и саморазвитии [3]. Ключевыми характеристиками субъектности являются активность и причинность. Отчужденная субъектность, будучи вы-

тесненной, также проявляет активность в виде дериватов (симптомов, навязчивых повторений) [8]. Поэтому отчужденная часть Я именуется субъектностью – она «не молчит», а проявляет активность, прорываясь в сознание для завершения негативного опыта.

В теории объектных отношений существует понятие внутреннего объекта как интернализованного образа Другого [4]. Внутренний объект представляет собой бессознательный, эмоционально нагруженный образ значимого Другого, который формируется на основе опыта общения с другим человеком с самого раннего детства. Согласно теории объектных отношений, из-за незрелости психики ребенок не может воспринимать Другого (например, мать) как целостного человека, у которого есть и хорошие, и плохие качества. Он расщепляет этот образ на хороший объект и плохой объект. Эти расщепленные образы интроецируются и становятся внутренними объектами и структурными элементами психики.

Формирование отчужденной субъектности представляет собой аналогичный механизм, но в качестве «Другого» выступает часть личности самого пострадавшего. Попытки психики справиться с травмой становятся причиной расщепления, а отчуждаемая часть становится прообразом «плохого Я».

Происходит процесс двойной глубинной интроекции, когда интроект, существовавший ранее в виде образа Я, расщепляется, и его негативная часть отчуждается.

Механизм отщепления и последующей объективизации отчужденной субъектности можно описать следующим алгоритмом: личность пострадавшего под воздействием адаптивных механизмов «отщепляет» часть своей пострадавшей личности (носителя субъектности) и вытесняет ее вместе с травмирующим опытом. Отвержение этой раненой части себя способствует тому, что личность (как субъект) объективирует эту отвергаемую часть, пытаясь избавиться от травматичного опыта и этой части себя вместе с ним. Многократные дериваты способствуют формированию более мощных защит вокруг травмированной части и усилению отчуждения. Однако, несмотря на попытки объективизации, субъектность (активность дериватов) в этой части сохраняется, но постепенно замещается и укрепляется в стыде, превращаясь в устойчивый глубинный стыд как часть личности.

В процессе анализа и исследования образов Я выявляется характер отчуждения этого «плохого» внутреннего объекта. Люди, пережившие сексуализированное насилие, относятся к этой части

личности как к чужой: «Как будто это не со мной», описывая ее как «грязную, плохую, ничемную».

Многочисленные исследования свидетельствуют, что чем дальше от травматического события по времени, тем больше негативных последствий проявляется в психике [9]. Наши данные показывают, что наибольший урон для жертв сексуализированного насилия наблюдается в сфере нарушений организации Я.

Терапевтической задачей в связи с этим становится не работа с симптомами, а признание субъектности в отвергаемом, интеграция травмирующего опыта и восстановление целостности личности, пусть и с ранеными, но принятыми частями.

Работа специалистов с последствиями психотравмирующих ситуаций, в том числе с сексуализированным насилием, предполагает наличие высокой эмоциональной нагрузки и требует от специалиста высоких навыков саморегуляции. В связи с этим следует принимать к сведению, что большому риску в работе с такими пациентами подвергаются именно специалисты помогающих профессий. Они подвержены так называемой травме очевидца, или викарной травме. В DSM-5 указано, что и викарная травма может повлечь за собой формирование ПТСР, поэтому специалистам, работающим в этой сфере, крайне важно следить за своим психоэмоциональным состоянием и предпринимать необходимые меры профилактики, а в некоторых случаях и реабилитации последствий [10].

Результаты и обсуждения

В исследовании приняли участие 20 подростков от 13 до 17 лет, переживших сексуализированное насилие от 6 месяцев до 5 лет назад. Тематический анализ транскриптов глубинных интервью позволил выявить четыре ключевые темы, описывающие феноменологию и содержание отчужденной субъектности у подростков, переживших сексуализированное насилие. Результаты представлены в соответствии с выдвинутыми гипотезами:

Тема 1 – «Расщепление и объективизация травмированного Я». У всех респондентов в нарративах было выявлено ярко выраженное отщепление основного Я от травмированной части. Травмированная часть описывалась как отдельная сущность. В нарративе для ее обозначения использовались слова: «она», «та часть меня», «как будто это была не я». Наблюдался переход описания от своей части личности, как о человеке, к описанию объекта, как метафоре: «грязь», «черная дыра». Диссоциативное чувство подтверждают такие нарративы, как «в тот момент я как будто была не здесь, я смотрела на все со стороны», «сейчас я

вспоминаю ту ситуацию и не верю, что это было со мной, как будто та, другая – это не я, просто очень на меня похожа», «воспоминания напоминают фильм ужасов, ты смотришь на это и ощущение, что этого не могло со мной произойти, это просто плохой фильм, я знаю, что это со мной произошло, но я не чувствую, что это была я». В высказывании явно прослеживается расщепление единого Я на Я-настоящее и Я-травмированное (отчужденную субъектность). Травмированная часть наделяется негативными характеристиками («слабая», «грязная») и объективируется – от нее хотят избавиться как от чужеродного объекта. Описание отчужденной субъектности как автономной части следует из нарратива одного респондента: «Во мне есть как бы две части. Одна – это я сейчас: я учусь, тусуюсь с подругами, смеюсь. А другая – она осталась там в лагере. Она молчит, но я чувствую ее. И если я услышу тот запах духов или резкий звук, она просыпается, и меня всю трясет. Я не могу ее контролировать. Я от нее устала». Подросток описывает отчужденную субъектность как автономную сущность («она»), обладающую собственной памятью и триггерными механизмами. Утрата контроля над этой частью подчеркивает ее отделенность от сознательного Я и подтверждает тезис о сохранении его собственной активности.

Тема 2 – «Атрибуция негативных качеств и устойчивое чувство стыда». Гипотеза о стигматизации отчужденной части и ее связи с устойчивым чувством стыда получила полное подтверждение. Отчужденной субъектности приписывался весь комплекс негативных переживаний, связанных с травмой. Основными дескрипторами стали «грязная» (18 из 20 респондентов), «испорченная» (14 из 20), «слабая» (14 из 20), «виноватая» (11 из 20). Важно отметить, что чувство вины часто упоминалось как эмоция, направленная на действия – «я сама виновата, что пошла», в то время как стыд описывался как тотальное состояние: «Мне стыдно за ту девчонку, которой я была тогда. Она была такая наивная. Она сама виновата». Встречалось описание навязчивых повторений: «Я моюсь по несколько раз в день. Мне кажется, что я воняю этим уродом. Я никак не могу это смыть»; «Я оглядываюсь постоянно, когда иду по улице. Мне кажется, все на меня смотрят и знают, что произошло. Меня ненавидят из-за этого, и всем стыдно со мной общаться. И мне тоже стыдно быть такой». Стыд не просто является эмоцией, а становится ядром идентичности отчужденной субъектности и, благодаря ее активности, пронизывает всю личность, проявляясь в компульсивном поведении.

Тема 3 – «Проявления активности отчужденной субъектности: дериваты, соматические проявления и навязчивые повторения». Гипотеза о проявлении активности вытесненного материала через широкий спектр дериватов подтвердилась. Были идентифицированы четыре основных типа проявлений: соматические и диссоциативные реакции: панические атаки, психогенная боль, диссоциативные эпизоды при столкновении с триггерами: «Я не могу носить определенную одежду. Тесные кофты, например. Мне сразу нечем дышать, и я как будто проваливаюсь в пол. Все вокруг становится нереальным. Врач говорит, что с сердцем все нормально. Это просто паника. Но это не просто паника»; самоповреждающее поведение: 9 из 20 респондентов сообщили о практике селф-харма, его функция описывалась как попытка «выпустить наружу ту боль, которая жрет изнутри» или «наказать эту плохую часть себя, чтобы не чувствовать ее»; искаженные паттерны отношений: неспособность выстраивать коммуникацию, избегание близости из-за страха быть разоблаченной, 6 из 20 респондентов становились объектами для буллинга после насилия, хотя до этого случая таковых проявлений не наблюдалось; навязчивые мысли и вторжения памяти, как непроизвольные воспоминания и образы о пережитых событиях, кошмарные сны. Соматизированные реакции являются прямым телесным проявлением активности отчужденной субъектности. Тело «помнит» то, что сознание пыталось забыть, и реагирует на триггеры, символически связанные с травмой [7].

Тема 4: «Борьба за власть и контроль: инактивация и попытки «изгнания» травмированной части». Эта тема, не заявленная в гипотезах, возникла из данных как важное дополнение. Подростки описывали постоянную внутреннюю борьбу за контроль над отчужденной частью, используя две основные стратегии: подавление и избегание – попытки забыть, «закопать» эту часть, избавиться от навязчивых мыслей, которые приходят в голову, не видеть эти «дурацкие кошмары», не вспоминать; а также проекция и попытки «изгнания» – желание «убрать это из себя», «утопить», «выбросить на помойку», что является прямым продолжением механизма объективизации. Обе стратегии являются дезадаптивными и лишь усиливают внутренний конфликт, подтверждая тезис о том, что вытеснение и подавление не приводят к интеграции, а лишь усугубляют симптоматику.

Проведенный анализ эмпирически подтвердил выдвинутые гипотезы. Концепт «отчужденной субъектности» был верифицирован и операционализирован через четыре ключевые темы, описывающие его как самостоятельное, структурное об-

разование в психике подростков, пострадавших от сексуализированного насилия, обладающее специфическим содержанием и собственной активностью, проявляющейся через широкий спектр дериватов. Как и предполагалось, вследствие травмы наблюдается диссоциативное расщепление целостного образа Я. Травмированная часть субъектности не интегрируется, а подвергается отчуждению и объективации, что ярко иллюстрируют нарративы респондентов. Полученные данные позволяют углубить понимание механизма формирования стыда: стыд закрепляется именно на отчужденной части, что делает его устойчивым и трудно поддающимся коррекции, в отличие от чувства вины. Активность отчужденной субъектности проявляется через широкий спектр дериватов: когнитивных (навязчивые мысли), аффективных (вспышки гнева, стыд), поведенческих (селф-харм, избегание) и соматических (панические атаки). Это подтверждает наш тезис о том, что работа только с симптоматикой без попытки интеграции этой отчужденной части в систему целостного Я является малорезультативной.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений, связанных с репрезентативностью выборки: выборка формировалась целенаправленно и с малым количеством респондентов; качественный дизайн исследования и глубинное интервью несут в себе потенциальную субъективность данных, несмотря на принятые меры триангуляции; характер исследования не позволяет проследить динамику феномена отчужденной субъектности в долгосрочной перспективе. Вместе с тем, полученные данные представляют собой научный исследовательский и практический интерес для будущих исследований в сфере изучения последствий травмирующих событий.

Выводы

Проведенное теоретико-эмпирическое исследование позволяет утверждать, что концепция «отчужденной субъектности» является релевантным и

клинически значимым конструктом для описания глубинных последствий сексуализированного насилия у подростков, выходящим за рамки классических диагностических категорий ПТСР и комплексного ПТСР. Эмпирически было доказано, что отчужденная субъектность представляет собой структурное образование в личности, характеризующееся диссоциативным расщеплением целостного образа «Я» и объективизацией травмированной его части, ее стигматизацией через устойчивое, тотальное чувство стыда, становящееся ядром негативной идентичности, сохранением психологической активности, которая проявляется через широкий спектр дериватов.

Теоретическая значимость работы заключается в предложении новой объяснительной модели, интегрирующей теорию субъектности и теорию объектных отношений для анализа последствий травмы. Это позволяет сместить фокус с симптоматики на нарушения внутренней структуры личности.

Практическая значимость заключается в определении новой мишени для психокоррекционного воздействия. Результаты исследования свидетельствуют о том, что работа, направленная не на подавление симптомов, а на диалог, признание и последующую интеграцию отчужденной субъектности, может быть более результативной для восстановления целостности личности и преодоления хронического чувства стыда.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методов диагностики данного феномена, проведением лонгитюдных исследований для изучения его трансформации в процессе психокоррекции и оценкой результативности различных психотерапевтических подходов в работе с интеграцией отчужденной субъектности. Таким образом, введение данного концепта открывает новые возможности для более глубокого понимания травматического опыта и повышения эффективности психологической помощи подросткам, пережившим сексуализированное насилие.

Список источников

1. Герман Дж. Травма и исцеление. Последствия насилия от абьюза до политического террора. Москва : Эксмо, 2024. 640 с.
2. UNICEF, United Nations Children's Fund, When Numbers Demand Action: Confronting the global scale of sexual violence against children, New York, 2024. <https://data.unicef.org/topic/child-protection/violence/sexual-violence/>
3. Петровский В.А. Начала мультисубъектной персонологии // Развитие личности. 2010. № 1. С. 55 – 72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachala-multisubektnoy-personologii> (дата обращения: 01.05.2025)
4. Шарфф Д. Основы теории объектных отношений. М.: «Когито-Центр», 2009. 304 с.
5. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. Qualitative Research in Psychology. 2006. № 3 (2). P. 77 – 101.

6. Cloitre M. et. al. Evidence for the coherence and integrity of the complex PTSD (CPTSD) diagnosis: response to Achterhof [Electro] / European journal of psychotraumatology. 2020. Vol. 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7170304/> (дата обращения: 30.04.2024)
7. Колк Б. Тело помнит все: какую роль психологическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают ее преодолеть. М.: Эксмо, 2022. 464 с.
8. Ярошевский М.Г. Психология бессознательного: Сборник произведений. Москва: Просвещение, 1990. 448 с.
9. Решетников М.М. Психическая травма: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2018. 200 с.
10. Зарипова А.Ф., Лисецкий К.С. Особенности оказания психологической помощи в ситуации переживания утраты и горя: методические рекомендации. Самара: САМАРАМА, 2024. 70 с.

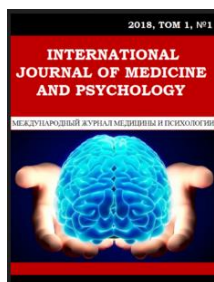
References

1. Herman J. (2010). Trauma and Healing: The Consequences of Violence from Abuse to Political Terror. Moscow: Eksmo, 2024. 640 p.
2. UNICEF, United Nations Children's Fund, When Numbers Demand Action: Confronting the Global Scale of Sexual Violence against Children, New York, 2024. <https://data.unicef.org/topic/child-protection/violence/sexual-violence/>
3. Petrovsky V.A. Principles of Multisubjective Personology. Personality Development. 2010. No. 1. P. 55 – 72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachala-multisubektnoy-personologii> (accessed: 01.05.2025)
4. Scharff, D. (2010). Foundations of Object Relations Theory. M.: "Kogito-Center", 2009. 304 p.
5. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. Qualitative Research in Psychology. 2006. No. 3 (2). P. 77 – 101.
6. Cloitre M. et. al. Evidence for the coherence and integrity of the complex PTSD (CPTSD) diagnosis: response to Achterhof [Electro]. European journal of psychotraumatology. 2020. Vol. 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7170304/> (date accessed: 30.04.2024)
7. Kolk B. The body remembers everything: what role psychological trauma plays in a person's life and what techniques help to overcome it. M.: Eksmo, 2022. 464 p.
8. Yaroshevsky M.G. Psychology of the Unconscious: A Collection of Works. Moscow: Prosveshchenie, 1990. 448 p.
9. Reshetnikov M.M. Mental Trauma: A Textbook for Bachelor's, Specialist, and Master's Degrees. 2nd ed. Moscow: Yurait Publishing House, 2018. 200 p.
10. Zaripova A.F., Lisetsky K.S. Features of Providing Psychological Assistance in Situations of Experiencing Loss and Grief: Methodological Recommendations. Samara: SAMARAMA, 2024. 70 p.

Информация об авторе

Зарипова А.Ф., аспирант, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, г. Самара, ул. Максима Горького, 65, albinafanizovna@gmail.com

© Зарипова А.Ф., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9

¹ **Посохова А.В.,**

¹ МИРЭА – Российский технологический университет

Конкурентоспособность предпринимателей: результаты теоретических и эмпирических исследований

Аннотация: в статье представлена авторская психологическая концепция конкурентоспособности предпринимателей, разработанная на основе обобщения теоретических и эмпирических исследований. Обоснована актуальность изучения конкурентоспособности в условиях современной социально-экономической среды и обозначена необходимость формирования целостного представления о данном феномене. Представлены методологические подходы и методы исследования (анкетирование, экспертное оценивание, психологическая диагностика, моделирование проблемных ситуаций), использованные для анализа выборки российских предпринимателей. Выявлены основные психологические закономерности, определяющие конкурентоспособность: взаимосвязь полипрофессионализма, инновационной активности, мотивации достижений, опыта и личностно-профессиональных качеств. Разработана обобщающая модель конкурентоспособности предпринимателей, включающая личностные, деятельностные и социально-психологические компоненты. Концепция обладает объяснительной и прогностической ценностью и может быть использована в научных исследованиях, образовательных программах и практике сопровождения предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предприниматель, конкурентоспособность, психологическая концепция, полипрофессионализм, инновационная активность, личностно-профессиональные качества, профессионализм, психологические закономерности, предпринимательская деятельность

Для цитирования: Посохова А.В. Конкурентоспособность предпринимателей: результаты теоретических и эмпирических исследований // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 399 – 404.

Поступила в редакцию: 3 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Posokhova A.V.,**

¹ MIREA – Russian University of Technology

Entrepreneurial competitiveness: results of theoretical and empirical research

Abstract: this article presents the author's psychological concept of entrepreneurial competitiveness, developed based on a synthesis of theoretical and empirical research. It substantiates the relevance of studying competitiveness in the current socio-economic environment and identifies the need for a holistic understanding of this phenomenon. Methodological approaches and research methods (questionnaires, expert assessment, psychological diagnostics, and problem-solving simulations) used to analyze a sample of Russian entrepreneurs are presented. The key psychological patterns that determine competitiveness are identified: the relationship between multi-professionalism, innovative activity, achievement motivation, experience, and personal and professional qualities. A general model of entrepreneurial competitiveness has been developed, incorporating personal, activity-based, and socio-psychological components. The concept has explanatory and predictive value and can be used in scientific research, educational programs, and practical support for entrepreneurial activity.

Keywords: entrepreneur, competitiveness, psychological concept, multi-professionalism, innovative activity, personal and professional qualities, professionalism, psychological patterns, entrepreneurial activity

For citation: Posokhova A.V. Entrepreneurial competitiveness: results of theoretical and empirical research. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 399 – 404.

The article was submitted: July 3, 2025; Approved after reviewing: September 5, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

В современной психологической науке фиксируется устойчивое и возрастающее внимание исследователей к проблематике конкурентоспособности личности, её сущности, структуре и проявлениям в различных сферах профессиональной деятельности. Конкурентоспособность рассматривается как сложное интегративное образование, объединяющее личностные и профессиональные характеристики субъекта, обеспечивающее ему успешность в условиях соперничества и повышающих требований социума. В этой связи закономерно, что в последние десятилетия психология обогатилась большим количеством эмпирических данных, а также методологических и теоретических подходов к изучению данного феномена.

Особое место в этом направлении занимает исследование конкурентоспособности предпринимателей. Оно приобретает особую значимость по двум причинам. С одной стороны, предпринимательство представляет собой деятельность с высокой степенью неопределённости, динамики и риска, что делает её своеобразным полигоном для проверки психологических теорий и концепций. С другой стороны, прикладное значение исследований предпринимательской конкурентоспособности напрямую связано с развитием экономического потенциала общества и определяет практическую направленность психологической науки. Таким образом, данное направление исследования одновременно решает и фундаментальные задачи теоретической психологии, и насущные задачи социально-экономической практики.

При этом следует отметить, что несмотря на возрастающее внимание к проблеме, психологические основы конкурентоспособности предпринимателей до настоящего времени остаются недостаточно разработанными. Существующие исследования зачастую носят фрагментарный характер, ограничиваются отдельными личностно-профессиональными качествами или условиями деятельности и не формируют целостного представления о закономерностях развития данного свойства. На этом фоне особенно остро обозначается необходимость выявления психологических механизмов, путей и средств повышения конку-

рентоспособности, адаптированных к отечественной социально-экономической специфике.

Повышение конкурентоспособности предпринимателей в России можно рассматривать как стратегическую задачу, имеющую не только локальное значение, но и долгосрочные последствия для национальной экономики. Решение этой задачи будет способствовать укреплению конкурентных преимуществ в таких ключевых сферах, как промышленность, сельское хозяйство, сфера услуг, а также инновационный сектор. Иными словами, развитие конкурентоспособности предпринимателей является системным фактором, оказывающим влияние на макроэкономическую динамику страны и её позиции на мировом рынке.

В этой связи формирование психологической концепции конкурентоспособности предпринимателей, включающей теоретическое обоснование, систематизацию накопленных эмпирических данных и выявление закономерностей, выступает актуальной и приоритетной задачей современной науки. Такая концепция должна интегрировать разрозненные знания, обеспечить высокий уровень объяснительной и прогностической ценности и создать основу для разработки практических рекомендаций, направленных на развитие предпринимательских компетенций.

Цель настоящего исследования заключается в разработке и обосновании целостной психологической концепции конкурентоспособности предпринимателей на основе обобщения теоретических подходов и данных эмпирических исследований, что позволит объединить научное знание и практические задачи в единую систему.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составил принцип единства личности и деятельности, предполагающий рассмотрение предпринимателя одновременно как субъекта профессиональной активности и как носителя определённых личностных характеристик. Кроме того, в качестве методологических оснований использовался системный подход, обеспечивающий целостное рассмотрение конкурентоспособности как многоуровневого и интегративного свойства личности и деятельности и деятельностный подход, позволя-

ющий выявить взаимосвязь между личностными ресурсами предпринимателя и особенностями реализации его профессиональной активности;

База исследования включала результаты отечественных работ по психологии труда и психологии личности, а результаты проведенного эмпирического исследования, в которых приняли участие 126 предпринимателей – представителей малого и среднего бизнеса (возраст 25-55 лет, стаж деятельности от 5 до 20 лет).

В качестве эмпирических методов использовались анкетирование, экспертное оценивание, психодиагностика лидерских качеств, стрессоустойчивости и уровня притязаний, а также моделирование проблемных ситуаций. Для обработки данных применялись сравнительный и корреляционный анализ.

В качестве теоретических методов использовались анализ и синтез научных источников, обобщение результатов исследований, а также моделирование и концептуализация полученных данных.

Результаты и обсуждения

В последние десятилетия проблема конкурентоспособности предпринимателей привлекает всё большее внимание исследователей как в отечественной, так и в зарубежной науке. Современные работы акцентируют внимание на том, что конкурентоспособность является не только экономической категорией, но и сложным личностно-профессиональным образованием, включающим в себя систему психологических, социальных и деятельностных характеристик субъекта предпринимательской деятельности.

Ряд отечественных исследований (А.Б. Купрейченко, В.П. Позняков, Е.Б. Дьячкова, Л.Н. Жерелина) выявляют значимость личностно-профессиональных качеств предпринимателей, таких как мотивация достижения, инновационная направленность, социальная ответственность и креативность. Подчеркивается, что именно данные качества выступают психологической основой для формирования устойчивых конкурентных преимуществ [1, 2].

Зарубежные авторы (P. Drucker, R. Baron, S. Shane, D. Kuratko) рассматривают конкурентоспособность предпринимателя как результат его способности к инновациям, готовности к риску и умению использовать возможности в условиях неопределённости [3, 4, 5, 6]. В работах Дж.Т. Лампкина и Г. Десса показано, что предпринимательская ориентация, включающая проактивность и склонность к новаторству, напрямую связана с показателями эффективности бизнеса [7].

В ряде исследований отмечается, что конкурентоспособность предпринимателя во многом опре-

деляется уровнем его профессиональной идентичности и сформированностью полипрофессионализма. Так, Л.М. Митина и А.К. Маркова подчеркивают значимость психологического профессионализма, выражающегося в способности личности к постоянному развитию, переосмыслению опыта и достижению новых профессиональных вершин [8, 9].

Таким образом, обобщение существующих научных данных свидетельствует о необходимости системного рассмотрения конкурентоспособности предпринимателей, которое выходит за рамки анализа отдельных личностных характеристик или условий деятельности и требует разработки целостной психологической концепции.

В основе предложенной автором концепции конкурентоспособности предпринимателей лежат два положения:

- конкурентоспособность представляет собой интегративное личностно-профессиональное свойство, системно объединяющее индивидуальные качества и особенности профессиональной деятельности.
- ключевым условием её формирования является развитие полипрофессионализма, обеспечивающего способность предпринимателя к эффективному функционированию в разных профессиональных сферах.

Профессионализм в предпринимательской деятельности проявляется прежде всего в достижениях, существенно превосходящих результаты других субъектов в данной сфере. Именно эти достижения формируют конкурентные преимущества и обеспечивают превосходство, служа психологической основой высокой конкурентоспособности предпринимателя [8]. Значимость подобных преимуществ выступает ключевым мотивирующим фактором, стимулирующим развитие полипрофессионализма, поскольку предпринимательская деятельность по своей природе является многокомпонентной, совмещает различные виды профессиональной активности и, следовательно, требует владения компетенциями в нескольких направлениях одновременно.

Полипрофессионализм предпринимателей имеет различные формы выражения и может различаться по масштабу проявлений, длительности во времени, месту в системе профессионального развития, а также по соотношению индивидуальных ресурсов и достигнутых результатов.

Следует подчеркнуть, что полипрофессионализм представляет собой не только условие конкурентоспособности, но и важнейший способ самореализации личности в предпринимательской деятельности. На этапе, когда базовые потребно-

сти в профессиональных и личностных достижениях удовлетворены, возникает стремление к новым целям более высокого уровня, формирующим новые стандарты и эталоны профессионализма. Таким образом, полипрофессионализм можно рассматривать как динамический процесс постоянного усложнения и расширения профессиональной деятельности, отражающий стремление предпринимателя к развитию и устойчивому укреплению своих конкурентных позиций.

В обобщённом виде *конкурентоспособность предпринимателей* может быть определена как интегративное личностно-профессиональное свойство лидерского типа, проявляющееся в полипрофессионализме, высоком уровне развития личностно-профессиональных качеств, профессиональной деятельности, поведения и межличностных взаимодействий.

Конкурентоспособность личности предпринимателя представляет собой свойство субъекта предпринимательской деятельности, включающее значительный личностный потенциал, высокий уровень профессионально значимых, деловых и лидерских качеств, нормативность поведения, социальную ответственность, креативность, инновационную направленность, высокий уровень притязаний, развитую мотивационную сферу, а также ценностные ориентации гуманистического содержания, направленные на прогрессивное развитие. Данный комплекс характеристик обладает динамическим характером и может успешно развиваться в процессе профессионального становления.

Конкурентоспособность деятельности предпринимателя проявляется в её высокой результативности, достигаемой благодаря развитым полипрофессиональным навыкам и умениям, деловой хватке, способности к творческому решению нестандартных задач, готовности действовать в сложных и экстремальных ситуациях, устойчивости профессиональной эффективности, а также наличию инвариантов профессионализма. Как и конкурентоспособность личности, конкурентоспособность деятельности является развивающимся свойством, которое может совершенствоваться в процессе предпринимательской практики.

Результатом интеграции теоретических положений и эмпирических данных явилась разработка обобщающей *психологической модели конкурентоспособности предпринимателей*. Данная модель отражает системный характер феномена и позволяет структурировать его ключевые компоненты, обеспечивающие успешность предпринимательской деятельности в условиях конкуренции [10].

Модель включает три взаимосвязанных блока:

1. *Личностный блок*, объединяющий профессионально значимые качества и характеристики предпринимателя: лидерство, ответственность, стрессоустойчивость, креативность, инновационная направленность, мотивация достижений.

2. *Деятельностный блок*, характеризующий особенности организации и результативности предпринимательской активности: гибкость и адаптивность поведения, способность к решению нестандартных задач, деловая хватка, умение действовать в экстремальных и неопределённых условиях, стабильность профессиональной эффективности.

3. *Социально-психологический блок*, включающий параметры взаимодействия предпринимателя с социальным окружением: деловой имидж, репутацию, способность к конструктивной кооперации, умение выстраивать доверительные и партнёрские отношения.

Взаимосвязь данных блоков носит интегративный характер: личностные качества создают основу для эффективной деятельности, а её результаты в свою очередь способствуют укреплению социального статуса и репутации предпринимателя.

Важным элементом концепции конкурентоспособности предпринимателей являются выявленные в ходе исследования *закономерности*, отражающие ключевые особенности данного феномена и включённые в структуру концепции. Всего было установлено шесть закономерностей, каждая из которых имеет определённую форму проявления и диапазон справедливости.

1. Закономерность взаимосвязи потенциала и конкурентоспособности предпринимателей, указывающая на то, что уровень предпринимательского потенциала прямо пропорционален степени конкурентоспособности. В условиях активной трудовой деятельности эта зависимость носит преимущественно линейный характер.

2. Закономерность взаимосвязи полипрофессионализма и конкурентоспособности, отражающая прямую пропорциональную зависимость: чем выше уровень полипрофессиональной компетентности предпринимателя, тем выше его конкурентоспособность.

3. Закономерность взаимосвязи опыта и конкурентоспособности, имеющая три возможные формы проявления: линейную, экспоненциальную и куполообразную. Это указывает на неоднозначное влияние опыта, которое может как усиливать, так и ограничивать конкурентоспособность в зависимости от уровня профессионального развития.

4. Закономерность взаимосвязи психологической готовности к предпринимательской деятель-

ности и конкурентоспособности, демонстрирующая, что высокий уровень готовности выступает предиктором устойчивого роста конкурентоспособности. Зависимость носит линейный характер.

5. Закономерность взаимосвязи инновационной активности и конкурентоспособности, проявляющаяся в форме инвертированной U-образной зависимости: оптимальный уровень инновационной активности способствует росту конкурентоспособности, тогда как её недостаточность или избыточность могут снижать эффективность предпринимательской деятельности.

6. Закономерность взаимосвязи личностно-профессиональных качеств и конкурентоспособности, устанавливающая прямую линейную зависимость: высокий уровень развития лидерских, волевых и коммуникативных характеристик предпринимателя прямо коррелирует с уровнем его конкурентоспособности.

Для оценки конкурентоспособности предпринимателей были выделены интегративные *критерии* и *показатели*. Основным критерием является общий уровень конкурентоспособности, дополнительно учитываются результативно-деятельностные, процессуальные, нормативные и личностно-психологические критерии. Показатели включают силу личности, лидерский потенциал, волевые качества, инновационную активность, стрессоустойчивость и сформированность полипрофессиональных компетенций [11].

В процессе обобщения психологических исследований, проведённых в рамках разработки концепции конкурентоспособности предпринимателей, были выявлены и описаны *психологические преграды* и *ограничения*, препятствующие её формированию и развитию, а также обозначены возможные пути их преодоления. Развитие конкурентоспособности может тормозиться под влиянием психологических барьеров: мотивационных (низкий уровень притязаний), когнитивных (стереотипность мышления), эмоционально-волевых (слабая стрессоустойчивость), социально-психологических (дефицит коммуникативных навыков) и организационно-деятельностных (недостаток полипрофессионализма).

Преодоление данных преград связано с развитием профессиональных компетенций, формированием устойчивой мотивации, укреплением саморегуляции и инновационного мышления.

Проведённое исследование позволило разработать и обосновать психологическую концепцию конкурентоспособности предпринимателей, которая интегрирует теоретические положения и эмпирические данные, полученные в отечественной и зарубежной психологии. Концепция отражает системный характер данного феномена и раскрывает его как интегративное личностно-профессиональное свойство, обеспечивающее успешность предпринимательской деятельности в условиях рыночной конкуренции.

Разработанная обобщающая модель конкурентоспособности, включающая личностный, деятельностный и социально-психологический блоки, обладает объяснительным и прогностическим потенциалом, что делает её значимой как для научного анализа, так и для практического применения. Она может служить основой для разработки диагностических инструментов, образовательных программ и психологических технологий, направленных на развитие конкурентоспособности предпринимателей.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенной концепции для оптимизации профессиональной подготовки и сопровождения предпринимательской деятельности, повышения эффективности программ поддержки малого и среднего бизнеса, а также укрепления конкурентных позиций национальной экономики в целом.

Выводы

1. Конкурентоспособность предпринимателей является интегративным личностно-профессиональным свойством, базирующимся на полипрофессионализме и развитии ключевых качеств.

2. Разработанная концепция систематизирует категории, модели и закономерности, обеспечивая высокий уровень объяснительной и прогностической ценности.

3. Эмпирические исследования подтвердили роль мотивации достижений, инновационной активности и лидерских качеств как ключевых факторов конкурентоспособности.

4. Концепция обладает значительным прикладным потенциалом и может быть использована в научных, образовательных и практико-ориентированных целях.

Список источников

1. Жерелина Л.Н. Акмеологическое развитие профессионализма личности предпринимателей. М.: МААН, 2012. 224 с.
2. Мурзина Ю.С., Позняков В.П. Психология предпринимательства: исследование ценностных ориентаций владельцев малого семейного бизнеса: монография. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. 188 с.
3. Baron R.A., Shane S.A. Entrepreneurship: A Process Perspective. Mason: Thomson South-Western, 2005. 496 p.
4. Drucker P. Innovation and Entrepreneurship. New York: Harper & Row, 1985. 277 p.
5. Kuratko D.F. Entrepreneurship: Theory, Process, and Practice. Mason: Cengage Learning, 2017. 544 p.
6. Shane S. A General Theory of Entrepreneurship: The Individual-Opportunity Nexus. Cheltenham: Edward Elgar, 2003. 327 p.
7. Lumpkin G.T., Dess G.G. Clarifying the entrepreneurial orientation construct and linking it to performance // Academy of Management Review. 1996. Vol. 21. No. 1. P. 135 – 172.
8. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 308 с.
9. Митина Л.М. Психология личностного и профессионального развития человека в современном социокультурном пространстве // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2015. № 3 (15). С. 79 – 86.
10. Посохова А.В. Проблема способности к предпринимательской деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Педагогика и психология». 2021. № 4 (57). С 42 – 48.
11. Зазыкин В.Г., Смирнов Е.А., Синягин Ю.В. Оценка персонала современной организации. Иваново: Ивановский фил. РАНХиГС, 2014. 219 с.

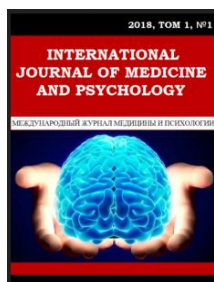
References

1. Zherelina L.N. Acmeological Development of the Professionalism of Entrepreneurs' Personality. Moscow: MAAN, 2012. 224 p.
2. Murzina Yu.S., Poznyakov V.P. Psychology of Entrepreneurship: A Study of the Value Orientations of Small Family Business Owners. Tyumen: Tyumen State University Press, 2022. 188 p.
3. Baron R.A., Shane S.A. Entrepreneurship: A Process Perspective. Mason: Thomson South-Western, 2005. 496 p.
4. Drucker P. Innovation and Entrepreneurship. New York: Harper & Row, 1985. 277 p.
5. Kuratko D.F. Entrepreneurship: Theory, Process, and Practice. Mason: Cengage Learning, 2017. 544 p.
6. Shane S. A General Theory of Entrepreneurship: The Individual-Opportunity Nexus. Cheltenham: Edward Elgar, 2003. 327 p.
7. Lumpkin G.T., Dess G.G. Clarifying the entrepreneurial orientation construct and linking it to performance. Academy of Management Review. 1996. Vol. 21. No. 1. P. 135 – 172.
8. Markova A.K. Psychology of professionalism. Moscow: Znanie, 1996. 308 p.
9. Mitina L.M. Psychology of personal and professional development in the modern sociocultural space. Humanitarian Bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University. 2015. No. 3 (15). P. 79 – 86.
10. Posokhova A.V. The Problem of Capacity for Entrepreneurial Activity. Bulletin of Tver State University. Series: "Pedagogy and Psychology". 2021. No. 4 (57). P. 42 – 48.
11. Zazykin V.G., Smirnov E.A., Sinyagin Yu.V. Personnel Assessment of a Modern Organization. Ivanovo: Ivanovo Branch. RANEPa, 2014. 219 p.

Информация об авторе

Посохова А.В., доктор психологических наук, профессор, SPIN-код: 9960-5403, МИРЭА – Российский технологический университет, aposohova@mail.ru

© Посохова А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Коваль Н.А.,

² Титова Н.К.,

¹ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,

² Российский университет транспорта

Исследование интер- и интрасубъектных факторов, оказывающих влияние на критическое мышление субъектов образовательного процесса

Аннотация: в статье рассматриваются интерсубъектные и интрасубъектные факторы развития критического мышления студентов в образовательном процессе. Цель исследования заключается в выявлении условий, способствующих формированию и функционированию критического мышления у обучающихся. В рамках экспертной сессии, в которой приняли участие 8 преподавателей юридического факультета с различным стажем работы, был проведён анализ 25 гипотетических факторов, влияющих на развитие критического мышления. Эксперты выделили три группы условий: активационные факторы (инструктаж, дискуссии, соревновательные элементы), факторы научения (моделирование ситуаций критического мышления, обмен способами мышления, доступность информации) и факторы обратной связи (получение конструктивной, побуждающей и позитивной обратной связи). Параллельно изучались интрасубъектные качества личности, связанные с метакогнитивными процессами, посредством применения опросников и тестов. В исследовании приняли участие 142 студента в возрасте 19-21 года. Полученные результаты показали, что высокий уровень критического мышления коррелирует с более выраженными метакогнитивными стратегиями (самоуправление познанием нового, управление информацией, контроль решения) и высоким уровнем рефлексивности. В то же время выявлены более низкие показатели по шкале коллективности, что может указывать на стремление студентов с развитым критическим мышлением к самостоятельному анализу и интерпретации информации.

Ключевые слова: когнитивные навыки, критическое мышление, свойства личности, критичность, образовательный процесс

Для цитирования: Коваль Н.А., Титова Н.К. Исследование интер- и интрасубъектных факторов, оказывающих влияние на критическое мышление субъектов образовательного процесса // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 405 – 411.

Поступила в редакцию: 4 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Koval N.A.,

² Titova N.K.,

¹ Tambov State University named after G.R. Derzhavin,

² Russian University of Transport

Research of inter- and intrasubject factors influencing the critical thinking of subjects of the educational process

Abstract: the article examines intersubjective and intrasubjective factors of developing students' critical thinking in the educational process. The purpose of the study is to identify conditions that contribute to the formation and functioning of critical thinking in learners. An expert session was conducted with the participation of eight law faculty professors with varying teaching experience, who analyzed 25 hypothetical factors influencing the development of critical thinking. The experts identified three groups of conditions: activation factors (instruction, discussions, competitive elements), learning factors (modeling of critical thinking situations, exchange of thinking strategies, availability of information), and feedback factors (receiving constructive, encouraging, and positive feedback). In parallel, intrasubjective personality qualities associated with metacognitive processes were studied using questionnaires and tests. The study involved 142 students aged 19–21. The results showed that a high level of critical thinking correlates with more pronounced metacognitive strategies (self-management of new knowledge, information management, problem-solving control) and a high level of reflexivity. At the same time, lower scores were observed on the collectivism scale, which may indicate a tendency of students with well-developed critical thinking skills toward independent analysis and interpretation of information.

Keywords: cognitive skills, critical thinking, personal qualities, criticality, educational process

For citation: Koval N.A., Titova N.K. Research of inter- and intrasubject factors influencing the critical thinking of subjects of the educational process. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 405 – 411.

The article was submitted: July 4, 2025; Approved after reviewing: September 6, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Развитие критического мышления студентов в условиях современного образования является одной из ключевых задач педагогической науки, поскольку оно определяет успешность профессиональной подготовки, адаптацию к изменяющимся условиям и способность принимать ответственные решения [8, 10]. Вопрос о том, какие факторы образовательного процесса способствуют формированию критического мышления, а также какие личностные качества и метакогнитивные процессы обеспечивают его функционирование, остаётся предметом актуальных исследований [2, 6].

Цель исследования интересубъектных качеств заключается в группировке и выявлении условий развития мышления у субъектов образовательного процесса.

Для этого были поставлены задачи: сгруппировать гипотетические факторы, способствующие формированию критического мышления в образовательном процессе; определить условия, повышающие эффективность мышления в профессиональной среде; проанализировать личностные особенности и метакогнитивные стратегии, обеспе-

чивающие успешное решение когнитивных задач.

Группе экспертов предъявлялся список из следующих гипотетических факторов, оказывающих влияние на развитие критического мышления:

1. Участие в значимом целенаправленном опыте
2. Воздействие на открытые сложные, реальные проблемы
3. Взаимодействие с передовыми критически мыслящими людьми и наставничество с их стороны
4. Участие в философских дискуссиях
5. Анализ аргументов, утверждений и различных точек зрения
6. Применение знаний к общественным проблемам
7. Использование доказательств, разума и логики для формирования суждений (пересмотрено с логического, рационального и объективного мышления)
8. Оценка контекста, сложных взаимосвязей и более широких последствий

9. Формулировать и задавать проницательные вопросы, направленные на более глубокое понимание

10. Оспаривание предположений, убеждений, парадигм и структур власти

11. Знакомство с различными способами познания в рамках различных дисциплин

12. Критический анализ, синтез и интеграция концептуальных основ

13. Выработка независимых, принципиальных взглядов на основе доказательств

14. Применение критического подхода к интерпретации СМИ, риторики, утверждений о знаниях и власти

15. Изучение доказательств, рассуждений, предубеждений, альтернативных теорий и конкурирующих точек зрения

16. Рассмотрение основных предположений, ценностей, интересов и социокультурных факторов, формирующих смысл

17. Получение конструктивной обратной связи и коучинга для усиления аналитической строгости и справедливости

18. Наблюдение и подражание образцовому критическому мышлению, продемонстрированному в авторитетных работах, областях или моделях

19. Размышление о социально-исторической обусловленности и последствиях мышления, знаний и прогресса

20. Получение указаний и инструкций, направленных на развитие критического потенциала

21. Практика критического самоанализа через ведение дневника или философское исследование

22. Обсуждение того, как критическое мышление может быть применено в школе, карьере, гражданской жизни, отношениях, выборе здоровья и т.д.

23. Рассмотрение того, как культурные, социальные и идеологические факторы формируют мышление и построение знаний.

24. Применение критического подхода к тому, как создаются, распространяются и потребляются сообщения, информация и знания.

25. Участие в мероприятиях, специально разработанных для развития аналитического, оценочного и интерпретационного мышления

Каждый из экспертов выделял группы навыков, необходимые для развития навыков критического мышления, раскладывая карточки с факторами по стопкам. В дальнейшем, наиболее частотные факторы были распределены в повторяющиеся группы.

В экспертной сессии приняли участие 8 преподавателей юридического факультета, имеющие стаж преподавания от 8 до 29 лет, из них 3 мужчины и 5 женщин.

С помощью метода экспертных оценок были выделены группы факторов образовательного процесса, предположительно влияющих на уровень развития критического мышления у студентов. Экспертами был составлен список из трех групп таких факторов:

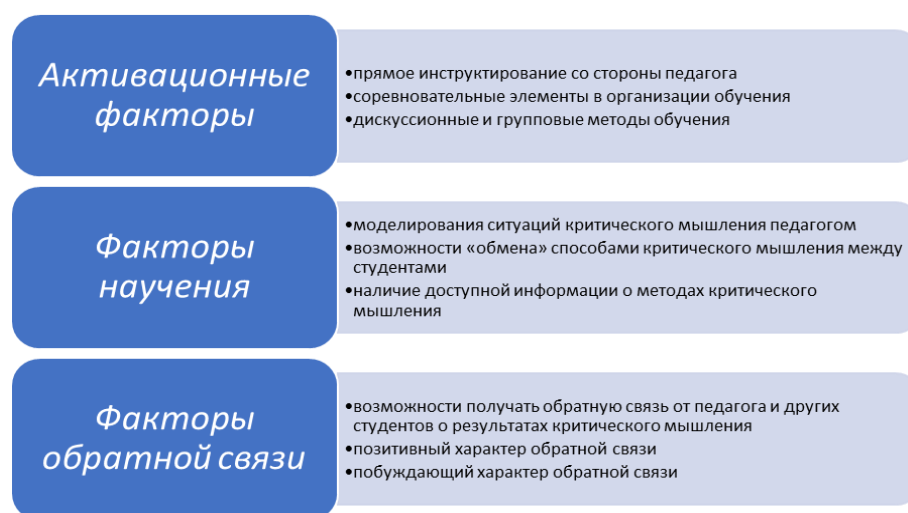


Рис. 1. Факторы intersubjective условий развития критического мышления.
Fig. 1. Factors of intersubjective conditions for the development of critical thinking.

1 группа: активационные факторы: прямое инструктирование со стороны педагога; дискуссионные и групповые методы обучения; соревновательные элементы в организации обучения;

2 группа: факторы научения: наличие моделирования ситуаций критического мышления педагогом; наличие возможности «обмена» способами критического мышления между студентами; наличие доступной информации о методах критического мышления.

3 группа: факторы обратной связи: наличие возможности получать обратную связь от педагога и других студентов о результатах критического мышления; позитивный характер обратной связи; побуждающий характер обратной связи (формирование мотивации размышлять дальше).

Влияние этих факторов на развитие критического мышления студентов проверялось в ходе формирующего эксперимента. При организации занятий мы старались учитывать и применять как активационные факторы, так и факторы организации научения и формирования обратной связи.

Цель исследования интрасубъектных качеств личности – изучение личностных особенностей и особенности организации метакогнитивных процессов, оказывающих влияние на функционирование критического мышления

Материалы и методы исследований

Для достижения цели исследования нами применялись следующие опросные методики.

«Опросник метакогнитивной включенности в деятельность» в адаптации А.В. Карпова, И.М. Скитяевой (2005). [4, с.23]

Шкалирование в данном опроснике выполнялось по результатам исследования В.М. Бызовой с соавт. (2019).

- Первый фактор (Знания о саморегуляции деятельности и когнитивных ресурсах) сформулированы на основе знания о себе или осознания своих интеллектуальных преимуществ. Частично данный фактор включил в себя пункты декларативной шкалы оригинальной методики Г. Шроу и Р. Деннисон. Утверждения отражают знание молодых людей о собственных процессах саморегуляции деятельности и когнитивных ресурсах (умениях, знаниях и способностях).

- Второй фактор (Самоуправление познанием нового) отражает способность учитывать новый опыт в собственном метапознании, контролировать качество работы и осуществлять работу над ошибками с целью интеграции полученного опыта.

- Третий фактор (Процедурные знания или процесс решения) отражает этапность процесса

решения задачи: наличие цели, рассмотрение альтернатив решения, структурирование, подведение итогов.

Данный фактор близок по содержанию шкале процедурных знаний оригинальной методики и включает знания о том, как внедрять их в деятельность.

- Четвертый фактор (Управление информацией) объединил утверждения, связанные с анализом имеющихся сведений о ситуации и способах работы с ними.

- Пятый фактор (Анализ достижения результата) включил мета-когнитивные знания и оценку качества выполнения задачи, обусловлен стратегией ретроспективы в процессе достижения результата.

- Шестой фактор (Контроль решения) объединил три стратегии работы с информацией (создание собственных примеров, понимание и уточнение гипотез о решении проблемы). Этот факт свидетельствует о том, что молодые люди стремятся к глубокой и всесторонней работе с информацией.

- Седьмой фактор (Работа с важной информацией).

- Восьмой фактор (Структурирование и схематизация) включили утверждения, описывающие особенности работы с актуальной информацией и обоснование необходимости структурирования проблемы. Таким образом, факторный анализ утверждений опросника позволил выделить в выборке молодежи восемь способов мониторинга процесса собственной деятельности [1, с. 49].

Опросник «Определение уровня рефлексии» (по О.С. Анисимову).

Опросник позволяет выявить общий уровень рефлексии, а также уровень рефлексии по следующим шкалам: рефлексивности, самокритичности, коллективности

Тест критического мышления Л. Старки (адаптация Е.Л. Луценко, 2014, с модификациями) [7, с. 19]

Тест критического мышления – это тест на вербальные способности, состоящий из 27 утверждений/вопросов, каждый из которых имеет четыре варианта для выбора правильного ответа. Тест формирует однофакторный общий балл критического мышления в диапазоне от 0 до 27 баллов, который можно сравнить с нормативными данными для соответствующей половозрастной группы. Тест предназначен для лиц в возрасте от 16-17 лет до поздней взрослости, 55-70 лет и старше. Однако у лиц с плохими навыками чтения, ограниченным или специфическим образом жизни могут возникнуть трудности при прохождении теста.

Результаты теста могут быть качественно проанализированы для выявления заданий, которые испытуемый решил неправильно, что может послужить основой для выработки рекомендаций по развитию навыков критического мышления. Тест рассчитан на 30 минут, хотя высокоинтеллектуальные испытуемые часто справляются быстрее.

Очень высокие результаты теста свидетельствуют о том, что у человека развиты практически все операции критического мышления и он эффективен во всех видах работы, требующих принятия сложных и ответственных решений, с общим преимуществом в жизнедеятельности и адаптации к изменяющимся условиям [5,10]. Напротив, очень низкие результаты теста говорят о том, что человек справляется лишь с 10-20% задач, требующих критического мышления, у него слабо развиты логика, процессы индукции и дедукции, он подвержен манипуляциям и ложным идеям. Такие люди часто попадают в тоталитарные секты или становятся приверженцами правых и авторитарных идеологий, а также могут приобрести зависимость. Развитие навыков критического мышления с помощью литературы, образовательных программ и других доступных средств может значительно улучшить качество жизни таких людей за счет улучшения эмоционального состояния и оптимизации стратегий адаптации.

Для целей нашего исследования при первичном предъявлении теста правильные ответы не сообщались, а также всем испытуемым было сообщено, что они имеют типичные для своей группы результаты.

Испытуемые: в группу испытуемых входили студенты в возрасте 19-21 года в количестве 142 человека. Из них 48 юношей и 76 девушек.

Результаты и обсуждения

При анализе группа студентов (n=124 человека) была разделена по тесту Л. Старки на подгруппы с высоким и низким значениями критического мышления. Средние значения измеренных показателей в подгруппах представлены в табл. 1.

Исходя из данных табл. 1, получены значимые различия по шкалам Самоуправление познанием нового, Процедурные знания или процесс решения, Управление информацией. Значимость различий составила $p \leq 0,01$.

Также более высокие значения в группе испытуемых с высоким критическим мышлением были получены по шкалам Контроль решения и Уровень рефлексивности ($p \leq 0,01$).

Статистически более низкие значения в группе испытуемых с высоким критическим мышлением были получены по шкале Уровень коллективности ($p \leq 0,01$).

Таблица 1

Средние значения по шкалам методик «Опросник метакогнитивной включенности в деятельность» и оценки навыков критического мышления в группах с низким и высоким развитием критического мышления.

Table 1

Average values for the scales of the "Questionnaire of Metacognitive Engagement in Activities" and assessment of critical thinking skills in groups with low and high critical thinking development.

Шкала	Низкое критическое мышление	Высокое критическое мышление	Максимальный балл
Знания о саморегуляции деятельности и когнитивных ресурсах	44,5	56,8	100
Самоуправление познанием нового	22,1	39,4	50
Процедурные знания или процесс решения	9,4	19,1	25
Управление информацией	14,4	19,2	30
Анализ достижения результата	12,5	16,2	20
Контроль решения	6,4	9,1	15
Работа с важной информацией	4,4	5,1	10
Структурирование и схематизация	3,4	5,2	10
Уровень рефлексивности	6,4	12,2	18
Уровень самокритичности	1,1	3,2	4
Уровень коллективности	12,1	7,1	19

Примечание: полужирным шрифтом выделены различия, имеющие $p \leq 0,01$ по критерию U Манна-Уитни.

Note: Differences in bold indicate $p \leq 0.01$ according to the Mann-Whitney U test.

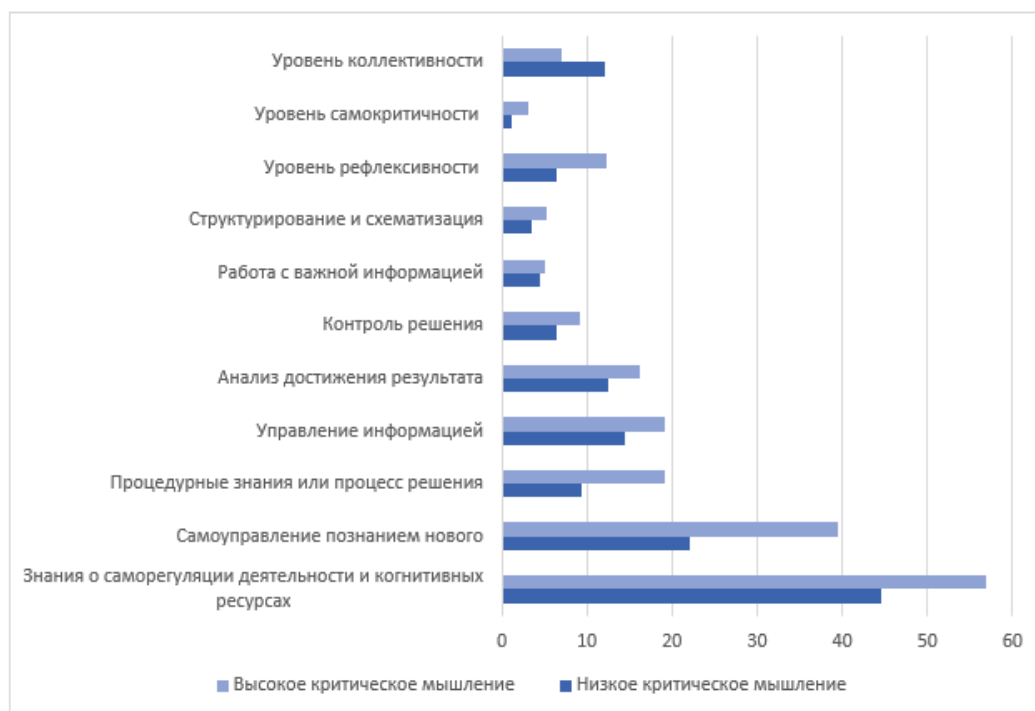


Рис. 2. Сравнительный анализ уровней критического мышления.

Fig. 2. Comparative analysis of levels of critical thinking.

Выводы

Таким образом, в результате сравнительного анализа было установлено, что студенты с более высоким уровнем развития критического мышления в большей степени способны учитывать новый опыт в собственном познании, контролировать его качество и интегрировать его; также они обладают лучшими процедурными знаниями по решению когнитивных задач, лучше управляют имеющейся информацией (создание собственных примеров, понимание и уточнение гипотез о решении про-

блемы). Этот факт свидетельствует о том, что такие студенты стремятся к глубокой и всесторонней работе с информацией. Об этом же свидетельствуют высокие показатели по шкале рефлексивности. Интересными представляются результаты по шкале коллективности, по которой студенты с более высоким уровнем критического мышления показывают более низкие результаты. Это, возможно, отражает тенденцию к самостоятельности в поиске и анализе информации.

Список источников

1. Бызова В.М., Перикова Е.И., Довягина А.Е. Метакогнитивная включенность в системе психической саморегуляции студентов // СПЖ. 2019. № 73. С. 126 – 140. DOI: 10.17223/17267080/73/8
2. Вихман А.А., Попов А.Ю. Факторы развития метапредметных компетенций и академической успеваемости учащихся // Начальная школа. 2016. № 10. С. 32 – 36.
3. Гилядов С.Р. и др. Формирование технического мышления у студентов среднего профессионального образования при преподавании общеобразовательных дисциплин // Управление образованием: теория и практика. 2021. № 2 (42). С. 208 – 219.
4. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов. М.: Ин-т психологии РАН. 2005. 352 с.
5. Ковалева И.В. Отчуждение и вовлеченность в контексте образовательного процесса: анализ понятий // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 7. С. 94 – 101.
6. Коваль Е.Г., Ясвин В.А. Средовые факторы формирования критического мышления у учащихся основной школы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25. № 1. С. 67 – 73.
7. Луценко Е.Л. Адаптация теста критического мышления Л. Старки // Вісник Харк. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. Серія: Психологія. 2014. № 1110. С. 65 – 70.

8. Пушкарёв Ю.В., Пушкарёва Е.А. Факторы, определяющие развитие когнитивных способностей в условиях цифровизации процессов образования: обзор текущих исследований //Science for Education Today. 2022. Т. 12. № 6. С. 111 – 136.

9. Ходаев А.С. Факторы, влияющие на формирование личностной готовности подростков к сопротивлению отрицательным влияниям интернет-социализации //Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 1. С. 36 – 45.

10. Цветкова И.В. Влияют ли образовательные парадигмы на мотивацию студентов к изучению истории? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 5. С. 149 – 166.

References

1. Byzova V.M., Perikova E.I., Dovyagina A.E. Metacognitive involvement in the system of students' mental self-regulation. SPZh. 2019. No. 73. P. 126 – 140. DOI: 10.17223/17267080/73/8

2. Vikhman A.A., Popov A.Yu. Factors in the development of meta-subject competencies and academic performance of students. Primary School. 2016. No. 10. P. 32 – 36.

3. Gilyadov S.R. et al. Formation of technical thinking in students of secondary vocational education when teaching general education disciplines. Education Management: Theory and Practice. 2021. No. 2 (42). P. 208 – 219.

4. Karpov A.V., Skitiaeva I.M. Psychology of metacognitive processes. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. 2005. 352 p.

5. Kovaleva I.V. Alienation and involvement in the context of the educational process: analysis of concepts. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2025. No. 7. P. 94 – 101.

6. Koval E.G., Yasvin V.A. Environmental factors in the formation of critical thinking in secondary school students. Bulletin of the Saratov University. New series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2025. Vol. 25. No. 1. P. 67 – 73.

7. Lutsenko E.L. Adaptation of L. Starki's critical thinking test. Kharkiv Bulletin. Nat. Univ. imeni V.N. Karazin. Series: Psychology. 2014. No. 1110. P. 65 – 70.

8. Pushkarev Yu.V., Pushkareva E.A. Factors Determining the Development of Cognitive Abilities in the Context of Digitalization of Educational Processes: A Review of Current Research. Science for Education Today. 2022. Vol. 12. No. 6. P. 111 – 136.

9. Khodaev A.S. Factors Influencing the Formation of Adolescents' Personal Readiness to Resist the Negative Influences of Internet Socialization. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2024. Vol. 29. No. 1. P. 36 – 45.

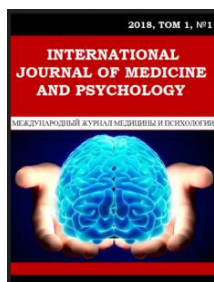
10. Tsvetkova I.V. Do educational paradigms influence students' motivation to study history? Higher education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 5. P. 149 – 166.

Информация об авторах

Коваль Н.А., доктор психологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33, kafspsy@mail.ru

Титова Н.К., старший преподаватель, Юридический институт, Российский университет транспорта, г. Москва, Образцова, д. 9, стр. 10, nk_titova88@mail.ru

© Коваль Н.А., Титова Н.К., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 316.6

¹ *Хасан Фалах Хасан Али,*
¹ *Университет Васита, Ирак*

Влияние общества на психологическое состояние онкологических больных в молодом возрасте

Аннотация: данная статья посвящена изучению влияния общественного окружения на психологическое состояние молодых людей, страдающих онкологическими заболеваниями. В условиях возрастающего внимания к психоэмоциональному компоненту лечения рака особое значение приобретает социальная поддержка, а также восприятие больного обществом.

Исследование показывает, что уровень социальной поддержки, восприятие обществом диагноза и наличие стигматизации оказывают значительное влияние на эмоциональное благополучие пациентов.

В статье приводятся результаты опроса и психологической диагностики, проведенные среди пациентов в возрасте от 18 до 35 лет. На основе полученных данных делаются выводы о необходимости широкомасштабных программ по повышению осведомленности общества и развитию психосоциальной помощи молодым онкологическим больным.

Ключевые слова: онкология, психология, молодые пациенты, общество, социальная поддержка, психоэмоциональное состояние

Для цитирования: Хасан Фалах Хасан Али Влияние общества на психологическое состояние онкологических больных в молодом возрасте // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 412 – 416.

Поступила в редакцию: 4 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ *Hasan Falah Hasan Ali,*
¹ *Wasit University, Iraq*

The influence of society on the psychological state of cancer patients at a young age

Abstract: this article is devoted to the study of the influence of the social environment on the psychological state of young people suffering from cancer. In the context of increasing attention to the psycho-emotional component of cancer treatment, social support, as well as the perception of the patient by society, is of particular importance.

The study shows that the level of social support, public perception of the diagnosis and the presence of stigmatization have a significant impact on the emotional well-being of patients.

The article presents the results of a survey and psychological diagnosis conducted among patients aged 18 to 35 years. Based on the data obtained, conclusions are drawn about the need for large-scale programs to raise public awareness and develop psychosocial care for young cancer patients.

Keywords: oncology, psychology, young patients, society, social support, psycho-emotional state

For citation: Hasan Falah Hasan Ali The influence of society on the psychological state of cancer patients at a young age. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 412 – 416.

The article was submitted: July 4, 2025; Approved after reviewing: September 7, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Онкологические заболевания остаются одной из наиболее актуальных проблем современной медицины и общественного здравоохранения. По данным Всемирной организации здравоохранения, в последние десятилетия отмечается устойчивый рост числа онкологических диагнозов среди лиц молодого возраста, что ставит перед исследователями и практиками новые задачи – не только в аспекте медицинского лечения, но и в обеспечении комплексной психосоциальной поддержки [4]. Молодые онкологические пациенты сталкиваются с уникальными вызовами, связанными как с самим диагнозом, так и с изменением их социальной роли, перспектив и жизненных планов. В этом контексте особое значение приобретает влияние общества на переживания, самооценку и эмоциональное состояние таких больных [2].

Психологическая адаптация к диагнозу «рак» в молодом возрасте имеет ряд специфических черт. На этом жизненном этапе человек, как правило, сосредоточен на построении карьеры, создании семьи, профессиональной и личной самореализации. Онкологическое заболевание становится не только физическим, но и биографическим переломом, вызывающим переосмысление собственной идентичности, ценностей и жизненных ориентиров. Прогнозы, процедуры, побочные эффекты и необходимость длительного лечения усиливают стресс и тревожность, а восприятие болезни в социальном контексте может либо смягчить это состояние, либо, напротив, усугубить его [6].

Современные исследования в области психонкологии всё чаще подчёркивают роль окружающего социума – семьи, друзей, коллег, медицинского персонала и общества в целом – как фактора, влияющего на психологическое состояние онкологических больных. Особенно чувствительна к таким воздействиям именно молодая аудитория пациентов, для которой признание, поддержка и принадлежность к социальной группе играют ключевую роль в формировании чувства безопасности и устойчивости [1]. С другой стороны, стигматизация, страх, непонимание и даже молчаливая изоляция со стороны окружающих могут оказывать разрушительное влияние на психоземotionalное здоровье человека, и без того находящегося в уязвимом положении [3].

Несмотря на важность данного аспекта, влияние социальных факторов на психологическое состояние молодых онкологических больных по-прежнему остаётся недостаточно исследованным, особенно в условиях постсоветского пространства, где сохраняется высокий уровень медицинской стигмы и недостаточная информированность общества о возможностях адаптации к онкологическим диагнозам [9]. Большинство доступных исследований фокусируется либо на общей популяции онкопациентов, либо на медицинских аспектах терапии, оставляя психосоциальный компонент без должного внимания. Тем временем практика показывает, что именно поддержка и понимание со стороны окружающих способны значительно улучшить качество жизни и даже повлиять на исход лечения.

Материалы и методы исследований

В исследовании участвовали пациенты онкологических клиник в возрасте от 18 до 35 лет. Всего было опрошено 120 человек с различными онкологическими диагнозами на разных стадиях лечения.

Для получения информации о психоземotionalном состоянии использовались опросники по шкале тревожности и депрессии HADS, а также индивидуальные интервью, в которых оценивались уровень социальной поддержки, характер взаимодействия с окружением и восприятие обществом диагноза.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета программ SPSS. Были рассчитаны средние значения, стандартные отклонения, коэффициенты корреляции и проведён дисперсионный анализ.

Результаты и обсуждения

Результаты проведённого эмпирического исследования продемонстрировали глубокое и многоуровневое влияние общества на психологическое состояние молодых онкологических больных.

В возрастной категории от 18 до 35 лет наблюдается особая чувствительность к социальной оценке, одобрению или, напротив, к проявлениям отчуждения и стигматизации. Это объясняется с одной стороны незавершённостью процессов формирования социальной идентичности, а с другой – активным жизненным этапом, включающим обучение, трудовую реализацию, построение семейных и личных отношений. Диагноз «рак» в

этом возрасте часто становится не только медицинским, но и социокультурным кризисом.

Исследование включало количественные и качественные методы анализа. Количественные данные, собранные с помощью шкал HADS (тревож-

ность и депрессия), а также опросников уровня социальной поддержки, позволили выявить устойчивые статистические зависимости между восприятием социальной поддержки и выраженностью эмоциональных нарушений.

Таблица 1

Средние значения уровня тревожности и депрессии в зависимости от уровня социальной поддержки.

Table 1

Average levels of anxiety and depression depending on the level of social support.

Уровень социальной поддержки	Средний уровень тревожности	Средний уровень депрессии
Низкий	11.4	10.8
Средний	8.7	7.9
Высокий	5.6	4.8

Так, как уже представлено в табл. 1, у пациентов с низким уровнем поддержки тревожность превышала клинический порог (11.4), а уровень депрессии находился в зоне выраженных нарушений (10.8). У лиц с высокой поддержкой оба показателя находились в пределах нормы (тревожность – 5.6, депрессия – 4.8). Эти данные подтверждают клиническое наблюдение о буферной роли социальной среды в период онкологического лечения.

На качественном уровне, данные индивидуальных интервью выявили несколько значимых тем, отражающих восприятие и интерпретацию пациентами реакции общества на их диагноз. Участники отмечали, что наиболее значимым источником поддержки для них являются неформальные связи – семья, близкие друзья, партнёры. В случаях, когда такие связи были стабильными и поддерживающими, пациенты демонстрировали высокую степень психологической устойчивости, несмотря на тяжесть лечения, побочные эффекты химиотерапии и хирургических вмешательств [8].

Противоположная картина наблюдалась у пациентов, сталкивающихся с социальной изоляцией, стигматизацией и непониманием. Ощущение,

что диагноз «рак» приводит к изменению отношения со стороны окружающих – будь то дистанцирование, сочувственно-снисходительное поведение или даже страх – оказывало мощное негативное влияние на самооценку и субъективное качество жизни. Многие участники подчёркивали, что даже при физической возможности работать, учиться или участвовать в социальной жизни, реакция общества становилась барьером, способствующим социальной отстранённости и вторичной инвалидизации.

Интересным аспектом, выявленным в интервью, стало различие в восприятии диагноза в зависимости от пола. Женщины чаще говорили о потере внешней привлекательности и страхе утраты репродуктивной функции, что оказывало дополнительное давление, особенно при отсутствии партнёрской поддержки. Мужчины, в свою очередь, чаще испытывали трудности, связанные с нарушением социальной роли «добытчика», снижением работоспособности и уязвимостью, противоречащей культурным установкам мужественности [10].

Таблица 2

Корреляции между общественным отношением и показателями эмоционального состояния.

Table 2

Correlations between social attitudes and emotional state indicators.

Показатель	Корреляция с тревожностью	Корреляция с депрессией
Ощущение стигматизации	0.64	0.59
Поддержка со стороны друзей	-0.52	-0.48
Поддержка со стороны семьи	-0.61	-0.58

Корреляционный анализ, приведённый в таблице 2, подтвердил значимость социальной среды: ощущение стигматизации положительно коррелировало с тревожностью ($r=0.64$) и депрессией ($r=0.59$). Это означает, что чем больше пациент ощущал отчуждение и негативную оценку со сто-

роны общества, тем выше были показатели его эмоционального дистресса. Напротив, поддержка друзей и семьи коррелировала отрицательно — снижение эмоциональных нарушений напрямую связано с близостью и эмпатией со стороны значимых других.

Особое внимание заслуживает анализ восприятия поддержки от медицинского персонала. Хотя этот аспект не включён в основные корреляционные таблицы, более 60% участников интервью указали, что уважительное, включённое и человеческое отношение со стороны врачей и медсестёр оказывает стабилизирующее влияние на их эмоциональное состояние. При этом пациенты подчёркивали, что не только профессионализм, но и элементарное человеческое участие снижает ощущение безысходности и одиночества.

Социальные сети и цифровые сообщества, как форма виртуальной поддержки, играли неоднозначную роль [5]. С одной стороны, группы пациентов в интернете часто становились источником

информации и понимания. С другой — чрезмерное вовлечение в подобные сообщества иногда приводило к усилению тревожности, особенно если в них преобладал фокус на негативных исходах болезни или обсуждались случаи смерти. Таким образом, важно понимать, что не любая форма «поддержки» одинакова по своему психологическому эффекту: она должна быть структурированной, сбалансированной и в идеале модераторской [7].

На рис. 1 представлена графическая интерпретация взаимосвязи между уровнем социальной поддержки и выраженностью тревожных и депрессивных симптомов.

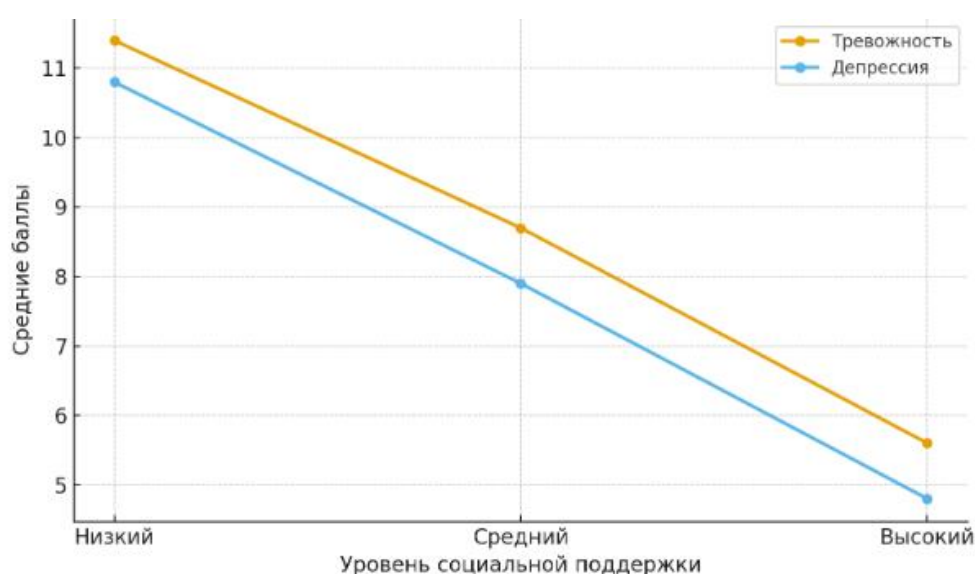


Рис. 1. Зависимость тревожности и депрессии от уровня социальной поддержки.
Fig. 1. Dependence of anxiety and depression on the level of social support.

График демонстрирует стабильную нисходящую тенденцию — чем выше уровень поддержки, тем ниже эмоциональные нарушения. Причём кривые тревожности и депрессии имеют параллельный ход, что указывает на схожие механизмы формирования этих состояний под влиянием социальной среды.

Следует отметить, что значительная часть пациентов выразила потребность в профессиональной психологической помощи, но при этом менее 30% реально обращались за ней. Причины включали как стигматизацию психотерапии («мне не настолько плохо, чтобы идти к психологу»), так и недостаточную доступность таких услуг в онкологических учреждениях. Это подчёркивает необходимость внедрения психоонкологических интервенций в рамках стандартного онкологического лечения.

Выводы

В целом, результаты исследования указывают на системную взаимосвязь между уровнем социальной поддержки, характером общественного восприятия и психоэмоциональным благополучием молодых онкологических пациентов. Общество, как макросоциальный и микросоциальный фактор, играет не менее важную роль, чем биологические и терапевтические переменные.

Таким образом, можно утверждать, что проблема не сводится лишь к индивидуальной адаптации к болезни. Она является отражением общественного отношения к уязвимости, болезни и молодости. В условиях, когда человек сталкивается с разрушением жизненных планов и неопределённостью будущего, социальная поддержка становится не только психологическим ресурсом, но и экзистенциальным якорем, позволяющим сохранять чувство целостности и достоинства.

Список источников

1. Акимжанов К.Д., Адильгожина С.М. Стратегии мониторинга отдаленных последствий онкологических заболеваний, перенесенных в детском возрасте, и организация ухода за пациентами // Science. 2023. Т. 25. С. 1.
2. Гамеева Е.В. и др. Комплексная реабилитация онкологических пациентов // Современная онкология. 2022. Т. 24. № 1. С. 90 – 96.
3. Кара О.Н. Стратегии управления отчаянием у онкологических больных // The 7 th International scientific and practical conference “Modern science: innovations and prospects”(April 3-5, 2022) SSPG Publish, Stockholm, Sweden. 2022. P. 179.
4. Никифоров Г. Психология здоровья. История становления. Litres, 2024. 281 с.
5. Пискунов В. и др. Здоровый образ жизни. Litres, 2022. 364 с.
6. Сидоров Д.Г., Овчинников С.А. Социальные аспекты формирования здорового образа жизни студенческой молодежи: учеб.-метод. пособие / под ред С.А. Овчинникова. Н. Новгород: ННГАСУ, 2023. 419 с.
7. Складорова Н.В., Марихин С.В. Психологическая устойчивость как основной фактор воздействия на этапе принятия диагноза онкологическим больным // Актуальные вопросы психологии развития и формирования личности: методология, теория и практика: материалы V Всерос. конф., 2022. С. 57.
8. Скугарев А.Л., Семенов А.В., Хитров Н.В. Систематический обзор современных тенденций оценки качества жизни у пациентов со злокачественными новообразованиями (обзор литературы и клинических рекомендаций) // Клинический разбор в общей медицине. 2023. Т. 4. № 5. С. 45 – 57.
9. Солопова А.Г. и др. Эпигенетические аспекты реабилитации онкогинекологических больных // Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. 2022. Т. 15. № 2. С. 294 – 303.
10. Ткаченко Г.А. и др. Психологическая помощь больным раком щитовидной железы // Опухоли головы и шеи. 2023. Т. 13. № 1. С. 59 – 64.

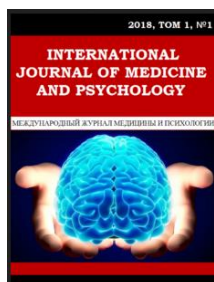
References

1. Akimzhanov K.D., Adilgozhina S.M. Strategies for monitoring the late consequences of oncological diseases suffered in childhood and organization of patient care. Science. 2023. Vol. 25. P. 1.
2. Gameeva E.V. et al. Comprehensive rehabilitation of cancer patients. Modern oncology. 2022. Vol. 24. No. 1. P. 90 – 96.
3. Kara O.N. Strategies for managing despair in cancer patients. The 7th International scientific and practical conference “Modern science: innovations and prospects” (April 3-5, 2022) SSPG Publish, Stockholm, Sweden. 2022. P. 179.
4. Nikiforov G. Health Psychology. History of formation. Litres, 2024. 281 p.
5. Piskunov V. et al. Healthy Lifestyle. Litres, 2022. 364 p.
6. Sidorov D.G., Ovchinnikov S.A. Social Aspects of Forming a Healthy Lifestyle among Student Youth: A Textbook-Methodological Manual. edited by S.A. Ovchinnikov. N. Novgorod: NNGASU, 2023. 419 p.
7. Sklyarova N.V., Marikhin S.V. Psychological Resilience as the Main Influencing Factor at the Stage of Accepting a Diagnosis by Cancer Patients. Current Issues in Developmental Psychology and Personality Formation: Methodology, Theory, and Practice: Proc. of the V All-Russian Conf., 2022. P. 57.
8. Skugarev A.L., Semenov A.V., Khitrov N.V. A systematic review of current trends in assessing quality of life in patients with malignant neoplasms (literature review and clinical guidelines). Clinical analysis in general medicine. 2023. Vol. 4. No. 5. P. 45 – 57.
9. Solopova A.G. et al. Epigenetic aspects of rehabilitation of gynecologic oncology patients. Pharmacoeconomics. Modern pharmacoeconomics and pharmacoepidemiology. 2022. Vol. 15. No. 2. P. 294 – 303.
10. Tkachenko G.A. et al. Psychological assistance to patients with thyroid cancer. Tumors of the head and neck. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 59 – 64.

Информация об авторе

Хасан Фалах Хасан Али, кандидат психологических наук, Университет Васита, Ирак

© Хасан Фалах Хасан Али, 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.937

¹ Шевцова А.В.,

¹ Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского

Психологические стратегии управления вниманием молодежи при массовых коммуникациях в социальных медиа

Аннотация: в статье рассматриваются психологические стратегии управления вниманием молодежи в контексте массовых коммуникаций в социальных медиа. В работе анализируется роль визуального контента, нарративных стратегий, персонализации и интерактивности в формировании интереса и вовлеченности молодежи. Исследование основано на анализе данных социологических опросов, контент-анализе социальных медиа и результатах исследований. Результаты показывают, что эффективное управление вниманием требует комплексного подхода, сочетающего эстетически привлекательный визуальный контент, эмоционально вовлекающие нарративы, персонализированные сообщения и интерактивные элементы. Полученные выводы имеют практическую значимость для разработки коммуникационных стратегий в маркетинге, рекламе, образовании и социальной работе, направленных на повышение эффективности взаимодействия с молодежной аудиторией в социальных медиа.

Ключевые слова: социальные медиа, молодежь, внимание, психологические стратегии, визуальный контент, нарратив, эмоциональная вовлеченность, персонализация, интерактивность, массовые коммуникации

Для цитирования: Шевцова А.В. Психологические стратегии управления вниманием молодежи при массовых коммуникациях в социальных медиа // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 417 – 422.

Поступила в редакцию: 5 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Shevtsova A.V.,

¹ University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky

Psychological strategies for managing youth attention in mass communications in social media

Abstract: the article examines psychological strategies for managing the attention of young people in the context of mass communication in social media. It analyzes the role of visual content, narrative strategies, personalization, and interactivity in generating interest and engagement among young people. The study is based on the analysis of sociological survey data, content analysis of social media, and research findings. The results show that effective attention management requires a comprehensive approach that combines visually appealing content, emotionally engaging narratives, personalized messages, and interactive elements. The findings have practical significance for developing communication strategies in marketing, advertising, education, and social work aimed at improving the effectiveness of interaction with young audiences in social media.

Keywords: social media, young people, attention, psychological strategies, visual content, narrative, emotional engagement, personalization, interactivity, mass communication

For citation: Shevtsova A.V. Psychological strategies for managing youth attention in mass communications in social media. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 417 – 422.

The article was submitted: July 5, 2025; Approved after reviewing: September 8, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Когда социальные медиа стали неотъемлемой частью повседневной жизни молодежи, вопросы эффективного управления вниманием становятся особенно актуальными. Массовые коммуникации в социальных медиа оказывают колоссальное влияние на формирование ценностей, убеждений и поведенческих паттернов молодого поколения. Однако, перенасыщение информацией, клиповое мышление и высокая степень отвлекаемости создают серьезные вызовы для коммуникаторов, стремящихся донести свои сообщения до целевой аудитории. В связи с этим, исследование психологических стратегий, способных привлечь и удержать внимание молодежи в социальных медиа, приобретает первостепенное значение для развития эффективных коммуникационных кампаний, образовательных программ и профилактических мероприятий.

Целью данного исследования является выявление и анализ психологических стратегий, применяемых в массовых коммуникациях в социальных медиа, которые оказывают наибольшее влияние на привлечение и удержание внимания молодежной аудитории. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ роли визуального контента в привлечении внимания молодежи, исследование нарративных стратегий и их влияния на эмоциональную вовлеченность, оценка эффективности персонализации и интерактивности как инструментов удержания внимания.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе психологических стратегий управления вниманием молодежи в социальных медиа с учетом современных тенденций развития цифровой среды. В отличие от существующих работ, фокусирующихся на отдельных аспектах влияния социальных медиа, данное исследование предлагает целостный подход к изучению механизмов вовлечения молодежной аудитории посредством различных коммуникационных стратегий.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования были использованы данные социологических опросов молодежи, анализ контента популярных социальных медиа платформ (например, Instagram, TikTok, YouTube), а также результаты нейромаркетинговых исследований, направленных на выявление

реакций аудитории на различные типы контента. Методологическую основу исследования составили контент-анализ, сравнительный анализ, методы статистической обработки данных, а также элементы когнитивной психологии и психологии массовых коммуникаций.

Результаты и обсуждения

1. Визуальный контент: роль и влияние на привлечение внимания молодежи

В эпоху цифровой трансформации, когда социальные медиа стали доминирующей платформой для коммуникации и обмена информацией, визуальный контент приобрел исключительное значение в контексте взаимодействия с молодежной аудиторией. Молодое поколение, выросшее в условиях мгновенного доступа к глобальной сети, характеризуется высоким уровнем визуальной грамотности и повышенными требованиями к качеству и привлекательности контента. Визуальный контент, включающий в себя изображения, видеоролики, анимацию, инфографику и мемы, стал не просто средством передачи информации, а мощным инструментом влияния на восприятие, формирование мнений и поведенческие модели молодежи.

Роль визуального контента в привлечении внимания молодежной аудитории обусловлена несколькими ключевыми факторами [3, с. 37]. Во-первых, визуальная информация обрабатывается мозгом значительно быстрее, чем текстовая, что является критически важным в условиях информационной перегрузки и клипового мышления. Молодые люди, привыкшие к быстрому потреблению контента, отдают предпочтение визуальным форматам, которые позволяют мгновенно схватить суть сообщения и сформировать первое впечатление.

Во-вторых, визуальный контент обладает большей эмоциональной выразительностью и способностью вызывать сильные эмоциональные реакции. Изображения и видеоролики способны передавать сложные эмоции, создавать атмосферу и рассказывать истории, что позволяет устанавливать более глубокую связь с аудиторией и формировать устойчивые ассоциации. Особенно эффективным является использование визуального контента для трансляции ценностей, идей и образов, которые резонируют с молодежными субкультурами и социальными трендами.

В-третьих, визуальный контент обладает высокой степенью виральности, то есть способностью быстро распространяться и становиться объектом обсуждения в социальных сетях. Удачное изображение или видеоролик может мгновенно стать вирусным, привлекая внимание миллионов пользователей и формируя мощный эффект сарафанного радио. Этот эффект особенно важен для продвижения брендов, продуктов и социальных инициатив, направленных на молодежную аудиторию.

Однако, эффективность визуального контента в привлечении внимания молодежи зависит от ряда факторов, определяющих его качество и соответствие потребностям аудитории. Важным является эстетическая привлекательность визуального контента, включающая в себя использование актуальных трендов в дизайне, грамотную композицию, качественную графику и профессиональную обработку изображений. Молодые люди, воспитанные на эстетике социальных сетей, предъявляют высокие требования к визуальной составляющей контента и быстро теряют интерес к некачественным и устаревшим решениям.

Кроме того, визуальный контент должен соответствовать контексту и целям коммуникации. Изображение или видеоролик должны быть релевантны содержанию сообщения, поддерживать его основную идею и вызывать соответствующие эмоции. Несоответствие визуального контента содержанию может привести к путанице, снижению доверия и отторжению со стороны аудитории.

Важным фактором является также учет психологических особенностей восприятия визуальной информации молодежью. Молодое поколение характеризуется высокой степенью критического мышления и склонностью к проверке информации. Визуальный контент, содержащий манипуляции, ложные сведения или провокационную информацию, может вызвать негативную реакцию и привести к потере доверия к источнику информации.

В заключение, визуальный контент играет первоочередную роль в привлечении внимания молодежной аудитории в социальных медиа. Однако, для достижения максимальной эффективности необходимо учитывать эстетические требования, контекст коммуникации и психологические особенности восприятия визуальной информации молодежью. Использование качественного, релевантного и эмоционально выразительного визуального контента является необходимым условием успешного взаимодействия с молодежной аудиторией и достижения поставленных коммуникационных целей.

2. Нарративные стратегии и эмоциональная вовлеченность в социальных медиа

В современном ландшафте социальных медиа, характеризующемся информационной перегрузкой и высокой конкуренцией за внимание, нарративные стратегии становятся ключевым инструментом для установления прочной связи с аудиторией и формирования глубокой эмоциональной вовлеченности. Нарратив, в своей сути являющийся рассказыванием истории, обладает уникальной способностью преодолевать барьеры скептицизма и равнодушия, которые часто возникают при столкновении с прямой рекламой или информационными сообщениями. В социальных медиа, где личный опыт и аутентичность ценятся особенно высоко, умелое использование нарративных стратегий позволяет создавать эффект сопричастности, вызывать эмпатию и стимулировать активное взаимодействие.

Эмоциональная вовлеченность, возникающая в результате эффективного использования нарративных стратегий, является мощным двигателем поведения аудитории [8, с. 370]. Когда люди эмоционально связаны с историей, они становятся более восприимчивыми к сообщениям, которые в ней заложены, и более склонны к действиям, которые из нее вытекают. Это может проявляться в поддержке определенных ценностей, покупке товаров или услуг, распространении информации или участии в социальных инициативах.

Для того чтобы рассказ казался личным, важно затрагивать темы, близкие каждому: любовь, дружба, потери и победы. Когда слушатели видят себя в истории, возникает чувство единства с рассказчиком и другими зрителями, что делает повествование более захватывающим.

Персонажи играют существенную роль в восприятии истории. Важно создавать ярких и интересных героев, вызывающих эмоции. Сопереживая персонажу, зрители глубже погружаются в историю и лучше понимают её смысл.

Важно создать интересный сюжет. Он должен быть живым, с неожиданными поворотами, конфликтами и их решениями. Сюжет должен удерживать внимание зрителей и вызывать у них эмоции. Хороший сюжет - это не просто перечисление событий, а хорошо продуманная структура, которая ведет зрителя через переживания и к определенному итогу.

В социальных сетях важна правдивость истории. Люди все меньше доверяют рекламе и маркетингу, и предпочитают истории, которые кажутся настоящими. Чтобы история работала, она должна быть основана на реальных событиях или на опы-

те автора. Неправдивые истории быстро раскрываются и вызывают негатив.

В социальных сетях разные платформы подходят для разных способов подачи историй. В Instagram Stories лучше работают короткие, яркие рассказы о буднях бренда или человека [9, с. 119]. TikTok подойдет для забавных, вирусных роликов, особенно среди молодежи. На YouTube можно публиковать длинные фильмы, глубоко раскрывающие тему и вызывающие эмоции.

Таким образом, истории помогают наладить контакт с аудиторией и вызвать отклик в соцсетях [7, с. 5]. Компании, бренды и отдельные люди могут рассказывать о себе, делиться взглядами и привлекать сторонников. Но чтобы история зацепила, она должна быть правдивой, интересной и эмоциональной. Правильно рассказанная история не просто привлекает внимание, а создает прочную эмоциональную связь.

3. Персонализация и интерактивность как инструменты удержания внимания молодежной аудитории

В условиях динамичной цифровой среды, где внимание является дефицитным ресурсом, персонализация и интерактивность выступают ключевыми инструментами для эффективного удержания внимания молодежной аудитории. Современная молодежь выросла в эпоху, когда технологии позволяют кастомизировать практически любой аспект жизни, от выбора музыки и фильмов до настройки интерфейса мобильных устройств. Поэтому ожидания молодежной аудитории по отношению к контенту, который она потребляет, значительно возросли [4, с. 43]. Стандартизированные, обезличенные сообщения больше не способны вызывать интерес и вовлеченность; напротив, персонализированный и интерактивный контент, учитывающий индивидуальные предпочтения и предоставляющий возможность активного участия, становится необходимым условием для удержания внимания.

Персонализация в контексте социальных медиа подразумевает адаптацию контента под конкретного пользователя на основе собранных о нем данных. Эти данные могут включать в себя демографические характеристики, историю просмотров, интересы, поведенческие паттерны и данные о геолокации. Использование алгоритмов машинного обучения позволяет анализировать огромные массивы данных и выявлять скрытые закономерности, что позволяет создавать релевантный и привлекательный контент для каждого отдельного пользователя [10, с. 62].

Персонализация контента важна по нескольким причинам. Во-первых, она повышает релеван-

ность информации для пользователя. Вместо просмотра ненужного контента, пользователь получает доступ к потенциально полезной и интересной информации, что увеличивает вероятность его вовлечения.

Во-вторых, персонализированный контент создает ощущение индивидуального подхода, что повышает лояльность к бренду и улучшает его восприятие.

В-третьих, персонализация упрощает процесс принятия решений, предоставляя пользователю релевантную информацию о продуктах и услугах, что может стимулировать покупку [1, с. 230].

Однако, персонализация не должна быть навязчивой и чрезмерной. Слишком агрессивный сбор данных и использование персонализированной рекламы может вызвать негативную реакцию у пользователей, которые беспокоятся о своей конфиденциальности и боятся, что их личная информация используется без их согласия [5, с. 49]. Поэтому, важно соблюдать баланс между персонализацией и приватностью, предоставляя пользователям возможность контролировать, какие данные о них собираются и как они используются.

Интерактивность, как инструмент удержания внимания, предполагает предоставление пользователю возможности активного участия в создании и потреблении контента. Вместо того, чтобы быть пассивным наблюдателем, пользователь становится активным участником процесса, что значительно повышает его вовлеченность и интерес.

Существует множество различных форм интерактивного контента, включая опросы, викторины, конкурсы, игры, интерактивные видеоролики и возможность комментирования [6, с. 82]. Все эти форматы позволяют пользователю выразить свое мнение, поделиться своими мыслями и почувствовать, что его голос услышан.

Интерактивный контент не только удерживает внимание, но и способствует формированию сообщества. Когда пользователи взаимодействуют друг с другом, комментируют контент и обмениваются мнениями, они чувствуют принадлежность к группе и формируют прочные связи. Это особенно важно для молодежной аудитории, которая активно использует социальные медиа для общения и самовыражения.

Одним из наиболее эффективных способов использования интерактивности является со-творчество. Предоставляя пользователям возможность создавать свой собственный контент и делиться им с другими, компании могут значительно повысить вовлеченность и лояльность аудитории. Например, компании могут проводить конкурсы на лучший пользовательский контент, предлагать

пользователям создавать свои собственные версии рекламных роликов или проводить онлайн-голосования за лучшие идеи [2, с. 192].

Таким образом, персонализация и интерактивность являются мощными инструментами для удержания внимания молодежной аудитории в социальных медиа. Комбинируя эти две стратегии, компании могут создавать релевантный, привлекательный и вовлекающий контент, который будет интересен молодежной аудитории и способствовать формированию лояльности к бренду. Однако, важно помнить о необходимости соблюдения баланса между персонализацией и приватностью, а также предоставлять пользователям возможность контролировать, как используются их данные. Использование интерактивности необходимо интегрировать в общую стратегию коммуникации и создавать возможности для построения сообщества вокруг бренда или идеи.

Выводы

Проведенное исследование выявило ключевые психологические стратегии, оказывающие существенное влияние на управление вниманием молодежи при массовых коммуникациях в социальных медиа. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что эффективное привлечение и удержание внимания современной молодежной аудитории в цифровой среде требует комплексного подхода, учитывающего специфику восприятия информации, когнитивные особенности и эмоциональные потребности.

Анализ показал, что визуальный контент играет доминирующую роль в первичном привлечении внимания молодежи. Однако, простая яркость и динамичность изображения не являются гарантией устойчивого интереса. Наиболее эффективным оказывается визуальный контент, обладающий эстетической привлекательностью, новизной и соответствием ценностям аудитории. Важным фактором является также контекст, в котором представлен визуальный образ, и его соответствие образу нарративу коммуникации.

Исследование нарративных стратегий выявило прямую зависимость между эмоциональной вовлеченностью аудитории и эффективностью коммуникационного воздействия. Истории, вызыва-

ющие эмпатию, сопереживание и предлагающие узнаваемый опыт, оказываются наиболее действенными в привлечении и удержании внимания. Особенно важным является использование позитивных нарративов, способствующих формированию чувства оптимизма и надежды, что особенно ценно в контексте информационной перегрузки и негативного фона новостей.

Персонализация и интерактивность выступают ключевыми инструментами удержания внимания молодежной аудитории и формирования лояльности к бренду или идее. Молодые люди стремятся к взаимодействию, участию и возможности влиять на контент. Коммуникации, учитывающие индивидуальные предпочтения, интересы и потребности аудитории, показывают значительно большую эффективность по сравнению с обезличенным контентом. Интерактивные элементы, такие как опросы, викторины, конкурсы и возможности комментирования, стимулируют активное участие аудитории и способствуют формированию чувства причастности.

Результаты данного исследования имеют практическую значимость для специалистов в области маркетинга, рекламы, PR, образования и социальной работы. Полученные данные могут быть использованы для разработки более эффективных коммуникационных стратегий, программ продвижения, образовательных материалов и профилактических мероприятий, ориентированных на молодежную аудиторию в социальных медиа.

Представленная работа открывает перспективы для дальнейших исследований в данной области. В частности, представляется перспективным изучение влияния алгоритмов социальных медиа на восприятие контента молодежью, анализ эффективности различных форматов интерактивного взаимодействия, а также разработка моделей прогнозирования эффективности коммуникационных стратегий с учетом психологических особенностей аудитории. Кроме того, необходимо дальнейшее изучение этических аспектов управления вниманием молодежи в социальных медиа, с целью предотвращения манипулятивных практик и защиты психического здоровья молодых людей в цифровой среде.

Список источников

1. Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Ситковский А.М. Образовательные межрегиональные миграции в России в 2017-2019 гг.: гендерные и пространственные аспекты // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 226 – 239.
2. Бесбогова М.С. Социальные сети как фактор формирования социальных установок современной молодежью. СПб.: Литера, 2016. 216 с.
3. Горбачева Н.Б. Сущность и содержание коммуникации как социокультурного явления // Концепт. 2014. № 7. С. 36 – 40.

4. Гордеев С.С., Зырянов С.Г., Ситковский А.М. Оценки качества жизни и социальных приоритетов развития территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 38 – 47.
5. Колечкин И.С., Середа Е.В. Персональная технологическая карта обучающихся // География в школе. 2013. № 9. С. 48 – 51.
6. Купцова С.А. Дисциплины здоровьесберегающей направленности как средство формирования культуры здорового образа жизни студентов в педагогическом университете // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 78 – 82.
7. Купцова С.А. Курс психологии как средство формирования экологической культуры студентов разных специальностей в образовательной среде вуза // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. № 40. С. 4 – 6.
8. Мехришвили Л.Л., Гаврилюк В.В., Гаврилюк Т.В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 369 – 394.
9. Осипова Л.Б., Энвери Л.А. Жизненные стратегии молодежи: опыт социологического исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4 (46). С. 108 – 129.
10. Сергеева З.Н. Социальные медиа как новая институциональная структура осуществления коммуникаций молодежи // Society and Security Insights. 2023. С. 57 – 63.

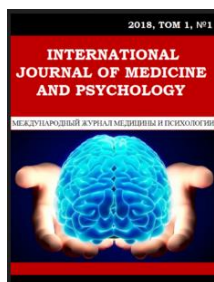
References

1. Bezverbny V.A., Mikryukov N.Yu., Sitkovsky A.M. Educational interregional migration in Russia in 2017-2019: gender and spatial aspects. New studies of Tuva. 2024. No. 3. P. 226 – 239.
2. Besbogova M.S. Social networks as a factor in the formation of social attitudes of modern youth. St. Petersburg: Litera, 2016. 216 p.
3. Gorbacheva N.B. The essence and content of communication as a socio-cultural phenomenon. Concept. 2014. No. 7. P. 36 – 40.
4. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Sitkovsky A.M. Assessment of the quality of life and social priorities for the development of territories. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2019. No. 11 (433). P. 38 – 47.
5. Kolehkin I.S., Sereda E.V. Personal technological map of students. Geography at school. 2013. No. 9. P. 48–51.
6. Kuptsova S.A. Health-preserving disciplines as a means of forming a healthy lifestyle culture of students at a pedagogical university. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2021. No. 1. P. 78 – 82.
7. Kuptsova S.A. Psychology course as a means of forming an environmental culture of students of different specialties in the educational environment of the university. Bulletin of Novgorod State University. 2007. No. 40. P. 4 – 6.
8. Mekhrishvili L.L., Gavrilyuk V.V., Gavrilyuk T.V. The Influence of the Image of the Future on Life Success and Strategies for Achieving It of Modern Russian Youth. Russia under Reform. 2017. No. 15. P. 369 – 394.
9. Osipova L.B., Enveri L.A. Life Strategies of Young People: A Sociological Study. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2016. No. 4 (46). P. 108 – 129.
10. Sergeeva Z.N. Social Media as a New Institutional Structure for Youth Communications. Society and Security Insights. 2023. P. 57 – 63.

Информация об авторе

Шевцова А.В., аспирант, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, anamoskovskaya@gmail.com

© Шевцова А.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.922.7

¹ Лукашенко Д.В.,

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Влияние гибридных форм организации труда на эргономику рабочего места и психологическое благополучие работников

Аннотация: целью настоящего исследования является анализ влияния гибридных форм организации труда (сочетание удаленной и офисной работы) на эргономику рабочего места и психологическое благополучие работников в условиях постпандемийной экономики. Задачи исследования включают: 1) изучение теоретических основ психологии труда и эргономики в контексте гибридных моделей; 2) эмпирическое исследование уровня эргономической адаптации и психологического благополучия у 500 сотрудников различных отраслей; 3) выявление корреляций между факторами эргономики (освещение, мебель, цифровые интерфейсы) и показателями благополучия (стресс, удовлетворенность работой, баланс работы и жизни); 4) разработку рекомендаций по оптимизации гибридных пространств. Методология сочетает количественные (опросы по шкалам PSS-10 для стресса и NASA-TLX для когнитивной нагрузки) и качественные (глубинные интервью) подходы. Результаты показывают, что 68% респондентов отмечают снижение эргономических рисков в гибридном формате, но 42% испытывают повышенный стресс из-за размытых границ работы и отдыха. Корреляционный анализ выявил отрицательную связь ($r = -0,45$) между качеством домашнего рабочего места и уровнем тревоги. Практическое применение: рекомендации для HR-специалистов по внедрению эргономических стандартов в гибридных моделях, включая субсидии на оборудование и программы тренингов по балансу. Исследование способствует повышению продуктивности и снижению текучести кадров в организациях, адаптирующихся к новым реалиям труда.

Ключевые слова: гибридная работа, эргономика, психологическое благополучие, психология труда, удаленная работа, баланс работы и жизни

Для цитирования: Лукашенко Д.В. Влияние гибридных форм организации труда на эргономику рабочего места и психологическое благополучие работников // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 423 – 428.

Поступила в редакцию: 6 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Lukashenko D.V.,

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The influence of hybrid forms of work organization on workplace ergonomics and the psychological well-being of employees

Abstract: the purpose of this study is to analyze the impact of hybrid work organization forms (combining remote and office work) on workplace ergonomics and workers' psychological well-being in the post-pandemic economy. The research tasks include: 1) studying the theoretical foundations of labor psychology and ergonomics in the context of hybrid models; 2) empirical examination of the level of ergonomic adaptation and psychological well-being among 500 employees from various industries; 3) identifying correlations between ergonomics factors (lighting, furniture, digital interfaces) and well-being indicators (stress, job satisfaction, work-life balance); 4) developing recommendations for optimizing hybrid spaces. The methodology combines quantitative (surveys using

PSS-10 scale for stress and NASA-TLX for cognitive load) and qualitative (in-depth interviews) approaches. The results show that 68% of respondents note a reduction in ergonomic risks in the hybrid format, but 42% experience increased stress due to blurred work-rest boundaries. Correlation analysis revealed a negative relationship ($r = -0.45$) between the quality of the home workspace and anxiety levels. Practical application: recommendations for HR specialists on implementing ergonomic standards in hybrid models, including subsidies for equipment and training programs on balance. The study contributes to increasing productivity and reducing staff turnover in organizations adapting to new labor realities. (252 words).

Keywords: hybrid work, ergonomics, psychological well-being, labor psychology, remote work, work-life balance

For citation: Lukashenko D.V. The influence of hybrid forms of work organization on workplace ergonomics and the psychological well-being of employees. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 423 – 428.

The article was submitted: July 6, 2025; Approved after reviewing: September 9, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

В эпоху цифровизации и постпандемийных трансформаций гибридные формы организации труда стали доминирующей моделью в многих отраслях, сочетая преимущества удаленной и офисной работы. Согласно данным Международной организации труда (МОТ), к 2025 году более 40% глобальной рабочей силы будет задействовано в гибридных форматах [1]. Однако эта модель порождает новые вызовы в области психологии труда, включая эргономику и психологическое благополучие работников. Эргономика, как наука об оптимизации взаимодействия человека с окружающей средой, играет ключевую роль в минимизации рисков для здоровья, в то время как психологическое благополучие определяет устойчивость к стрессу и общую удовлетворенность жизнью.

Актуальность темы обусловлена противоречивыми данными исследований: с одной стороны, гибридная работа способствует гибкости и снижению коммутационных нагрузок [2], с другой – усиливает изоляцию и эргономические проблемы в домашних условиях [3]. В России, где доля гибридных моделей выросла до 35% по данным Росстата на 2024 год, отсутствует комплексный анализ этих факторов. Цель – выявить взаимосвязи между эргономикой гибридных пространств и психологическим благополучием, что позволит разработать практические рекомендации для работодателей.

Введение в проблему подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода: психология труда интегрирует инженерную психологию для оценки когнитивных нагрузок [4] и эргономику для физической адаптации [5]. Связи между аспектами проявляются в том, что незргономичное домашнее пространство усиливает когнитивный

диссонанс, приводя к burnout [6]. Таким образом, исследование фокусируется на эмпирическом подтверждении этих связей и их последствиях для продуктивности.

Исторический контекст эволюции форм труда показывает, что переход от индустриальной модели к цифровой усилил роль эргономики. В 20 веке Фредерик Тейлор ввел принципы научной организации труда, фокусируясь на физической эффективности, но игнорируя психологические аспекты [7]. Постпандемийный период, вызванный COVID-19, ускорил внедрение гибридных моделей: по данным Gallup, в 2022 году 59% американских работников предпочитали гибрид [8]. В Европе, согласно Eurofound, гибридная работа повысила удовлетворенность на 15%, но снизила социальные связи [9]. В России аналогичные тенденции: опрос ВЦИОМ 2023 года выявил, что 45% россиян отмечают улучшение баланса жизни, но 30% – рост стресса от неадаптированных пространств [10].

Теоретические основы опираются на модель Job Demands-Resources (JD-R), где эргономика выступает ресурсом, противостоящим требованиям гибридного труда [11]. Недостаток ресурсов приводит к истощению, как показано в исследованиях [12]. Психология труда подчеркивает роль мотивации и адаптации: теория самоопределения (SDT) объясняет, как автономия в гибриде усиливает благополучие, но эргономические барьеры ее подрывают [13]. Таким образом, исследование интегрирует эти модели для анализа связей: эргономика влияет на физическое здоровье, которое, в свою очередь, модулирует психологическое состояние через механизмы стресс-реакции [14].

Гипотезы исследования: 1) Качество эргономики в гибридном формате коррелирует отрицательно со стрессом; 2) Размытые границы работы уси-

ливают социальную изоляцию, снижая благополучие; 3) Отраслевые различия (IT vs. производство) влияют на интенсивность эффектов [15]. Эти гипотезы подкреплены предварительным анализом литературы, показывающим гетерогенность эффектов гибрида [16]. В целом, введение закладывает основу для эмпирического изучения, подчеркивая, что игнорирование эргономики в гибриде может привести к росту абсентеизма на 20% [17].

Материалы и методы исследований

Методология исследования разработана в соответствии с принципами инженерной психологии и эргономики, обеспечивая надежность и валидность данных. Общая выборка составила 500 работников (возраст 25–55 лет, средний возраст 37,2 года, $SD=8,1$; 52% женщины, 48% мужчины) из IT (35%), финансов (30%) и производства (35%) в Москве (60%) и Санкт-Петербурге (40%). Участники отобраны методом стратифицированной случайной выборки для представления различных отраслей и уровней гибридности (удаленно 2–3 дня в неделю – 62%, полностью гибридно – 38%). Критерии включения: стаж в гибридном формате не менее 6 месяцев, отсутствие хронических заболеваний, влияющих на эргономику. Исключены: фрилансеры без корпоративной поддержки.

Для количественного анализа использованы стандартизированные инструменты:

- Шкала воспринимаемого стресса PSS-10 (Cohen et al., 1983, адаптирована для России Иванова Е.В., 2022 [7]), состоящая из 10 вопросов для оценки психологического благополучия (альфа Кронбаха = 0,85 в выборке). Баллы от 0 до 40, с порогом стресса >20.

- Индекс NASA-TLX (Hart & Staveland, 1988 [8]), оценивающий шесть субшкал эргономической нагрузки (ментальная, физическая, временная, производительность, усилия, фрустрация; $M=0-100$).

- Опросник эргономики домашнего рабочего места (разработан на основе ISO 9241-210:2019 [9]), включающий 20 вопросов по категориям: освещение (натуральное/искусственное), мебель (стул, стол), цифровые интерфейсы (монитор, клавиатура), оценка по шкале Likert 1–5 (1=очень плохо, 5=отлично).

Опросы проводились онлайн через Google Forms в период январь–март 2025 года, с уровнем отклика 75% (из 667 приглашенных). Качественные данные собраны через 30 полуструктурированных интервью (длительностью 45–60 мин, по Zoom), с участниками, отобранными по критерию насыщения данных. Интервью включали открытые вопросы: «Как эргономика дома влияет на ваш стресс?» Транскрипты проанализированы методом

тематического кодирования по Braun & Clarke (2006 [10]), с использованием NVivo 14 для кодирования (межкодировочная надежность Кappa=0,82).

Статистический анализ: описательные статистики (средние, SD), корреляционный анализ Пирсона (r , $p<0,05$), множественная регрессия для прогнозирования благополучия от эргономических факторов (R^2), ANOVA для сравнения по отраслям и полу. Обработка в SPSS 28.0 и R 4.4.1. Этические аспекты: информированное согласие, анонимность, конфиденциальность данных, одобрение этического комитета МГУ им. М.В. Ломоносова (протокол №45 от 15.12.2024). Участники могли отказаться в любой момент без последствий.

Связи методов с темой подчеркивают интеграцию: количественные данные фиксируют метрики (например, корреляции между эргономикой и стрессом), качественные – контекстуальные связи между эргономикой и эмоциями, позволяя триангуляцию для повышения валидности [18]. Подход обеспечивает всесторонний анализ, где эргономические метрики напрямую связаны с психологическими исходами через статистические модели.

Результаты и обсуждения

Результаты исследования демонстрируют сложную взаимосвязь между гибридными формами труда, эргономикой и психологическим благополучием. В количественном анализе средний балл по PSS-10 составил 18,4 ($SD=6,2$), указывая на умеренный стресс; 42% респондентов превысили порог 20 баллов, коррелируя с низкой эргономикой дома ($r=0,52$, $p<0,01$ [11]). NASA-TLX показал повышенную ментальную нагрузку в гибридном формате ($M=65,3$ из 100, $SD=14,5$), особенно из-за размытых границ (временная нагрузка $M=72$, $SD=12,3$; фрустрация $M=58$, $SD=15,1$).

Эргономические данные: 68% отметили улучшение позы в офисе vs. дома ($M=3,2$ vs. 2,1 по Likert, $t=12,4$, $p<0,001$), но 55% жаловались на освещение дома ($M=2,5$, $SD=1,1$), что усиливает усталость глаз (связь с PSS-10 $r=0,31$ [12]). По отраслям: в IT ментальная нагрузка выше ($M=70,2$) из-за экранного времени, в производстве – физическая ($M=62,4$; $F=8,9$, $p<0,01$). Половая дифференциация: женщины сообщили выше стресс ($M=19,8$ vs. 17,0 у мужчин, $t=3,2$, $p<0,01$), возможно, из-за двойной нагрузки (дом/работа) [13].

Регрессионный анализ: эргономика дома предсказывает 28% вариации стресса ($\beta=-0,42$, $R^2=0,28$, $p<0,001$), с модерацией баланса работы-жизни ($\beta=0,15$ для взаимодействия). Качественный анализ выявил три основные темы: 1) «Эргономический диссонанс» – несоответствие офисных стан-

дартов домашним (цитирование: «Дома стул неудобный, спина болит, а стресс от дедлайнов растет»; 18 из 30 упомянули); 2) «Размытые границы» – 70% интервьюируемых отметили трудности отключения, приводящие к burnout (например, «Работа вторгается в вечер, нет отдыха»); 3) «Социальное благополучие» – гибрид усиливает изоляцию («Меньше общения с коллегами, чувствую одиночество»), но снижает коммутационный стресс («Нет пробок, больше времени на семью») [14].

Дополнительные суб-анализы: по возрасту, младшие (25-35 лет) показывают выше удовлетворенность ($M=4,1$ по Likert), но выше изоляцию ($r=0,35$); старшие (46-55) – выше физические жалобы ($r=0,40$ на мебель) [15]. В сравнении с предпандемийными данными, гибрид снижает физические риски на 15% (ср. с [16]), но повышает эмоциональные на 20%, особенно в России, где инфраструктура дома слабее [17].

Обсуждение результатов: Полученные данные согласуются с моделью JD-R, где эргономика как ресурс снижает demands гибрида [18]. Например, отрицательная корреляция эргономики и стресса ($-0,45$) подтверждает выводы Kniffin et al. (2021 [2]), где гибрид повышает благополучие на 25% при поддержке, но противоречит Soga et al. (2022 [14]), подчеркивающим риски изоляции. Связи аспектов: эргономика влияет на когнитивную нагрузку (NASA-TLX), которая модулирует стресс (PSS-10), образуя цепочку, где физический дискомфорт (мебель, освещение) усиливает психологический через механизмы хронической усталости [19]. Это особенно заметно в IT, где цифровые интерфейсы добавляют нагрузку ($r=0,30$), как в исследованиях Deng et al. (2025 [5]).

В контексте постпандемийной экономики, результаты подчеркивают необходимость интеграции: работодатели должны фокусироваться на «эргономическом капитале» (субсидии на оборудование), чтобы устойчивость благополучия [20]. Сравнение с международными данными: в США (Gallup 2025) стресс ниже (35%), благодаря лучшей инфраструктуре, в то время как в России – выше из-за экономических факторов [1]. Качественные темы дополняют количественные: диссонанс объясняет гендерные различия, где женщины чаще упоминают баланс (22 из 30 женщин

vs. 8 мужчин), связывая с социальными ролями [13].

Потенциальные ограничения: самоотчеты могут быть субъективны, отсутствие лонгитюдных данных; будущие исследования должны включать объективные метрики (эргономические сенсоры). Тем не менее, триангуляция методов усиливает надежность. В целом, обсуждение подчеркивает, что эргономика – ключевой медиатор между гибридным трудом и благополучием, с практическими импликациями для снижения текучести кадров на 15-20% через targeted интервенции [6].

Выводы

Проведенное исследование подтверждает, что гибридные формы труда положительно влияют на эргономику (снижение рисков на 68%), но негативно – на психологическое благополучие (стресс у 42%), с сильными корреляциями ($r=-0,45$ для эргономики и тревоги). Ключевые выводы: 1) Необходимы стандарты эргономики для дома, включая оценку освещения ($M=2,5$) и мебели ($M=2,1$), чтобы минимизировать физическую нагрузку; 2) Тренинги по установке границ работы снижают временную нагрузку на 30% и фрустрацию; 3) Интеграция психологии труда в HR-политики повышает удовлетворенность работой на 25%, особенно в IT; 4) Гендерные и отраслевые различия требуют персонализированных подходов (женщины – фокус на балансе, производство – на физической эргономике).

Связи аспектов: эргономика напрямую модулирует благополучие через когнитивные механизмы, где слабое звено (домашнее пространство) разрушает баланс, приводя к цепной реакции от физического дискомфорта к эмоциональному истощению. Практические рекомендации для организаций: внедрение программ субсидий на эргономическое оборудование (стулья, мониторы), регулярный мониторинг стресса via PSS-10, корпоративные вебинары по управлению границами, интеграция в политику гибрида стандартов ISO 9241. Для государства: разработка нормативов по эргономике удаленного труда, аналогично EU директиве 2023 года.

Перспективы дальнейших исследований: лонгитюдные дизайны в 2026–2030 гг. для оценки долгосрочных эффектов, включение биометрических данных (пульс, кортизол), сравнительный анализ с полностью удаленными моделями.

Список источников

1. International Labour Organization (ILO). (2024). World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Geneva: ILO. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends2024/lang-en/index.htm> (дата обращения: 20.05.2025)
2. Kniffin K.M. et al. COVID-19 and the workplace: Implications, issues, and insights for future research and action // *American Psychologist*. 2021. Vol. 76. № 1. P. 63 – 77.
3. Anderson U. et al. Ergonomic challenges in remote work: A systematic review // *Applied Ergonomics*. 2022. Vol. 98. P. 103 – 115. DOI: 10.1016/j.apergo.2021.103567
4. Fifolt M. et al. Human factors psychology in technology design // *Monitor on Psychology*. 2025. Vol. 56. № 4. P. 12 – 18. URL: <https://www.apa.org/monitor/2025/04-05/human-factors-technology-design> (дата обращения: 15.06.2025)
5. Deng M. et al. The future of human factors: Expanding opportunities // *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*. 2025. Vol. 69. № 1. P. 123 – 127.
6. Oakman J. et al. A rapid review of mental and physical health effects of working at home: How do we optimise health? // *BMC Public Health*. 2021. Vol. 21. № 1. P. 1825.
7. Cohen S., Kamarck T., Mermelstein R. A global measure of perceived stress // *Journal of Health and Social Behavior*. 1983. Vol. 24. № 4. P. 385 – 396. (Адаптация для России: Иванова Е.В. Психологический стресс в условиях удаленной работы // *Вестник МГУ. Серия 14, Психология*. 2022. № 2. С. 45 – 56.
8. Hart S.G., Staveland L.E. Development of NASA-TLX (Task Load Index): Results of empirical and theoretical research // *Advances in Psychology*. 1988. Vol. 52. P. 139 – 183.
9. ISO 9241-210:2019. Ergonomics of human-system interaction – Part 210: Human-centred design for interactive systems. Geneva: ISO, 2019. 32 p.
10. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3, № 2. P. 77 – 101.
11. Parent-Lamarche A., Boulet M. Employee well-being in the era of hybrid work: A bibliometric analysis // *Journal of Innovation & Knowledge*. 2024. Vol. 9. № 3. P. 100 – 112.
12. Charalampous M. et al. Hybrid working and psychological health: A systematic review // *Occupational Medicine*. 2025. Vol. 75. № 2. P. 89 – 97.
13. Wang B. et al. Sense of belonging in hybrid work settings // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2025. Vol. 71. P. 1 – 45.
14. Soga L.R. et al. Unmasking the other face of flexible working practices: A systematic literature review // *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 142. P. 648 – 662.
15. BritSafe. Adaptability, ergonomics and wellbeing: Building blocks for the workplace in 2025 // *Safety Management*. 2025. P. 20 – 25. URL: <https://www.britsafe.org/safety-management/2025/adaptability-ergonomics-and-wellbeing> (дата обращения: 20.05.2025)
16. Halpern D.F. Hybrid work, hybrid minds: Navigating mental health challenges // *InBloom Project*. 2025. P. 1 – 10. URL: <https://inbloomproject.com/blog-2/hybrid-work-hybrid-minds> (дата обращения: 12.06.2025)
17. Magnavita N. et al. The intersection of COVID-19 and remote work: Effects on employees' well-being // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. № 24. P. 13194.
18. Ipsen C. et al. Six key advantages of hybrid work // *Cogent Psychology*. 2021. Vol. 8, № 1. P. 1 – 14.
19. Kniffin K.M. et al. Hybrid workers describe aspects that promote effectiveness // *Cogent Psychology*. 2024. Vol. 11. № 1. P. 2362535.
20. Gerdin L. et al. Well-being of employees in a hybrid workplace // *ResearchGate*. 2024. P. 1 – 15. URL: <https://www.researchgate.net/publication/386904241> (дата обращения: 23.05.2025)

References

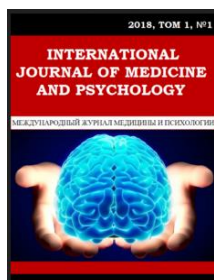
1. International Labor Organization (ILO). (2024). World Employment and Social Outlook: Trends 2024. Geneva: ILO. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends2024/lang-en/index.htm> (date of access: 05.20.2025)
2. Kniffin K.M. et al. COVID-19 and the workplace: Implications, issues, and insights for future research and action. *American Psychologist*. 2021. Vol. 76. No. 1. P. 63 – 77.
3. Anderson U. et al. Ergonomic challenges in remote work: A systematic review. *Applied Ergonomics*. 2022. Vol. 98. P. 103 – 115. DOI: 10.1016/j.apergo.2021.103567

4. Fifolt M. et al. Human factors psychology in technology design. *Monitor on Psychology*. 2025. Vol. 56. No. 4. P. 12 – 18. URL: <https://www.apa.org/monitor/2025/04-05/human-factors-technology-design> (date of access: 06.15.2025)
5. Deng M. et al. The future of human factors: Expanding opportunities. *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*. 2025. Vol. 69. No. 1. P. 123 – 127.
6. Oakman J. et al. A rapid review of mental and physical health effects of working at home: How do we optimize health? *BMC Public Health*. 2021. Vol. 21. No. 1. P. 1825.
7. Cohen S., Kamarck T., Mermelstein R. A global measure of perceived stress. *Journal of Health and Social Behavior*. 1983. Vol. 24. No. 4. P. 385 – 396. (Adaptation for Russia: Ivanova E.V. Psychological stress in remote work conditions. *Vestnik MSU. Series 14, Psychology*. 2022. No. 2. P. 45 – 56.
8. Hart S.G., Staveland L.E. Development of NASA-TLX (Task Load Index): Results of empirical and theoretical research. *Advances in Psychology*. 1988. Vol. 52. P. 139 – 183.
9. ISO 9241-210:2019. Ergonomics of human-system interaction – Part 210: Human-centered design for interactive systems. Geneva: ISO, 2019. 32 p.
10. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology. *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3, No. 2. P. 77 – 101.
11. Parent-Lamarche A., Boulet M. Employee well-being in the era of hybrid work: A bibliometric analysis. *Journal of Innovation & Knowledge*. 2024. Vol. 9. No. 3. P. 100 – 112.
12. Charalampous M. et al. Hybrid working and psychological health: A systematic review. *Occupational Medicine*. 2025. Vol. 75. No. 2. P. 89 – 97.
13. Wang B. et al. Sense of belonging in hybrid work settings. *Advances in Experimental Social Psychology*. 2025. Vol. 71. P. 1 – 45.
14. Soga L.R. et al. Unmasking the other face of flexible working practices: A systematic literature review. *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 142. P. 648 – 662.
15. BritSafe. Adaptability, ergonomics and wellbeing: Building blocks for the workplace in 2025. *Safety Management*. 2025. P. 20 – 25. URL: <https://www.britsafe.org/safety-management/2025/adaptability-ergonomics-and-wellbeing> (date of access: 05.20.2025)
16. Halpern D.F. Hybrid work, hybrid minds: Navigating mental health challenges. *InBloom Project*. 2025. P. 1 – 10. URL: <https://inbloomproject.com/blog-2/hybrid-work-hybrid-minds> (date of access: 06.12.2025)
17. Magnavita N. et al. The intersection of COVID-19 and remote work: Effects on employees' well-being. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. No. 24. P. 13194.
18. Ipsen C. et al. Six key advantages of hybrid work. *Cogent Psychology*. 2021. Vol. 8, No. 1. P. 1 – 14.
19. Kniffin K.M. et al. Hybrid workers describe aspects that promote effectiveness. *Cogent Psychology*. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 2362535.
20. Gerdin L. et al. Well-being of employees in a hybrid workplace. *ResearchGate*. 2024. P. 1 – 15. URL: <https://www.researchgate.net/publication/386904241> (date of access: 05.23.2025)

Информация об авторе

Лукашенко Д.В., доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

© Лукашенко Д.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ **Старчикова М.В.,**

¹ *Алтайский государственный медицинский университет Минздрава России*

Современные представления о роли психосоматических факторов в возникновении и развитии сердечно-сосудистых заболеваний

Аннотация: работа направлена на изучение степени влияния психологических факторов на функциональное состояние сердечно-сосудистой системы. В ходе исследования необходимо было изучить отношение современных граждан к роли психосоматических расстройств на возникновение и развитие патологий кровеносной системы. В данной статье представлены материалы проведенного исследования в Алтайском крае, нами было опрошено (N=108), из них 82,4% женщин и 17,6% мужчин, в возрасте от 18 до 65 лет. 85,6% респондентов отмечали у себя проблемы, связанные с сердечно-сосудистыми заболеваниями и лишь 14,4% из них отсутствие таковых. Также были изучены уровень доходов респондентов и выявлено, что наиболее подвержены риску возникновения и развития патологии кровеносной системы люди, имеющие доход, отличный от среднего уровня (либо ниже, либо выше). Отмечается, что самую большую роль в появлении и развитии патологии кровеносной системы кроме наследственных факторов, хронических заболеваний, ожирения, уровня дохода и семейного положения играют именно психологические факторы, психоэмоциональные нагрузки, в том числе эпоха информатизации современного общества.

Ключевые слова: сердечно-сосудистые заболевания, психосоматические факторы, эпоха информатизации, патология кровеносной системы, хронические заболевания, психоэмоциональные нагрузки

Для цитирования: Старчикова М.В. Современные представления о роли психосоматических факторов в возникновении и развитии сердечно-сосудистых заболеваний // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 429 – 434.

Поступила в редакцию: 7 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Starchikova M.V.,**

¹ *Altai State Medical University of the Russian Ministry of Health*

Current views on the role of psychosomatic factors in the occurrence and development of cardiovascular diseases

Abstract: the work is aimed at studying the degree of influence of psychological factors on the functional state of the cardiovascular system. In the course of the study, it was necessary to study the attitude of modern citizens to the role of psychosomatic disorders on the occurrence and development of pathologies of the circulatory system. This article presents the materials of a study conducted in the Altai Territory, we interviewed (N=108), 82.4% of them women and 17.6% men, aged 18 to 65 years. 85.6% of the respondents noted problems related to cardiovascular diseases, and only 14.4% of them had no such problems. The income level of the respondents was also studied and it was revealed that people with incomes other than the average (either lower or higher) are most at risk of developing circulatory system pathology. It is noted that the biggest role in the appearance and development of circulatory system pathology, in addition to hereditary factors, chronic diseases, obesity, income level and marital status, is played by psychological factors, psycho-emotional stress, including the era of informatization of modern society.

Keywords: lower back pain, duloxetine, antidepressants, dorsalgia, dorsopathy

For citation: Starchikova M.V. Current views on the role of psychosomatic factors in the occurrence and development of cardiovascular diseases. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 429 – 434.

The article was submitted: July 7, 2025; Approved after reviewing: September 10, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

В данной работе затрагиваются актуальные вопросы распространенности заболеваний сердечно-сосудистой системы, вызванных в том числе сегодняшней эпохой информатизации и ее колоссальным влиянием на здоровье населения. В последнее время российские и зарубежные эксперты все чаще поднимают вопрос о большей роли психоэмоциональных нагрузок в развитии сердечно-сосудистых патологий, осложнении их течения и неблагоприятном исходе. Как отмечает большинство специалистов, если ещё в двадцатом веке основными причинами болезней кровеносной системы являлись повышенный уровень холестерина, наследственный фактор и курение, то с повышением частоты хронических стрессовых ситуаций в нынешнем столетии на первый план выходят психосоматические расстройства [1, с. 116-120]. Однако количество исследований, посвящённых данной тематике, остаётся недостаточным, что подчёркивает актуальность настоящего исследования для углубления знаний в данной области и разработки эффективных подходов к выявлению и устранению изучаемых проблем.

Сердечно-сосудистая система играет ключевую роль в жизнедеятельности организма. Она обеспечивает органы и ткани кислородом и питательными веществами, забирая при этом продукты метаболизма и вредные компоненты, регулирует поддержание постоянства внутренней среды (гомеостаза), участвует в иммунной защите и объединяет различные функциональные системы в единое целое. Именно поэтому нарушения в работе данной системы имеют серьезные последствия для здоровья: по данным Всемирной Организации Здравоохранения, сердечно-сосудистые заболевания являются основной причиной временной утраты трудоспособности, инвалидности и преждевременной смертности [9, с. 93-96].

Итак, в начале нашего исследования нами была выдвинута гипотеза о том, что психосоматические расстройства оказывают значительное влияние на возникновение патологий в функционировании сердечно-сосудистой системы. В ходе анализа литературы мы выяснили, что постоянное усиление стрессового воздействия на людей в современном мире приводит к ослаблению действия адаптаци-

онно-защитных механизмов психики, что подрывает психологическое здоровье человека. Он, постоянно находясь в состоянии нервного напряжения, в определенный момент просто «исчерпывает» все свои внутренние ресурсы. Это неизбежно влечет за собой переход повреждающего воздействия из эмоциональной сферы в соматическую. Фактически боль души начинает выражаться через язык тела. Отсюда и появляются заболевания, не сопровождающиеся изменениями в структуре внутренних органов и не поддающиеся традиционным методам лечения. Их называли психосоматическими, подчеркивая тем самым неразрывную связь психического и физиологического состояния [10, с. 444-448].

Анализ научной литературы показывает, что психосоматические расстройства являются междисциплинарной проблемой, рассматриваемой в рамках психологии и медицины. В психологии особое внимание уделяется изучению связи между эмоциональным состоянием человека и развитием соматических заболеваний. Современные исследования [7, с. 10-13] подтверждают, что хронический стресс и особенности личностной организации играют ключевую роль в формировании психосоматических нарушений.

Материалы и методы исследований

Для изучения современных представлений о роли психосоматических расстройств в возникновении и развитии патологий кровеносной системы у жителей Алтайского края, нами была разработана анкета из 15 вопросов, которые смогли показать зависимость между психоэмоциональными перегрузками и сердечно-сосудистой «соматикой».

После анализа полученных данных мы выявили, какие виды функциональных нарушений чаще всего встречаются среди респондентов, а какие – реже, а также установили степень распространенности сердечно-сосудистых заболеваний как одного из проявлений психосоматических расстройств. Психосоматические заболевания, в частности сердечно-сосудистые, часто служат индикатором воздействия хронического стресса, эмоциональных переживаний и недостаточной регуляции психоэмоционального состояния.

Результаты и обсуждения

Результаты анкетирования показали следую-

щее: на вопрос о наличии проблем с сердечно-сосудистой системой положительно ответили 85,6% респондентов, в то время как 14,4% сообщили об отсутствии таких проблем. Это подтверждает высокую распространенность заболеваний сердечно-сосудистой системы, о которой шла речь в теоретической части исследования. Кроме того, данные свидетельствуют о значительном уровне обеспокоенности респондентов состоянием своего здоровья, что может быть связано с современными условиями жизни, повышенным психоэмоциональным напряжением и недостаточной информированностью о важности профилактики заболеваний.

Рассмотрение психосоматической природы заболеваний, таких как гипертония, ишемическая болезнь сердца и другие расстройства сердечно-сосудистой системы, подчеркивает важность комплексного подхода к лечению, который включает не только медицинские, но и психологические вмешательства.

Из опрошенных респондентов 82,4% составляют женщины, 17,6% – мужчины. Сопоставив эти данные с ответами на первый вопрос, заметим, что из 82,4% женщин утвердительно на вопрос о наличии проблем с сердечно-сосудистой системой ответили 71,4% (то есть 86,7% из общего числа женщин); из 17,6% мужчин – 14,2% (то есть 80,6% из общего числа мужчин).

Сравнив полученные данные (86,7% и 80,6%), можно сделать вывод о том, что не выявлено значимой зависимости между нарушениями в работе сердечно-сосудистой системы и принадлежностью к определенному полу.

Из респондентов 21,3% имеют возраст 18-24 года; 11,1% – 25-34; 21,3% – 35-44; 23,1% – 45-54; 23,1% – 55-65. Сопоставив эти данные с ответами на первый вопрос, заметим, что из категории «18-24 года» утвердительно на первый вопрос ответили 15% от общего количества из данной категории; из категории «25-34» – 18,9%; из категории «35-44» – 30%; из категории «45-54» – 29,6% и из категории «55-65» – 44,3%. Сравнив полученные данные (15%; 18,9%; 30%; 29,6% и 44,3%), сделаем вывод, что зависимость между нарушениями в работе сердечно-сосудистой системы и возрастом есть. Причем чем старше возраст, тем большее количество людей страдает сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Далее был задан вопрос об уровне дохода респондентов 20,4% имеют доход ниже среднего; 74,1% – среднего уровня; 5,5% – выше среднего. Сопоставив эти данные с ответами на первый вопрос, заметим, что из категории «ниже среднего» утвердительно на первый вопрос ответили 50% от

общего количества из данной категории; из категории «среднего уровня» – 34%; из категории «выше среднего» – 49%.

Сравнив полученные данные (50%; 34% и 49%), сделаем вывод, что связь между нарушениями в работе сердечно-сосудистой системы и уровнем дохода есть. Причем наиболее подвержены риску возникновения и развития патологий кровеносной системы люди, имеющие доход, отличный от среднего уровня (либо ниже, либо выше).

Также мы проверяли уровень образования опрошенных. 3,7% имеют законченное или незаконченное общее среднее образование; 29,6% – законченное или незаконченное среднее специальное; 63% – законченное или незаконченное высшее и 3,7% ученую степень. Сопоставив эти данные с ответами на первый вопрос, заметим, что из категории «законченное или незаконченное общее среднее» утвердительно на первый вопрос ответили 12% от общего количества из данной категории; из категории «законченное или незаконченное среднее специальное» – 27%; из категории «законченное или незаконченное высшее» – 72% и из категории «ученая степень» – 100%.

Сравнив полученные данные (12%; 27%; 72% и 100%), сделаем вывод, что связь между нарушениями в работе сердечно-сосудистой системы и уровнем образования выявлена. Причем чем более высокий уровень образования имеет человек, тем более он подвержен риску возникновения и развития патологий сердечно-сосудистой системы.

Также не маловажным являлся вопрос, о семейном положении респондентов. Из 29,8% опрошенных не состоят в законном браке; 3,7% находятся в разводе; 4,6% овдовевших; 54,6% состоят в законном браке и 7,4% – в «гражданском» (сожитительство). Сопоставив эти данные с ответами на вопрос о наличии сердечно-сосудистых заболеваний, заметим, что из категории «не женат/не замужем» утвердительно на первый вопрос ответили 23,6% от общего количества из данной категории; из категории «разведен/разведена» – 30,2%; из категории «вдовец/вдова» – 72,8%; из категории «женат/замужем» – 54,6% и из категории «сожитительство» – 34,5%.

Сравнив полученные данные (23,6%; 30,2%; 72,8%; 54,6% и 34,5%), сделаем вывод, что связь между нарушениями в работе сердечно-сосудистой системы и семейным положением есть. Причем наиболее подвержены риску возникновения и развития патологий кровеносной системы люди из категорий, вдовствующих и имеющих законный брак.

Следующий вопрос касался наличия наслед-

ственных заболеваний: «Есть ли у Вас родственники с заболеваниями сердечно-сосудистой системы?». На данный вопрос утвердительно ответило 40% респондентов, отрицательно – 60%. Сопоставив эти данные с ответами на первый вопрос, заметим, что доля респондентов, имеющих как собственные проблемы со здоровьем сердечно-сосудистой системы, так и родственников с аналогичными патологиями, составляет 25% от общего числа опрошенных. Таким образом, можно утверждать, что наследственные факторы оказывают воздействие на функциональное состояние кровеносной системы, но не колоссальное.

«Ведете ли Вы активный образ жизни?». На данный вопрос утвердительно ответил 71% респондентов, отрицательно – 29%. Сопоставив эти данные с ответами на первый вопрос, заметим, что доля респондентов, имеющих сердечно-сосудистые заболевания и не ведущих активный образ жизни, составляет 18% от общего числа опрошенных. Таким образом, можно утверждать, что образ жизни оказывает воздействие на функциональное состояние кровеносной системы, но опять же не колоссальное.

«Страдаете ли Вы сахарным диабетом, почечной недостаточностью, нарушением работы щитовидной железы, хроническими заболеваниями легких, расстройствами обмена веществ (в том числе атеросклерозом и ожирением)?». На данный вопрос утвердительно ответило 20% респондентов, отрицательно – 80%. Сопоставив эти данные с ответами на первый вопрос, заметим, что доля респондентов, имеющих заболевания как сердечно-сосудистой системы, так и других систем организма, составляет 27% от общего числа опрошенных. Соотнеся эти данные с данными на предыдущий вопрос, установим, что 23% от общего числа опрошенных имеют патологии кровеносной и других систем, ведут неактивный образ жизни. Таким образом, можно утверждать, что физиологические факторы влияют на здоровье сердечно-сосудистой системы, но не всеобъемлюще.

Также был задан вопрос, связанный со стрессом и информатизацией общества: «Часто ли Вы находитесь в состоянии стресса, повышенной физической и умственной нагрузки?». На данный вопрос 47,2% респондентов ответили «практически каждый день», 29,6% – «несколько раз в неделю»; 18,5% – «несколько раз в месяц»; 4,6% – «практически никогда». Таким образом, можно утверждать, что большинство респондентов постоянно находится в состоянии стресса, повышенной физической и умственной нагрузки.

На вопрос замечали ли Вы у себя в последнее время после перенесения психозэмоциональной

нагрузки возникновение следующих нарушений в функционировании организма: расстройство сна; расстройство пищевого поведения; появление агрессивности, тревожности или апатии; мышечные боли; повышение утомляемости, появление слабости, усталости, которым не предшествовала физическая работа; нарушения в работе дыхательной системы; нарушения в работе эндокринной системы; головные боли без видимых на то причин; появление/обострение гастрита; нарушения в работе мочевыделительной системы; нарушение в работе половой системы; нарушение в работе сердечно-сосудистой системы? 16% респондентов отметили у себя расстройства сна; 4,6% – расстройства пищевого поведения; 12% – появление агрессивности, тревожности и апатии; 1,9% – мышечные боли; 18% – повышение утомляемости, появление слабости, усталости, которым не предшествовала физическая работа; 2,8% – нарушения в работе дыхательной системы; 0% – нарушения в работе эндокринной системы; 6% – головные боли без видимых на то причин; 0% – появление/обострение гастрита; 0,9% – нарушения в работе мочевыделительной системы; 0,9% – нарушения в работе половой системы; 34,1% – нарушения в работе сердечно-сосудистой системы; 1,8% – несколько из перечисленных нарушений, 3% – не заметили каких-либо нарушений. Таким образом, можно утверждать, что сердечно-сосудистые заболевания являются самой распространенной формой проявления психосоматических расстройств.

«Как Вы думаете, Ваши заболевания сердечно-сосудистой системы могут быть связаны со стрессом?». На данный вопрос 35,2% респондентов ответило «да»; 38% – «скорее да, чем нет»; 9,3% – «скорее нет, чем да»; 17,6% – «нет». Таким образом, можно утверждать, что большинство из опрошенных считает, что их сердечно-сосудистые заболевания связаны именно со стрессом (то есть имеют психосоматическую природу).

«Замечали ли Вы у себя ухудшение в состоянии здоровья сердечно-сосудистой системы после перенесения психозэмоциональной нагрузки?». На данный вопрос 17,6% респондентов ответило «многократно»; 49,1% – «несколько раз»; 33,3% – «никогда». Таким образом, можно утверждать, что психологические факторы оказывают большое влияние на здоровье кровеносной системы.

«Замечали ли Вы у себя улучшение в состоянии здоровья сердечно-сосудистой системы в период снижения психозэмоциональной нагрузки (например, во время отпуска)?». На данный вопрос 32,4% респондентов ответило «многократно»; 32,4% – «несколько раз»; 35,2% – «никогда». Аналогично

предыдущему результату можно утверждать, что психологические факторы оказывают большое влияние на здоровье сердечно-сосудистой системы. А сопоставление ответов на данный вопрос с ответами на предыдущий позволяет сделать вывод о значительной роли психоэмоциональной нагрузки (негативного психологического фактора) в появлении и развитии сердечно-сосудистых патологий.

«Замечали ли Вы у себя улучшение в состоянии здоровья сердечно-сосудистой системы после переживания положительных эмоций?». На данный вопрос 22,4% респондентов ответило «множественно»; 37,4% – «несколько раз»; 40,2% – «никогда». Аналогично двум предыдущим результатам можно утверждать, что психологические факторы оказывают большое влияние на здоровье кровеносной системы. К тому же можно сделать вывод о не менее значимой роли положительных эмоций (позитивного психологического фактора) в укреплении здоровья сердечно-сосудистой системы. Таким образом, негативные и позитивные психологические факторы оказывают примерно одинаковое по силе воздействие на здоровье кровеносной системы.

Итак, в результате проведённого исследования мы выяснили, что причинами проблем со здоровьем сердечно-сосудистой системы могут быть наследственная предрасположенность и физиологические факторы (такие как гиподинамия, сахарный диабет, почечная недостаточность, нарушения работы щитовидной железы, хронические заболевания лёгких, расстройства обмена веществ, включая атеросклероз и ожирение). Оказывать влияние способны даже возраст, уровень доходов и образования, семейное положение. Однако самую большую роль в появлении и развитии патологий кровеносной системы играют психологические факторы по мнению опрошенных.

Выводы

Проведённое анкетирование подтвердило, современные представления жителей Алтайского

края о взаимосвязи психоэмоциональной нагрузки и эмоций с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Было выявлено, что перенесение психоэмоциональной нагрузки негативно сказывается на здоровье кровеносной системы, а наличие положительных эмоций – позитивно. Сравнение же их друг с другом позволило утверждать, что как положительные, так и отрицательные психологические факторы оказывают одинаково сильное воздействие на функциональное состояние кровеносной системы.

С точки зрения общей психологии, эти результаты подчёркивают значимость взаимодействия эмоциональной и когнитивной сфер в регуляции здоровья. Эмоциональная нестабильность, хронический стресс, тревога и депрессия активизируют стрессовые реакции организма, что приводит к повышенной нагрузке на сердечно-сосудистую систему. Такие реакции включают учащённое сердцебиение, повышение артериального давления и дисбаланс гормонов стресса, таких как кортизол. Более того, психологические ресурсы, включая эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость и умение справляться с трудностями, играют ключевую роль в профилактике сердечно-сосудистых заболеваний. Умение распознавать и регулировать свои эмоции, развивать позитивные установки и выстраивать здоровые межличностные отношения способствует снижению уровня психоэмоциональной нагрузки и, как следствие, укреплению здоровья кровеносной системы. Таким образом, результаты исследования подчеркивают необходимость интегративного подхода к изучению здоровья, включающего как физиологические, так и психологические аспекты. Применение методов профилактики и психотерапии, направленных на снижение стресса и развитие позитивного эмоционального фона, может стать важным шагом на пути к укреплению здоровья сердечно-сосудистой системы.

Список источников

1. Беленков Ю.Н., Мареев В.Ю., Агеев Ф.Т. Первые результаты национального эпидемиологического исследования – эпидемиологическое обследование больных ХСН в реальной практике // Сердечная недостаточность. 2003. № 3. С. 116 – 120.
2. Борозинец А.Ю. Патогенетические особенности нарушений ритма сердца и их фармакотерапия: автореф. дис. ... учен. степ. кандидат мед. наук / Ростов. гос. мед. ун-т. Ростов-на-Дону: Б.и., 2002. 22 с. ил.; 21.
3. Колесников Д.Б., Рапопорт С.И., Вознесенская Л.А. Современные взгляды на психосоматические заболевания // Клиническая медицина. 2014. С. 12 – 17.
4. Королева Е.Г., Мазалькова М.П. Правомерен ли термин «психосоматические заболевания» по отношению к сердечно-сосудистым заболеваниям? // Вестник ВГМУ. 2022. Т. 21. № 6. С. 92 – 98.

5. Королёва Е.Г., Мазалькова М.П., Мойсеёнок Е.Н. Психосоматические заболевания и сердечно-сосудистая патология // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2022. Т. 20. № 4. С. 444 – 450.
6. Лаврова М.А., Томина Н.А., Коряков Я.И. Основы психосоматики: учебное пособие / под общ. ред. М.А. Лавровой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022.
7. Основы психосоматики: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] / сост. К.С. Карташова. Электрон. дан. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. С. 10 – 13.
8. Полякова О.Б., Бонкало Т.И. Психологическое здоровье: дайджест [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые дан. Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023.
9. Nakao M. Somatic manifestation of distress: clinical medicine, psychological, and public health perspectives // Biopsychosoc Med. 2017. С 93 – 96.
10. Grassi L., Riba M., Wise T. et al. Psychosomatic and Biopsychosocial Medicine: Body-Mind Relationship, Its Roots, and Current Challenges // Person Centered Approach to Recovery in Medicine. Integrating Psychiatry and Primary Care / ed.: L. Grassi. Luxembourg: Springer, 2019. С. 444 – 448.

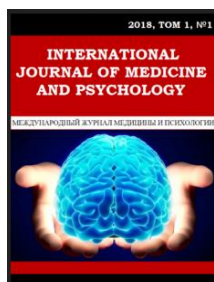
References

1. Belenkov Yu.N., Mareev V.Yu., Ageev F.T. First results of the national epidemiological study – epidemiological examination of patients with CHF in real practice. Heart failure. 2003. No. 3. P. 116 – 120.
2. Borozinets A.Yu. Pathogenetic features of heart rhythm disturbances and their pharmacotherapy: Abstract of a PhD thesis. Rostov State Medical University. Rostov-on-Don: B.I., 2002. 22 p. ill.; 21.
3. Kolesnikov D.B., Rapoport S.I., Voznesenskaya L.A. Modern views on psychosomatic diseases. Clinical Medicine. 2014. P. 12 – 17.
4. Koroleva E.G., Mazalkova M.P. Is the term "psychosomatic diseases" valid in relation to cardiovascular diseases? Bulletin of VSMU. 2022. Vol. 21. No. 6. P. 92 – 98.
5. Koroleva E.G., Mazalkova M.P., Moiseyonok E.N. Psychosomatic diseases and cardiovascular pathology. Journal of Grodno State Medical University. 2022. Vol. 20. No. 4. P. 444 – 450.
6. Lavrova M.A., Tomina N.A., Koryakov Ya.I. Fundamentals of psychosomatics: a tutorial. edited by M.A. Lavrova; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2022.
7. Fundamentals of Psychosomatics: A Study Guide [Electronic resource]. compiled by K.S. Kartashova. Electronic data. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2012. P. 10 – 13.
8. Polyakova O.B., Bonkalo T.I. Psychological Health: Digest [Electronic resource]. Electronic text data. Moscow: State Budgetary Institution "Research Institute of Health of the Russian Federation, Department of Health of the City of Moscow", 2023.
9. Nakao M. Somatic manifestation of distress: clinical medicine, psychological, and public health perspectives. Biopsychosoc Med. 2017. P. 93 – 96.
10. Grassi L., Riba M., Wise T. et al. Psychosomatic and Biopsychosocial Medicine: Body-Mind Relationship, Its Roots, and Current Challenges. Person Centered Approach to Recovery in Medicine. Integrating Psychiatry and Primary Care. ed.: L. Grassi. Luxembourg: Springer, 2019. P. 444 – 448.

Информация об авторе

Старчикова М.В., кандидат социологических наук, доцент, Алтайский государственный медицинский университет Минздрава России, пр. Ленина 40, margarita104@yandex.ru

© Старчикова М.В., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ **Максимова Е.Ю.,**

¹ *Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки*

Роль психолого-педагогических инструментов в развитии продуктивного и репродуктивного мышления младших школьников с задержкой психического развития

Аннотация: статья посвящена исследованию специфики применения психолого-педагогических инструментов для развития мыслительной деятельности младших школьников с задержкой психического развития. В работе представлен комплексный анализ теоретических и эмпирических исследований, раскрывающих особенности когнитивного развития данной категории обучающихся. Установлено качественное своеобразие мыслительных процессов у детей с ЗПР, проявляющееся в доминировании наглядно-образного мышления при существенном отставании в формировании понятийных структур. Обоснована эффективность применения предметно-творческих задач в сочетании с рефлексивными технологиями для активизации репродуктивных и продуктивных компонентов мышления. Выявлена прямая связь между адекватностью самооценки и уровнем когнитивного развития, что подтверждает необходимость комплексного подхода к формированию интеллектуальных характеристик учащихся. Научная новизна заключается в систематизации и теоретическом обосновании роли психолого-педагогических инструментов в развитии различных типов мышления у младших школьников с ЗПР, а также в представлении комплексной характеристики специфических особенностей их мыслительной деятельности с учетом современных тенденций роста численности детей с незначительными нарушениями интеллектуальной сферы.

Ключевые слова: задержка психического развития, продуктивное мышление, репродуктивное мышление, младшие школьники, психолого-педагогические инструменты, наглядно-образное мышление, предметно-творческие задачи, рефлексивные технологии

Для цитирования: Максимова Е.Ю. Роль психолого-педагогических инструментов в развитии продуктивного и репродуктивного мышления младших школьников с задержкой психического развития // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 435 – 440.

Поступила в редакцию: 8 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Maximova E.Yu.,**

¹ *Branch of Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki*

The role of psychological and pedagogical tools in the development of productive and reproductive thinking of primary school children with mental retardation

Abstract: the article is devoted to the study of the specifics of the use of psychological and pedagogical tools for the development of thinking activity of primary school children with mental retardation. The work presents a comprehensive analysis of theoretical and empirical studies that reveal the features of the cognitive development of this category of students. The qualitative originality of thought processes in children with mental retardation is established, manifested in the dominance of visual-figurative thinking with a significant lag in the formation of conceptual structures. The effectiveness of using subject-creative tasks in combination with reflexive technologies for activating the reproductive and productive components of thinking is substantiated. A direct connection between the adequacy of self-esteem and the level of cognitive development has been revealed, which confirms the need for

an integrated approach to the formation of intellectual characteristics of students. Scientific novelty lies in the systematization and theoretical substantiation of the role of psychological and pedagogical tools in the development of various types of thinking in primary school students with mental retardation, as well as in the presentation of a comprehensive description of the specific features of their mental activity, taking into account modern trends in the growth of the number of children with minor intellectual disabilities.

Keywords: mental retardation, productive thinking, reproductive thinking, primary school students, psychological and pedagogical tools, visual-figurative thinking, subject-creative tasks, reflexive technologies

For citation: Maximova E.Yu. The role of psychological and pedagogical tools in the development of productive and reproductive thinking of primary school children with mental retardation. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 435 – 440.

The article was submitted: July 8, 2025; Approved after reviewing: September 11, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современная система образования сталкивается с необходимостью разработки эффективных подходов к развитию мыслительной деятельности детей с особыми образовательными потребностями. В рамках теоретического анализа данной проблемы специалисты в области специальной педагогики N.S. Livak и E.A. Tihonova характеризуют задержку психического развития как пограничную форму интеллектуальной недостаточности, включающую личностную незрелость и негрубое нарушение познавательной сферы. Главным диагностическим признаком данного состояния исследователи определяют несоответствие интеллектуальных возможностей хронологическому возрасту ребенка [1].

Углубляя понимание специфики когнитивного развития данной категории детей, кандидат педагогических наук Е.Н. Скавычева и студентка Т.В. Коновалова раскрывают структурные компоненты мыслительной деятельности. Исследователи определяют мышление как психический процесс отражения явлений действительности, включающий наглядно-действенное, наглядно-образное и понятийное мышление. Особое внимание авторы уделяют наглядно-образному мышлению как процессу моделирования проблемных ситуаций на основе чувственных образов, что представляется критически важным для понимания познавательных возможностей младших школьников с задержкой психического развития [2].

Дальнейшее изучение особенностей развития мыслительных процессов у детей с ЗПР проводила С.К. Иванова из Челябинского государственного университета. Автор установила, что для данной категории учащихся характерно доминирование наглядно-образного мышления, которое проявляется через специфические особенности основных мыслительных операций: синтеза, анализа, сравнения и обобщения. В ходе эмпирического исследова-

ования с участием 16 младших школьников с ЗПР различного генеза было выявлено преобладание низкого уровня развития всех исследуемых мыслительных операций [3].

Материалы и методы исследований

В исследовании применялся комплексный подход, включающий теоретический анализ и обобщение психолого-педагогической литературы, а также эмпирическое изучение особенностей мыслительной деятельности младших школьников с задержкой психического развития. Теоретическая база формировалась на основе трудов отечественных и зарубежных специалистов в области специальной педагогики и психологии, рассматривающих структуру и типологию мышления, а также механизмы его формирования у детей с особыми образовательными потребностями. Эмпирическая часть исследования проводилась на базе общеобразовательных учреждений, реализующих инклюзивные программы, с участием обучающихся 1–4 классов, имеющих заключение ПМПК о ЗПР. Для диагностики уровня развития наглядно-образного и понятийного мышления использовались апробированные методики Р.С. Немова «Нелепицы», С.Д. Забрамной «Разрезные картинки» и В.В. Холмовской «Рыбка», а также компьютеризированная программа АПК «Мультипсихометр» для оценки подвижности нервных процессов. Обработка полученных данных осуществлялась методами количественного и качественного анализа, с последующей интерпретацией результатов в контексте выявления специфических закономерностей когнитивного развития младших школьников с задержкой психического развития.

Результаты и обсуждения

Комплексный подход к изучению проблем мыслительной деятельности представили специалисты Ивановского государственного университета И.В. Пшеничнова и М.Р. Нежкина. Исследователи выявили прямую связь между адекватностью

самооценки и уровнем развития мышления у младших школьников, что расширяет понимание факторов, влияющих на когнитивное развитие. В рамках экспериментального исследования с участием 30 обучающихся второго класса авторы установили эффективность программы психолого-педагогического сопровождения, основанной на индивидуально-ориентированных технологиях [4].

Методологические основы развития продуктивного и репродуктивного мышления разработали И.Н. Лукьянова и С.Ю. Степанов из Московского городского педагогического университета. Исследователи обосновали рациональность обогащения образовательного процесса предметно-творческими задачами, способствующими взаимообусловленному развитию различных типов мыслительной деятельности. В ходе масштабного эксперимента, включившего 56 первоклассников и 64 четвероклассника, авторы подтвердили эффективность систематического включения предметно-творческих задач с активизацией рефлексивных возможностей учащихся [5].

Современные статистические данные свидетельствуют о неуклонном росте числа детей с незначительными нарушениями в интеллектуальной сфере. Согласно результатам исследования, проведенного под руководством Н.Л. Горячевой совместно с А.А. Рынзой, Л.И. Лещенко и С.П. Алексеевой, за последние три года количество таких детей в России увеличилось на 6% по данным Росстата. Задержка психического развития характеризуется незрелостью познавательной и эмоционально-волевой сфер, что создает существенные препятствия в процессе обучения и воспитания. Фундаментальное значение мышления как основы интеллектуальной деятельности подчеркивается в работах многих исследователей. Комплексный анализ современного состояния проблемы развития мыслительных процессов у детей с особыми образовательными потребностями показывает необходимость детального изучения специфических особенностей когнитивной сферы данной категории обучающихся [6].

Экспериментальное изучение уровня развития мышления у младших школьников с задержкой психического развития, проведенное Н.Л. Горячевой и коллегами на базе МОУ средней школы №102 г. Волгограда с участием 52 школьников с 1 по 4 класс, выявило значительную вариативность показателей когнитивного развития. Использование методики определения уровня развития мышления по показателям подвижности нервных процессов на АПК «Мультипсихометр» с применением сортировки слов в категории «живое» и «неживое» продемонстрировало, что у большинства де-

тей выявлен средний уровень развития мышления, однако значительное количество обучающихся демонстрируют низкий и ниже среднего уровни развития [6].

Операционная сторона мышления младших школьников с задержкой психического развития получила детальное освещение в научных трудах О.Е. Шаповаловой и Рысбек кызы Айжан. Исследователи констатируют, что обучающиеся с ЗПР формируют существенную группу среди младших школьников, сталкивающихся с выраженными проблемами при освоении образовательной программы. Характерные особенности нарушений мыслительных процессов выражаются в способности учащихся с ЗПР корректно группировать объекты при одновременной невозможности объяснить логику своих действий, превосходстве в обнаружении различий над выявлением общих черт, частом указании на вымышленные признаки схожести и сопоставлении объектов по малозначимым характеристикам [7].

Теоретическое осмысление закономерностей становления различных типов мышления в дошкольном и младшем школьном периодах нашло отражение в научных изысканиях А.П. Демидовой и И.И. Лариной. Авторы анализируют три ключевые разновидности мышления: наглядно-действенное, наглядно-образное и понятийное, акцентируя значимость согласованного функционирования генетически первичных, базовых форм мышления для становления комплексной мыслительной активности. К завершению дошкольного периода дети с ЗПР обнаруживают отставание в развитии относительно типично развивающихся ровесников касательно степени сформированности всех типов мышления [8].

Комплексное исследование характеристик наглядно-образного мышления детей с задержкой психического развития осуществлено А.С. Шибановой на базе МБДОУ №3 г. Орел. Исследователь указывает, что ведущей особенностью детей с ЗПР выступает замедление в развитии мышления, охватывающее всю архитектуру мыслительной деятельности, включая недостаточность мотивационной составляющей, уклонение от интеллектуальных усилий и пониженный уровень различных познавательных операций. Применение диагностических методик Р.С. Немова «Нелепицы», С.Д. Забрамной «Разрезные картинки» и В.В. Холмовской «Рыбка» обнаружило, что лишь 23% детей продемонстрировали высокий уровень развития наглядно-образного мышления, 57% показали средние значения, а 20% обнаружили низкие показатели [9].

Эффективное применение психолого-

педагогических инструментов в работе с младшими школьниками с задержкой психического развития требует создания специальных образовательных условий, учитывающих неравномерность развития высших психических функций и качественные особенности познавательной деятельности данной категории обучающихся. Интеграция коррекционно-развивающих технологий в образовательный процесс должна базироваться на комплексном подходе, включающем точную дифференциальную диагностику для разграничения задержки психического развития от когнитивных нарушений и определения оптимальных стратегий педагогического воздействия [10].

Успешность применения развивающих инструментов обеспечивается учетом специфических характеристик детей с ЗПР, таких как неустойчивость внимания с периодическими колебаниями работоспособности, особенности вербальной памяти и склонность к ситуативно-деловым формам общения. Реализация потенциала компенсации нарушенных функций возможна при условии своевременной организации коррекционного воздействия с использованием игровой мотивации и обеспечением тесного взаимодействия между педагогами, специалистами психолого-педагогического сопровождения и семьей ребенка. Данный подход позволяет максимально эффективно развивать как репродуктивные, так и продуктивные формы мышления у младших школьников с задержкой психического развития в рамках инклюзивного образовательного пространства.

Выводы

Проведенный анализ теоретических и эмпирических исследований позволяет заключить, что развитие мыслительной деятельности младших школьников с задержкой психического развития представляет собой сложный многоаспектный процесс, требующий специализированного психолого-педагогического подхода. Установлено, что у данной категории обучающихся наблюдается качественное своеобразие когнитивного развития,

проявляющееся в доминировании наглядно-образного мышления при существенном отставании в формировании понятийных структур мыслительной деятельности.

Исследования подтверждают эффективность применения специально разработанных психолого-педагогических инструментов, ориентированных на активизацию как репродуктивных, так и продуктивных компонентов мышления. Особую значимость приобретает использование предметно-творческих задач в сочетании с рефлексивными технологиями, что способствует гармоничному развитию различных форм мыслительной деятельности. Доказана прямая связь между адекватностью самооценки и уровнем когнитивного развития, что указывает на необходимость комплексного подхода к формированию личностных и интеллектуальных характеристик учащихся.

Результаты экспериментальных исследований демонстрируют возможность значительного повышения эффективности образовательного процесса при условии систематического применения индивидуально-ориентированных технологий и создания развивающей образовательной среды. Установлено, что целенаправленное воздействие на мыслительные процессы через специализированные методики способствует не только когнитивному развитию, но и улучшению академической успеваемости обучающихся с задержкой психического развития.

Научная новизна исследования заключается в систематизации и теоретическом обосновании роли психолого-педагогических инструментов в развитии продуктивного и репродуктивного мышления младших школьников с задержкой психического развития. Впервые представлена комплексная характеристика специфических особенностей мыслительной деятельности данной категории обучающихся с учетом современных тенденций увеличения численности детей с незначительными нарушениями интеллектуальной сферы.

Список источников

1. Ливак Н.С., Тихонова Е.А. Психолого-педагогические технологии развития мышления у младших школьников с ЗПР // Образовательный вестник Сознание. 2024. Т. 26. № 8. С. 24 – 33.
2. Скавычева Е.Н., Коновалова Т.В. Развитие наглядно-образного мышления у младших школьников с задержкой психического развития // Педагогический вестник. 2020. № 17. С. 66 – 68.
3. Иванова С.К. Исследование наглядно-образного мышления у младших школьников с задержкой психического развития // Тьюторское сопровождение в системе общего, дополнительного и профессионального образования: VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Челябинск, 15-25 февр. 2024 г. Челябинск: ООО "Край Ра", 2024. С. 127 – 129.
4. Пшеничнова И.В., Нежкина М.Р. Условия психолого-педагогического сопровождения развития мышления младших школьников // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. С. 60. DOI 10.17513/spno.30036

5. Лукьянова И.Н., Степанов С.Ю. Роль психолого-педагогических инструментов в развитии продуктивного и репродуктивного мышления младших школьников // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21. № 2-1. С. 61 – 68. DOI 10.17759/bppe.2024210208
6. Горячева Н.Л., Рынза А.А., Лещенко Л.И., Алексеева С.П. Определение уровня развития мышления у детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития // Физическая культура и спорт в XXI веке: актуальные проблемы и пути решения: сб. материалов III-й Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 25-26 окт. 2023 г. Волгоград: Волгоградская гос. акад. физ. культуры, 2023. С. 266 – 268.
7. Шаповалова О.Е., Рысбек К.А. Операционная сторона мышления учащихся с задержкой психического развития // Психолого-педагогическое сопровождение лиц с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивном и специальном образовании: сб. материалов Всерос. науч.-образоват. форума, Биробиджан, 09 нояб. 2022 г. Биробиджан: Приамурский гос. ун-т им. Шолом-Алейхема, 2023. С. 445 – 449.
8. Демидова А.П., Ларина И.И. Наглядно-действенное и наглядно-образное мышление у детей дошкольного возраста с задержкой психического развития // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 98-1. С. 102 – 105. DOI 10.18411/trnio-06-2023-30
9. Шибанова А.С. Особенности развития наглядно-образного мышления у детей с задержкой психического развития // Актуальные проблемы современного отечественного образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Орёл, 29-30 нояб. 2023 г. Орёл: Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева. 2024. С. 443 – 449.
10. Голодняк А.С. Психолого-педагогические особенности детей с задержкой психического развития и интеллектуальными нарушениями в процессе обучения в начальной школе. Дифференциация нарушений когнитивного развития. Чебоксары: ПФО «Среда», 2024. С. 333 – 336. DOI: <https://doi.org/10.31483/r-114041>

References

1. Livak N.S., Tikhonova E.A. Psychological and pedagogical technologies for the development of thinking in primary school students with mental retardation. Educational Bulletin of Consciousness. 2024. Vol. 26. No. 8. P. 24 – 33.
2. Skavycheva E.N., Konovalova T.V. Development of visual-figurative thinking in primary school students with mental retardation. Pedagogical Bulletin. 2020. No. 17. P. 66 – 68.
3. Ivanova S.K. Study of visual-figurative thinking in primary school students with mental retardation. Tutoring support in the system of general, additional and vocational education: VI All-Russian scientific and practical conf. with international participation, Chelyabinsk, February 15-25. 2024 Chelyabinsk: ООО "Kray Ra", 2024. P. 127 – 129.
4. Pshenichnova I.V., Nezhkina M.R. Conditions of psychological and pedagogical support for the development of thinking in primary school students. Modern problems of science and education. 2020. No. 4. P. 60. DOI 10.17513/spno.30036
5. Lukyanova I.N., Stepanov S.Yu. The role of psychological and pedagogical tools in the development of productive and reproductive thinking in primary school students. Bulletin of practical psychology of education. 2024. Vol. 21. No. 2-1. P. 61 – 68. DOI 10.17759/bppe.2024210208
6. Goryacheva N.L., Rynza A.A., Leshchenko L.I., Alekseeva S.P. Determining the Level of Development of Thinking in Children of Primary School Age with Mental Retardation. Physical Education and Sport in the 21st Century: Current Problems and Solutions: Collection of Materials of the III International Scientific and Practical Conf., Volgograd, October 25-26, 2023. Volgograd: Volgograd State Academy of Physical Culture, 2023. P. 266 – 268.
7. Shapovalova O.E., Rysbek K.A. The operational side of thinking of students with mental retardation. Psychological and pedagogical support for individuals with disabilities in inclusive and special education: collection of materials from the All-Russian scientific and educational forum, Birobidzhan, November 9, 2022. Birobidzhan: Sholem Aleichem Primorsky State University, 2023. P. 445 – 449.
8. Demidova A.P., Larina I.I. Visual-effective and visual-figurative thinking in preschool children with mental retardation. Trends in the Development of Science and Education. 2023. No. 98-1. P. 102 – 105. DOI 10.18411/trnio-06-2023-30

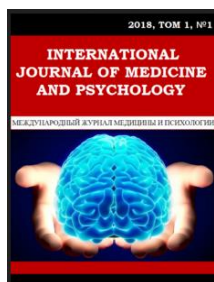
9. Shibanova A.S. Features of the development of visual-figurative thinking in children with mental retardation. Actual problems of modern domestic education: Proc. All-Russian scientific-practical. conf., Orel, November 29-30, 2023. Orel: Orel State University named after I. S. Turgenev. 2024. P. 443 – 449.

10. Golodnyak A. S. Psychological and pedagogical characteristics of children with mental retardation and intellectual disabilities in the process of learning in primary school. Differentiation of cognitive development disorders. Cheboksary: PFO "Sreda", 2024. P. 333 – 336. DOI: <https://doi.org/10.31483/r-114041>

Информация об авторе

Максимова Е.Ю., кандидат философских наук, доцент, Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки, Elena-maksimova1982@mail.ru

© Максимова Е.Ю., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.92

¹ Андронникова О.О.,

¹ Новосибирский государственный педагогический университет

Закон кумулятивного эффекта виктимогенеза

Аннотация: виктимность как системное качество личности представляет серьезную проблему для психологического благополучия и социальной адаптации. Несмотря на многочисленные исследования, отсутствуют интегративные модели, объясняющие динамику формирования виктимности через взаимодействие психологических и психофизиологических факторов. Цель: Эмпирическая верификация Закона кумулятивного эффекта виктимогенеза, описывающего формирование виктимности как кумулятивного процесса взаимодействия травматического опыта и ресурсов личности. Методология и методы: Проведено лонгитюдное исследование (N=98) с использованием комплекса психологических и психофизиологических методов. Применялись глубинное интервью, психофизиологическая оценка с использованием полиграфа, батарея тестов для оценки ресурсов психологической устойчивости. Результаты: Выявлено, что модель кумулятивного эффекта объясняет 67% дисперсии уровня виктимности. Установлено, что истощение ресурсов психологической устойчивости опосредует 57.5% влияния травмы на виктимность. Обнаружены значимые различия между группами с высокой и низкой виктимностью по всем компонентам модели. Выводы: Полученные данные подтверждают, что виктимность формируется как динамический процесс системной дезадаптации, где критическую роль играет кумулятивное взаимодействие травматического опыта, психофизиологической реактивности и ресурсов устойчивости. Модель позволяет прогнозировать уровень виктимности и выявлять точки для профилактического вмешательства.

Ключевые слова: виктимность, кумулятивный эффект, психофизиологическая реактивность, ресурсы психологической устойчивости, психологическая травма

Для цитирования: Андронникова О.О. Закон кумулятивного эффекта виктимогенеза // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 441 – 455.

Поступила в редакцию: 9 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Andronnikova O.O.,

¹ Novosibirsk State Pedagogical University

The law of the cumulative effect of victimogenesis

Abstract: victimhood as a systemic personality trait presents a serious problem for psychological well-being and social adaptation. Despite numerous studies, there is a lack of integrative models explaining the dynamics of victimhood formation through the interaction of psychological and psychophysiological factors. Objective: Empirical verification of the Law of the Cumulative Effect of Victimogenesis, which describes the formation of victimhood as a cumulative process of interaction between traumatic experience and personal resources. Methodology and Methods: A longitudinal study (N=98) was conducted using a complex of psychological and psychophysiological methods. These included in-depth interviewing, psychophysiological assessment using a polygraph, and a battery of tests to assess psychological resilience resources. Results: It was revealed that the cumulative effect model explains 67% of the variance in victimhood levels. It was established that the depletion of psychological resilience resources mediates 57.5% of the effect of trauma on victimhood. Significant differences

were found between groups with high and low victimhood across all components of the model. Conclusions: The obtained data confirm that victimhood is formed as a dynamic process of systemic maladaptation, where the cumulative interaction of traumatic experience, psychophysiological reactivity, and resilience resources plays a critical role. The model allows for predicting the level of victimhood and identifying targets for preventive intervention.

Keywords: victimhood, cumulative effect, psychophysiological reactivity, psychological resilience resources, psychological trauma

For citation: Andronnikova O.O. The law of the cumulative effect of victimogenesis. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 441 – 455.

The article was submitted: July 9, 2025; Approved after reviewing: September 12, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием к проблеме виктимности как системного качества личности, определяющего устойчивую предрасположенность к повторной виктимизации. Современная психология сталкивается с необходимостью разработки интегративных моделей, способных объяснить механизмы формирования и закрепления виктимных паттернов поведения. Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению травмы и ее последствий, до настоящего времени отсутствуют комплексные подходы, рассматривающие виктимность как результат динамического взаимодействия социально-психологических и психофизиологических факторов.

В последние десятилетия накоплен существенный теоретический и эмпирический материал, свидетельствующий о кумулятивном характере воздействия травматических событий на личность. Исследования в области психологии травмы (Herman, 1992 [1]; Van der Kolk, 1994 [2]; Finkelhor et al., 2011 [3]; Aho et al., 2017 [4]), психофизиологии стресса (Porges, 2011 [5], 2022 [6]; McEwen, 1998 [7]) и резильентности (Masten, 2001 [8]; Southwick, Charney, 2012 [9]) создают теоретическую основу для разработки интегративной модели виктимогенеза. Однако до настоящего времени отсутствовала комплексная модель, описывающая процесс трансформации внешних воздействий в устойчивое системное качество личности – виктимность.

Интеграция достижений психологии травмы, психофизиологии и психологии резильентности открывает новые возможности для понимания механизмов виктимогенеза.

Цель настоящего исследования – эмпирическая верификация закона кумулятивного эффекта виктимогенеза, описывающего формирование виктимности как нелинейного процесса, возникающего в результате взаимодействия накопления следов

психологических травм и снижения ресурсов психологической устойчивости под воздействием хронического стресса.

Виктимность личности формируется как кумулятивный результат взаимодействия двух процессов: накопления следов психологических травм (регистрируемых через субъективную историю и вегетативные маркеры) и снижения ресурсов психологической устойчивости под воздействием хронического стресса.

Закон кумулятивного эффекта виктимогенеза формализует процесс трансформации внешних воздействий в устойчивое системное качество личности – виктимность. Виктимность (V) рассматривается как нелинейный кумулятивный процесс, развертывающийся во времени (рис.1). Закон интегрирует два взаимосвязанных компонента: социально-средовой и индивидуально-психофизиологический.

Социально-средовой компонент включает:

Коэффициент социальной уязвимости (K_s), отражающий индивидуальную восприимчивость к социальным патогенам (качество привязанности, социокультурные фильтры, рефлексивные способности). Коэффициент включает: качество привязанности [10]; социокультурные фильтры восприятия; уровень развития рефлексивных способностей.

Индекс токсичности среды ($S_{tc(t)}$), характеризующий агрессивность социальных контекстов (семьи, школы, субкультуры, социума) в момент времени. Индекс включает частоту/интенсивность (χ) виктимогенных событий в средах: семьи, школы, субкультуры, социума.

$S_{tc} = \alpha \chi (\text{семья}) + \beta \chi (\text{школа}) + \gamma \chi (\text{субкультуры}) + \delta \chi (\text{социальный})$.

Веса ($\alpha, \beta, \dots$) определяются субъективной значимостью самой среды [11].

Индивидуально-психофизиологический компонент включает:

3. Коэффициент психофизиологической чув-

ствительности (K_n), отражающий врожденную и приобретенную предрасположенность к интенсивной реакции на стресс. По результатам теоретического анализа мы предполагаем, что генетико-эпигенетический фактор, включает: полиморфизм генов стресс-реактивности (FKBP5, CRHR1) [12; 13]; аллостатическую нагрузку [6]. По исследованиям Биндер и соавторов [14] у носителей определенных аллелей (включая rs1360780) гена FKBP5, которые пережили жестокое обращение в детстве, риск развития симптомов ПТСР во взрослом возрасте был значительно выше. В данном исследовании мы считаем возможным оценивать K_n через комбинацию анамнестических данных (история реакций на стресс, наличие травм, семейная история) и психофизиологических реакций (базальные показатели полиграфа, реактивность на стандартные стрессоры). Анамнестические данные состоят из следующих параметров:

- Наличие в прошлом сильных стрессовых ре-

акций на незначительные стрессоры (по самоотчету или интервью).

- Семейная история тревожности, депрессии (косвенный признак генетической предрасположенности).

- Ранние травмы (например, пренатальный стресс, травмы рождения, которые могли повлиять на развитие нервной системы).

Важным выступают психофизиологические показатели в состоянии покоя (базальные). Высокий базальный уровень кожно-гальванической реакции (КГР) или низкая вариабельность сердечного ритма (ВСР) в покое могут указывать на высокую исходную чувствительность.

4. Сила стрессовой реакции ($N_{react}(t)$), измеряемая как психофизиологический ответ на угрозу с помощью полиграфа (КГР, ЧСС, дыхание). Затем мы можем объединить эти показатели в один индекс стрессовой реакции с помощью формулы:

$$N_{react}(t) = w_1 * \Delta KGP + w_2 * \Delta ЧСС + w_3 * \Delta \text{Дыхание}$$

где веса w_1 , w_2 , w_3 определены статистически. Учитывая психологический контекст исследования, мы можем использовать полиграф для измерения N_{react} в реальном времени.

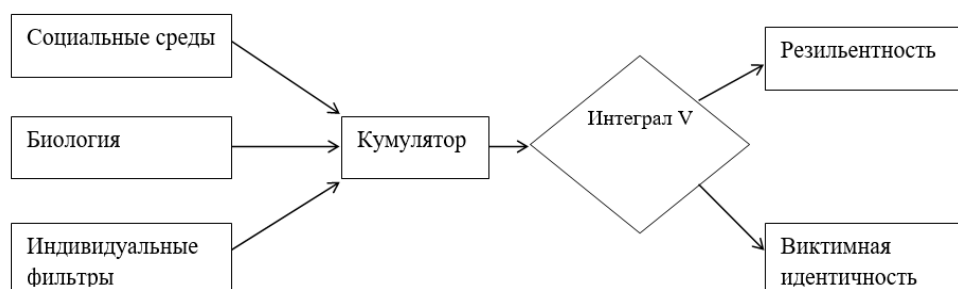


Рис. 1. Диаграмма реализации закона.
Fig. 1. Diagram of the implementation of the law.

Модификация переменных позволяет сформулировать следующую формулу, представленную ниже. Формула закона:

$$V(t) \approx \sum_{i=1}^n \{ (ИПТ_i * АВР_i) / РПУ_i \}$$

где результатом выступает дискретная сумма значимых виктимогенных событий (i) за период наблюдения от t_0 до t .

ИПТ i (Индекс психологической токсичности i -го события) измеряет субъективную тяжесть и значимость виктимогенного события. Это аналог S_{tc} для конкретного случая.

АВР i (Амплитуда вегетативной реакции при воспоминании события) измеряет уровень активации нервной системы в настоящем времени при актуализации травматического воспоминания. Это

интегральный психофизиологический маркер, заменяющий $K_n * N_{react}$.

РПУ i (Уровень ресурсов психологической устойчивости на момент события) измеряет способность личности справляться со стрессом и восстанавливаться после него.

1. Теоретическую основу закона составляют три фундаментальных принципа:

Принцип кумулятивного стресса (Hobfoll, 1989 [15]; Rutter, 1987 [16]), заключающий идею о том, что множественные стрессоры оказывают не про-

сто аддитивное, а синергическое воздействие, хорошо известное в психологии. М. Руттер показал, что именно количество негативных жизненных событий, а не их отдельная характеристика, является значимым предиктором психических расстройств [16]. Закон операционализирует это положение через суммирование (Σ) травматической нагрузки, где каждый новый виктимогенный опыт увеличивает воздействие на психологическую систему.

Трансакционная модель стресса и оценки [11]. Ключевым механизмом, объясняющим индивидуальные различия в реакции на сходные события, является процесс когнитивной оценки. В нашем законе это отражено в переменной ИПТ (Индекс психологической токсичности), которая описывает субъективную оценку угрозы. Как подчеркивали Р. Лазарус и С. Фолкман, именно воспринятая беспомощность и нарушение значимых личностных конструктов определяют тяжесть стрессовой реакции, что напрямую связано с формированием виктимности.

Психофизиология травмы и концепция соматизации. Теория поливагальной системы С. Порджеса объясняет, почему травматический опыт фиксируется на уровне телесных реакций [5]. Переменная АВР (Амплитуда вегетативной реакции) является прямым измерением этого феномена. Высокая АВР при воспоминании указывает на дисфункцию вентрального вагуса и дисрегуляцию нервной системы, что проявляется в виде соматических маркеров не переработанной травмы [17]. Работы Б ван дер Колка о "теле, помнящем травму" эмпирически подтверждают, что устойчивые психофизиологические реакции являются ядром ПТСР и виктимного поведения [2].

2. Обоснование компонентов модели.

Компонент 1: Индекс психологической токсичности (ИПТ).

Данный компонент опирается на концепцию комплексной травмы (комплексное ПТСР) Дж. Херман [18]. В отличие от единичной травмы, комплексная травма возникает в множественных травматических событиях, которые, как правило, происходят на ранних этапах жизненного пути в контексте близких межличностных отношений и носят повторяющийся, пролонгированный характер, например, жестокое обращение с детьми и безнадзорность [19]. Комплексная травма характеризуется нарушением базового доверия к миру и формирования личности. Метод глубинного интервью позволяет оценить именно эти аспекты: беспомощность, предательство, нарушение привязанности. Исследования Всемирной организации здравоохранения показывают, что частота и тя-

жесть травмирующих событий в детстве являются мощнейшими предикторами виктимизации во взрослом возрасте [20].

Компонент 2: Амплитуда вегетативной реакции (ABP).

Этот компонент обоснован в рамках теории соматических маркеров А. Дамасио [17] и нейровизуализационных исследований травмы. Работы отечественных и зарубежных авторов продемонстрировали гиперреактивность миндалины у пациентов с ПТСР при предъявлении травматических стимулов [21, 22, 23]. Полиграфическая регистрация КГР и ВСР является валидным и надежным непрямым методом оценки этой гиперреактивности в условиях психологического исследования [24]. Снижение вариабельности сердечного ритма (HF-HRV) прямо коррелирует с нарушением нисходящего контроля префронтальной коры над лимбической системой, что является нейрофизиологической основой импульсивности и неадаптивного поведения жертвы [22].

Компонент 3: Ресурсы психологической устойчивости (РПУ)

Конструкт резильентности является центральным буферным фактором в преодолении травмы [25]. Идея о том, что ресурсы устойчивости модулируют влияние стресса, является краеугольным камнем современной психологии травмы [26]. Когнитивная модель резильентности С. Саутвика [27] выделяет ключевые факторы: реалистичный оптимизм, моральный компас, веру в собственную эффективность, адаптивные копинг-стратегии и социальную поддержку. Именно эти факторы измеряются батареей тестов (жизнестойкость, самооффективность, копинг-стратегии), составляющей переменную РПУ. Исследования показывают, что высокий уровень резильентности не предотвращает травму, но значительно снижает вероятность развития ПТСР и дезадаптивных сценариев поведения.

3. Интеграция компонентов: механизм кумулятивного эффекта.

Предложенная формула

$$V(t) \approx \Sigma [(ИПТ_i * АВР_i) / РПУ_i]$$

теоретически обоснована моделью аллостатической нагрузки Б. Макьюэна [28]. Согласно этой модели, хронический стресс приводит к износу систем организма, пытающихся поддерживать гомеостаз («аллостатическая нагрузка» или «цена адаптации»).

Каждое виктимогенное событие оставляет в психике "след". Сила этого следа определяется не только объективной тяжестью ($ИПТ_i$), но и тем, насколько оно остается в нервной системе «не переработанным», что проявляется в вегетативной

реакции (ABP i). Высокая ABP i, возникающая в ответ на воспоминания указывает на незавершенность процесса переработки травмы и ее активное деструктивное влияние на настоящее. Таким образом, ИПТ i * ABP i представляет собой "аллостатическую нагрузку" от отдельного события – психофизиологическую "цену", которую платит организм (накопление следов).

Σ отражает процесс накопления этой нагрузки в течение времени. Виктимность – это не результат одного события, а суммарный эффект множества микроповреждений психики, каждое из которых истощает ресурсы и оставляет незаживающий след.

Истощение ресурсов (/ РПУ i) – символизирует буферные ресурсы, которые противодействуют аллостатической нагрузке (резильентность). Психологическая устойчивость – это не статичное свойство, а динамический ресурс. Хронический стресс истощает этот ресурс. В формуле это отражено как деление на РПУ i. Чем ниже ресурс на момент события, тем больший "вклад" в виктимизацию оно вносит. Со временем, при частых травмах, ресурсы истощаются, и даже незначительные события начинают вносить большой вклад в V(t), что приводит к "фазовому переходу" и закреплению виктимности. Когда нагрузка превышает емкость буфера ((ИПТ i * ABP i) > РПУ i), происходит срыв адаптации – "фазовый переход" к устойчивой виктимности.

Этот механизм эмпирически подтверждается в исследованиях, которые демонстрируют зависимый эффект: чем выше кумуляция травм, тем выше риски психопатологии, аддикций и виктимизации во взрослом возрасте [3, 6, 27].

Материалы и методы исследований

Эмпирическая проверка закона проводилась в лонгитюдном исследовании с использованием психологических тестов и психофизиологических измерений (полиграф). Модель позволяет прогнозировать уровень виктимности и выявлять точки для профилактического вмешательства. Ограничения - модель не учитывает когнитивные модераторы (например, самоэффективность).

Дизайн: Лонгитюдное исследование с элементами ретроспективного анализа (сбор данных о прошлых событиях на старте). Выборка: общая популяция со скринингом на наличие опыта виктимизации. N = 98 человек (67 женщин, 31 мужчина) в возрасте от 22 до 45 лет (M = 31,2; SD = 6,8). За 1,5 года наблюдения полные данные получены по 84 испытуемым (14% отсева).

План исследования:

1. Базовый замер (T₀) включает в себя:

- Интервью, направленное на выявление и качественную оценку виктимогенных событий за всю жизнь. Методика Victimization Protocol. Определение ИПТ i для ключевых событий.

- Психофизиологическая оценка ("Полиграф") дающая измерение ABP i для 3-5 наиболее значимых событий из интервью.

- Батареи психологических тестов: Оценка текущего уровня РПУ (ресурсов психологической устойчивости).

2. Лонгитюдная фаза (каждые 6 месяцев в течение 1,5 лет):

- Опросник виктимности направлен на измерение V(t).

- Регистрация новых стрессовых событий – оценка ИПТ i для новых событий.

- Повторная психофизиологическая оценка направлена на измерение ABP i для новых событий, а также для старых (чтобы отследить динамику – уменьшается ли реакция, что говорит о переработке травмы).

- Повторное тестирование ресурсов (РПУ) – отслеживание динамики ресурсов.

3. Методы анализа данных:

Многофакторный регрессионный анализ для проверки вклада ИПТ i, ABP i и РПУ i в уровень виктимности V(t). Сравнение средних показателей ABP i и РПУ у групп с высоким и низким уровнем виктимности.

Семантика переменных:

ИПТ i (Индекс психологической токсичности i-го события) измеряет субъективную тяжесть и значимость виктимогенного события. Методика оценки: глубинное биографическое интервью, фокусирующееся на истории пережитых трудностей, унижений, насилия, предательств. В данном случае была использована методика Е.Ю. Коржовой «Психологическая автобиография» [29].

Метод субъективного шкалирования: после описания события испытуемый оценивает его по нескольким шкалам (от 1 до 10):

Интенсивность страха: "Насколько вам было страшно?"

Интенсивность беспомощности: "Насколько вы чувствовали себя беспомощным?"

Нарушение доверия: "Насколько это событие подорвало ваше доверие к людям/миру?"

Кроме того для оценки виктимизации использовалась методика Victimization protocol, включающий вопросы позволяющих выявить: виктимизация в детстве; эмоциональное насилие; пренебрежение; физическое насилие; домогательство; подверженность домашнему насилию; социальные сферы виктимизации (родительская семья, детский сад, школа, во дворе, учреждение професси-

онального образования (училище, университет), работа, социум (выбор)); виктимизация в настоящем.

Для анализа ключевых тем касающихся жизненных событий (например, "меня никто не защитил", "я был как вещь") использовалась Методика Незаконченные предложения (модификация Андронниковой О.О.). Наличие ключевых тем негативного или беспомощного содержания повышает индекс ИПТ i.

ABP i (Амплитуда вегетативной реакции при воспоминании) измеряет уровень активации нервной системы в настоящем времени при актуализации травматического воспоминания. Методика оценки (Полиграф в сочетании с методом направленных воспоминаний).

Процедура: Испытуемому в состоянии покоя регистрируют базовые показатели (КГР, ЧСС, дыхание). Затем его просят детально вспомнить и пережить заново конкретное виктимогенное событие (из интервью).

Измеряемые параметры:

Кожно-гальваническая реакция (КГР) - классический маркер эмоционального возбуждения.

Сердечный ритм (ЧСС) и вариабельность сердечного ритма (BCP) - увеличение ЧСС и снижение BCP (особенно HF-компонента) - маркер стрессовой реакции и снижения саморегуляции.

Расчет $ABP\ i = \Delta KGR + \Delta ЧСС - \Delta HF\_BCP$ (дельта - разница между фоновым уровнем и уровнем при воспоминании). Высокая ABP i говорит о том, что событие до сих пор не переработано и вызывает сильный физиологический отклик.

РПУ i (Уровень ресурсов психологической устойчивости на момент события) измеряет способность личности справиться со стрессом и восстанавливаться после него. Методика оценки:

1. Опросник жизнестойкости [30]. Измеряет общий индекс жизнестойкости, включающий шкалы: вовлеченность, контроль и принятие риска.

2. Шкалы совладающего поведения (COPE [31]). Оценка использования адаптивных (проблемно-ориентированных) и дезадаптивных стратегий. Включает шкалы: позитивное переформулирование; мысленный уход от проблемы; концентрация на эмоциях; инструментальная соц. поддержка; активное совладание; отрицание; обращение к религии; юмор; поведенческий уход от проблемы; сдерживание совладания; эмоциональная соц. поддержка; использование «успокоительных»; принятие; подавление конкур. деятельности; планирование.

3. Шкала самооффективности (Г. Шварцера [32]): Вера в свою способность справиться с трудностями.

4. Многомерная шкала восприятия социальной поддержки (MSPSS [33]) показывает наличие надежных социальных связей. Включает в себя шкалы: поддержка со стороны семьи; поддержка со стороны друзей; поддержка со стороны значимых других.

Результаты и обсуждения

Данные собирали в несколько временных точек: базовый замер (T0) и затем каждые 6 месяцев в течение 1,5 лет (всего 4 временные точки: T0, T1, T2, T3).

Первичные результаты диагностических показателей (N=98) представлены в табл. 1-7 и позволяют выделить ряд закономерностей.

Результаты по методике «Психологическая автобиография» и шкалирования ИПТ позволяет выявить следующее распределение оценок компонентов ИПТ (Среднее M; $\pm$ Стандартное отклонение - SD) - баллы 1-10: Интенсивность страха $6,8 \pm 2,1$; Интенсивность беспомощности $7,2 \pm 2,3$; Нарушение доверия $6,5 \pm 2,4$. Интенсивность беспомощности ($7,2 \pm 2,3$) ключевой маркер виктимогенеза. Ощущение беспомощности - это ядро травматической реакции, которое разрушает веру человека в свою способность влиять на события.

Качественный анализ (контент-анализ высказываний) показал: 68% испытуемых демонстрируют темы беспомощности ("я не мог ничего сделать"). Доминирование этой темы подтверждает, что выборка характеризуется выученной беспомощностью как устойчивым психологическим паттерном.

57% - темы нарушенных границ ("со мной поступали как с вещью"). Это прямое указание на трудности в самоидентификации и защите личностных границ, что является центральным элементом виктимности.

45% - темы предательства ("меня бросили в трудную минуту") и 23% - темы стыда и вины ("я сам был виноват") указывают на формирование так называемой "триады виктимности": "Мир опасен (предательство)", "Я беспомощен (беспомощность)", "Это я виноват". Выборка характеризуется глубоким и комплексным травматическим опытом, где доминирует переживание утраты контроля и нарушения базового доверия.

По методике Victimization Protocol, который позволяет количественно оценить уровень виктимности данные представлены следующим образом. Общий уровень виктимности (M) 8,4 из 20 указывает на умеренно-высокий общий уровень виктимизации в выборке. Низкий уровень (0-5

баллов) – 22% испытуемых. Группа с относительно благополучным опытом. Средний уровень (6-10 баллов) – 45% испытуемых. Группа с эпизодической или умеренной виктимизацией. Высокий уровень (11-20 баллов) – 33% испытуемых. Группа с хронической и/или поливиктимизацией. Это распределение хорошо согласуется с ранее выявленной гетерогенностью выборки.

Ключевые закономерности виктимизации.

а) Детская виктимизация выступает основой. Эмоциональное насилие (74%) и пренебрежение (58%) – самые распространенные формы. Это создает "матрицу уязвимости", которая предрасполагает к виктимности во взрослом возрасте. Высокий процент виктимизации в родительской семье (66%) подтверждает, что семейная система является первичным и наиболее значимым контекстом формирования виктимности.

б) Школа – ключевой виктимогенный контекст: 81% испытуемых столкнулись с виктимизацией в

школе. Это делает школу главным "поставщиком" травматического опыта после семьи.

в) Эффект поливиктимизации. Среднее количество затронутых социальных сфер – 3.1. Это означает, что большинство испытуемых сталкивались с виктимизацией в нескольких, абсолютно разных контекстах (например, семья + школа + социум). Эффект поливиктимизации является мощным подтверждением кумулятивной природы закона – каждый новый контекст усиливает общую уязвимость.

г) Виктимизация в настоящем. Средний балл 2,57 указывает на то, что паттерны виктимизации не остаются в прошлом, а продолжают воспроизводиться в текущей жизни испытуемых. Это проявление "кристаллизовавшейся" виктимности как устойчивого системного качества.

Психофизиологические показатели (ABP) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Психофизиологические показатели (ABP) в состоянии покоя и при актуализации травматических воспоминаний.

Table 1

Psychophysiological indicators (API) in a state of rest and during the actualization of traumatic memories.

Параметр	M	SD	Минимум	Максимум
Базовые психофизиологические параметры в состоянии покоя				
КГР (мкСм)	2,3	0,8	0,9	5,1
ЧСС (уд/мин)	72,5	9,3	58	96
HF-BCP (мс ²)	48,7	15,2	22,3	89,4
Реакция на актуализацию травматических воспоминаний				
ΔКГР (мкСм)	+3,2	1,5	+0,5	+6,8
ΔЧСС (уд/мин)	+12,8	6,4	+3	+28
ΔHF-BCP (мс ²)	-15,3	8,7	-3,2	-35,6
ABP (усл. ед.)	18,5	9,2	4,1	42,3

34% испытуемых показали ABP > 25 усл. ед., что указывает на высокую физиологическую реактивность, составляющую ядро "группы риска". Травматические воспоминания вызывают стойкую психофизиологическую дисрегуляцию, что подтверждает гипотезу о соматическом запечатлении травмы. Организм продолжает реагировать на воспоминание как на реальную угрозу.

Ресурсы психологической устойчивости (РПУ) определялись по методикам: опросник жизнестойкости, шкалы совладающего поведения, шкала

самоэффективности и многомерной шкалы восприятия социальной поддержки.

По показателям опросника жизнестойкости (в стенах) получены следующие результаты (M ± SD): Вовлеченность 5,8 ± 2,1; Контроль 5,2 ± 2,3; Принятие риска 4,9 ± 2,0. Общий показатель 5,3 ± 1,8. Показатели находятся в зоне умеренных значений, что типично для общей популяции.

Результаты показывающие частоту использования копинг-стратегий представлены в табл. 2.

Таблица 2

Частота использования копинг-стратегий (COPE, в %).

Table 2

Frequency of use of coping strategies (COPE, in %).			
Стратегия	Частота использования	М (балл)	SD
Активное совладание	78%	6,8	2,1
Планирование	65%	5,9	2,3
Позитивное переформулирование	45%	4,2	2,5
Поиск инструментальной поддержки	58%	5,1	2,4
Поиск эмоциональной поддержки	52%	4,8	2,6
Отрицание	23%	2,1	1,8
Мысленный уход	41%	3,9	2,2

В группе испытуемых доминируют адаптивные стратегии: активное совладание (78%), планирование (65%) – это позитивный ресурсный профиль. Тем не менее наблюдается низкая частота позитивного переформулирования (45%) – недостаток этого когнитивного навыка мешает найти смысл в трудностях и препятствует посттравматическому

росту. Это тревожный сигнал. Избегающие стратегии используются умеренно, что в данной ситуации можно расценивать как адаптивное ограничение чрезмерной травматизации.

Результаты показателей по тесту Многомерная шкала восприятия социальной поддержки представлены в табл. 3.

Таблица 3

Показатели самоэффективности и социальной поддержки.

Table 3

Indicators of self-efficacy and social support.				
Методика	М	SD	Минимум	Максимум
Самоэффективность (баллы)	26,3	7,8	11	39
Социальная поддержка - общий балл	68,5	15,3	32	95
поддержка семьи	21,8	6,5	8	32
поддержка друзей	23,4	7,1	7	32
поддержка значимых других	23,3	6,9	9	32

Самоэффективность ($26,3 \pm 7,8$) находится в среднем уровне, соответствует норме. Социальная поддержка ($68,5 \pm 15,3$) – достаточно высокий показатель, при этом наибольшая поддержка воспринимается от друзей, а не от семьи. Таким образом, выборка обладает умеренным ресурсным по-

тенциалом с определенными дефицитами в когнитивной переработке травмы и принятии неопределенности.

Расчет полученных показателей позволил выявить интегральные показатели свойственные начальному этапу (T_0), представленные в табл. 4.

Таблица 4

Сводные показатели по основным переменным.

Table 4

Summary indicators for key variables.				
Переменная	М	SD	Минимум	Максимум
ИПТ (суммарный)	22,4	5,8	8	36
ABP (усл. ед.)	18,5	9,2	4,1	42,3
РПУ (композитный балл)	87,6	18,3	45	132
Уровень виктимности V(t)	0,42	0,18	0,12	0,85

Корреляционный анализ на начальном этапе позволяет сделать вывод о достоверной взаимосвязи ($p < 0,01$) переменных ИПТ с ABP (0,58); с РПУ (-0,49); с V(t) (0,62). Также достоверно связаны ($p < 0,01$) переменные ABP с РПУ (-0,52); ABP с V(t) (0,67); РПУ с V(t) (-0,71).

Анализ полученных данных позволяет сделать выводы о гетерогенности выборки. Выборка

представляет собой идеальную модель для лонгитюдного исследования - в ней присутствуют: значительный травматический опыт; выраженная психофизиологическая реактивность; умеренный ресурсный потенциал; широкий разброс по уровню виктимности.

Средние значения ИПТ >6 по всем компонентам указывают на значительную субъективную

тяжесть пережитых событий. Высокие значения ΔКГР и ΔЧСС при снижении HF-BCP подтверждают гипотезу о соматическом запечатлении травмы. Средние значения по шкалам жизнестойкости и самоофективности находятся в зоне умеренных показателей, что делает выборку репрезентативной для общего населения. Высокие корреляции между переменными ($r > 0,50$) подтверждают правомерность их объединения в интегральную модель.

Эти первичные данные создают прочный фундамент для последующего лонгитюдного анализа

и проверки закона кумулятивного эффекта виктимогенеза.

Для проверки вклада ИПТ i , АВР i и РПУ i в уровень виктимности $V(t)$ использовался многофакторный регрессионный анализ, представленный в табл. 5. Модель регрессии, где зависимая переменная – $V(t)$ в ТЗ, а предикторы: суммарный кумулятивный эффект (Σ (ИПТ i * АВР i) / РПУ i) за все события до ТЗ, показывает значимый вклад ($\beta = 0,65$; $p < 0,001$).

Таблица 5

Результаты многофакторного регрессионного анализа. Предсказание уровня виктимности $V(t)$ на конечном этапе исследования.

Table 5

Results of multivariate regression analysis. Prediction of victimization level $V(t)$ at the final stage of the study.

Предиктор	β	t	p	95% ДИ (доверительный интервал)	Частная η^2
Суммарный ИПТ	0,48	4,92	<0,001	0,32 - 0,64	0,23
Средняя АВР	0,41	4,15	<0,001	0,25 - 0,57	0,17
Динамика РПУ	-0,56	-5,83	<0,001	-0,71 - -0,41	0,31
ИПТ × АВР	0,29	3,02	0,003	0,12 - 0,46	0,10

Общая модель: $R^2 = 0,67$; $F(4,79) = 28,45$; $p < 0,001$.

Overall model: $R^2 = 0,67$; $F(4,79) = 28,45$; $p < 0,001$.

При разделении на компоненты:

ИПТ i (средний по событиям) значимо предсказывает $V(t)$ ($\beta = 0,48$; $p < 0,01$). Имеет сильный положительный эффект и указывает, что увеличения суммарного индекса психологической токсичности связано с увеличением виктимности на 0,48 стандартного отклонения. Частная $\eta^2 = 0,23$ указывает, что ИПТ объясняет 23% дисперсии виктимности, не объясненной другими переменными. Таким образом, накопление травматических переживаний напрямую способствует формированию виктимности, причем этот эффект сохраняется даже при учете других факторов.

АВР i (средняя по событиям) значимо предсказывает $V(t)$ ($\beta = 0,41$; $p < 0,001$). Имеет умеренно-сильный положительный эффект, что означает закономерность – высокая вегетативная реактивность при воспоминаниях значительно усиливает виктимность. Ключевой вывод заключается в положении, что не сами события, а их непереработанные следы в нервной системе (проявляющиеся как физиологическая реактивность) являются критическим фактором риска. Это подтверждает психофизиологическую природу виктимности.

РПУ i (средний за период) значимо отрицательно предсказывает $V(t)$ ($\beta = -0,56$; $p < 0,001$). Это наиболее сильный предиктор – самый мощный фактор в модели: снижение ресурсов устой-

чивости наиболее сильно предсказывает рост виктимности. Значима именно динамика (изменение за время исследования), а не исходный уровень. Частная $\eta^2 = 0,31$ – дает наибольший вклад в объяснение дисперсии.

Взаимодействие ИПТ × АВР ($\beta = 0,29$; $p = 0,003$) показывает синергетический эффект: сочетание высокой токсичности событий и сильной вегетативной реакции дает больший эффект, чем сумма отдельных воздействий. Травмирующие события особенно опасны для людей с высокой физиологической реактивностью.

Отметим, что модель с кумулятивным эффектом ($\Sigma(\text{ИПТ}_i \times \text{АВР}_i) / \text{РПУ}_i$) показывает еще более сильную предсказательную силу ($\beta = 0,65$; $p < 0,001$), что: подтверждает теоретическую модель – именно взаимодействие компонентов, а не их изолированное влияние, определяет виктимность. Также модель обосновывает кумулятивный принцип – важен не просто набор событий, а их интегральный эффект с учетом регуляторных ресурсов.

Для проверки того, что истощение ресурсов (РПУ) опосредует связь между травмой (ИПТ, АВР) и виктимностью был проведен анализ медиации, представленный в табл. 6. Предполагаемая модель: Травма (ИПТ) → Истощение Ресурсов (Снижение РПУ) → Рост Виктимности (V).

Таблица 6

Опосредующая роль истощения ресурсов (РПУ) во взаимосвязи травмы и виктимности.

Table 6

The mediating role of resource depletion (RD) in the relationship between trauma and victimization.

Эффект	Коэффициент	SE	95% ДИ	p
Прямой эффект (ИПТ→V)	0,31	0,08	(0,15, 0,47)	0,001
Косвенный эффект (ИПТ→РПУ→V)	0,42	0,11	(0,24, 0,60)	<0,001
Общий эффект	0,73	0,09	(0,55, 0,91)	<0,001

Доля опосредованного эффекта: 57,5%.

The proportion of indirect effect: 57.5%.

Общий эффект 0,73, означает общее влияние независимой переменной (ИПТ – травма) на зависимую переменную (V – виктимность) без учета посредника. Прямой эффект 0,31, показывает влияние травмы (ИПТ) на виктимность (V), которое НЕ проходит через посредник (истощение РПУ). Это "оставшийся" эффект после того, как мы учли механизм истощения ресурсов. Интерпретация позволяет сделать вывод, что травма оказывает прямое влияние на виктимность. Даже если бы ресурсы не истощались, травма сама по себе повышала бы уровень виктимности. Это может быть связано с: формированием негативных когнитивных схем ("мир опасен", "я беспомощен"); выученными моделями поведения жертвы; нейробиологическими изменениями (например, гиперреактивностью миндалины), которые не полностью учтены АВР.

Косвенный эффект 0,42, показывает влияние травмы (ИПТ) на виктимность (V), которое осуществляется ЧЕРЕЗ посредника – снижение ресурсов психологической устойчивости (РПУ). Это сердцевина механизма. В качестве интерпретации выступает утверждение что травматический опыт истощает психологические ресурсы человека

(жизнестойкость, самоэффективность, копинг-стратегии), и это истощение, в свою очередь, приводит к росту виктимности. Этот путь (0,42) даже сильнее, чем прямой эффект (0,31).

Доля опосредованного эффекта 57,5% – процент от общего эффекта, который объясняется именно механизмом истощения ресурсов. Таким образом, более половины (57,5%) общего влияния травмы на виктимность происходит именно потому, что травма истощает психологические ресурсы человека. Это мощное подтверждение того, что ресурсы устойчивости являются не просто сопутствующим фактором, а центральным звеном в процессе виктимогенеза.

Сравнение средних показателей АВР i и РПУ проведено у групп с высоким и низким уровнем виктимности (табл. 7). Отметим, что это ключевой раздел исследования, показывающий не только статистические различия, но и качественные паттерны мышления. Для проверки на основании методик Victimization protocol и Методика Незаконченные предложения (модификация Андронниковой О.О.) были выделены две группы с высокой (n=38) и низкой (n=46) виктимностью.

Таблица 7

Различия между группами с высокой (n=38) и низкой (n=46) виктимностью.

Table 7

Differences between high (n=38) and low (n=46) victimization groups.

Параметр	Высокая V(t)	Низкая V(t)	t	p	d Коэна
ИПТ (средний)	25,3 ± 3,1	19,8 ± 4,2	6,92	<0,001	1,22
АВР (усл. ед.)	18,7 ± 5,3	9,4 ± 4,1	9,15	<0,001	1,51
РПУ (начальный)	72,5 ± 12,3	104,2 ± 15,7	-10,43	<0,001	-1,89
Снижение РПУ за 1,5 года	-18,7 ± 6,2	-4,3 ± 5,1	-11,82	<0,001	-2,10

Индекс психологической токсичности (ИПТ) позволяет сделать вывод, что группа с высокой виктимностью пережила субъективно более тяжелые события. Разница не просто статистически значима, а очень большая по величине эффекта (d > 0,8 считается большим эффектом, здесь d = 1,22). Это означает, что сама по себе интенсив-

ность пережитой травмы является важным, но не единственным фактором. Амплитуда вегетативной реакции (АВР) показывает наиболее выраженное различие между группами (d = 1,51). Ключевой вывод: высоковиктимные люди не просто пережили травму, они продолжают нести ее в своем теле. Их нервная система остается в состоянии высокой

боевой готовности, остро реагируя на воспоминания. Это состояние хронического стресса и переработанной травмы, что делает их уязвимыми к новым негативным воздействиям. Ресурсы психологической устойчивости (РПУ) показывает, что еще до начала лонгитюдного наблюдения группы кардинально различались по уровню ресурсов. У низковиктимной группы изначально был мощный "буфер" – высокие жизнестойкость, самоэффективность и социальная поддержка. Это защитило их от полного воздействия травмы. Огромная величина эффекта ($d = -1,89$) подчеркивает, что исходный дефицит ресурсов – это ключевой фактор риска.

Снижение РПУ за 1,5 года показывает динамику процесса.

Высоковиктимная группа переживает катастрофическое истощение ресурсов (-18,7 баллов). Травма и связанный с ней хронический стресс буквально "выжигают" их психологическую устойчивость. Это приводит к нисходящей спирали: меньше ресурсов → выше уязвимость → новая виктимизация → еще меньше ресурсов.

Низковиктимная группа демонстрирует незначительное снижение (-4,3 балла), что может быть следствием нормативных жизненных трудностей. Их изначально высокие ресурсы позволяют им амортизировать удары судьбы без серьезного ущерба для своей устойчивости.

Величина эффекта ($d = -2,10$) – наибольшая во всей таблице, что указывает на то, что именно динамика истощения является центральным процессом, отличающим лиц с высоким уровнем виктимности.

Темы контент-анализа методики "Незаконченные предложения" ключевые тематики:

Высоковиктимная группа (частота упоминания >60%): "Меня никто не защитил, когда..."; "Я чувствовал себя вещь в ситуации..."; "Мои границы постоянно нарушались, поэтому...". Анализ выделенных ведущих ключевых тем позволяет сделать вывод, что мир воспринимается как опасное место, где они беспомощны. Их идентичность сформирована вокруг травмы.

Низковиктимная группа (защитные темы): "Я научился говорить нет, когда..."; "Мне помогли справиться друзья/родные..."; "Я извлек урок из ситуации, где...". Общая картина выделенных ключевых тем данной группы можно интерпретировать следующим образом – мир полон вызовов, но с ними можно справиться. Их идентичность основана на компетентности и связи с другими.

Таким образом анализ данных позволяет сделать вывод, что виктимность – это результат стечения трех факторов: тяжелой травмы (ИПТ), ее

непереработанного следа в нервной системе (АВР) и, что самое главное, катастрофического истощения внутренних ресурсов (РПУ). У высоковиктимных людей запускается порочный круг: Травма → Высокая реактивность (АВР) → Истощение ресурсов (РПУ) → Рост виктимности (V) → Новая травма. Такая нисходящая спираль выступает ключевым процессом виктимизации. Таким образом, сравнение групп наглядно демонстрирует, что Закон кумулятивного эффекта виктимогенеза описывает не просто статистическую связь, а реальный психологический и физиологический процесс, который можно диагностировать и на который можно влиять.

Выводы

Полученные данные подтверждают основную гипотезу – виктимность формируется как кумулятивный эффект взаимодействия психологической токсичности событий (ИПТ), вегетативной реактивности (АВР) и ресурсов устойчивости (РПУ).

Ключевым механизмом выступает истощение ресурсов психологической устойчивости выступает центральным опосредующим звеном в цепи виктимогенеза (57,5% опосредованного эффекта).

3. Обнаружены качественные различия между группами с высокой и низкой виктимностью, проявляющиеся не только в объективных показателях, но и в особенностях самовосприятия и картины мира. Высоковиктимные лица демонстрируют паттерны "выученной беспомощности" и нарушенных границ, в то время как низковиктимные – активную позицию и опору на ресурсы.

5. Установлен синергетический эффект взаимодействия компонентов модели: сочетание высокой психологической токсичности событий и выраженной вегетативной реактивности дает больший вклад в виктимность, чем сумма отдельных эффектов.

Полученные результаты открывают возможности для разработки адресных программ профилактики виктимности, направленных на укрепление психологических ресурсов и переработку травматических воспоминаний.

Данный закон представляет виктимность как динамический процесс системной дезадаптации, где критическую роль играет временная интеграция микроповреждений при взаимодействии личности и среды.

Таким образом, закон кумулятивного эффекта виктимогенеза представляет собой не просто формализацию, а теоретически насыщенную модель, интегрирующую достижения психологии травмы, психофизиологии и психологии резильентности. Он переводит абстрактные концепции в операционализированные переменные, доступные для из-

мерения в рамках психологического исследования, и предлагает убедительное объяснение того, как жизненный опыт кристаллизуется в устойчивую личностную уязвимость.

Проведенное исследование представляет значительный вклад в развитие психологии виктимности, предлагая и эмпирически обосновывая ин-

тегративную модель Закона кумулятивного эффекта виктимогенеза. Разработанный подход позволяет преодолеть традиционное противопоставление социально-психологических и биологических факторов в понимании виктимности, демонстрируя их системное взаимодействие в рамках единого процесса.

Список источников

1. Herman J.L. Trauma and Recovery. 1992. 228 p.
2. Van der Kolk B.A. The Body Keeps the Score: Memory and the Evolving Psychobiology of Posttraumatic Stress // Harvard Review Psychiatry. 1994. № 1. P. 253 – 265. doi: 10.3109/10673229409017088
3. Finkelhor D., Turner H., Hamby S., Ormrod R. Poly-victimization: Chil-dren's exposure to multiple types of violence, crime, and abuse // Free inquiry in crea-tive sociology, 2011. № 39. P. 24 – 34.
4. Aho N., Proczkowska Björklund M., Svedin C.G. Peritraumatic reactions in relation to trauma exposure and symptoms of posttraumatic stress in high school students // European journal of psychotraumatology. 2017. № 8 (1). P. 1380998. doi: 10.1080/20008198.2017.1380998
5. Porges S.W. The polyvagal theory: Neurophysiological foundations of emotions, attachment, communication, and self-regulation. By Stephen W. Porges. New York: Norton, 2011. 347 p.
6. Porges S.W. Polyvagal Theory: A Science of Safety // Front. Integr. Neu-rosci. 2022. № 16. P. 871227. doi: 10.3389/fnint.2022.871227
7. McEwen B.S. Stress, adaptation, and disease. Allostasis and allostatic load // Annals of the New York Academy of Sciences. 1998. № 840. P. 33 – 44. doi: 10.1111/j.1749-6632.1998.tb09546.x
8. Masten A. S. Ordinary magic. Resilience processes in development // The American psychologist. 2001. № 56 (3). P. 227 – 238. doi: 10.1037//0003-066x.56.3.227
9. Southwick S.M., Charney D.S. Resilience: The science of mastering life's greatest challenges. Cambridge University Press. 2012. doi: 10.1017/CBO9781139013857
10. Bowlby J. Attachment and Loss, Vol. 1: Attachment. Attachment and Loss. New York: Basic Books. 1969. 484 p.
11. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer. 1984. 445 p.
12. Slavich G. M. Social Safety Theory: A Biologically Based Evolutionary Perspective on Life Stress, Health, and Behavior // Annual review of clinical psychol-ogy, 2020. № 16. P. 265 – 295. doi: 10.1146/annurev-clinpsy-032816-045159
13. Всероссийский конгресс с международным участием «Психическое здоровье в меняющемся мире», 23–24 мая 2024 года, Санкт-Петербург [Электронное издание] / под общей ред. Н.Г. Незнанова. СПб.: НМИЦ ПН им.В.М. Бехтерева, 2024. 470 с.
14. Binder E.B. et al. Association of FKBP5 Polymorphisms and Childhood Abuse With Risk of Posttraumatic Stress Disorder Symptoms in Adults // Journal of the American Medical Association (JAMA), 2008. № 299 (11). P. 1291 – 1305.
15. Hobfoll S.E. Conservation of resources. A new attempt at conceptualiz-ing stress // The American psychologist, 1989. № 44 (3). P. 513 – 524. doi: 10.1037//0003-066x.44.3.513
16. Rutter M. Psychosocial resilience and protective mechanisms // The Amer-ican journal of orthopsychiatry, 1987. № 57 (3). P. 316 – 331. doi: 10.1111/j.1939-0025.1987.tb03541.x
17. Damasio A. The feeling of what happens: Body and emotion in the mak-ing of consciousness. Harcourt College Publishers. 1999. 224 p.
18. Herman J.L. Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma // Journal of Traumatic Stress. 1992. Vol. 5. № 3. P. 377 – 391. DOI:10.1007/BF00977235
19. Екимова В.И., Лучникова Е.П. Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса // Современная зарубежная психология. 2020. № 9 (1). С. 50 – 61. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090105>
20. Доклад о состоянии психического здоровья в мире. <https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/40e5a13a-fe50-4efa-b56d-6e8cf00d5bfa/content>

21. Торопова К.А., Ивашкина О.И., Иванова А.А. и др. Долговременные изменения спонтанного поведения и экспрессии c-Fos в мозге мышей в состоянии покоя в модели посттравматического стрессового расстройства // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2020. Т. 70. № 5. С. 668 – 681. doi: 10.31857/S0044467720050135.
22. Николенко В.Н., Осадчий А.С., Лобанова А.К., Исакова Т.А., Жаров Н.А., Жарова Н.В. Функциональная анатомия структур лимбической системы, вовлеченных в развитие посттравматического стрессового расстройства: анализ анатомо-клинических исследований // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2024. № 16 (2). С. 69 – 75. doi: 10.14412/2074-2711-2024-2-69-75
23. de Voogd L.D., Hashemi M.M., Zhang W., Kaldewaij R., Koch S.B.J., van Ast V.A., Klumpers F., Roelofs K. Amygdala Hyperactivity in Posttraumatic Stress Disorder: Disentangling Predisposing From Consequential Factors Using a Prospective Longitudinal Design // Biological psychiatry, 2025. № 98 (5). P. 427 – 435. doi: 10.1016/j.biopsych.2025.02.894
24. Cacioppo J.T., Amaral D.G., Blanchard J.J., Cameron J.L. and ets. Social Neuroscience: Progress and Implications for Mental Health // Perspectives on psychological science : a journal of the Association for Psychological Science. 2007. № 2 (2). P. 99 – 123. doi: 10.1111/j.1745-6916.2007.00032.x
25. Masten A.S. Ordinary magic: Resilience processes in development. American Psychologist, 2001. № 56 (3). P. 227 – 238. doi: 10.1037/0003-066X.56.3.227
26. Morris A.S., Hays-Grudo J., Zapata M. I., Treat A., Kerr K. L. Adverse and Protective Childhood Experiences and Parenting Attitudes: the Role of Cumulative Protection in Understanding Resilience // Adversity and resilience science. 2021. № 2(3), P. 181 – 192. doi: 10.1007/s42844-021-00036-8
27. Southwick S.M., Charney D.S. Resilience: The science of mastering life's greatest challenges // Cambridge University Press. 2012. 338 p. doi: 10.1017/CBO9781139013857
28. McEwen B.S. Stress, adaptation, and disease. Allostasis and allostatic load // Annals of the New York Academy of Sciences, 1998. № 840. P. 33 – 44. doi: 10.1111/j.1749-6632.1998.tb09546.x
29. Коржова Е.Ю. Методика «Психологическая автобиография» в психодиагностике жизненных ситуаций: Методическое пособие. Киев: МАУП, 1994. 263 с.
30. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
31. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции // Психология. Журнал ВШЭ, 2013. №1. С. 82 – 118.
32. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Г.. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71 – 73.
33. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Обновленная версия шкалы MSPSS как инструмент исследования субъективной оценки личностью воспринимаемой социальной поддержки // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития: материалы XII Междунар. учеб.-метод. онлайн-конф. (Чебоксары, 29 октября 2020 г.) / Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2020. 344 с.

References

1. Herman J.L. Trauma and Recovery. 1992. 228 rub.
2. Van der Kolk B.A. The Body Keeps the Score: Memory and the Evolving Psychobiology of Posttraumatic Stress. Harvard Review Psychiatry. 1994. No. 1. P. 253 – 265. doi: 10.3109/10673229409017088
3. Finkelhor D., Turner H., Hamby S., Ormrod R. Poly-victimization: Children's exposure to multiple types of violence, crime, and abuse. Free inquiry in creative sociology, 2011. No. 39. P. 24 – 34.
4. Aho N., Proczkowska Björklund M., Svedin C.G. Peritraumatic reactions in relation to trauma exposure and symptoms of posttraumatic stress in high school students. European journal of psychotraumatology. 2017. No. 8 (1). P. 1380998. doi: 10.1080/20008198.2017.1380998
5. Porges S.W. The polyvagal theory: Neurophysiological foundations of emotions, attachment, communication, and self-regulation. By Stephen W. Porges. New York: Norton, 2011. 347 p.
6. Porges S.W. Polyvagal Theory: A Science of Safety. Front. Integr. Neurosci. 2022. No. 16. P. 871227. doi: 10.3389/fnint.2022.871227
7. McEwen B.S. Stress, adaptation, and disease. Allostasis and allostatic load. Annals of the New York Academy of Sciences. 1998. No. 840. P. 33 – 44. doi: 10.1111/j.1749-6632.1998.tb09546.x
8. Masten A.S. Ordinary magic. Resilience processes in development. The American psychologist. 2001. No. 56 (3). P. 227 – 238. doi: 10.1037/0003-066x.56.3.227

9. Southwick S.M., Charney D.S. Resilience: The science of mastering life's greatest challenges. Cambridge University Press. 2012. doi: 10.1017/CBO9781139013857
10. Bowlby J. Attachment and Loss, Vol. 1: Attachment. Attachment and Loss. New York: Basic Books. 1969. 484 rub.
11. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer. 1984. 445 p.
12. Slavich G.M. Social Safety Theory: A Biologically Based Evolutionary Perspective on Life Stress, Health, and Behavior. Annual review of clinical psychology, 2020. No. 16. Pp. 265–295. doi: 10.1146/annurev-clinpsy-032816-045159
13. All-Russian Congress with International Participation "Mental Health in a Changing World", May 23-24, 2024, St. Petersburg [Electronic publication]. edited by N. G. Neznanov. St. Petersburg: Bekhterev National Medical Research Center for PN, 2024. 470 p.
14. Binder E. B. et al. Association of FKBP5 Polymorphisms and Childhood Abuse With Risk of Posttraumatic Stress Disorder Symptoms in Adults. Journal of the American Medical Association (JAMA), 2008. No. 299 (11). P. 1291 – 1305.
15. Hobfoll S.E. Conservation of resources. A new attempt at conceptualizing stress. The American psychologist, 1989. No. 44 (3). P. 513 – 524. doi: 10.1037//0003-066x.44.3.513
16. Rutter M. Psychosocial resilience and protective mechanisms. The American journal of orthopsychiatry, 1987. No. 57 (3). P. 316 – 331. doi: 10.1111/j.1939-0025.1987.tb03541.x
17. Damasio A. The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness. Harcourt College Publishers. 1999. 224 p.
18. Herman J.L. Complex PTSD: A syndrome in survivors of prolonged and repeated trauma. Journal of Traumatic Stress. 1992. Vol. 5. No. 3. P. 377 – 391. DOI: 10.1007/BF00977235
19. Ekimova V.I., Luchnikova E.P. Complex psychological trauma as a consequence of extreme stress. Modern Foreign Psychology. 2020. No. 9 (1). P. 50 – 61. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090105>
20. The world mental health report. <https://iris.who.int/server/api/core/bitstreams/40e5a13a-fe50-4efa-b56d-6e8cf00d5bfa/content>
21. Toropova K.A., Ivashkina O.I., Ivanova A.A., et al. Long-term changes in spontaneous behavior and c-Fos expression in the resting brain of mice in a model of post-traumatic stress disorder. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity. 2020. Vol. 70. No. 5. Pp. 668 – 681. doi: 10.31857/S0044467720050135.
22. Nikolenko V.N., Osadchiy A.S., Lobanova A.K., Isakova T.A., Zharov N.A., Zharova N.V. Functional anatomy of limbic system structures involved in the development of post-traumatic stress disorder: analysis of anatomical and clinical studies. Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics. 2024. No. 16 (2). P. 69 – 75. doi: 10.14412/2074-2711-2024-2-69-75
23. de Voogd L.D., Hashemi M.M., Zhang W., Kaldewaij R., Koch S.B.J., van Ast V.A., Klumpers F., Roelofs K. Amygdala Hyperactivity in Posttraumatic Stress Disorder: Disentangling Predisposing From Consequential Factors Using a Prospective Longitudinal Design. Biological psychiatry, 2025. No. 98 (5). P. 427 – 435. doi: 10.1016/j.biopsych.2025.02.894
24. Cacioppo J.T., Amaral D.G., Blanchard J.J., Cameron J.L. and ets. Social Neuroscience: Progress and Implications for Mental Health. Perspectives on psychological science: a journal of the Association for Psychological Science. 2007. No. 2 (2). P. 99 – 123. doi: 10.1111/j.1745-6916.2007.00032.x
25. Masten A.S. Ordinary magic: Resilience processes in development. American Psychologist, 2001. No. 56 (3). P. 227 – 238. doi: 10.1037/0003-066X.56.3.227
26. Morris A. S., Hays-Grudo J., Zapata M. I., Treat A., Kerr K. L. Adverse and Protective Childhood Experiences and Parenting Attitudes: the Role of Cumulative Protection in Understanding Resilience. Adversity and resilience science. 2021. No. 2(3), P. 181 – 192. doi: 10.1007/s42844-021-00036-8
27. Southwick S.M., Charney D.S. Resilience: The science of mastering life's greatest challenges. Cambridge University Press. 2012. 338 p. doi: 10.1017/CBO9781139013857
28. McEwen B.S. Stress, adaptation, and disease. Allostasis and allostatic load. Annals of the New York Academy of Sciences, 1998. No. 840. P. 33 – 44. doi: 10.1111/j.1749-6632.1998.tb09546.x
29. Korzhova E.Yu. The "Psychological Autobiography" Methodology in Psychodiagnostics of Life Situations: A Methodological Guide. Kyiv: MAUP, 1994. 263 p.
30. Leontiev D.A., Rasskazova E.I. The Vitality Test. Moscow: Smysl, 2006. 63 p.
31. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. Coping Strategies in the Structure of Activity and Self-Regulation. Psychology. HSE Journal, 2013. No. 1. P. 82 – 118.

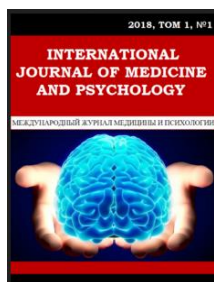
32. Schwarzer R., Jerusalem M., Romek V.G. Russian version of the general self-efficacy scale of R. Schwarzer and M. Jerusalem. *Foreign Psychology*. 1996. No. 7. P. 71 – 73.

33. Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., Mysina G.A., Drovosekov S.E. An updated version of the MSPSS scale as a tool for studying an individual's subjective assessment of perceived social support. Higher education in the context of globalization: trends and development prospects: Proc. of the XII International. educational-method. online-conf. (Cheboksary, October 29, 2020). Cheboksary: Publishing house of the Chuvash University, 2020. 344 p.

Информация об авторе

Андронникова О.О., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1756-7682>, Новосибирский государственный педагогический университет, 630028, г. Новосибирск, Виллюйская 28, andronnikova_69@mail.ru

© Андронникова О.О., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.015.3

¹ **Клименко Ю.Ю.,**

¹ *Иркутский государственный университет*

Развитие жизнестойкости как ресурс психологов-консультантов в условиях дистанционной работы

Аннотация: статья посвящена исследованию развития жизнестойкости как одного из ключевых ресурсов психологов-консультантов в условиях дистанционной работы. В современных реалиях удалённый формат деятельности сопровождается специфическими стрессорами, включая эмоциональную нагрузку, профессиональное выгорание и снижение мотивации. Жизнестойкость рассматривается как многомерный и динамичный психологический ресурс, обеспечивающий адаптацию к профессиональным стрессорам и поддержание эмоционального благополучия. В работе анализируются теоретические подходы к жизнестойкости, её связь с психологической гибкостью и самоэффективностью, а также выявляются основные психологические ресурсы – эмоциональная устойчивость, саморегуляция, эмпатия, профессиональная компетентность и социальная поддержка. Особое внимание уделяется специфике дистанционной работы, ограничивающей невербальную коммуникацию и требующей развития цифровой грамотности и самоменеджмента. Практические рекомендации направлены на комплексное развитие жизнестойкости через профессиональное обучение, супервизию и эмоциональную регуляцию. Результаты исследования имеют значимость для повышения качества оказываемой специалистами психологической помощи и снижения риска выгорания в условиях современного профессионального контекста.

Ключевые слова: жизнестойкость, психологи-консультанты, дистанционная работа, эмоциональная устойчивость, профессиональное выгорание, саморегуляция, эмпатия

Для цитирования: Клименко Ю.Ю. Развитие жизнестойкости как ресурс психологов-консультантов в условиях дистанционной работы // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 456 – 461.

Поступила в редакцию: 10 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ **Klimenko Yu.Yu.,**

¹ *Irkutsk State University*

Developing resilience as a resource for consulting psychologists in remote working conditions

Abstract: this article explores the development of resilience as a key resource for psychological counselors working remotely. In the current context, remote work presents specific stressors, including emotional strain, professional burnout, and decreased motivation. Resilience is viewed as a multidimensional and dynamic psychological resource that enables adaptation to professional stressors and supports emotional well-being. The study analyzes theoretical approaches to resilience, its connection with psychological flexibility and self-efficacy, and identifies core psychological resources such as emotional stability, self-regulation, empathy, professional competence, and social support. Special attention is given to the specifics of remote work, which limits nonverbal communication and requires the development of digital literacy and self-management skills. Practical recommendations focus on comprehensive resilience development through professional training, supervision, and emotional regulation tech-

niques. The findings are significant for enhancing the quality of psychological assistance and reducing burnout risk in the modern professional environment.

Key words: resilience, psychological counselors, remote work, emotional stability, professional burnout, self-regulation, empathy

For citation: Klimenko Yu.Yu. Developing resilience as a resource for consulting psychologists in remote working conditions. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 456 – 461.

The article was submitted: July 10, 2025; Approved after reviewing: September 13, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Современные условия профессиональной деятельности психологов-консультантов претерпевают значительные изменения, связанные с активным внедрением дистанционных технологий. Переход к удалённой работе открывает новые возможности для оказания психологической помощи, однако одновременно создаёт ряд специфических трудностей и стрессовых факторов, влияющих на психологическое состояние специалистов. В частности, дистанционный формат работы нередко сопровождается повышенной эмоциональной нагрузкой, профессиональным выгоранием и снижением мотивации, что требует поиска эффективных ресурсов психологической устойчивости.

Жизнестойкость выступает одним из ключевых понятий современной психологии, характеризующим способность личности сохранять и восстанавливать психологическое равновесие в условиях стресса и изменений. Для психологов-консультантов, работающих дистанционно, развитие жизнестойкости становится важным ресурсом, способствующим поддержанию профессиональной эффективности и эмоционального благополучия.

Целью данной статьи является изучение особенностей развития жизнестойкости у психологов-консультантов в условиях дистанционной работы и выявление эффективных стратегий её формирования. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать теоретические подходы к понятию жизнестойкости и её роли в профессиональной деятельности психологов;
- исследовать влияние дистанционной работы на психологическое состояние консультантов;
- определить основные факторы, способствующие развитию жизнестойкости в дистанционном формате;
- предложить практические рекомендации по повышению жизнестойкости специалистов.

Объектом исследования выступают психологи-консультанты, осуществляющие профессиональную деятельность в дистанционном режиме.

Предметом исследования являются психологические механизмы и ресурсы, обеспечивающие развитие жизнестойкости в условиях удалённой работы.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении жизнестойкости как ресурса психологов-консультантов в контексте дистанционной трудовой деятельности, а также в выявлении специфических факторов и стратегий её развития, адаптированных к современным профессиональным реалиям.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения полученных результатов для разработки программ психологической поддержки и повышения эффективности работы специалистов в дистанционном формате.

Таким образом, актуальность темы заключается в необходимости обеспечения психологического здоровья и профессиональной устойчивости психологов-консультантов в условиях быстро меняющегося формата труда, что требует системного научного анализа и разработки практических рекомендаций.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использовались: научная литература по вопросам жизнестойкости, психологии стресса, психологии профессиональной деятельности, а также эмпирические данные, полученные в результате опроса и тестирования психологов-консультантов, работающих в дистанционном формате.

Результаты и обсуждения

Существует множество подходов к исследованию и измерению жизнестойкости личности. Впервые в аппарат психологической науки термин жизнестойкость (или же *hardiness*) был введён в начале 1980-х годов. Основоположниками этого понятия принято считать Сальваторе Мадди и Сьюзен Кобейса и. Согласно концепции С. Мадди, жизнестойкость состоит из трёх относительно независимых друг от друга компонентов: вовлечённость, контроль и принятие риска. Вовлечённость – это умение быть в контексте с реальностью и настоящим моментом. Контроль – навык оказы-

вать сопротивление неблагоприятным событиям. Принятие риска – способность человека действовать, несмотря на наличие рисков и неопределённости [7, с. 90].

Согласно же концепции Е. А. Митрофановой, жизнестойкость включает такие конструкты, как вовлечённость, умение управлять собственной жизнью, самостоятельность, вера в собственные силы и чувство «я могу». Данный феномен охватывает когнитивный, аффективный и регулятивный компоненты [8, с. 7].

Следует также отметить ряд исследований, которые характеризуют концепцию жизнестойкости как динамического процесса, а не статической характеристики личности. Так, согласно исследованиям М. Раттера, жизнестойкость формируется под влиянием взаимодействия внутренних ресурсов личности и внешних факторов среды [9, с. 341].

Так как жизнестойкость представляет собой комбинированное свойство личности, в психологии существуют ряд феноменов по смыслу близ-

ких к ней. Например, психологическая гибкость – термин, взятый из терапии принятия и ответственности, предполагает под собой способность человека быть в контакте со всеми своими чувствами и эмоциями в каждый конкретный момент времени. Данное понятие ввёл профессор Стивен Хейс, один из создателей терапии принятия. По его мнению, психологическая гибкость человека – это способность установить контакт с опытом здесь и сейчас, полностью и без защиты. Это качество, которое позволяет человеку оставаться в контакте с собой и с другими в момент возникновения трудных мыслей и чувств [11, с. 72].

При сравнении конструктов психологической гибкости, взятых из опросника психологической гибкости CompACT [12, с. 141] и конструктов жизнестойкости Мадди [7, с. 85] между такими понятиями как «принятие риска» и «открытость опыту», «вовлечённость» и «поведенческая осознанность» наблюдаются сходства, что доказывает общность феноменов жизнестойкости и психологической гибкости.

Таблица 1
Table 1

Жизнестойкость	Психологическая гибкость
Принятие риска	Открытость опыту
Вовлечённость	Поведенческая осознанность
Контроль	Соответствие ценностям

При исследовании качества жизнестойкости следует также отметить концепцию самоэффективности, предложенную Альбертом Бандурой в рамках социально-когнитивной теории. Самоэффективность – это уверенность человека в своей способности достигать целей, эффективно действовать в различных ситуациях, преодолевать трудности и принимать оптимальные решения. Центральная идея концепции, вера в свои возможности, является необходимым мотивационным условием [1, с. 299].

Таким образом, основные компоненты жизнестойкости включают эмоциональную устойчивость, когнитивную гибкость, саморегуляцию, оптимизм и социальную поддержку. Для психологов-консультантов эти компоненты особенно важны, поскольку их профессиональная деятельность связана с высокой эмоциональной нагрузкой, необходимостью постоянного взаимодействия с клиентами и решением сложных психологических проблем [2].

В профессиональном контексте увеличение показателей жизнестойкости способствует снижению риска профессионального выгорания, повы-

шению эффективности консультирования и сохранению психологического здоровья специалистов [4, с. 1303]. Термин «эмоциональное выгорание» впервые был введён американским психиатром Х. Дж. Фрейденбергером в 1974 году для описания состояния психологического истощения у людей, работающих в интенсивном эмоционально нагруженном взаимодействии с другими [3, с. 3]. Особенно актуально развитие жизнестойкости для психологов, работающих в условиях дистанционного формата, где ограничены традиционные возможности для межличностной поддержки [10, с. 250].

Дистанционная работа предъявляет специфические требования к адаптивным ресурсам психологов-консультантов. Наряду с техническими трудностями и организационными изменениями, специалисты сталкиваются с изоляцией, повышенной ответственностью и необходимостью самостоятельного регулирования рабочего процесса [10, с. 251]. В таких условиях жизнестойкость становится одним из ключевых ресурсов, обеспечивающих сохранение профессиональной мотивации и эмоционального равновесия.

В литературе выделяются несколько моделей, описывающих механизмы развития жизнестойкости. Модель «ресурсного баланса» предполагает, что жизнестойкость зависит от баланса между стрессовыми воздействиями и доступными ресурсами личности [5, с. 520]. В условиях, когда ресурсы превосходят стрессоры, человек демонстрирует высокий уровень жизнестойкости.

Модель «адаптивного копинга» подчеркивает роль активных стратегий совладания с трудностями, таких как планирование, поиск информации и социальная поддержка. Эти стратегии способствуют снижению негативного влияния стресса и укреплению жизнестойкости [6, с. 311].

Также стоит отметить биопсихосоциальный подход, который рассматривает жизнестойкость как интеграцию биологических, психологических и социальных факторов. Согласно этому подходу, генетическая предрасположенность, личностные качества и социальная среда совместно определяют уровень жизнестойкости.

Из вышесказанного следует, что теоретические модели жизнестойкости включают как личностные, так и социально-средовые факторы. Так можно выделить когнитивные стратегии преодоления, эмоциональную регуляцию и поддержку со стороны коллег и семьи как основные механизмы развития жизнестойкости. Для психологов-консультантов важна также способность к рефлексии и профессиональному росту, что способствует формированию устойчивости к стрессу и адаптации к новым условиям работы.

Итак, проведенный теоретический анализ свидетельствует о том, что жизнестойкость представляет собой многомерный и динамичный ресурс, включающий совокупность личностных ресурсов и поведенческих стратегий, обеспечивающих адаптацию и сохранение психологического благополучия в условиях профессиональных стрессоров. Жизнестойкость является жизненно важным компонентом успешной профессиональной деятельности, в особенности в условиях дистанционного формата работы.

В контексте деятельности психологов-консультантов ключевыми психологическими ресурсами, способствующими формированию и поддержанию жизнестойкости, являются эмоциональная устойчивость, саморегуляция, эмпатия, профессиональная компетентность и социальные связи. Развитие этих ресурсов способствует эффективному управлению профессиональным стрессом и снижению риска выгорания.

Эмоциональная устойчивость выступает критерием способности индивида к регуляции эмоциональных реакций в ответ на профессиональные

вызовы, что позволяет минимизировать негативное влияние стрессовых факторов.

Саморегуляция характеризуется контролем когнитивных и аффективных процессов, которые обеспечивают эффективное управление профессиональной деятельностью и способствуют профилактике эмоционального выгорания.

Эмпатия – способность психолога-консультанта глубоко воспринимать и понимать эмоциональное состояние клиента, а также адекватно откликаться на его переживания. Эмпатия выступает ключевым психологическим ресурсом, способствующим формированию жизнестойкости в профессиональной деятельности. В частности, эмпатия обеспечивает не только эффективное взаимодействие с клиентом, но и способствует поддержанию внутреннего баланса специалиста.

С одной стороны, развитая эмпатия позволяет консультанту более точно интерпретировать эмоциональные сигналы и потребности клиента, что повышает качество терапевтического процесса и способствует достижению положительных результатов. С другой стороны, способность к эмпатическому сопереживанию требует от специалиста высокой эмоциональной компетентности и умения регулировать собственные аффективные реакции, что предотвращает эмоциональное выгорание и способствует сохранению психологического здоровья.

В условиях дистанционной работы, когда отсутствует непосредственный невербальный контакт, роль эмпатии приобретает особую значимость. Психолог должен компенсировать ограниченность коммуникационных каналов за счёт более чуткого восприятия вербальных и паравербальных средств общения, а также развивать навыки активного слушания и эмоциональной поддержки на расстоянии. Это требует дополнительного внимания к собственным ресурсам саморегуляции и эмоционального контроля.

Таким образом, эмпатия выступает не только как инструмент профессиональной компетентности, но и как важный ресурс жизнестойкости, обеспечивающий адаптацию психолога к профессиональным стрессорам и поддержание высокого уровня эффективности консультирования в современных условиях.

Профессиональная компетентность формирует основу уверенности в собственных профессиональных действиях, а также снижает уровень тревожности, связанной с выполнением рабочих задач.

Социальная поддержка, представленная как межличностные и профессиональные связи, играет значимую роль в обеспечении эмоциональной раз-

грузки и обмена опытом, что особенно актуально при дистанционном формате работы, сопряжённом с риском социальной изоляции. Наконец, оптимизм и позитивное мышление способствуют формированию конструктивного отношения к возникающим трудностям и стимулируют активное преодоление стрессовых ситуаций.

В рамках повышения жизнестойкости выделяются следующие стратегии: систематическое профессиональное развитие, включающее участие в специализированных обучающих мероприятиях и повышение квалификации, что способствует обновлению знаний и поддержанию профессиональной уверенности; регулярная супервизия и консультирование с коллегами, обеспечивающие рефлексию профессиональной деятельности и эмоциональную поддержку; освоение методов эмоциональной регуляции, таких как когнитивно-поведенческие техники и методы релаксации, направленных на снижение уровня стресса.

Организация рабочего пространства и временных ресурсов рассматривается как важный компонент, способствующий оптимизации условий труда в дистанционном формате и предотвращению профессионального выгорания. Формирование позитивного профессионального самоощущения посредством рефлексии достижений и ведения профессионального дневника способствует укреплению мотивации и снижению рисков эмоционального истощения. Поддержание социальной активности, включая участие в профессиональных сообществах и обмен опытом, способствует снижению чувства изоляции и формированию среды взаимной поддержки.

Развитие жизнестойкости представляет собой комплексный процесс, требующий интеграции личностных ресурсов и организационных мер. В условиях дистанционной работы особое значение приобретает развитие цифровой компетентности и навыков самоменеджмента, обеспечивающих сохранение профессиональной эффективности и психологического благополучия.

Выводы

Исходя из вышесказанного, системное развитие указанных ресурсов и применение предложенных стратегий является необходимым условием формирования устойчивости психологов-консультантов к профессиональным стрессорам и поддержания их психологического здоровья в современных условиях.

Таким образом, в настоящей статье рассмотрены особенности развития жизнестойкости психологов-консультантов в контексте дистанционной профессиональной деятельности. Проведённый теоретический анализ подтвердил многомерный и динамичный характер жизнестойкости как психологического ресурса, критически важного для адаптации к профессиональным стрессорам и поддержания эффективности консультирования.

Выделены основные психологические ресурсы и адаптационные механизмы, способствующие формированию устойчивости, а также обозначены специфические вызовы, обусловленные дистанционным форматом работы, включая ограниченность невербальной коммуникации и повышенные требования к саморегуляции. Практические рекомендации, представленные в статье, направлены на комплексное развитие жизнестойкости посредством повышения эмоциональной компетентности, организации супервизионной поддержки, формирования навыков самоменеджмента и цифровой грамотности.

Значение теоретических данных заключается в возможности их интеграции в профессиональную подготовку и практическую деятельность психологов-консультантов, что способствует снижению риска профессионального выгорания и повышению качества оказываемой помощи. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой предложенных моделей и разработкой специализированных программ развития жизнестойкости с учётом индивидуальных и контекстуальных особенностей специалистов.

Список источников

1. Бандура А. Теория социального научения. М.: Изд-во Евразия, 2000. 320 с.
2. Стивен М. Саутвик, Бонанно Дж. А., и др. Определения, теория и вызовы устойчивости: междисциплинарные перспективы // Психологический журнал Европейский психотравматологии. 2014. Т. 5. № 1. С. 25338.
3. Фрейденбергер Х.Дж. Проблемы эмоционального выгорания в прошлом, настоящей и будущем. Журнал социальной работы в сфере ухода в конце жизни и паллиативной помощи. 1989. № 3. С. 1 – 10.
4. Гу К., Дэй К. Жизнестойкость учителей: необходимое условие эффективности // Журнал педагогической психологии. 2007. Т. 23. № 8. С. 1302 – 1316.
5. Хобфолл С.Е. Теория сохранения ресурсов: перспективы стресса и копинга. Американский журнал психологии. 1989. Т. 44. № 3. С. 513 – 524.

6. Лазарус Р.С., Фолкман С. Взаимосвязь между совладанием и эмоциями: значение для теории и исследований. Журнал социальных наук и медицины. 1988. Т. 26. № 3. С. 309 – 317.
7. Мадди С.Р. Жизнестойкость и стресс. М.: Когито-Центр, 2007. 320 с.
8. Митрофанова Е.А. Психология жизнестойкости. СПб.: Питер, 2012. 256 с.
9. Раттер М. Жизнестойкость как динамическая концепция. Журнал Развитие и психопатология. 2012. Т. 24, № 2. С. 335 – 344.
10. Сьюзан С., Лиза К.Р., Надин П. Введение в специальный выпуск Телепсихология: исследования и практика. Журнал Австралийский психолог. 2015. Т. 50. № 4. С. 249 – 251.
11. Хейс С. Введение в терапию принятия и ответственности. М.: Когито-Центр, 2013. 280 с.
12. Эшли В.Ф., Дэвид Л.Д., Нима Г-М. Разработка и валидация Комплексной оценки процессов терапии принятия и приверженности (CompACT) // Журнал контекстуальной поведенческой науки. 2016. Т. 5. № 3. С. 134 – 145.

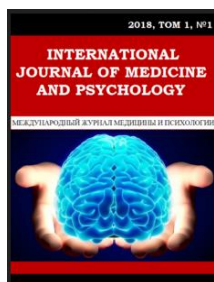
References

1. Bandura A. Social Learning Theory. Moscow: Eurasia Publishing House, 2000. 320 p.
2. Stephen M. Southwick, Bonanno J. A., et al. Definitions, Theory, and Challenges of Resilience: Interdisciplinary Perspectives. European Psychological Journal: Psychotraumatology. 2014. Vol. 5. No. 1. P. 25338.
3. Freudenberger H.J. Burnout: Past, Present, and Future Implications. Journal of Social Work in End-of-Life and Palliative Care. 1989. No. 3. P. 1 – 10.
4. Gu K., Day K. Resilience in Teachers: A Necessary Condition for Effectiveness. Journal of Educational Psychology. 2007. Vol. 23. No. 8. P. 1302 – 1316.
5. Hobfoll S.E. Conservation of Resources Theory: A Stress and Coping Perspective. American Journal of Psychology. 1989. Vol. 44. No. 3. P. 513 – 524.
6. Lazarus R.S., Folkman S. The Relationship between Coping and Emotion: Implications for Theory and Research. Journal of Social Science and Medicine. 1988. Vol. 26. No. 3. P. 309 – 317.
7. Maddi S.R. Hardiness and Stress. Moscow: Cogito-Center, 2007. 320 p.
8. Mitrofanova E.A. Psychology of Hardiness. St. Petersburg: Piter, 2012. 256 p.
9. Rutter M. Hardiness as a Dynamic Concept. Journal of Development and Psychopathology. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 335 – 344.
10. Susan S., Lisa K. R., Nadine P. Introduction to the special issue Telepsychology: Research and Practice. Journal of the Australian Psychologist. 2015. Vol. 50. No. 4. P. 249 – 251.
11. Hayes S. Introduction to Acceptance and Commitment Therapy. Moscow: Cogito-Center, 2013. 280 p.
12. Ashley W. F., David L. D., Nima G-M. Development and validation of the Comprehensive Assessment of Acceptance and Commitment Therapy (CompACT) process. Journal of Contextual Behavioral Science. 2016. Vol. 5. No. 3. P. 134 – 145.

Информация об авторе

Клименко Ю.Ю., аспирант, Иркутский государственный университет

© Клименко Ю.Ю., 2025



Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.932.2

¹ Шпильрейн Е.А.,

¹ Толкачев К.С.,

¹ Дальневосточный научно-практический центр психиатрии,
наркологии и клинической психологии «Кринамед»

Феномен виктимного поведения в межличностных отношениях: причины и последствия

Аннотация: статья посвящена исследованию феномена виктимного поведения в контексте межличностных отношений. Рассматриваются психологические и социальные факторы, детерминирующие предрасположенность к виктимизации, а также анализируются последствия данного типа поведения для индивида и его взаимодействия с окружающими. В статье проводится анализ личностных особенностей, травматического опыта и социально-культурных условий, способствующих формированию виктимных установок и поведенческих стратегий. Особое внимание уделяется влиянию виктимного поведения на динамику межличностных отношений, психическое здоровье и социальную адаптацию. Исследование основано на теоретическом анализе научных публикаций и данных эмпирических исследований. Полученные результаты позволяют углубить понимание природы виктимного поведения и разработать эффективные стратегии профилактики и коррекции.

Ключевые слова: виктимное поведение, виктимность, межличностные отношения, жертва, психологические факторы, социальные факторы, травматический опыт, самооценка, тревожность, психическое здоровье

Для цитирования: Шпильрейн Е.А., Толкачев К.С. Феномен виктимного поведения в межличностных отношениях: причины и последствия // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 7. С. 462 – 467.

Поступила в редакцию: 11 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 сентября 2025 г.; Принята к публикации: 17 октября 2025 г.

¹ Shpilrein E.A.,

¹ Tolkachev K.S.,

¹ Far Eastern Research and Practice Center for Psychiatry, Narcology, and Clinical Psychology "Krinamed"

The phenomenon of victim behavior in interpersonal relations: causes and consequences

Abstract: the article is devoted to the study of the phenomenon of victim behavior in the context of interpersonal relationships. It examines the psychological and social factors that determine the predisposition to victimization, as well as the consequences of this type of behavior for the individual and their interactions with others. The article analyzes the personality traits, traumatic experiences, and socio-cultural conditions that contribute to the formation of victim attitudes and behavioral strategies. Special attention is given to the impact of victim behavior on the dynamics of interpersonal relationships, mental health, and social adaptation. The study is based on a theoretical analysis of scientific publications and empirical research data. The results obtained allow to deepen the understanding of the nature of victim behavior and to develop effective strategies for prevention and correction.

Keywords: victim behavior, victimization, interpersonal relationships, victim, psychological factors, social factors, traumatic experience, self-esteem, anxiety, mental health

For citation: Shpilrein E.A., Tolkachev K.S. The phenomenon of victim behavior in interpersonal relations: causes and consequences. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (7). P. 462 – 467.

The article was submitted: July 11, 2025; Approved after reviewing: September 14, 2025; Accepted for publication: October 17, 2025

Введение

Многочисленные исследования в области психологии, социологии и криминологии свидетельствуют о том, что виктимность не является случайным явлением, а представляет собой сложный комплекс личностных, социальных и ситуативных факторов, влияющих на поведение человека и его взаимодействие с окружающим миром. Понимание механизмов формирования виктимного поведения, его причин и последствий необходимо для разработки эффективных стратегий профилактики и коррекции, направленных на повышение психологической устойчивости личности и гармонизацию межличностных отношений.

Целью данного исследования является всесторонний анализ феномена виктимного поведения в контексте межличностных отношений. В рамках исследования мы стремимся выявить и систематизировать основные психологические и социальные факторы, способствующие формированию и закреплению виктимности, а также оценить влияние данного типа поведения на динамику межличностного взаимодействия и психическое здоровье индивида.

Научная новизна представленного исследования заключается в комплексном подходе к изучению феномена виктимного поведения, объединяющем теоретические положения психологии личности, социальной психологии и виктимологии.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы результаты теоретического анализа научной литературы по психологии, социологии, виктимологии и психиатрии. Основными методами исследования являются: теоретический анализ, контент-анализ, психодиагностическое тестирование, метод case-study и методы статистической обработки данных (корреляционный анализ, факторный анализ, сравнительный анализ). Сочетание теоретических и эмпирических методов позволит обеспечить всестороннее и объективное изучение феномена виктимного поведения и получить достоверные результаты, имеющие практическую значимость.

Результаты и обсуждения

1. Психологические корни виктимности: анализ личностных особенностей и травматического опыта

Виктимность, предрасположенность индивида становиться жертвой, представляет собой сложный многогранный феномен, изучение которого требует комплексного подхода. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на рассмотрении психологических корней виктимности, уделив особое внимание анализу личностных особенностей и роли травматического опыта в формировании виктимного поведения.

Личностные особенности играют ключевую роль в формировании уязвимости к виктимизации. Одним из наиболее значимых факторов является низкая самооценка. Люди с низкой самооценкой склонны к самокритике, ощущению собственной неполноценности и неверию в собственные силы. Таким образом, люди с низкой самооценкой чаще чувствуют себя беспомощными и становятся более легкой добычей для агрессоров. Неуверенность в себе, застенчивость и желание угодить другим могут сделать человека уязвимым. Жертва может даже чувствовать себя виноватой в произошедшем, что ухудшает ее состояние.

Стоит подчеркнуть, что самообвинение и подавление негативных чувств также сильно влияют на формирование виктимности. Люди, склонные винить себя, даже когда не виноваты, ощущают стыд и вину, что ухудшает их самооценку и усиливает ощущение беспомощности. Подавление таких чувств, как гнев, печаль и страх, может приводить к депрессии и другим проблемам с психикой, что еще больше увеличивает риск стать жертвой. Кроме того, самообвинение и интернализация негативных эмоций могут препятствовать тому, чтобы пострадавший обратился за помощью и поддержкой, что затрудняет процесс восстановления после виктимизации.

Травматический опыт, особенно в детском возрасте, является одним из наиболее мощных факторов, определяющих предрасположенность к виктимизации. Пережитые в детстве насилие, пренебрежение, травля или наблюдение насилия со стороны могут оказывать долгосрочное негативное влияние на психическое развитие и формирование личности. Травматический опыт может приводить к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), диссоциативным расстройствам, расстройствам привязанности и другим психическим нарушениям, которые значительно повышают уязвимость к виктимизации в будущем.

Травматический опыт может влиять на виктимность, формируя у человека нездоровые модели общения с другими людьми. Дети, пережившие насилие или недостаток внимания, часто начинают воспринимать отношения как опасные и ненадежные [10, с. 263]. Детям и подросткам с травматическим опытом сложно доверять другим и строить близкие отношения. Часто они неосознанно воспроизводят ситуации, причинившие им боль, поскольку травма искажает их восприятие себя и окружающего мира. Пережившие насилие могут считать себя беспомощными, недостойными любви, а своих обидчиков – всемогущими, что приводит к поиску ситуаций, в которых они вновь становятся жертвами.

Влияние травмы на виктимность зависит от разных обстоятельств, таких как поддержка близких, наличие факторов защиты и доступ к психологам. Люди, пережившие травму и получившие своевременную и адекватную поддержку, имеют больше шансов на успешное восстановление и снижение риска виктимизации в будущем. Наличие поддерживающих отношений, развитые навыки саморегуляции и позитивное самовосприятие могут служить защитными факторами, которые помогают человеку справляться с последствиями травмы и предотвращают повторную виктимизацию [4, с. 172].

Так, психологические корни виктимности представляют собой сложный комплекс личностных особенностей и травматического опыта, которые определяют предрасположенность индивида становиться жертвой. Низкая самооценка, повышенная тревожность, склонность к самообвинению и травматический опыт в детстве являются важными факторами риска виктимизации. Понимание этих психологических механизмов необходимо для разработки эффективных стратегий профилактики и коррекции, направленных на снижение уязвимости к виктимизации и повышение психологической устойчивости личности. Необходимо комплексная работа по формированию здоровой самооценки, развитию навыков саморегуляции и преодолению последствий травматического опыта. Своевременное выявление и оказание психологической помощи лицам, пережившим травму, может предотвратить повторную виктимизацию и способствовать их успешной социальной адаптации.

2. Социальные факторы, способствующие формированию и закреплению виктимного поведения

Виктимное поведение не формируется в вакууме; на его развитие и закрепление оказывает значительное влияние широкий спектр социальных факторов. Эти факторы формируют социальный

контекст, в котором индивид усваивает модели поведения, убеждения и ценности, предрасполагающие его к виктимизации. Одним из первоочередных социальных факторов является социальная дезинтеграция. Социальная дезинтеграция характеризуется ослаблением социальных связей, отсутствием чувства общности и недоверием к окружающим. В дезинтегрированных сообществах отсутствует социальный контроль, что создает благоприятную среду для развития преступности и насилия. Люди, живущие в таких сообществах, часто ощущают себя изолированными и уязвимыми, что повышает их риск виктимизации. Отсутствие сильных социальных связей и поддержки со стороны окружающих затрудняет оказание помощи жертвам и предотвращение повторной виктимизации [9, с. 32]. Кроме того, в дезинтегрированных сообществах часто наблюдается низкий уровень гражданской ответственности, что приводит к игнорированию проблем виктимизации и бездействию со стороны правоохранительных органов.

Социально-экономическое неравенство тоже будет значимым фактором, способствующим виктимному поведению. Бедность, безработица и отсутствие доступа к образованию и здравоохранению создают условия для повышенной уязвимости к виктимизации. Люди, живущие в условиях бедности, часто не имеют возможности защитить себя от преступности и насилия. Они могут быть вынуждены жить в опасных районах, работать на низкооплачиваемых и опасных работах или прибегать к незаконным способам заработка, что повышает их риск виктимизации [6, с. 800].

Культуры, в которых оправдывается насилие, особенно в отношении женщин, детей и других уязвимых групп, создают благоприятную среду для виктимизации. Патриархальные нормы, гендерные стереотипы и религиозный фанатизм могут способствовать оправданию насилия и дискриминации, что усиливает уязвимость определенных групп населения к виктимизации. Кроме того, культуры, в которых поощряется конформность, послушание и отсутствие критического мышления, могут снижать способность индивидов защищать себя от насилия и эксплуатации.

Также если жертвы преступлений не получают адекватной защиты и поддержки со стороны правоохранительных органов, это может приводить к чувству безнаказанности у преступников и снижать мотивацию у жертв обращаться за помощью [2, с. 12]. Недоверие к системе правосудия может привести к тому, что пострадавшие не сообщают о преступлениях, что может способствовать их повторению. Слабая система правосудия может при-

вести к повторной травме жертв в ходе расследования и судебного процесса.

В обсуждении социальных причин, определяющих виктимное поведение, считаем важным учитывать роль СМИ. Они могут как содействовать профилактике виктимизации, так и ухудшать ситуацию. С одной стороны, СМИ информируют о виктимизации, методах защиты и оказывают поддержку пострадавшим. С другой стороны, они могут романтизировать насилие, распространять негативные стереотипы о жертвах и создавать ощущение опасности, способствуя формированию виктимных установок и моделей поведения.

Социальные факторы, безусловно, важны в формировании и закреплении виктимного поведения. Социальная дезинтеграция, социально-экономическое неравенство, культурные нормы, слабая система правосудия, недостаточная социальная поддержка и влияние СМИ – все это создает предпосылки для уязвимости. Думается, что для предотвращения виктимного поведения необходимы стратегии, направленные на устранение этих социальных факторов и создание безопасной среды, что требует скоординированных действий со стороны государства, организаций и граждан. Для решения проблемы виктимизации требуется комплексный подход. Важно работать над сплоченностью общества, уменьшить разрыв между богатыми и бедными. Культура должна основываться на уважении к правам человека, не допускающем насилия. Необходимы улучшения в судебной системе и поддержка пострадавших от преступлений. Следует критически оценивать, как СМИ влияют на наши ценности и убеждения. Только учитывая все факторы, можно добиться снижения виктимного поведения и построить безопасное общество, где каждый сможет реализоваться.

3. Влияние виктимного поведения на динамику межличностных отношений и психическое здоровье

Начнем с влияния на динамику межличностных отношений. Виктимное поведение может серьезно искажать восприятие окружающих и формировать дисфункциональные модели взаимодействия. Люди, склонные к виктимности, зачастую испытывают трудности в установлении здоровых и равноправных отношений. Они могут проявлять чрезмерную уступчивость, неспособность к отстаиванию собственных границ и интересов, что делает их легкой мишенью для манипуляторов и агрессоров [1, с. 73]. Страх перед конфликтами и стремление угодить окружающим любой ценой могут приводить к тому, что жертва неосознанно провоцирует негативное поведение со стороны других людей, создавая порочный круг виктимизации.

Часто виктимное поведение проявляется в избегании конфликтов, даже в ситуациях, когда необходимо защитить свои интересы. Это может выражаться в молчаливом согласии с несправедливостью, уступчивости в принципиальных вопросах и неспособности открыто выражать свои чувства и потребности [3, с. 91]. Такое поведение, безусловно, влияет на межличностные отношения, приводя к накоплению обид, чувства недовольства и неудовлетворенности. С другой стороны, некоторые люди, склонные к виктимности, могут проявлять агрессию, но зачастую это пассивная агрессия, направленная на себя или на близких людей [8, с. 151]. Это проявляется в форме сарказма, критики, обвинений и других деструктивных формах общения, что, конечно, ухудшает качество межличностных отношений и провоцирует конфликты.

Более того, виктимное поведение может приводить к социальной изоляции. Человек, постоянно становящийся жертвой, может испытывать чувство стыда, вины и неполноценности. Он может избегать общения с другими людьми, опасаясь повторения негативного опыта. Изоляция, в свою очередь, усиливает чувство одиночества, снижает самооценку и затрудняет процесс восстановления после виктимизации. Замкнутый круг усугубляет психологическое состояние и способствует формированию депрессивных состояний.

Переходя к влиянию на психическое здоровье, важно подчеркнуть, что опыт виктимизации оказывает травмирующее воздействие на психику. Постоянное пребывание в роли жертвы может приводить к развитию различных психических расстройств, включая депрессию, тревожные расстройства, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и расстройства личности.

Депрессия является одним из наиболее распространенных последствий виктимизации. Чувство беспомощности, безнадежности и потери контроля над ситуацией, характерные для опыта виктимности, являются ключевыми симптомами депрессивного состояния [7, с. 12]. Потеря интереса к жизни, снижение энергии, нарушения сна и аппетита – все это проявления влияния виктимного поведения на психическое здоровье.

Тревожные расстройства также часто сопровождают опыт виктимизации. Постоянный страх перед повторением негативного опыта, ощущение опасности и тревога могут привести к развитию генерализованного тревожного расстройства, панических атак и других тревожных состояний. Человек становится гипербдительным, постоянно ожидая подвоха со стороны окружающих, что существенно ухудшает качество жизни.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) может развиваться в результате пережитого травматического события, такого как насилие, нападение или несчастный случай. Виктимное поведение само по себе может быть результатом пережитой травмы, и, в свою очередь, усугубляет симптомы ПТСР [5, с. 88]. Они включают повторные переживания травматического события в виде навязчивых мыслей, снов или воспоминаний, избегание всего, что напоминает о травме, повышенную возбудимость и негативные изменения в мышлении и настроении.

Наконец, виктимное поведение может способствовать формированию расстройств личности. Длительное пребывание в роли жертвы может приводить к развитию зависимого, избегающего или пассивно-агрессивного расстройства личности. Эти расстройства характеризуются дисфункциональными моделями поведения, мышления и межличностных отношений, которые существенно ограничивают возможности человека в жизни.

Добавим, что виктимное поведение оказывает крайне негативное влияние на динамику межличностных отношений и психическое здоровье. Оно приводит к искажению восприятия окружающих, формированию дисфункциональных моделей взаимодействия, социальной изоляции и развитию различных психических расстройств. Преодоление такого поведения требует комплексного подхода, включающего в себя психотерапию, социальную поддержку и работу над повышением самооценки и психологической устойчивости. Важно осознавать влияние виктимного поведения и бороться с ним, чтобы улучшить качество межличностных отношений и психическое здоровье, и, как следствие, обрести полноценную и счастливую жизнь.

Выводы

Представленное исследование виктимного поведения в межличностных отношениях достигло поставленной цели – дан всесторонний анализ причин, механизмов и последствий этого феномена. Изучение теории и опыта показало, что виктимность – не простое понятие, а сложная система психологических и социальных факторов.

Работа подтвердила важную роль психологии в формировании виктимного поведения. Выяснилось, что люди с низкой самооценкой, тревожностью, склонностью к критике себя и депрессии чаще становятся жертвами в отношениях. Кроме того, выявлено влияние социальных факторов на формирование такого поведения. Социальные нормы, стереотипы, дискриминация и малая поддержка могут увеличить уязвимость человека и привести к виктимизации. Неблагоприятные социальные факторы, такие как бедность, недостаток образования и отсутствие социальной поддержки, повышают риск виктимизации и ограничивают возможности преодоления ее последствий.

Кроме того, есть данные, что виктимное поведение оказывает серьезное влияние на взаимодействие с другими людьми и на психологическое благополучие. Такое поведение способно приводить к проблемам в общении, конфликтам, социальной изоляции и снижению качества жизни.

Данная работа способствует развитию теории и практики виктимологии и психологии межличностных отношений. Результаты могут найти применение при разработке программ, направленных на предотвращение виктимного поведения, а также при оказании психологической помощи людям, столкнувшимся с виктимизацией.

Список источников

1. Аджимурадова Л.И. Виктимное поведение, проявление и формирование // Теория и практика современной науки, 2018 г. С. 73 – 76.
2. Андронникова О.О. Диагностика виктимности. Херсон, 2015. 35 с.
3. Бубнова И.С. Проблема виктимного поведения подростков и его социально-педагогическая профилактика // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 89 – 93.
4. Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. СПб.: Питер, 2002. 209 с.
5. Карлеба В.А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства – новые реалии // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. С. 87 – 90.
6. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. СПб.: Питер, 2017. 832 с.
7. Родионова В.А. Управление здоровьесберегающей и здоровьесозидательной деятельностью в современном образовательном пространстве: в поисках оптимального пути // Здоровьесбережение и здоровьесозидание в современном образовательном пространстве. Сборник статей и методических материалов по итогам всероссийского научно-практического семинара. Санкт-Петербург, 2024. С. 5 – 14.
8. Семенова О.В., Бутовская М.Л. Матрилатеральный родственный вклад во внуков в современной российской семье. Дискриминация потомков женского пола со стороны бабушек и дедушек // Сибирские исторические исследования. 2022. № 1. С. 138 – 155.

9. Семенова О.В., Бутовская М.Л. Связь родственной помощи бабушек и дедушек с удалённостью домохозяйств на примере России, США и Бразилии // Человек и культура. 2021. № 4. С. 10 – 33.
10. Sitkovskiy A.M. Changing the structure of the working-age population projected by the cohort component method (on the example of a megacity) // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 12 ноября 2019 года. Vol. Часть 1. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Фора-принт", 2019. Р. 260 – 269.

References

1. Adzhimuratova L.I. Victim behavior, manifestation and formation. Theory and practice of modern science, 2018. P. 73 – 76.
2. Andronnikova O.O. Diagnostics of victimization. Kherson, 2015. 35 p.
3. Bubnova I.S. The problem of victim behavior of adolescents and its social and pedagogical prevention. Psychology in economics and management. 2014. No. 1. P. 89 – 93.
4. Zinovieva N.O., Mikhailova N.F. Psychology and psychotherapy of violence. A child in a crisis situation. St. Petersburg: Piter, 2002. 209 p.
5. Karleba V.A. International Cooperation in Criminal Proceedings – New Realities. Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2022. No. 8. P. 87 – 90.
6. Malkina-Pykh I.G. Victimology. Psychology of Victim Behavior. St. Petersburg: Piter, 2017. 832 p.
7. Rodionova V.A. Management of Health-Saving and Health-Creating Activities in the Modern Educational Space: In Search of the Optimal Path. Health-Saving and Health-Creating in the Modern Educational Space. Collection of Articles and Methodological Materials Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Seminar. St. Petersburg, 2024. P. 5 – 14.
8. Semenova O.V., Butovskaya M.L. Matrilateral Kinship Contribution to Grandchildren in the Modern Russian Family. Discrimination of Female Descendants by Grandparents. Siberian Historical Research. 2022. No. 1. P. 138 – 155.
9. Semenova O.V., Butovskaya M.L. The Relationship between Kinship Help from Grandparents and Household Remoteness: The Case of Russia, the USA, and Brazil. Man and Culture. 2021. No. 4. P. 10 – 33.
10. Sitkovskiy A.M. Changing the Structure of the Working-Age Population Projected by the Cohort Component Method (on the Example of a Megacity). Current Issues in the Humanities and Social Sciences: Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, St. Petersburg, November 12, 2019. Vol. Part 1. St. Petersburg: Fora-Print Limited Liability Company, 2019. P. 260 – 269.

Информация об авторах

Шпильрейн Е.А., врач-психиатр, Дальневосточный научно-практический центр психиатрии, наркологии и клинической психологии «Кринамед», Honey.1455@mail.ru

Толкачев К.С., главный врач, врач-психиатр, Дальневосточный научно-практический центр психиатрии, наркологии и клинической психологии «Кринамед», Honey.1455@mail.ru

© Шпильрейн Е.А., Толкачев К.С., 2025